11/1

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3337
.G6
Z8
1907

Иванъ Александровичъ
ГОНЧАРОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ

Сборникъ историко-литературныхъ статей

СОСТАВИЛЪ
В. И. Покровскій

Москва 1907.

PG3337
.G6
Z8 / 1907

Иванъ Александровичъ ГОНЧАРОВЪ.

ГАЛИЦКАЯ
ЦЕНТР. ГОРОДСКАЯ
Библіотека
Отдѣл.
891
П-48

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Сборникъ историко-литературныхъ статей.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

Цѣна 60 к.

МОСКВА.
Складъ въ книжномъ магазинѣ В. СПИРИДОНОВА и А. МИХАЙЛОВА.
Тверская, Столешниковъ пер., д. Ліанозова.
1907.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во **второмъ изданіи** помѣщены слѣдующія новыя статьи: Гончаровъ на родинѣ и въ Петербургѣ до его кругосвѣтнаго путешествія, изъ «*Автобіографіи*», *Суперанскаго и Венгерова.* — Жизнь и труды Гончарова по возвращеніи изъ путешествія, изъ «*Автобіографіи*». — Остальные годы жизни Гончарова, *Землянскаго.* — Похороны Гончарова, изъ «*Новостей*» за 1891 г. — Некрологъ Гончарова, изъ журнала «*Артистъ*» за 1891 г. — Памяти Ивана Александровича Гончарова, *Острогорскаго.* — Процессъ творчества Гончарова, *Суперанскаго.* — Отношеніе Гончарова къ современной ему эпохѣ, *Щукина, Военскаго и Венгерова.* — Описаніе путешествій Карамзина, Фонвизина, Гончарова и ихъ относительная оцѣнка, *Дудышкина.* — Содержательность путевыхъ замѣтокъ Гончарова, ихъ художественность, увлекательность разсказа и прелесть языка, *Кеневича.* — Наблюдательность и занимательность путевыхъ очерковъ Гончарова, *Дружинина.* — «Фрегатъ Паллада» и ея значеніе, *Филонова.* — Художественное значеніе «Фрегата Паллады», *Евстафіева.* — Появленіе въ «Обыкновенной исторіи» изъ дворянскихъ усадебъ «культурнаго чиновника», *Коробки.* — Сонъ Обломова, изъ «*Отечественныхъ Записокъ*» за 1850 г. — Содержаніе романа Гончарова «Обломовъ» и дѣйствующія въ немъ лица, *Пятковскаго.* — Личность Обломова, *Анненскаго.* — Процессъ самопроизвольнаго вымиранія крѣпостной Руси въ романѣ «Обломовъ», *Коробки.* — Второстепенныя и главныя лица въ романѣ «Обрывъ», *Нелюбова.* — Прогрессивный ростъ самосознанія русской женщины по романамъ Гончарова и жизненность созданныхъ имъ женскихъ типовъ, *Щукина.* — «На родинѣ», «Слуги», *Острогорскаго.* — Гончаровъ, какъ создатель живыхъ типовъ, *Маркова.* — Гончаровъ, какъ цензоръ «Записокъ Охотника» Тургенева, *Сухомлинова.* — Воспоминаніе объ И. А. Гончаровѣ, *Барсова.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Дѣтскіе годы Гончарова, изъ „Обозрѣнія“ за 1876 г. и изъ „*Воспоминаній*“ . . . 1
Гончаровъ въ университетѣ, изъ „*Воспоминаній*“ 3
Гончаровъ на родинѣ и въ Петербургѣ до кругосвѣтнаго путешествія, изъ „*Автобіографіи*“, *Суперанскаго и Венгерова* 13
Путешествіе Гончарова и его литературная дѣятельность, *Соловьева* 16
Жизнь и труды Гончарова по возвращеніи изъ путешествія, изъ „*Автобіографіи*“. 26
Остальные годы жизни Гончарова, *Землянскаго* . . . . . —
Похороны Гончарова, изъ „*Новостей*“ за 1891 г. 27
Некрологъ Гончарова, изъ журнала „Артистъ“ за 1891 г. 29
Памяти Ивана Александровича Гончарова, *Острогорскаго* 32
Процессъ творчества Гончарова, *Суперанскаго* 46
Творчество Гончарова, *Мережковскаго* 52
Объективная художественность и свѣтлый юморъ, какъ отличительныя черты таланта Гончарова, *Острогорскаго* 58
Художественный символизмъ въ произведеніяхъ Гончарова, *Мережковскаго*. . . . 62
Отношеніе Гончарова къ современной ему эпохѣ, *Щукина, Военскаго и Венгерова*. 63
Описаніе путешествій Карамзина, Фонвизина, Гончарова и ихъ относительная оцѣнка, *Дудышкина* 79
Содержательность путевыхъ замѣтокъ Гончарова, ихъ художественность, увлекательность разсказа и прелесть языка, *Кеневича*. 96
Наблюдательность и занимательность путевыхъ очерковъ Гончарова, *Дружинина*. 110
„Фрегатъ Паллада“ и ея значеніе, *Филонова* 114
Художественное значеніе „Фрегата Паллады“, *Евстафіева* 115
Молодой Адуевъ, герой „Обыкновенной исторіи“, какъ представитель романтизма на почвѣ крѣпостного права, *Бѣлинскаго* и изъ „Филолог. Записокъ“ за 1902 г. 117
Жизненныя условія, при которыхъ выросли и опредѣлились Адуевы, *О. Миллера, Мизинова* 134
Появленіе въ „Обыкновенной исторіи“ изъ дворянскихъ усадебъ культурнаго чиновника, *Коробки* 139
Автобіографическія черты въ „Обыкновенной исторіи“, *Ляцкаго* 143
Сонъ Обломова, изъ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1850 г. 147
Содержаніе романа „Обломовъ“ и дѣйствующія въ немъ лица, *Пятковскаго* . . . 148
Личность Обломова, *Мизинова, Дружинина, Анненскаго* 162
Обломовъ, какъ герой переходной эпохи, *Александровскаго* 177
Процессъ самопроизвольнаго вымиранія крѣпостнической Руси въ романѣ „Обломовъ“, *Коробки*. 186
Обломовщина, какъ одно изъ свойствъ русской жизни, *Добролюбова*. 193
Обломовъ и его критики, *Миллера* 217
Автобіографическія черты въ „Обломовѣ“, *Ляцкаго*. 224
Второстепенныя и главныя лица въ романѣ „Обрывъ“, *Нелюбова* 232
До-реформенная помѣщичья жизнь и новые люди въ „Обрывѣ“, *Головина* 265
Галлерея мужскихъ портретовъ въ произведеніяхъ Гончарова, *Мережковскаго* . . 270
Галлерея женскихъ портретовъ въ произведеніяхъ Гончарова, *Острогорскаго, Мережковскаго, Александровскаго* 275
Прогрессивный ростъ самосознанія русской женщины по романамъ Гончарова и жизненность созданныхъ имъ женскихъ типовъ, *Щукина* 294
„На родинѣ“, „Слуги“, *Острогорскаго* 296
„Лучше поздно, чѣмъ никогда“, *Чуйка* 298
Гончаровъ, его преемственная связь съ Пушкинымъ; особенности его таланта сравнительно съ Гоголемъ, Тургеневымъ и Островскимъ, *Морозова* 311
Народныя симпатіи Гончарова, *Незеленова*. 318
Гончаровъ, какъ создатель живыхъ типовъ, *Маркова* 319
Гончаровъ, какъ цензоръ „Записокъ охотника“ Тургенева, *Сухомлинова* 321
Воспоминаніе объ И. А. Гончаровѣ. 322

Дѣтскіе годы Гончарова.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ родился въ Симбирскѣ 6 іюня 1812 года. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ пансіонѣ священника, жившаго въ имѣніи княгини Хомской за Волгою. Въ занятіяхъ съ дѣтьми принимала участіе и жена священника — иностранка, обучавшая учениковъ иностраннымъ языкамъ, при чёмъ преподаваніе послѣднихъ шло тѣмъ успѣшнѣе, что языки усвоивались не только теоретически, но и практически. Самъ священникъ, человѣкъ съ довольно обширнымъ по тому времени образованіемъ, съ особенною любовью занимался съ своими учениками, при чёмъ старался передать имъ знанія не только тѣхъ или другихъ учебныхъ предметовъ, но и развить въ нихъ любовь къ литературнымъ произведеніямъ и съ этою цѣлью прочитывалъ отрывки изъ сочиненій лучшихъ писателей какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ. Такія чтенія, сопровождаемыя толковыми объясненіями мѣстъ, которыя могли быть непонятными для молодыхъ слушателей, съ раннихъ лѣтъ развили въ Гончаровѣ любовь къ произведеніямъ изящной словесности, такъ что еще въ молодые годы онъ довольно ознакомился съ сочиненіями Державина, „Недорослемъ“ Фонвизина и хорошо изучилъ сочиненія Хераскова и Озерова. Такимъ образомъ задатки послѣдующихъ дарованій, сдѣлавшихъ имя Гончарова извѣстнымъ всѣмъ и каждому, нашли себѣ развитіе въ самые ранніе годы его дѣтства. Но кромѣ литературныхъ произведеній молодой Гончаровъ съ громаднымъ увлеченіемъ прочитывалъ всякаго рода путешествія и въ особенности тѣ изъ нихъ, гдѣ въ полуфантастической формѣ описывались всякаго рода далекія земли, населенныя народами, столь странными по своимъ нравамъ, обычаямъ, одеждѣ и пр. Изъ книгъ, наиболѣе удовлетворявшихъ пылкое воображеніе молодого чтеца, были, по преимуществу, путешествія Кука и Крашенинникова. Кромѣ того, ему особенно нравились также романы Вальтеръ-Скотта, которые прочитывались съ глубокимъ интересомъ.

Изъ „Обозрѣнія“ за 1876 г.

„Домъ у насъ былъ, какъ разсказываетъ Гончаровъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ", что — называется, полная чаша, какъ, впрочемъ, было почти у всѣхъ семейныхъ людей въ провинціи, не имѣющихъ по близости деревни. Большой дворъ, даже два двора, со многими постройками: людскими, конюшнями, хлѣвами, сараями, амбарами, птичникомъ и баней. Свои лошади, коровы, даже козы и бараны, куры и утки — все это населяло оба двора. Амбары, погреба, ледники переполнены были запасами муки, разнаго пшена и всяческой провизіи для продовольствія нашего и обширной дворни. Словомъ, цѣлое имѣніе, деревня.

„Кромѣ нашей семьи, т.-е. моей матери, сестеръ и брата, оставшагося въ Москвѣ въ университетѣ по болѣзни еще на годъ, у насъ въ домѣ проживалъ одинъ отставной морякъ. Назову его Якубовъ. Выйдя въ отставку, отъ пріѣхалъ въ свою деревню, или деревни: у него ихъ было двѣ, съ тремя стами душъ крестьянъ въ обѣихъ, верстахъ въ полутораста отъ города. Но одинокому холостяку вскорѣ наскучило тамъ: сельскаго хозяйства онъ не понималъ и не любилъ, и онъ переселился въ губернскій городъ.

„Губернскіе города, подальше отъ столицы, были, до желѣзныхъ дорогъ, оживленными центрами общественной жизни. Помѣщики съ семействами, по дальнему разстоянію отъ Москвы, проводили зиму въ своемъ губернскомъ городѣ. Наша губернія особенно славилась отборнымъ обществомъ родовитыхъ и богатыхъ дворянъ. Якубовъ случайно замѣтилъ красивый, свѣтлый и уютный деревянный флигель при нашемъ довольно большомъ каменномъ домѣ, выходившемъ на три улицы — и нанялъ его, не предвидя, что проживетъ въ немъ почти полвѣка и тамъ умретъ. Якубовъ былъ крестнымъ отцомъ насъ, четверыхъ дѣтей. По смерти нашего отца, онъ болѣе и болѣе привыкалъ къ нашей семьѣ, потомъ принялъ участіе въ нашемъ воспитаніи. Это занимало его, наполняло его жизнь. Добрый морякъ окружилъ себя нами, принялъ насъ подъ свое крыло, а мы привязались къ нему дѣтскими сердцами, забыли о настоящемъ отцѣ. Онъ былъ лучшимъ совѣтникомъ нашей матери и руководителемъ нашего воспитанія.

„Якубовъ былъ вполнѣ просвѣщенный человѣкъ. Образованіе его не ограничивалось техническими познаніями въ морскомъ дѣлѣ, пріобрѣтенными въ морскомъ корпусѣ. Онъ дополнялъ его непрестаннымъ чтеніемъ — по всѣмъ частямъ знанія, не жалѣлъ денегъ на выписку изъ столицъ журналовъ, книгъ, брошюръ. Какъ, бывало, прочитаетъ въ газетѣ объявленіе о книгѣ, которая, по заглавію, кажется ему интересною, сейчасъ посылаетъ требованіе въ столицу. Романовъ и вообще беллетристики онъ не читалъ и зналъ всѣхъ тогдашнихъ крупныхъ представителей литературы больше по наслышкѣ. Выписывалъ онъ книги историческаго, политическаго содержанія и газеты.

„По смерти нашего отца, Якубовъ умными совѣтами, заботливымъ руководствомъ нашего воспитанія и образованія, превосходилъ и роднаго отца.

„Я останавливаюсь на этомъ старикѣ, потому что онъ заслуживаетъ вниманія, не только какъ представитель своего времени вообще, но и какъ человѣкъ въ особенности.

„Это былъ чистый самородокъ честности, чести, благородства и той прямоты души, которою славятся моряки, и притомъ съ добрымъ, теплымъ сердцемъ. Все это хорошо выражается англійскимъ словомъ „джентльменъ", котораго тогда еще не было въ русскомъ словарѣ. Въ обращеніи онъ былъ необыкновенно привѣтливъ, а съ дамами до чопорности вѣжливъ и любезенъ".

Изъ „Воспоминаній".

Гончаровъ въ университетѣ.

„Нашъ университетъ въ Москвѣ былъ святилищемъ не для однихъ насъ, учащихся, но и для ихъ семейства и для всего общества. Образованіе, вынесенное изъ университета, цѣнилось выше всякаго другого. Москва гордилась своимъ университетомъ, любила студентовъ, какъ будущихъ самыхъ полезныхъ, можетъ-быть, громкихъ, блестящихъ дѣятелей общества. Студенты гордились своимъ званіемъ и дорожили занятіями, видя общую къ себѣ симпатію и уваженіе. Они важно расхаживали по Москвѣ, кокетничая своимъ званіемъ и малиновыми воротниками. Даже простые люди, и тѣ, при встрѣчахъ, ласково провожали глазами юношей въ малиновыхъ воротникахъ. Я не говорю объ исключеніяхъ. Въ разносословной и разнохарактерной толпѣ, при различіи воспитанія, нравовъ и привычекъ, являлись, конечно, и мало подготовленные къ серіозному ученію, и дурно воспитанные молодые люди, и просто шалуны и повѣсы. Иногда пробѣгали въ городѣ — впрочемъ рѣдкіе — слухи о шумныхъ пирушкахъ въ трактирѣ, о шалостяхъ, въ родѣ, напримѣръ, перемѣны ночью вывѣсокъ у торговцевъ или задорныхъ пререканій съ полиціею и т. п. Но большинство студентовъ держало себя прилично и дорожило доброй репутаціей и симпатіями общества.

Эти симпатіи вливали много тепла и свѣта въ жизнь университетскаго юношества. Духъ юноши поднимался; онъ расцвѣталъ подъ лучами свободы, падшими на него послѣ школьной или домашней педагогической неволи. Онъ совершалъ первый сознательный актъ своей воли, приходилъ въ университетъ самъ, его не отдаютъ родители, какъ въ школу. Нѣтъ школьной методы преподаванія, не задаютъ уроковъ, никто не контролируетъ употребленія имъ его часовъ, дней, вечеровъ и ночей.

Далѣе слѣдуютъ шаги все свободнѣе и сознательнѣе, достигается „степень зрѣлости" безъ всякаго на нее гимназическаго диплома. Свободный выборъ науки, требующій сознательнаго взгляда на свое влеченіе къ той или другой отрасли знанія, и зарождавшееся изъ того опредѣленіе своего будущаго призванія — все это захватывало

не только умъ, но и всю молодую душу. Университетъ отворялъ ему широкія ворота, не въ одну научную сферу, но и въ самую жизнь. Съ учебной почвы онъ ступаетъ на ученую. Умственный горизонтъ его раздвигается, передъ нимъ открываются перспективы и параллели наукъ и вся безконечная даль знанія, а съ нею и настоящая, законная свобода — свобода науки. Программы, инструкціи безсильны противъ свободы науки. Сжатая въ учебныхъ классахъ, какъ рѣка въ тѣсныхъ берегахъ, она съ университетской каѳедры изливается широкимъ и вольнымъ потокомъ. Между профессоромъ и слушателями устанавливается живой токъ передачи жадному вниманію ихъ ея откровеній, истинъ, гипотезъ. Этой свободы не даютъ или не давали (такъ какъ я говорю о прошломъ) другія изъ высшихъ гражданскихъ, военныхъ или духовныхъ заведеній.

Я не говорю, чтобы свободѣ этой не полагалось преградъ: страхъ, чтобы она не окрасилась въ другую, т.-е. политическую окраску, заставлялъ начальство слѣдить за лекціями профессоровъ, хотя проблески этой научной свободы проявлялись болѣе внѣ университета; свободомысліе почерпалось изъ другихъ, неуниверситетскихъ источниковъ. Въ университетахъ молодежь, болѣе чѣмъ въ другихъ заведеніяхъ, ограждена серіозною содержательностію занятій отъ многихъ опасныхъ увлеченій, заносимыхъ туда извнѣ, больше издалека...

Я и братъ мой, и еще нѣкоторые прежніе школьные товарищи, вмѣстѣ готовились къ вступительному экзамену и вмѣстѣ подали просьбу ректору университета. Это было въ августѣ 1831 года: 1830-й — былъ холерный годъ, и лекцій не было. Бывшимъ уже въ университетѣ студентамъ не зачли этого года. Братъ и я поступили — онъ въ юридическій факультетъ, а я въ филологическій, или, какъ тогда назывались они — первый „этико-политическимъ“, а второй — „словеснымъ“.

Личный составъ нашихъ профессоровъ былъ очень удачный, съ малыми, едва замѣтными исключеніями. Первымъ считали мы — и по старшинству лѣтъ и по достоинствамъ — М. Т. Каченовскаго. Это былъ тонкій, аналитическій умъ, скептикъ въ вопросахъ науки и отчасти, кажется, во всемъ; при этомъ — строго справедливый и честный человѣкъ. Онъ читалъ русскую исторію и статистику; но у него была масса познаній по всѣмъ частямъ. Онъ зналъ древніе и новые языки, иностранныя литературы, но особенно обширны были его познанія въ исторіи и во всемъ, что входитъ въ ея сферу — археологія и проч. Любимая его часть въ исторіи была этнографія. Особенную симпатію онъ питалъ къ польскимъ историкамъ (самъ онъ былъ родомъ изъ Малороссіи и выказывалъ явное расположеніе къ своимъ землякамъ) и лѣтописцамъ. И томилъ же онъ насъ подробностями происхожденія однихъ народовъ и племенъ отъ другихъ! До сихъ поръ иногда будто слышишь его разсказы о развѣтвленіяхъ народовъ, болѣе всего — о финскихъ племенахъ, далѣе о печенѣгахъ, о половцахъ, о торкахъ, берендѣяхъ, черныхъ клобукахъ, о томъ, что сѣверные и южные сла-

вяне — никакъ не одно, а два различныя племени, сошедшіяся съ противоположныхъ сторонъ, съ сѣвера и съ юга, и т. д. Когда онъ касался послѣдняго излюбленнаго имъ вопроса о различіи происхожденія сѣверныхъ и южныхъ русиновъ, или вообще какого-нибудь спорнаго въ исторіи вопроса, щеки его, обыкновенно блѣдныя, загорались алымъ румянцемъ, и глаза блистали сквозь очки, а въ голосѣ слышался задоръ прежняго редактора „Вѣстника Европы“. Онъ мысленно видѣлъ передъ собою своихъ ученыхъ противниковъ и поражалъ ихъ стрѣлами своего неумолимаго анализа. Онъ терпѣть не могъ никакихъ миѳовъ въ исторіи и начиналъ лекціи русской исторіи съ Владимира, предупредивъ насъ, что онъ не станетъ повторять басенъ, которыя мы слышали въ школѣ, напримѣръ объ оригинальномъ мщеніи Ольги за смерть Игоря, о змѣѣ, ужалившей Олега, о кожаныхъ деньгахъ, — особенно о кожаныхъ деньгахъ. Какъ теперь помню его подлинныя слова: „Какъ могъ Карамзинъ, человѣкъ съ необыкновеннымъ умомъ, допустить, чтобы могли быть въ обращеніи кожаные клочки, не обезпеченные никакой гарантіей!“ О шкурахъ кожаныхъ, представлявшихъ будто бы свою собственную цѣнность, онъ и слышать не хотѣлъ. Онъ отвергалъ также подлинность „Слова о полку Игоревѣ“, считая его позднѣйшей поддѣлкой, кажется XIV вѣка, о чемъ однажды вошелъ въ горячій споръ съ Пушкинымъ, котораго привезъ на лекцію министръ Уваровъ.

Здѣсь я сдѣлаю небольшое отступленіе по поводу этого, приснопамятнаго мнѣ — конечно, и всѣмъ тогдашнимъ студентамъ — посѣщенія великаго поэта, тогда уже въ апогеѣ его славы. Когда онъ вошелъ съ Уваровымъ, для меня точно солнце озарило всю аудиторію: я въ то время былъ въ чаду обаянія отъ его поэзіи; я питался ею, какъ молокомъ матери; стихъ его приводилъ меня въ дрожь восторга. На меня, какъ благородный дождь, падали строфы его созданій („Евгенія Онѣгина“, „Полтавы“ и др.). Его генію я и всѣ тогдашніе юноши, увлекавшіеся поэзіею, обязаны непосредственнымъ вліяніемъ на наше эстетическое образованіе. Передъ тѣмъ однажды я видѣлъ его въ церкви у обѣдни — и не спускалъ съ него глазъ. Черты его лица врѣзались у меня въ памяти. И вдругъ этотъ геній, эта слава и гордость Россіи — передо мной въ пяти шагахъ! Я не вѣрилъ глазамъ. Читалъ лекцію Давыдовъ, профессоръ исторіи русской литературы.

„Вотъ вамъ теорія искусства“, сказалъ Уваровъ, обращаясь къ намъ, студентамъ, и указывая на Давыдова, „а вотъ и самое искусство“, прибавилъ онъ, указывая на Пушкина. Онъ эффектно отчеканилъ эту фразу, очевидно, заранѣе приготовленную. Мы всѣ жадно впились глазами въ Пушкина. Давыдовъ окончилъ лекцію. Рѣчь шла о „Словѣ о полку Игоревомъ“. Тутъ же ожидалъ своей очереди читать лекцію, послѣ Давыдова, и Каченовскій. Нечаянно между ними завязался, по поводу „Слова о полку Игоревомъ“, разговоръ, который мало-по-малу перешелъ въ горячій споръ. — „Подойдите ближе, господа, — это для васъ интересно“, пригласилъ насъ

Уваровъ, и мы тѣсной толпой, какъ стѣной, окружили Пушкина, Уварова и обоихъ профессоровъ. Не умѣю выразить, какъ велико было наше наслажденіе — видѣть и слышать нашего кумира.

Я не припомню подробностей ихъ состязанія, — помню только, что Пушкинъ горячо отстаивалъ подлинность древнерусскаго эпоса, а Каченовскій вонзалъ въ него свой безпощадный аналитическій ножъ. Его щеки ярко горѣли алымъ румянцемъ, и глаза бросали молніи сквозь очки. Можетъ-быть, къ этому раздраженію много огня прибавлялъ и извѣстный литературный антагонизмъ между нимъ и Пушкинымъ. Пушкинъ говорилъ съ увлеченіемъ, но, къ сожалѣнію, тихо, сдержаннымъ тономъ, такъ что за толпой трудно было разслушать. Впрочемъ, меня занималъ не Игорь, а самъ Пушкинъ.

Съ перваго взгляда наружность его казалась невзрачною: средняго роста, худощавый, съ мелкими чертами смуглаго лица. Только когда вглядишься пристально въ глаза, увидишь задумчивую глубину и какое-то благородство въ этихъ глазахъ, которыхъ потомъ не забудешь. Въ позѣ, въ жестахъ, сопровождавшихъ его рѣчь, была сдержанность свѣтскаго, благовоспитаннаго человѣка. Лучше всего, помоему, напоминаетъ его гравюра Уткина съ портрета Кипренскаго. Во всѣхъ другихъ копіяхъ у него глаза сдѣланы слишкомъ открытыми, почти выпуклыми, носъ выдающимся — это не вѣрно. У него было небольшое лицо и прекрасная, пропорціональная лицу, голова, съ негустыми, кудрявыми волосами.

Обращаюсь къ Каченовскому. Онъ отвергалъ участіе всякихъ сентиментовъ въ изученіи исторіи, а разнималъ ее холодной критикой, какъ анатомическимъ ножомъ трупъ. Мѣста священнымъ патріотическимъ чувствамъ въ наукѣ для него не было. Всѣ подобные спорные вопросы онъ, говорю, разбиралъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ лицѣ, въ голосѣ. Обыкновенно же онъ читалъ медленно, вяло, и пожалуй, если не вслушиваться глубоко въ его рѣчь, то и скучно: точно какъ старый дядька нехотя мямлитъ въ сотый разъ сказку дѣтямъ, чтобъ усыпить ихъ. Нѣкоторые и засыпали или, по крайней мѣрѣ, дремали подъ его однообразный, монотонный говоръ. Но всѣ, слѣдившіе за непрерывной нитью его историческихъ разсказовъ, слушали съ глубокимъ интересомъ этотъ тонкій анализъ, въ которомъ самъ профессоръ никогда не приходилъ къ синтезу. Послѣдній возникалъ у слушателя самъ собою, по окончаніи лекціи или лекцій. Онъ принесетъ съ собой нѣсколько какихъ-то листковъ, клочковъ пергамена, книгу, лѣтопись какую-нибудь. Начнетъ съ подробности, мелочи и около нея опытной, твердой рукой начертитъ узоръ событія, подтвердитъ или опровергнетъ принятыя гипотезы и освѣтитъ эпоху со всѣхъ сторонъ. Однажды принесъ, напримѣръ, книгу съ рисунками абраксасовъ, печатей новгородскихъ посадниковъ, и при этомъ объяснилъ способы управленія ихъ.

И всю исторію такъ читалъ, точно смотрѣлъ на нее глубоко, какъ въ бездну, сквозь свои критическія очки. Мы слушали, записы-

вали: это и было программою его лекцій, безъ которой мы не знали бы что̀ дѣлать на экзаменѣ, потому что онъ лекцій не давалъ. Да тогда почти и никто не давалъ ихъ, по крайней мѣрѣ, на словесномъ факультетѣ.

Вмѣстѣ съ Каченовскимъ наше уваженіе и симпатію раздѣлялъ профессоръ *теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи*, Н. И. Надеждинъ. Это былъ человѣкъ съ многостороннею, всѣмъ извѣстною ученостью по части философіи, филологіи. Его извѣстная диссертація о классицизмѣ и романтизмѣ имѣла огромный успѣхъ и сразу сдѣлала ему имя въ ученой литературѣ. Потомъ онъ получилъ каѳедру и основалъ журналы: „Телескопъ“ и „Молву“. Это былъ самый симпатичный и любезный человѣкъ въ обращеніи, и какъ профессоръ онъ былъ намъ дорогъ своимъ вдохновеннымъ, горячимъ словомъ, которымъ вводилъ насъ въ таинственную даль древняго міра, передавая духъ, бытъ, исторію и искусство Греціи и Рима. Чего только не касался онъ въ своихъ импровизованныхъ лекціяхъ! Онъ читалъ на память, не привозя никакихъ записокъ съ собою. Память у него была изумительная. Онъ одинъ замѣнялъ десять профессоровъ. Излагая теорію изящныхъ искусствъ и археологію, онъ излагалъ и общую исторію Египта, Греціи и Рима. Говоря о памятникахъ архитектуры, о живописи, о скульптурѣ, наконецъ, о творческихъ произведеніяхъ слова, онъ касался и исторіи философіи. Излагая горячо, почти страстно, передъ нами сокровища знанія, онъ училъ насъ и мастерскому владѣнію рѣчи. Записывая только однѣ его лекціи, можно было научиться чистому и изящному складу русскаго языка.

А тутъ еще Шевыревъ, тогда молодой, свѣжій человѣкъ, принесъ намъ свой тонкій и умный критическій анализъ чужихъ литературъ, начиная съ древнѣйшихъ — индійской, еврейской, арабской — до новѣйшихъ западныхъ литературъ. Онъ тоже блисталъ изяществомъ рѣчи, но это была менѣе искренняя и кипучая рѣчь, чѣмъ у Надеждина, зато болѣе сдержанная, мѣрная, щегольская, заранѣе заготовленная, всегда тщательно обдуманная, обработанная. Онъ и читалъ по рукописи. Какъ благодарны мы были ему за этотъ безконечный рядъ какъ будто галлерей обширнаго музея — рядъ произведеній старыхъ и новыхъ литературъ, выставляемыхъ имъ передъ нами съ тщательною подготовкою, съ тонкой и глубокой критической оцѣнкой ихъ! И какъ не благодарить за безчисленные ключи, которые оба эти учителя намъ давали къ уразумѣнію всѣхъ еврейскихъ, греческихъ, римскихъ и новыхъ западныхъ произведеній ума и фантазіи, по лучшимъ старымъ и современнымъ критическимъ оцѣнкамъ, независимо отъ своей собственной? Долго, безъ такихъ умныхъ истолкователей, пришлось бы намъ потомъ самостоятельнымъ путемъ открывать глаза на библейскихъ пророковъ, на произведенія индійской поэзіи, на эпопеи Гомера, Данта, на Шекспира, до новѣйшихъ — французской, нѣмецкой, англійской литературъ, словомъ — на все, что̀ мы читали по ихъ указанію тогда и что̀ дочитывали послѣ нихъ. Глубокій и благодарный поклонъ ихъ памяти!

Съ меньшей симпатіей или, говоря правду, вовсе безъ симпатіи, относились мы къ профессору исторіи русской литературы, хотя въ своемъ родѣ знаменитому — И. И. Давыдову. Эта знаменитость была какая-то дѣланная, съ натяжками. Въ обществѣ его принимали за то, чѣмъ онъ хотѣлъ казаться, но мы, юноши, чутко прозирали въ немъ что-то искусственное, декоративное. Высокаго роста, нѣсколько сутуловатый, съ довольно благообразнымъ лицомъ, умными сѣрыми глазами, съ мѣрными, округленными жестами, онъ держалъ себя съ условнымъ достоинствомъ; рѣчь его была плавная, исполнена приличія. Но отъ него вѣяло холодомъ, напускною величавостью, которая быстро превращалась въ позу покорности и смиренія при появленіи какой-нибудь важной персоны изъ начальства. Онъ считался универсальнымъ ученымъ: читалъ когда-то лекціи высшей алгебры, занялъ было каѳедру философіи, но съ первыхъ же лекцій каѳедра была закрыта. При насъ онъ занималъ каѳедру исторіи литературы, послѣ профессора Мерзлякова, — человѣка умнаго, даровитаго, старой школы. Я не засталъ его: онъ оставилъ каѳедру за годъ или за два передъ моимъ вступленіемъ. Старые студенты симпатично вспоминали его умные, живые разборы произведеній тогдашней школы нашихъ классиковъ — Державина, Ломоносова, Фонвизина, Княжнина, Озерова и другихъ. Кажется, до новыхъ — Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина — онъ не договорился. Онъ, конечно, судя по воспоминаніямъ о немъ слушавшихъ его студентовъ, умѣлъ бы понять и оцѣнить по достоинству и этихъ — еще новыхъ — писателей. Самъ онъ писалъ не мало стихами, переводилъ изъ древнихъ классиковъ. Между прочимъ, онъ — авторъ общеизвѣстной пѣсни или романса: „Среди долины ровныя“, которая пѣлась тогда вездѣ, и теперь еще, можетъ-быть, поется въ скромныхъ провинціальныхъ углахъ.

На лекціи Давыдова собирались иногда и посторонніе слушатели, разные московскіе тузы, въ качествѣ гостей. Но ни эти гости ни студенты не выносили съ лекціи ничего особенно вѣскаго, замѣчательнаго, кромѣ болѣе или менѣе красивыхъ фразъ, сквозь которыя видѣлась нагота мысли, содержанія. Сколько помню, одинъ годъ онъ читалъ теорію словесности, а другой — собственно исторію литературы. Особенно много распространялся онъ объ ораторскомъ искусствѣ: Квинтиліанъ, Блэръ, Батте не сходили у него съ языка. Но самому ему не далась ars oratoria; искры, feu sacré, у него не было, и мы тихонько позѣвывали отъ скуки. О художественныхъ произведеніяхъ онъ передавалъ условную, ходячую оцѣнку ихъ, и когда останавливался на признанныхъ всѣми красотахъ — у него никогда не вырывалось горячаго слова его собственнаго сочувствія, даже когда приходилось ему приводить разныя мѣста, напримѣръ, изъ Пушкина, тогда въ разгарѣ его дѣятельности и славы. Мы глубоко уважали и горячо цѣнили Каченовскаго, любили Надеждина, Шевырева, а Ивана Ивановича Давыдова почитали за ученаго и... вмѣстѣ ловкаго, практическаго человѣка, но симпатіи, повторяю, у насъ къ нему не было.

Ловкимъ и практическимъ человѣкомъ мы считали его потому, что онъ былъ въ большомъ ходу въ московскомъ обществѣ, занималъ, кромѣ профессорской, другія должности (кажется директора сиротскаго холернаго института) и былъ въ большомъ фаворѣ у министра. Потомъ это подтвердилось: онъ перешелъ на службу въ Петербургъ, на должность директора педагогическаго института, нахваталъ чиновъ, звѣздъ, и достигъ званія сенатора. Но и Иванъ Ивановичъ принесъ намъ значительную дозу пользы тѣмъ, что знакомилъ насъ такъ же, какъ и Надеждинъ съ Шевыревымъ, съ исторіею философіи и потомъ упражнялъ въ русскомъ словѣ практически. Онъ поручилъ двумъ студентамъ по очереди составлять перечень каждой прочитанной имъ лекціи и потомъ разбиралъ при всѣхъ ихъ трудъ. Эти перечни и служили намъ записками для экзаменовъ. Здѣсь приходилось на нашу долю выслушивать не мало умныхъ и дѣльныхъ критическихъ замѣтокъ и полезныхъ совѣтовъ. Къ сожалѣнію, этотъ смотръ производился только одинъ разъ, а не всѣ три раза въ недѣлю на его лекціяхъ. Такіе практическіе уроки были бы намъ несравненно полезнѣе его разглагольствованій о Ломоносовѣ и Державинѣ, о Квинтиліанѣ и Батте съ Блэромъ.

М. П. Погодинъ читалъ намъ всеобщую исторію и статистику — и то подъ конецъ, на третьемъ курсѣ. Собственно, онъ принадлежалъ къ юридическому факультету, гдѣ читалъ русскую исторію. Совѣтъ университета вдругъ какъ будто спохватился, что мы, словесники, остаемся безъ каѳедры всеобщей исторіи, и отрядилъ для этого дѣла Погодина. Онъ читалъ по Герену, скучно, безцвѣтно, монотонно и невнятно, но былъ очень щекотливъ, когда замѣчалъ въ комъ-нибудь невниманіе къ себѣ.

У Михаила Петровича тоже, какъ и Давыдова, было кое-что напускное и въ характерѣ его и въ его взглядѣ на науку. Мы чуяли, что у него внутри меньше пыла, нежели сколько онъ заявлялъ въ своихъ историческихъ — ученыхъ и патріотическихъ настроеніяхъ, что къ паѳосу онъ прибѣгалъ ради поддержанія тѣхъ или другихъ принциповъ, а не по импульсу искреннихъ увлеченій. Можетъ-быть, казалось мнѣ иногда, онъ про себя и раздѣлялъ какой-нибудь отрицательный взглядъ Каченовскаго и его школы на то или другое историческое событіе, но отстаивалъ послѣднее, если оно льстило патріотическому чувству, національному самолюбію, или касалось какой-нибудь народно-религіозной святыни и т. п. Помнится, онъ даже одну изъ своихъ лекцій въ этомъ смыслѣ назвалъ: „Перчатка Строеву и Каченовскому“. Не знаю, подняли ли они эту перчатку?

Всѣ эти пятеро профессоровъ, — одни болѣе, другіе менѣе, — какъ я сказалъ, имѣли вмѣстѣ огромное вліяніе на наше развитіе и образованіе. Зато объ остальныхъ нельзя было сказать и десятой доли того же.

Впрочемъ, эти остальные были профессора: греческой словесности — С. М. Ивашковскій, латинской — И. М. Снегиревъ, оба извѣст-

ные ученые и знатоки чужихъ и своихъ древностей; потомъ лекторы французской и нѣмецкой литературъ — Декампъ и Кистеръ.

С. М. Ивашковскій, о которомъ я упоминалъ выше былъ добродушнѣйшій старикъ, страстный любитель греческихъ классиковъ: между нами ходило мнѣніе, что онъ да какой-то протоіерей Успенскаго собора были первые эллинисты чуть ли не въ цѣломъ мірѣ. Ивашковскій въ теченіе многихъ десятилѣтій высидѣлъ свой греческій словарь; не знаю, высидѣлъ ли что-нибудь протоіерей.

Ивашковскій, углубившись на лекціи въ книгу, самъ какъ будто упражнялся вмѣсто насъ; онъ читалъ, перебивалъ студентовъ (все больше на удареніяхъ), что не такъ читаютъ, не такъ понимаютъ или переводятъ, какъ онъ, съ сердцемъ спѣшилъ доказывать самъ, и потому никогда не могъ отличить знающихъ по-гречески отъ незнающихъ. Мы замѣтили эту его черту, и искусно умѣли ею пользоваться, выжидая, когда онъ самъ доскажетъ „мудреное мѣсто“, и повторяли за нимъ. Онъ очень былъ доволенъ и ставилъ хорошіе баллы всѣмъ, т.-е. собственно самому себѣ. У него была странная привычка — шпиковать свою русскую рѣчь словомъ „будетъ“ — некстати, безъ всякой надобности. „Скажите — будетъ — мнѣ, какъ вы понимаете — будетъ — вотъ этотъ стихъ — будетъ — въ третьей пѣсни Иліады“ и т. д., — говорилъ онъ. Сначала это забавляло, а потомъ мы привыкли, и для потѣхи приводили товарищей изъ другихъ факультетовъ послушать. Тѣ ушамъ не вѣрили и помирали со смѣху.

Мы лукаво пользовались его добродушіемъ, чтобы сокращать лекціи. Онъ любилъ съ кѣмъ-нибудь изъ близко извѣстныхъ ему студентовъ, ходя взадъ и впередъ по аудиторіи, побесѣдовать. Для этого и командировался чаще всего кто-нибудь изъ вышедшихъ изъ семинаріи и знавшихъ по-гречески студентовъ. И они похаживали вдвоемъ и бесѣдовали, а мы всѣ бесѣдовали тихо про себя — иногда съ полчаса, такъ что на лекцію оставалось тоже полчаса.

Съ древностями греческими мы изъ его лекцій не вынесли никакого знакомства, кромѣ подробнѣйшихъ и скучнѣйшихъ описаній утвари, оружія и т. п., по какой-то, съ нѣмецкаго языка переведенной, прокисшей книгѣ — и заучивали для экзамена, потомъ забывали. Никакой общей идеи, никакого рисунка древняго быта, никакого взгляда, синтеза — ничего не могъ намъ дать этотъ почтенный греческій книгоѣдъ; онъ давалъ одну букву, а духъ отсутствовалъ. За него сдѣлали это дѣло Надеждинъ и Шевыревъ.

И. М. Снегиревъ, профессоръ латинской словесности и древностей, былъ очень замѣчательною фигурой во многихъ отношеніяхъ. Вкрадчивый, тонкій, но въ то же время циничный, безцеремонный, съ нами добродушный — онъ разбиралъ римскихъ писателей, такъ себѣ, тоже съ одной только чисто лингвистической стороны, мало знакомя насъ, какъ и Ивашковскій, съ духомъ и исторіею древнихъ. Кажется, ему до нихъ мало было дѣла, а намъ мало было дѣла до него. Онъ, какъ иногда казалось мнѣ, будто притворялся знатокомъ римскихъ древно-

стей. Мы были другъ къ другу равнодушны и уживались съ нимъ очень хорошо. Онъ же иногда умѣлъ сдабривать лекціи остротами и анекдотами: балагурство было, кажется, господствующею чертою его характера. Онъ и въ обществѣ имѣлъ репутацію буфона и наживалъ себѣ однимъ этимъ, кромѣ разныхъ другихъ продѣлокъ, много враговъ. Онъ исподтишка мастеръ былъ посмѣяться надъ всякимъ, кто попадется подъ руку, и, говорятъ, нерѣдко „лилъ свои пули“ передъ митрополитомъ Филаретомъ, у котораго (и вообще у высшаго духовенства) онъ былъ принятъ на короткой ногѣ, благодаря болѣе всего своимъ познаніямъ въ русскихъ, особенно въ церковныхъ древностяхъ, которыя дались ему больше, чѣмъ римскія.

Декáмпа можно было также назвать: le superbe. Это былъ значительно потертый и поношенный французъ стараго пошиба, съ зализаніемъ головы и носа, съ напускною важностью во взглядѣ и въ тонѣ, съ округленною, напыщенною фразою, и прямой, какъ палка. Исторіею французской литературы назывался у него перечень писателей съ IX вѣка, съ поименованіемъ ихъ сочиненій и съ краткою, въ нѣсколько строкъ, установившеюся во французскихъ учебникахъ критическою оцѣнкою. Напыщеннымъ, изысканнымъ языкомъ онъ возвѣщалъ намъ эти заповѣди французскихъ критиковъ, не освѣщая ничего своимъ собственнымъ впечатлѣніемъ и взглядомъ. Да едва ли у него и было то и другое. Всякое живое слово или движеніе вывело бы его, пожалуй, изъ позы буддійскаго идола и нарушило статуарное величіе его фигуры. Говорятъ, онъ имѣлъ большой успѣхъ въ свѣтскихъ салонахъ — развѣ потому только, что онъ французъ, да за эту скульптурную величавость и за декламаціонный тонъ рѣчи. Конечно, для студентовъ не безполезно было послушать часа три въ недѣлю такого краснобая — собственно для французскаго языка, не безполезно также, въ смыслѣ упражненія, и заучить его тетрадку съ перечнемъ именъ и сочиненій, написанную хорошимъ, правильнымъ языкомъ.

Еще полезнѣе было писать сочиненія на задаваемыя Декампомъ темы: онъ по очереди предлагалъ двѣ-три темы нѣсколькимъ студентамъ и потомъ, какъ Давыдовъ, разбиралъ на лекціи написанное. Задавая, онъ всегда педантически назначалъ, — какъ, бывало, наши старые риторы задавали хріи, — и программу, какъ писать. Напримѣръ, изъ Иліады задастъ написать о прощаніи Гектора съ Андромахой, или изъ римской исторіи о какихъ-нибудь Гракхахъ: скажетъ тезисъ, потомъ pérorаison, потомъ развитіе и заключеніе, — такъ что самое сочиненіе выходило у всѣхъ гораздо короче программы. Ну, Богъ съ нимъ, съ французомъ, и съ нѣмцемъ тоже! — Этотъ все натуживался пересилить своимъ старческимъ, надтреснутымъ голосомъ говоръ студентовъ, которые не стѣснялись при немъ — и все напрасно: въ этихъ усиліяхъ прошли всѣ два года его чтеній.

Упомяну еще о профессорѣ богословія, священникѣ Терновскомъ. Это былъ не то что „добрый батюшка“, а настоящій строгій профессоръ. Слушаніе его лекцій, не знаю почему, было обязательно для

студентовъ юридическаго факультета во весь трехгодичный курсъ. Для прочихъ факультетовъ положено было слушать его только первый годъ. Одинъ годъ онъ читалъ догматическое, а другой — нравственное богословіе. Мнѣ пришлось прослушать послѣднее. Онъ читалъ скоро и много: въ часъ начитаетъ листовъ шесть писанныхъ и, кончая, — дастъ программу прочитаннаго. На слѣдующей лекціи онъ вызоветъ кого-нибудь пересказать прочитанное въ прошлый разъ. Этого боялись и прятались за спины товарищей, чтобы онъ не вызвалъ. Отмѣткамъ его придавался особый вѣсъ. Получившій у него единицу не переводился на слѣдующій курсъ. Его подробныя, ученыя и сухія лекціи какъ-то мало вязались съ жизнью. Онѣ выучивались къ экзамену и потомъ забывались. Таковъ былъ персоналъ нашихъ университетскихъ преподавателей. Съ нимъ мы вступили на послѣдній университетскій 1833—1834 годъ: тогда курсъ для факультетовъ, кромѣ медицинскаго, былъ трехлѣтній. Для медиковъ полагалось четыре года.

Наконецъ, университетъ пройденъ. Въ іюнѣ 1834 года, послѣ выпускныхъ экзаменовъ, мы всѣ, какъ птицы, разлетѣлись въ разныя стороны. Мы съ братомъ уѣхали домой, на Волгу, гдѣ я прожилъ около года, въ 1835 году переѣхалъ въ Петербургъ и остался тамъ навсегда.

Университетскій офиціальный курсъ кончился, но вліяніе университета продолжалось. Потерявъ изъ вида своихъ товарищей-словесниковъ, я не забылъ профессоровъ и ихъ указаній. Въ Петербургѣ, тщательно изучая иностранныя литературы, я уже регулировалъ свои занятія по тому методу и по тѣмъ указаніямъ, которыя преподали намъ въ университетѣ наши вышеозначенные любимые профессора.

То же самое, конечно, болѣе и лучше меня, дѣлали современные мнѣ студенты: К. Аксаковъ, Станкевичъ, Бодянскій, Сергѣй Строевъ. Не называю ихъ товарищами, потому что не былъ съ ними знакомъ. Я слыхалъ только тогда, что они, составляя одну группу и занимая одинъ уголъ въ обширной аудиторіи, собирались другъ у друга, читали, мѣнялись мыслями и едва ли не являлись въ печати уже тогда. Это, можетъ-быть, покажется страннымъ нынѣшнимъ студентамъ, что мы, собираясь ежедневно въ одной аудиторіи, могли быть другъ съ другомъ незнакомы. Это объясняется очень просто. Тогда студенты не составляли, какъ теперь*), корпораціи и не были ни въ чемъ солидарны между собой, не имѣли никакихъ обязательныхъ другъ къ другу отношеній. Университетъ былъ просто правительственное учрежденіе, открывавшее свои двери для всѣхъ ищущихъ знанія. Мы собирались тамъ, какъ собираются на публичныя лекціи, въ церкви и т. п.

Не было никакой платы съ студентовъ; правительство помогало только, бѣднымъ студентамъ тѣмъ, что давало имъ квартиру и столъ. Стипендій никакихъ не было. Студенты приходили на лекцію и уходили, какъ постороннія другъ другу лица. Никто не заботился о томъ,

---

*) Т.-е. въ началѣ 70-хъ годовъ.

что тотъ или другой дѣлаетъ дома, чѣмъ онъ живетъ, чѣмъ особенно занимается. Поэтому у насъ не было никакихъ сходокъ, никакихъ сборовъ въ пользу неимущихъ слушателей и, слѣдовательно, никакой студенческой кассы. Всѣ студенты дѣлились на группы близкихъ между собою товарищей, иногда прежнихъ соучениковъ въ школѣ или случайныхъ знакомыхъ, иногда просто сосѣдей на университетской скамьѣ.

Я сейчасъ упомянулъ о группѣ Станкевича, Строева и другихъ; потомъ была группа казенныхъ студентовъ, семинаристовъ, и много другихъ, мелкихъ кружковъ. Эти группы не сливались между собою, ничто не связывало ихъ другъ съ другомъ. Каждая группа имѣла свой центръ; члены ея собирались между собою, вмѣстѣ вели записи лекцій, вмѣстѣ читали книги, готовились къ экзаменамъ — и, конечно, часто вмѣстѣ проводили время внѣ университета.

Студенты были раскиданы по всей обширной Москвѣ, сходились — кто пѣшкомъ, кто въ экипажѣ — на лекціи. Ничто не отвлекало отъ занятій тѣхъ, кто хотѣлъ заниматься, потому что другихъ обязательныхъ занятій, кромѣ лекцій, не было. Никакихъ баловъ, концертовъ, спектаклей, въ пользу неимущихъ слушателей, не давалось; не было сходокъ, студенты не являлись въ роли устроителей и распорядителей означенныхъ увеселеній, также не несли на себѣ заботъ рѣшать вопросъ о пособіяхъ болѣе нуждающимся товарищамъ и завѣдывать кассами. Все было патріархально и просто: ходили въ университетъ какъ къ источнику за водой, запасались знаніемъ, кто какъ могъ,—и, кончивъ свои годы, расходились. Не берусь рѣшать: было ли это лучше, или хуже нынѣшняго. Полагаю, есть своя хорошая и своя дурная сторона медали. Хорошая — та, что студентъ, какъ сказано, не отвлекался ничѣмъ постороннимъ отъ своихъ прямыхъ занятій, что особенно удобно было въ московскихъ уголкахъ и затишьяхъ, отдаленныхъ отъ всякаго шума и суеты. Дурная сторона медали — это равнодушіе къ товарищамъ, изъ которыхъ многіе, очевидно, боролись съ нуждой. Теперь, кажется, юношеству облегчены средства не только къ прохожденію курса, но обезпечена поддержка и послѣ, когда не посчастливится кончившему курсъ вскорѣ пристроиться къ какому-нибудь дѣлу. *Изъ „Воспоминаній“ Гончарова.*

Гончаровъ на родинѣ и въ Петербургѣ до его кругосвѣтнаго путешествія.

Въ 1834 году Гончаровъ кончилъ курсъ со званіемъ дѣйствительнаго студента и отправился на родину. Сначала онъ весь отдался во власть „домашняго баловства“, но затѣмъ рѣшено было взяться за „дѣло“. А „дѣломъ въ то время считалась служба, и юный питомецъ московскаго университета поступилъ чиновникомъ особыхъ пору-

ченій къ симбирскому губернатору. Служба мало подходила къ характеру и темпераменту Гончарова и впослѣдствіи онъ весьма иронически изобразилъ ее въ своихъ воспоминаніяхъ. *Изъ „Автобіографіи“.*

Гончаровъ въ 1835 году перешелъ на службу въ Петербургъ, въ министерство финансовъ, гдѣ вскорѣ занялъ должность переводчика иностранной переписки, и продолжалъ заниматься литературой, т.-е. читать, переводить, дѣлать извлеченія, преимущественно изъ нѣмецкихъ и англійскихъ писателей, для себя, въ видѣ упражненій, пока безъ намѣренія печатать. Онъ сблизился съ нѣкоторыми домами, любившими литературу, и пробовалъ силы въ домашнихъ сборникахъ, составляемыхъ изъ сочиненій небольшого круга друзей. Около двухъ тогдашнихъ журналовъ „Библіотеки для чтенія“ и „Отечественныхъ Записокъ“, группировалось все, что было даровитаго въ литературѣ. Гончаровъ познакомился съ нѣкоторыми изъ литераторовъ, сначала просто въ качествѣ любителя, а потомъ отдалъ на судъ Бѣлинскаго первый свой романъ: „Обыкновенная исторія“, который былъ помѣщенъ въ возобновленномъ, послѣ смерти Пушкина, подъ редакціей Панаева и Некрасова журналѣ „Современникъ“ въ 1847 г. Въ томъ же году онъ помѣстилъ въ томъ же журналѣ легкій юмористическій очеркъ: „Иванъ Саввичъ Поджабринъ“. Въ 1849 году, въ изданномъ подъ редакціей „Современника“ литературномъ сборникѣ, напечатанъ былъ отрывокъ изъ романа „Обломовъ“, подъ заглавіемъ „Сонъ Обломова“. *Суперанскій.*

Въ Петербургѣ у Гончарова скоро завязываются литературно-артистическія знакомства, при чёмъ онъ попадаетъ въ такой кружокъ, гдѣ изъ двухъ типовъ творчества — Шиллеровскаго и Гётевскаго — предпочтеніе отдавалось олимпійскому спокойствію Гёте, гдѣ царило поклоненіе искусству для искусства и возведеніе объективнаго творчества въ единственный истинно-художественный идеалъ. Гончаровъ дѣлается своимъ человѣкомъ въ домѣ художника Николая Александровича Майкова, отца тогда еще четырнадцатилѣтняго юноши Аполлона Майкова и его братьевъ, безвременно погибшаго даровитаго критика Валеріана Майкова и нынѣшняго вице-президента Академіи Наукъ Леонида Майкова. Литературная дѣятельность Валеріана Майкова мало имѣетъ общаго съ теоріей искусства для искусства и художественнаго объективизма. Но эта дѣятельность относится къ болѣе позднему времени — къ 1847 г., когда связи Гончарова съ Майковыми уже носили совсѣмъ иной характеръ. Въ концѣ же тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ — періодъ наиболѣе тѣсныхъ отношеній Гончарова къ дому Майковыхъ, — общее направленіе дома можетъ быть охарактеризовано тѣмъ, что именно тогда были написаны Аполлономъ Майковымъ его антологическія пьесы, имѣющія въ основѣ своей такое замѣчательное эпическое спокойствіе.

Гончаровъ былъ домашнимъ учителемъ въ семьѣ Майковыхъ. Онъ давалъ уроки латинскаго языка, реторики и піитики, сначала Аполлону, а затѣмъ Валеріану. Въ высоко-интеллигентномъ домѣ Майковыхъ издавался рукописный журналъ „Лунныя Ночи“, въ которомъ принимали участіе члены семьи и ихъ знакомые. Здѣсь Гончаровъ помѣстилъ повѣсть „Счастливая ошибка“. Впрочемъ, по нѣкоторымъ указаніямъ онъ еще студентомъ помѣстилъ въ „Телескопѣ“ 1832 г. переводъ романа Эженя Сю „Атаръ Гюль“.

Съ кружкомъ Бѣлинскаго Гончаровъ познакомился толькъ въ 1846г., благодаря „Обыкновенной исторіи“, которая была прочтена знаменитымъ критикомъ еще въ рукописи и привела его въ необычайный восторгъ. Но это знакомство не было основано на настоящей, органической связи. Если мы обратимся къ воспоминаніямъ Гончарова о Бѣлинскомъ, мы увидимъ, что между ними во многихъ существенныхъ вопросахъ была цѣлая пропасть, что они расходились во многихъ важнѣйшихъ воззрѣніяхъ общественныхъ, этическихъ и политическихъ. Въ 1846 г. Бѣлинскій былъ въ разгарѣ своихъ увлеченій идеями, шедшими къ намъ въ то время изъ Франціи, — изъ Франціи Луи-Блана и Ледрю-Роллена. Врагъ всякихъ крайностей, Гончаровъ, при всемъ своемъ искреннемъ уваженіи къ Бѣлинскому, всего менѣе увлекался этими идеями, не увлекался даже самымъ сравнительно слабымъ выраженіемъ ихъ — жоржъ-зандизмомъ.

„Обыкновенная исторія“, появившаяся въ „Современникѣ“ 1847 г., имѣла успѣхъ необычайный и вмѣстѣ съ тѣмъ всеобщій. Романъ нравился всѣмъ слоямъ читающей публики. Если Бѣлинскій и его друзья восхищались реализмомъ романа, то не менѣе восхищались имъ люди противоположнаго направленія: люди умѣренности и размѣренности съ удовольствіемъ видѣли, что настроеніе ихъ поддержано талантомъ сильнымъ, молодымъ и много обѣщающимъ. Романомъ восхищались даже такія сферы, куда русская книга и попадала-то рѣдко. Въ одномъ изъ писемъ къ Василію Боткину, Бѣлинскій пишетъ: „повѣсть Гончарова произвела въ Питерѣ фуроръ. Успѣхъ неслыханный! Всѣ мнѣнія слились въ ея пользу. Даже свѣтлѣйшій князь Волконскій изъявилъ Панаеву свое удовольствіе“.

Но фактъ самый поразительный — „Сѣв. Пчела“, ярая ненавистница такъ-называемой „натуральной школы“, считавшая Гоголя русскимъ Поль-де-Кокомъ, отнеслась крайне благосклонно къ дебютанту несмотря на то, что романъ былъ написанъ по всѣмъ правиламъ ненавистной Булгарину школы.

Такимъ образомъ, 35 лѣтъ, которыя Гончаровъ имѣлъ въ запасѣ, когда писалъ „Обыкновенную исторію“, оказали большое вліяніе на первые шаги литературной карьеры нашего писателя. Никого не задѣвая, избѣгая задора, который свойственъ юности и людямъ нервнаго темперамента, того задора, который больше всего злитъ и бѣситъ старое поколѣніе, — Гончаровъ не нажилъ себѣ враговъ и сталъ всеобщимъ любимцемъ публики. *Венгеровъ.*

Путешествіе Гончарова и его литературная дѣятельность.

Въ 1852 г. Гончаровъ при содѣйствіи министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова „былъ командированъ для исправленія должности секретаря при адмиралѣ (Путятинѣ) во время экспедиціи къ русскимъ американскимъ владѣніямъ". Экспедиція имѣла опредѣленную цѣль — именно заключеніе торговаго договора съ Японіею, тогда еще безвѣстной и таинственной страной, на берега которой почти не высаживались европейцы.

Въ началѣ дѣло налаживалось плохо. „И привычнымъ людямъ казалось трудно такое плаваніе, — говоритъ Гончаровъ, — а мнѣ, новичку, оно было еще невыносимо и потому, что у меня отъ осенняго холода возобновились жестокіе припадки, которыми я давно страдалъ, невральгіи съ головными и зубными болями. Въ каютѣ отъ внѣшняго воздуха съ дождемъ, отчасти съ морозомъ защищала одна рама въ маленькомъ окнѣ. Иногда я приходилъ въ отчаяніе. Какъ при этихъ болѣхъ я выдержу двух- или трехгодичное плаваніе? Я слегъ и утѣшалъ себя мыслью, что, добравшись до Англіи, вернусь назадъ. И къ этому еще туманы, качка, холодъ!..."

Много прошло времени, пока настроеніе не стало ровнымъ и устойчивымъ. Первые мѣсяцы плаванія его психика находилась въ полной власти и распоряженіи погоды. „Было тепло, — пишетъ онъ, — мнѣ стало легче, я вышелъ на палубу. И теперь еще помню, какъ поразила меня прекрасная, тогда новая для меня, картина чужихъ береговъ, датскаго и шведскаго... Обаяніе, производимое величественною картиною этого моря и береговъ, возымѣло свое дѣйствіе надо мною. Я невольно отдавался ему, но потомъ опять возвращался къ своимъ сомнѣніямъ: привыкну ли я къ морской жизни, дадутъ ли мнѣ покой ревматизмы? Море и тянетъ къ себѣ, и пугаетъ — пока не привыкнешь къ нему".

Лишь по приходѣ въ Англію забылись и страшныя и опасныя минуты, головная и зубная боль прошли, и фрегатъ, простоявши въ докахъ два мѣсяца, пустился далѣе. Гончаровъ забылъ и думать о своемъ намѣреніи воротиться, хотя адмиралъ, узнавъ его болѣзни, соглашался было отпустить его. Впередъ, дальше — манило новое. „Тамъ, въ задумчивой дали, было тепло, и ревматизмы невѣдомы". Мало-по-малу Гончаровъ привыкъ и къ корабельной качкѣ, и къ морскимъ терминамъ, научился писать рапорты, уснащая ихъ странными и даже дикими на первый взглядъ спеціальными выраженіями, освоился съ веселой, добродушной компаніей моряковъ и почувствовалъ себя, какъ дома. Въ дорогѣ, кромѣ спеціальныхъ секретарскихъ отчетовъ, Гончаровъ писалъ еще письма, печатавшіяся въ „Морскомъ Сборникѣ, — и въ нихъ просто, безъ претензіи, разсказывалъ свои впечатлѣнія. Изъ этихъ писемъ составилось впослѣдствіи двухъ-томное описаніе плаванія: „Фрегатъ Паллада".

„Фрегатъ Паллада“ — несомнѣнно одно изъ лучшихъ произведеній русской описательной литературы, — рѣдкая книга, доступная и образованнымъ и необразованнымъ, взрослымъ и дѣтямъ. Она не затруднитъ ничьего пониманія, не поработитъ ничьего воображенія, но дастъ просторъ мысли и фантазіи всякаго читателя. Съ этой точки зрѣнія „Фрегатъ Паллада“ обладаетъ неоцѣненными достоинствами. „Замѣтимъ, — говоритъ одинъ критикъ, — что при страсти, свойственной людямъ сороковыхъ годовъ, ко всякаго рода художественнымъ описаніямъ, особенно ландшафтамъ и бытовымъ картинамъ, никогда не процвѣтали у насъ въ такой степени путевые очерки, письма и впечатлѣнія, какъ въ сороковые и пятидесятые годы. Изъ особенно выдающихся такого рода литературныхъ памятниковъ упомянемъ: „Письма объ Испаніи“ В. Боткина, „Путевыя письма изъ Италіи“ П. Ковалевскаго, печатавшіяся въ концѣ 50-хъ годовъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Но во главѣ подобныхъ произведеній по художественному значенію слѣдуетъ поставить „Фрегатъ Паллада“. Здѣсь во всей своей силѣ проявилось лучшее качество таланта Гончарова — мастерство изобрѣтательности, исполненное живой, осязательной пластичности и детальности. Картины тропической природы, африканскихъ и индѣйскихъ портовъ, гдѣ останавливался фрегатъ и предъ наблюдательными взорами художника развертывалась яркая, пестрая жизнь, совершенно чуждая всему, къ чему привыкли его взоры, словно какъ бы какого-то фантастически-сказочнаго характера, — все это представляетъ собою нѣчто единственное по своему совершенству и художественной высотѣ во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Но какія волшебныя картины ни раскрываетъ передъ нами авторъ, онъ все-таки остается горячо любящимъ свою родину со всею блѣдностью и тусклостью ея сѣверной природы; ни на минуту не забываетъ онъ Россіи, и книга его полна остроумныхъ и мѣткихъ сравненій и сопоставленій картинъ или нравовъ чуждыхъ странъ съ родными. Въ то же время ни на минуту не покидаетъ Гончарова его добродушный, веселый юморъ; чудеса тропическихъ странъ не мѣшаютъ ему наблюдать нравы окружающихъ его русскихъ моряковъ, начиная съ высшихъ чиновъ до приставленнаго къ нему денщика Ѳаддеева; каждое изображенное здѣсь лицо мало того что живетъ и дышитъ передъ вами, но и является въ высшей степени типичныхъ, и повседневная жизнь фрегата рисуется передъ вами во всѣхъ ея деталяхъ“.

Послѣ этой общей характеристики намъ необходимо поглубже заглянуть въ заграничныя впечатлѣнія Гончарова. Умному русскому человѣку дореформеннаго быта пришлось повидать чуть не весь свѣтъ и примѣнять свою, выработанную Обломовщиной и заграничнымъ воспитаніемъ, точку зрѣнія на самыхъ разнообразныхъ параллеляхъ и меридіанахъ. Это не можетъ не быть интереснымъ: мы услышимъ и увидимъ Гончарова всего, какъ онъ есть, во весь ростъ. Нигдѣ и никогда не говорилъ онъ такъ много отъ себя, нигдѣ и никогда не раскрывалъ онъ съ такой полнотою своего міросозерцанія, какъ именно въ „Фрегатѣ

Паллады". Это не исповѣдь, къ которой Гончаровъ никогда не былъ способенъ, а откровенная передача всѣхъ, даже мимолетныхъ, думъ, чувствъ, симпатій, гдѣ каждое слово на своемъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ничего выдуманнаго, тѣмъ менѣе вымученнаго.

Однажды въ индійскомъ океанѣ, близъ мыса Доброй Надежды, Гончарову пришлось испытать сильный штормъ. „Пошелъ дождь и началъ капать въ каюту, — разсказываетъ онъ. — Мѣсто, гдѣ я сидѣлъ, было самое удобное, и я удерживалъ его за собой до послѣдней крайности. Ревъ вѣтра долеталъ до общей каюты, размахи судна были все больше и больше. Штормъ былъ классическій во всей формѣ. Въ теченіе вечера приходили раза два за мною сверху звать посмотрѣть его. Разсказывали, какъ, съ одной стороны, вырывающаяся изъ-за тучъ луна озаряетъ море и корабль, а съ другой — нестерпимымъ блескомъ играетъ молнія. Они думали, что я буду описывать эту картину. Но такъ какъ на мое покойное и сухое мѣсто давно уже были три или четыре кандидата, то я хотѣлъ досидѣть тутъ до ночи; но не удалось. Часовъ въ десять вечера жестоко поддало, валъ хлынулъ и разлился по всѣмъ палубамъ, на которыхъ и безъ того скопилось много дождевой воды. Она потоками устремилась въ люки, которыхъ не закрывали для воздуха. Цѣлые каскады начали хлестать въ каюту: на столъ, на скамьи, на полъ, на насъ, не исключая и моего мѣста и меня самого. Нечего дѣлать — пришлось выйти на палубу. Мы выбирались наверхъ, темнота ужасная, вой вѣтра еще ужаснѣе. Не видно было, куда ступить. Вдругъ молнія. Она освѣтила кромѣ моря еще озеро воды на палубѣ, толпу народа, тянувшаго какую-то снасть, да протянутые леера, чтобы держаться въ качку. Я шагалъ въ водѣ черезъ веревки, сквозь толпу; добрался кое-какъ до дверей своей каюты и тамъ, ухватясь за кнехтъ, чтобы не бросило куда-нибудь въ уголъ, пожалуй на пушку, остановился посмотрѣть хваленый штормъ. Молнія, какъ молнія, только безъ грома, если его за вѣтромъ не слыхать. Луны не было. — „Какова картина?" спросилъ меня капитанъ, ожидая восторговъ и похвалъ. — „*Безобразіе, безпорядокъ*, отвѣчалъ я, уходя весь мокрый въ каюту перемѣнить обувь и бѣлье".

Эту небольшую сцену критика давно уже отмѣтила, какъ чрезвычайно характерную для творца Обломова. Люди привыкли восхищаться необычайнымъ, поражающимъ, рѣдкимъ въ природѣ и жизни. Гончаровъ, проходя равнодушнымъ мимо яркихъ и случайныхъ эффектовъ, относится гораздо внимательнѣе и любовнѣе къ простому и будничному. „Зачѣмъ оно, это дикое и грандіозное, — спрашиваетъ онъ себя, — море, напримѣръ? Богъ съ нимъ. Оно наводитъ только грусть на человѣка: глядя на него, хочется плакать. Сердце смущается робостью передъ необозримой пеленой водъ".

Въ XIX вѣкѣ не было, кажется, ни одного поэта, который не восторгался бы моремъ. Оно — поэтическій символъ безконечнаго, таинственнаго. Оно шумитъ и бьется въ созвучіи съ гордой, оскорбленной душой Байрона, вызываетъ тихую печаль у Шелли. Въ богатомъ запасѣ его

мелодій есть родныя для каждаго; но Гончарову оно представляется слишкомъ тревожнымъ. Онъ любитъ другія картины — родныя березы, густые кустарники, спокойную гладь озера, дымную избушку гдѣ-нибудь на косогорѣ. Онъ чувствуетъ себя хорошо и бодро среди дремлющей осенней природы, въ саду, въ аллеяхъ, усыпанныхъ пожелтѣвшими листьями, а бурное море... „Богъ съ иимъ!“ Горы и пропасти тоже мало его привлекаютъ. „Онѣ созданы не для увеселенія человѣка. Онѣ грозны, страшны“. Въ нихъ природа какъ будто волнуется, сердится, угрожаетъ, чего-то ищетъ, куда-то мечется. Обломовка понятнѣе, милѣе, она — „своя“. „Небо тамъ, кажется, напротивъ, ближе жмется къ землѣ, но не съ тѣмъ, чтобы метать сильнѣе стрѣлы, а развѣ только, чтобы обнять ее покрѣпче, съ любовью; оно распростерлось такъ невысоко надъ головой, какъ родительская надежная кровля, чтобы уберечь, кажется, избранный уголокъ отъ всякихъ невзгодъ.

„Солнце тамъ ярко и жарко свѣтитъ около полугода и потомъ удаляется оттуда не вдругъ, точно нехотя, какъ будто оборачивается назадъ взглянуть еще разъ или два на любимое мѣсто и подарить ему осенью среди ненастья ясный, теплый день.

„Горы тамъ какъ будто модели тѣхъ страшныхъ, гдѣ-то воздвигнутыхъ горъ, которыя ужасаютъ воображенія. Это рядъ отлогихъ холмовъ, съ которыхъ пріятно кататься, рѣзвясь, на спинкѣ или, сидя на нихъ, смотрѣть въ раздумьи на заходящее солнце.

„Рѣка бѣжитъ весело, шаля и играя, она то разольется въ веселый прудъ, то стремится быстрой нитью или присмирѣетъ, будто задумавшись, и чуть-чуть ползетъ по камешкамъ, выпуская изъ себя по сторонамъ рѣзвые ручьи, подъ журчанье которыхъ сладко дремлется“. „Да, Богъ съ ними — „этими воплями природы“, „этими спящими силами, ядовито издѣвающимися надъ гордой волей человѣка“; однообразныя картины родного Поволжья милѣе и ближе. Онѣ ласковѣе относятся къ человѣку, не раздражаютъ, не грозятъ ему ежеминутно гибелью, въ нихъ есть что-то даже материнское.

И гдѣ бы ни былъ Гончаровъ, какія бы чудеса свѣта ни осматривалъ онъ, какъ бы эффектны ни были море, горы и пропасти, онъ ни на минуту не забывалъ близкаго сердцу уголка. Его воображеніе, давно уже отрѣшившееся отъ романтичной закваски, не требовало и не искало ничего поразительнаго, экстраординарнаго. Ни буря ни вулканическія изверженія не находили отзвука въ его душѣ: его темпераментъ требовалъ порядка, покоя, — пожалуй дремоты.

Онъ отдавалъ дань красотѣ чуждой природы, но среди безчисленныхъ описаній, разбросанныхъ по страницамъ двухъ объемистыхъ томовъ „Фрегата Паллады“, чаще всего встрѣчаются описанія, имѣющія родной и привычный для ихъ автора колоритъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ рисуетъ онъ картины тихихъ вечеровъ, когда закатъ солнца прекращаетъ шумливую, безпокойную жизнь, когда такъ пріятно погружаться въ созерцательное настроеніе духа, свободно отдаваясь мимолетнымъ, почти неуловимымъ мечтамъ.

Его постоянно тянетъ къ отдыху, къ спокойному креслу, задушевной бесѣдѣ, спокойному молчанію гдѣ-нибудь на балконѣ. Онъ самъ добродушно подсмѣивается надъ такими обломовскими склонностями, но — „не искать же головоломныхъ приключеній, да и къ чему они?“ „Какое наслажденіе, — пишетъ онъ, — послѣ долгаго странствованія по морю, лечь спать на берегу, въ постель, которая не качается, гдѣ со стороны ничего не упадетъ, гдѣ надъ вашей головой не загремитъ ни бизань-шкотъ, ни гроттъ-босъ, гдѣ ничто не шелохнется, думалъ я и вдругъ вспомнилъ, что здѣсь землетрясенія — обыкновенное, ежегодное явленіе. Избави Боже отъ такой качки“... Лучше ѣхать по гладкой, убитой дорогѣ, чѣмъ по ухабамъ, или по краямъ пропастей; лучше спокойно сидѣть на мѣстѣ, чѣмъ описывать вмѣстѣ съ кресломъ „никому невѣдомыя математическія линіи“; лучше наблюдать идиллію, чѣмъ трагедію; лучше слушать тихую мелодію, чѣмъ тревожные звуки вагнеровской музыки.

...А онъ мятежный проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой...

этого мотива Гончаровъ не зналъ никогда.

Съ удивительнымъ искусствомъ люди устраиваются на землѣ такъ плохо, какъ нельзя хуже. Они не умѣютъ наслаждаться хорошей минутой, привычное быстро надоѣдаетъ имъ, въ погоняхъ за недостижимымъ, необычайнымъ тратятъ свои силы. А развѣ нельзя жить проще, лучше?... Однажды среди широкаго океана Гончарову показалось, что онъ увидѣлъ передъ собой настоящую идиллію, на которую особенно любовно откликнулась его душа. Чудная погода, только что прочитанныя книги — все это настроило его на ладъ Ѳеокрита, и онъ написалъ нѣсколько удивительныхъ страницъ. Мѣсто дѣйствія — тогда еще таинственные, мало извѣстные Ликійскіе острова.

„Да, это идиллія, брошенная среди безконечныхъ водъ Тихаго океана. Слушайте теперь сказку: Дерево къ дереву, листокъ къ листку такъ и прибраны, не спутаны, не смѣшаны въ неумышленномъ безпорядкѣ, какъ обыкновенно дѣлаетъ природа. Все будто размѣрено, расчищено и красиво разставлено, какъ декораціи или на картинахъ Ватo. Читаете, что люди, лошади, быки — здѣсь карлики, а куры и пѣтухи — великаны; деревья колоссальныя, а между ними чуть-чуть журчатъ серебряныя нити ручейковъ, да пріятно шумятъ театральные каскады. Люди добродѣтельны, питаются овощами и ничего между собою, кромѣ учтивостей не говорятъ; иностранцы ничего, кромѣ дружбы, ласкъ да земныхъ поклоновъ, отъ нихъ добиться не могутъ. Живутъ они патріархально, толпой выходятъ навстрѣчу путешественникамъ, берутъ за руки, ведутъ въ дома и съ земными поклонами ставятъ предъ ними избытки своихъ полей и садовъ“...

„Что это? Гдѣ мы? Среди древнихъ пастушескихъ народовъ, въ золотомъ вѣкѣ? Ужели Ѳеокритъ въ самомъ дѣлѣ правъ? Все это мнѣ приходило въ голову, когда я шелъ подъ тѣнью акацій, миртовъ и банановъ; между ними видны кой-гдѣ пальмы. Я заходилъ въ сторону,

шевелилъ въ кустахъ, разводилъ листья, смотрѣлъ на ползучія растенія и потомъ бѣжалъ догонять товарищей.

„Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ меньше вѣрилось глазамъ.

„Между деревьями, въ самомъ дѣлѣ, какъ на картинкахъ, жались хижины, окруженныя каменнымъ заборомъ изъ коралловъ, сложенныхъ такъ плотно, что любая пушка задумалась бы передъ этой крѣпостью; и это только, чтобы оградить какую-нибудь хижину. Я заглядывалъ за заборъ: миніатюрные дома окружены огородомъ и маленькимъ полемъ. Въ деревнѣ заборъ былъ сплошной: на стѣнѣ, за стѣной росли деревья; изъ-за нихъ выглядывали цвѣты. Еще издали завидѣлъ я, что у воротъ стояли, опершись на длинные бамбуковые посохи, жители; между ними, съ важной осанкой, съ задумчивыми, серіозными лицами, въ широкихъ простыхъ, но чистыхъ халатахъ, съ широкимъ поясомъ, видѣлись, — совѣстно и сказать, — „старики“, непремѣнно скажешь „старцы“, съ длинными сѣдыми бородами, съ зачесанными кверху и собранными въ пучокъ на маковкѣ волосами. Когда мы подошли ближе, они низко поклонились, преклоняя головы и опуская внизъ руки. За нихъ боязливо прятались дѣти.

„Я любовался тѣмъ, что вижу, и дивился — не тропической растительности, не теплому, мягкому и пахучему воздуху, — это все было и въ другихъ мѣстахъ, а этой стройности и прибранности лѣса, дороги, тропинокъ, садовъ, простотѣ одеждъ и патріархальному, почтенному виду стариковъ, строгому и задумчивому выраженію ихъ лицъ, нѣжности и застѣнчивости въ чертахъ молодыхъ; дивился также я этимъ земляным и каменнымъ работамъ, стоившимъ столькихъ трудовъ: это муравейникъ или въ самомъ дѣлѣ идиллическая страна, отрывокъ изъ жизни древнихъ. Здѣсь какъ все родилось, такъ, кажется и не измѣнилось цѣлыя тысячелѣтія. Что у другихъ смутное преданіе, то здѣсь современность, чистѣйшая дѣйствительность. Здѣсь еще возможенъ золотой вѣкъ.

„Лѣсъ, какъ садъ, какъ паркъ царя или вельможи. Вездѣ виденъ бдительный глазъ и заботливая рука человѣка, которая беретъ обильную дань съ природы, не искажая и не оскорбляя ея величія. Глядя на эти коралловые заборы, вы подумаете, что за ними прячутся такіе же крѣпкіе дома — ничего не бывало: тамъ скромно стоятъ игрушечные домики, крытые черепицей, или бѣдныя хижины, въ родѣ хлѣвовъ, крытыя рисовой соломой, о трехъ стѣнахъ изъ тонкаго дерева, заплетеннаго бамбукомъ; четвертой стѣны нѣтъ: одна сторона дома открыта; она задвигается, въ случаѣ нужды, рамой, заклеенной бумагой, за неимѣніемъ стеколъ; это у зажиточныхъ домовъ, а у хижинъ вовсе не задвигается.

„Мы подошли къ красивому, объ одной аркѣ, надъ ручьемъ, мосту, сложенному плотно и массивно, тоже изъ коралловыхъ большихъ камней. Кто училъ этихъ дѣтей природы строить? невольно спросишь себя: здѣсь никто не былъ; какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ узнали объ ихъ существованіи и въ первый разъ заглянули къ нимъ люди, умѣю-

щіе строить такіе мосты; сами они нигдѣ не были. Это единственный уцѣлѣвшій клочокъ древняго міра, какъ изображаютъ его Библія и Гомеръ. Это не дикари, а народъ-пастыри, питающіеся отъ стадъ своихъ, патріархальные люди, съ полнымъ развитымъ понятіемъ о религіи, объ обязанностяхъ человѣка, о добродѣтели. Идите сюда повѣрять описанія библейскихъ и одиссеевскихъ мѣстностей, жилищъ, гостепріимства, первобытной тишины и простоты жизни. Васъ поразитъ мысль, что здѣсь живутъ двѣ тысячи лѣтъ безъ перемѣны. Люди, страсти, дѣла — все просто, несложно, первобытно. Въ природѣ тоже красота и покой; солнце свѣтитъ жарко и румяно, воды льются тихо, плоды висятъ готовые. Книгъ, пороху и другого подобнаго разврата нѣтъ. Посмотримъ, что будетъ дальше. Ужели новая цивилизація тронетъ и этотъ забытый, древній уголокъ?"

Идиллія — это праздничное, случайное настроеніе духа, идилліями жить нельзя — особенно такому выдержанному спокойному человѣку, какъ Гончаровъ. Въ обычномъ настроеніи духа онъ является передъ нами, пожалуй даже просвѣщеннымъ европейцемъ, любящимъ комфортъ и культуру, и готовымъ ставить ихъ выше любой идиллической дикости. Обломовъ совершенно замолкаетъ въ немъ. Послѣ долгаго десятимѣсячнаго странствованія фрегатъ „Паллада" бросилъ, наконецъ, якорь въ Нагасакскомъ рейдѣ. „Декорація бухты, рейда, со множествомъ лодокъ, страннаго города съ кучей сѣренькихъ домовъ, пролива съ холмами, эта зелень, яркая на близкихъ, блѣдная на дальнихъ холмахъ: все такъ гармонично, живописно, такъ не похоже на дѣйствительность, что сомнѣваешься, не нарисованъ ли весь этотъ видъ, не взятъ ли цѣликомъ изъ волшебнаго балета?

„Что за заливцы, уголки, пріюты прохлады и лѣни образуютъ узоръ береговъ въ проливѣ? Вонъ тамъ идетъ глубоко въ холмъ ущелье, темное, какъ коридоръ, лѣсистое и такое узкое, что, кажется, ежеминутно грозитъ раздавить далеко запрятавшуюся туда деревеньку. Тутъ меленькая, обставленная деревьями бухта, сонное затишье, гдѣ всегда темно и прохладно, гдѣ самый сильный вѣтеръ чуть-чуть рябитъ волны: тамъ безпечно отдыхаетъ вытащенная на берегъ лодка, уткнувшись однимъ концомъ въ воду, другимъ въ песокъ". Казалось бы, забыться и заснуть! Но нѣтъ. Гончаровъ умѣлъ держать себя въ рукахъ. Какъ человѣкъ европейски образованный, къ тому же представитель эпохи перелома, съ юности уже ощутившій новыя трудовыя вѣянія, — онъ понялъ, что роль Обломова и обломовщины кончена. Онъ отрывается отъ очаровательной полной лѣни и нѣги картины... „Но съ страннымъ чувствомъ, — говоритъ онъ, — смотрю я на эти игриво-созданные смѣющіеся берега; непріятно видѣть этотъ сонъ, отсутствіе движенія. Люди появляются рѣдко, животныхъ не видать; я только разъ слышалъ собачій лай. Нѣтъ людской суеты, мало признаковъ жизни. Кромѣ караульныхъ лодокъ, другія робко и торопливо скользятъ у береговъ съ двумятремя голыми гребцами, съ слюнявымъ мальчишкой или остроглазой дѣвчонкой.

„Такъ ли должны быть населены эти берега? Куда спрятались жители? Зачѣмъ не шевелятся они толпой на этихъ берегахъ? Отчего не видно работы, возни, нѣтъ шума, гама, криковъ, пѣсенъ, словомъ, кипѣнія жизни или мышьей бѣготни? по выраженію поэта. Зачѣмъ по этимъ широкимъ водамъ не снуютъ взадъ и впередъ пароходы, а тащится какая-то неуклюжая большая лодка, завѣшанная синими, бѣлыми, красными тканями. Откуда слышенъ однообразный звукъ „бумъ-бумъ-бумъ“ японскаго барабана? Это, скажутъ вамъ, физенскій или сатсумскій князья объѣзжаютъ свои владѣнія“. „Зачѣмъ же такъ пусты и безжизненны эти прекрасные берега? Зачѣмъ такъ скучно смотрѣть на нихъ, до того, что и выйти изъ каюты не хочется? Скоро ли все это заселится, оживится?...“

Разумѣется, ни одинъ изъ этихъ вопросовъ не могъ бы прійти въ голову Ильѣ Ильичу Обломову. Онъ такъ искренне ненавидѣлъ „мышью бѣготню“, такъ глубоко презиралъ всякую суетливость, что хотя тоже, вѣроятно, не вышелъ бы изъ каюты, но почувствовалъ бы на душѣ глубокое умиленіе и удовлетворенность. Очень можетъ быть, что и самъ Гончаровъ не совсѣмъ искренень въ данномъ случаѣ. Что-то головное, заученное, дѣланное слышится въ его словахъ. Тонъ его рѣчи не простой, какъ обыкновенно, а нѣсколько приподнятый, въ словахъ много недоговореннаго. Именно головой, а не сердцемъ, не всѣмъ существомъ своимъ воспринялъ Гончаровъ европейскую культуру и удивленіе передъ цивилизаціей и пожеланіе этой послѣдней всяческаго благополучія. Оттого не совсѣмъ просты и живы его рѣчи по адресу культуры, какъ не просты и не живы Адуевы-дяди, Штольцы, Тушины.

Какъ бы оно ни было, въ обычномъ настроеніи духа онъ твердо держится разъ избранной позиціи. Замѣчательна общая оцѣнка, которую онъ даетъ Японіи и японцамъ:

...„Японскій народъ чувствуетъ сильную потребность въ развитіи, и эта потребность проговаривается во многомъ. Притомъ онъ бѣденъ, нуждается въ сообщеніи съ другими. Порядочные люди, особенно изъ переводчиковъ обращавшихся съ европейцами, охаютъ, какъ я писалъ, отъ скуки и недостатка жизни умственной и нравственной. Низшій классъ тоже съ завистью и удивленіемъ посматриваетъ на наши суда, на людей, проситъ у насъ вина, жадно пьетъ водку, хватаетъ брошенный кусокъ хлѣба, съ дѣтскимъ любопытствомъ взглядывается въ бездѣлки, ловитъ на лету въ своихъ лодкахъ какую-нибудь тряпку, прячетъ... Кликни только кличъ, и японцы толпой вырвутся изъ воротъ своей тюрьмы. Они общежительны, охотно увлекаются новизной; и не преслѣдуй у нихъ шпіоны, какъ контрабанду, каждое прошептанное съ иностранцами слово, обмѣненный взглядъ, наши суда сейчасъ же безъ всякихъ трактатовъ завалены бы были всевозможными товарами.

„Сколько у нихъ (японцевъ) жизни кроется подъ этой апатіей, сколько веселости, игривости. Куча способностей, дарованій — все это видно въ мелочахъ, въ пустомъ разговорѣ, но видно также, что нѣтъ только содержанія, что всѣ собственныя силы жизни перекипѣли, пере-

горѣли и требуютъ только новыхъ, освѣжительныхъ началъ. Японцы очень живы и натуральны; у нихъ мало такихъ нелѣпостей, какъ у китайцевъ; напримѣръ: тяжелой, педантической, устарѣлой и ненужной учености, отъ которой люди дурѣютъ. Напротивъ, они все вывѣдываютъ, обо всѣмъ разспрашиваютъ и все записываютъ. Всѣ почти бывшіе въ Іедо голландскіе путешественники разсказываютъ, что къ нимъ нарочно посылали японскихъ ученыхъ, чтобы заимствовать что-нибудь новое и полезное. Между тѣмъ китайскій ученый не смѣетъ даже выразить свою мысль живымъ, употребительнымъ языкомъ: это запрещено; онъ долженъ выражаться, какъ показано въ книгахъ. Если японцы и придерживаются стараго, то изъ боязни только новаго, хотя и убѣждены, что это новое лучше. Они сами скучаютъ и зѣваютъ, тогда какъ у китайцевъ, по разсказамъ, этого нѣтъ".

Я привелъ эти строки совсѣмъ не для того, чтобы читатель оцѣнилъ проницательность Гончарова, который понялъ японцевъ въ то время, когда тѣ не подавали еще признаковъ жизни, а по совершенно другой причинѣ. Дѣло въ томъ, что разсужденія, подобно только что цитированнымъ, не остановятъ на себѣ особеннаго вниманія, встрѣться они въ какой-нибудь публицистической работѣ, тѣмъ болѣе въ журналѣ. Но гдѣ у классиковъ нашей литературы вы найдете что-нибудь подобное? Вѣдь здѣсь дикое, сонное состояніе прямо противополагается развитію, культурѣ и прямо въ защиту послѣднихъ; здѣсь культура и развитіе считаются необходимыми для народа и полезными ему"... „Кликни только кличъ, и японцы толпой вырвутся изъ воротъ своей тырмы". Затѣмъ, будетъ ли отъ этого лучше, не промѣняетъ ли народъ свое спокойное, хотя бы сонное царство на мишуру и тревоги цивилизаціи, — да нужна ли, наконецъ, эти цивилизація? А безъ нея — „по правдѣ, по-мужицки, по-дурацки" — развѣ нельзя? Гончаровъ даже не ставитъ себѣ этихъ вопросовъ, вѣроятно, потому, что они просто не существовали для него. Гомерическое благоразуміе, которымъ онъ обладалъ, никогда не позволяло ему вдаваться въ крайности, и онъ склонялся передъ жизненной необходимостью, довольный и спокойный, безъ сомнѣній, безъ протеста и колебаній въ душѣ. А между тѣмъ онъ и не думалъ закрывать глаза на правду жизни, какъ бы жестока она ни была. Онъ не думаетъ, напримѣръ, описывать радужными красками положеніе цивилизующихся народовъ, онъ даже сочувствуетъ ихъ страданіямъ въ процессѣ „приспособленія", но эти страданія не возмущаютъ его, не срываютъ невольнаго проклятія... „Что дѣлать?..." говоритъ онъ своимъ спокойнымъ, неторопливымъ голосомъ.

Я позволяю себѣ привести квинтъ-эссенцію „европейскихъ" взглядовъ Гончарова на культуру. Это извѣстное разсужденіе его о роскоши и комфортѣ.

„Роскошь—порокъ, уродливость, неестественное уклоненіе человѣка за предѣлы естественныхъ потребностей развратъ. Развѣ не развратъ и не уродливость платить тысячу золотыхъ монетъ за блюдо изъ птичьихъ мозговъ или языковъ, или филе изъ рыбы, не потому, чтобъ эти блюда

были тоньше вкусомъ прочихъ недорогихъ, а потому, что этихъ мозговъ и рыбъ не напасешься? Или не безуміе ли обѣдать на такомъ сервизѣ, какого нѣтъ ни у кого, хоть бы пришлось отдать за него половину имѣнія? Не глупость ли заковывать себя въ золото и каменья, въ которыхъ поворотиться трудно, или надѣвать кружева, чуть не изъ паутины, и бояться сѣсть, облокотиться?...

„Тщеславіе и грубое излишество въ наслажденіяхъ — вотъ отличительныя черты роскоши. Оттого роскошь недолговѣчна: она живетъ лихорадочною и эфемерною жизнью; никакіе крезы не достигаютъ до геркулесовыхъ столповъ въ ней; она падаетъ, истощившись въ насыщеніи, увлекая паденіемъ и торговлю. Рядомъ съ роскошью всегда таится невидимый ея врагъ — нищета, которая сторожитъ минуту, когда мишурная богиня зашатается на пьедесталѣ: она быстро, въ циническихъ лохмотьяхъ своихъ, сталкиваетъ царицу, садится на ея престолъ и гложетъ великолѣпные остатки. Вспомните не одну Венецію, а хоть Испанію, напримѣръ: ужъ, кажется, трудно выдумать наряднѣе епанчу, а въ какую дырявую мантію нарядилась она послѣ! Да однѣ ли Испанія и Венеція?... Гдѣ роскошь, тамъ нѣтъ торговли; это конвульсивные, отчаянные скачки черезъ препятствіе: перескачетъ, хвать — внизъ и сломаетъ ноги.

„Не таковъ комфортъ: какъ роскошь есть безуміе, уродливое и неестественное уклоненіе отъ указанныхъ природой и разумомъ потребностей, такъ комфортъ есть разумное, выработанное до строгости и тонкости, удовлетвореніе этимъ потребностямъ. Для роскоши нужны богатства: комфортъ доступенъ при обкновенныхъ средствахъ. Богачъ уберетъ свою постель валансьенскими кружевами; комфортъ потребуетъ тонкаго и свѣжаго полотна. Роскошь садится на инкрустированномъ золоченомъ креслѣ, ѣстъ на золотѣ и серебрѣ; комфортъ требуетъ не золоченаго, но мягкаго, покойнаго кресла, хотя и не изъ рѣдкаго дерева; для стола онъ довольствуется фаянсомъ или, много, фарфоромъ. Роскошь потребуетъ рѣдкой дичи, фруктовъ не по сезону; комфортъ будетъ придерживаться своего обыкновеннаго стола, но зато онъ потребуетъ его вездѣ, куда ни заброситъ судьба человѣка: и въ Африкѣ, и на Сандвичевыхъ островахъ, и на Нордъ-Капѣ — вездѣ нужны ему свѣжіе припасы, мягкая говядина, молодая курица, старое вино. Вездѣ онъ хочетъ находить то сукно и шелкъ, въ которые одѣваются въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Петербургѣ; вездѣ къ его услугамъ долженъ быть сапожникъ, портной, прачка. Роскошь старается, чтобъ у меня было то, чего не можете имѣть вы; комфортъ, напротивъ, требуетъ, чтобъ я у васъ нашелъ то, что привыкъ видѣть у себя“.

Если мнѣ скажутъ по поводу приведеннаго и многихъ подобныхъ ему разсужденій, что Гончаровъ писалъ письма съ „Фрегата Паллады“ отчасти и какъ официальное лицо, связанное извѣстными обязательствами, то я отвѣчу, что придаю указанному обстоятельству очень мало значенія. Дѣло въ томъ, что Гончаровъ не сталъ бы кривить душой, какъ писатель, а, во-вторыхъ, подобные взгляды онъ высказывалъ не разъ

и не только въ „Фрегатѣ Паллада“. Причину ихъ искать нужно поглубже — въ самой индивидуальности человѣка, условіяхъ его жизни, въ его ровномъ темпераментѣ, который бѣжитъ всякой крайности, умѣетъ дорожить жизнью, природой, творчествомъ съ здоровымъ аппетитомъ здороваго человѣка, тѣмъ болѣе такого, духъ котораго не помраченъ пресыщеніемъ и излишествами ряда предковъ. *Соловьевъ.*

Жизнь и труды Гончарова по возвращеніи изъ путешествія.

По возвращеніи, послѣ двухъ съ половной лѣтъ плаванія по морямъ, и путешествія отъ Охотскаго моря черезъ Сибирь, Гончаровъ въ 1855 и 1856 годахъ напечаталъ описаніе этого путешествія по частямъ въ „Морскомъ Сборникѣ“, „Современникѣ“, „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Русскомъ Вѣстникѣ“, а въ 1857 году издалъ отдѣльною книгою въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: „Фрегатъ Паллада“, которое въ 1862 году вышло вторымъ изданіемъ, всего въ числѣ шести тысячъ экземпляровъ. Между тѣмъ онъ перешелъ на службу министерства народнаго просвѣщенія на должность цензора въ 1856 году, которая почти не оставляла ему свободнаго времени для прочихъ занятій. Усидчивая работа вмѣстѣ съ петербургскимъ климатомъ вредно подѣйствовала на его здоровье и принудило прибѣгнуть къ пособію минеральныхъ водъ.

Во время четырехмѣсячныхъ каникулъ за границей онъ успѣлъ докончить давно начатый романъ: „Обломовъ“, который появился въ печати въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ 1859 году и въ томъ же году отдѣльной книжкой, а потомъ въ 1862 году вторымъ изданіемъ. Въ 1862 году Гончаровъ назначенъ былъ главнымъ редакторомъ газеты министерства внутреннихъ дѣлъ „Сѣверная Почта“, а въ слѣдующемъ — перешелъ на должность члена совѣта того же министерства по дѣламъ печати. Послѣ романа „Обломовъ“ онъ напечаталъ три отрывка изъ неоконченнаго и неизданнаго романа „Райскій“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Современникѣ“ подъ заглавіемъ „Софья Николаевна Бѣловидова“, „Портретъ“ и „Бабушка“. *Изъ „Автобіографіи“.*

Остальные годы жизни Гончарова.

Гончаровъ вышелъ въ отставку въ 1867 году. На покоѣ, внѣ служебныхъ занятій, онъ написалъ нѣсколько этюдовъ: „Мильонъ терзаній“, „Литературный вечеръ“, „Замѣтки о личности Бѣлинскаго“, „Лучше поздно, чѣмъ никогда“, „Май мѣсяцъ въ Петербургѣ“. На закатѣ дней своихъ, онъ очень рѣдко посѣщалъ родину, пребывая

постоянно въ Петербургѣ. Жизнь онъ велъ уединенную, замкнутую, растеривая послѣднія знакомства, къ тому же не многочисленныя и раньше. Когда же въ годы уже глубокой старости, общая физическая немощь и въ частности болѣзнь глазъ давали себя особенно чувствовать, Гончаровъ проводитъ дни въ полномъ уединеніи, почти анахоретомъ. Обычныя свои прогулки и то въ сопровожденіи онъ сократилъ. 15 сентября 1891 года онъ умеръ. Похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ. *Землянскій.*

Похороны Гончарова.

Сегодня, 19-го сентября, происходили похороны знаменитаго романиста И. А. Гончарова, отличавшіяся большою торжественностію и привлекшія очень многочисленную публику.

Въ 9 час. утра въ квартиру покойнаго собрались многіе литеторы, журналисты, почитатели покойнаго, принадлежавшіе ко всѣмъ слоямъ столичнаго общества, а также много учащейся молодежи.

По совершеніи послѣдней литіи, дубовый гробъ съ останками покойнаго, крышку котораго украшалъ небольшой вѣнокъ изъ благоухающихъ цвѣтовъ, вынесли на улицу старѣйшіе литераторы, друзья и почитатели покойнаго. У двери квартиры его ожидало очень много народа. Во главѣ процессіи шло духовенство съ хоромъ пѣвчихъ; погребальную колесницу везли двѣ пары лошадей въ траурныхъ попонахъ. Слѣдовавшія за нею дроги были заняты множествомъ вѣнковъ.

На гробъ покойнаго романиста возложено было около 30 вѣнковъ: серебряные отъ студентовъ С.-Пб. университета, отъ почитателей, отъ редакціи журнала „Нива“; фарфоровые и изъ живыхъ цвѣтовъ и растеній: отъ Академіи Наукъ, Литературнаго фонда, С.-Пб. городской думы, отъ редакцій здѣшнихъ газетъ и журналовъ: „Правительственнаго Вѣстника“, „Новостей“, „Новаго Времени“, „Вѣстника Европы“, „Сѣвернаго Вѣстника“, „Недѣли“, „Живописнаго Обозрѣнія“, „Сына Отечества“, „Русской Школы“, „Петербургскаго Листка“, „Петербургской Газеты“ и др., и также отъ редакцій „Русскихъ Вѣдомостей“, „Новостей Дня“ и др.; отъ русскаго музыкальнаго общества; отъ С.-Пб. консерваторіи, отъ драматическихъ курсовъ, отъ историко-филологическаго института, отъ училища правовѣдѣнія, отъ женскихъ педагогическихъ курсовъ, отъ рождественскихъ фельдшерскихъ курсовъ, отъ московскаго общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ и друг.

За гробомъ шло множество публики. Процессія направилась съ Моховой ул. по Литейному и Невскому просп., къ кладбищу Александро-Невской лавры, привлекая на пути слѣдованія группы любопытныхъ. На выносѣ и отпѣваніи присутствовали депутаціи отъ Академіи Наукъ въ лицѣ вице-президента Я. К. Грота и академика Дубровина; ген.-ад. А. А. Поповъ, который въ качествѣ молодого флот-

скаго офицера участвовалъ въ кругосвѣтномъ плаваніи съ И. А. Гончаровымъ; государственный контролеръ Т. И. Филипповъ, членъ государственнаго совѣта А. О. Бычковъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ В. К. фонъ-Плеве, сенаторы — И. С. Таганцевъ, А. Ѳ. Кони, Э. Я. Фуккъ, мѣстные поэты и писатели — А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, Д. В. Григоровичъ; представители литературнаго фонда и кассы взаимопомощи: проф. В. Н. Манассеинъ, А. К. Шеллеръ, Г. К. Градовскій; редакторъ газетъ: „Правительственнаго Вѣстника“ К. К. Случевскій, „Вѣстника Европы“ М. М. Стасюлевичъ, „Новостей“ О. К. Нотовичъ, „Недѣли“ П. А. Гайдебуровъ, „Гражданина“ кн. Мещерскій и другіе, литераторы: В. В. Крестовскій, проф. В. Д. Спасовичъ, С. В. Максимовъ, Д. А. Мордовцевъ, В. В. Стасовъ, В. А. Бильбасовъ, К. К. Арсеньевъ, Е. В. Ясинскій, Н. А. Лейкинъ, Н. Н. Каразинъ, Ольга А. Шапиръ, В. Н. Никитинъ, М. Д. Загуляевъ, проф. Полотебновъ, представители артистическаго міра: гг. Писаревъ, Горбуновъ, Свободинъ и многіе другіе.

Въ 1-мъ часу дня окончилось печальное богослуженіе. На площадкѣ передъ церковію стояла масса публики, разбившейся на оживленныя группы. Раздалось пѣніе „Святый Боже“, показались пѣвчіе и духовенство; нѣсколько человѣкъ несли вѣнки, оставленные въ церкви изъ массы прочихъ вѣнковъ, убранныхъ еще во время отпѣванія. Десятки рукъ тянулись къ гробу въ надеждѣ на послѣдній случай для выраженія уваженія къ бреннымъ останкамъ покойнаго романиста. Вслѣдъ за гробомъ двинулась вся толпа публики, такъ что у арки, ведущей на новое кладбище, и у воротъ его происходила порядочная давка. Еще большая тѣснота ощущалась на кладбищѣ вслѣдствіе того, что мѣсто для могилы И. А. Гончарова отведено въ центрѣ перекрещиваюхся могилъ съ массивными монументами. Сосѣдніе проходы, мѣста внутри рѣшетокъ были сплошь заняты публикой, почтительно ожидавшей преданія землѣ и заключительнаго момента похоронъ. Въ тепломъ осеннемъ воздухѣ въ послѣдній разъ раздалось пѣніе: „Вѣчная память“. Гробъ опустили въ могилу, по крышкѣ его застучали комья сырой земли.

Въ 2 часа публика оставила свѣжую могилу И. А. Гончарова, убранную цвѣтами и вѣнками.

Весьма любопытно совпаденіе, что могила автора романа „Обрывъ“, находится на берегу кладбищенскаго озера, который спускается къ водѣ довольно крутымъ *обрывомъ*. Это совпаденіе служило предметомъ оживленныхъ разговоровъ среди собравшейся у могилы публики.

Изъ „Новостей“ за 1891 г.

Некрологъ Гончарова.

Пятнадцатаго сентября 1891 года скончался одинъ изъ популярнѣйшихъ представителей современной русской литературы. Мы говоримъ „современной“, хотя знаменитый писатель, казалось, задолго до смерти успѣлъ пережить расцвѣтъ своей славы, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ не принималъ дѣятельнаго участія въ современной литературной жизни и даже не проявлялъ видимаго участія къ окружавшей его общественной дѣятельности. Но литературныя заслуги покойнаго въ прошломъ до такой степени важны для русскаго общественнаго сознанія, его произведенія исполнены такихъ жизненныхъ интересовъ, что молчаніе автора „Обломова“ могло только вызвать сѣтованіе на бездѣятельность крупнаго таланта, а не забвенія того, что имъ совершено. И смерть Гончарова кажется такой же прискорбной утратой для нашего времени, какъ будто только вчера написаны послѣднія строки „Обрыва“. Эта смерть лишній разъ напоминаетъ намъ запустѣніе, заброшенность нашей общественной и литературной нивы, исчезаетъ еще одна свѣтлая точка на нашемъ и безъ того крайне сѣромъ горизонтѣ.

Иванъ Александровичъ родился въ Симбирскѣ 6 іюня 1812 года. Онъ принадлежалъ къ зажиточной купеческой семьѣ. Его дѣтство и первая юность были въ полномъ смыслѣ предисловіемъ его будущей литературной дѣятельности. Въ своей семьѣ, въ родномъ городѣ Гончаровъ наблюдалъ во всей полнотѣ „всероссійскій застой“, впослѣдствіи олицетворенный имъ въ лицѣ Обломова. Интересное, чисто физіологическое прозябаніе провинціи, безъ единаго луча просвѣта, безъ единаго порыва дѣятельной, сознательной жизни — запечатлѣлись въ юномъ воображеніи будущаго писателя и эта „тишь да гладь“ отразились даже на характерѣ его таланта, выработали въ Гончаровѣ спокойный, созерцательный геній. Авторъ ни на одну минуту не чувствовалъ симпатіи къ окружавшей его обломовщинѣ, но отсутствіе страсти и гнѣва во всей его послѣдующей литературной дѣятельности невольно говоритъ о невозмутимомъ покоѣ патріархальной жизни, о мирныхъ думахъ мирнаго сына волжскаго простора.

Вліяніе дѣтства на Ивана Александровича не ограничились только обломовщиной. На четвертомъ году умеръ отецъ Гончарова, въ семью переселился его крестный отецъ, крестившій также его брата и двухъ сестеръ. Въ воспоминаніяхъ Гончарова онъ носитъ имя Якубова. Ему авторъ приписываетъ большое значеніе въ своей жизни, въ своемъ умственномъ развитіи; по его словамъ, Якубовъ стоялъ во главѣ интеллигентной жизни всей семьи, представляя ея идеальныя потребности: мать ограничивалась хозяйствомъ.

Якубовъ былъ отставной морякъ, страстно любилъ математическія науки, и зажегъ въ сердцѣ юноши непреодолимое влеченіе къ морю, мечталъ о будущихъ путешествіяхъ. Впослѣдствіи эти мечты должны

были осуществиться на самомъ дѣлѣ, а пока будущій авторъ „Фрегата Паллады“ цѣлыми часами любовался родною Волгой.

Десяти лѣтъ Гончарова привезли въ Москву для подготовленія къ университету. Спустя девять лѣтъ, онъ поступилъ въ университетъ. Иванъ Александровичъ подробно разсказываетъ о своей университетской жизни, о благотворномъ вліяніи нѣкоторыхъ профессоровъ на его литературное развитіе. Среди этихъ разсказовъ бросается въ глаза одна характерная черта. Гончаровъ попалъ въ университетъ во время пребыванія въ немъ почти всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ руководителей общественнаго сознанія сороковыхъ годовъ — Станкевича, Герцена, Аксакова. Внѣ университета существовали кружки, жившіе крайне напряженными литературными и общественными интересами. Гончаровъ не принималъ никакого участія въ этихъ кружкахъ и не былъ даже знакомъ съ ихъ руководителями. Кипучая, живая дѣйствительность даже въ годы молодости не находили отголосковъ въ созерцательной натурѣ будущаго изобразителя „установившихся формъ жизни“.

По выходѣ изъ университета Иванъ Александровичъ поступилъ сначала на службу въ симбирскую губернскую канцелярію, а потомъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, перешелъ на службу въ Петербургъ въ министерство финансовъ. Это было въ 1835 году. Вскорѣ началась и литературная дѣятельность Гончарова, сначала переводная, потомъ оригинальная. Первое произведеніе, прославившее Гончарова, былъ романъ „Обыкновенная исторія“. Онъ появился въ „Современникѣ“ въ 1847 году.

Гончаровъ, по его словамъ, въ теченіе всей своей литературной дѣятельности писалъ только себя и свою жизнь, и герой „Обыкновенной исторіи“ — это самъ авторъ и его знакомые, это — идеалистъ сороковыхъ годовъ. Отвлеченный, мечтательный идеализмъ переполнялъ душу самого писателя и постепенно разсѣевался при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣйствительностью. Это преобразованіе мечтателя и составляетъ обыкновенную исторію. Типъ противоположный Адуеву, также насчитывалъ десятки представителей въ чиновнической средѣ, окружавшей Гончарова, успѣвшей уже народить чиновниковъ-дѣльцовъ, промышленниковъ

Скоро послѣ напечатанія перваго романа Гончаровъ отправился въ кругосвѣтное путешествіе въ качествѣ секретаря адмирала Путятина, въ 1857 году вышло описаніе этого путешествія — „Фрегатъ Паллада“.

Въ слѣдующемъ году въ „Отечественныхъ Запискахъ“ появился второй романъ „Обломовъ“ — въ то время, когда въ умѣ автора складывалось уже третье и послѣднее его произведеніе. Оба романа были задуманы одновременно, но появились въ печати на пространствѣ десятилѣтняго промежутка. „Обрывъ“ напечатанъ въ 1868 году въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“.

Съ этого времени литературная дѣятельность Гончарова прекратилась. Только изрѣдка появлялись небольшіе намеки, что талантъ

знаменитаго автора еще не угасъ, но это были только намеки, ни одно изъ послѣдующихъ произведеній не производило и тѣни впечатлѣнія, охватывавшаго русское общество при появленіи каждаго изъ трехъ большихъ романовъ.

Въ 1873 году Иванъ Александровичъ покинулъ службу. Послѣднее время онъ служилъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, по цензурному вѣдомству.

Общество и литература не могли, конечно, съ легкимъ сердцемъ помириться на молчаніи Гончарова. Онъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, какъ его со всѣхъ сторонъ преслѣдовали просьбами — дать критическую статью, беллетристическій очеркъ. Гончаровъ иногда и удовлетворялъ этимъ просьбамъ. Наиболѣе цѣннымъ результатомъ уступчивости были очерки изъ личныхъ воспоминаній автора, напечатанные подъ заглавіемъ „Типы стараго времени“. Но эта уступчивость, очевидно, дорого стоила автору. Онъ самъ сознается, до какой степени трудно давались ему творчество и критическая мысль въ послѣдніе годы.

Для автора и для насъ это — фактъ совершенно понятный, естественный. Гончаровъ называетъ свой талантъ „эпическимъ“, признаетъ творчество возможнымъ только въ изображеніи „установившихся формъ жизни“. Новая, кипучая, ежедневно мѣняющаяся жизнь, по мнѣнію автора Обломова, не можетъ стать предметомъ „спокойнаго наблюденія“. И Гончаровъ это доказалъ своими произведеніями. Установившіяся формы, герои застоя выходили у него въ замѣчательно полныхъ, пластически-художественныхъ образахъ. Выразители живой дѣйствительности возбуждали у читателей недоумѣніе и всякаго рода кривотолки. Обломовъ — классическій типъ, Волоховъ — отзывается преувеличеніемъ, изображеніе его лишено обычной художественной пластичности и безпристрастія. Волоховъ — новый человѣкъ, взятый изъ той самой ежедневно мѣняющейся жизни, которую Гончаровъ признавалъ удѣломъ сатиры и летучихъ очерковъ, и этотъ характеръ ничего не прибавилъ къ славѣ автора. И поэтому, вѣроятно, писатель сторонился отъ жизни и ея художественнаго изображенія въ послѣдніе годы, и, если принимался за перо, его симпатіи невольно уносили его къ прошлому, къ „старому времени, къ установившимся формамъ“.

Здѣсь на лонѣ спокойной, родной, патріархально широкой старины авторъ у себя дома. И ни чей еще геній не рисовалъ этого родимаго далеко въ такихъ поразительно грандіозныхъ, чисто-эпическихъ образахъ. Гончаровъ по силѣ и картинности образовъ единственный бытописатель „всероссійскаго застоя“, и въ самомъ отдаленномъ будущемъ историкъ русскаго общества будетъ находить въ его романахъ неистощимый источникъ правды и жизни.

Изъ журнала „Артистъ“ за 1891 г.

Памяти Ивана Александровича Гончарова.

Онъ умеръ на восьмидесятомъ году жизни... Въ двѣнадцатомъ часу дня, 15-го сентября, въ воскресенье, тихо подкралась къ нему смерть... Онъ лежалъ такъ покойно, что окружающіе люди приняли ее за сонъ... Еще за три недѣли, 25-го августа сего года, одинъ изъ наиболѣе близкихъ къ нему людей, посѣтивъ его на дачѣ въ Петергофѣ, нашелъ здоровье старика необыкновенно удовлетворительнымъ... Черезъ два дня, 27-го августа, онъ заболѣлъ такъ сильно острою болѣзнью, что можно было ожидать немедленной катастрофы; но болѣзнь унесла безвозвратно послѣднія силы старческаго организма, и хотя больному и стало лучше, — такъ, что оказалось возможнымъ перевезти его на петербургскую квартиру, но спасти его было уже нельзя...

Въ тотъ же день быстро разнеслась по Петербургѣ вѣсть о кончинѣ старѣйшаго изъ остававшихся еще въ живыхъ русскаго великаго писателя, и на первой вечерней панихидѣ было уже много пришедшихъ поклониться праху...

Онъ умеръ одинокимъ холостякомъ, въ своей маленькой квартиркѣ изъ трехъ комнатъ, на Моховой, въ домѣ № 3, близъ Сергіевской, гдѣ прожилъ безвыѣздно, отлучаясь только за границу, или на дачу, почти тридцать лѣтъ. Въ томъ же кабинетѣ, гдѣ провелъ онъ долгіе и многіе годы, часто мучимый недугами болѣзни, открывшейся еще лѣтъ за двадцать до смерти, онъ и умеръ... Здѣсь же положили его тѣло въ простой дубовый гробъ, къ которому со всѣхъ сторонъ, отъ учрежденій, обществъ, журналовъ, высшихъ учебныхъ заведеній и многихъ частныхъ лицъ, стали стекаться вѣнки, — послѣдній даръ признательности писателю отъ читателей.

Какое множество народу разныхъ званій, состояній, возрастовъ, особенно молодежи, собиралось у этого гроба четыре дня на панихиды; какая большая толпа провожала прахъ почившаго въ могилу 19-го сентября! Кромѣ двухъ воспитанницъ усопшаго, которымъ далъ онъ образованіе, и ихъ матери, ходившей за покойнымъ, да немногихъ друзей, болѣе близкихъ, здѣсь не было никого; но тѣмъ знаменательнѣе эти похороны, собравшія такую толпу постороннихъ: она, эта толпа, обязанная покойному художественнымъ наслажденіемъ и пользою отъ его безсмертныхъ созданій, стеклась сюда, несмотря на то, что протекло уже болѣе двадцати лѣтъ, какъ написалъ онъ свое послѣднее капитальное произведеніе — „Обрывъ“.

Похоронили его торжественно, безъ всякихъ рѣчей, на новомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры. По странной случайности могила его пришлась какъ разъ на берегу кладбищенскаго озера, спускающемся къ водѣ довольно крутымъ обрывомъ.

Не біографію усопшаго, для которой извѣстно еще слишкомъ мало фактовъ, не разборъ сочиненій Гончарова, который читатели найдутъ въ нашей книгѣ о немъ, вышедшей лѣтъ за пять до его

смерти*), предлагаемъ читателямъ; въ виду недавней утраты одного изъ величайшихъ нашихъ писателей хотѣлось бы намъ, на основаніи печатныхъ трудовъ, которые оставилъ покойный, поговорить о томъ, что именно могло привлечь такую толпу къ гробу человѣка, котораго очень немногіе изъ этой толпы знали лично, а остальные едва ли при его жизни и видѣли...

Но прежде, чѣмъ говорить о значеніи сочиненій усопшаго для этой толпы, скажемъ о томъ, что даетъ въ жизни силу и значеніе человѣку вообще, а затѣмъ, конечно, и художнику: ибо въ его творческихъ созданіяхъ, составляющихъ лучшую часть его души, человѣкъ отражается особенно ярко.

Три свѣточа, три силы образуютъ душу человѣка, его характеръ, его нравственный обликъ. Эти свѣточи: *любовь*, *наука* и *искусство*.

Въ видѣ материнской ласки, въ тѣсномъ кругѣ семейныхъ привязанностей, приходитъ къ человѣку любовь, согрѣвая его сердце и принося ему радость и счастье. Говоря ребенку о Богѣ и уча его молиться, его близкіе поселяютъ въ немъ теплое религіозное чувство, а въ первыхъ товарищескихъ отношеніяхъ, въ дѣтской дружбѣ со сверстниками, уже кроется начало любви къ людямъ вообще, къ обществу, къ человѣчеству. И чѣмъ больше было у человѣка въ дѣтствѣ этой любви къ родителямъ, къ роднымъ, къ семьѣ, тѣмъ былъ онъ счастливѣе. Но вотъ юноша въ школѣ. Опять та же любовь, но уже къ учебному заведенію, гдѣ онъ учится, къ наставникамъ, къ товарищамъ, согрѣваетъ жизнь, вноситъ въ нее радость, счастье. По мѣрѣ того, какъ развивается юноша умственно, и увеличивается запасъ его знаній, это любовь мало-по-малу переходитъ на общество, родину и, наконецъ, человѣчество вообще. Человѣкъ выходитъ изъ тѣснаго круга семьи, школы въ міръ, и та же любовь побуждаетъ его быть полезнымъ родинѣ и человѣчеству, внести и свое посильное участіе въ общую работу на пользу людямъ, для увеличенія человѣческаго счастья. Эта-то любовь къ людямъ, исключающая узкій эгоизмъ, и только она одна, и дѣлаетъ насъ полезными дѣятелями, и, сознаніемъ приносимой нами пользы, дѣлаетъ насъ счастливыми. Отчего такъ несчастны всѣ эти Онѣгины, Печорины? Они никого не любятъ, кромѣ себя, они никому не нужны, никому не полезны.

Любовь — основа всего нашего существа. Нѣтъ ея, этой любви, нѣтъ и интереса къ жизни, нѣтъ радости, нѣтъ счастья; тьма и мракъ безъ нея; холодно и неуютно на сердцѣ, одинокъ и безпріютенъ безъ нея человѣкъ, жалко влачитъ онъ свое существованіе безъ этой единственной вѣрной подруги и безъ сожалѣнія покидаетъ жизнь, съ которой у него нѣтъ ничего общаго, и которая для него только тяжелое бремя. Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ и счастья;

---

*) Викторъ Острогорскій. Этюды о русскихъ писателяхъ, I. И. А. Гончаровъ. Изд. Книжн. магазина Е. Н. Тихомировой. М. 1888.

тамъ холодный узкій эгоизмъ, оторванность, обособленность отъ людей, отъ общества, отъ родины, отъ цѣлаго міра, — тамъ одно жалкое прозябаніе... Горе человѣку зрѣлыхъ лѣтъ, не любящему никого и ничего, кромѣ себя; но еще большее горе юношѣ, на разцвѣтѣ дней уже смотрящему черствымъ старикомъ, иронически относящемуся къ міру, котораго онъ не знаетъ, къ человѣчеству, котораго онъ не любитъ, къ жизни, къ счастью, которыхъ не переживалъ, не переиспытывалъ, горе за такого юношу семьѣ, государству, родинѣ: они заживо похоронили въ немъ сына, свою надежду, свою опору, своего будущаго полезнаго дѣятеля, который для нихъ такъ необходимъ...

Вторымъ свѣточемъ въ жизни является намъ наука — просвѣщеніе; она знакомитъ насъ съ вселенной, съ природой и человѣческомъ, сообщая точныя, опредѣленныя знанія, полученныя совокупными усиліями человѣчества, путемъ наблюденій и опытовъ. Въ наукахъ о природѣ познаемъ мы незыблемые законы этой природы и, познавая ихъ, съ одной стороны учимся повелѣвать и пользоваться ею на благо себѣ и людямъ; съ другой — пріучаемся уважать законъ и порядокъ, которымъ, въ свою очередь, подчинены и мы сами. Въ исторіи, напримѣръ, видимъ ходъ міровыхъ судебъ, и здѣсь, точно такъ же, какъ и въ наукахъ о природѣ, встрѣчаемъ опять законность, связь причинъ и слѣдствій, познаемъ важность жизни въ обществѣ, въ государствѣ, познаемъ условія, которыя создаютъ счастье, или несчастіе страны, ея благосостояніе, или упадокъ. По мѣрѣ того, какъ увеличивается сумма нашихъ знаній, уясняется намъ и вселенная, и наша роль въ ней, и мы уже не чувствуемъ себя одинокими, оторванными отъ міра существами, случайными, безпомощными, а напротивъ, начинаемъ смотрѣть на себя, какъ на членовъ великаго цѣлаго, начала нашей родины, а тамъ всего человѣчества. Всѣ люди, какой бы націи, вѣроисповѣданія, сословія, положенія ни были, всѣ они становятся намъ близкими, и общечеловѣческіе ихъ интересы становятся и нашими интересами. Такимъ образомъ, наука, какъ и любовь, выводитъ насъ изъ узкаго круга личности, эгоизма, въ широкій кругъ вселенной, дѣлаетъ насъ полезными членами общества, гражданами родины, а вмѣстѣ и гражданами цѣлаго міра. Кто полюбилъ науку, тому открываетъ она, какъ и искусство, цѣлый міръ наслажденій. Стремленіе къ знанію и пріобрѣтеніе его, одинъ изъ источниковъ счастія.

Ярко освѣщаетъ человѣку жизненный путь искусство. Храмъ наполняютъ душу благоговѣніемъ; прекрасная статуя показываетъ красоту человѣческаго тѣла; живопись въ пейзажахъ напоминаетъ о красотѣ и величіи природы настоящей; въ портретахъ, въ картинахъ историческихъ, жанровыхъ, наглядно показываетъ намъ человѣка, какимъ выражается онъ въ наружномъ, видимомъ обликѣ, въ разныхъ видимыхъ проявленіяхъ своей жизни и разной обстановкѣ; музыка звуками успокаиваетъ душу, заставляетъ плакать сладкими слезами,

веселитъ и развлекаетъ, уноситъ въ волшебный міръ фантазіи. Поэзія разнообразными описаніями и разсказами раскрываетъ цѣлую жизнь человѣка съ его горемъ и радостями, и, наконецъ, театръ, — искусство драматическое, воспроизводитъ эту жизнь такъ, какъ бы она происходила передъ нашими глазами, заставаляя насъ самихъ присутствовать при всемъ происходящемъ.

Но искусство важно не только тѣмъ, что знакомитъ насъ съ жизнью во всѣхъ ея разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ. Оно возбуждаетъ въ насъ любовь къ красотѣ не только физической, но и нравственной, ко всему доброму, разумному, прекрасному, гдѣ бы и въ чемъ бы оно ни выражалось. Въ наглядныхъ примѣрахъ оно показываетъ намъ, какъ и почему хорошо добро и дурно зло. Сколько не одного наслажденія, но и пользы выносимъ мы, напримѣръ, хоть изъ чтенія нашихъ великихъ писателей: Пушкина, Гоголя, Лермонтова. Какъ часто человѣкъ начинаетъ благородно мыслить и горячо чувствовать, благодаря именно чтенію великихъ писателей. Художники, писатели, эти лучшіе друзья человѣчества, расширяютъ и облагораживаютъ нашъ взглядъ на жизнь, уясняютъ намъ ея мысль и тѣмъ возбуждаютъ интересъ къ ней и уваженіе къ человѣку. Безъ живописи, музыки, и особенно поэзіи, скучна была бы жизнь; пожалѣть можно того человѣка, кто смолоду, не развивъ въ себѣ изящнаго вкуса, лишенъ одного изъ величайшихъ наслажденій въ жизни — наслажденія искусствомъ.

Эти-то три свѣточа, озаряющіе жизнь человѣка: *любовь*, въ смыслѣ *гуманности*, *наука* — *просвѣщеніе* и *искусство* нашли въ сочиненіяхъ Гончарова благороднѣйшаго выразителя. Въ своихъ трехъ романахъ *Обыкновенная исторія*, *Обломовъ*, *Обрывъ*, во *Фрегатѣ Паллада* и въ другихъ сочиненіяхъ, до конца своей жизни является онъ человѣкомъ широко гуманнымъ, любящимъ человѣка и родину, горячимъ сторонникомъ истиннаго просвѣщенія, котораго прежде всего онъ этой родинѣ желаетъ, великимъ мастеромъ искусства, высокое значеніе котораго наглядно показываетъ. Вотъ эта-то гуманность, это отношеніе къ просвѣщенію, къ искусству, и составляютъ причину, почему созданія этого писателя такъ дѣйствуютъ на душу и имѣютъ для общества великое значеніе воспитательное, культурное.

Постараемся въ нѣсколькихъ общихъ чертахъ, извлеченныхъ изъ разныхъ сочиненій покойнаго, показать эту культурную его силу.

„Въ искусствѣ“, говоритъ Гончаровъ словами своего Обломова, „должно быть пониманіе жизни и сочувствіе къ ней, — должно быть то, что называется гуманитетомъ. Никогда не должно забывать человѣка и человѣчности, и нельзя писать одной головой. Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нѣтъ, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человѣку, чтобы поднять его, или горько плачьте надъ нимъ, а не глумитесь. Любите его, помните въ немъ самого себя и обращайтесь съ нимъ, какъ съ самимъ собой — тогда

я стану васъ читать и склоню передъ вами свою голову". (Полное собр. соч. II, 31.) И вотъ, вѣрный своему гуманному чувству, писатель согрѣваетъ имъ все, что̀ бы ни изображалъ, какъ бы, повидимому, ничтожны, незначительны ни были изображаемые люди. Какъ тепло, съ какимъ добродушнымъ юморомъ изображаетъ онъ, напримѣръ, мать Александра Адуева въ *Обыкновенной исторіи*, бабушку въ *Обрывѣ*, Агафью Матвѣевну Пшеницыну въ *Обломовѣ*, эту тихую незатѣйливую жизнь Грачевки, Обломовки, Малиновки, съ ихъ наивными обитателями! Сколько доброты, трогательной сердечности, дѣтской незлобливости сумѣлъ показать писатель въ лежебокѣ Обломовѣ, къ которому, несмотря на всѣ его недостатки, чувствуешь гораздо болѣе симпатіи, чѣмъ къ дѣльцу — Штольцу, даже просто любишь его, какъ близкаго, родного, жалѣя его и грустно задумываясь надъ его печальной судьбой. На что ужъ, кажется, ничтоженъ Александръ Адуевъ, смѣшной своими сентиментально-романтическими порывами и погоней за идельною любовью, но онъ все же милѣе своего черствaго дядюшки *(Обыкновенная исторія)*. Какъ жаль этого бѣднаго юношу, когда онъ возвращается хотя и съ пустыми, но все же разбитыми, надеждами въ свою Грачевку, въ объятія старушки матери, умѣвшей только любить сына. Съ какой любовью отнесся писатель къ своему Райскому, не скрывъ, однако, и его многочисленныхъ недостатковъ, къ учителю Леонтію Козлову, къ художнику Кирилову (*Обрывъ*), не говоря уже о женщинахъ, напр. Наденька, Лизавета Александровна (Обыкновенная исторіи), Ольга (Обломовъ), Наташа, Вѣра (Обрывъ). Всѣ эти женскіе образы, столь мастерски обрисованные писателемъ, представлены такъ сердечно, задушевно, съ такою потрясающею правдой, что одно изображеніе ихъ ошибокъ, заблужденій, къ которымъ относится любящій ихъ писатель съ такимъ участіемъ, снисходительностью, всепрощеніемъ, съ такимъ пониманіемъ ихъ положенія, даетъ сердцу читателя цѣлое богатство лучшихъ человѣческихъ чувствъ.

Не менѣе замѣчательно отношеніе писателя къ низшему классу. Какъ смѣшны, напримѣръ, фигуры прислуги (Авдѣй, Захаръ, Анисья, дворовые, слуги въ очеркахъ *Слуги стараго вѣка* — Полное собр. IX), но, вмѣстѣ съ тѣмъ, посмотрите, какъ они всѣ нарисованы. Вѣдь, при всѣхъ комическихъ своихъ сторонахъ, это все-таки люди, хоть и маленькіе, но по-своему чувствующіе, имѣющіе свою собственную крошечную жизнь, и изображеніе несчастнаго безпріютнаго Захара послѣ смерти его добраго барина, Ильи Ильича — трогаетъ насъ до глубины души. Та же гуманность видна и во *Фрегатѣ Палладѣ* въ изображеніи матросиковъ.

Словомъ, что бы писатель ни изображалъ, помѣщичью ли захолустную смѣшную старину, столичную ли жизнь высшаго общества, жизнь ли дворни или матросиковъ, всюду видитъ онъ человѣка и человѣчески къ нему относится.

То же чувство любви, сердечности проявляется не только въ художественныхъ созданіяхъ Гончарова. Оно теплится и въ критическомъ

очеркѣ *о Горѣ отъ ума — Милліонъ терзаній* (VIII) въ разъясненіи страданій Чацкаго и печальнаго положенія Софьи, и въ *Замѣткахъ о личности Бѣлинскаго* въ уваженіи къ критику-идеалисту, наконецъ, въ благоговѣйной признательности къ памяти Пушкина въ статьѣ *Лучше поздно, чѣмъ никогда.*

Такимъ образомъ, къ Гончарову, какъ и къ Пушкину, вполнѣ приложимы слова, что онъ возбуждаетъ своими сочиненіями добрыя, гуманныя чувства: любовь и снисходительность къ человѣку, кто бы онъ ни былъ, симпатію ко всякому искреннему чувству, гдѣ бы они ни проявилось, въ особенности же, къ горю, страданію, которое уже одно, отчего бы оно ни происходило, требуетъ нашего участія и сострадания.

Гончарова нѣкоторые называютъ художникомъ объективнымъ, т.-е. рисующимъ свои большія картины безъ всякаго къ нимъ участія. Вотъ что говоритъ объ этой объективности самъ писатель въ своемъ *Литературномъ вечерѣ* (VIII). „Художникъ, конечно, не долженъ соваться своею особою въ картину, наполнять ее своимъ *я*, — это такъ. Но его духъ, фантазія, мысль, чувство, — должны быть разлиты въ произведеніи, чтобы оно было созданное живымъ духомъ тѣло, а не вѣрный очеркъ трупа, созданіе какого-то чародѣя! Живая связь между художникомъ и его произведеніемъ должна чувствоваться читателемъ: онъ, такъ сказать, съ помощью чувства автора наслаждается картиною“. Этому завѣту Гончаровъ остался вѣренъ до конца. Нѣтъ, или очень мало, въ его романахъ какихъ бы то ни было личныхъ разъясненій или отступленій, но всѣ его лица, всѣ положенія, проникнуты такою любовью къ человѣку, ко всему, что есть въ немъ лучшаго, сердечнаго, благороднаго, такимъ грустнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ добродушнымъ, юморомъ надъ его несовершенствами, что сочиненія этого писателя наглядными примѣрами учатъ насъ *любви, гуманности.*

Самъ, человѣкъ разносторонне и широко образованный, всегда вращавшійся въ кругу образованныхъ людей, Гончаровъ высоко цѣнилъ просвѣщеніе. Разставшись съ дивною природою Ликейскихъ острововъ, онъ записываетъ: „Сегодня мы ушли, и вотъ качаемся теперь съ Тихомъ океанѣ; но если бы и остались здѣсь, едвали бы я собрался на берегъ. Одна природа, да животная, хотя и своеобразная, жизнь не наполняютъ человѣка, не поглотятъ вниманія: остается большая пустота. Для того даже, чтобы испытывать глубже новое, непохожее ни на что свое, нужно, чтобы тутъ же рядомъ, для сравненія, была параллель другой, развитой жизни“ (Фр. Пал. VII, 282). Сравненіе жизни разныхъ націй, именно со стороны ихъ культуры, просвѣщенія, составляетъ, по мнѣнію писателя, особенный интересъ путешествій, и вотъ, для того, чтобы показать разницу между нашей русской неподвижностью, обломовщиной, онъ проводитъ яркую параллель между дѣятельными англичанами и нами, представляя, какъ проводитъ день англичанинъ и русскій (VI, 48—74). Какую яркую характеристику

жизни, гдѣ, при крайней степени развитія матеріальнаго благосостоянія, умъ и сердце цѣпенѣютъ въ глубокомъ снѣ, даетъ онъ въ главѣ о Ликейскихъ островахъ (VII, 257 и д.). Сколько остроумныхъ и глубокихъ замѣчаній именно о важности широкой культуры, какъ единственномъ условіи разумнаго человѣческаго существованія, разсѣяно у писателя въ чудной книгѣ о плаваніи *Фрегата Паллады*! Какъ горячо совѣтуетъ онъ молодежи путешествовать, призывая ее къ любознательности и добродушно посмѣиваясь надъ нашими офицерами, не знающими даже новыхъ языковъ, интересующимися въ плаваніи одной ѣдой и равнодушными къ новой, невѣдомой имъ жизни. Всюду отмѣчаетъ онъ признаки культуры, въ чемъ бы они ни проявлялись: въ отличающемся ли отъ пустой роскоши комфортѣ, удобствахъ жизни, въ отношеніяхъ ли между людьми, хорошей колонизаціи, техническихъ сооруженіяхъ или просто общей образованности, и, въ противоположность образованному Западу, рисуетъ картины восточнаго застоя и ограниченности. Въ этой книгѣ о путешествіи Гончарова, рядомъ съ громаднымъ богатствомъ картинъ природы, жизнью корабля и разныхъ странъ, всюду видна образованная личность самого автора. Стоитъ прочитать только, что говоритъ Гончаровъ о просвѣтительной миссіи англичанъ въ колоніяхъ, о путешествіяхъ прежде и теперь, о геологѣ, натуралистѣ и инженерѣ Бонѣ (VI, 259), о необходимости просвѣщенія Сибири и мѣста, указаныя выше, чтобы признать въ авторѣ высокую ступень культурности, невольно вліяющую на читателя.

Та же личность автора въ ея глубокомъ уваженіи къ образованію видна и въ небольшой статейкѣ „Въ университетѣ. Какъ насъ учили 50 лѣтъ назадъ“ (IX), гдѣ авторъ высказываетъ столько справедливыхъ мыслей о важности университетскаго курса, о занятіяхъ студентовъ и съ благодарностью вспоминаетъ просвѣщеннаго попечителя, кн. С. М. Голицына, и особенно профессоровъ, которымъ писатель былъ наиболѣе обязанъ.

Обращаясь къ художественнымъ произведеніямъ покойнаго, нельзя не замѣтить, что именно *образованію*, *воспитанію*, общей культурности русскаго общества отводитъ Гончаровъ мѣсто очень значительное. Вѣрный себѣ, онъ почти исключительно говоритъ только образами и картинами, но освѣщеніе, данное выборомъ и сопоставленіемъ отдѣльныхъ чертъ, обычнымъ добродушнымъ юморомъ, или видимой сквозь образъ симпатіей, ясно показываетъ въ немъ того же горячаго сторонника истиннаго образованія, культурности, какъ и во „Фрегатѣ Паллада“. Можно сказать даже, что всѣ три его романа въ значительной степени не что иное, какъ изображеніе отсутствія истиннаго просвѣщенія. Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ собою всѣ эти Грачевки, Обломовки, Малиновки, описанныя съ такою обстоятельностью и несравненнымъ юморомъ, какъ не картины почти исключительно растительной и животной жизни, которой не только не коснулась никакая образованность, но которая даже открещивается отъ нея, а если и

допускаетъ ее по отношенію къ дѣтямъ, то какъ что-то непріятное какъ Богъ вѣсть почему необходимое зло, съ которымъ приходится мириться.

Вспомните только воспитаніе Обломова. Немногимъ лучше и образованіе общественное. Судя по всѣмъ тремъ героямъ, Адуеву, Обломову и Райскому, оно не освѣтило имъ ни жизни ни ихъ собственной роли въ этой жизни, не дало имъ въ руки никакого живого дѣла, которое могло бы ихъ охватить и наполнить ихъ существованіе. Адуевъ, порѣшивъ съ ребячьими мечтами, обратился въ сухого чиновника почище дяди; Штольцъ сдѣлалъ изъ образованія одно только средство къ обогащенію, наживѣ; Обломовъ же и Райскій, какъ люди обезпеченные, очень скоро разстались со службой и при всѣхъ своихъ прекрасныхъ задаткахъ, только даромъ бременятъ землю, не принося никому пользы. Не дали имъ опредѣленныхъ, прочныхъ полезныхъ знаній для жизни ни гимназія, ни университетъ. Надъ этой-то безполезностью этихъ якобы, „образованныхъ“ русскихъ людей, надъ ихъ разнохарактерной, все той обломовщиной, неподвижностью, или пустымъ метаньемъ изъ стороны въ сторону, какъ у Райскаго, и задумывается писатель, ярко освѣщая всю ихъ ничтожность силою своего юмора и возбуждая къ нимъ въ то же время и сожалѣніе читателя. А чтобы показать, какъ относится къ образованію общество, уже не захолустныхъ помѣщиковъ, писатель приводитъ отзывы разныхъ лицъ о нашемъ образованіи. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, въ „Обломовѣ“ Тарантьевъ: „Хорошъ мальчикъ!... учиться хочетъ! Мало еще учили его? Чему это? Вретъ онъ. Развѣ большіе учатся чему-нибудь? Станетъ надворный совѣтникъ учиться? Вотъ ты учился въ школѣ, а развѣ теперь учишься? А развѣ онъ, Алексѣевъ, учится? А родственникъ его учится? Кто изъ добрыхъ людей учится? (Обл. ч. I, стран. 65). Но всего лучше высказывается на счетъ образованія, еще женихомъ, мужъ Тафаевой, съ почтеннымъ чиномъ, съ хорошимъ состояніемъ, съ карьерой и фортуной, но человѣкъ простой и добрый, дѣловой, судившій весьма здраво о состояніи Россіи хозяйственномъ и промышленномъ. (Обыкнов. Исторія). „Что жъ — разсуждаетъ онъ — образована она, говорятъ. И я когда-то учился; помню, учили по-латыни, и римскую исторію. Еще и теперь помню: тамъ консулъ этотъ — какъ его? Ну, чортъ съ нимъ! Помню и о реформаціи, читали... и эти стихи: Beatus ille... какъ дальше? Puer puerі puero... нѣтъ, не то! чортъ знаетъ, все позабылъ. Да вѣдь, ей-Богу, затѣмъ и учатъ, чтобы забыть. Ну, вотъ хоть зарѣжь меня, а я говорю, что вонъ и этотъ и тотъ, всѣ эти чиновные и умные люди, ни одинъ не скажетъ, какой это консулъ тамъ... или въ которомъ году были олимпійскія игры, стало быть учатъ такъ... потому что порядокъ такой! Чтобы по глазамъ только было видно, что учился. Да и какъ не забыть? Вѣдь въ свѣтѣ объ этомъ ужъ потомъ никогда не говорятъ, а заговори-ка кто, такъ, я думаю, просто выведутъ!“ (Обыкн. ист. ч. II, стран. 78, 79).

Въ осужденіи такого-то отношенія къ образованію, въ юмористическомъ изображеніи уродливостей нашего воспитанія и образованія не только мужскаго, но и женскаго (воспитаніе Бѣловодовой въ *Обрывѣ*, вдовы Тафаевой въ *Обыкновенной исторіи*) заключается громадная заслуга писателя, который, выставляя образованность уродливую, тѣмъ самымъ показываетъ, какою же она должна быть. Для обрисовки нашего воспитанія и образованія весьма важно у Гончарова и изображеніе учителей въ ихъ убогости и печальномъ положеніи среди неуважающаго ихъ общества (наставники Тафаевой, Бѣловодовой) — положеніе, которое такъ вѣрно очертилъ писатель.

Но, кромѣ этихъ жалкихъ представителей русскихъ педагоговъ, малообразованныхъ, не любящихъ своей науки и смотрящихъ на нее только, какъ на средство къ существованію, Гончаровъ въ лицѣ провинціальнаго учителя древнихъ языковъ, Леонтія Козлова, создаетъ симпатичнѣйшій типъ педагога-идеалиста, полнаго вѣры въ высокое и прекрасное, оцѣненнаго своими учениками. Этотъ Козловъ, сынъ дьякона, сначала въ семинаріи, потомъ въ гимназіи и дома — изучилъ греческій и латинскій языки, и, учась имъ, изучилъ древнюю жизнь, а современной почти не замѣчалъ. Въ его душѣ теплился священный огонь безкорыстной любви къ наукѣ, таилась глубина пониманія до степени ясновидѣнія, строгость мысли, тонкость анализа, но все это исключительно только по отношенію къ древней жизни, на которой онъ и задержался навсегда. Онъ принадлежалъ къ породѣ тѣхъ, погруженныхъ въ книги и ничего, кромѣ нихъ, не вѣдающихъ ученыхъ, живущихъ прошлою, или идеальною жизнью, — жизнью цифръ, гипотезъ, теорій и системъ. „Выводится, — говоритъ авторъ, — и, кажется, вывелась теперь эта любопытная порода людей, небритыхъ, нечесанныхъ ученыхъ, съ неподвижнымъ и вѣчно задумчивымъ взглядомъ, съ одною, вертящеюся около науки, рѣчью, съ одностороннимъ, ушедшимъ въ науку умомъ, иногда и здравымъ смысломъ, неловкихъ, стыдливыхъ, глубокомысленныхъ, съ забавною разсѣянностью и съ умилительной дѣтской простотой, — этихъ мучениковъ, рыцарей и жертвъ науки“. „Какъ ни потѣшались надъ Козловымъ товарищи въ школѣ, но его теплое сердце, кротость, добродушіе и поражавшія даже ихъ, мальчишекъ, простота и цѣльность характера, чистаго и высокаго — все это пріобрѣло ему ничѣмъ не нарушимую симпатію молодежи и товарищей, а потомъ и его собственныхъ учениковъ. Выросши изъ періода шалостей, товарищи поняли его и окружили уваженіемъ и участіемъ, потому что, кромѣ характера, онъ былъ и авторитетомъ по знаніямъ. Онъ зналъ древніе и новые языки, хотя ни на одномъ не говорилъ, зналъ всѣ литературы, былъ страстный библіофилъ“. „Фактическія знанія его были обширны, но онъ не былъ педантомъ, подобно многимъ семинаристамъ. Въ его знаніяхъ билась своя жизнь, хотя прошлая, но живая, и въ минувшее смотрѣлъ онъ открытыми глазами, оживотворяя прошедшее, въ которомъ видѣлся ему утерянный благородный идеалъ. Впадая въ пристрастіе къ греческой и латинской

грамотѣ, онъ казался иногда сухъ, и даже педантиченъ, но это не изъ хвастовства, а потому, что она была ему мила, была одеждой, сосудомъ, облекавшимъ милую, дорогую, изученную имъ и привѣтливо открывавшуюся ему, старую жизнь, давшую начало настоящей и грядущей жизни. Классикъ, безусловно чтившій, все, что исходило изъ классическихъ образцовъ, онъ уважалъ Корнеля и чувствовалъ слабость къ Расину, а въ новыхъ литературахъ признавалъ только одну высокую поэзію, тривіальнаго же, вседневнаго, онъ не любилъ; любилъ Данте, Мильтона, Шекспиру удивлялся, но не любилъ его, любилъ Гёте, но не романитика, а классика, не признавая Вильгельма Мейстера, но зная почти наизусть Прометея и Тасса".

„Онъ былъ такъ бѣденъ, какъ нельзя ужъ быть бѣднѣе. Жилъ въ какомъ-то чуланчикѣ, между печкой и дровами, работалъ при свѣтѣ плошки, и если бы не товарищи, деликатно ему помогавшіе, не зналъ бы, гдѣ взять книгъ, а иногда бѣлья и платья".

И такого-то героя науки классической, столь трудно у насъ прививающейся, не сумѣлъ разгадать и оцѣнить Московскій университетъ, который могъ бы впослѣдствіи гордиться имъ, какъ великимъ свѣтиломъ гуманнаго знанія. Товарищи сознавали высокое призваніе этого оригинальнаго, единственнаго экземпляра, и звали его къ творческой производительной дѣятельности, къ профессорской каѳедрѣ, — и это, конечно, былъ вѣнецъ его желаній, только скромно имъ скрываемый; но онъ глубоко вздыхалъ въ отвѣтъ на всѣ эти мечты, которыя манили его и въ Германію, и въ Кембриджъ, и въ Эдинбургъ... „Да нѣтъ, куда мнѣ, — говорилъ онъ, отрезвляясь: — профессоръ обязанъ другими должностями, онъ въ совѣтахъ, его зовутъ на экзамены... Рѣчь на актѣ надо читать... Я потеряюсь, куда мнѣ"!!!

Когда его спросили, куда онъ хочетъ, онъ отвѣчалъ: „Въ учителя куда-нибудь, въ губернію", — и на томъ уперся. (Обр. ч. I. 114.)

И вотъ, показавъ Козлова студентомъ, авторъ показываетъ его въ глухой провинціи учителемъ древнихъ языковъ въ гимназіи, гдѣ этотъ энтузіастъ остается вполнѣ вѣренъ себѣ, нисколько не опошлившись, какъ многіе, попавшіе въ учителя въ провинцію, и все такъ же, какъ и прежде, живетъ въ своемъ мірѣ науки, среди любимой имъ молодежи, среди единственнаго, драгоцѣннаго для него богатства — цѣлой массы книгъ, подаренныхъ ему Райскимъ, — живетъ, не видя вокругъ ничего, кромѣ своихъ классиковъ. — Чего же мнѣ еще? — говоритъ онъ Райскому, удивляющемуся, какъ это онъ можетъ думать прожить въ глуши цѣлый вѣкъ... — „Книги, ученики да душевный міръ... Чего больше?" И все тотъ же старый студентъ, вовсе не думающій о себѣ и окружающемъ, съ восторженнымъ, какъ у его древнихъ героевъ, лицомъ, разражается вдохновенной тирадой о вѣчности прогресса, о преемственной связи древняго міра съ новымъ, о необходимости обновленія отъ дряни и мелочи, на которую разсыпался современный человѣкъ... „И неужели тебѣ не хочется никуда отсюда, дальше этой жизни и занятій? — продолжалъ допытываться

Райскій. — Вѣдь ты ничего не дѣлаешь для своего времени, ты пятишься, какъ ракъ. Оставимъ римлянъ и грековъ — они сдѣлали свое... Будемъ же дѣлать и мы, чтобы превращать обширныя кладбища въ жилыя мѣста, встряхивать спящіе умы отъ застоя! — Я тоже кое-что дѣлаю: нѣсколько поколѣній къ университету приготовилъ, — робко замѣчаетъ Козловъ. — Ты думаешь, я схожу въ классъ, а оттуда домой, да и забылъ? За водочку, потомъ вечеромъ въ карты, или трусь у губернатора на вечерахъ: ни, ни! Вотъ моя академія, — говорилъ онъ, указывая на бесѣдку, — вотъ и портикъ — это крыльцо, а дождь идетъ — въ кабинетѣ: наберется ко мнѣ юношей, облѣпятъ меня. Я съ ними разсматриваю рисунки древнихъ зданій, домовъ, утвари, самъ черчу, объясняю, какъ, бывало, тебѣ: что самъ знаю, всѣмъ дѣлюсь. Кто постарше, съ тѣми впередъ заглядываю, разбираю имъ Софокла, Аристофана. Толкую имъ эту образцовую жизнь, какъ толкуютъ образцовыхъ поэтовъ: развѣ это теперь ужъ не надо никому? Съ меня довольно и того, если я дамъ образцы старой жизни изъ книгъ"...

Такою-то своеобразною, исключительною у насъ жизнью, полною глубокаго содержанія, юношеской вѣры въ высокое и прекрасное, живетъ этотъ удивительный типъ немногихъ русскихъ педагоговъ.

Поучительный примѣръ представляетъ почившій писатель, какъ художникъ въ своемъ собственномъ строгомъ отношеніи къ искусству. Вѣрный завѣту своего наставника, Пушкина, онъ смотрѣлъ на искусство, какъ на отвѣтственное передъ родиной, серіознѣйшее дѣло, которое требуетъ, кромѣ таланта, долгаго обдумыванія зародившихся въ головѣ созданій, неторопливаго, медленнаго творчества, чтобы возможно рельефнѣе и цѣльнѣе выразились въ словѣ, и живыми образами стали въ воображеніи читателя замѣченныя явленія жизни и сокровенный въ нихъ смыслъ. Потому-то и потребовались на его три романа цылые десятки лѣтъ той творческой работы, которой процессъ, равно какъ и самыя задачи искусства, онъ такъ прекрасно объясняетъ въ своихъ критическихъ замѣткахъ *Лучше поздно, чѣмъ никогда*, точно такъ же, какъ и въ *Литературномъ вечерѣ*, къ которымъ и отсылаемъ читателя. Благодаря такому-то серіозному взгляду на искусство, благодаря такой медленной обработкѣ до малѣйшихъ подробностей, деталей, картинъ и образовъ; благодаря необыкновенно мѣткому языку, рисующему эти образы и картины точно красками, и встаетъ передъ читателемъ въ трехъ романахъ Гончарова, какъ живая, русская жизнь, согрѣтая теплымъ чувствомъ автора и осмысленная его глубокимъ и проницательнымъ умомъ.

Показавъ въ своихъ произведеніяхъ отношеніе нашего общества къ наукѣ, просвѣщенію, образованію, писатель очень опредѣленно и ярко представилъ отношеніе этого общества и къ искусству. Не свѣточемъ человѣка, не серіознымъ дѣломъ является оно для всѣхъ этихъ обломовцевъ, — оно только праздная забава, роскошь, развлеченіе, не представляющее для жизни ничего важнаго, существеннаго. Когда

крупный чиновникъ Бебиковъ, увлеченный модой, по которой всѣ — и политики, и государственные люди, и даже духовныя лица, бросились писать романы, и самъ, написавъ романъ, объявляетъ объ этомъ своему ближайшему подчиненному Кальянову, тотъ даже совсѣмъ ошалѣваетъ отъ такого пассажа, и не можетъ удержаться отъ восклицанія: — Развѣ это дѣло? — и думаетъ про себя: „Этакій богачъ — и станетъ писать!“ *(Литературный вечеръ.)*

Разспрашивая племянника, чѣмъ онъ вообще занимался, Петръ Ивановичъ Адуевъ задаетъ ему вопросъ: а не пишетъ ли онъ стиховъ? *(Обыкновенная исторія.)* И когда тотъ въ такой слабости признается, дядюшка, даже не потрудившись ознакомиться съ музой племянника, прямо относится къ ней съ насмѣшкой, совѣтуя прежде всего бросить этотъ вздоръ, какъ совершенно непригодный въ практической жизни дѣлового человѣка. Таково же отношеніе этого дѣльца къ повѣстямъ родственника, котораго онъ обращаетъ къ статьямъ по сельскому хозяйству. Одна только Наденька интересуется музой Александра, да и то только потому, что званіе поэта входило въ идеалъ интереснаго молодого человѣка; что же касается искусствъ вообще, то и Наденьку, и Тафаеву, и Бѣловодову, и Ольгу, точно такъ же какъ и Райскаго, учили имъ только для того, чтобы „имѣть прекрасные таланты“ для составленія хорошей партіи, или для интересности въ обществѣ. Soirées dansantes et musicales, концертъ заѣзжей знаменитости, расстроганшій на одинъ вечеръ Александра, итальянская опера, усердно посѣщаемая Ольгой, еженедѣльно таскающей за собой туда бѣднаго Илью Ильича, предпочитающаго слушать Casta diva изъ устъ любимой женщины, расположившись поудобнѣе въ гостиной, — все это только пріятные суррогаты свѣтской жизни, точно такъ же, какъ и сокровища живописи и ваянія, которыми разбогатѣвшій коммерсантъ Штольцъ украшаетъ свою крымскую виллу. И самъ Урановъ, и его гости смотрятъ на литературный вечеръ *(Литературный вечеръ)*, какъ на средство убить какъ-нибудь майскую скуку, когда уже прекратились всѣ другія свѣтскія развлеченія, и въ пріятной causerie, за гастрономическимъ ужиномъ, обнаруживаютъ все свое невѣжество и беззаботность къ литературѣ, не говоря уже о неумѣньѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ прилично слушать самое чтеніе. А вотъ, что сказалъ Райскому опекунъ, когда юноша объявилъ, что хочетъ быть художникомъ. „Ты знаешь ли, что такое артистъ? Артистъ — это такой человѣкъ, который или денегъ у тебя займетъ, или навретъ такой чепухи, что на недѣлю туманъ наведетъ... Въ артисты! Вѣдь это значитъ безпутное цыганское житье, адская бѣдность въ деньгахъ, въ платьѣ, въ обуви, и только богатство мечты! Витаютъ артисты, какъ птицы небесныя, на чердакахъ. Видалъ я ихъ въ Петербургѣ: это такіе хваты, что въ какихъ-то фантастическихъ костюмахъ собираются по вечерамъ, лежатъ на диванахъ, курятъ трубки, несутъ чепуху, читаютъ стихи и пьютъ много водки, а потомъ объявляютъ, что они артисты. Они нечесаны, неопрятны. Есть артисты, и лѣкаря есть тоже знаменитые люди, а когда

они, спроси-ка, знаменитыми дѣлаются? Когда въ службѣ состоятъ и дойдутъ до тайнаго совѣтника! Соборъ выстроитъ или монументъ на плащади поставитъ — вотъ его и пожалуютъ. А начинаютъ они отъ бѣдности, изъ куска хлѣба — все, большею частью, вольноотпущенные, мѣщане, или иностранцы, даже жиды. Ихъ неволя гонитъ въ искусство. А ты — Райскій. У тебя земля и готовый хлѣбъ. Конечно, для общества почему не имѣть пріятныхъ талантовъ сыграть на фортепьяно, нарисовать что-нибудь въ альбомъ, спѣть романсъ! Но быть артистомъ по профессіи — что за блажь! Слыхалъ ли ты когда-нибудь, чтобы нарисовалъ картину какой-нибудь князь, графъ или статую слѣпилъ старый дворянинъ? Рубенсъ! Куда хватилъ, это лѣтъ двѣсти назадъ — тамъ, у нѣмцевъ!“ Райскій, когда подросъ, увидѣлъ, въ какихъ черныхъ рукахъ держится у насъ искусство. Заѣзжіе пѣвцы и пѣвицы давали концерты, на нихъ смотрѣли свысока. Учитель рисованія сидѣлъ безъ хлѣба. А когда бабушка узнала, что внучекъ собирается выбрать себѣ артистическое поприще, — такъ только руками всплеснула.

При такомъ-то положеніи у насъ искусства, взглядѣ на него общества, когда Пушкинъ стыдился званія поэта: это „святое искусство“ было для нашихъ помѣщиковъ отнюдь не серіознымъ дѣломъ жизни, а только занятіемъ праздной фантазіи. Искусство было только средствомъ хоть чѣмъ-нибудь наполнить душевную пустоту людей, чуть-чуть хватившихъ образованія и изнѣженныхъ барствомъ.

Райскій обладаетъ безспорнымъ талантомъ, уже опредѣленно сознаетъ серіозное значеніе искусства, которое можетъ стать для человѣка задачею всей жизни. Но у него ни въ школѣ, ни въ университетѣ, ни между родными и знакомыми не было рѣшительно никого, кто, провидѣвъ въ юношѣ искру Божію, могъ бы направить его на опредѣленную колею, забравъ при этомъ его въ руки, чтобы выдержать на упорномъ, серіозномъ, но сухомъ подготовительномъ, необходимомъ для таланта, трудѣ, — и въ результатѣ изъ Райскаго вышла только талантливая, художественная натура, способная на всѣ искусства вмѣстѣ и совершенно неспособная къ созданію хоть одного сколько-нибудь крупнаго произведенія въ какой-либо одной области, живописи, поэзіи или музыкѣ. Эти-то безсильные порывы къ созданію „великаго“, преслѣдующіе Райскаго съ дѣтства, бросанія отъ живописи къ музыкѣ, отъ музыки къ поэзіи, мученія зависти успѣхамъ въ музыкѣ школьнаго товарища Васюкова, удивительной игрѣ віолончелиста, таланту труженика живописца Кирилова; многократныя попытки создать романъ, оканчивающіяся эпизодиками да набросками; мучительное сознаніе своего безсилія, къ которому иногда Райскій приходитъ: эта печальная сторона напраснаго существованія умнаго, добраго и весьма талантливаго человѣка, изъ котораго, при другихъ условіяхъ воспитанія, положенія и общественной среды, могъ бы выйти художникъ замѣчательный, все это — достойно глубокаго сожалѣнія. Великимъ чудакомъ бродитъ Райскій въ глазахъ людей своего общества.

Для того, чтобы тѣмъ сильнѣе показать всю ничтожность художественныхъ занятій Райскаго, авторъ, въ противоположность балующемуся барину, рисуетъ нѣсколько образовъ талантливыхъ людей, культивирующихъ свой божій даръ упорнымъ трудомъ. Таковы: Васюковъ, віолончелистъ, ученики академіи, куда уже слишкомъ поздно Райскій пошелъ было учиться, молча, углубленно, по цѣлымъ мѣсяцамъ, рисующіе съ бюстовъ, и, наконецъ, художникъ Кириловъ.

Немногими, но яркими штрихами обрисовалъ Гончаровъ этотъ типъ серіознаго русскаго художника сороковыхъ годовъ, поклонника одной чистой красоты. Невзрачный собой, весь спрятавшійся въ бакенбарды, усы и бороду, этотъ маленькій, сухощавый человѣчекъ, въ жалкомъ платьѣ и обуви, съ продавленной шляпой, съ задумчивымъ, сосредоточеннымъ и горячимъ взглядомъ, суровый, безпощадно правдивый труженикъ, высоко цѣня сюжетъ, требуетъ и достойнаго техническаго его выполненія, которое дается только долгимъ изученіемъ техники. Оскорбленный профанаціей своего любимаго искусства въ портретѣ Бѣловодовой, гдѣ Райскій тщился выразить проблескъ мысли, пробужденіе души въ холодномъ лицѣ красавицы, Кириловъ не задумывается прямо назвать портретъ „модной вывѣской“, хотя и признаетъ въ немъ искры таланта. „Вы все шутите! — горячо нападаетъ онъ на Райскаго. А ни жизнью ни искусствомъ шутить нельзя. То и другое строго: оттого немного на свѣтѣ и людей и художниковъ. Если хотите въ искусствѣ чего-нибудь прочнѣе сладенькихъ улыбокъ и пухлыхъ плечъ, — такъ бросьте красавицъ и пирушки, а будьте трезвы, работайте до тумана, до обморока въ головѣ; надо падать и вставать, умирать съ отчаянья, и опять понемногу оживать... чертить двѣ недѣли, разъ по десяти, одну фигуру... Нѣтъ у васъ уваженія къ искусству, — нѣтъ уваженія къ себѣ. Общество художниковъ, — это орденъ братства, разсѣянный по всему міру и идущій къ одной цѣли! Нельзя наслаждаться жизнью, шалить, ѣздить въ гости, танцовать, и, между прочимъ, сочинять, рисовать, чертить и ваять... Отдайте искусству все, будьте мудры и вмѣстѣ просты, какъ змѣи и голуби, и что бы ни дѣлалось около васъ, куда бы ни увлекала жизнь, въ какую яму ни падали, помните и исповѣдуйте одно ученіе, чувствуйте одно чувство, испытывайте одну страсть — къ искусству! Пусть васъ клянутъ, презираютъ во имя его — идите: тогда только призваніе и служеніе совершатся... А вамъ не достаетъ мужества, силы нѣтъ, и не достаетъ еще бѣдности. Гдѣ вамъ! Вы — баринъ, вы родились въ шелку, въ бархатѣ. А искусство не любитъ баръ... Оно тоже избираетъ „худородныхъ“.

Такъ проповѣдовалъ передъ унылымъ, растроганнымъ до слезъ Райскимъ одинъ изъ художниковъ сороковыхъ годовъ, возвышавшій искусство высоко надъ толпой и видѣвшій въ немъ святыню, — типъ, напоминающій Черткова, выставленнаго Гоголемъ въ „Портретѣ“. Какъ ни тронула Райскаго вдохновенная рѣчь, но, избалованный, какъ Адуевъ и Обломовъ въ дѣтствѣ, не могшій надолго ни на чемъ со-

средоточиться, ни упорно трудиться, Райскій, могъ только горѣть безполезнымъ огнемъ, сжигавшимъ его самого, не согрѣвая другихъ и не внеся ни луча свѣта ни въ какую область дорогого ему искусства.

Такимъ-то образомъ, *любовь* въ смыслѣ широкой гуманности, уваженіе къ *наукѣ, просвѣщенію*, серіозностью и степенью котораго оцѣниваются люди, отношеніе къ *искусству*, какъ къ великому дѣлу служенія обществу, — дѣлу, возвышающему и облагораживающему человѣка — вотъ что, помимо самаго изображенія русской жизни видится читателю въ сочиненіяхъ Гончарова. Толпа, молившаяся у гроба покойнаго, конечно, помнила прежде всего его удивительно написанныя картины и образы русской жизни; но эта толпа, безъ сомнѣнія, помнила и то, что, читая его сочиненія, она плакала вмѣстѣ съ авторомъ надъ судьбой бѣднаго Ильи Ильича Обломова, одинокой его вдовы и жалкаго Захара; проникалась сознаніемъ необходимости для нашего отечества прежде всего серіознаго просвѣщенія; видѣла вмѣстѣ съ авторомъ, какое святое дѣло для художника представляетъ его искусство, требующее, кромѣ таланта, серіознаго труда, который бы захватывалъ всего человѣка. Толпа сознавала, что сочиненія покойнаго не только дали ей въ яркихъ образахъ и картинахъ *знаніе* жизни, но и *освѣтили* ее широко просвѣщеннымъ *гуманизмомъ*. Читая сочиненія Гончарова, всюду видишь любящаго, задушевнаго, просвѣщеннаго человѣка, который незамѣтно дѣлаетъ насъ самихъ чище, теплѣе, благороднѣе, гуманнѣе, снисходительнѣе къ людямъ, возбуждаетъ въ насъ уваженіе къ просвѣщенію и серіозную требовательность къ искусству.

Читатель, стоя у гроба почившаго художника, вспоминалъ, сколько высокаго наслажденія, добрыхъ чувствъ и возвышенныхъ мыслей далъ ему покойный своими сочиненіями, — и за это-то и пришелъ поклониться праху добраго наставника. Въ этихъ панихидахъ, собиравшихъ три дня такое множество народу, въ этихъ торжественныхъ проводахъ Гончарова въ могилу выразилась общественная признательность, благодарность не только великому по таланту писателю, но и гуманисту — просвѣтителю своей родины. *Острогорскій.*

Процессъ творчества Гончарова.

15 сентября 1906 года исполнилось пятнадцать лѣтъ со дня смерти Ивана Александровича Гончарова. День этотъ ничѣмъ не былъ отмѣченъ въ нашей печати; не появилось, какъ это обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, ни воспоминаній о личности покойнаго писателя ни статей, посвященныхъ выясненію его историко-литературнаго значенія. Между тѣмъ для изученія его творчества и для его біографіи сдѣлано гораздо менѣе, чѣмъ въ отношеніи кого-либо другого изъ выдающихся представителей „группы беллетристовъ сороковыхъ годовъ“. Особенно нужно это сказать объ его біографіи, несмотря на то, что для понима-

нія сущности художественнаго творчества Гончарова болѣе, чѣмъ какого-либо другого писателя, необходимо знаніе его личной жизни и окружающей его среды.

По опредѣленію самого Гончарова, процессъ художественнаго творчества заключается въ созданіи „правдоподобія природы и жизни“, въ ихъ отраженіи. Онъ относилъ себя къ категоріи художниковъ, у которыхъ преобладаетъ „безсознательное творчество“, т.-е., которые больше всего увлекаются, какъ это было замѣчено о немъ Бѣлинскимъ — „своею способностію рисовать“ (1, 36 — 37). Здѣсь сказывается „невидимое для самого художника, инстинктивное воплощеніе перомъ-кистью тѣхъ или другихъ эпохъ жизни, которыхъ судьба поставила его участникомъ или свидѣтелемъ“ (1, 78), отраженіе ихъ въ „изображеніяхъ, сценахъ, мелкихъ явленіяхъ и т. д. (1, 39). При этомъ художникъ не даетъ въ своихъ произведеніяхъ „правды дѣйствительности“, не переноситъ въ нихъ явленій „цѣликомъ изъ жизни“, а создаетъ *подобія* этой правды, „т.-е. наблюдаемая имъ правда отражается въ его фантазіи“. На ряду съ *фантазіей* Гончаровъ ставитъ здѣсь еще любовь къ изображаемому, которую художникъ можетъ имѣть лишь къ тому, что̀ хорошо онъ знаетъ, что „непосредственно наблюдалъ вблизи“ (1, 48; XII 162).

Эти теоретическія возрѣанія явились у Гончарова, какъ результатъ его наблюденій надъ самимъ собою, надъ собственнымъ творчествомъ, и выражены въ статьѣ: „Лучше поздно, чѣмъ никогда“, написанной имъ тогда, когда ужъ былъ законченъ циклъ его трехъ романовъ, т.-е. когда былъ исполненъ главный трудъ жизни его, какъ художника. „Pro domo sua онъ говоритъ: „Напрасно нѣкоторые предлагали мнѣ задачи для романа: опишите такое-то событіе, такую-то жизнь, возьмите тотъ или другой вопросъ, такого-то героя или героиню!“ — Не могу, не умѣю! *То что не выросло и не созрѣло во мнѣ самомъ*, чего я не видѣлъ, не наблюдалъ, чѣмъ не жилъ — то недоступно моему перу! У меня есть (или была) своя нива, свой грунтъ, какъ есть своя родина, свой родной воздухъ, друзья и недруги, свой міръ наблюденій, впечатлѣній и воспоминаній, и я писалъ, только то, *что переживалъ, что мыслилъ, чувствовалъ, что любилъ что близко видѣлъ и зналъ* — словомъ писалъ и *свою жизнь и то, что къ ней прирастало*“.

Собственная личность писателя, его психологія и жизнь и — говоря словами Тэна — среда и историческій моментъ составляютъ главное содержаніе произведеній Гончарова. „Я *самъ*, — говоритъ онъ, — и *среда* въ которой я родился, воспитывался, жилъ — все это, помимо моего сознанія, само собою отразилась силою рефлексіи у меня въ воображеніи“ (1, 39).

Впечатлѣнія дѣтства и юности всегда сильны, глубоки, составляютъ наиболѣе замѣтные слѣды въ духовной жизни человѣка, налагаютъ неизгладимую печать на его интеллектуально-моральный обликъ. И на творчествѣ Гончарова сильнѣе всего отразилась среда,

которая окружала его на родинѣ, въ Симбирскѣ, гдѣ онъ родился, провелъ первыя десять лѣтъ жизни, служилъ нѣкоторое время по окончаніи университетскаго курса и куда онъ пріѣзжалъ какъ въ годы своего ученья въ Москвѣ —на каникулы, такъ впослѣдствіи изъ Петербурга, и затѣмъ постояно живя въ Петербургѣ, онъ не порвалъ своихъ отношеній къ Симбирску: переписка съ жившими здѣсь родственниками и пріѣздъ послѣднихъ въ столицу связывали его съ любимой „Обломовкой", давшей главный матеріалъ для его произведеній и „снабдившей его на всю жизнь запасомъ рѣзко опредѣленныхъ художественныхъ цѣлостныхъ впечатлѣній. Даже во время своего путешествія на „Палладѣ", за тысячи верстъ отъ родины, въ *чужой* средѣ, онъ вспоминаетъ *свое*: „увижу новое, чужое и сейчасъ въ умѣ прикину на свой аршинъ... Мы такъ глубоко вросли корнями у себя дома, что куда и какъ надолго я бы ни заѣхалъ, *я всюду унесу почву родной Обломовки*, и никакіе океаны не стоютъ ея" (V, 81).

Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,

они не могли изгладить изъ его памяти близкаго его сердцу края. „Да Богъ съ ними — этими воплями природы", этими „спящими силами, ядовито издѣвающимися надъ гордой волей человѣка"; однообразныя картины родного Поволжья милѣе и ближе. Онѣ ласковѣе относятся къ человѣку, не раздражаютъ, не грозятъ ему ежеминутно гибелью, въ нихъ есть что-то материнское".

На мѣстный провинціальный характеръ своихъ персонажей указываетъ самъ Гончаровъ: „Можетъ быть, оттого, между прочимъ, мои лица не кажутся другимъ такими, какими я разумѣлъ ихъ, что всѣ эти портреты, типы — *слишкомъ мѣстные*, вышедшіе изъ небольшого приволжскаго угла и потому не всѣмъ, живущимъ на разбросанныхъ пространствахъ Россіи, близко извѣстны и, наконецъ, развѣ еще потому, что въ нихъ сквозитъ много *близкаго и родного автора*, и замѣтно пробивается кровная его *любовь* къ .нимъ. Да, можетъ быть, и такъ: дѣйствительно много личнаго, интимнаго, т.-е. своего, и себя самого вложено авторомъ туда" (1, 79).

Особенно это относится къ главнымъ произведеніямъ Гончарова — „Обломову" и „Обрыву", куда уложилась и вся (его) собственная и много другихъ жизней" (1, 89).

Отмѣчаемая критикой „яркая жанровая колоритность" перваго изъ этихъ романовъ, обусловлена наблюденіями автора надъ „Обломовщиной", т.-е. „беззаботнымъ житьемъ-бытьемъ, бездѣльемъ и лежаньемъ", „картиной сна и застоя, которую видѣлъ онъ вокругъ себя въ дѣтствѣ и которую нашелъ въ городѣ по окончаніи курса въ университетѣ" (XII, 67).

Еще болѣе тѣсную связь съ Симбирскимъ имѣетъ его „Обрывъ". Въ трехъ верстахъ отъ города находится *Киндяковка* — имѣніе, принадлежавшее во времена Гончарова помѣщику Киндякову. Сохранилось

извѣстіе, подтверждаемое и Г. Н. Потанинымъ[1]), что Гончаровъ въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ изъ Петербурга, провелъ лѣто на дачѣ, въ усадьбѣ Киндякова, не говоря уже о томъ, что бывалъ здѣсь и ранѣе, такъ какъ Киндяковская роща является лучшимъ мѣстомъ для загородныхъ прогулокъ симбирскихъ жителей. Эта усадьба, рядомъ съ деревней, на опушкѣ лѣса, съ садомъ по скату къ Волгѣ и страшнымъ обрывомъ[1]), и является мѣстомъ дѣйствія романа: „Обрывъ“. Здѣсь именно — „съ одной стороны Волга съ крутыми берегами и Заволжьемъ; съ другой — широкія поля, обработанныя и пустыя, овраги, и все это замыкается далью синѣвшихъ горъ. Съ третьей стороны, видны села, деревни и часть города (VIII,72).

Обрывъ задуманъ авторомъ въ 1849 году, когдъ онъ, послѣ четырнадцатилѣтняго отсутствія, пріѣхалъ повидаться съ родственниками на Волгу. „Тутъ“, разсказываетъ онъ, „хлынули ко мнѣ старыя, знакомыя лица, я увидѣлъ еще не отжившій патріархальный бытъ и вмѣстѣ новые побѣги, смѣсь молодого со старымъ. *Сады, Волга, обрывы Поволжья, родной воздухъ*[2]), *воспоминанія дѣтства* — все это залегло въ голову и почти мѣшало кончать „Обломова“ (1,38). На него, „какъ будто сонъ, слетѣлъ весь планъ романа“ (1,53). На первомъ планѣ явилась во весь ростъ *бабушка*, потомъ *Вѣра, Райскій*, послѣ *Марѳенька, Козловъ* съ женой... дворня, садъ съ обрывомъ“ (1,48). Лица первой части этого романа вышли блѣдны потому, что, описывая ихъ, онъ „торопился и смотрѣлъ дальше въ глубину романа“. „Меня влекли“, продолжаетъ онъ, „уже близкія мнѣ лица и мѣста, гдѣ я родился и выросъ: и тѣ лица — *бабушка и внучекъ, всего провинціальнаго люда*, и дворни — и вся обстановка, по отзывамъ всѣхъ, вышла у меня живѣе“ (1,56).

При такомъ значеніи событій личной жизни Гончарова для его творчества, одною изъ задачъ исторіи литературы является безпристрастное изученіе „всей суммы данныхъ, въ которыхъ жилъ и развивался писатель“.

И только недостаточность объективныхъ данныхъ этого рода ставитъ изслѣдователей въ необходимость широко и даже исключительно пользоваться „автобіографическимъ наслѣдствомъ, даннымъ въ его сочиненіяхъ“. Но какую бы высокую цѣну не имѣлъ этотъ матеріалъ, пользованіе только имъ однимъ не можетъ дать точныхъ выводовъ объ отношеніи творчества Гончарова къ конкретной жизни, — объ отношеніи *былого* къ *думамъ*, Wahrheit къ Dichtung.

Въ его произведеніяхъ мы имѣемъ дѣло не съ конкретными фактами, а съ сообщеніями, не съ жизнію въ ея непосредственномъ про-

[1]) Г. Н. Потанинъ. Воспоминанія объ И. А. Гончаровѣ „Историч. Вѣстникъ“. Т. 3, 4: стран. 117.

[2]) *Родной воздухъ* нужно понимать здѣсь въ буквальномъ смыслѣ „воздухъ нагорнаго берега Волги“, особенности котораго Гончаровъ постоянно помнилъ. „На Мадерѣ“ — разсказываетъ онъ въ „Фрегатѣ-Палладѣ“ я чувствовалъ ту же *свѣжесть и прохладу* волжскаго воздуха, который пьешь какъ чистую ключевую воду... (V, 117). Въ „Обрывѣ“ Райскій, по пріѣздѣ на родину, нашелъ „воздухъ *свѣжій, прохладный*, отъ котораго, какъ отъ лѣтняго купанья пробѣгаетъ по тѣлу дрожь бодрости“ (VIII, 72).

явленіи, а съ ея художественнымъ синтезомъ. Правда, Гончаровъ далъ ключъ для пониманія его творчества въ статьѣ „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ и въ „Воспоминаніяхъ“. Но первая статья представляетъ собою критическій разборъ авторомъ своихъ произведеній, — разборъ, съ которымъ во многомъ можно не соглашаться. „Воспоминанія“ имѣютъ несомнѣнное автобіографическое значеніе. Но если вообще автобіографія не замѣняетъ біографіи, то это особенно нужно сказать объ автобіографіи Гончарова, которая является результатомъ того же самаго художественнаго творчества, объясненію котораго могли бы служить біографическія данныя. Во вступленіи ко второй части „Воспоминаній“, озаглавленной „На родинѣ“, авторъ объясняетъ: „Это не мемуары, какіе-нибудь, гдѣ обыкновенно описываются историческія лица, событія, и гдѣ требуется строгая фактическая правда... Это и не плодъ только моей фантазіи, потому что тутъ есть и правда, и, пожалуй, если хотите, все правда. Фонъ этихъ замѣтокъ, лица, сцены, большею частію типически вѣрны съ натурой, а иныя взяты прямо съ натуры... По одной какой-нибудь выдающейся чертѣ въ характерѣ той или другой личности, или событіи, фантазія старается угадывать или дорисовывать остальное.

„Все описываемое въ нихъ не столько *было*, сколько *бывало*. Другими словами, я желалъ бы, чтобы въ нихъ искали не голой правды, а *правдоподобія*, и буду доволенъ, если таковое найдется“ (XII, 45—46).

Такимъ образомъ, авторъ „Воспоминаній“ имѣлъ цѣлью дать не фактическую правду, которая нужна его біографу, а лишь правду типическую, художественную, — а это „не одно и то же“ (1—81). А потому „съ историческими событіями и лицами онъ обращается довольно свободно. Такъ, въ названномъ очеркѣ „На родинѣ“ фигурируетъ, между прочимъ, Бравинъ, предводитель дворянства, другъ Якубова — Трегубова, „веселый собесѣдникъ и юмористъ“. Авторъ разсказываетъ, что послѣ 14 декабря 1825 года, Бравина, какъ предсѣдателя масонской ложи, отвезли въ Петербургъ, забравъ его переписку. „Бравинъ былъ въ перепискѣ съ заграничными масонами и, вѣроятно, былъ не чуждъ не однѣхъ только всѣмъ открытыхъ благотворительныхъ, но и политическихъ цѣлей, какія входили въ секретный кругъ дѣятельности, какъ видно, иностранныхъ и русскихъ масонскихъ ложъ“... На вопросъ Гончарова о пребываніи его въ Петербургѣ, Трегубовъ сообщилъ ему, что Бравина „продержали тамъ около полугода, потомъ отпустили. Воротился весь синій, даже почернѣлъ; его сильно подвергли тамъ секретно тѣлесному наказанію“. Далѣе, говоря о томъ, что послѣ 14-го декабря „всѣ напуганные масоны и не масоны, тогдашніе либералы, вслѣдствіе крутыхъ мѣръ правительства, приникли, притихли, быстро превратились въ ультра-консерваторовъ, даже шовинистовъ и при всякомъ случаѣ заявляли о своей преданности престолу и отечеству“, авторъ продолжаетъ: „Напримѣръ, Бравинъ хвастался мнѣ, что брилльянты отъ пожалованнаго ему, уже

нѣсколько лѣтъ спустя послѣ 14-го декабря, перстня онъ раздѣлилъ между нѣсколькими своими дочерями, чтобы у каждой осталось воспоминаніе о „милости“. Въ общемъ, въ изображеніи Гончарова, Бравинъ производитъ впечатлѣніе довольно ничтожной фигуры. Между тѣмъ, подъ этимъ псевдонимомъ описанъ имъ князь М. М. Баратаевъ, замѣчательный человѣкъ своего времени. Дѣйствительно, веселый, общительный, онъ въ то же время былъ „любитель наукъ“, избранный за сочиненіе „Нумизматическіе факты грузинскаго царства“ членомъ Французской академіи и другихъ европейскихъ академій. Какъ общественный дѣятелъ, онъ сдѣлалъ у себя на родинѣ много полезнаго. Учредитель симбирской ложи „Ключъ къ добродѣтели“, онъ находился въ сношеніи съ нѣкоторыми членами общества „соединенныхъ славянъ“, прикосновенныхъ къ возстанію 14-го декабря. „Знакомство это было причиною вызова его въ Петербургъ и ареста Баратаева, чрезъ три недѣли выпущеннаго“.

Описывая итогъ и пришибленность провинціальнаго общества тридцатыхъ годовъ, нашъ авторъ освѣщаетъ личность Баратаева-Бравина односторонне, подчеркивая ихъ съ особенною рельефностью, при чемъ сознательно или безсознательно грѣшитъ противъ *исторической правды*. Для біографа же Гончарова имѣетъ огромную цѣнность правда *фактическая*, и въ данномъ случаѣ, правда о Баратаевѣ, съ которымъ, какъ съ однимъ изъ немногихъ близкихъ къ Трегубову людей, онъ часто встрѣчался въ Симбирскѣ, и общеніе съ которымъ, какъ съ человѣкомъ глубоко образованнымъ и проникнутымъ гуманно-прогрессивными идеями, не могло не оказать вліянія на впечатлительнаго юношу.

Можетъ-быть ближе къ фактической правдѣ разсказъ Гончарова о симбирскомъ губернаторѣ, при которомъ онъ служилъ и который описанъ подъ именемъ Льва Михайловича *Улицкаго*. Это — Алексѣй Михайловичъ *Загряжскій*, бывшій губернаторомъ въ Сибири въ 1831—1835 гг. По словамъ мѣстнаго бытописателя, „Загряжскій былъ очень недуренъ собой, строенъ, всегда щеголь, воспитанія свѣтскаго, хорошій актеръ и неисправимый ловеласъ. Избалованный дешевыми побѣдами, онъ задумалъ устроить интригу съ дочерью одного изъ болѣе уважаемыхъ лицъ симбирскаго общества, и даже, какъ говорятъ, ходилъ къ ней на свиданіе, нарядившись старухой, при чемъ такъ хорошо загримировался, что самъ отецъ, встрѣтивъ случайно эту старуху, не узналъ, кто она, и указалъ ей, какъ пройти къ дочери. Самъ же виновникъ началъ хвастаться своею интригою; дворянство узнало и дружно ополчилось противъ него; стали грозить ему общимъ скандаломъ и даже кулачною расправою. Положеніе Загряжскаго, не только какъ губернатора, но и какъ человѣка, оказалось невозможнымъ, и онъ долженъ былъ далеко непочетно удалиться изъ Симбирска. *Суперанскій.*

Творчество Гончарова.

Однажды, на Индійскомъ океанѣ, близъ мыса Доброй Надежды, И. А. Гончарову, на знаменитомъ фрегатѣ „Паллада“, пришлось испытать сильный штормъ. „Штормъ былъ классическій, во всей формѣ“, разсказываетъ онъ: „въ теченіе вечера приходили раза два за мной сверху звать посмотрѣть его. Разсказывали, какъ съ одной стороны вырывающаяся изъ-за тучъ луна озаряетъ море и корабль, а съ другой — нестерпимымъ блескомъ играетъ молнія. Они думали, что я буду описывать эту картину. Но какъ на мое покойное и сухое мѣсто давно уже было три или четыре кандидата, то я и хотѣлъ досидѣть тутъ до ночи“... Но не удалось. Вода случайно проникла черезъ открытые люки въ каюту. Дѣлать нечего, онъ неохотно поднялся и пошелъ на палубу. „Я посмотрѣлъ минутъ пять на молнію, на темноту и на волны, которыя все силились перелѣзть къ намъ черезъ бортъ.

„ — Какова картина? спросилъ меня капитанъ, ожидая восторговъ и похвалъ.

„ — Безобразіе, безпорядокъ! отвѣчалъ я, уходя весь мокрый въ каюту перемѣнить обувь и бѣлье“.

Эта маленькая сценка чрезвычайно характерна для творца „Обломова“. Люди привыкли восхищаться необычайнымъ, поражающимъ, рѣдкимъ въ природѣ и въ жизни. Гончаровъ, проходя равнодушно мимо яркихъ и случайныхъ эффектовъ, относится гораздо внимательнѣе и любовнѣе къ простому и будничному. „Зачѣмъ оно, это дикое и грандіозное?“ спрашиваетъ онъ себя при созерцаніи мирной обломовской природы: — „море, напримѣръ? Богъ съ нимъ. Оно наводитъ только грусть на человѣка: глядя на него, хочется плакать. Сердце смущается робостью передъ необозримой пеленой водъ“... Поэтъ, влюбленный въ реальную дѣйствительность, въ земной человѣческій міръ, чувствуетъ себя подавленнымъ величіемъ моря. Оно ему чуждо со своей мрачной, неразгаданной пѣснью, съ пѣснью о чемъ-то таинственномъ и темномъ, лежащемъ за гранью жизни. Горы и пропасти тоже его мало привлекаютъ. „Онѣ созданы, — говоритъ онъ, — не для увеселенія человѣка. Онѣ грозны, страшны“. Поэтому онъ обращается съ любовью къ тихому уголку будничной обломовской природы.

Небо тамъ, въ благословенной Обломовкѣ, „ближе жмется къ землѣ, но не съ тѣмъ, чтобъ метать сильнѣе стрѣлы, а развѣ только, чтобъ обнять ее покрѣпче, съ любовью: оно распростерлось такъ невысоко надъ головой, какъ родительская надежная кровля, чтобъ уберечь, кажется, избранный уголокъ отъ всякихъ невзгодъ... Сердце такъ и просится спрятаться въ этотъ забытый всѣми уголокъ и жить никому невѣдомымъ счастіемъ. Все сулитъ тамъ покойную, долговременную жизнь до сѣдины волосъ и незамѣтную, сну подобную, смерть“.

Вотъ природа, какъ ни одинъ изъ новыхъ поэтовъ не понимаетъ ея, — природа, лишенная тайны, ограниченная и прекрасная, какой

представляли ее древніе: декорація для идилліи ѳеокритовскихъ пастуховъ или, еще лучше, для счастія патріархальныхъ помѣщиковъ. Когда онъ видитъ дикое мѣсто, дѣвственное, не тронутое рукой человѣка, — ему не по себѣ, не уютно, онъ хочетъ населить, приручить нелюдимую природу, украсить ее благородными слѣдами человѣческой цивилизаціи. Близъ Нагасаки смотритъ онъ на пустынные берега Японіи. Ему досадно. Зачѣмъ человѣкъ не владѣетъ этой чудной природой? „Вонъ тотъ холмъ, — восклицаетъ авторъ, — какъ онъ ни зеленъ, ни пріютенъ, но ему чего-то недостаетъ: онъ долженъ бы быть увѣнчанъ бѣлой колоннадой съ портикомъ или виллой съ балконами на всѣ стороны, съ паркомъ, съ бѣгущими по отлогостямъ тропинками. А тамъ, въ рытвинѣ хорошо бы устроить спускъ и дорогу къ морю да пристань, у которой шипѣли бы пароходы и гомозились люди... Здѣсь бы хорошо быть складочнымъ магазинамъ, передъ которыми тѣснились бы суда съ лѣсомъ мачтъ...“

Вспомните великихъ романтиковъ, изгнанниковъ изъ общества, въ родѣ Байрона или Лермонтова. Природа имъ кажется прекрасной тогда только, когда она не тронута, не оскорблена рукою человѣка. Конечно, не пожелали бы они складочныхъ магазиновъ и дыма пароходовъ въ дикомъ первобытномъ пейзажѣ. Они радуются, что въ пустынѣ, внемлющей Богу, не раздается „въ торжественный хваленья часъ лишь человѣка гордый гласъ“. Очевидно, что здѣсь мы встрѣчаемся съ двумя діаметрально-противоположными міросозерцаніями. Для Лермонтова *звуковъ небесъ замѣнить не могли скучныя пѣсни земли;* для Гончарова на землѣ — все, вся его любовь, вся его жизнь. Онъ не рвется отъ земли, онъ привязанъ къ ней крѣпко и, подобно античнымъ поэтамъ, видитъ въ ней свою родину; прекрасный, уютный человѣческій міръ онъ не согласится отдать за звѣздныя пространства неба, за чуждыя тайны природы. Нравственный строй его, цѣльность и крѣпость души не надломлены современнымъ недугомъ. Гончаровъ разсудкомъ понимаетъ пессимизмъ. Но въ сердце, въ плоть и кровь его не проникала ни одна капля яда. Зараза вѣка обошла, даже не задѣвъ счастливца! Романическая грусть Ольги въ третьей части „Обломова“ такъ же далека отъ скорби, разрушающей всѣ радости жизни, какъ тѣнь лѣтняго облачка далека отъ байроновской тьмы, поглотившей міръ.

Степень оптимизма писателя лучше всего опредѣляется его отношеніемъ къ смерти. Какъ же Гончаровъ относится къ смерти? Онъ почти о ней не думаетъ. Въ „Обыкновенной исторіи“ ему пришлось говорить о томъ, какъ умерла мать Александра Адуева, главнаго героя. Эта женщина — живой, яркій характеръ и занимаетъ важное мѣсто въ романѣ. Сынъ присутствуетъ при смерти. А между тѣмъ о кончинѣ ея два слова: „она умерла“. Ни одной подробности, ни одного ощущенія, никакой обстановки! Замѣтьте, что Гончаровъ пишетъ въ эпоху, когда ужасъ смерти составляетъ одинъ изъ преобладающихъ мотивовъ литературы. Въ счастливой Обломовкѣ смерть — такой же прекрасный обрядъ, такая же идиллія, какъ и жизнь. Это, кажется, та самая „безболѣзненая, мирная кончина живота“, о которой молятся вѣрующіе. Адуевъ во второмъ

своемъ періодѣ — примиренія съ жизнью — разсуждаетъ такъ: не страшна и смерть: она представляется не пугаломъ, а прекраснымъ опытомъ. И теперь уже въ душу вѣетъ невѣдомое спокойствіе"...

Обломовъ умеръ мгновенно, отъ апоплексическаго удара, никто и не видѣлъ, какъ онъ незамѣтно перешелъ въ другой міръ. Хозяйка „застала его, такъ же кротко покоящагося на одрѣ смерти, какъ на ложѣ сна"... „Что же стало съ Обломовымъ? — спрашиваетъ авторъ — гдѣ онъ? гдѣ? — На ближайшемъ кладбищѣ, подъ скромной урной, *покоится тѣло его между кустовъ, въ затишьѣ. Вѣтки сирени, посаженныя дружеской рукой, дремлютъ надъ могилой, да безмятежно пахнетъ полынь. Кажется, самъ ангелъ тишины охраняетъ сонъ его*". Вотъ спокойный взглядъ на смерть, какимъ онъ былъ въ древности, у великихъ, простыхъ и здоровыхъ людей. Смерть — только вечеръ жизни, когда легкія тѣни Элизіума слетаютъ на очи и смежаютъ ихъ для вѣчнаго сна. Кто знаетъ, можетъ-быть, этотъ наивный взглядъ болѣе глубокъ и вѣренъ, чѣмъ нашъ ужасъ, отчаяніе и судорожный трепетъ передъ смертью?

Александръ Адуевъ, человѣкъ еще молодой, но пресыщенный жизнью, входитъ въ старую деревенскую церковь. Тихое вечернее солнце озаряло иконы... Свѣжій вѣтерокъ врывался въ окно... Вверху, въ куполѣ, звучно кричали галки и чирикали воробьи... „Въ душѣ Александра пробуждались воспоминанія. Онъ мысленно пробѣжалъ свое дѣтство и юношество до поѣздки въ Петербугъ; вспомнилъ какъ, будучи ребенкомъ, онъ повторялъ за матерью слова молитвы, какъ она твердила ему объ ангелѣ-хранителѣ... какъ она, указывая ему на звѣзды, говорила, что это очи божьихъ ангеловъ, которые смотрятъ на міръ и считаютъ добрыя и злыя дѣла людей; какъ небожители плачутъ, когда въ итогѣ окажется больше злыхъ, нежели добрыхъ дѣлъ. Показывая на синеву дальняго горизонта, она говорила, что это — Сіонъ"... Вотъ религія, какъ она представляется Гончарову, — религія, которая не мучитъ человѣка жгучей, неутолимой жаждой Бога, а ласкаетъ и согрѣваетъ сердце, какъ тихое воспоминанье дѣтства.

По изумительной *трезвости* взгляда на міръ, онъ приближается къ одному Пушкину. Тургеневъ опьяненъ красотой, Достоевскій — страданіями людей, Левъ Толстой — жаждой истины — и всѣ они созерцаютъ жизнь съ особенной точки зрѣнія. Дѣйствительность немного искажается, какъ очертанія предметовъ на взволнованной поверхности воды.

У Гончарова нѣтъ опьяненія. Въ его душѣ жизнь рисуется невозмутимо ясно, какъ мельчайшія былинки и далекія звѣзды отражаются въ лѣсномъ глубокомъ родникѣ, защищенномъ отъ вѣтра. Трезвость, простота и здоровье могучаго таланта, отсутствіе пессимизма имѣютъ въ себѣ что-то обаятельное, освѣжающее. Какъ бы ни были прекрасны созданія другихъ современныхъ писателей, въ нихъ почти всегда есть какой-нибудь темный уголъ, откуда вѣетъ на читателя

холодомъ и ужасомъ. Такихъ темныхъ, страшныхъ угловъ нѣтъ у Гончарова. Все огромное зданіе его эпопей озарено ровнымъ свѣтомъ теплой, разумной любви къ человѣческой жизни.

Онъ понимаетъ не меньше другихъ темную сторону жизни. Наивный романтикъ Александръ Адуевъ, влюбленный въ стихи, луну и Шиллера, свято вѣрующій въ любовь, дружбу и безкорыстіе людей, пріѣзжаетъ въ Петербургъ сороковыхъ годовъ изъ провинціальной глуши. Александръ влюбляется. Любовь измѣняетъ разъ, два... потомъ измѣняетъ дружба. Бѣдный романтикъ не выдерживаетъ, приходитъ въ отчаяніе. Эпилогъ слѣдующій: у бывшаго поклонника Шиллера — плѣшь, почтенное брюшко, прекрасное жалованье и богатая невѣста. Отъ прежнихъ идеаловъ — ни слѣда. „Ты, кажется, идешь по моимъ слѣдамъ?“ спрашиваетъ его дядя, чиновникъ-карьеристъ. — *„Пріятно бы дядюшка!“* Дядя, скрестивъ руки на груди, смотрѣлъ нѣсколько минутъ съ уваженіемъ на племянника. — *И карьера и фортуна!* говорилъ онъ почти про себя, любуясь имъ — *...Александръ*, гордо, торжественно прибавилъ онъ: — *ты моя кровь, ты — Адуевъ! — Такъ и быть, обними меня!*“

Тотъ же *трагизмъ пошлости*, спокойный, если можно такъ выразиться, будничный трагизмъ — основная тема „Обломова“. Илья Ильичъ возвращается домой, навѣки разставшись съ Ольгой. Онъ убитъ горемъ, такимъ, отъ котораго люди умираютъ. Любовь, т.-е. послѣдняя надежда выкарабкаться изъ пошлости, — исчезла. Онъ знаетъ, что теперь ему нѣтъ спасенія отъ апатіи, отъ лѣни отъ нравственнаго паденія. Онъ неминуемо долженъ погибнуть. Обломовъ „почти не замѣтилъ, какъ Захаръ раздѣлъ его, стащилъ сапоги и накинулъ на него халатъ.

„— Что это? спросилъ онъ только, поглядѣвъ на халатъ.

„— Хозяйка сегодня принесла: вымыли и починили халатъ, — сказалъ Захаръ. *Обломовъ, какъ сѣлъ, такъ и остался въ креслѣ*“.

Плѣнительный юморъ Грибоѣдова и Гоголя почти совсѣмъ изсякъ въ русской литературѣ.

Вмѣсто прежняго смѣха, нашего добраго, стараго, могучаго юмора — у Тургенева, Толстого, Достоевскаго кой-гдѣ едва замѣтная слабая улыбка, болѣзненная, какъ скупой лучъ солнца въ сѣверную осень, а у Щедрина — рѣзкій, желчный, мучительный хохотъ; но юмора нѣтъ какъ нѣтъ. Гончаровъ въ этомъ случаѣ представляетъ отрадное исключеніе. Онъ первый, къ сожалѣнію, единственный, великій юмористъ послѣ Гоголя и Грибоѣдова. Захаръ, слуга Обломова, навѣки останется безсмертнымъ воплощеніемъ крѣпостного права, всего смѣшного, жалкаго, уродливаго, чѣмъ рабство сказывается на людяхъ. Безконечная вереница слугъ — Василиса, Евсей, Анисья, Марина, Егорка, Улита, неконецъ, самъ Обломовъ — всѣ эти фигуры, не уступающія созданіямъ Гоголя, озарены *высокимъ комизмомъ*, который даетъ намъ не меньшее наслажденіе, чѣмъ идеальная красота.

Гомеръ въ описаніяхъ подолгу останавливался съ особенною любовью на прозаическихъ подробностяхъ жизни. Онъ до мельчайшихъ

деталей изображаетъ, какъ его герои и полубоги ѣдятъ, пьютъ, принимаютъ ванну, спятъ, одѣваются. Для Гомера нѣтъ некрасиваго въ жизни. Такъ же наивно и просто, какъ онъ говоритъ о смерти великихъ мужей, о совѣтѣ боговъ, о разрушеніи Трои, онъ разсказываетъ о грязномъ платьѣ, которое отправилась мыть на рѣчку царская дочь Навзикая съ рабынями; онъ съ дѣтскимъ простодушіемъ описываетъ, какъ

Начали платья онѣ полоскать и потомъ, дочиста ихъ
Вымывъ, по взморью на мелкоблестящемъ хрящѣ, наносимомъ
На берегъ плоскій морскою волною, ихъ всѣ разостлали.

Такая же античная, свѣтлая любовь къ будничной сторонѣ жизни, такая же способность однимъ прикосновеніемъ преображать прозу дѣйствительности въ поэзію и красоту — составляетъ характерную черту таланта Гончарова. Перечтите „Сонъ Обломова“. Ѣда, чаепитіе, заказываніе кушаній, болтовня, забавы старосвѣтскихъ помѣщиковъ принимаютъ здѣсь въ самомъ дѣлѣ гомеровскія, *идеальныя* очертанія. Вотъ какъ изображается смѣхъ этихъ людей: „Хохотъ разлился по всему обществу, проникъ до передней и до дѣвичьей, объялъ весь домъ, всѣ вспоминаютъ забавный случай, всѣ *хохочутъ долго, дружно, несказанно, какъ олимпійскіе боги.* Только начнутъ умолкать, кто-нибудь подхватитъ опять — и пошло писать“. И дальше почти на цѣлой страницѣ описывается этотъ гомерическій хохотъ. Патріархальные нравы обломовскихъ помѣщиковъ до такой степени фантастичны, несовременны и своими эпическими размѣрами напоминаютъ сказку, что читатель нисколько не удивляется, когда Гончаровъ прямо изъ Обломовки переноситъ его въ героическую среду древнерусскихъ сказаній и былинъ.

Какъ все это не похоже на легкую, поверхностную манеру, на летучій, полунебрежный стиль современныхъ романистовъ! Кажется, что творецъ Обломова покидаетъ здѣсь перо и берется за древнюю лиру; онъ уже не описываетъ — онъ воспѣваетъ нравы обломовцевъ, которыхъ не даромъ приравниваетъ къ *олимпійскимъ богамъ*. Это гораздо болѣе, чѣмъ бытовой жанръ новѣйшихъ писателей. Въ жанрѣ — только юморъ, а здѣсь, кромѣ юмора, *отблескъ высшей красоты*, напоминающей простодушныхъ поэтовъ древности.

Мы теперь по горло пресыщены внѣшней культурой комфортомъ, будничной стороной цивилизаціи. У Гончарова этого пресыщенія нѣтъ, Душа его обладаетъ той прелестной свѣжестью, благодаря которой великихъ эпическихъ поэтовъ, какъ дѣтей, занимаетъ и радуетъ каждый пустякъ въ природѣ, каждый уголокъ дѣйствительности. Мысль художника, какъ солнце, проникая въ самые темные и глубокіе закоулки жизни, озаряетъ ихъ ласковымъ свѣтомъ и на минуту дѣлаетъ прекрасными. Гончаровъ описываетъ комнату Обломова. Мы едва взглянули на героя, не слышали изъ устъ его ни одного слова, но уже знакомы съ нимъ по мельчайшимъ подробностямъ

обстановки: по этой паутинѣ, фестонами лѣпящейся около картинъ, по запыленнымъ зеркаламъ, по пятнамъ на коврахъ, по забытому на диванѣ полотенцу, по тарелкѣ на столѣ, не убранной отъ вчерашняго ужина, съ солонкой и съ обглоданной косточкой, по пыльнымъ и пожелтѣвшимъ страницамъ давно развернутой и давно нечитанной книги, по нумеру прошлогодней газеты, по чернильницѣ, изъ которой, „если обмокнуть въ нее перо, вырвалась бы развѣ только съ жужжаньемъ испуганная муха". Окраска характера такъ сильна, что она кидаетъ свой отблескъ на всѣ приближающіеся предметы, какъ яркій свѣтъ, преломленный въ цвѣтной призмѣ.

Намъ чуется лѣнь, апатія, безпорядочность русскаго барина во вчерашней тарелкѣ Обломова съ обглоданной косточкой. Что можетъ быть, повидимому, значительнаго и характернаго въ томъ, какъ человѣкъ одѣваетъ туфли; а между тѣмъ Гончаровъ влагаетъ въ эту мелочь столько же седержанія, сколько другіе поэты въ цѣлыя событія, монологи, катастрофы. Когда на душѣ Обломова было спокойно и тихо, когда жизнь его не трогала, и Штольцъ не звалъ къ дѣятельности, вставая съ постели, онъ, не глядя, привычнымъ движеніемъ *попадалъ ногами прямо въ туфли*. Но въ немъ пробудились сомнѣнія, заговорило раскаяніе. „Теперь или никогда!" „Быть или не быть!" разсуждаетъ онъ. И вотъ Илья Ильичъ „приподнялся было съ кресла, *но не попалъ сразу ногой въ туфлю и сѣлъ опять*".

Каждый изъ характеровъ, созданныхъ Гончаровымъ, громадное *идеальное* обобщеніе человѣческой природы. Обобщеніе, скрытая идея поднимаютъ на недостижимую высоту микроскопическія подробности быта, дѣлаютъ ихъ художественными, прекрасными и цѣнными. Такъ, на горной высотѣ въ ясные вечера темный силуэтъ едва замѣтныхъ въ обыкновенное время зданій, деревьевъ, скалъ, вырѣзывается до мельчайшихъ подробностей на фонѣ свѣтлаго неба.

Гончаровъ показываетъ не только вліяніе характера на среду, на всѣ мелочи бытовой обстановки, но и обратно — вліяніе среды на характеръ. Каждый человѣческій образъ, созданный имъ — квинтъ-эссенція изъ всѣхъ настроеній, мыслей, желаній, страстей даннаго общества. Онъ слѣдитъ, какъ мягкія степныя очертанія холмовъ, какъ жаркое „румяное" солнце Обломовки отразились на мечтательномъ, лѣнивомъ и кроткомъ характерѣ Ильи Ильича, какъ сырость, холодъ и мракъ глубокихъ ледниковъ и рабская должность сказались на нелюдимомъ, сосредоточенномъ нравѣ старой ключницы Улиты, этого полуфантастическаго крѣпостного гнома. Никто лучше его не понимаетъ тѣснаго взаимодѣйствія соціальной среды и человѣка. Онъ выяснилъ до крайнихъ развѣтвленій, до неуловимыхъ мелочей вліяніе такого громаднаго явленія, какъ крѣпостное право, на привычки, психологію страсти, идеалы нѣсколькихъ поколѣній. Въ этомъ смыслѣ Гончаровъ величайшій *соціологъ* въ новой русской литературѣ, какъ Достоевскій и Левъ Толстой — величайшіе *психологи*. Онъ разлагаетъ художественнымъ анализомъ ткань жизни до ея первоначальной клѣтки, изъ

которой вышло все, весь организмъ общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладаетъ могучей способностью творческаго синтеза: воображеніе его создаетъ отдѣльные міры эпопей и потомъ соединяетъ ихъ въ стройныя системы. Онъ показываетъ, что однимъ и тѣмъ же вѣчнымъ законамъ добра и зла, любви и ненависти, которые производятъ въ исторіи перевороты, правятъ солнцами, подчинены и мельчайшіе, для толпы незримые, *атомы жизни*. *Мережковскій.*

Объективная художественность и свѣтлый юморъ, какъ отличительныя черты таланта Гончарова.

Еще въ 1848 г., говоря объ „Обыкновенной исторіи“, Бѣлинскій указалъ наиболѣе рельефную черту Гончаровскаго творчества, — чистую объективную *художественность*, удивительное умѣнье *рисовать*. „Изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей, — говоритъ Бѣлинскій, — онъ, одинъ, только онъ одинъ, приближается *къ идеалу чистаго искусства*, тогда какъ всѣ другіе отошли отъ него на неизмѣримое пространство, и тѣмъ успѣваютъ. Всѣ нынѣшніе писатели имѣютъ еще нѣчто, кромѣ таланта; онъ больше чѣмъ кто-нибудь теперь (1848), поэтъ, художникъ, и больше ничего“. Черезъ десять лѣтъ почти то же сказалъ Добролюбовъ по выходѣ въ свѣтъ „Обломова“. „Въ умѣньи и схватить образъ предмета, отчеканить, изваять его — заключается сильнѣйшая сторона таланта Гончарова“. На эту сторону таланта указываетъ и Дружининъ. „Мы всегда видѣли, и видимъ теперь, въ авторѣ „Обломова“ одного изъ сильнѣйшихъ современныхъ русскихъ художниковъ. Это художникъ чистый и независимый, художникъ по призванію и по всей цѣлости того, что имъ сдѣлано“. — Въ чемъ же истинная сила этого художника? Именно въ реальномъ, подробномъ и обстоятельномъ изображеніи, такъ сказать *эпической* стороны жизни, во всѣхъ ея деталяхъ, мелочахъ, ускользающихъ обыкновенно отъ взгляда поверхностнаго наблюдателя; въ тонкой, рельефной обрисовкѣ природы, жилищъ, костюмовъ, личностей маленькихъ, ничтожныхъ, незамѣтныхъ, получающихъ полный интересъ подъ перомъ съ любовью рисующаго ихъ автора, который каждому изъ нихъ даетъ особый, точно изваянный изъ мрамора, образъ. Сила поэта не въ длинныхъ дебатахъ дядюшки съ племянникомъ, не въ отступленіяхъ и поученіяхъ, которыми авторъ иногда любитъ дополнять разсказъ, а именно тамъ, гдѣ онъ просто рисуетъ самую жизнь, какою представляется она его умственному оку.

Изъ произведеній Гончарова мы знакомимся съ Россіей, — не той Россіей, которую въ ея наиболѣе интеллигентныхъ представителяхъ (Рудинъ, Лаврецкій, Базаровъ) обрисовалъ Тургеневъ, или въ болѣзненныхъ, опять-таки исключительныхъ, личностяхъ, показалъ Достоевскій, — но съ той многолюдной, обиходной, будничной Россіей,

какою она была еще очень недавно въ массѣ помѣщиковъ, чиновниковъ, аристократіи, дворовыхъ людей. И что всего цѣннѣе въ Гончаровѣ, — онъ эту Русь нисколько не идеализируетъ искусственно, никого и ничего не вытягиваетъ на пьедесталъ, а всему даетъ свое мѣсто и цѣну, такъ что всѣ эти люди и всѣ эти явленія жизни именно таковы, каковы они были на самомъ дѣлѣ. „Вотъ каковы высшія точки нашего умственнаго подъема, какъ онѣ выказались въ нашихъ мужчинахъ и женщинахъ“, говоритъ своими лишними людьми, Еленами и Маріаннами, Тургеневъ; „вотъ наши *обыкновенныя* исторіи и наши *обыкновенныя* женщины“, говоритъ Гончаровъ. Никого не превознося, ничему не удивляясь, ничему намѣренно не поучая, Гончаровъ рисуетъ совершенно реально то, что было; какъ пушкинскій Пименъ, описываетъ добро и зло, не мудрствуя лукаво, и именно тогда и великъ, когда не мудрствуетъ, а изображаетъ, что самъ видѣлъ и слышалъ.

Гончаровъ — *эпикъ* въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова, и эпикъ прежде всего, — эпикъ, до нѣкоторой степени, напоминающій Гомера сравненіями, подробностью и обстоятельностью, такъ называемаго, эпическаго матеріала, т.-е. чертъ бытовыхъ, мѣста, времени, жилищъ, наружности, костюма и пр. Гомера же напоминаетъ онъ отчасти и строемъ большихъ романовъ-поэмъ.

Говоря о Гончаровѣ, какъ объ эпикѣ, напоминающемъ обстоятельностью, детальностью, и часто случайностью своихъ описаній Гомера, нельзя не сказать также еще нѣсколько словъ объ его рѣдкой *объективности*. Такъ Тургеневъ, напримѣръ, — поэтъ болѣе субъективный, лирическій, выражающій, по-преимуществу, то, что подходитъ подъ его настроеніе, большею частію, грустное, и этимъ колоритомъ своихъ впечатлѣній окрашивающій не только людей, но и природу, такъ Гончаровъ, наоборотъ, съ одинаковымъ интересомъ и полнымъ спокойствіемъ, точно фотографъ, изображаетъ и природу, самую разнообразную, и людей, и событія, будь они положительныя или отрицательныя, важныя или неважныя, трогательныя или забавныя, — такъ что трудно сказать, что̀ у Гончарова описано лучше, — хозяйство ли Агаѳьи Матвѣевны, или послѣобѣденный сонъ въ Обломовкѣ, послѣднія ли минуты Наташи („Обрывъ“), или Ѳаддеевъ и англичане („Фрег. Паллада“). Сила Тургенева въ передачѣ впечатлѣній, обнаруживающихъ опредѣленно его задачу, мысль, высказываемую всегда съ горячимъ чувствомъ, почему онъ часто разсказываетъ отъ себя, поясняя и дополняя образъ самъ, или заставляя говорить о лицѣ другихъ (Рудинъ, Елена, Фаустъ); сила Гончарова въ широкихъ и тонкихъ картинахъ, именно такихъ, гдѣ онъ менѣе всего думаетъ поучать, при чемъ авторъ всегда описываетъ человѣка его же собственными словами. Описанія Гончарова почти всегда тоньше, полнѣе, рельефнѣе, чѣмъ у Тургенева; но, какъ у чистаго эпика, часто случайныя, мало значительныя; зато Тургеневъ всегда заранѣе знаетъ, что̀ именно выбрать, какъ ярче выставить то или другое

передъ глазами читателя, чтобы возбудить сильнѣе его мысль, глубже потрясти душу. У Тургенева не затеривается ни одна черта — все къ мѣсту и къ дѣлу; у Гончарова, на ряду съ важнымъ, множество прекрасныхъ, но не идущихъ къ дѣлу деталей, которыя затериваются въ массѣ фактовъ, такъ что, при всей его художественности, его романы, подчасъ скучноваты, и красоты его оцѣниваются не вдругъ, подобно картинамъ старинныхъ мастеровъ. Такой объективности и совершенства письма достигали у насъ только трое: Пушкинъ, графъ Л. Толстой и Гоголь.

Нѣтъ у Гончарова также лирической субъективности Тургенева, Достоевскаго, Гоголя или Диккенса; рѣдокъ потрясающій душу драматизмъ, который является какъ исключеніе, напр., въ сценѣ разрыва Адуева съ Наденькой. Не потрясать душу, подобно названнымъ нами выше писателямъ, не навести эту душу на глубокое и тяжелое раздумье надъ жизнью, а, напротивъ, успокоить ее, заставить предаться тихому, сладкому, чувству, увлечь прелестной мечтой, несбыточной, но все же милой, какъ идилліи Обломова; заставить забыться на лонѣ нѣжной матери-природы, уйти отъ шума городовъ въ деревенскую глушь, отъ праздной надоѣдливой суеты въ кругъ тихихъ семейныхъ радостей: — вотъ въ чемъ сила и прелесть *гончаровскаго* эпоса.

Но, какъ ни объективенъ эпосъ Гончарова, все же это эпосъ не народный, а художественный, т.-е. созданный не массой, а однимъ, сознательно наблюдающимъ жизнь, человѣкомъ, личность котораго, все-таки, хоть сколько-нибудь въ немъ выразится. Вотъ что говоритъ писатель устами профессора въ „Литературномъ вечерѣ“. „Художникъ, конечно, не долженъ соваться своею особою въ картину, наполнять ее своимъ я — это такъ! Но его духъ, фантазія, мысль, чувство, должны быть разлиты въ произведеніи, чтобы оно было созданное живымъ духомъ тѣло, а не вѣрный очеркъ трупа, созданіе какого-то безличнаго чародѣя! Живая связь между художникомъ и его произведеніемъ должна чувствоваться зрителемъ или читателемъ; они, такъ сказать, съ помощью чувства автора наслаждаются картиною“.

Итакъ, постараемся, при всей объективности писателя, опредѣлить его отношеніе къ изображаемой дѣйствительности, такъ сказать, проникнуть въ самую личность творца, насколько высказалась она въ его творчествѣ.

Характерныя черты въ самомъ романистѣ, всегда уважающемъ все высокое и прекрасное, можетъ-быть и образовали въ немъ совсѣмъ *особый наивный, какъ бы безразличный, свѣтлый юморъ*, который рѣзко отличается отъ всегда грустнаго юмора Тургенева, и особенно Гоголя. Тургеневъ горько смѣется надъ бѣднымъ, *мизернымъ* человѣкомъ, надъ кисейными барышнями, губящими себя по своей простотѣ и недомыслію, надъ безобразіями крѣпостного права. Гоголь сквозь смѣхъ плачетъ кровавыми слезами надъ Акакіемъ Акакіевичемъ, надъ пріобрѣ-

татслемъ Чичиковымъ, надъ художникомъ и дѣвицами на Невскомъ проспектѣ, надъ чудачествами поссорившихся изъ-за гусака друзей или погибшими отъ застоя мысли старосвѣтскими помѣщиками. Диккенсъ съ ужасающимъ юмористическимъ паѳосомъ осмѣиваетъ безсердечіе и равнодушіе къ ближнему биржевыхъ королей, англійскую аристократію, уродливое воспитаніе. Для Гончарова безразлично, надъ чѣмъ не посмѣяться, лишь бы оно было въ самомъ дѣлѣ смѣшно, будь это бездушный чиновникъ, сгубившій жену—Петръ Ивановичъ Адуевъ, или дармоѣдъ казны Акновъ; солдаты ли, ссадившіе сѣбѣ отъ жары на спинѣ всю кожу *(Фр. Поллады*, т. V, 403), идіотическое ли равнодушіе къ побоямъ матросиковъ, распѣвающій ли въ Африкѣ романсы офицерикъ (VI, 258), или Савелій, едва не убивающій полѣномъ развратницу-жену Маринку *(Обрывъ)*. Словомъ, какого бы качества и значенія ни были представляющіяся поэту явленія жизни, они для него, какъ и для Райскаго, — только объектъ созерцанія, одинаково возбуждающій въ немъ добродушную улыбку надъ человѣческими глупостями или уродливостями, нарушающими гармонію добра, красоты и правды. И если юморъ Тургенева можно назвать *грустно-меланхолическимъ*, Гоголя и Диккенса юморъ *потрясающе-глубокимъ*, если ихъ юморъ потрясаетъ человѣка до горькой боли, до страха за человѣка, до страстной любви къ этому человѣку, нашему ближнему, какъ бы низко онъ ни палъ, — юморъ Гончарова — только *снисходительная, добродушная улыбка взрослаго надъ балующимися дѣтьми.*

Но за этимъ безразличнымъ юморомъ, за этою, такъ сказать, нѣкоторою барственностью, аристократизмомъ нашего писателя, нельзя не замѣтить той широкой, благородной *гуманности*, которая разлита по всѣмъ его сочиненіямъ и дается только разностороннимъ образованіемъ и обращеніемъ между порядочными людьми. Что бы и кого бы Гончаровъ ни изображалъ, онъ никогда неосторожно не поглумится и видитъ въ каждомъ все-таки *человѣка*, доходя иногда до признательно трогательныхъ изображеній. Вездѣ, при изображеніи явленій грязноватыхъ, оскорбляющихъ нравственное чувство или приличіе, въ сценахъ разыгравшейся физической страсти, поэтъ соблюдаетъ художественную мѣру и во́-время опускаетъ занавѣсъ. Всюду является онъ горячимъ сторонникомъ честнаго упорнаго труда, поклонникомъ искусства, горячимъ защитникомъ науки, просвѣщенія, цивилизаціи. Стоитъ прочитать только, что́ говоритъ Гончаровъ о просвѣтительной миссіи англичанъ въ колоніяхъ, о путешествіяхъ прежде и теперь, о геологѣ, натуралистѣ и инженерѣ Бенѣ, о культурной жизни Лондона сравнительно съ нашей деревенской жизнью, о Востокѣ съ его матеріальнымъ благосостояніемъ и глубокимъ умственнымъ сномъ, о просвѣщеніи восточной Сибири, — довольно прочиталъ, что въ романахъ Гончарова говорится о воспитаніи, чтобы признать въ авторѣ высокую степень культурности, невольно вліяющей и на читателя.

Обращаясь къ вопросу, что́ по преимуществу, способенъ или, вѣрнѣе, любитъ изображать авторъ, и что́, по свойству его таланта,

ему особенно удается, мы должны сказать, что наибольшей силы достигаетъ онъ въ изображеніи такихъ картинъ природы и мирной патріархальной жизни. Изображенія семейныхъ сценъ и картинъ — это настоящіе шедёвры, которыми всегда будетъ гордиться въ Гончаровѣ русская литература, точно такъ же какъ и изображеніями *интимной жизни женскаго сердца* во всѣхъ ея перипетіяхъ, начиная отъ едва замѣтнаго зарожденія стыдливаго чувства до вспышекъ разыгравшейся страсти. Вообще консерваторъ въ томъ смыслѣ, что, хотя и признававшій необходимость прогресса, но опасавшійся за то, чтобы вмѣстѣ со старымъ дурнымъ не было вырвано и то, что въ старомъ было хорошаго, — Гончаровъ старательно отыскиваетъ все это хорошее, и бережно собираетъ въ цѣнную сокровищницу своего творчества, чтобы передать въ назиданіе легкомысленному потомству примѣры простодушной религіозности, важности брачныхъ узъ, доброй хозяйственности, гостепріимства, крѣпости отношеній родственныхъ и дружескихъ, святости любви и нравственнаго долга. *Острогорскій.*

Художественный символизмъ въ произведеніяхъ Гончарова.

Въ поэзіи то, что не сказано и мерцаетъ сквозь красоту символа, дѣйствуетъ сильнѣе на сердце, чѣмъ на то, что выражено словами. Символизмъ, дѣлаетъ самый стиль, самое художественное вещество поэзіи, одухотворительнымъ, прозрачнымъ, насквозь просвѣчивающимъ, какъ тонкія стѣнки алебастровой амфоры, въ которой зажжено пламя.

Символами могутъ быть и характеры. Санчо-Панса и Фаустъ, Донъ-Кихотъ и Гамлетъ, Донъ-Жуанъ и Фальстафъ.

Сновидѣнія, которыя преслѣдуютъ человѣчество, иногда повторяются изъ вѣка въ вѣкъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію сопутствуютъ ему. Идею такихъ *символическихъ характеровъ* никакими словами нельзя передать, ибо слова только опредѣляютъ, ограничиваютъ мысль, символы выражаютъ безграничную сторону мысли.

Гончаровъ истинно гармоничный и спокойный художникъ, творецъ живыхъ человѣческихъ душъ. Онъ беретъ характеры людей цѣликомъ, какъ живые продукты исторіи, природы, времени, общества. Никто такъ не заставляетъ жить своихъ героевъ на страницахъ книги отдѣльной, собственной жизнью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ типы Гончарова весьма отличаются отъ *исключительно бытовыхъ* типовъ, какіе мы встрѣчаемъ, напр., у Островскаго и Писемскаго, у Диккенса и Теккерея. Помимо жизненной типичности Обломова, васъ привлекаетъ къ нему высшая красота вѣчныхъ комическихъ образовъ (какъ Фальстафъ, Донъ-Кихотъ, Санчо-Панса). Это не только Илья Ильичъ, котораго вы, кажется, вчера еще видѣли въ халатѣ, но и громадное, идейное обобщеніе цѣлой стороны русской жизни.

Гончаровъ изъ всѣхъ нашихъ писателей обладаетъ вмѣстѣ съ Гоголемъ наибольшей способностью символизма. Каждое его произведеніе — художественная система образовъ, подъ которыми скрыта вдохновенная мысль. Читая ихъ, вы испытываете то же особенное, ни съ чѣмъ не сравнимое чувство широты и простора, которое возбуждаетъ грандіозная архитектура — какъ будто входите въ огромное, свѣтлое и прекрасное зданіе. Характеры — только часть цѣлаго, какъ отдѣльные статуи и барельефы, размѣщенные въ зданіи, — только рядъ символовъ, нужныхъ поэтому, чтобы возвысить читателя отъ созерцанія частнаго явленія къ созерцанію вѣчнаго.

Способность философскаго обобщенія характеровъ чрезмѣрно сильна въ Гончаровѣ; иногда она прорываетъ какъ острее, живую художественную ткань романа и является въ совершенной наготѣ; напр. Штольцъ — уже не символъ, а мертвая аллегорея. Противоположность такихъ типовъ, какъ практическая Марѳенька и поэтическая Вѣра, какъ эстетикъ Райскій и нигилистъ Волоховъ, какъ мечтательный Обломовъ и дѣятельный Штольцъ — развѣ это не чистѣйшій и, притомъ, непроизвольный, *глубоко реальный символизмъ!* Самъ Гончаровъ въ одной критической статьѣ признается, что бабушка въ „Обрывѣ“ была для него не только характеромъ живого человѣка, но воплощеніемъ Россіи. Вспомните ту геніальную сцену, когда Вѣра останавливается на минуту передъ образомъ Спасителя въ древней часовнѣ и тропинкой, ведущей къ *Обрыву*, къ бесѣдкѣ, гдѣ ждетъ ее Маркъ Волоховъ. Вѣра, какъ идеальное воплощеніе души современнаго человѣка, колеблется и недоумѣваетъ, гдѣ же правда — здѣсь, въ кроткихъ, строгихъ очахъ Спасителя, въ древней часовнѣ, или тамъ, за „Обрывомъ“, въ злобной, страшной и обязательной проповѣди новаго человѣка?

И такого поэта наши литературные судьи считали отживающимъ типомъ эстетика, точнымъ, но неглубокимъ бытописателемъ помѣщичьихъ нравовъ! Но когда отъ реалистической критики, отъ столь прославленныхъ ею *бытовыхъ* комедій и романовъ не останется ни слѣда, произведенія Гончарова, мало понятныя въ нашъ вѣкъ художественнаго матеріализма, возродятся въ полной, идеальной красотѣ. Онъ одинъ изъ величайшихъ въ современной европейской литературѣ творцовъ человѣческихъ душъ, *художниковъ-символистовъ.* *Мережковскій.*

Отношеніе Гончарова къ современной ему эпохѣ.

Кромѣ изображенія передовыхъ представителей идей какой-нибудь исторической эпохи, можно такъ же изображать и то, какъ данныя идеи усвоиваются обществомъ, — состояніе, въ которое пришла жизнь общества подъ вліяніемъ этихъ идей, и писатель, рисующій это послѣднее, можетъ быть, по справедливости, названъ также изобразителемъ своей эпохи, а каждый членъ общества, усвоившаго такъ или иначе эти идеи,

представителемъ эпохи. Бросьте камень въ прудъ. Вода заколышется; сначала появятся небольшіе, но рѣзкіе круги около того мѣста, гдѣ упалъ камень; потомъ эти круги все увеличиваются и, хотя ослабѣваютъ, но расходятся дальше и дальше, пока не достигнутъ береговъ и совсѣмъ не улягутся. То же бываетъ и со всякой новой идеей, попавшей въ жизнь. Она, хотя и въ постепенно слабѣющихъ формахъ, по мѣрѣ удаленія отъ центровъ умственной жизни, но непремѣнно отразится во всѣхъ уголкахъ. Вотъ Гончаровъ и явился безпристрастнымъ изобразителемъ русскихъ обыкновенныхъ, не передовыхъ людей: помѣщиковъ, чиновниковъ и т. п., ихъ быта и воззрѣній, всей ихъ жизни, до которой въ малыхъ размѣрахъ также дошли новыя идеи, взволновали дотолѣ тихій міръ и произвели свое неотразимое вліяніе.

„Я слѣдилъ“, говоритъ Гончаровъ относительно „Обрыва“: „за отраженіемъ борьбы на знакомомъ мнѣ уголкѣ, на знакомыхъ лицахъ“. Конечно, въ этой массовой сферѣ, наблюдаемой Гончаровымъ, дѣйствіе идей проявлялось слабѣе, чѣмъ въ передовомъ меньшинствѣ, и одна смѣняла другую постепенно, туго измѣняя общій колоритъ жизни; вотъ почему и герои романовъ Гончарова отчасти похожи другъ на друга, особенно въ двухъ послѣднихъ романахъ (Райскій — проснувшійся Обломовъ, по увѣренію самого нашего писателя); вотъ почему Гончаровъ кажется нѣкоторымъ критикамъ однообразнымъ въ своемъ міросозерцаніи.

Изображаемые слои русскаго общества Гончаровъ имѣлъ возможность хорошо изучить, такъ какъ былъ близокъ къ нимъ. Заявленіе, что Гончаровъ не зналъ, что дѣлалось въ Россіи съ указаніемъ на 40-лѣтнее пребываніе его на одной квартирѣ и т. д., кажется просто смѣшнымъ. Періодъ домосѣдства падаетъ на годы, когда Гончаровъ уже прекращалъ свою литературную дѣятельность. А въ тѣ періоды, которые онъ изображаетъ въ своихъ романахъ, онъ хорошо былъ знакомъ и съ чиновничьей и съ помѣщичьей средой: онъ самъ былъ чиновникомъ: въ своихъ воспоминаніяхъ онъ разсказываетъ о поѣздкахъ на Волгу. Гончаровъ зналъ не одну только Россію: онъ объѣхалъ и кругомъ свѣта. По самому свойству таланта Гончаровъ могъ рисовать только то, что самъ видѣлъ. „Чего я не видѣлъ, не наблюдалъ, чѣмъ не жилъ, то недоступно моему перу“, говоритъ онъ. Дѣйствительно, мы не видимъ въ его романахъ ни одного типа изъ простого народа, за исключеніемъ дворни, несмотря на то, что въ 60-хъ годахъ, „мужикъ“ входилъ въ моду въ нашей литературѣ. На Гончарова сыпались многочисленные и рѣзкіе упреки въ литературномъ аристократизмѣ, но онъ не измѣнилъ своему призванію писать только то, о чемъ хорошо зналъ. А жизнь, доступную наблюденію, Гончаровъ изучалъ усердно и глубоко: онъ спокойно дожидался, когда эта жизнь, подъ вліяніемъ какой-либо новой идеи, вполнѣ опредѣлится и сложится, и тогда только бралъ въ свои руки художественную кисть и заносилъ картину этой жизни въ свои созданія. Въ 20—30-хъ годахъ заносится на русскую почву романтизмъ и укрѣпляется въ его крайней

формѣ — сентиментализмѣ, и Гончаровъ пишетъ „Обыкновенную исторію“. Горячіе и разнорѣчивые отзывы о ней критиковъ показали, что романъ попалъ въ цѣль и задѣлъ больное мѣсто.

Близятся шестидесятые года; общество готовится къ реформамъ, съ омерзѣніемъ оглядывается на свое прошлое и ищетъ того, что такъ долго задерживало ходъ русской жизни и мысли. Въ отвѣтъ является въ 1858 году „Обломовъ“. Передовымъ русскимъ обществомъ, истиннымъ выразителемъ котораго явился Добролюбовъ, романъ былъ встрѣченъ съ горячимъ восторгомъ, какъ новое откровеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ также сдѣлался предметомъ и самыхъ ожесточенныхъ нападеній со стороны Ап. Григорьева и др. Въ это время Гончаровъ слѣдитъ за тѣми же явленіями, совершающимися передъ реформами въ далекомъ уголкѣ Россіи, гдѣ также чувствовалась вся тяжесть переходнаго времени, совершались свои счеты съ прошедшимъ и необдуманные шаги по новому пути, не обходившіеся безъ жертвъ. Онъ пишетъ „Обрывъ“, во второй части котораго съ обычнымъ талантомъ изображаетъ столкновеніе новыхъ идей съ установившеюся жизнью и вошедшую вмѣстѣ съ новою правдою въ русскую жизнь ложь: даетъ народившіеся типы новыхъ людей, — одни во весь ростъ (Марка Волохова и Вѣры), другой только намѣтивъ (Тушина), потому что онъ не наблюдалъ еще его развитія. Но, при всемъ нашемъ глубокомъ уваженіи къ таланту Гончарова, мы принуждены сознаться, что въ послѣднемъ романѣ выступаетъ одинъ очень важный недостатокъ. Этотъ недостатокъ въ томъ, что Гончаровъ соединяетъ въ этомъ романѣ, двѣ эпохи русской жизни и эпохи весьма разнородныя. „Обрывъ“, по словамъ самого Гончарова, былъ задуманъ еще въ 1849. Героемъ его долженъ былъ быть идеалистъ сороковыхъ годовъ Райскій, представитель эпохи пробужденія, почему и самый романъ носилъ сначала соотвѣтствующее названіе: „Художникъ“. Но романъ писался около 20 лѣтъ; за это время въ 60-хъ годахъ обнаружилось другое теченіе жизни, рѣзко отличавшееся отъ предшествующихъ эпохъ, и вслѣдствіе этого въ запутанныя рамки романа втискивается одинъ изъ типовъ этой новой эпохи, Маркъ Волоховъ, совершенно неожиданно, словно прыгнулъ въ окно, какъ это дѣлаетъ онъ въ самомъ романѣ, и завладѣваетъ главнымъ положеніемъ героя, устранивши идеалиста Райскаго. При такомъ искусственномъ сопоставленіи представителей различныхъ эпохъ развитія русскаго общества, послѣдній романъ не можетъ служить вѣрнымъ изображеніемъ всецѣло ни эпохи идеализма сороковыхъ годовъ ни позднѣйшей, когда появились Марки Волоховы. Гончаровъ объявляетъ, что въ его романахъ улеглись періоды съ 40-хъ до 70-хъ годовъ, очевидно, видя изображеніе 70-хъ годовъ въ „Обрывѣ“, въ типахъ Марка Волохова, Тушина, Вѣры. Но посмотрите на всѣ остальныя лица, на обстановку, на всѣ мелочи: все это носитъ на себѣ слѣды эпохи 40—50-хъ годовъ: крестьяне еще не освобождены, не упоминается еще ни о желѣзныхъ дорогахъ ни о пароходахъ; Райскій, человѣкъ сороковыхъ годовъ, является въ романѣ сравни-

тельно молодымъ. Введеніе въ такую среду типовъ 70-хъ годовъ кажется искусственнымъ. Впрочемъ, и самое утвержденіе, что его изображеніе русской жизни достигаетъ до 70-хъ годовъ, кажется преувеличеннымъ. „Обрывъ“ болѣе рисуетъ картины еще крѣпостной жизни, но отмѣчаетъ и начинающееся предреформенное движеніе; поэтому всего естественнѣе его дѣйствіе отнести къ тому времени, когда явился романъ „Обломовъ“, и когда подобное же движеніе, только гораздо болѣе сильное, поднималось и въ высшихъ умственныхъ кругахъ, т. - е. къ концу пятидесятыхъ годовъ. Легко видѣть, что отмѣченный нами недостатокъ послѣдняго романа зависитъ не отъ тенденціозности Гончарова, а отъ продолжительности времени, въ теченіе котораго этотъ романъ создавался.

Написавши „Обрывъ“, Гончаровъ признавалъ свою роль изобразителя теченій русской жизни конченною и честно сталъ въ сторонѣ, не желая изображать то, чего непосредственно не переживалъ и не наблюдалъ; а что пережилъ и наблюдалъ, то передалъ безъ всякихъ теоретическихъ предубѣжденій и исключительныхъ симпатій, — передалъ все такъ, какъ воспринималось его душой, вполнѣ объективно.

Щукинъ.

Въ знаменитой плеядѣ писателей 40—50-хъ годовъ И. А. Гончаровъ является яркимъ свѣтиломъ первой величины, но стоящимъ какъ-то одиноко отъ всего литературнаго созвѣздія того времени. Критическій анализъ, разумѣется, легко можетъ открыть родственную связь твореній этого писателя съ современной ему русской жизнью, указать вліяніе на нихъ всего прошлаго и связать неразрывною нитью съ настоящимъ. Тщетны, однако, будутъ попытки причислить Гончарова къ опредѣленной литературной школѣ, еще труднѣе — къ извѣстному лагерю. Гончаровъ до сихъ поръ остался для насъ полной загадкой и какъ художникъ-мыслитель и какъ человѣкъ. Біографическія данныя весьма скудны, литературныя произведенія не составляютъ послѣдовательной цѣпи, и сама духовная личность автора скрыта въ нихъ какъ бы намѣренно съ особою тщательностію, чтобы читатели никакъ не могли возстановить ее мысленно; наконецъ, частная переписка, записки, воспоминанія, черновики, неизданныя творенія — все это навѣки запечатлѣно тайной, по желанію писателя, оставившаго единственное въ своемъ родѣ литературное завѣщаніе. Скрытный, обособленный, вѣроятно, болѣзненно самолюбивый, Гончаровъ и послѣ смерти ревниво охранялъ себя отъ всякой попытки проникнуть въ его духовную сущность и возсоздать образъ человѣка. Помнится, завѣщаніе Гончарова встрѣчено было въ печати недоумѣніемъ и вызвало даже споръ, имѣетъ ли оно, такъ сказать, этически-законную силу. Дѣйствительно, если нельзя отрицать права человѣка запретить печатать его частную переписку, послѣ смерти, въ предвидѣніи всевозможныхъ пересудовъ, кривотолковъ, то, съ другой стороны, писатель, выступившій печатно,

уже тѣмъ самымъ отдаетъ себя на судъ общественный и не принадлежитъ всецѣло самому себѣ...

То, что волновало Гончарова, что заставляло его обособляться, скрывать свои истинные взгляды и симпатіи, этотъ страхъ смѣшанный съ долей аристократической брезгливости къ „новымъ людямъ“ и, „новымъ вѣяніемъ“ — теперь уже составляетъ достояніе прошлаго, успокоившагося, потерявшаго остроту и пряность и ставшаго предметомъ спокойнаго, разсудительнаго обсужденія, безъ пыла полемическихъ страстей, сердитаго взрыва и обиженныхъ самолюбій. Многое уже подверглось безпристрастной переоцѣнкѣ: съ одного сняты безповоротныя, казалось, заклятія, другое является передъ нами уже безъ былой задорной мишуры... Тайный смыслъ литературнаго завѣщанія Гончарова — боязнь стать жертвой „злого фельетониста“ или грубыхъ издѣвательствъ „Марковъ Волоховыхъ“ кажется намъ теперь преувеличенной, странной, неоправдываемой жизнью. Старыя страсти улеглись, замѣнились новыми, и къ Гончарову мы уже въ состояніи отнестись съ спокойнымъ изученіемъ его духовной личности, составляющей крупнѣйшее явленіе въ русской литературѣ и, несомнѣнно, отразившей весьма многое изъ великаго историческаго перелома русской общественной жизни 60-хъ годовъ...

Писатели стараго времени, съ огромнымъ запасомъ творческихъ художественныхъ силъ, съ искреннимъ стремленіемъ къ совершенству, съ долго сдерживаемымъ пыломъ облегченія того круга общества, къ которому сами принадлежали, — очутились въ переходную эпоху русской жизни въ странномъ положеніи. Для своего круга они были чуть не красными, они вѣдали его тайны и обнажили его язвы, они звали къ совершенству и перестройкѣ жизни, выдвигали новые принципы, искали новыхъ путей, а дѣйствительная жизнь вдругъ стала переоцѣнивать и самый этотъ кругъ и даже сомнѣваться въ его значеніи и смыслѣ. Либералы и прогрессисты для своего сословія, они были объявлены консерваторами со стороны „новыхъ людей“, не знавшихъ и не хотѣвшихъ знать сословныхъ традицій и не интересовавшихся тѣмъ, какія духовныя и бытовыя метаморфозы переживаетъ это сословіе, самое главенство котораго оспаривалось выступившимъ на сцену умственной жизни тѣмъ новымъ интеллигентомъ tiers-ètat, который еще Екатерина замышляла создать подъ характернымъ названіемъ „средняго рода людей“. Прогрессистамъ приходилось либо приспособляться къ новымъ задачамъ времени, либо искать совсѣмъ новыхъ, широкихъ обобщающихъ путей (какъ, напримѣръ, Левъ Толстой), либо умолкнуть и замкнуться въ одинокомъ недоумѣніи, естественно не лишенномъ нѣкоторой доли негодованія, огорченія, уязвленнаго самолюбія и брезгливости.

Послѣднее именно произошло съ Гончаровымъ. Въ своихъ „случаяхъ“ онъ откровенно сознается, что видѣлъ народъ только издали (изъ окна вагона), а новая литература хлынула именно въ народъ. Гончаровъ зналъ хорошо только дворянско-помѣщичій бытъ, а новая

литература признавала своею прямою задачею яркое его обличеніе, чуть не до полнаго уничтоженія. „Обломова“ поэтому встрѣтили весьма сочувственно и увидали въ немъ чуть ли не цѣлое философское обобщеніе. „Обрывъ“, напротивъ, остался безъ художественной оцѣнки несомнѣннымъ достоинствамъ романа, но зато подвергся ярымъ нападкамъ за попытку обличить „новыхъ людей“ и сопоставить мыслящаго разночинца, какъ духовнаго и нравственнаго банкрота, съ консервативной мощью и красотой дворянской семьи. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ Гончаровѣ и въ другихъ отрицательное отношеніе къ „новымъ людямъ“ обусловливалось, главнымъ образомъ, не столько какимъ нибудь политическимъ credo или общественными взглядами, сколько грубой откровенностью требованій послѣднихъ и непониманіемъ, или нежеланіемъ понимать высшія потребности и красоту утонченнаго духа.

„Новые люди“ казались „старымъ“ прежде всего антихудожественными и лишенными красоты въ широкомъ значеніи этого слова. „Старые“ работали тончайшимъ рѣзцомъ и, конечно, искали для своихъ художественныхъ произведеній образцовъ въ томъ кругѣ людей, гдѣ сама жизнь изощряла красоту и духовную и тѣлесную. Нельзя же было лѣпить Венеру съ бабы въ поневѣ; Мессалину — съ босячки Таньки — Ноздри; св. Цицилію — съ добродѣтельной мѣщанской дѣвицы... Новый матеріалъ, который предложила жизнь, былъ и мало изученъ и такъ грубо некрасивъ. „Новые“ же рубили топоромъ, не гнались за художественностью и утонченностью, да и созданные имъ типы предъявляли такія простыя, насущныя требованія, вся заслуга которыхъ объяснялась лишь жизненной правдой. Чистому художнику пока здѣсь дѣлать было нечего, и эстетика его на каждомъ шагу была попираема и оскорбляема.

Намъ кажется, что именно въ этомъ оскорбленномъ чувствѣ красоты и нужно искать причину душевнаго разлада Гончарова и то, почему онъ, человѣкъ по существу свободомыслящій и критически относившійся къ жизни, человѣкъ, несомнѣнно увлекавшійся и передовыми философскими ученіями и тонко понимавшій духовные запросы времени (напр., его сужденіе о взглядѣ общества на военное сословіе въ письмѣ къ Валуеву), — идетъ въ разрѣзъ съ общественными теченіями, не желая даже вникнуть въ ихъ сущность и приложить къ нимъ мѣрку свойственнаго ему глубокаго критическаго анализа. Эти передовые люди дореформеннаго происхожденія весьма нерѣдко переходятъ въ консервативный лагерь, хотя по существу они только консерваторы красоты внѣшней и духовной, художники, ищущіе пріюта и сочувственнаго пониманія, какъ бы защиты отъ нахлынувшихъ со всѣхъ сторонъ демократическихъ идеаловъ, лишенныхъ художественнаго пониманія и нерѣдко совершенно чуждыхъ духовнымъ стремленіямъ.

Для демократизаціи красоты не наступило еще и до сихъ поръ время, а въ тѣ годы объ этомъ нечего было и думать. Публицистика, политическія и общественныя задачи слились съ литературой худо-

жественной такъ тѣсно, что аристократу художественной красоты и правды не оказывалось мѣста. Измѣниться Гончаровъ не могъ, приспособляться считалъ недостойнымъ, а для новыхъ путей не находилъ въ самомъ себѣ исходныхъ точекъ. *Военскій.*

Между живописцами есть такіе, которые могутъ писать только огромные холсты. Гончаровъ — изъ ихъ числа. Каждый изъ его романовъ задуманъ въ колоссальныхъ размѣрахъ, каждый старается воспроизвести цѣлые періоды, цѣлыя полосы русской жизни. Много такихъ вещей, слѣдовательно, нельзя писать, если не впадать въ повторенія и не выходить за предѣлы реальнаго романа, т.-е. воспроизводить только то, что авторъ самъ видѣлъ и наблюдалъ. Въ обоихъ Адуевыхъ, въ Обломовѣ, въ Штольцѣ, въ бабушкѣ, наконецъ, въ Вѣрѣ и Маркѣ Волоховѣ (въ послѣднихъ двухъ, правильно или неправильно, это все равно въ данномъ случаѣ) — Гончаровъ исчерпалъ все крупное въ психологіи цѣлаго полувѣка русской жизни. Путемъ необыкновенно напряженнаго художественнаго синтеза онъ въ этихъ немногихъ лицахъ воплотилъ всѣ тѣ характерныя черты пережитыхъ имъ періодовъ русскаго общественнаго развитія, которыя онъ считалъ дѣйствительно характерными, основными. А на миніатюры, на отдѣльное воспроизведеніе мелкихъ явленій и лицъ, если они не составляютъ необходимыхъ аксессуаровъ общей широкой картины, онъ не былъ способенъ по основному складу своего болѣе синтетическаго, чѣмъ аналитическаго таланта. И только оттого полное собраніе его сочиненій сравнительно менѣе объемисто. Но попробуйте выбросить изъ Писемскаго всѣ тѣ слабыя вещи, которыя онъ написалъ въ послѣднія 20 лѣтъ своей литературной дѣятельности, вещи, въ родѣ „Игрока“, написаннаго исключительно потому, что кредиторы брата не давали покоя своими назойливыми приставаніями, — попробуйте выбросить всѣ эти, не скажу даже плохія, а случайныя и второстепенныя по замыслу, по своему авторскому намѣренію, произведенія — и вы получите не больше, но даже меньше того, что дано Гончаровымъ. Повторяю еще разъ, не вслѣдствіе обломовщины, а исключительно вслѣдствіе прямого неумѣнья писать второстепенныя вещи, отъ которыхъ всегда бухнутъ полныя собранія сочиненій другихъ писателей, Гончаровъ, прожившій 79 лѣтъ, написалъ не много для такого долгаго литературнаго вѣка. „Напрасно просили“, разсказываетъ онъ въ авторской исповѣди: — „моего сотрудничества въ качествѣ рецензента или публициста: я пробовалъ и ничего не выходило, кромѣ блѣдныхъ статей, и уступавшихъ всякому бойкому перу привычныхъ журнальныхъ сотрудниковъ“.

Но когда этотъ же Гончаровъ въ „Милліонѣ терзаній“ взялся хотя и за критическую, но все-таки обширную тему, за разборъ „Горе отъ ума“, то получилась рѣшительно крупная вещь. Въ небольшомъ этюдѣ, на пространствѣ немногихъ страницъ, разсѣяно столько ума, вкуса, глубокомыслія и проницательности, что его нельзя не при-

числить къ лучшимъ плодамъ творческой дѣятельности Гончарова. Въ немъ брошенъ совершенно новый взглядъ на характеръ Чацкаго, взглядъ, который до извѣстной степени вытѣснилъ прежніе взгляды на Чацкаго Пушкина и Бѣлинскаго.

Итакъ, мы еще разъ наглядно убѣждаемся, до какой степени талантъ Гончарова только тогда и можетъ развернуться во всемъ своемъ объемѣ, когда предъ нимъ какая-нибудь большая задача. Но часто браться за большія задачи нельзя, какъ бы ни былъ великъ запасъ творческихъ силъ.

Принято удивляться Флоберу за необыкновенную тщательность въ обдумываніи и разработываніи своихъ произведеній. Но едва ли цѣною меньшей интенсивности въ работѣ достались Гончарову его произведенія. Въ публикѣ было распространено мнѣніе, что Гончаровъ напишетъ романъ, а потомъ десять лѣтъ отдыхаетъ. Это совершеннѣйшее заблужденіе. Промежутки между появленіями романовъ были наполнены у Гончарова сильнѣйшею, хотя и не осязательною, но все-таки творческой работой. Если его герои такъ выпукло и законченно обрисованы, то только потому, что по десяти и по двадцати лѣтъ вынашивалъ онъ въ душѣ свои образы. „Обломовъ“ появился въ 1859 году, но задуманъ онъ былъ и набросанъ въ программѣ тотчасъ же послѣ „Обыкновенной исторіи“, въ 1847 году. „Обрывъ“ напечатанъ въ 1869 г., но концепція его и даже наброски отдѣльныхъ сценъ и характеровъ относятся еще къ 1849 г. Какъ только какой-нибудь сюжетъ завладѣвалъ воображеніемъ нашего писателя, онъ тотчасъ начиналъ набрасывать отдѣльные эпизоды, сценки, характеры, читалъ ихъ своимъ знакомымъ и притомъ не только цѣнителямъ, но и вообще знакомымъ. Все это до такой степени его переполняло и волновало, что онъ „изливался всѣмъ, кому попало“, выслушивалъ мнѣнія, спорилъ. Затѣмъ начиналась связная работа. Появляются цѣлыя законченныя главы, которыя даже отдаются въ печать. Такъ, напр., одно изъ центральныхъ мѣстъ „Обломова“ — „Сонъ Обломова“ появился въ печати десятью годами раньше появленія всего романа (въ „Иллюстрированномъ Альманахѣ“ 1849 г., разосланномъ въ видѣ преміи подписчикамъ „Современника“). Отрывки изъ „Обрыва“ появились въ свѣтъ за 8 лѣтъ до появленія всего романа. А главная работа тѣмъ временемъ продолжаетъ „итти въ головѣ“, и фактъ глубоко любопытный: „лица не даютъ покоя, пристаютъ, позируютъ въ сценахъ“. „Я слышу“, — разсказываетъ Гончаровъ: — „отрывки ихъ разговоровъ, и мнѣ часто казалось, прости Господи, что я это не выдумаю, а что это все носится въ воздухѣ около меня и мнѣ только надо смотрѣть и вдумываться“. Чтобы оцѣнить все значеніе этого поразительнаго факта, нужно принять во вниманіе крайне ровный, отнюдь не нервный темпераментъ Гончарова. У Достоевскаго подобныя галлюцинаціи были бы однимъ изъ многочисленныхъ проявленій его болѣзненной психики. Но у Гончарова эти галлюцинаціи — были исключительно результатомъ необыкновенно сильнаго сживанія автора съ создаваемыми

имъ лицами. Они до того имъ были обдуманы во всѣхъ деталяхъ, что самый актъ писанія становился для него вещью второстепенною. Годами *обдумывалъ* онъ свои романы, но *писалъ* ихъ недѣлями. Вся вторая часть „Обломова", напр., написана имъ въ пять недѣль пребыванія въ Маріенбадѣ. Гончаровъ писалъ ее, не отходя отъ стола. И это не только съ „Обломовымъ". Какъ только онъ путемъ многолѣтняго обдумыванія окончательно осваивался съ своимъ сюжетомъ, осваивался, такъ сказать, до бреда на-яву, онъ тотчасъ брался за работу, и она шла у него живо, бодро, рука едва успѣвала писать.

Неужели все это обломовщина, а не разительный примѣръ необыкновенно законченнаго творчества, плоды котораго появляются на свѣтъ только тогда, когда они окончательно созрѣли?

Такимъ образомъ ходячее представленіе о Гончаровѣ какъ объ Обломовѣ даетъ совершенно ложное представленіе о немъ. Дѣйствительная основа его характера, обусловившая собою и весь ходъ его творчества — вовсе не апатія, а *уравновѣшенность*. Отнюдь не флегматичный, Гончаровъ не отъ душевной вялости былъ такъ размѣренъ въ своихъ чувствахъ, а исключительно потому, что созерцательно-спокойное отношеніе ко всему, что происходитъ, есть органическое свойство такихъ натуръ и исключаетъ всякую стремительность въ какую бы то ни было сторону, хорошую и дурную. Это и сдѣлало его корифеемъ „объективнаго" романа.

Но безспорно, лучшимъ источникомъ для изученія темперамента нашего писателя можетъ намъ послужить „Фрегатъ Паллада" — книга, являющаяся дневникомъ душевной жизни Гончарова за цѣлыхъ два года, притомъ проведенныхъ при наименѣе будничной обстановкѣ. Путешествіе въ дальнія страны было для Гончарова осуществленіемъ одного изъ самыхъ сильныхъ душевныхъ желаній. Съ самаго ранняго дѣтства, начитавшись путешествій Мунго-Парка, Крашенникова, Палласа, Кука и множества другихъ, наслушавшись, кромѣ того, разсказовъ своего крестнаго отца — стараго моряка, Гончаровъ всю жизнь лелѣялъ мечту увидѣть собственными глазами чудеса отдаленныхъ странъ и морей. „Избалованнѣйшій изъ всѣхъ своихъ знакомыхъ городскою жизнью", какъ онъ самъ себя рекомендуетъ въ первой главѣ „Фрегата Палады", Гончаровъ никогда бы не сталъ хлопотать о томъ, чтобы попасть въ далекую экспедицію адмирала Путятина, если бы это не было осуществленіемъ пламенной грезы дѣтства, „таинственно манившей" его съ первыхъ лѣтъ сознательной жизни самому посмотрѣть „картины тропическихъ лѣсовъ, синяго моря, золотого, радужнаго неба".

И между тѣмъ вспомните общій характеръ „Фрегата Палады" — этой книги, написанной такъ умно, занимательно, блестяще и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ спокойно. Разбросанныя по книгѣ картины тропической природы мѣстами, напримѣръ въ знаменитомъ описаніи заката солнца подъ экваторомъ, возвышаются до истинно-поразительной роскоши красокъ, до истинно-ослѣпительной красоты. Но красоты какой?

Спокойной и торжественной. Когда „Паллада“ шла Индійскимъ океаномъ, надъ нею разразился ураганъ „во всей формѣ“. Спутники, естественно полагавшіе, что Гончаровъ захочетъ описать такое, хотя и грозное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и величественное явленіе природы, звали его на пальбу. Но, комфортабельно усѣвшись на одно изъ немногихъ покойныхъ мѣстъ въ каютѣ, онъ не хотѣлъ даже смотрѣть бурю и почти насильно былъ вытащенъ наверхъ.

— Какова картина?— спросилъ его капитанъ, ожидая восторговъ и похвалъ.

— Безобразіе, безпорядокъ, — отвѣчалъ онъ, главнымъ образомъ занятый тѣмъ, что долженъ былъ уйти „весь мокрый въ каюту, перемѣнить обувь и платье“.

Любопытно вообще присмотрѣться, чему больше всего удѣлено мѣста въ „Фрегатѣ Палладѣ“. Исключите тѣ страницы, которыя посвящены описаніямъ красотъ природы, и вы получите преимущественно жанровыя наблюденія. Куда бы авторъ ни пріѣхалъ, на мысъ Доброй Надежды, въ Сингапуръ, на Яву, въ Японію, — его почти исключительно занимаютъ жанровые типы. Попавъ въ Лондонъ въ день замѣчательно пышныхъ похоронъ герцога Велингтона, взбудоражившихъ всю Англію, онъ „нетерпѣливо ждалъ другого дня, когда Лондонъ выйдетъ изъ ненормальнаго положенія и заживетъ свою обычною жизнью“. „Многіе обрадовались бы видѣть такой необыкновенный случай“, вѣрно замѣчаетъ по этому поводу Гончаровъ: „но мнѣ улыбался завтрашній будничный день“. Точно также „довольно равнодушно“ нашъ путешественикъ „пошелъ вслѣдъ за другими въ британскій музеумъ, по сознанію только необходимости видѣть это колоссальное собраніе рѣдкостей и предметовъ знанія“. Но его неудержимо „тянуло все на улицу“. „Съ неиспытаннымъ наслажденіемъ“, разсказываетъ далѣе Гончаровъ: „я вглядывался во все, заходилъ въ магазины, заглядывалъ въ дома, уходилъ въ предмѣстья, на рынки, смотрѣлъ на всю толпу и на каждаго встрѣчнаго отдѣльно. Чѣмъ смотрѣть на сфинксы и обелиски, мнѣ лучше нравится простоять цѣлый часъ на перекресткѣ и смотрѣть, какъ встрѣтятся два англичанина, сначала попробуютъ оторвать другъ у друга руку, потомъ освѣдомятся взаимно о здоровьѣ и пожелаютъ одинъ другому всякаго благополучія; съ любопытствомъ смотрю, какъ столкнутся двѣ кухарки, съ корзинами на плечахъ, какъ несется нескончаемая двойная, тройная цѣпь экипажей, подобно рѣкѣ, какъ изъ нея съ неподражаемою ловкостью вывернется одинъ экипажъ и сольется съ другою нитью, или какъ вся эта цѣпь мгновенно онѣмѣетъ, лишь только полисменъ съ тротуара подниметъ руку. Въ тавернахъ, въ театрахъ — вездѣ пристально смотрю, какъ и что дѣлаютъ, какъ веселятся, ѣдятъ, пьютъ“.

Этотъ необычайный интересъ къ мелочамъ ежедневной жизни и сдѣлалъ изъ Гончарова первокласснаго жанриста.

Вспомните, въ заключеніе, вѣчно юную эстетическую примѣту — le style c'est l'homme, и мы получимъ еще одну яркую черту для

характеристики уравновѣшенности Гончарова. Слогъ Гончарова удивительно плавенъ и ровенъ, безъ сучка и задоринки. Нѣтъ въ немъ меланхолическихъ тоновъ Тургенева, колоритныхъ словечекъ Писемскаго, нервнаго нагроможденія первыхъ попавшихся выраженій Достоевскаго. Гончаровскіе періоды округлы, построены по всѣмъ правиламъ синтаксиса, и нѣтъ у него своего синтаксиса, своей граматики, какъ у другихъ писателей нервнаго темперамента. Слогъ Гончарова сохраняетъ всегда одинъ и тотъ же темпъ, не ускоряясь и не замедляясь, не ударяясь ни въ паѳосъ ни въ негодованіе. Словомъ, это такой же „объективный“ слогъ, какъ объективно творчество Гончарова, такой же ровный слогъ, какъ ровенъ весь художественный темпераментъ автора „Обыкновенной исторіи“: несомнѣнная красота его напоминаетъ красоту мраморной красавицы Бѣловодовой изъ „Обрыва“.

Весь этотъ огромный запасъ художественной безмятежности, нелюбви къ „безпорядку“ и предпочтенія обыденнаго экстравагантному не могъ не привести къ тому, что типы Гончарова стоятъ обособленно въ ряду типовъ, созданныхъ другими представителями его литературнаго поколѣнія. Бросимъ общій взглядъ на нихъ и начнемъ съ того общественнаго теченія, которое воспроизведено Гончаровымъ въ „Обыкновенной исторіи“.

Эпоха конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ, или — назовемъ ее для краткости — эпоха Бѣлинскаго, въ наше время является синонимомъ идеализма и витанія въ сферахъ абстракціи. Но если вы на нее взглянете съ исторической точки зрѣнія, сравнивъ ее съ предшествовавшимъ періодомъ двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ, вы должны будете совершенно иначе отнестись къ ней. *Исторически* главною чертою эпохи Бѣлинскаго является не туманный идеализмъ, а какъ разъ наоборотъ — стремленіе къ реализму, отрѣшеніе отъ прежняго игнорированія жизни, отъ того напыщеннаго риторства, которое составляетъ характерную особенность литературы двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ: Марлинскихъ, Кукольниковъ и имъ подобныхъ. Исчезаетъ презрѣніе къ живой дѣйствительности, является стремленіе ближе ознакомиться съ жизнью, настоящею жизнью, а не фантомами, созданными разнузданнымъ воображеніемъ романтической школы. Намъ трудно иногда распознать это стремленіе къ реализму. Повѣсти Григоровича, напримѣръ, въ настоящее время считаются въ критикѣ сентиментальными, очень честными по замыслу, но мало реальными по исполненію; его крестьянъ даже не иначе называютъ какъ „пейзанами“, желая этимъ сказать, что они мало напоминаютъ заправскихъ русскихъ мужичковъ. Но для своего времени, для литературы, все еще переполненной повѣстями, въ которыхъ фигурировали одни только графы да князья, выражавшіе длиннѣйшими, изысканно-отточенными тирадами изысканно-тонкія и деликатныя чувствованія и ощущенія, для литературы, въ которой Гоголь и его послѣдователи, такъ называемая „натуральная школа“ все еще составляла предметъ суевѣрнаго ужаса, для этой литературы пейзане Григоровича были новше-

ствомъ, шагомъ впередъ по пути къ реализму, рѣшительнымъ стремленіемъ установить живую связь между искусствомъ и дѣйствительностью. Въ той, можно сказать, ярости, съ которою Бѣлинскій преслѣдовалъ Кукольника, и вообще во всѣхъ своихъ нападкахъ на напыщенность и чопорность враждебнаго лагеря, онъ для своего времени являлся знаменосцемъ, провозвѣстникомъ той новой полосы русской литературы, которая поразила Европу своимъ реализмомъ. Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій, Островскій, Некрасовъ,гр. Л. Толстой, Достоевскій — все это умственныя дѣти Бѣлинскаго, которыхъ онъ научилъ уважать и понимать великаго основателя русскаго реализма, Гоголя.

Глубоко былъ правъ, поэтому, Гончаровъ, когда, рѣшивъ отразить въ своемъ первомъ романѣ эпоху 30-хъ и начала 40-хъ годовъ, онъ понялъ ее какъ эпоху „ломки старыхъ понятій и нравовъ — сентиментальности, карикатурнаго преувеличенія чувствъ дружбы и любви“, какъ эпоху; протестующую противъ прежней „праздности“, семейной и домашней лжи, напускныхъ, въ сущности небывалыхъ, „чувствъ“, противъ прежней „мечтательности и аффектаціи“,и какъ „зарю чего-то трезваго, дѣлового, нужнаго“.

Да, несомѣнно, эта новая заря занималась, но *занималась она только въ умахъ и сердцахъ*. Жизнь же, реальная дѣйствительность, стояла въ старыхъ рамкахъ. Отсюда тотъ трагическій разладъ, который составляетъ основную черту психологіи наиболѣе выдающихся представителей поколѣнія сороковыхъ годовъ. Лишніе люди, Рудины, Лаврецкіе, Бельтовы, герои Некрасовской „Саши“, которые

...по свѣту рыщутъ,
Дѣла себѣ исполинскаго ищутъ,

все это жертвы рокового несоотвѣтствія дѣйствительности и идеала, роковой невозможности сыскать себѣ дѣятельность по душѣ.

Но все это, вмѣстѣ съ тѣмъ, люди, стоящіе на *вершинѣ* духовнаго сознанія своей эпохи, меньшинство, люди, такъ сказать, *необыкновенные*, рядомъ съ которыми должны же были существовать и люди *обыкновенные*. Послѣднихъ-то въ лицѣ Адуева-дяди Гончаровъ и изобразилъ въ своемъ романѣ, при чёмъ, однако, нисколько не какъ *противоположность* меньшинству, а какъ людей, примыкающихъ къ новому теченію, но только *безъ стремительности*.

Относительно этого основного намѣренія автора „Обыкновенной исторіи“ долго господствовало одно существенное недоразумѣніе. Несмотря на то, что Бѣлинскій при разборѣ „Обыкновенной исторіи“ отнесся очень благосклонно къ личности Адуева-дяди и нашелъ въ немъ множество похвальныхъ качествъ, этотъ типъ, ни въ эпоху появленія романа ни позже не привлекъ къ себѣ симпатій. За исключеніемъ Бѣлинскаго, большинство критиковъ подозрительно отнеслось къ „положительности“ старшаго Адуева. На этой подозрительности сходятся критики самыхъ противоположныхъ лагерей. Писаревъ и Аполлонъ Григорьевъ, А. М. Скабическій и Орестъ Миллеръ — всѣ въ житейской философіи „трезваго“

дяди усматриваютъ карьеризмъ по преимуществу. Мало того, даже „Сѣверная Пчела“, разбирая въ 1847 году только-что появившуюся „Обыкновенную исторію“, сочла нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ защиту идеализма отъ „трезваго“ взгляда на него чиновнаго дядюшки. Вообще можно сказать, что какъ публика, такъ и критика не видѣла безусловной разницы между нравственною личностью Адуева и Фамусова. Самого автора, поэтому, большинство читателей предпочитало видѣть въ племянникѣ, конечно, до его превращенія въ дядю.

Но съ появленіемъ авторской исповѣди Гончарова („Лучше поздно, чѣмъ никогда“) отношеніе къ старшему Адуеву должно значительно измѣниться. Дѣло въ томъ, что въ этой исповѣди авторъ, комментируя свои творческія намѣренія, прямо заявляетъ, что въ лицѣ Адуева-дяди онъ отнюдь не хотѣлъ вывести типъ отрицательный. Такимъ образомъ, въ пониманіе типа Адуева вносится существенная поправка. Я этимъ не хочу сказать, что поправка должна быть внесена въ *наше* пониманіе типа Адуева. Мы-то, пятьдесятъ лѣтъ спустя, ушедши впередъ въ своихъ идеалахъ, вольны и не усматривать свой идеалъ въ трезвости Адуева и даже относиться къ ней отрицательно. Но если мы хотимъ понять Адуева исторически, — а всякій типъ только и можно вполнѣ понять, когда его разсматриваешь въ связи съ условіями времени, — то мы непремѣнно должны взглянуть на него и сквозь призму авторскихъ намѣреній. И тогда-то намъ станетъ, между прочимъ, понятнымъ благосклонное отношеніе къ Адуеву Бѣлинскаго. Неужели же Бѣлинскій, да еще Бѣлинскій 1846 года, весь переполненный стремленіемъ къ переустройству общества на началахъ высшей гуманности, сталъ бы благосклонно относиться къ родственнику по духу Фамусова?

Нѣтъ, по авторскому намѣренію, Адуевъ-дядя представляетъ собою явленіе прогрессивное. Въ его лицѣ Гончаровъ хотѣлъ отразить первое „мерцаніе сознанія необходимости труда, настоящаго, не рутиннаго, а живого дѣла, въ борьбѣ съ всероссійскимъ застоемъ“.

„Въ борьбѣ дяди съ племянникомъ, — читаемъ мы дальше: — отразилась тогдашняя, только-что начинавшаяся ломка старыхъ понятій и нравовъ — сентиментальности, карикатурнаго преувеличенія чувствъ дружбы и любви, поэзіи праздности, семейной и домашней лжи, напускныхъ, въ сущности небывалыхъ чувствъ, пустой траты времени на визиты, на ненужное гостепріимство и т. д., словомъ всей праздной, мечтательной и аффектаціонной стороны старыхъ нравовъ. Все это отживало, уходило: являлись слабые проблески новой зари, чего-то трезваго, дѣлового, нужнаго. Первое, т.-е. старое, исчерпалось въ фигурѣ племянника. Второе, т.-е. трезвое сознаніе *необходимости дѣла, труда, знанія* — выразилось въ дядѣ“. Адуевъ, напримѣръ, устраиваетъ заводъ. „Тогда эта была смѣлая новизна, чуть-чуть не униженіе; я не говорю о заводчикахъ-барахъ, у которыхъ заводы и фабрики входили въ число родовыхъ имѣній, были оброчныя статьи, которыми они сами не занимались. Тайные совѣтники мало на это рѣшались. Чинъ не позволялъ, а знаніе купца не было лестно“.

Можно различно отнестись къ этому замѣчательно-характерному сближенію „дѣла“ и „дѣловитости“, но нельзя не признать, что замыселъ его очень глубокъ. Заслуга или особенность Гончарова въ томъ, что онъ подмѣтилъ эволюцію общественнаго настроенія въ тѣхъ сферахъ, гдѣ стремительные сверстники его усматривали одну пошлость. Они смотрѣли, говоря словами Адуева, только „на небо“, а Гончаровъ внимательнѣйшимъ образомъ вглядывался въ землю. Благодаря послѣднему обстоятельству, между прочимъ, такъ превосходны жанровыя картины „Обыкновенной исторіи“: отъѣздъ молодого Адуева изъ деревни, дворня, благородный приживальщикъ Антонъ Ивановичъ, ключница Аграфена, способная выражать свою любовь только колотушками и неистовою бранью, — все это чудесные плоды реализма, которые никогда не перестанутъ входить во всѣ хрестоматіи и которыми Гончаровъ обязанъ исключительно тому, что умственный взоръ его съ особенною охотою останавливается на явленіяхъ жизни большинства.

Двѣнадцать лѣтъ отдѣляютъ первый романъ Гончарова отъ второго. Много за это время воды утекло, большія перемѣны произошли въ русской общественной жизни. Грозный урокъ крымской войны заставилъ всѣхъ встрепенуться, оглянуться на прошедшее и настоящее, чтобы подготовить себѣ лучшее будущее. 1855 годъ становится рубежомъ между старой и новой Россіей. По ту сторну остались стремленія къ обуздыванію всякаго самостоятельнаго проявленія мысли, понятія о государствѣ и обществѣ — какъ о враждебныхъ другъ другу элементахъ. Начинается новая пора русской исторіи, полоса пробужденія общественнаго сознанія и общественныхъ силъ. На арену русской исторіи впервые выступаетъ человѣкъ, *гражданинъ* своей родины, а не чиновникъ, офицеръ, помѣщикъ. Русское общественное мнѣніе вырастаетъ въ своемъ собственномъ уваженіи и въ уваженіи къ нему окружающей среды, а это ведетъ къ цѣлому ряду реформъ, быстро слѣдующихъ одна за другою и создающихъ совершенно иныя условія общественнаго и народнаго быта, болѣе согласныя съ истиннымъ представленіемъ о человѣческомъ достоинствѣ. Наступаетъ, однимъ словомъ, та радостная пора, полная самыхъ свѣтлыхъ надеждъ и упованій, которая не даромъ называется эпохою нашего возрожденія.

Литература, которая въ Россіи болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, есть выразительница духовныхъ силъ родной земли, ярко отражаетъ собою новое теченіе. Ею овладѣваетъ лихорадочное, страстное возбужденіе, которое, съ одной стороны, порождаетъ новые таланты, съ другой — придаетъ новыя силы талантамъ, раньше начавшимъ свою творческую дѣятельность. Въ пятилѣтіе съ 1855 — 1860 гг. почти вся плеяда писателей сороковыхъ годовъ достигаетъ апогея развитія своихъ творческихъ способностей. Тургеневъ пишетъ „Рудина“, „Дворянское гнѣздо“, „Наканунѣ“, Гончаровъ — „Обломова“, Островскій — „Грозу“, Писемскій — „Тысячу душъ“, Тютчевъ, Майковъ, Мей, Щербина, Фетъ, Полонскій поютъ лучшія свои пѣсни.

Что составляетъ главное содержаніе художественной литературы этого знаменательнаго пятилѣтія, медоваго мѣсяца новой эры?

Главнымъ образомъ, подведеніе итоговъ прошлому. Въ воздухѣ носились нарожденіе совершенно иной поры, иныхъ людей, иныхъ нравовъ. Значитъ, была настоятельная потребность въ суммированіи результатовъ дѣятельности прошлаго поколѣнія, а нетерпѣливыя мысль, кромѣ того, побуждала къ гаданіямъ о поколѣніи будущемъ.

Это подведеніе итоговъ и гаданіе о будущемъ шло двумя путями: просто воспроизведеніемъ типовъ отживавшаго поколѣнія и затѣмъ путемъ такъ называемаго „обличенія“.

Первымъ путемъ пошелъ Тургеневъ. Рудинъ, Лаврецкій, Михалевичъ послужили надгробными памятниками временъ отходящихъ; Елена, Инсаровъ возвѣщали зарю будущаго.

Мало радости испыталъ при этомъ авторъ. Какое оно тамъ ни было, зарываемое въ землю старое поколѣніе, какъ ни ясны и очевидны были его недостатки, какъ ни отчетливо было сознаніе, что на смѣну ему нарождалось новое лучшее поколѣніе, а все-таки хоронилось *свое* поколѣніе, погребалась собственная молодость. Глубокая меланхолія, разлитая по „Рудину“, „Дворянскому гнѣзду“ — этимъ двухъ отходнымъ поколѣнію скороковыхъ годовъ, безысходная грусть, которая слышится въ напутствіи Лаврецкаго грядущимъ молодымъ силамъ, — имѣютъ свой естественный источникъ въ сознаніи, что и авторская жизнь прожита, что и ему самому „время тлѣть“.

Совсѣмъ иначе было настроеніе литературы „обличительной“. Безпощадно относилась она къ прошедшему и бодро говорила о будущемъ, которое должно вырасти на почвѣ, удобренной гніеніемъ стараго.

Гончаровъ, годами старше Тургенева, какъ это ни странно съ перваго взгляда, примкнулъ къ бодрому настроенію литературы „обличительной“. Онъ хоронилъ „обломовщину“ съ такимъ веселымъ чувствомъ, его увѣренность, что на смѣну отжившей обломовщины идетъ новая полоса жизни, была такъ непоколебима, что она была подъ стать самымъ рьянымъ изъ современныхъ „обличителей“, съ такой увѣренностью возвѣщавшихъ наступленіе новыхъ временъ. Въ этомъ, опять-таки, ярко сказался бытописатель жизни большинства, которое въ то время не знало никакого уныній.

Для читателя нашихъ дней лучшую часть „Обломова“ составляетъ яркая жанровая колоритность этого лучшаго и наиболѣе знаменитаго изъ произведеній Гончарова. Намъ, отошедшимъ почти на полвѣка отъ треволненій того времени, болѣе всего нравятся мѣста, гдѣ у автора нѣтъ ни малѣйшей охоты что бы то ни было обличить въ Обломовкѣ, гдѣ ни на одинъ уголъ не наложены болѣе густыя или болѣе свѣтлыя краски. Одинаково освѣщенная картина обломовскаго житья-бытья возстаетъ передъ нами, какъ живая, во всей выпуклости своихъ изумительно-схваченныхъ деталей. Но не эпическія совершенства были причиною потрясающаго впечатлѣнія, которое въ свое время произвелъ „Обломовъ“: тайна его колоссальнаго успѣха, повторяемъ, въ условіяхъ той эпохи, въ томъ страстномъ и единодушномъ желаніи порвать всякія связи съ ненавистнымъ прошлымъ, которымъ характеризуются годы,

непосредственно слѣдующіе за Крымской кампаніей. Нужно было яркое воплощеніе нашей апатіи, нужна была кличка для обозначенія нашей дореформенной инертности и косности — и она быстро вошла во всеобщій обиходъ, какъ только Добролюбовъ ее формулировалъ въ своей знаменитой статьѣ: „Что такое обломовщина“. Современныя свидѣтельства сводятся къ тому, что рѣшительно всякій усматривалъ въ себѣ элементы „обломовщины“, всѣмъ казалось, что найдено объясненіе несовершенствъ нашего общественнаго строя, всякій съ ужасомъ отворачивался отъ перспективы столь же безплодно и безславно пройти жизненное поприще, какъ герой Гончаровскаго романа, всякій давалъ клятву истребить въ себѣ слѣды этого сходства.

Всего десять лѣтъ отдѣляютъ „Обломова“ отъ „Обрыва“. Но страшная перемѣна произошла за этотъ короткій срокъ въ русскомъ обществѣ. Гордо и задорно выступило новое поколѣніе на арену общественной жизни, и въ какіе-нибудь три-четыре года порвало всякія связи съ прошлымъ. Отъ недавняго единодушія не осталось и малѣйшаго слѣда. Общественная мысль раздѣлилась на рѣзко-враждебныя теченія, не желавшія имѣть что-либо общее другъ съ другомъ, обмѣнивавшіяся угрозами, тяжкими обвиненіями и проклятіями. Поколѣніе, еще такъ недавно считавшее себя носителемъ прогресса, было совершенно оттерто: ему бросали въ лицо упреки въ устарѣлости, отсталости, даже ретоградствѣ. Понятно, что озлобленіе, вызванное этими, въ значительной степени незаслуженными, упреками, было очень велико. Гончаровъ,какъ уже было сказано, никогда не былъ ни либераломъ ни консерваторомъ, писалъ „объективно“ въ то время, когда сверстники его ратовали за поэзію „мести и печали“. Но потому-то онъ меньше всего и былъ склоненъ къ снисходительности, когда „Обрывомъ“ вмѣшался въ споръ между „отцами“ и „дѣтьми“.

Руководящая мысль, положенная въ основу романа, получила различное истолкованіе. Въ сферахъ, близкихъ къ „дѣтямъ“, на „Обрывъ“ взглянули какъ на памфлетъ противъ молодого поколѣнія; въ сферахъ, близкихъ къ „отцамъ“, усмотрѣли, напротивъ того, въ Маркѣ Волоховѣ рѣзкое, но вполнѣ вѣрное изображеніе новаго теченія. Есть и среднее мнѣніе, которое утверждаетъ, что Гончаровъ, съ его глубокимъ умомъ, не могъ *все* поколѣніе шестидесятыхъ годовъ олицетворить въ образѣ циничнаго буяна, не гнушающагося для личныхъ своихъ нуждъ выманивать деньги подложнымъ письмомъ. Рѣчь, по этому пониманію „Обрыва“, идетъ только о *нѣкоторыхъ* несимпатичныхъ автору элементахъ движенія шестидесятыхъ годовъ. Въ статьѣ: „Лучше поздно, чѣмъ никогда“, въ этой своей авторской исповѣди Гончаровъ примкнулъ къ такому толкованію типа Волохова. „Меня крайне удивляло“, говоритъ онъ, „какъ могло молодое поколѣніе принять Волохова на свой счетъ, Волоховъ — будто бы новое поколѣніе! То поколѣніе, которое бросалось навстрѣчу реформъ — и туда уложило всѣ силы! Даровитые дѣятели въ крестьянской реформѣ, въ земскихъ дѣлахъ, въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ успѣли пріобрѣсти громкія

имена: неужели это Волоховы! Поколѣніе, которое переполняетъ школы, жадно учится, познаетъ, изобрѣтаетъ, творитъ во всѣхъ отрасляхъ русскаго хозяйства, промышленности, науки, вездѣ пробивая новые пути, вызывая новыя силы! Поколѣнія молодыхъ умовъ и дарованій въ освобожденной прессѣ, сослужившее огромную службу Россіи, угадывая, объясняя и проводя въ массу идеи, виды и цѣли великаго преобразователя! И все это Волоховы! Кому могла притти такая мысль"!

Въ „Обрывѣ" великій жанровый талантъ Гончарова сказался въ лицахъ второстепенныхъ. Бабушка и весь ея антуражъ обрисованы со всею силою изобразительной способности Гончарова. Истиннымъ художественнымъ перломъ является образъ простушки Марѳиньки. Въ галлереѣ русскихъ женскихъ типовъ живой, схваченный во всей своей, если можно такъ выразиться, прозаической поэзіи, портретъ Марѳиньки занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. *Венгеровъ.*

Описаніе путешествій Карамзина, Фонвизина, Гончарова и ихъ относительная оцѣнка.

Описаніе путешествія Гончарова въ Японію, описаніе, печатавшееся въ разныхъ журналахъ, преимущественно въ „Морскомъ Сборникѣ" и „Отечественныхъ Запискахъ", обратило на себя общее вниманіе — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. И прежніе наши путешественники также обращали на себя вниманіе; мы также читали ихъ съ великимъ любопытствомъ, также хвалили... Но хвалили столько ли, сколько должно бы? Нѣсколько лѣтъ назадъ, мы читали описаніе „Путешествія въ Китай" Ковалевскаго, и его же „Путешествіе въ Африку"; читали „Путешествіе по Италіи" Яковлева; еще прежде читали „Письма объ Испаніи" Боткина...

Указываемъ только на сочиненія, преимущественно обратившія на себя вниманіе; много другихъ путешествій, достойныхъ уваженія въ ученомъ отношеніи, какъ напримѣръ, путешествіе Березина по Востоку, также невольно представляются нашей памяти. И между тѣмъ странное дѣло, у насъ путешествія и путешественники не оставляютъ такого глубокаго слѣда въ литературѣ, какой бы они, повидимому, должны были прокладывать. Что бы это значило? Книга русскаго путешественника сглаживается изъ памяти читателя, какъ будто путешественникъ не былъ русскій, и сглаживается совершенно несправедливо. Посмотрите на предметъ нѣсколько внимательнѣе, и вы увидите, что никакая литературная форма не представляетъ столько средствъ высказаться таланту автора, его образованности, его взгляду на вещи, какъ путешествіе... Кромѣ того, вотъ еще сторона, и сторона очень важная: путешественники отправляются въ путь, приготовленный тѣми средствами науки и вообще образованія, какія даетъ извѣстное время, слѣдовательно, если путешественникъ — вмѣстѣ

съ тѣмъ и талантливый писатель, занимающій замѣтное мѣсто въ литературѣ, его взглядъ на вещи покажетъ и взглядъ извѣстнаго періода литературы на тотъ же самый предметъ. Видите, сколько сторонъ открываетъ путешествіе! Но этого мало. На путешественникѣ скорѣе всего выразится та національность литературы, которая дала ему колоритъ въ извѣстное время; выскажутся всѣ тѣ идеи, которыми она живетъ; обнаружится, какія это идеи: занесенныя ли пришлымъ образованіемъ, и тогда путешествіе, напримѣръ, русскаго, не будетъ ничѣмъ отличаться отъ путешествія француза, или идеи эти принадлежатъ одному какому-нибудь народу, выработаны его наукою и литературою, и тогда путешественникъ русскій ни въ какомъ случаѣ не будетъ походить на путешественника французскаго, и книга его будетъ имѣть такое же значеніе въ литературѣ, какъ каждое самостоятельное ученое изысканіе, какъ самостоятельная русская повѣсть, хотя бы то былъ разсказъ о дѣлахъ чужихъ.

Мы сказали, что послѣднія*) наши описанія путешествій, замѣчательныя во многихъ отношеніяхъ, и которыя могли бы сдѣлать честь любой европейской литературѣ, еслибъ появились на французскомъ, нѣмецкомъ или англійскомъ языкахъ — эти описанія путешествій, возбудивъ интересъ въ публикѣ, которая прочитала ихъ съ любопытствомъ, какъ будто забываются. При этомъ случаѣ рождается вопросъ: не происходитъ ли это забвеніе оттого, что въ этихъ путешествіяхъ нѣтъ ничего русскаго по отношенію къ взгляду на вещи; что въ нихъ только русскій языкъ, а все остальное, и мысль и чувство вынесено изъ книгъ, изъ исторіи и описаній путешествій, которыхъ такъ много на Западѣ? Этотъ вопросъ невольно представляется уму, когда мы хотимъ отдать себѣ отчетъ, ясный и сознательный въ томъ, что такое наши русскіе путешественники и какое мѣсто занимаютъ они въ нашей литературѣ...

У насъ путешественники явились давнымъ давно; но не будемъ ходить слишкомъ далеко для подтвержденія нашихъ мыслей. Возьмемъ только тѣхъ путешественниковъ, у которыхъ вопросы послѣдняго столѣтія обозначались яснѣе, нежели у другихъ. Вы хотите, напримѣръ, знать, что такое была литература царствованія Екатерины II — обратитесь къ путешественникамъ: они дадутъ вамъ такой ключъ къ уразумѣнію тайны, какого вы не найдете ни въ одахъ Державина ни въ знаменитомъ (съ другой стороны) памятникѣ этого времени — „Наказѣ“ императрицы. Блескъ царствованія вы увидите въ одахъ Державина; широкій потокъ идей, усвоенныхъ геніальною императрицею — въ „Наказѣ“; русскихъ, русскихъ съ головы до пятокъ — тѣхъ русскихъ, у которыхъ были великолѣпныя библіотеки, которые ходили въ шитыхъ кафтанахъ и пудреныхъ парикахъ, которые ѣдали не только на серебрѣ, но и на золотѣ, — русскихъ того времени вы найдете въ „Путешествіи“ Фонвизина за границу. Вы поймете, что

*) Статья написана въ 1856 г.

вельможа того времени (какъ обрисовалъ его Державинъ), вельможа съ утонченною образованностью, въ головѣ котораго легко уживались идеи XVIII вѣка, былъ не очень далекъ отъ другого представителя тогдашней образованности, представителя остроумія и русскаго таланта Фонвизина, Фонвизина, который написалъ „Недоросля", какъ ученикъ „Наказа", а свое „Путешествіе по Европѣ" — какъ вельможа. Вы поймете всю разницу между идеями, усвоенными только головой и привычками, выработанными жизнью и практическимъ складомъ ума...

Куда ни ѣдетъ Фонвизинъ, онъ помнитъ одно, что „вездѣ можно со скуки до смерти зазѣваться"... Во Франціи маркиза Fraigeville обидѣла его тѣмъ, что онъ засталъ ее однажды дома, какъ она „сидитъ за столикомъ съ сыномъ и съ своею fille de chambre, и изволитъ обѣдать на поварнѣ противъ очага"... Онъ сердится, зачѣмъ у французовъ „бѣлье столовое — мерзко", зачѣмъ за столомъ не обносятъ кушаній лакеи, какъ у насъ, а всякій беретъ, что хочетъ; или „у каждаго за стуломъ стоитъ свой лакей; буде же нѣтъ лакея, то несчастный гость хоть умри съ голоду и жажды".... потому что всѣ кушанья вдругъ ставятъ на столъ...

Вы чувствуете вездѣ, что ѣдетъ путешествовать прихотливый баринъ временъ Екатерины II, баринъ умный, привыкшій жить на широкую ногу, и который поэтому такъ боится пуще всего „зѣвать отъ скуки". Ясно, что при такомъ взглядѣ Фонвизина, одного изъ первыхъ нашихъ писателей, взглядѣ, выраженномъ во время путешествія по Европѣ, вы узнаете не столько страны, черезъ которыя онъ проѣзжаетъ, гдѣ онъ живетъ, знакомится и проводитъ время, сколько его самого; а какъ этотъ человѣкъ — Фонвизинъ, современникъ Державина и Потемкина, то вы узнаете, въ путешествіи за границу, Россію того времени.

Теперь мысленно удалитесь отъ этого путешествія, отъ личности путешественника, забудьте, что вы обязаны раздѣлять или не раздѣлять его образъ мыслей; представьте себя историкомъ и посмотрите, что за великолѣпную и правдивую исторію нашего русскаго отечества рисуетъ Фонвизинъ, описывая нѣмцевъ и французовъ!

Припомните многочисленные анекдоты того времени — и эпоха начнетъ вырастать передъ вами изъ окружающаго ее полумрака. Поглядите на Потемкина, у котораго въ одно время были и балетная труппа и сборище скомороховъ; припомните нашихъ вельможъ того времени, припомните государственный умъ этихъ людей, ихъ постоянное стремленіе къ славѣ и блеску, ихъ роскошь, ихъ знаменитые обѣды и балы — и перечтите при этомъ „Путешествіе" Фонвизина: вы увидите, какъ легко, свободно начнутъ передъ вами объясняться чрезвычайно многія явленія, которыя до того времени казались загадками! То, что съ трудомъ нужно было вычитывать во множествѣ мемуаровъ того времени, что должно было ловить въ анекдотахъ, что нужно было копотливо отыскивать въ мелочахъ исторіи, то само-собою

высказывается, когда вы перенесете дѣйствующее лицо за границу и поставите его въ другую обстановку жизни!

Такія путешествія, какъ Фонвизина, дѣлаются историческимъ матеріаломъ для эпохи, когда перестаютъ уже занимать собою какъ путешествіе, потому что взглядъ на вещи измѣнился; но въ литературѣ они остаются памятникомъ: они говорятъ намъ, какъ высоко стояло литературное образованіе въ извѣстное время, въ лицѣ лучшихъ его представителей.

Пропустите двадцать лѣтъ нашей литературы — и передъ вами явится новое путешествіе по Европѣ; но какая разница! Это путешествіе — Карамзина. Прочтя нѣсколько страницъ, вы вдругъ чувствуете, что литература русская пережила одинъ періодъ и вступила въ другой. Вы вдругъ чувствуете, что находитесь въ другомъ обществѣ, среди другихъ людей, понятій, условій жизни... всего, всего. Тѣ же предметы, мимо которыхъ проѣхалъ одинъ и заклеймилъ ихъ или смѣхомъ или укоризной, тѣ же предметы вызываютъ въ другомъ размышленіе, чувство и состраданіе. О чемъ одинъ говоритъ съ пренебреженіемъ, другой говоритъ съ участіемъ; чему одинъ не вѣрилъ — другой вѣритъ; гдѣ одинъ не находилъ никакой жизни, другой находитъ ее, и въ самыхъ пріятныхъ формахъ, въ самыхъ радужныхъ краскахъ... Онъ говоритъ все это; публика его слушаетъ, долго слушаетъ, и — начинаетъ ему вѣрить; прежній путешественникъ теряетъ свой авторитетъ. Какъ совершился переломъ въ литературѣ — такъ вы чувствуете, вы узнаете, по общественному мнѣнію, что и взглядъ публики на тѣ же предметы измѣнился. Въ этомъ случаѣ, „Письма Русскаго Путешественника“ сдѣлались пульсомъ нашего общества и его понятій. По мѣрѣ того какъ сильнѣе и сильнѣе бился этотъ пульсъ, какъ яснѣе и яснѣе авторъ высказывалъ свои убѣжденія, публика больше и больше начинала высказывать ему свою симпатію. Такимъ образомъ „Письма Русскаго Путешественника“ сдѣлались столько же дѣломъ общественнымъ, сколько и литературнымъ.

Карамзинъ преклоняется передъ умомъ и талантомъ, гдѣ бы онъ ихъ ни нашелъ. Бѣдный ли, богатый ли, высоко или низко поставленный человѣкъ, но если этотъ человѣкъ служитъ высокой идеѣ, онъ замѣчателенъ для Карамзина. Чувство любви къ ближнему; такое же чувство любви къ прошедшему, въ которомъ Карамзинъ, съ помощью исторіи и наперекоръ философіи XVIII вѣка, ищетъ надежды на лучшее будущее; любовь къ природѣ — все равно, какая бы это природа ни была, дикая ли природа Швейцаріи, скромная ли природа Германіи — любовь, переходящая даже въ сентиментальность, какъ и самая любовь къ людямъ... какъ все это стояло неизмѣримо выше прежней нашей литературной любви, обращенной на одно только гремящее и блистательное, на то, что можно воспѣть въ одѣ! Какъ все это не похоже на Фонвизина, который вездѣ, гдѣ не находилъ жизни на широкую, барскую ногу того времени, видѣлъ скупость и мизерность, который готовъ былъ презирать то общество, гдѣ не находилъ

онъ роскоши, гдѣ за столомъ служило мало лакеевъ... Въ двухъ путешествіяхъ вы чувствуете два разные вѣка, двѣ совершенно особенныя литературы. Такъ оно въ самомъ дѣлѣ и было. Послѣ Державина, современника Фонвизину, прежняя литература наша, ломоносовская, ничего уже не произвела замѣчательнаго; изъ „Писемъ же русскаго путешественника“ вышелъ весь, какъ онъ есть, Жуковскій, хотя, повидимому, въ немъ есть свой колоритъ романтичности, занявшій мѣсто сентиментальности Карамзина. Но и тотъ и другой признакъ — временные; сущность писателей лежитъ глубже, и Жуковскій такой же ученикъ „Писемъ русскаго путешественника“, какъ Пушкинъ, въ послѣдніе годы своей лучшей дѣятельности — ученикъ того же Карамзина, но уже по другому руководству: по сочиненію „О Древней и Новой Россіи“. Поэтому-то имѣетъ такой важный смыслъ посвященіе „Бориса Годунова“ памяти Карамзина, „Бориса Годунова“, съ котораго начинается новая дѣятельность у Пушкина.

Трудно теперь понять то ощущеніе, которое испытывали современники, когда читали „Письма русскаго путешественника“: не каждому суждено присутствовать при такихъ важныхъ переломахъ въ литературѣ, но достаточно сказать, что мы еще знали и знаемъ людей, которые наизусть говорятъ цѣлыя страницы изъ этихъ писемъ. Прозу Карамзина заучивали, какъ потомъ стихи Пушкина! Теперь, когда мы сжились и свыклись съ направленіемъ Карамзина, попробуйте заглянуть въ „Письма“ его и уловить ихъ значеніе. Что вы въ нихъ найдете? Съ перваго взгляда вы увидите только, что ихъ писалъ благороднѣйшій, умный и нѣжнѣйшаго сердца человѣкъ — больше ничего. Все остальное для васъ неново, потому что всѣ мы пользовались общимъ достояніемъ, и на каждомъ изъ насъ видна печать карамзинской мысли. Но во время ихъ появленія было не то. Только первая ода Ломоносова, написанная ямбомъ, только чисто народный стихъ Пушкина могутъ сравниться по новизнѣ съ „Письмами русскаго путешественника“.

Для васъ покажутся теперь даже забавными всѣ эти привѣтствія, которыя расточаетъ Карамзинъ передъ замѣчательными людьми и передъ природой. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, сочинить такое привѣтствіе, какое сказалъ Карамзинъ Канту: „Я русскій дворянинъ, люблю великихъ мужей и желаю изъявить мое почтеніе Канту“; вамъ покажется сентиментальнымъ восторгъ путешественника, который смотрѣлъ-смотрѣлъ на берега Эльбы... „вынулъ бумагу, карандашъ, написалъ: любезная природа! и болѣе ни слова!... Мнѣ казалось, что слезы мои льются отъ живой любви къ самой любви, и что онѣ должны смыть нѣкоторыя черныя пятна въ книгѣ жизни моей“. Не улыбайтесь, когда Карамзинъ говоритъ Виланду: „Желаніе видѣть васъ привело меня въ Веймаръ“, а грубый Виландъ отвѣчаетъ нашему добродушному путешественнику: „Это не стоило труда“. Вы, во-первыхъ, обратите вниманіе на то, что эти „Письма“ явились вслѣдъ за путешествіемъ Фонвизина; а во-вторыхъ, посмотрите, чего не ко-

снулся Карамзинъ въ своемъ путешествіи, какой струны не затронулъ онъ! Мечтательность, чувствительность, восторженность, грусть, меланхолія — всѣ черты романтизма Жуковскаго уже въ Карамзинѣ.

Однакожъ довольно. Мы заговорили о путешествіи Фонвизина и Карамзина только потому, чтобъ пояснить нашу мысль: какую важную роль играютъ описанія путешествій въ литературѣ, и какъ на нихъ ярко отражается современное путешественнику состояніе литературы. Это одно изъ самыхъ вѣрныхъ зеркалъ, и для того мы выбрали два путешествія, въ которыхъ выразилось два вѣка и двѣ наши литературы.

Конечно, искать другихъ „Писемъ русскаго путешественника“ въ нашей литературѣ мы не имѣемъ никакого права, потому что сами живемъ въ карамзинскій періодъ; слѣдовательно, въ нашихъ путешественникахъ мы можемъ искать только разныхъ оттѣнковъ той литературной мысли, которую мы усвоили себѣ до сихъ поръ. И мы, дѣйствительно, это найдемъ вездѣ. Напримѣръ, мы находимъ въ письмахъ Погодина изъ-за границы больше намековъ на русскую жизнь, нежели въ самыхъ „Изслѣдованіяхъ его по части русской исторіи“. Возьмите, съ другой стороны, письма Боткина объ Испаніи или „Путешествіе въ Китай“ Ковалевскаго... и въ нихъ найдете также не одно только описаніе Испаніи и Китая. Вы увидите вопросы, которые представляются невольно современному человѣку, и по рѣшеніямъ, которыя онъ дѣлаетъ, узнаете, что онъ думаетъ и что его занимаетъ. Есть путешественники, которыхъ занимаетъ одна сторона жизни: такъ, напримѣръ, Яковлева въ „Италіи“ не занимаетъ ничего, кромѣ искусства; есть другіе, которыхъ занимаетъ вся жизнь. По преимуществу на этихъ и отражается состояніе литературы въ извѣстное время.

Теперь обратимся къ описанію путешествія Гончарова. Нашъ писатель совершилъ путешествіе вокругъ свѣта на фрегатѣ, путь котораго лежалъ въ Японію. Гончаровъ путешествовалъ не какъ туристъ, который живетъ гдѣ и сколько ему угодно, который ѣдетъ туда, гдѣ ему нравится; онъ былъ однимъ изъ лицъ, участвовавшихъ въ экспедиціи, которая имѣла опредѣленную цѣль: войти въ сношенія съ японскимъ правительствомъ. Слѣдовательно, онъ останавливался только тамъ, куда фрегатъ долженъ былъ зайти на пути своемъ. Это очень важно для того, чтобы мы не имѣли права требовать многаго отъ путешествія Гончарова. Куда заходилъ фрегатъ, онъ оставался тамъ столько времени, сколько это нужно было въ видахъ начальства фрегата, и потому Гончаровъ долженъ былъ ограничиваться иногда взглядомъ на страну въ полномъ смыслѣ à vol d'oiseau.. Если бъ онъ и желалъ гдѣ-нибудь пробыть дольше и вникнуть глубже въ бытъ народа, въ его нравы — это ему было невозможно. Вотъ причина, по которой мы не имѣемъ права быть строгими къ нѣкоторымъ описаніямъ, бѣгло, на лету схваченнымъ, какъ, напримѣръ, описаніе острова Мадеры. Нужно скорѣе удивляться тому, какъ могъ Гончаровъ въ такое короткое время замѣтить столько. Къ этому не забывайте и другого обстоятельства,

чрезвычайно важнаго и вполнѣ выказывающаго всю добросовѣстность нашего путешественника: онъ описываетъ только то, что видѣлъ, и описываетъ такъ, какъ понялъ, не прибѣгая ни къ какимъ книгамъ, изъ которыхъ онъ могъ бы почерпнуть гораздо больше, нежели сколько могъ увидѣть въ короткое время. Но зато эти напечатанныя свѣдѣнія можемъ и мы съ вами почерпнуть, читатель, изъ книгъ, сидя покойно въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ деревнѣ. Гончаровъ этого не сдѣлалъ, и самъ повторяетъ это не разъ печатно, къ великой чести его авторской добросовѣстности. Пріѣзжаетъ онъ въ Японію; три мѣсяца стоитъ на рейдѣ, и видитъ только тѣхъ японцевъ, которые пріѣзжаютъ на фрегатъ: слѣдовательно, онъ не можетъ узнать о Японіи больше того, что скажутъ, напримѣръ, японцы, съ которыми онъ разговариваетъ: и онъ не передаетъ намъ ничего больше, хотя бы и видѣнное имъ и было иногда маловажно и по временамъ скучновато. Такъ поступить не всякій въ состояніи. Не говоримъ уже о тѣхъ французахъ, которые пишутъ свои „путешествія кругомъ свѣта“, не выходя изъ комнаты; сколько путешественниковъ, и нашихъ и европейскихъ, пишутъ свои впечатлѣнія... по книгамъ, которыми они запаслись въ путь! Дивишься иногда, какъ такой-то путешественникъ, пробывъ мѣсяцъ въ какомъ нибудь городѣ, успѣлъ вникнуть во все: и въ бытъ общественный, и въ нравы жителей, и въ искусство страны, и въ ея промышленность... во все, во все! Чувствуешь, что, если бъ поѣхать, не успѣлъ бы всего разглядѣть такъ хорошо; чувствуешь, что путешественникъ долго готовился къ своему путешествію, уже прежде зналъ его по книгамъ, уже прежде отмѣтилъ тѣ вопросы, которые его интересуютъ, прежде изучилъ страну и ея исторію, и въ путешествіи только дѣлаетъ повѣрку всему имъ пріобрѣтенному! Это хорошо, очень хорошо, когда выполняется добросовѣстно, но зато сколько и поверхностныхъ взглядовъ! Какъ часто подъ покровомъ наблюдательности скользитъ книжность, подъ спудомъ учености видна безразличная начитанность и больше ничего. Не такъ у Гончарова: ничего, этого вы не замѣтите въ его путевыхъ запискахъ, какъ будто онъ не прочелъ ни одной книги. Вездѣ кажется, что всѣ эти свѣдѣнія, которыя мы пріобрѣтаемъ отъ путешественника, были уловлены имъ самимъ при простомъ взглядѣ на природу и людей, которыхъ онъ видѣлъ; кажется даже, что они давались ему легко — съ такимъ талантомъ они изложены! А между тѣмъ описать такъ путешествіе совсѣмъ не легко: у Гончарова, какъ художника, трудъ скрытъ; его никто не знаетъ кромѣ автора, и читателю остается наслаждаться однѣми картинами, которыя рисуетъ послушное перо художника... И какъ рисуетъ!

Но разскажемъ все по порядку. Мы прочли слѣдующія статьи: „Атлантическій Океанъ“, „Островъ Мадера“, „Ликейскіе Острова“ и „Манилла“ — въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1855 г.; „Японію“ и статьи „Изъ Якутска“ — въ „Морскомъ Сборникѣ“ и „Отъ мыса Доброй Надежды до Явы“ — въ „Современникѣ“. Конечно, въ этомъ, путешествіи отъ Петербурга до Якутска есть пробѣлы, но пробѣлъ

не можетъ быть великъ, потому что большая и главная часть пути описана; а манера автора видна уже изъ первой статьи, напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ“, при которой приложено было и слѣдующее объясненіе автора. Оно очень важно, потому что показываетъ, какъ скромно понимаетъ свой трудъ путешественникъ.

„Авторъ недавно воротился изъ путешествія, которое началъ въ концѣ 1852 года съ Балтійскаго моря и кончилъ въ прошломъ году Охотскимъ. Здѣсь онъ вышелъ на русскій берегъ и проѣхалъ чрезъ всю Сибирь до Санктпетербурга. Онъ объѣхалъ вокругъ Европы, Африки и Азіи... Авторъ не имѣлъ ни возможности ни намѣренія описывать свое путешествіе, какъ записной туристъ или морякъ, еще менѣе, какъ ученый. Онъ просто велъ, сколько позволяли ему служебныя занятія, дневникъ и по временамъ посылалъ его въ видѣ писемъ къ пріятелямъ въ Россію, а чего не послалъ, то намѣревается прочесть въ кругу ихъ самъ, чтобы избѣжать изустныхъ съ ихъ стороны вопросовъ о томъ, гдѣ онъ былъ, что видѣлъ, дѣлалъ и т. п. Теперь эти пріятели хоромъ объявляютъ автору, что онъ будто долженъ представить отчетъ о своемъ путешествіи публикѣ. Напрасно онъ отговаривался тѣмъ, что онъ не готовилъ описанія для нея, что писалъ только бѣглыя замѣтки о видѣнномъ, или входилъ въ подробности больше о самомъ себѣ, занимательныя для нихъ, пріятелей, и утомительныя для постороннихъ людей, что поэтому дневникъ не можетъ имѣть литературной замѣчательности, что авторъ по обстоятельствамъ не имѣетъ времени приготовить его для публики, что, наконецъ, онъ не успѣлъ даже собрать всѣхъ посланныхъ въ разныя время и мѣста отрывковъ, и потому нельзя представить всего журнала съ начала и въ связи. Ничего не помогло: пріятели окончательно заключили, что „если не авторъ и не перо его, такъ помѣщенные имъ края занимательны сами по себѣ, и напиши о нихъ что хочешь, описаніе не будетъ лишено всякаго интереса“. Авторъ не могъ не согласиться съ ними въ послѣднемъ“.

Не всякій въ состояніи такъ прямо высказать свое собственное убѣжденіе, не всякій объяснитъ такъ откровенно, чего должно и чего не должно искать въ дневникѣ путешественника. Мы говорили уже, что русская эскадра, прибывъ въ Японію, должна была цѣлые три мѣсяца простоять на рейдѣ, пока шли переговоры съ уполномоченными отъ японскаго правительства, пока происходилъ обмѣнъ депешъ между русскимъ адмираломъ и японскими властями въ Іеддо. Въ то время русскіе выходили на берегъ лишь нѣсколько разъ: отобѣдать съ уполномоченными въ Нагасаки или на торжественную аудіенцію; слѣдовательно, страны, правительства, городовъ японскихъ, сословій, почвы, земледѣлія... ничего нельзя было узнать, сидя на кораблѣ и глядя тоскливо на близкій берегъ. Всякій другой, на мѣстѣ Гончарова, можетъ быть, рѣшился бы говорить о Японіи и японцахъ, на основаніи сочиненій прежнихъ путешественниковъ: искушеніе было сильное. Зибольдъ, Кемпферъ и Тунбергъ, повидимому, были подъ руками, но Гончаровъ не увлекся этимъ и говоритъ только о томъ, что видѣлъ

и что могъ извлечь изъ разговоровъ съ японскими переводчиками. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, говоритъ онъ о происхожденіи японцевъ: едва начавъ этотъ нерѣшенный вопросъ, онъ тотчасъ же отсылаетъ читателя къ ученому Кемпферу. И справедливо: какую возможность имѣлъ рѣшить этотъ сложный вопросъ нашъ путешественникъ? Для этого нужно изслѣдовать и Японію и Китай очень внимательно. Поэтому нашъ путешественникъ, повидимому, сообщаетъ немного о японской жизни; но вглядитесь въ описаніе японцевъ, которыхъ онъ видѣлъ, вглядитесь въ ихъ церемоніи, въ ихъ хитрыя увертки, въ ихъ толки о пустякахъ — и передъ вами какъ будто начинаетъ дѣлаться ясною физіономія японца, котораго вы никогда не видали, политика японцевъ, о которой мы знаемъ только по наслышкѣ... даже ихъ образъ мыслей и чувствъ. Вотъ гдѣ являются истинный талантъ, истинная наблюдательность нашего писателя: онъ ни о чемъ не говоритъ вообще; онъ собираетъ только мелкія черты, которыя ему удается схватить. Но эти черты такъ характеристичны, что вы сами, даже безъ помощи автора, способны сдѣлать весьма правдоподобные выводы о Японіи и японцахъ. Повторяемъ, чтобъ достигнуть такого результата, нужно имѣть большой талантъ и великую способность наблюдательности. Иногда даже видишь, что Гончаровъ, по преимуществу художникъ, нарисуетъ передъ вами картину, которая поразитъ васъ и ничего не прибавитъ отъ себя нарочно. Отъ этого впечатлѣніе еще сильнѣе. Для доказательства, выписываемъ одну изъ подобныхъ картинъ, рѣшительно лучшую во всѣхъ трехъ статьяхъ о Японіи. Читатель увидитъ, что только авторъ, написавшій „Ивана Саввича Поджабрина“, былъ способенъ подмѣтить весь комизмъ сцены, все, отъ бритой головы японца до пятокъ, на которыхъ онъ сидитъ. Картина не представляла ничего поэтическаго; она смѣшна съ начала до конца; и авторъ постарался употребить всю свою наблюдательность, чтобъ не пропустить ни одной смѣшной черты, хотя бы черта эта была и ничтожна въ отдѣльности. Потомъ мы приведемъ другую картину изъ „Маниллы“, и тамъ увидимъ другую сторону таланта Гончарова: умѣнье схватывать тончайшія поэтическія черты, если онѣ только есть въ природѣ или въ людяхъ, сливать эти черты въ одинъ поэтическій образъ и самой поэзіей картины, какъ лучшей эссенціей нашей жизни, лучшимъ зеркаломъ, дать почувствовать эту жизнь. Въ „Маниллѣ“ вы видите того же Гончарова, который написалъ „Сонъ Обломова“: тѣ же пріемы въ подборѣ мелкихъ поэтическихъ красокъ, то же умѣнье связать ихъ всѣ въ одинъ узелъ, та же сила одного общаго впечатлѣнія. Здѣсь вы чувствуете, что авторъ любитъ предметъ, который рисуетъ, въ картинѣ изъ японской жизни вы чувствуете, напротивъ, тотъ тонкій юморъ, которымъ отличается даровитый писатель.

„Но я забылъ, что насъ ждетъ Овосава-Бунгоно-Ками-Сама, нагасакскій губернаторъ. Мы остановились на крыльцѣ, а караулъ и музыканты на дворѣ. Въ сѣняхъ, или первой комнатѣ, устланной бѣлыми цыновками, мы увидѣли и нашихъ переводчиковъ. Впереди

всѣхъ былъ Кичибе. Ужъ онъ маялся отъ нетерпѣнія: ему, повидимому, давно хотѣлось отчнуться отъ своей неподвижности, посуетиться, поговорить, пошумѣть и побѣгать. Только что мы на крыльцо, онъ вскочилъ, началъ кланяться, скалилъ зубы и усердно показывалъ рукой на анфиладу комнатъ, приглашая итти. Тутъ началась церемонія надѣванья коленкоровыхъ башмаковъ. Мы натаскивали, натаскивали съ Ѳаддеевымъ, едва натащили. Я не узналъ Ѳаддеева: весь въ красномъ, въ ливреѣ, съ стоячимъ воротникомъ, на вытяжкѣ, а лицо на сторону — неподражаемъ!

Мы пошли по комнатамъ: съ одной стороны, заклеенная, вмѣсто стеколъ, бумагой, оконная рама доходила до полу, съ другой, подвижныя бумажныя, разрисованныя, и весьма не дурно, или сдѣланныя изъ позолоченой и посеребреной бумаги, ширмы, такъ что не узнаешь, одна ли это огромная зала, или нѣсколько комнатъ.

Въ глубинѣ комнатъ сидѣли, въ нѣсколько рядовъ, тѣсной кучей, на пяткахъ человѣческія фигуры, въ богатыхъ платьяхъ съ комическою важностью. Ни бровь ни глазъ не шевелились. Не слышно и не видно было, дышатъ ли, мигаютъ ли эти фигуры, живыя ли онѣ, наконецъ? И сколько. Вотъ цѣлые ряды въ большой комнатѣ; вотъ двѣ только массивныя фигуры сѣдыхъ стариковъ посажены въ маленькомъ проходѣ, какъ фарфоровыя куклы; далѣе тянутся опять длинныя шеренги. Тутъ и молодые и старые, съ густыми и жиденькими косичками, похожими на крысій хвостъ. Какія лица, какія выраженія на нихъ! Ни одна фигура не смотритъ на насъ, не слѣдитъ съ жаднымъ любопытствомъ за нами, а вѣдь этого ничего не было у нихъ сорокъ лѣтъ, почти никто изъ нихъ не видалъ другихъ людей, кромѣ подобныхъ себѣ. Между тѣмъ всѣ они уставили глаза въ стѣну, или въ полъ, и, кажется, побились объ закладъ о томъ, кто сдѣлаетъ лицо глупѣе. Всѣ, болѣе или менѣе, успѣли въ этомъ; многіе, конечно, неумышленно.

Общій видъ картины былъ оригиналенъ. Я былъ какъ нельзя болѣе доволенъ этимъ страннымъ, фантастическимъ зрѣлищемъ. Тишина была идеальная. Раздавались только наши шаги. „Башмаки, башмаки!“ слышу вдругъ чей-то шопотъ. Гляжу — на мнѣ сапоги. А гдѣ башмаки? „Еще за три комнаты оставилъ“, говорятъ мнѣ. Я увлекся и не замѣтилъ. Я назадъ: въ самомъ дѣлѣ, коленкоровые башмаки лежали на полу. Сидѣвшія въ этой комнатѣ фигуры продолжали сидѣть такъ же смирно, и безъ насъ, какъ при насъ; онѣ и не взглянули на меня. Догоняю товарищей, но отсталыхъ не я одинъ: то тотъ, то другой наклонится и подбираетъ башмаки. Наконецъ, входилъ въ залу, свѣтлѣе и больше другихъ: справа стоялъ, въ нишѣ, золоченный большой лукъ: знакъ ли это губернаторскаго сана, или такъ, украшеніе — я добиться не могъ. Зала, какъ и всѣ прочія комнаты, устлана была до того мягкими цыновками, что идешь какъ по тюфяку. Здѣсь эффектъ сидящихъ на полу фигуръ былъ еще ярче. Я насчиталъ ихъ тридцать.

Въ одно время съ нами показался въ залу и „Овосава-Боунгоно-Ками-Сама“, высокій худощавый мужчина, лѣтъ пятидесяти, съ важнымъ, строгимъ и довольно умнымъ выраженіемъ на лицѣ. Овосава — это имя, Боунго-но — нѣчто въ родѣ фамиліи, которая, кажется, дается, какъ и въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, отъ владѣній, помѣстьевъ, или земель, по крайней мѣрѣ, такъ у высшаго, сословія. Частица *но* повторяется въ большей части фамилій и есть, кажется, ничто иное, какъ грамматическая форма. *Ками* — почетное названіе, въ родѣ нашего *и кавалеръ; Сама* — господинъ, титулъ, прибавляемый сзади именъ всѣхъ чиновныхъ лицъ.

Мы взаимно раскланялись. Кланяясь, я случайно взглянулъ на ноги — проклятыхъ башмаковъ нѣтъ какъ нѣтъ: они лежатъ подлѣ сапогъ. Опираясь на руку Б. К., которую онъ протянулъ мнѣ изъ состраданія, я съ трудомъ напялилъ ихъ на ноги. „Не хорошо“, прошепталъ Б. и засмѣялся слышнымъ только мнѣ да ему смѣхомъ, похожимъ на кашель. Я вмѣсто отвѣта, показалъ ему на его ноги: онѣ были безъ башмаковъ. „Не хорошо“, прошепталъ я, въ свою очередь.

А между тѣмъ губернаторъ, послѣ первыхъ привѣтствій, проситъ передать ему письмо и, указывая на стоявшій на столикѣ, маленькій лакированный ящикъ, предложилъ положить письмо туда.

Тутъ бы слѣдовало, кажется, говорить о дѣлѣ, но губернаторъ просилъ прежде *отдохнуть*, Богъ вѣдаетъ, отъ какихъ подвиговъ, и потомъ уже возобновить разговоръ, а самъ скрылся. Первая часть свиданія прошла по уговору, стоя.

Въ *отдыхальнѣ*, какъ мы прозвали комнату, въ которую насъ провели и черезъ которую мы проходили, уже не было никого: сидящія фигуры убрались вонъ. Тамъ стояли привезенные съ нами кресло и четыре стула. Мы тотчасъ же и расположились на нихъ. А кому недостало, тѣ присутствовали тутъ же, стоя. Нечего и говорить, что я пришелъ въ отдыхальню безъ башмаковъ: они остались въ пріемной залѣ, куда я долженъ былъ сходить за ними. Наконецъ, я положилъ ихъ въ шляпу, и дѣло тамъ и осталось...

Вдругъ изъ дверей явились, одинъ за другимъ, двѣнадцать слугъ, по числу гостей; каждый несъ обѣими руками чашку съ чаемъ, но безъ блюдечка. Подойдя къ гостю, слуга ловко падалъ на колѣни, кланялся, ставилъ чашку на полъ, за неимѣніемъ столовъ и никакой мебели въ комнатахъ, вставалъ, кланялся и уходилъ. Ужасно неловко было тянуться со стула къ полу въ нашемъ платьѣ. Я протягивалъ то одну, то другую руку, и насилу досталъ. Чай отличный, какъ желтый китайскій. Онъ густъ, крѣпокъ и ароматенъ, только безъ сахару.

Опять появились слуги: каждый несъ лакированную, деревянную подставку, съ трубкой, табакомъ, маленькой глиняной жаровней, съ горячими углями и пепельницей, и тѣмъ же порядкомъ ставили передъ нами. Съ этимъ еще было труднѣе возиться. Японцамъ хорошо,

сидя на полу и въ просторномъ платьѣ, продѣлывать всѣ эти штуки: набивать трубку, закуривать углемъ, вытряхивать пепелъ, а намъ каково со стула? Я опять вспомнилъ угощеніе *Лисицы и Журавля*.

Только что мы перестати курить, явились опять слуги, каждый съ деревяннымъ, гладко отесаннымъ и очень красивымъ, хотя и простымъ ящикомъ. Поставили передъ нами по ящику: кто постарше, тѣмъ на ножкахъ, прочимъ безъ ножекъ. Открываемъ — конфеты. Большой кусокъ чего-то въ родѣ торта, потомъ густое, какъ тѣсто, желе, сложенное въ видѣ сердечка; далѣе, рыбка изъ дрянного сахара, крашенная и намазанная какимъ-то масломъ; наконецъ, мелкія, сухія конфеты: обсахаренные плоды, и, между прочимъ, морковь. Не правда ли, отчаянная смѣлость въ дѣлѣ кондитерскаго искусства? А ничего, недурно: если, на основаніи извѣстной у насъ въ народѣ поговорки, можно „съѣсть и обсахаренную подошву“, то морковь, конечно, и подавно! Да, взаперти многаго не выдумаешь, или, пожалуй, чего не выдумаешь, начиная отъ вареной въ сахарѣ моркови до пороху включительно, что и доказали китайцы и японцы, выдумавъ и то и другое.

Наконецъ, не знаю, въ который разъ, вбѣжавшій Кичибе объявилъ, что если мы *отдохнули*, то губернаторъ ожидаетъ насъ, то-есть, если устали, хотѣлъ онъ вѣрно сказать. Въ самомъ дѣлѣ, устали отъ праздности. Это у нихъ называется дѣло дѣлать. Мы пошли опять въ пріемную залу и начался разговоръ.

Прежде всего сѣли на перенесенныя въ залу кресла, а губернаторъ на маленькое возвышеніе, на четверть аршина отъ пола. Кичибе и Льода, оба лежали подлѣ нашихъ стульевъ, касаясь лбомъ пола. Было жарко, крупныя капли пота струились по лицу Кичибе. Онъ выслушивалъ слова губернатора, бросая на него съ полу почтительный и, какъ выстрѣлъ, пронзительный взглядъ, потомъ приподнималъ голову, переводилъ намъ и опять ложился лбомъ на полъ. Льода лежалъ все время такъ, и только исподлобья бросалъ такіе же пронзительные взгляды то на губернатора, то на насъ. Старшій былъ Кичибе, а Льода присутствовалъ только для повѣрки перевода и, наконецъ, для того, что въ одиночку они ничего не дѣлаютъ. Кругомъ, ровнымъ бордюромъ вдоль стѣнъ, сидѣли на пяткахъ всѣ чиновники и свита губернатора.

Воцарилось глубочайшее молчаніе. Губернаторъ вынулъ изъ лакированнаго ящика бумагу и началъ читать чуть слышнымъ голосомъ, но внятно. Только что онъ кончилъ, одинъ старикъ лѣниво всталъ изъ ряда сидѣвшихъ по правую руку, подошелъ къ губернатору, сталъ, или, вѣрнѣе, палъ на колѣни, съ поклономъ принялъ бумагу, подошелъ къ Кичибе, опять палъ на колѣни, безъ поклона подалъ бумагу ему и сѣлъ на свое мѣсто.

Послѣ этого вдругъ раздался крикливый, жесткій, какъ карканье вороны, голосъ Кичибе: онъ по-голландски передалъ содержаніе бумаги намъ. Смѣяться онъ не смѣлъ, но втягивалъ воздухъ въ себѣ; гримасамъ и всхлипываніямъ не было конца.

Въ бумагѣ заключалось согласіе Горочью принять письмо. Только было на вопросъ адмирала, я разинулъ ротъ отвѣчать, какъ губернаторъ взялъ другую бумагу, такимъ же порядкомъ прочелъ ее; тотъ же старикъ-секретарь, взялъ и передалъ ее, съ тѣми же церемоніями, Кичибе. Въ этой второй бумагѣ сказано было, что „письмо будетъ принято, но что скораго отвѣта на него быть не можетъ".

Оно покажется не логично, не прочитавши письма, сказать, что скораго отвѣта не можетъ быть. Такъ, но имѣя дѣло съ японцами, надо отчасти на время отречься отъ европейской логики и помнить, что это крайній Востокъ. Они народъ не закоренѣлый безъ надежды и упрямый: напротивъ, логичный, разсуждающій и способный къ принятію другихъ убѣжденій, если найдетъ ихъ нужными. Это справедливо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые имъ извѣстны по опыту; тамъ же, напротивъ, гдѣ для нихъ все ново, они медлятъ, высматриваютъ, выжидаютъ, хитрятъ. Не правы ли они до нѣкоторой степени? Отъ европейцевъ добра видѣли они пока мало, а зла много: оттого и самое отчужденіе ихъ логично. Португальскіе миссіонеры привезли имъ религію, которую многіе японцы довѣрчиво приняли и исповѣдовали. Но ученики Лойолы привезли туда и свои страстишки: гордость, любовь къ власти, къ золоту, серебру, даже къ превосходной японской мѣди, которую вывозили въ невѣроятныхъ количествахъ, и вообще всякую любовь, кромѣ христіанской. Вамъ извѣстно, что было слѣдствіемъ этого: варѳоломеевскія ночи и отчужденіе отъ свѣта.

Но если вспомнить, что дѣлалось въ эпоху младенчества нашихъ старыхъ государствъ, какъ встрѣчали всякую новизну, которой не понимали, всякое открытіе, какъ жгли лѣкарей, преслѣдовали физиковъ и астрономовъ, то едва ли японцы, не болѣе своихъ просвѣтителей заслуживаютъ снисхожденія въ упрямомъ желаніи отдѣлаться отъ иноземцевъ. Удивительно ли послѣ этого, что осторожность и боязнь повторенія старыхъ золъ, отдалили ихъ отъ насъ, помѣшали имъ вырости, и что у нихъ осталось только ихъ природная смышленность да нѣсколько опытовъ, давшихъ имъ фальшивое понятіе обо всемъ, что носитъ названіе образованности?

Пока читали бумаги, я всматривался въ лица губернатора и его придворныхъ, занимаясь сортировкою физіономій, на смышленныя, живыя, вовсе глупыя, или только затупѣлыя, отъ недостатка умственнаго движенія. Было также нѣсколько загадочныхъ, скрытныхъ и лукавыхъ лицъ. У многихъ на глазахъ прятался огонь, хотя они смотрѣли, по обыкновенію, сонно и вяло. Любопытно было наблюдать эти спящія страсти, непробужденныя и нетронутыя желанія, вмѣсто которыхъ выглядывало дѣтское притворство, или крайняя неловкость. У нихъ кажется, въ обычаѣ казаться при старшемъ какъ можно глупѣе, и оттого тутъ было много лицъ, глупыхъ изъ почтенія. Если губернаторъ и казался умнѣе прочихъ, такъ это, можетъ быть, потому, что онъ былъ старше всѣхъ. А въ Іеддо, вѣрно, и онъ кажется глупъ. Одно лицо, забавнѣе другого.

Вонъ и всѣ наши пріятели: Баба Городзаймонъ, напримѣръ, его узнать нельзя: онъ изъ почтенія даже похудѣлъ немного. Чиновники сидѣли, едва смѣя дохнуть и такъ ровно, какъ будто во фронтѣ. Напрасно я хочу поздороваться съ кѣмъ-нибудь глазами: ни Самбро, ни Ойе-Саброски, ни переводчики не показываютъ вида, что замѣчаютъ насъ.

Впрочемъ, въ ихъ уваженіи къ старшимъ я не замѣтилъ страха, или подобострастія: это дѣлается у нихъ какъ-то проще, искреннѣе, съ теплотой, почти, можно сказать, съ любовью, и оттого это не непріятно видѣть. Что касается до лежанья на полу, до неподвижности и комической важности, какую сохраняютъ они въ торжественныхъ случаяхъ, то, вѣроятно, это, если не комедія, то балетъ въ восточномъ вкусѣ, во всякомъ случаѣ спектакль, представленный для насъ. Должно быть, и японцы въ другое время не сидятъ точно одурѣлые, или какъ фигуры воскового кабинета, не дѣлаютъ такихъ глупыхъ лицъ и не валяются на полу, а обходятся между собою проще и искреннѣе, какъ и мы не таскаемъ же между собою вездѣ караулъ и музыку. Такъ думалось мнѣ, и мало ли что думалось!

Еще мнѣ понравилось въ этомъ собраніи шелковыхъ халатовъ, юбокъ и мантилій отсутствіе яркихъ и рѣзкихъ красокъ. Ни одного цѣльнаго цвѣта, краснаго, желтаго, зеленаго: все смѣсь, нѣжные, смягченные тоны того, другого или третьяго. Не вѣрьте картинкамъ, на которыхъ японцы представлены какими-то попугаями. И простой народъ здѣсь не похожъ костюмами на ту толпу мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которую я видѣлъ на одной плантаціи въ Сингапурѣ. Тамъ я пораженъ былъ смѣсью яркихъ платьевъ на малайцахъ и индійцахъ, и счелъ ихъ за какое-то собраніе птицъ въ кабинетѣ натуральной исторіи. Здѣсь, въ толпѣ низшаго класса, въ большинствѣ, вопервыхъ, бросается въ глаза нагота, а потомъ преобладаетъ какой-нибудь одинъ цвѣтъ, но не изъ яркихъ, большею частью, синій. Въ платьяхъ же другихъ, высшихъ классовъ, допущены всѣ смѣшанные цвѣта, но съ большою строгостью и вкусомъ въ выборѣ ихъ.

Пробѣгая глазами только по платьямъ и не добираясь до этихъ бритыхъ головъ, тупыхъ взглядовъ и выдавшихся верхнихъ челюстей, я забывалъ, гдѣ сижу: вмѣсто крайняго востока какъ будто на крайнемъ западѣ: цвѣта въ туалетѣ — какъ у европейскихъ женщинъ. Я замѣтилъ не болѣе пяти штофныхъ и то неяркихъ юбокъ, у стариковъ; у прочихъ у кого гладкая сѣрая, или дикаго цвѣта юбка, у другихъ темносиняго, цвѣта Adelaide, vert de gris, vert de pomme, словомъ всѣ наши новѣйшіе модные цвѣта, couleurs fantaisie, были тутъ.

Губернаторъ былъ въ халатѣ и юбкѣ одного цвѣта, pensée, съ темными тоненькими полосками. Мантилья его покроемъ отличалась отъ другихъ. У всѣхъ прочихъ спина и рукава гладкіе: послѣдніе у кисти руки, широки; все вмѣстѣ похоже на мантильи нашихъ дамъ; у него рукава съ боковъ разрѣзаны и отъ нихъ идутъ какія

то надставки, въ родѣ маленькихъ крыльевъ. Это, какъ я узналъ послѣ, полупарадный костюмъ, соотвѣтствующій нашимъ вицъ-мундирамъ"...

Не правда ли, что эта картина написана художникомъ-юмористомъ, отъ взгляда котораго не ускользаетъ малѣйшее движеніе? Не выписываемъ конца этой аудіенціи, потому что читатель и изъ этого отрывка видитъ достоинство разсказа.

А вотъ и другая картина, въ которой видна другая сторона того же таланта. Японія не представила нашимъ путешественникамъ ничего поэтическаго; зато вотъ народъ, вотъ жизнь, въ которой есть своего рода поэзія. Посмотрите, какъ умѣлъ схватить эту поэзію нашъ авторъ! Приводимъ и изъ статьи только небольшой отрывокъ.

Какъ и въ статьѣ о Японіи не было да и не могло быть рѣчи о государственномъ и общественномъ ея устройствѣ, точно также ничего подобнаго не говорится о Маниллѣ; вы не знаете испанцы, населяющіе этотъ городъ, промышленный ли они народъ, или нѣтъ; образованы или нѣтъ; какой образъ чувствъ и мыслей сохраняютъ они въ своей метрополіи; вы не знаете отношенія господствующаго племени испанцевъ къ побѣжденнымъ туземцамъ. Ни о чемъ объ этомъ не говорится, ни одинъ историческій, ни одинъ политическій, ни одинъ общественный вопросъ не затронутъ: но авторъ задалъ себѣ задачу перенести мысленно, если можно, читателя въ эту отдаленную и прекрасную природу, почувствовать ее: если можно, дать средство уловить то томительное и вмѣстѣ нѣжащее чувство, которое производитъ на путешественника климатъ и небо Маниллы, заставить читателя на своихъ нервахъ вынести тѣ впечатлѣнія, какія испытываетъ всякій, кто побывалъ тамъ — и авторъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Мы чувствуемъ Маниллу, мы, кажется, видимъ ее, и уже во всемъ соглашаемся съ авторомъ, когда онъ дѣлаетъ слѣдующее поэтическое заключеніе:

„Зато природа неизмѣнна, какъ вездѣ, и богата, какъ нигдѣ. Какъ прекрасенъ этотъ союзъ сѣвернаго и южнаго неба, будто встрѣча и объятія двухъ красавицъ! Крестъ и Медвѣдица, Оріонъ и Конопусъ такъ близко кажутся другъ отъ друга... Необыкновенны переливы вечерняго свѣта на небѣ — яшмовые, фіолетовые, лазурные, наконецъ, такіе странные, темные и прекрасные тоны, подъ какіе ни за что не поддѣлаться человѣку! Гдѣ онъ возьметъ цвѣта для этого пронзительно-бѣлаго луча здѣшнихъ звѣздъ? какъ нарисуетъ это млѣніе вечерняго, только что покинутаго солнцемъ и отдыхающаго неба, эту теплоту и кротость лунной ночи? Чудесенъ и голубой заливъ, и зеленый берегъ, дальнія горы, и всѣ эти пальмы, бананы, кедры, бамбуки, черное, красное, коричневое деревья, эти ручьи, островки, дачи — все такъ ярко, такъ обворожительно, фантастически прекрасно!...

„И при всемъ томъ ни за что не остался бы я жить среди этой природы? Есть отрадныя мгновенія — утромъ, напримѣръ, когда, вставши рано, отворишь окно и впустишь прохладу въ комнату; но не надолго

оживитъ она: едва сдунетъ только дремоту, возбудитъ въ организмѣ игру силъ и расположитъ къ дѣятельности, какъ вслѣдъ за ней, изъ того же окна дохнетъ на васъ теплый паръ раскаленной атмосферы. Въ даль посмотрѣть нельзя: волны сверкаютъ какъ горячіе угли, стѣны зданій ослѣпительно-бѣлы, воздухъ какъ пламя — больно глазамъ. Часовъ въ 10—11, не говоря уже о полуднѣ, сидите ли вы дома, поѣдете ли въ каретѣ, вы изнеможете: жаръ сморитъ; напрасно будете противиться сну. Хотите говорить — и на полусловѣ зѣвнете: мысль не успѣла сформироваться, а вы ужъ уснули. Но и сонъ не отрада: подушка душитъ васъ, легчайшая ткань кажется кандалами. Дышишь горячо, ищешь вѣтра — его нѣтъ. Хочешь освѣжить высохшій языкъ — вода теплая, положишь льду въ нее — жди воспаленія. Къ вечеру оживаешь, наслаждаешься, но и то въ декабрѣ, январѣ и февралѣ: дальше, говорятъ, житья нѣтъ. Въ лѣтніе мѣсяцы льются потоки дождя, свирѣпствуютъ грозы, время отъ времени ураганы и землетрясенія. Въ дождь ни выйти ни выѣхать нельзя: въ городѣ и окрестностяхъ наводненіе; въ землетрясеніе происходитъ въ домахъ и на улицахъ то же, что въ качку на корабляхъ: все въ ужасѣ; индійцы падаютъ ницъ...

Но и вечеромъ, въ этомъ душномъ томленіи воздуха, въ этомъ лунномъ пронзительномъ лучѣ, въ тихо-качающихся пальмахъ, въ безмятежномъ покоѣ природы, есть что-то такое, что давитъ мозгъ, шевелитъ нервы, тревожитъ воображеніе. Сидя по вечерамъ на верандѣ, я чувствовалъ такую же тоску, какъ въ прошломъ году въ Сингапурѣ. Наслаждаешься и страдаешь, нѣга и боль! Эта жаркая природа, обласкавъ васъ страстно, напутствуетъ сонъ вашъ такими богатыми грёзами, какихъ не приснится на сѣверѣ.

И все-таки не останешься жить въ Маниллѣ, все захочешь на сѣверъ, пусть тамъ, кромѣ снѣга, не приснится ничего! Не нашимъ нервамъ выносить эти жаркія ласки и могучія изліянія силъ здѣшней природы.

А развѣ, скажете вы, нѣтъ никогда такихъ жаркихъ дней и обаятельныхъ вечеровъ и у насъ?.. Выдаются дни безпощадные, жаркіе и у насъ, хотя безъ пальмъ, безъ фантастическихъ оттѣнковъ неба: природа, непрерывно-творческая здѣсь и подолгу бездѣйствующая у насъ, тамъ кладетъ бездну силъ, чтобъ вызвать въ какіе-нибудь три мѣсяца жизнь изъ мертвой земли. Но у насъ она даетъ пиръ, какъ бѣднякъ, отдающій все до копейки на пышный праздникъ, который въ кои-то вѣки собрался дать: послѣ онъ обречетъ себя на долгую будничную жизнь, на лишенія. И природа наша также: въ палящемъ днѣ на сѣверѣ, вы уже чувствуете удушливое дыханіе земли, предвѣщающее къ ночи грозу, потоки дождя и перемѣну надолго. А здѣсь дни за днями идутъ, какъ близнецы, похожіе одинъ на другой, жаркіе, страстные, но сильные, ясные и безмятежные — въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ.

Есть какая-то поэтическая нѣга въ самомъ колоритѣ статьи, нѣга, которую будто бы навѣялъ климатъ Маниллы; есть какъ будто небрежность, порожденная знойнымъ небомъ страны... Прекрасно!

О другихъ статьяхъ говорить не будемъ, да и нечего: въ нихъ новаго ничего не сказалъ авторъ; но какъ онъ сказалъ — вотъ что ново. Поэтому статьи Гончарова должно читать, кто хочетъ любоваться манерой разсказа; наша же обязанность была указать только на это достоинство. Если бъ начать говорить о „Ликейскихъ Островахъ", мы должны были бы повторять то же, что сказали уже, говоря о Маниллѣ, потому что статьи эти походятъ одна на другую, только въ „Ликейскихъ Островахъ" меньше поэзіи; въ статьѣ „Атлантическій Океанъ" виденъ тотъ же наблюдатель, какъ и въ статьѣ о Японіи, но который, за недостаткомъ японцевъ, обратилъ свою наблюдательность на себя, на Ѳаддеева и товарищей. Слѣдовательно, дальнѣйшій разборъ могъ бы только привести насъ къ тому же, что мы уже видѣли, разбирая „Японію" и „Маниллу".

Припоминая высказанное нами въ началѣ статьи, что на путешественникѣ невольно отражается и эпоха, въ которой онъ живетъ, и литература, которой онъ принадлежитъ, мы должны, въ заключеніе, спросить себя: насколько все это выразилось на нашемъ новомъ путешественникѣ?

На такой вопросъ должно будетъ отвѣчать отрицательно, должно будетъ сказать, что все это отразилось очень мало на путешествіи Гончарова. Причина этому мы полагаемъ слѣдующія: Азія не то, что Европа, по отношенію къ современнымъ вопросамъ. Гдѣ вопросы, которые намъ близки, которые могутъ занимать насъ? Насъ интересуетъ, напримѣръ, вопросъ о китайскихъ инсургентахъ, потому что они выдаютъ себя за христіанъ, интересуетъ, какъ вопросъ, который можетъ имѣть огромное вліяніе на судьбы Азіи; но вопросъ этотъ интересуетъ всѣхъ только съ точки зрѣнія, такъ сказать, космополитической. Притомъ вопросовъ такихъ немного, и Гончаровъ, повидимому, обходилъ ихъ; будучи въ Шанхаѣ, онъ не могъ узнать дѣло объ инсургентахъ обстоятельно, потому что пробылъ въ городѣ не больше мѣсяца. Между тѣмъ, въ это время онъ успѣлъ нарисовать прекрасную картину Шанхая! Отразились ли на страницахъ путешествія Гончарова вопросы, интересующіе русскую литературу, русское общество? Также нѣтъ, потому что между этими вопросами и предметами, которые видѣлъ Гончаровъ, нѣтъ ничего общаго. Правда, скажутъ, между климатомъ Маниллы и климатомъ Петербурга нѣтъ ничего общаго, однако жъ, авторъ вспомнилъ о сѣверѣ, томясь отъ жара въ Маниллѣ... Мы съ этимъ согласны, потому что всегда, гдѣ есть люди, есть и общечеловѣческіе вопросы. Въ этомъ замѣчаніи даже будетъ своя доля правды, но нашъ авторъ, по своему таланту — преимущественно художникъ и его занимаетъ міръ природы съ этой стороны, которая ближе художнику. Кто хочетъ знать другую сторону тѣхъ странъ, которыя я видѣлъ (думаетъ авторъ), пусть читаетъ ученыхъ, которые основательно это дѣло изслѣдовали. Я описы-

ваю то, что меня поражаетъ, что на меня дѣйствуетъ. И результатомъ этого были тѣ прекрасныя картины природы и людей, о которыхъ говорено выше. Путешествіе Гончарова доказываетъ одно: что онъ равно талантливъ и въ сценахъ изъ русской жизни, и въ описаніи японскихъ церемоній, и въ картинахъ манилльской природы. Художникъ вездѣ остается художникомъ, наблюдатель наблюдателемъ — но для своихъ особенныхъ художественныхъ цѣлей. Что новаго вноситъ въ нашу литературу путешествіе Гончарова?—много картинъ южной природы и жизни, нарисованныхъ опытною рукою художника-наблюдателя, картинъ, на которыя долго будутъ смотрѣть съ большимъ удовольствіемъ.

Дудышкинъ.

Содержательность путевыхъ замѣтокъ Гончарова, ихъ художественность, увлекательность разсказа и прелесть языка.

Кому изъ насъ было постоянно такъ хорошо, такъ привольно, такъ легко жить на одномъ мѣстѣ, что никогда не манило въ чужую, неизвѣстную даль? Кто изъ насъ устроился такъ умно и просто въ своемъ скромномъ уголкѣ, что никогда не мечталось ему о другой природѣ, о другой жизни и никогда не хотѣлось ему туда? Кто изъ насъ былъ постоянно окруженъ одними и тѣми же милыми лицами, милыми до того, что не нужно ему было больше никого? Кто изъ насъ тотъ счастливецъ, которому не хотѣлось никогда поѣхать далеко, далеко?.. По крайней мѣрѣ не я и, вѣроятно, не вы, читатель. Всѣ мы страстно любимъ путешествовать, или, по крайней мѣрѣ, страстно мечтаемъ о путешествіи.

И перелетныя птицы путешествуютъ, и должны путешествовать, это законъ ихъ существованія, имъ безъ этого нельзя; а васъ что заставило подняться въ путь? А ужъ если поднялись, то путешествуйте не перелетными птицами, не безсознательно, какъ онѣ; разскажите, что видѣли, что слышали, какъ тамъ люди живутъ на чужой сторонѣ? умнѣе ли, добрѣе ли, проще ли они? Покажите намъ, путешественники, нашихъ чужеземныхъ, инородныхъ братій, какъ они тамъ живутъ у себя дома, что дѣлаютъ, что за страсти у нихъ и что за пристрастія? Вездѣ ли одинаково слабъ и страненъ человѣкъ?

Вотъ требованія большей части читателей въ отношеніи къ книгамъ путешествій, требованія совершенно справедливыя, совершенно законныя. Изъ всѣхъ предметовъ, которые можетъ описывать путешественникъ, для читателя всего интереснѣе человѣкъ — условія, въ которыхъ онъ живетъ, степень его благосостоянія, развитія и причины, отъ которыхъ это зависитъ, — его отношенія къ другимъ людямъ, его успѣхи въ промышленности, наукахъ и искусствахъ, его домашняя жизнь и проч. Мы упомянули только о тысячной долѣ того, что можетъ интересовать по отношенію къ одному только человѣку —

не говоря о другихъ предметахъ, достойныхъ вниманія наблюдателя — но, и тутъ уже ясно, какъ много времени нужно путешественнику провести въ извѣстной странѣ, чтобы удовлетворить требованіямъ публики съ этой точки зрѣнія: для этого мало двухъ-трехъ недѣль, двухъ-трехъ мѣсяцевъ — для этого нужно годъ, два...

Что же дѣлать человѣку, которому, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, пришлось пробыть въ одномъ мѣстѣ нѣсколько дней, въ другомъ не болѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ? Представить читателю полную, отчетливую картину страны и ея жителей, во всѣхъ подробностяхъ и во всѣхъ отношеніяхъ, онъ не имѣетъ возможности; но онъ подъ впечатлѣніемъ новой для него природы, новыхъ явленій, онъ попалъ въ тѣ далекія, невѣдомыя страны, о которыхъ мечталъ онъ, сидя дома — и вотъ, онъ дѣлится съ читателемъ своими личными впечатлѣніями, тутъ, по необходимости, на первомъ планѣ рисуется онъ самъ и показываетъ намъ, такъ сказать, на лету панораму страны и ея жителей.

Понятно, что если кому-нибудь пришлось видѣть новыя мѣста почти мимоходомъ, то разсказъ его о видѣнномъ долженъ быть мастерской: въ противномъ случаѣ онъ и не имѣетъ права разсказывать.

Передъ нами путевыя замѣтки Гончарова о пребываніи русской эскадры въ Японіи въ 1853 и 1854 годахъ; но мы не ограничимъ своего разбора только этою книгою, мы напомнимъ читателю и другія путевыя замѣтки автора, разбросанныя по журналамъ: Атлантическій Океанъ, Островъ Мадера, Ликейскіе острова, Манилла. Изъ Якутска, отъ мыса Доброй Надежды до Явы. Все это отрывки изъ кругосвѣтнаго путешествія автора, и въ нихъ онъ является мастерскимъ разсказчикомъ, такъ что его невольно заслушаешься[1]). Авторъ всегда вѣренъ самому себѣ, всегда искусно владѣетъ собою, всегда спокоенъ, ровенъ, вездѣ тонкая наблюдательность, вездѣ художественный тактъ. Вотъ, не угодно ли вамъ, вмѣстѣ съ авторомъ, взглянуть на Атлантическій океанъ? „Я цѣлое утро не сходилъ съ юта, — пишетъ Гончаровъ. — Мнѣ хотѣлось познакомиться съ океаномъ. Я уже отъ поэтовъ зналъ, что онъ безбреженъ, мраченъ, угрюмъ, безпредѣленъ, неизмѣримъ; а учитель географіи сказалъ нѣкогда, что онъ просто — Атлантическій. Теперь я жадно вглядываюсь въ его физіономію, какъ вглядываются въ человѣка, котораго знали по портрету. Мнѣ хотѣлось провѣрить портретъ съ подлинными чертами лежавшаго передо мной великана, во власть котораго я отдавался на долгое время. „Какой же онъ въ самомъ дѣлѣ?“ думалъ я, поглядывая кругомъ. „Что таится въ этомъ неизмѣримомъ омутѣ? Чѣмъ океанъ угоститъ пловцовъ?...“ Онъ былъ покоенъ: по немъ едва шевелились легкими рядами волны, какъ будто ряды тихихъ мыслей, пробѣгающихъ по лицу —

---

[1]) Въ путевыхъ своихъ замѣткахъ Гончаровъ вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ изящнаго, и если въ нихъ нѣтъ, и не могло быть, какъ мы уже сказали, многихъ свѣдѣній для полнаго очерка посѣщенныхъ имъ мѣстъ — чего онъ и не имѣлъ въ виду — зато онѣ написаны увлекательнымъ языкомъ.

страсти и порывы молчали, попутный вѣтеръ и умѣренное волненіе такъ ласково манили дальше, а тамъ... „Гдѣ же онъ неукротимъ?“ думалъ я опять: „на старческомъ лицѣ ни одной морщинки. Необозримъ онъ, правда: зришь его не больше, какъ миль на шесть вокругъ; а тамъ опускается на него горизонтъ въ видѣ довольно грязной занавѣски. Поверхность моря уже и на этомъ пространствѣ образуетъ дугу, закрывающую даль. „Могучъ, мраченъ ли? посмотримъ“ — и, оглядѣвъ море справа, я оборотился налѣво и устремилъ взглядъ прямо въ физіономію... Ѳаддеева. Онъ стоялъ передо мной съ фуражкой въ рукѣ. „Что ты? — „Поди, ваше высокоблагородіе, обѣдать. Я давно зову тебя, да не слышишь“. Я тѣмъ охотнѣе принялъ это приглашеніе, что на верху было холодно“.

Если вы, читатель, не видали океана и съ именемъ о немъ соединяете только понятіе о грандіозныхъ, страшныхъ, величавыхъ, необъятныхъ картинахъ, то описаніе этого великана въ ту минуту, о которой говоритъ Гончаровъ, озадачитъ васъ нѣсколько и вамъ какъ будто сдѣлается совѣстно за вашу восторженность. Какъ же? говорите вы: — тутъ нѣтъ ни страшнаго ни великаго — океанъ виденъ всего на шесть миль, а тамъ спускается на него горизонтъ довольно грязной занавѣской. Да, тутъ нѣтъ пышныхъ фразъ, зато, посмотрите, какое поэтически граціозное замѣчаніе: „онъ (океанъ) былъ покоенъ: по немъ едва шевелились легкими рядами волны, *какъ будто ряды тихихъ мыслей, пробѣгающихъ по лицу*“. Не спѣшите однако жъ краснѣть за себя до поры до времени: вѣдь это только знакомство нашего автора съ океаномъ въ мирѣ и тишинѣ; но вотъ, вѣтеръ засвѣжѣлъ.

„Внизу, за обѣдомъ, потомъ за чашкой кофе и сигарой, а тамъ за книгой и забыли про океанъ — да не то, что про океанъ, а забыли и о фрегатѣ“, говоритъ Гончаровъ. „Но океанъ не забылъ про насъ... Качка усиливалась. Изъ обоихъ оконъ мнѣ видно было море. Что за безобразіе, или, пожалуй, что за красота!“ „Буря — прекрасно! поэзія!“ скажете вы въ ребяческомъ восторгѣ. „Какая буря — свѣжій вѣтеръ!“ говорятъ вамъ. Можетъ быть, оно и поэзія, если смотрѣть съ берега, но быть героемъ этого представленія, которымъ природа время отъ времени угощаетъ плавателей, право, не занимательно. Сами посудите, что тутъ хорошаго? Огромные холмы съ бѣлымъ гребнемъ, съ воемъ толкая другъ друга, встаютъ, падаютъ, опять встаютъ, какъ будто толпа вдругъ выпущенныхъ на волю бѣшеныхъ звѣрей дерется съ остервенѣніемъ, только брызги, какъ дымъ, поднимаются, да стонъ носится въ воздухѣ. Фрегатъ взберется на голову волны, дрогнетъ тамъ на гребнѣ, потомъ упадетъ на бокъ и начинаетъ скользить съ горы, спустившись на дно между двухъ бугровъ, выпрямится, но только за тѣмъ, чтобы тяжело перевалиться на другой бокъ и лѣзть вновь на холмъ. Когда онъ спустится внизъ, по сторонамъ его вздымаются водяныя стѣны. Въ каютѣ лампы, картинки, висячій барометръ вытягивались горизонтально. Нѣсколько стульевъ повольничали было, оторвались съ своихъ мѣстъ и полетѣли въ уголъ, но были пойманы и привязаны опять...

„Боже мой! кто выдумалъ путешествія!“ невольно съ горестію воскликнулъ я: „ѣдешь четвертый мѣсяцъ, только и видишь холодъ и качку, качку и холодъ!“ Кто-то засмѣялся. „Ахъ, это вы!“ сказалъ я, увидя, что въ каютѣ стоитъ, держась рукой за потолокъ, самый высокій изъ моихъ товарищей, К. Л. „Да, право!“ продолжалъ я: „гдѣ же это синее море, да глубокое небо, да теплота, птицы какія-то, да рыбы, которыхъ, говорятъ, видно на самомъ днѣ?“

Ну, вотъ и буря, и качка, и все-таки и о бурѣ, и о качкѣ разсказано съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ тою же сдержанною умѣренностью, съ какими разсказано было объ океанѣ въ покоѣ и тишинѣ. Мы уже замѣтили: нашъ авторъ всегда вѣренъ самому себѣ — онъ разсказываетъ всегда тихо и спокойно, его не раздражишь. Правда, проявляются и въ немъ иногда признаки нетерпѣнія, но это только тогда, когда *оскорбляется его эстетическое чувство:* въ Маниллѣ ему показываютъ Августинскій монастырь; ему особенно нравится большая церковь; „можно бы увлечься, — говоритъ онъ, — этими стройными высокими арками, легкимъ куполомъ; но живопись мѣшаетъ, колетъ глаза; такъ и преслѣдуютъ васъ эти яркія, то красныя, то синія пятна; скульптура еще больше. Является какое-то артистически болѣзненное раздраженіе нервовъ. Никакой терпимости, никакого снисхожденія нѣтъ въ человѣкѣ, когда оскорблено его эстетическое чувство“.

Кто-то изъ нашихъ критиковъ замѣтилъ, что интересно бы сравнить Атлантическій океанъ и качку Гончарова съ Атлантическимъ океаномъ и качкою Диккенса; но мы сравнивать не станемъ, а скажемъ только, что у обоихъ описанія мастерскія. По нашему мнѣнію, интереснѣе сравнить, что занимаетъ того и другого путешественника на берегу, что они описываютъ, на что обращаютъ особенное вниманіе. Правда, что они были на разныхъ берегахъ, но и на разныхъ берегахъ есть предметы общіе, сходные, а главное — вездѣ есть люди, вездѣ есть какое-нибудь общество.

Неугодно ли просмотрѣть хоть одну главу изъ замѣтокъ Диккенса — главу 3-ю, Бостонъ. Она начинается замѣткою о таможнѣ, потомъ говорится о кембриджскомъ университетѣ, о вліяніи его на общество въ Бостонѣ, потомъ объ общественныхъ учрежденіяхъ и благотворительныхъ заведеніяхъ, объ институтѣ для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, о госпиталѣ для умалишенныхъ, объ исправительномъ домѣ для молодыхъ преступниковъ, о другомъ исправительномъ домѣ для взрослыхъ преступниковъ, въ которомъ введена система молчанія, но гдѣ заключеннымъ позволено видѣть другъ друга и работать вмѣстѣ, о тюремной работѣ, о множествѣ другихъ, въ высшей степени интересныхъ для всякаго мыслящаго человѣка предметахъ. Здѣсь разсказана цѣлая исторія образованія той дѣвочки, Лауры, которая, бывъ лишена слуха, зрѣнія, голоса, обонянія, почти вкуса, только посредствомъ осязанія была доведена до нравственно разумнаго общенія съ другими, окружающими ее людьми — это великая побѣда ума и человѣколюбія надъ природою, о которой никто не вспомнитъ безъ глубочайшаго уваже-

нія. Здѣсь указанъ способъ, которымъ американцы спасаютъ отъ порока и его послѣдствій молодыхъ преступниковъ: изъ бостонскаго исправительнаго дома (Housa of reformation for juvenile offenders) молодой преступникъ выходитъ чистымъ и полезнымъ гражданиномъ. Но сколько еще интересныхъ предметовъ найдемъ мы въ книгѣ Диккенса! — о Лоэльскихъ фабрикахъ, о дѣвушкахъ, работающихъ на нихъ, о ихъ образѣ жизни, о ихъ образованіи, о издаваемомъ ими журналѣ...

Перечень предметовъ, входящихъ въ составъ этой главы, показываетъ, что Диккенсъ посвятилъ много времени изученію Бостона, и потому-то глава эта такъ разнообразна. Отъ Гончарова нельзя требовать такой полноты и отчетливости и потому его можно сравнивать съ Диккенсомъ лишь въ отношеніи мастерства разсказа и художественности.

Въ Маниллѣ нашъ путешественникъ осматривалъ сигарную фабрику. „Вошли въ длинную залу, — говоритъ онъ о себѣ и своихъ спутникахъ, — съ такимъ же жиденькимъ потолкомъ, какъ вездѣ, поддерживаемымъ рядомъ деревянныхъ столбовъ. Въ залѣ, на полу, передъ низенькими, длинными, деревянными скамьями, сидѣло съ обѣихъ сторонъ рядами до пяти или семисотъ женщинъ, тагалокъ, отъ пятнадцатилѣтняго возраста до зрѣлыхъ лѣтъ: у каждой было по круглому, гладкому камню въ рукахъ, а рядомъ на полу, лежало по кучѣ листоваго табаку. Эти дамы выбирали изъ кучи по листику, раскладывали его передъ собой на скамьѣ и колотили каменьями такъ неистово, что нельзя было не только слышать другъ друга, даже мигнуть. Сколько головъ повернулось къ намъ, сколько черныхъ лукавыхъ глазъ обратилось на насъ! Всѣ молчали, никто ни слова, но глазами дѣйствовали такъ сильно, а руками еще сильнѣе. Вѣроятно, онѣ замѣтили, по нашимъ гримасамъ, что непривычнымъ ушамъ неловко отъ этого стуку, и пріударили, что было силъ; бо́льшая часть едва удерживали смѣхъ, видя, что вмѣстѣ съ усиленнымъ стукомъ усилились и страдальческія гримасы на нашихъ лицахъ. Это для нихъ было неожиданнымъ развлеченіемъ и кокетствомъ въ своемъ родѣ. Молодые мои спутники не очень, однакожъ, смущались шумомъ; они останавливались передъ нѣкоторыми работницами и ухитрялись какъ-то не только говорить между собою, но и слышать другъ друга. Я хотѣлъ-было что-то спросить у Кармена, но не слыхалъ и самъ, что̀ сказалъ. Къ этому еще вдобавокъ въ залѣ разливался запахъ какого-то масла, конечно, табачнаго, довольно непріятный. Но вотъ ужъ мы выходимъ изъ залы. „Сейчасъ это кончится“ утѣшалъ я себя: мы въ самомъ дѣлѣ вышли, но опять въ другую, точно такую же залу, за ней въ дальней перспективѣ видна была еще зала; съ каждымъ нашимъ шагомъ впередъ открывались еще и еще. „Да сколько же тутъ женщинъ?“ спросилъ я въ маленькомъ пустомъ промежуткѣ между двухъ залъ. „Отъ восьми до девяти тысячъ“. — „Восемь — девять тысячъ“! повторилъ я въ изумленіи, глядя на эти, большею частью, недурныя головки и коричневыя лица, сидѣвшія плотными рядами, какъ на смотру“...

А какъ живутъ эти восемь-девять тысячъ, что получаютъ, что вырабатываютъ, какова ихъ судьба, трудно или легко имъ жить на свѣтѣ? Къ сожалѣнію, автору некогда было входить въ такіе распросы. Но авторъ остался недоволенъ Маниллою: „здѣсь танцуютъ и много танцуютъ, спятъ тоже много, и краснѣютъ всего, что похоже на свое“. Значитъ: вездѣ одно и то же, вездѣ одинъ и тотъ же человѣкъ!

Мы однакожъ ничего еще не сказали о главномъ предметѣ нашего разбора: о книгѣ Гончарова „Русскіе въ Японіи въ 1853 и 1854 годахъ“. Пора намъ обратиться къ ней. И въ ней опять. та же прелесть языка, та же увлекательность разсказа. Впрочемъ, это уже вопросъ рѣшеный: разсказъ Гончарова не требуетъ похвалъ. Въ немъ почти никогда не встрѣтишь неудачнаго выраженія, или картины, оскорбляющей эстетическое чувство. Но мы не можемъ, однакожъ, разстаться съ статьею Гончарова о Маниллѣ, не выписавъ одного роскошнаго, страстнаго *гимна* природѣ (извините за выраженіе, приличнѣе этого названія мы придумать не могли).

„И вечеромъ, въ этомъ душномъ томленіи воздуха, въ этомъ лунномъ пронзительномъ лучѣ, въ тихо-качающихся пальмахъ, въ безмятежномъ покоѣ природы, есть что-то такое, что давитъ мозгъ, шевелитъ нервы, тревожитъ воображеніе и родитъ безпокойные сны и грёзы. Сидя по вечерамъ на верандѣ, я чувствовалъ такую же тоску, какъ въ прошломъ году въ Сингапурѣ. Наслаждаешься и страдаешь, нѣга и боль. Тоска, тоска такая же, какую испытываетъ человѣкъ въ страстной ласкѣ безпредѣльно любящаго его существа. Мучишься томительнымъ сознаніемъ, что дожилъ уже до границъ страсти, что дальше ей ходу нѣтъ, что нѣтъ впереди желаній и увлеченій, а есть уныніе, пресыщеніе, или боязнь, что страсть должна или пойти назадъ, или сокрушиться и сокрушить это любящее существо. И вы съ грустью принимаете ласку. Та же тоска лежитъ и въ предчувствіи, что завтра встанетъ то же солнце, такъ же горячо протечетъ по безоблачному небу и измучитъ своей безпощадной щедростью природу. Больно и сладко... Отчего же сладко, отчего нѣга? Оттого, кажется, что вы испытали и раздѣлили эту страсть, что по жиламъ вашимъ пробѣжалъ огонь и измучилъ васъ, оставилъ съ болью ощущеній и остроту наслажденій, и потомъ далъ вамъ отдыхъ, бездѣйствіе и воспоминаніе. И эта жаркая природа, обласкавъ васъ страстно, напутствуетъ сонъ вашъ такими богатыми грёзами, какихъ не приснится на сѣверѣ. И все-таки не останешься жить въ Маниллѣ, все захочешь на сѣверъ; пусть тамъ, кромѣ снѣга, не приснится ничего! Не нашимъ нервамъ выносить эти жаркія ласки и могучія изліянія силъ здѣшней природы“.

Читатель, помните ли вы ту картину, на которой представленъ мужчина, цѣлующій страстно любимую женщину? Помните ли вы на ея лицѣ выраженіе глубоко-страдальческаго наслажденія? Она и отталкиваетъ и принимаетъ поцѣлуй... Не та же ли картина въ этихъ

роскошныхъ рѣчахъ: „наслаждаешься и страдаешь, нѣга и боль. Тоска, тоска такая же, какую испытываетъ человѣкъ въ страстной ласкѣ безпредѣльно-любящаго его существа?“

Но, наконецъ, мы рѣшительно переносимся, вмѣстѣ съ авторомъ, на крайній Востокъ — въ Японію.

Вотъ эта имперія своеобразная, оригинальная, мало извѣстная, не совсѣмъ, впрочемъ, ужъ неизвѣстная: есть и у насъ и у западныхъ европейцевъ нѣсколько отличныхъ сочиненій объ этой странѣ; вспомнимъ „Записки Василія Михайловича Головнина въ плѣну у Японцевъ въ 1811, 1812 и 1813 годахъ“, гдѣ такъ драматически разсказанъ плѣнъ автора съ его товарищами, и гдѣ такъ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній о Японіи. Записки В. М. Головнина напечатаны въ 1851 г., а въ 1852 г. въ „Современникѣ“ помѣщено нѣсколько статей Корша о Японіи и японцахъ, очень добросовѣстно составленныхъ. Теперь Гончаровъ предлагаетъ публикѣ свои путевыя замѣтки о Японіи. Русская эскадра, на которой находился и нашъ авторъ, стояла на рейдѣ Нагасакскомъ въ 1853 году, съ 10 августа по 11 ноября, и въ 1854 г. въ январѣ мѣсяцѣ нѣсколько недѣль.

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ ошибку на заглавномъ листѣ книги: тамъ сказано: „Русскіе въ Японіи въ началѣ 1853 и въ концѣ 1854 годовъ“, тогда какъ наоборотъ — русскіе были въ Японіи въ концѣ 1853 и въ началѣ 1854 годовъ. Слѣдовательно, авторъ нашъ прожилъ въ Японіи или у береговъ ея нѣсколько мѣсяцевъ. Не ожидайте, впрочемъ, отъ него подробныхъ свѣдѣній объ этой странѣ и ея жителяхъ, онъ вамъ ихъ не дастъ. Началъ было онъ доказывать, что японцы и китайцы родня между собою (что не совсѣмъ согласно — скажемъ мимоходомъ — съ мнѣніемъ В. М. Головнина, который говоритъ: „языкъ японцевъ, черты лица, нравы, законы, обычаи, все свидѣтельствуетъ, что они никогда не составляли одного народа съ китайцами“, Ч. 3, стран. 7), началъ было разсуждать о происхожденіи японскаго народа, да тотчасъ и остановился. „Избавляю себя и васъ отъ дальнѣйшихъ воззрѣній и догадокъ: разсмотрите эти вопросы на досугѣ, въ кабинетѣ, съ помощью ученыхъ источниковъ. Дайте мнѣ просто путешествовать и разсказывать, что вижу и слышу“. Слѣдовательно, и требовать отъ автора разрѣшенія этихъ вопросовъ нельзя, а то онъ вамъ отвѣтитъ то же, что замѣтилъ объ островѣ Мадерѣ: вы хотите знать о мѣстныхъ властяхъ, о числѣ жителей? *жителей всѣхъ я не видалъ, властей тоже...*

Послушаемъ, что видѣлъ авторъ въ Японіи? Хотя и въ ней жителей всѣхъ и властей онъ тоже не видалъ, но мы убѣдимся, что ему не всегда нужно видѣть всѣхъ жителей, для того, чтобъ представить мѣткую и живую характеристику народа.

Какъ сказано, пришла русская эскадра на рейдъ Нагасакскій 10 августа 1853 года. Тотчасъ же вышла къ ней навстрѣчу японская лодка съ четырьмя японцами, двумя голыми и двумя въ синихъ кофтахъ и халатахъ, съ бритыми головами и узенькими косичками,

зачесанными съ затылку на самыя маковки. Черезъ полчаса явились другіе японцы, одѣтые по-богаче. Эти привезли бумагу съ обыкновенными предостереженіями: не выходить на берегъ, не обижать японцевъ, стоять на первомъ рейдѣ, „въ избѣжаніе *большихъ непріятностей*“, прибавлено въ бумагѣ, безъ объясненія, для кого. Японское правительство, говоритъ авторъ, требуетъ безусловнаго исполненія своихъ предписаній, а нельзя исполнить — виноватъ исполнитель и обязанъ въ наказаніе распороть себѣ брюхо. Если бы нагасакскому губернатору предписано было истребить русскую эскадру, онъ бы, конечно, не могъ, но все долженъ бы стараться объ этомъ, и въ случаѣ неудачи, распороть себѣ брюхо. Пороть брюхо — входитъ въ систему воспитанія: это важная статья! Въ избѣжаніе такихъ непріятностей, губернаторъ поспѣшилъ прислать русской эскадрѣ разрѣшеніе итти и на второй рейдъ, потомъ и на третій. Вообще наши суда получали много такихъ разрѣшеній, которыхъ и не думали требовать, все въ избѣжаніе большихъ непріятностей — теперь ясно для кого.

И вотъ, начали ѣздить къ нашимъ мореплавателямъ японскія власти въ кофтахъ и халатахъ, и даже въ юбкахъ, и опперъ-толки и ондеръ-толки, т.-е. переводчики старшіе и младшіе, которыхъ здѣсь до 60 человѣкъ, и гокейнсы, и опперъ-баніосы, и секретари, и всевозможные чиновники, и притомъ всегда по-двое, никогда въ одиночку: одинъ старшій говоритъ, другой младшій подслушиваетъ, по-іезуитски. И вотъ посыпались вопросы: откуда пришли, когда вышли, котораго числа, слолько людей на каждомъ кораблѣ, сколько пушекъ... Губернатору привезли письмо: „отчего же одно письмо привезли на четырехъ судахъ?“ Мы на все отвѣчали, говоритъ Гончаровъ, и не могли воздержаться отъ улыбки, глядя на эти мягкія, гладкія, бѣлыя, изнѣженныя лица, лукавыя и смышленыя физіономіи, на кофты, на косички и на присѣданья“.

И думали мы, между тѣмъ, говоритъ авторъ: „зачѣмъ же такъ пусты и безжизненны эти прекрасные берега, зачѣмъ такъ скучно смотрѣть на нихъ, до того, что и выйти не хочется? Скоро ли же это все заселится, оживится? Мы спрашиваемъ объ этомъ здѣсь у японцевъ, затѣмъ и пришли, да вотъ, не можемъ добиться отвѣта. Чиновники говорятъ, что надо спросить у губернатора, губернаторъ пошлетъ въ Іеддо къ Сіогуну или Кубо, намѣстнику, а тотъ пошлетъ въ Міако, къ Даири, или Микадо“. И они безъ сомнѣнья послали: ужъ таковъ этотъ народъ, на все ему надо разрѣшеніе отъ кого-нибудь, а какъ разрѣшеніе надо для каждаго, то вопросъ и доходитъ до самаго верху. И все они посылаютъ въ Іеддо. Имъ замѣтили, что напрасно они обременяютъ себя и другихъ безполезными вопросами. „Въ Іеддо надо послать“, былъ отвѣтъ. И все вопросы слѣдовали одинъ за другимъ, одинъ другого безполезнѣе. „И все надо въ Іеддо послать“.— Все! — „Ну, много же у васъ дѣла въ Іеддо“.

Кстати здѣсь припомнить, какимъ множествомъ вопросовъ засыпанъ былъ японцами нашъ Головнинъ: какой у него чинъ, фамилія,

имя, отчество, сколько лѣтъ, живы ли отецъ и мать, какъ зовутъ отца, есть ли братья, сколько ихъ, женатъ ли, дѣти есть ли, изъ какого онъ города, почему люди изъ разныхъ городовъ служили на одномъ кораблѣ, сколько людей было у него подъ командою, что онъ дѣлалъ на берегу, отчего косы нѣтъ на головѣ, бываютъ ли въ Россіи такія грозы, какъ въ Японіи, носятъ ли русскіе шелковое платье, сколько оконъ въ государевомъ дворцѣ, и т. д. „Нельзя дать счета вопросамъ, которые сдѣлалъ намъ баніосъ въ продолженіе этого времени“, говоритъ В. М. Головнинъ. „Спросивъ о какомъ-нибудь одномъ предметѣ, къ нашему дѣлу принадлежащемъ, предлагалъ онъ послѣ того сто постороннихъ, ничего незначащихъ и даже смѣшныхъ вопросовъ.

„...При взятіи насъ (въ плѣнъ), у меня было въ карманѣ десять или двѣнадцать ключей отъ моихъ комодовъ и отъ казенныхъ астрономическихъ инструментовъ. Баніосъ хотѣлъ знать, что въ каждомъ ящикѣ и за какимъ ключемъ лежитъ; а когда я, показавъ на мою рубашку, сказалъ, что въ одномъ сундукѣ такія вещи, то онъ тотчасъ спросилъ: сколько ихъ тамъ? Не знаю, отвѣчалъ я съ сердцемъ; это знаетъ мой слуга. Тогда вдругъ послѣдовали вопросы: сколько у меня слугъ, какъ ихъ зовутъ, сколько имъ отъ роду лѣтъ“... (Записки Головнина, ч. I, стран. 131.)

Но возвратимся къ разсказу Гончарова. Японцамъ дали знать, что намъ нужно мѣсто на берегу и провизія. Провизію стали присылать, о мѣстѣ надо въ Іеддо спросить — губернаторъ пошлетъ въ верховный совѣтъ, совѣтъ къ сіогуну, сіогунъ въ Микадо... и пошла переписка, и пошла... Но въ три мѣсяца разрѣшеніе не пришло. Можно бы конечно, было занять мѣсто, для повѣрки хронометровъ, и безъ разрѣшенія; но нашъ адмиралъ желалъ дѣйствовать безъ насилія, кроткими мѣрами. Впослѣдствіи и предлагали, правда, мѣста на берегу, но неудобныя и съ разными затрудненіями, почему адмиралъ и отказался отъ нихъ.

Вообще нельзя себѣ представить тѣхъ затрудненій, съ которыми всякое дѣло дѣлается въ этой загадочной сторонѣ: мы сказали, что японцы доставляли провизію эскадрѣ; но какъ доставляли? „Вотъ сегодня одна партія (японцевъ) пріѣхала сказать, что другая везетъ свинью, и точно привезли. Вчера не преминули дать знать, что привезутъ воды, и потомъ привезли. Даже и ту воду, которая слѣдовала на корветъ, они привезли сначала къ намъ на фрегатъ, сказать, что привезли, а потомъ ужъ на корветъ, который стоитъ саженъ на 150 ближе къ городу“...

Каково же было уладить съ ними церемоніалъ свиданія нашего полномочнаго съ губернаторами! нѣсколько дней сряду, по нѣскольку разъ въ день, пріѣзжали чиновники изъ Нагасаки все съ условіями о церемоніалѣ. Вопросъ былъ о томъ: стоять или сидѣть при свиданіи? Японцы предложили, чтобъ наши сидѣли на полу, на пяткахъ, какъ они сами сидятъ. Имъ объявили, что мы такъ сидѣть не умѣемъ;

а вотъ не хочетъ ли губернаторъ сидѣть по-нашему, на креслахъ. 5-го сентября возникъ этотъ важный вопросъ. „На другой день, рано утромъ явились японцы, середи дня опять японцы, къ вечеру они же. То и дѣло пріѣзжаетъ ихъ длинная, широкая лодка съ шелковымъ хвостомъ на носу, съ разрубленной кормой. Это младшіе *толки* ѣдутъ сказать, что сейчасъ будутъ старшіе *толки*, а тѣ возвѣщаютъ уже о прибытіи гонейнсовъ. Зачѣмъ еще? „Да все о церемоніалѣ". „Опять"? „Мнѣніе губернатора привезли". „Ну"? „Губернаторъ проситъ, нельзя ли на полу-то намъ посидѣть"?...

Но на полу наши сидѣть не согласились, а сѣли на своихъ стульяхъ, которые привезли съ собою. Мы однакожъ не будемъ описывать этого свиданія — пришлось бы просто списать нѣсколько страницъ — такъ въ нихъ много оригинальнаго и комическаго. Свиданіе было 9 сентября. Послѣ этого эскадра, 11 ноября, отплыла въ Шанхай, чтобъ запастись провизіей и узнать, что дѣлается въ Европѣ, тѣмъ болѣе, что нагасакскія власти объявили, что они до прибытія полномочныхъ изъ Іеддо ничего сдѣлать не могутъ. Но въ концѣ декабря 1853 г. эскадра опять возвратилась въ Нагасаки. 31-го декабря состоялось свиданіе нашего адмирала съ полномочными вельможами изъ Іеддо. Теперь ужъ я рѣшительно долженъ выписать нѣсколько страницъ изъ книги Гончарова: онъ, конечно, не посѣтуетъ на меня за это: занимательность его книги отъ нѣсколькихъ выписокъ не уменьшится, ее все-таки надо будетъ прочесть всю, ежели захотите насладиться всею ея прелестью, ибо прелесть-то и есть во всей книгѣ, а не въ нѣсколькихъ выпискахъ.

„1854 годъ 1/13 января. Съ Новымъ годомъ! Какъ вы провели старый и встрѣтили Новый годъ? Какъ всегда! собрались по обыкновенію, танцовали, шумѣли, играли въ карты, потомъ зѣвнули не разъ, ожидая боя полночи, поймали, наконецъ, вожделѣнную минуту и взялись за бокалы. Все одно, какъ пять, десять лѣтъ назадъ. Въ первый разъ въ жизни случилось мнѣ провести послѣдній день стараго года какъ-то иначе, не похоже ни на что прежнее. Я обѣдалъ въ этотъ день у японскихъ вельможъ! Слушайте же, если вамъ не скучно, подробный разсказъ обо всемъ, что я видѣлъ вчера. Не берусь одѣвать всѣ вчерашнія картины и сцены въ ихъ оригинальный и яркій колоритъ; обѣщаю одно: вѣрное, до добродушія, сказаніе о томъ, какъ мы провели вчерашній день.

„Назначено было отвалить намъ отъ фрегата въ 11 часовъ утра. Но извѣстно, что часъ и назначаютъ за тѣмъ, чтобъ только знать, на сколько пріѣхать позже назначеннаго времени: такъ заведено въ хорошемъ обществѣ. И мы, какъ люди хорошаго общества, отвалили въ половинѣ перваго.

„...Да, я забылъ сказать, что за полчаса до назначеннаго времени, пріѣхалъ, какъ и въ первый разъ, старшій послѣ губернатора въ городѣ чиновникъ, сказать, что полномочные ожидаютъ насъ. За нимъ, по японскому обычаю, тянулся цѣлый хвостъ баніосовъ и про-

чаго всякаго чина. Чиновникъ выпилъ чашку чаю, двѣ рюмки вишневой наливки и уѣхалъ. Только японцы стали садиться въ лодки, какъ адмиралъ поручилъ Посьету сказать переводчикамъ, чтобы баніосы велѣли всѣмъ японскимъ лодкамъ подальше отойти отъ фрегата: салютовать, дескать, будутъ. Заранѣе онъ извѣщать объ этомъ не хотѣлъ, предвидя со стороны губернаторовъ возраженія и просьбы — не салютовать. Баніосы такъ и оцѣпенѣли отъ этой неожиданной новости. Одинъ занесъ было ногу на трапъ, чтобъ сойти, да и остался на нѣсколько секундъ съ поднятой ногой. Вся толпа остановилась за нимъ, а старшій чиновникъ сидѣлъ уже въ своей лодкѣ и ждалъ другихъ. Очнувшись, баніосъ побѣжалъ къ нему передать новость и тотчасъ же воротился, съ просьбою не салютовать, подождать пока они дадутъ знать губернатору. Этого-то и не хотѣли. „Некогда, некогда“, торопили мы ихъ: „поѣзжайте скорѣе, мы сейчасъ сами ѣдемъ“. Нейдутъ въ лодки, да и только, все стоятъ у трапа, упрашиваютъ. Мы предвидѣли смущеніе японцевъ и не могли удержаться отъ смѣха. Я слышу слова misverstand отъ переводчика и подхожу узнать, что такое: онъ говоритъ, что на ихъ баттареяхъ люди не предупреждены о салютѣ и оттого выйдетъ *недоразумѣніе*: станутъ, пожалуй, палить и они. „Нужды нѣтъ, пусть палятъ, — говорятъ имъ: такъ и слѣдуетъ — отвѣчать на салютъ“. Все не рѣшаются уходить. „Пора, пора, — торопили ихъ, — сейчасъ будутъ палить: вонъ ужъ пошли по орудіямъ“. Давно бы надо было сказать такъ. Раздалось такое дружное топанье соломенныхъ сандалій по трапу, какого, кажется, еще не было. Они уѣхали и увели съ собою всѣ лодки. Тронулись съ мѣста и мы. Только зашли наши шлюпки за носъ фрегата, какъ изъ бока его вырвался клубъ дыма, грянулъ выстрѣлъ, и вдругъ горы справа, молча, цѣлые вѣка, стоявшія тутъ безъ всякаго дѣла, проснулись и всѣ разомъ затрещали эхомъ, какъ-будто какой-нибудь гигантъ закатился хохотомъ. Другой выстрѣлъ, за нимъ выстрѣлъ на корветѣ, опять у насъ, опять тамъ; хохотъ въ горахъ удвоился. Выстрѣлы повторялись: то раздавались на обоихъ судахъ въ одно время, то перегоняли другъ-друга — горы выходили изъ себя, а губернаторы, вѣроятно, пуще ихъ. Если *японскому глазу больно*, какъ выразился губернаторъ въ первое свиданіе, видѣть чужія суда въ ихъ портахъ, то японскому уху еще, я думаю, больнѣе слышать ревъ чужихъ пушекъ. Ихъ пушки малы и выстрѣлы не будили горъ. Я смотрѣлъ на японскія баттареи — нигдѣ никакого оживленія, всѣ какъ-будто спрятались, только двѣ собаки мечутся взадъ и впередъ, и ищутъ мѣста спрятаться, да негдѣ: побѣгутъ отъ выстрѣла къ горамъ, а оттуда гонитъ ихъ эхо. Но кончилось: пушки замолчали, горы опять заснули, собаки успокоились, на высотахъ показалось нѣсколько длиннополыхъ японскихъ фигуръ... Мы быстро двигались впередъ, мимо знакомыхъ уже прекрасныхъ бухтъ, холмовъ, скалъ, лѣсковъ. Я занялся тѣмъ же, чѣмъ и въ первый разъ, т.-е. мысленно уставлялъ всѣ эти пригорки и рощи храмами, дачами, бесѣдками и статуями, а воды залива паро-

ходами и чащей мачтъ. Берега населялъ европейцами: мнѣ ужъ виднѣлись дорожки парка, скачущія амазонки. А ближе къ городу снялись факторіи, русская, американская, англійская...

„Наконецъ, надо же и совѣсть знать, пора и пріѣхать. Въ этомъ японскомъ, по преимуществу, тридесятомъ государствѣ можно еще оправдываться и тѣмъ, что скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Чуть ли эта поговорка не здѣсь родилась и перешла, по сосѣдству съ Востокомъ, и къ намъ. Но мы выросли, и поговорка осталась у насъ въ сказкахъ.

„...Потомъ пошло все по прежнему, т.-е. музыканты, караулъ все стояло на своихъ мѣстахъ. И японскія войска разставлены были по обѣимъ сторонамъ дороги, т.-е. тѣ же солдаты съ картонными шапками на головахъ и ружьями или quasi-ружьями въ чехлахъ, ноги врозь и колѣни впередъ. И лошадь была тутъ, которой я не замѣтилъ, и норимоны, и старикъ съ сонными глазами, и толпа переводчиковъ, и баніосы. Японцы, подобравъ халаты, забывъ важность, пустились за нами, вприпрыжку, бѣгомъ, теряя туфли, чтобы поспѣть къ дому прежде насъ. Въ сѣняхъ сидѣли на пяткахъ тѣ же лица, но на крыльцѣ стоялъ по уговору, младшій изъ полномочныхъ... Онъ пошелъ впередъ и мы за нимъ. По анфиладѣ разсажено было менѣе чиновниковъ, нежели въ первый разъ. Мы толпой вошли въ пріемную залу. По этимъ мирнымъ галлереямъ не раздавалось, можетъ быть, никогда такого шума и движенія. Здѣсь въ бѣлыхъ бумажныхъ чулкахъ скользили доселѣ точно тѣни, незамѣтно отъ самихъ себя, японскіе чиновники, пробираясь иногда ползкомъ — вдругъ раздались такіе крѣпкіе шаги.

„Въ ту минуту, какъ мы вошли въ пріемную залу, отодвинулись кулисы, ширмы съ противоположной стороны и оттуда выдвинулись, медленно, одинъ за другимъ, всѣ полномочные...

„Я сталъ разсматривать каждое лицо отдѣльно и долженъ былъ сознаться, что картинки, на которыхъ рисуютъ отдаленныхъ народовъ, еще не вполнѣ передаютъ дѣйствительность. Нарисуй я эти четыре, стоящія передъ нами фигуры, и вы не повѣрите мнѣ. Всѣ четверо полномочныхъ были въ широкихъ мантіяхъ изъ богатой, толстой, какъ лубокъ, шелковой съ узорами матеріи, которая едва сжималась въ складки. Рукава къ кисти были чрезвычайно широкіе. Спереди отъ самаго подбородка до пояса висѣлъ изъ той же матеріи нагрудникъ. Внизу обыкновенный халатъ и юбка, конечно, шелковые же... У всѣхъ четырехъ полномочныхъ и губернаторовъ тоже на головѣ поставлена была на маковку вверхъ дномъ маленькая черная съ гранью коронка, очень похожая формой на дамскія рабочія корзиночки, и, пожалуй, на кузовки, съ которыми у насъ бабы ходятъ за грибами. Коронки эти дѣлаются изъ папье-маше... Все бы еще ничего: но у третьяго полномочнаго, у обоихъ губернаторовъ и еще у одного чиновника шелковыя панталоны продолжались на аршинъ далѣе ногъ. Губернаторы едва шли, съ трудомъ поднимая ноги... Глядя на фигуру стоящаго въ полной формѣ японца, съ нѣсколько поникшей головой, въ этой

мантіи, съ коробочкой на лбу и въ безконечныхъ панталонахъ, поневолѣ подумаешь, что какой-нибудь проказникъ когда-то задалъ себѣ задачу одѣть человѣка, какъ можно неудобнѣе, такъ чтобъ ему нельзя было не только ходить и бѣгать, но даже шевелиться. Японцы такъ и одѣты. Шевелиться въ этой одеждѣ мудрено. Она выдумана затѣмъ, чтобъ сидѣть и важничать въ ней"...

Но вотъ, заговорили полномочные.

„Началъ старикъ. Мы такъ и впились въ него глазами. Старикъ очаровалъ насъ съ перваго раза. Такіе старички есть вездѣ, у всѣхъ націй. Морщины лучами окружали глаза и губы. Въ глазахъ, въ голосѣ, во всѣхъ чертахъ свѣтилась старческая умная и привѣтливая доброта, плодъ практической мудрости. Всякому, кто ни увидитъ этого старичка, захотѣлось бы выбрать его въ дѣдушки".

Неправда ли, какой милый, привлекательный портретъ? А вотъ портретъ другого полномочнаго.

„Кавадзи Япотъ всѣмъ намъ понравился, если не больше, такъ, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько старикъ Тсутсуй, хотя иначе, въ другомъ смыслѣ. Онъ былъ очень уменъ, а этого не уважать мудрено, несмотря на то, что умъ свой онъ обнаруживалъ искусной діалектикой противъ насъ же самихъ. Но каждое слово его, взглядъ, даже манеры, все обличало здравый умъ, остроуміе, проницательность и опытность. Умъ вездѣ одинаковъ: у умныхъ людей есть одни общіе признаки, какъ и у всѣхъ дураковъ, несмотря на различіе націй, одежды, языка, религій, даже взгляда на жизнь. Мнѣ нравилось, какъ Кавадзи, опершись на богатый вѣеръ, смотрѣлъ и слушалъ, когда рѣчь обращена была къ нему. До половины рѣчи, ротъ его былъ полуоткрытъ, взглядъ немного озабоченъ: признаки напряженнаго вниманія, на лбу, въ мѣняющихся узорахъ легкихъ морщинъ, замѣтно отражалось, какъ собирались въ головѣ у него, одно за другимъ, понятія и какъ формировался изъ нихъ общій смыслъ того, что ему говорили. Послѣ половины рѣчи, когда, повидимому, онъ схватывалъ главный смыслъ ея, ротъ у него сжимался, складки исчезали на лбу, все лицо свѣтлѣло: онъ зналъ уже, что отвѣчать. Если вопросъ противной стороны заключалъ въ себѣ, кромѣ сказаннаго, еще другой „скрытый" смыслъ, у Кавадзи невольно появлялась легкая улыбка. Когда онъ самъ начиналъ говорить и говорилъ долго, онъ весь былъ въ своей мысли, и тогда въ глазахъ прямо свѣтился умъ".

Но мы нарушили порядокъ разсказа о свиданіи нашего адмирала съ полномочными. Мы прервали свой разсказъ на томъ, что говорилъ старшій полномочный. Онъ поздравлялъ адмирала съ пріѣздомъ и желалъ ему добраго здоровья. Потомъ заговорилъ онъ привѣтствія командиру судна и всѣмъ офицерамъ. „Но эти официальныя выраженія чувствъ, очень хорошія въ устахъ Овосавы (губернатора), какъ-то не шли къ нему. Онъ смотрѣлъ такъ ласково и доброжелательно на насъ, какъ-будто хотѣлъ сказать что-нибудь другое, искреннѣе. И дѣйствительно послѣ сказалъ".

За старикомъ заговорили три остальные полномочные, потомъ губернаторы, все тѣ же привѣтствія.

„Мнѣ не вѣрилось, что все это дѣлается на яву. Въ иную минуту казалось, что я ребенокъ, что няня разсказала мнѣ чудную сказку о неслыханныхъ людяхъ, а я заснулъ у ней на рукахъ и потомъ вижу все это во снѣ. Да гдѣ же это я, въ самомъ дѣлѣ? Кто кругомъ меня съ этими бритыми лбами, смуглыми щеками, какъ у мумій, съ поникшими головами и полуопущенными вѣками, въ длинныхъ широкихъ одеждахъ, изображаемыхъ на старыхъ картинахъ, неподвижные, едва шевелящіе губами, изъ-за которыхъ болѣзненно, съ подавленными вздохами, вырываются неуловимые для нашего уха, глухіе звуки? Ужъ не древніе ли покойники встали изъ тысячелѣтнихъ гробницъ и собрались на совѣщаніе? Ходятъ ли они, улыбаются ли, поютъ ли, пляшутъ ли? Знаютъ ли нашу человѣческую жизнь, наше горе и веселье, или забыли въ долгомъ снѣ, какъ живутъ люди? Что за домъ, за комната: окна заклеены бумагой, въ комнатѣ тускло и сыро, какъ въ склепѣ, кругомъ золоченыя ширмы, съ изображеніемъ аистовъ — эмблемы долголѣтія? Крышу поддерживаетъ рядъ простыхъ, четырехугольныхъ деревянныхъ столбовъ, она безъ потолка, изъ тесаныхъ досокъ, домъ первобытной постройки, какъ его выдумали первые люди...

Это истинная поэзія... на всемъ, что пишетъ Гончаровъ, какая-то неуловимая прелесть.

Но этимъ поэтическимъ мѣстомъ, мы рѣшительно намѣрены окончить списываніе того волшебнаго представленія, которое происходило для Гончарова на яву. Какъ живо, какъ мѣтко, какъ наглядно представлены всѣ эти лица, съ которыми входилъ въ соприкосновеніе нашъ авторъ въ Нагасаки. Если замѣткамъ его о другихъ мѣстахъ нельзя не сдѣлать упрека, что въ нихъ туземный человѣкъ вездѣ заслоненъ чѣмъ-нибудь постороннимъ и почти никогда его не видно изъ-за пальмъ и кедровъ, то нельзя не отдать замѣткамъ его о Японіи справедливости и въ томъ, что здѣсь вездѣ человѣкъ на первомъ планѣ и вездѣ передъ вами, какъ живой стоитъ, ласковый, изнѣженный, но вмѣстѣ съ тѣмъ смышленый и хитрый японецъ въ своихъ вѣчныхъ кофтахъ, халатахъ и юбкахъ, съ своими неизмѣнными хи-хи-хи, хи-хи-хи, поклонами и присѣданьями, до того поразительный, что вы непремѣнно увидите его во снѣ.

Изрѣдка даже появляется изъ-за фаланги японскихъ властей въ юбкахъ и простой народъ, уже безъ всякаго костюма. „Да смѣется ли этотъ народъ? судя по голымъ, совершенно голымъ, палимымъ зноемъ гребцамъ, изъ которыхъ вонъ трое завернулись, сидя на лодкѣ, въ одно какое-то пестрое одѣяло отъ солнца, нельзя думать, чтобъ народъ очень улыбался среди этихъ холмовъ“. Замѣтки о Японіи гораздо выше всѣхъ другихъ замѣтокъ Гончарова и болѣе всѣхъ ихъ удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ отъ развитаго, европейски-образованнаго путешественника, какимъ всѣ, конечно, признаютъ нашего талантливаго автора.

Кеневичъ.

Наблюдательность и занимательность путевыхъ очерковъ Гончарова.

Наблюдательность путешественника, устремленная съ любовью ко всему тихому, спокойному, нашла себѣ обильную пищу въ самой прозѣ путешествія, въ медленныхъ періодахъ плаванія, въ штилѣ и однообразной стоянкѣ, въ долгихъ бесѣдахъ за столомъ каютъ — компаніи, въ нравахъ добрыхъ матросовъ, въ домашнемъ быту военнаго корабля и его населенія. Едва разсѣялось въ Гончаровѣ первое смятеніе, неразлучное съ радикальными перемѣнами образа жизни, онъ поспѣшилъ взглянуть вокругъ себя прежнимъ проницательнымъ взглядомъ, разглядѣть все достойное наблюденія на кораблѣ, обзавестись ничему не удивляющимся денщикомъ Ѳаддеевымъ, хладнокровно сообщавшимъ, что „какіе-то голые люди пріѣхали и подали на палкѣ бумагу“, и очень полюбить сѣраго Ваську, отличнаго и добраго кота, весьма не любящаго пушечныхъ выстрѣловъ. Такимъ образомъ, безсознательно повинуясь влеченію собственной своей натуры, авторъ книги, теперь находящейся передъ нами, сразу завоевалъ себѣ сочувствіе читателя, давъ ему полнѣйшую возможность воображать самого себя на мѣстѣ путешествующаго романиста. Ѳаддеевъ, котъ Васька и другіе подобные имъ персонажи съ перваго раза убѣдили насъ, что мы имѣемъ дѣло не съ Герштеккеромъ и Ферри, людьми безъ родины и привычекъ, а съ нашимъ роднымъ братомъ по жизни и отечеству, съ тѣмъ самымъ художникомъ, который умѣлъ написать великолѣпнѣйшія страницы о томъ, какъ вся Обломовка спитъ послѣ обѣда и какъ мухи, утопающія въ кружкѣ квасу, начинаютъ сильно шевелиться, когда ихъ отодвинутъ къ краю этой кружки. Первый шагъ сближенія между авторомъ и его публикой былъ произведенъ блистательно. Лица, желающія одного развлеченія въ легкомъ чтеніи, удовлетворились превосходнымъ разсказомъ и увлекательностью замѣтокъ, между тѣмъ, какъ читатели болѣе взыскательные, цѣнящіе въ Гончаровѣ поэта, поистинѣ обильнаго надеждами, съ удовольствіемъ удостовѣрились въ цѣлостномъ единствѣ его направленія. Цѣнители же, склонные заглядывать въ будущее, критики — фантазёры и угадчики могли сказать другъ другу съ полною достовѣрностью, что любимый ихъ писатель, не довольствуясь одними разсказами путевыми, по всей вѣроятности, посвящалъ многіе часы тропическихъ вечеровъ обработкѣ какого-нибудь новаго произведенія въ его старомъ, такъ хорошо намъ извѣстномъ вкусѣ...

Такова сила призванія въ талантѣ, такъ велико очарованіе строкъ, въ которыхъ авторъ невольно высказываетъ намъ задушевныя стремленія своей фантазіи. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что, напримѣръ, Рюиздаль (мы опять продолжаемъ старое наше сближеніе) былъ способенъ мастерски написать море въ Кастелямарѣ, или внутренность померанцовой рощи около Сорренто, или даже дѣвственный лѣсъ Южной Америки, но проявить одному ему принадлежащій, рюиздалевскій эле-

ментъ могъ онъ только, изображая свои родные пейзажи. Такъ точно и элементъ, составляющій отличительную прелесть первыхъ произведеній Гончарова, является въ его новой книгѣ только на тѣхъ страницахъ, гдѣ идутъ русскія картины и русскія воспоминанія. Причина тому очень ясна, и все обстоятельство только служитъ честью для авторскаго таланта. Въ Японіи онъ гость и зритель, въ Петербургѣ и Обломовкѣ онъ членъ одной семьи, истолкователь поэзіи. Можно только жалѣть о даровитомъ человѣкѣ, неспособномъ имѣть своего тайника вдохновеній, быстро прилѣпляющемся ко всякой новизнѣ и на всю поэзію глядящаго глазомъ космополита. Въ этомъ отношеніи Гончаровъ не грѣшитъ нисколько, а мы готовы отдать двадцать лучшихъ его страницъ (даже, напримѣръ, изображенія торжественнаго свиданія съ нагасакскимъ губернаторомъ) за одну страницу, въ такомъ родѣ.

„Ужасно воетъ на дворѣ, вѣтеръ сталъ свѣжѣть; убрали брамсели, а вскорѣ взяли еще рифъ у марселей. Какъ улыбаются мнѣ теперь картины сухопутнаго путешествія, если бъ вы знали, особенно по Россіи! Ѣдешь не торопясь, безъ сроку, по своей надобности, съ хорошими спутниками. Качки нѣтъ; хотя и тряско, но то не бѣда. Колокольчикъ заглушаетъ вѣтеръ. Въ холодную ночь спрячешься въ экипажѣ, утонешь въ перины, закроешься одѣяломъ и знать ничего не хочешь. Утромъ поздно уже переспавъ два раза срокъ, путешественникъ вдругъ освобождаетъ съ трудомъ свою голову, изъ-подъ спуда подушекъ, вскакиваетъ, съ прической à l'imbécile, и дико озирается по сторонамъ, думая: „что это за деревья, откуда они взялись и зачѣмъ онъ самъ тутъ?“ Очнувшись, шаритъ около себя, ища картуза, и видитъ, что въ него, вмѣсто головы, угодила нога, или ощупываетъ его подъ собой, а иногда и вовсе не находитъ. Потомъ пойдутъ вопросы, далеко ли отъѣхали, скоро ли пріѣдутъ на станцію, какъ называется вонъ та деревня, что въ оврагѣ. Потомъ станція, чай, легкая утренняя дрожь, теньеровскія картины, тамъ опять живая и разнообразная декорація лѣсовъ, пашенъ, дальнихъ селъ и деревень, пекущее солнце, оводы, недолгій жаръ и снова станція, обѣдъ, привѣтливыя лица да двугривенные, послѣ сонъ, наконецъ знакомый шлагбаумъ, знакомая улица, знакомый домъ, а тамъ она, или онъ, или оно... Ахъ, гдѣ вы милыя, знакомыя явленія? А здѣсь что такое? одной рукой пишу, другой держусь за переборку, бюро лѣзетъ на меня, я лѣзу на стѣну. До свиданія“.

Кто прочтетъ подобную страничку и не пойметъ всей заключающейся въ ней поэзіи, тому дозволяется глядѣть на Гончарова не болѣе, какъ на пріятнаго разсказчика. Будемъ же продолжать нашу задачу и отыскивать нашу тихую Россію въ разсказѣ романиста, отдѣленнаго отъ родины несмѣтнымъ числомъ миль и нѣсколькими морями. Вотъ еще выписка: дѣло происходитъ на крошечной купеческой шкунѣ, шкиперъ которой вызвался подвезти нѣсколькихъ русскихъ офицеровъ, и нашего автора съ ними, къ берегамъ Шанхая.

„Мы въ каютѣ сидѣли чуть не на колѣняхъ другъ у друга, а всего шесть человѣкъ, четверо остались наверху. Къ завтраку придутъ и они. Куда дѣнешься? Только стали звать матроса вынуть наши запасы, какъ и остальные стали сходиться. Вонъ показались изъ люка чьи-то ноги, долго опускались, наконецъ, появилось и все прочее, послѣ всего лицо. Потомъ другія ноги и такъ далѣе. Я сначала, какъ заглянулъ съ палубы въ люкъ, не могъ постигнуть, какъ сходятъ въ каюту: въ трапѣ недоставало двухъ верхнихъ ступеней и потому надо было прежде сѣсть на порогъ или карлинсы и спускать ноги внизъ, ощупью отыскивая ступеньку, потомъ, держась за веревку, рискнуть, прыгнуть такъ, чтобъ попасть ногой прямо на третью ступеньку. Выходить надо было на рукахъ, это значитъ выскакивать — т.-е. упереться локтями о края люка, прыгнуть и стать сначала колѣнями на окраину, а потомъ уже на ноги. Вообще сходить въ каюту надо было съ рискомъ. Однакожъ къ завтраку и къ ужину всѣ рискнули сойти. Отъ обѣда воздержались: его не было. Кому не случалось обѣдать на травѣ за городомъ или въ дорогѣ. Помните, какъ изъ кулечковъ, корзинъ и коробокъ вынимались ножи, вилки, хлѣбъ, жареныя индѣйки, пироги? Картина извѣстная: отъ торта пахнетъ жареной телятиной, отъ чаю сыромъ, сахаръ соленый, все это и у насъ было, не исключая и толстой синей бумаги, въ которую завертываютъ пироги и жаркое. Мнѣ даже показалось, что тутъ подали тѣ же три стакана и двѣ рюмки, которые я будто ужъ видалъ гдѣ-то въ подобныхъ случаяхъ. Вилка тоже, съ переломленнымъ среднимъ зубцомъ, подозрительна: она махнула сюда откуда-нибудь изъ-подъ Москвы, или изъ Нижняго. Вонъ соль въ бумажкѣ; есть у насъ ветчина, да горчицу забыли. Вообще тутъ, кажется, отрѣшаются отъ всякихъ правилъ, наблюдаемыхъ въ другое время. Одинъ торопится доѣсть утиное крылышко, чтобы поспѣть взять пирога, который исчезаетъ съ невѣроятною быстротою, а другой, перебирая вилкой остальные куски, ропщетъ, что любимыя его крылышки улетѣли. Кто начинаетъ только завтракать, кто пьетъ чай; а этотъ, ожидая, когда ему удастся, за толпой, подойти къ столу и взять чего-нибудь посущественнѣе, сосетъ пока попавшійся ему подъ руку апельсинъ; а кто-нибудь обогналъ всѣхъ и эгоистически куритъ сигару. Двѣ собаки, привлеченныя запахомъ жаркого, смотритъ сверху въ люкъ и жадно вырываютъ изъ рукъ поданную кость. Ничего, все было бы сносно, если бъ не отравляющій запахъ китайскаго масла. Мнѣ просто дурно, — я ушелъ на верхъ. Одинъ только О. А. Г. не участвовалъ въ завтракѣ, который, по простотѣ своей, былъ достоинъ троянской эпохи. Онъ занятъ другимъ: томится морской болѣзнью. Онъ лежитъ наверху, закутавшись въ шинель, и чуть пошевелится, собаки, невидавшія никогда шинели, съ яростью лаютъ. Мы, эгоисты хохочемъ“.

Если бы мы не стѣснялись предѣлами статьи нашей, намъ не трудно было бы выписать здѣсь еще нѣсколько мѣстъ въ такомъ же родѣ. Но того еще мало: безпрерывно, въ продолженіе замѣтокъ,

нами разбираемыхъ, мы находимъ строки, фразы, описанія, слова, въ которыхъ, подобно искрамъ цвѣтныхъ огней или яркимъ цвѣтамъ роскошной степи, вспыхиваютъ искры чисто-русской поэзіи. Всюду, между описаніями странныхъ нравовъ и чужой природы, японцевъ въ юбкахъ, американцевъ, китайцевъ, и малайцевъ, — всюду пробиваются городскія и деревенскія картины завѣтнаго русскаго быта, всюду сказывается въ писателѣ глубокое пониманіе и способность къ поэтическому воссоздаванію этого быта. Переплетаясь съ замѣтками о плаваніи, съ пѣшеходными странствованіями по улицамъ полудикихъ городовъ, сказанныя искры русской поэзіи живятъ и красятъ всю книгу, дѣлаютъ ее вдвойнѣ любезною для сердца русскаго читателя. Въ одномъ мѣстѣ Гончаровъ, по поводу шкуны, ставшей на мель, сравниваетъ положеніе плавателей съ положеніемъ человѣка, у котораго экипажъ сломался посреди грязи. Карета передками упирается въ грязь, извозчики равнодушно глядятъ на колесо, мимо несчастнаго героя скачутъ и мелькаютъ другіе господа въ цѣлыхъ экипажахъ. Иной смотритъ съ любопытствомъ, большая часть очень равнодушно, а всѣ обгоняютъ. Не японская жизнь и не видъ китайскихъ береговъ навѣяли автору эту живую картинку, отъ которой вѣетъ нашимъ вседневнымъ бытомъ.

На другой страницѣ дѣло идетъ о послѣднихъ дняхъ сѣвернаго лѣта, о холодномъ, свѣжемъ вечерѣ, о безлиственныхъ аллеяхъ, о желтыхъ, засохшихъ листьяхъ, шелестящихъ подъ ногами пѣшехода. Опять наши сцены, опять наша сѣверная жизнь! Сѣверная природа для Гончарова то же, что женщина, не поражающая зрителя ни красотой ни величавостью своей наружности, но въ которой стоитъ только разъ угадать всю ея тихую женскую прелесть, чтобъ къ ней привязаться навѣки. И нашъ авторъ навѣки привязанъ къ природѣ своего родного края и не забылъ о ней подъ тропиками и воссоздаетъ ея родную прелесть, подъ вѣчно голубымъ, но чуждымъ небомъ, подъ лучами звѣздъ, въ нѣсколько разъ огромнѣйшихъ на видъ, нежели наши меланхолическія, сѣверныя звѣздочки.

Тутъ слѣдуетъ намъ окончить отчетъ нашъ о книгѣ „Русскіе въ Японіи“. Она совершенно, достойна своего названія. Въ Японіи былъ чисто-русскій поэтъ, пребываніе свое въ этой странѣ описалъ онъ для русскихъ людей, и книга его будетъ прочитана каждымъ русскимъ человѣкомъ. Мать можетъ смѣло дать ее въ руки своей дочери, гувернеръ ученику, и отрокъ, и юноша, и старикъ равно найдутъ въ ней все, что даетъ успѣхъ каждому полезному произведенію, то-есть живой языкъ, интересные факты и картины природы, изображенныя рукой опытнаго мастера. Книжка Гончарова составляетъ замѣчательное явленіе въ нашей новой словесности, какъ по достоинствамъ, въ ней заключающимся, такъ и по тѣмъ выводамъ, относительно авторскаго направленія, къ которымъ она васъ приводитъ. Гончаровъ можетъ издать двадцать подобныхъ книгъ — всѣ онѣ будутъ приняты съ радостью, и, по прочтеніи каждой изъ нихъ, критика будетъ повторять одни и тѣ же слова изъявленія однѣхъ и тѣхъ же надеждъ.

Дѣло въ томъ, что для нашего писателя всѣ путевыя замѣтки, сколько бы ихъ у него ни было заготовлено, есть нѣчто другое, какъ эпизодъ, отдыхъ отъ прежней дѣятельности, проба пера передъ настоящей работою. Авторъ „Обыкновенной исторіи“ можетъ совершить хоть еще три плаванія вокругъ свѣта, а мы все будемъ его спрашивать, скоро ли онъ подаритъ намъ новое произведеніе въ родѣ „Сна Обломова?“ Мы теперь знаемъ, чего ждать отъ Гончарова, и, сверхъ того, увѣрены въ томъ, что онъ самъ сознаетъ свое призваніе. Какъ ни прекрасны, какъ ни умны, какъ ни полезны интермедіи, въ родѣ книги „Русскіе въ Японіи“, за ними должна итти главная пьеса, и мы ея дождемся. Нашъ романистъ можетъ скромничать и трудиться съ его обычной скрытностью: онъ не обманетъ своего читателя, и сами путевыя замѣтки дѣлаютъ подобный обманъ невозможностью. Мы всѣ имѣемъ право повторять слѣдующее: Гончаровъ есть живописецъ современной жизни, романистъ-поэтъ по преимуществу. Тѣ силы, которыхъ онъ еще не сознавалъ въ себѣ, тѣ стремленія, которыхъ онъ еще не признавалъ за собой до своихъ путешествій, нынѣ имъ сознаны и признаны. Онъ понимаетъ свое значеніе и не отдастъ дѣятельности романиста за славу первокласснаго европейскаго туриста. Подъ чужимъ небомъ онъ еще болѣе выучился цѣнить русскую природу, посреди новыхъ впечатлѣній онъ мечталъ о поэзіи нашего вседневнаго быта, между людьми отдаленныхъ племенъ, мечталъ онъ о русскомъ человѣкѣ, рисовалъ соображеніемъ образы русскаго человѣка. Въ его походной мастерской, безъ сомнѣнія, былъ набросанъ не одинъ эскизъ, можетъ быть, было создано не одно произведеніе въ родѣ „Обыкновенной Исторіи“. Будемъ же нетерпѣливо выжидать времени, когда воспоминанія о разнообразныхъ приключеніяхъ за моремъ, мирно улегшись въ фантазіи Гончарова, дадутъ мѣсто произведеніямъ его прежней фантазіи и прежняго творчества. Времени этого ждать недолго: еще не было примѣра, чтобъ писатели съ фламандскимъ элементомъ въ признаніи когда-либо останавливались на половинѣ дороги. *Дружининъ.*

„Фрегатъ Паллада“ и ея значеніе.

„Фрегатъ Паллада“ заключаетъ въ себѣ очерки кругосвѣтнаго путешествія Гончарова. Авторъ находился въ путешествіи отъ 1852 по 1854 г. и видѣлъ три океана — Атлантическій, Индѣйскій и Тихій, переходилъ черезъ экваторъ и тропики, имѣлъ случай изучать разнообразную природу тропическую и сѣверную (въ Сибири), встрѣчалъ разныя народности: англичанъ, голландцевъ, испанцевъ, негровъ, малайцевъ, индѣйцевъ, китайцевъ, японцевъ, ликейцевъ, корейцевъ, тунгузовъ, якутовъ на пути своемъ изъ Балтійскаго и Нѣмецкаго моря по Атлантическому океану, черезъ мысъ Доброй Надежды къ южнымъ

оконечностямъ Азіи, а оттуда къ сѣверу по Восточному океану, вдоль береговъ Китая въ Нагасаки, единственную японскую гавань, открытую для европейцевъ, — затѣмъ въ Охотское море и оттуда сухимъ путемъ черезъ Сибирь въ Петербургъ.

Это сочиненіе важно въ четырехъ отношеніяхъ: во-первыхъ, по тонкому описанію картинъ природы и быта народовъ (напр., плаваніе въ Атлантическихъ тропикахъ, „Фрегатъ Паллада“, ч. 1, гл. III, „Русскіе въ Японіи“, т. 1, гл. III, „Манилла“, т. II, гл. V, „Картины Сибири“, т. II, гл. VI—VII); во-вторыхъ, по юмористическому изложенію (авторъ замѣчаетъ мелкія черты въ жизни природы и человѣка; онъ постоянно сопоставляетъ высокое съ малымъ, важное съ мелочнымъ, т. II, гл. III, „Русскіе въ Японіи“, т. I, гл. I, „Силуэтъ англичанина и русскаго“); въ-третьихъ, весьма важно по своему глубокому патріотизму: онъ вездѣ думаетъ о Россіи, вездѣ ее вспоминаетъ, явленія иноземной природы и быта сравниваетъ съ русскими: „Увижу новое чужое и сейчасъ приложу на свой аршинъ. Искомый результатъ путешествія — эта параллель между чужимъ и своимъ... Я всюду унесу почву родной Обломовки на ногахъ, и никакіе океаны не смоютъ ея (т. I, гл. I, въ концѣ); съ удовольствіемъ писатель вспоминаетъ путешествіе сухимъ путемъ по Россіи, видя непріятности морского пути (т. II, гл. II, „Шанхай“); въ-четвертыхъ, это путешествіе важно по языку разговорному, живому, обработанному. Въ педагогическомъ отношеніи „Фрегатъ Паллада“ книга драгоцѣнная. Дружининъ — литераторъ и критикъ — сказалъ: „Книга Гончарова будетъ прочтена каждымъ русскимъ человѣкомъ. Мать можетъ смѣло дать ее въ руки своей дочери, гувернеръ ученику; и отрокъ, и юноша, и старикъ равно найдутъ въ ней все, что даетъ успѣхъ каждому полезному произведенію, т.-е. живой языкъ, интересные факты и картины природы, изображенныя рукою опытнаго мастера“.

Въ ученомъ отношеніи книга Гончарова не представляетъ никакихъ новыхъ данныхъ; вообще писатель имѣлъ въ виду прежде всего свои личныя собственныя впечатлѣнія, а не научное изображеніе предметовъ, имъ видѣнныхъ. Наблюденія и впечатлѣнія свои Гончаровъ излагалъ въ видѣ писемъ къ друзьямъ. Эти письма сначала печатались въ журналахъ, а потомъ вошли въ полное собраніе его сочиненій.

Филоновъ.

Художественное значеніе „Фрегата Паллады“.

Описанія путешествій въ дальнихъ странахъ, среди малознакомыхъ народовъ, съ особенностями ихъ климата и природы, нравовъ обитателей и со всякими неизбѣжными въ долгомъ путешествіи приключеніями, никогда не теряютъ своей занимательности для читателей. Они расширяютъ его умственный кругозоръ, обогащаютъ его многими живыми свѣдѣніями, предлагаютъ ему наглядный способъ для болѣе

правильной и полной оцѣнки своего собственнаго края, своей собственной культуры. Особенно много выигрываетъ въ глазахъ читателя такое путешествіе, въ которомъ къ богатству и разнообразію содержанія присоединяется острая наблюдательность автора, сила и толкъ въ передачѣ впечатлѣній, въ разборѣ изображаемыхъ фактовъ, въ группировкѣ, обобщеніи ихъ. „Фрегатъ-Паллада“ совмѣщаетъ въ себѣ лучшія качества сочиненій этого рода. Кромѣ того, сочиненіе это замѣчательно самою формою изложенія. Много силы и поэтической выразительности придаютъ разсказу Гончарова характеристика мѣстъ и нравовъ, еще болѣе — типическіе образы лицъ: и въ своемъ кругу, „дома“, какъ авторъ называетъ свой корабль съ его населеніемъ, и среди новыхъ обществъ людей, которые въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени служили объектами для его наблюдательности и матеріаломъ для его творческой фантазіи. Идеализація и юморъ въ этихъ случаяхъ хорошо служатъ поэтическимъ задачамъ автора. Самая рѣчь отлично поддается разнообразнымъ художественнымъ цѣлямъ автора и принимаетъ соотвѣтственный складъ, проникается соотвѣтственнымъ тономъ: въ подробностяхъ ли описаній, въ живомъ ли пересказѣ событій, постройкѣ разговоровъ и сценъ или, наконецъ, для выраженія авторскаго взгляда, чувства, завѣтнаго желанія или философскаго раздумья. Художественное значеніе „Фрегата Паллады“ возвышается еще одной особенностію, которая, въ то же время служитъ дополненіемъ къ общей характеристикѣ Гончарова, какъ писателя. Гончаровъ — психологъ и портретистъ, живописецъ по преимуществу. Онъ любитъ углубляться въ психическую жизнь какъ въ высшемъ ея проявленіи, такъ и въ постепенномъ, медленномъ ея теченіи. Описанія природы внѣшней въ его романахъ всегда на заднемъ планѣ. И вообще немного ихъ. Въ „Обыкновенной исторіи“ — описаніе лѣтней грозы въ селѣ Грачахъ (I, 161—163), еще — лѣтней ночи въ Петербургѣ (119); въ „Обломовѣ“ — описаніе наступленія тихой лѣтней ночи, какъ постепенно гаснетъ свѣтъ, замолкаютъ птицы и насѣкомыя, и отдѣльные предметы сливаются въ одну темную массу, при всеобщемъ торжественномъ замираніи природы (II, 149); въ „Обрывѣ“ — почти ничего, развѣ только скупой набросокъ нѣкоторыхъ описательныхъ чертъ, при изображеніи сада, который принадлежитъ къ усадьбѣ Райскаго до теченія Волги внизу (IV, 238; V, 290). А въ „Фрегатѣ Палладѣ“ Гончаровъ довольно щедръ на описанія разныхъ явленій природы внѣшней, не спѣшитъ въ обрисовкѣ впечатлѣній, какія она производитъ на его душу, наслаждается ими, и этою расчитанною медлительностію въ обрисовкѣ природы даетъ читателю почувствовать силу и глубину, полноту и красоту тѣхъ предметовъ, которые послужили для творчества писателя. Въ нѣкоторыхъ описаніяхъ авторъ быстръ и юмористиченъ, въ другихъ медлитъ разстаться съ своимъ предметомъ, наслаждается созерцаніемъ его. Вообще говоря въ этомъ сочиненіи Гончарова картины природы изображаются сами по себѣ, съ своей собственной полнотой и занимательностію; въ романахъ его,

если и встрѣчаются, то только развѣ какъ принадлежность обстановки для дѣйствующихъ лицъ. Такимъ образомъ, „Фрегатъ Паллада“, представляя занимательный научный матеріалъ о мало извѣстныхъ странахъ и народахъ, раскрываетъ богатыя, живыя поэтическія картины явленій природы внѣшней, характеровъ и типовъ людей разныхъ національностей. Этой послѣдней своей стороной сочиненіе производитъ особенно полное и живое впечатлѣніе на читателя. *Евстафіевъ.*

Молодой Адуевъ, герой „Обыкновенной исторіи“, какъ представитель романтизма на почвѣ крѣпостного права.

Авторъ „Обыкновенной исторіи“ поэтъ, художникъ, и больше ничего. У него нѣтъ ни любви ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ ни читателю; онъ какъ будто думаетъ: кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ, а мое дѣло сторона. Изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей, онъ одинъ, только онъ одинъ приближается къ идеалу чистаго искусства, тогда какъ всѣ другіе отошли отъ него на неизмѣримое пространство — и тѣмъ самымъ успѣваютъ. Всѣ нынѣшніе писатели имѣютъ еще нѣчто кромѣ таланта, и это-то нѣчто важнѣе самаго таланта и составляетъ его силу: у Гончарова нѣтъ ничего кромѣ таланта; онъ больше, чѣмъ кто-нибудь теперь поэтъ-художникъ. Талантъ его не первостепенный, но сильный, замѣчательный. Къ особенностямъ его таланта принадлежитъ необыкновенное мастерство рисовать женскіе характеры. Онъ никогда не повторяетъ себя, ни одна его женщина не напоминаетъ собою другой, и всѣ, какъ портреты, превосходны. Что общаго между грубой и злой, но по своему способной къ нѣжнымъ чувствамъ Аграфеной и между свѣтской женщиной, мечтательной и съ разстроенными нервами? И каждая изъ нихъ въ своемъ родѣ мастерское, художественное произведеніе. Мать молодого Адуева и мать Надиньки — обѣ старухи, обѣ очень добры, обѣ очень любятъ своихъ дѣтей и обѣ равно вредны своимъ дѣтямъ, наконецъ, обѣ глупы и пошлы. А между тѣмъ это два лица совершенно различныя: одна барыня провинціальная стараго вѣка, ничего не читаетъ и ничего не понимаетъ, кромѣ мелочей хозяйства: словомъ, добрая внучка злой госпожи Простаковой; другая барыня столичная, которая читаетъ французскія книжки, ничего не понимаетъ, кромѣ мелочей хозяйства: словомъ, добрая правнучка злой госпожи Простаковой. Въ изображеніи такихъ плоскихъ и пошлыхъ лицъ, лишенныхъ всякой самостоятельности и оригинальности, иногда всего лучше высказывается талантъ, потому что всего труднѣе обозначить ихъ чѣмъ-нибудь особеннымъ. Что общаго между этою живою, вѣтреною, своенравною, и немножко лукавою Наденькою и тою спокойною по наружности, но пожираемою внутреннимъ огнемъ Лизою? Тетка

героя романа — лицо вводное, мимоходомъ очерченное, но какое прекрасное женское лицо! Какъ хороша она въ сценѣ, оканчивающей первую часть романа! мы не будемъ распространяться насчетъ мастерства, съ какимъ обрисованы мужскіе характеры: о женскихъ мы не могли не замѣтить, потому что до сихъ поръ они рѣдко удавались у насъ даже первостепеннымъ талантамъ; у нашихъ писателей женщина — или приторно сентиментальное существо, или семинаристъ въ юбкѣ, съ книжными фразами. Женщины Гончарова живыя, вѣрныя дѣйствительности созданія. Это новость въ нашей литературѣ.

Обратимся къ двумъ главнымъ мужскимъ лицамъ романа — молодому Адуеву и его дядѣ, Петру Иванычу: о послѣднемъ нельзя не сказать, хотя нѣсколько словъ, говоря о первомъ, потому что онъ, противоположностію своею, еще болѣе оттѣсняетъ героя романа. Говорятъ, типъ молодого Адуева — устарѣлый; говорятъ, что такіе характеры уже не существуютъ на Руси. Нѣтъ, не перевелись и не переведутся никогда такіе характеры, потому что ихъ производятъ не всегда обстоятельства жизни, но иногда сама природа. Родоначальникъ ихъ на Руси — Владиміръ Ленскій, по прямой линіи происходящій отъ гётевскаго Вертера. Пушкинъ первый замѣтилъ существованіе въ нашемъ обществѣ такихъ натуръ и указалъ на нихъ. Съ теченіемъ времени онѣ будутъ измѣняться, но сущность ихъ всегда будетъ та же самая... Молодой Адуевъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, мечтаетъ, съ какою радостію обниметъ своего обожаемаго дядю и въ какомъ восторгѣ будетъ отъ него дядя. Онъ останавливается въ трактирѣ — и боится, что дядя осердится на него, зачѣмъ онъ не пріѣхалъ прямо къ нему. Холодный пріемъ дяди разсѣиваетъ его провинціальныя мечты. До сихъ поръ молодой Адуевъ является больше провинціаломъ, нежели романтикомъ. Онъ даже непріятно былъ пораженъ тѣмъ, что дядя назвалъ дуракомъ Заѣзжалова и дурою деревенскую тетку съ ея желтымъ цвѣткомъ, приславшихъ къ нему преглупѣйшія письма. Провинціалы часто бываютъ очень смѣшны въ своихъ отношеніяхъ къ своимъ роднымъ и знакомымъ. Въ маленькихъ городахъ жизнь однообразна; узка, мелка, всѣ другъ друга знаютъ и если не враждуютъ между собою, то непремѣнно пребываютъ въ нѣжнѣйшей дружбѣ: среднихъ отношеній почти нѣтъ. И вотъ изъ городка отправляется искать счастія въ столицу молодой человѣкъ; всѣ имъ интересуются, провожаютъ его, желаютъ ему всякаго счастія, просятъ не забывать. Онъ уже сдѣлался въ столицѣ пожилымъ человѣкомъ, родной городокъ его представляется ему какимъ-то смутнымъ видѣніемъ; подъ вліяніемъ новыхъ знакомствъ, отношеній, интересовъ, онъ давно перезабылъ и имена и лица людей, которыхъ такъ коротко зналъ въ дѣтствѣ, и помнитъ только о самыхъ близкихъ къ нему, да и то они представляются ему въ такомъ видѣ, какъ онъ ихъ оставилъ, а вѣдь они съ тѣхъ поръ перемѣнились же. По ихъ письмамъ онъ видѣлъ, что у него съ ними нѣтъ ничего общаго; отвѣчая имъ, онъ поддѣлывается подъ ихъ тонъ, подъ ихъ понятія; удивительно ли, что онъ пишетъ къ нимъ рѣже и рѣже,

наконецъ и совсѣмъ перестаетъ писать. Мысль о пріѣздѣ въ столицу родственника или знакомаго пугаетъ его столько же, какъ жителей пограничнаго города во время войны пугаетъ мысль, что непріятель пойдетъ ихъ дорогою. Въ столицѣ не понимаютъ заочной любви; здѣсь думаютъ, что любовь, дружба, пріязнь, знакомство поддерживаются личными отношеніями, а разлукой и отсутствіемъ охлаждаются и уничтожаются. Въ провинціи думаютъ совсѣмъ наоборотъ; вслѣдствіе однообразія жизни, тамъ удивительно развита наклонность къ любви и дружбѣ. Тамъ рады всякому; мѣшать другъ другу, не давать покою — тамъ считается священнѣйшею обязанностью. Если кому-нибудь перестануть надоѣдать родственники и знакомые, онъ сочтетъ себя самымъ несчастнымъ, наиболѣе обиженнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Когда къ провинціалу, живущему въ маленькомъ городкѣ, вдругъ наѣзжаетъ орда родственниковъ и обращаетъ его маленькій домикъ въ боченокъ, набитый сельдями, онъ по наружности, не знаетъ, какъ и радоваться; съ веселымъ лицомъ бѣгаетъ, суетится, угощаетъ всю эту толпу, а внутренно отъ всей души проклинаетъ ее. А между тѣмъ попробуй-ка эти люди въ другой разъ остановиться не у него: онъ никогда имъ не проститъ этого. Такова ужъ патріархальная логика провинціи! И съ такой-то логикой пріѣзжаетъ иногда провинціалъ въ столицу по дѣламъ со всѣмъ семействомъ своимъ. Въ столицѣ у него есть родственникъ, который лѣтъ ужь двадцать какъ выѣхалъ изъ своего мѣстечка и давнымъ давно перезабылъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Нашъ провинціалъ летитъ къ нему съ распростертыми объятіями, съ милыми дѣтьми, которыхъ надо размѣстить по учебнымъ заведеніямъ, и обожаемою супругою, которая пріѣхала полюбоваться на столичные магазины модъ. Раздаются ахи, охи, крикъ, пискъ, визгъ. „А мы прямо къ вамъ, мы не смѣли остановиться въ трактирѣ!“ Столичный родственникъ блѣднѣетъ, не знаетъ, что дѣлать, что сказать; онъ похожъ на жителя города, взятаго непріятелемъ, къ которому въ домъ ворвалась толпа предавшихся грабежу непріятельскихъ солдатъ. А между тѣмъ ему уже подробно изъяснено, какъ его любятъ, какъ его помнятъ, какъ о немъ безпрестанно говорятъ, и какъ на него надѣются, какъ увѣрены, что онъ непремѣнно поможетъ опредѣлить Костиньку, Петиньку, Ѳединьку, Митиньку по курсамъ, а Машеньку, Сашеньку, Любочку и Таничку въ институтъ. Столичный родственникъ видитъ, что отъ одной минуты зависитъ его гибель или спасеніе, собирается съ духомъ и съ холодною вѣжливостью объясняетъ непріятельскому отряду, что онъ никакъ не можетъ принять ихъ къ себѣ, что его квартира тѣсновата и для его собственнаго семейства, что въ корпуса и институты дѣти принимаются по экзамену и по узаконенному порядку, что тутъ не поможетъ никакая протекція, если нѣтъ вакантныхъ мѣстъ, или если дѣти старше или моложе пріемныхъ лѣтъ, или не выдержатъ экзамена, а тѣмъ болѣе протекціи такого незначительнаго человѣка, какъ онъ, который, сверхъ того, служитъ совсѣмъ по другому вѣдомству и не знакомъ ни

съ кѣмъ изъ начальниковъ учебныхъ заведеній. Разочарованные провинціалы удаляются въ бѣшенствѣ, вопіютъ противъ столичнаго эгоизма и развращенія и говорятъ о своемъ родственникѣ, какъ о чудовищѣ. А между тѣмъ это можетъ быть очень порядочный человѣкъ; вся вина его въ томъ, что онъ не захотѣлъ обратить своей квартиры въ безобразный таборъ, лишить себя всякаго пріюта въ собственномъ домѣ, всякой возможности заниматься дѣлами службы въ тиши своего кабинета, принимать у себя по вечерамъ людей, или близкихъ ему, или полезныхъ и необходимыхъ ему по службѣ, и такимъ образомъ стѣснить себя, подвергнуть себя тяжкимъ лишеніямъ для людей, совершенно чуждыхъ ему, съ которыми бы онъ не захотѣлъ вести и обыкновеннаго знакомства. А между тѣмъ и эти провинціалы по-своему люди добрые и даже неглупые; вся вина ихъ въ томъ, что, отправляясь въ столицу, они увѣрены найти въ ней, за исключеніемъ огромности, великолѣпія и модныхъ магазиновъ, свой городокъ, съ тѣми же нравами, обычаями и понятіями. Они по-своему любятъ роскошь и великолѣпіе, хотя и безъ вкуса, при средствахъ готовы изукрасить всячески свою залу и гостиную; о кабинетѣ не имѣютъ и понятія и не знаютъ зачѣмъ онъ; спальня и дѣтская у нихъ всегда самыя гризныя комнаты; имъ ничего не стоитъ потѣсниться и пожаться, понятіе о комфортѣ не существуетъ для нихъ, они привыкли къ тѣснотѣ, любятъ ее по пословицѣ: въ тѣснотѣ люди живутъ, да и жилымъ крѣпче пахнетъ. Они всякому рады и, по словамъ Петра Иваныча, хоть ночью ужинъ состряпаютъ. По мнѣнію его племянника, эта черта составляетъ добродѣтель русскихъ, съ чѣмъ Петръ Ивановичъ рѣшительно не согласенъ. „Какая тутъ добродѣтель“, говоритъ онъ. „Отъ скуки такъ всякому мерзавцу рады; милости просимъ, кушай сколько хочешь, только займи нашу праздность, помоги убить время да дай взглянуть на тебя: все-таки что-нибудь новое; а кушанья не пожалѣемъ: это намъ здѣсь ровно ничего не стоитъ... Препротивная добродѣтель“. Петръ Ивановичъ выразился немного жестко, но не совсѣмъ несправедливо. Дѣйствительно, радушіе и гостепріимство провинціальное больше всего основывается на бездѣйствіи, праздности, скукѣ, привычкѣ. Силу столичныхъ людей они измѣряютъ не мѣстомъ, не связями, не вліяніемъ, а чиномъ, и отъ души увѣрены, что если кто дѣйствительный статскій совѣтникъ, такъ уже непременно всемогущая особа, которой стоитъ только сказать слово, чтобы сейчасъ рѣшили въ вашу пользу процессъ, тянувшійся пятьдесятъ лѣтъ, приняли вашихъ дѣтей въ учебное заведеніе, дали вамъ выгодное мѣсто, чинъ и орденъ. Откажите имъ въ какой-нибудь просьбѣ, при всемъ вашемъ желаніи исполнить ее, но по невозможности выполнить, — и вотъ вы самый безнравственный человѣкъ въ мірѣ, вы зазнались подняли носъ, презираете провинціаловъ. А у нихъ первая добродѣтель — ни передъ кѣмъ не зазнаваться, не отказываться ни отъ чьего знакомства и быть готовымъ къ услугамъ всѣмъ и каждаго. Правда, нигдѣ нѣтъ такого важничанья, ломанья, счета старшинствомъ, чинами,

званіемъ; но этотъ порокъ, опасный для общаго мира и согласія, смягчается тамъ готовностію съежиться въ присутствіи человѣка, который хотя однимъ чиномъ выше, и въ то же самое время не уронить своего достоинства передъ тѣмъ, кто чиномъ ниже. Впрочемъ, эта добродѣтель процвѣтаетъ и въ столицѣ, хотя и въ болѣе тонкихъ формахъ. Но въ провинціи это дѣлается съ истинно аркадскою наивностью. „Э, братецъ (говоритъ богатый помѣщикъ или важный чиновникъ бѣдному помѣщику или чиновнику), ты меня вовсе забылъ, аль недоволенъ мной, или плохо кормлю; кажется, у меня для тебя всегда есть плошка за столомъ, шутъ ты гороховый!“ Бѣднякъ слегка сконфузится, бормочетъ извиненія, держась передъ своимъ патрономъ въ почтительной позѣ; но въ глазахъ его сіяетъ удовольствіе: онъ знаетъ гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость, и что въ иной брани больше любви, чѣмъ въ иной ласкѣ. „Ну, да хорошо, Богъ тебя проститъ, теперь пойдемъ-ка хлѣба-соли откушать, обѣдъ готовъ“. И оба довольны: одинъ, — что выполнилъ въ точности законы патріархальнаго гостепріимства и обласкалъ бѣднаго человѣка; другой, — что хорошо принятъ и обласканъ такою важною въ его глазахъ персоною. И этотъ бѣднякъ всегда предпочитаетъ обществу совершенно равныхъ ему людей не только общество аристократовъ его захолустья, но и общество низшихъ ему людей, потому что онъ тогда только и чувствуетъ свое достоинство, когда унижается передъ высшимъ и ломается передъ низшимъ. Конечно, это отнюдь не можетъ относиться ко всѣмъ провинціаламъ; вездѣ есть образованные, умные и достойные, но они вездѣ въ меньшинствѣ, а мы говоримъ о большинствѣ. Непосредственное вліяніе окружающей человѣка среды такъ на него сильно, что лучшіе изъ провинціаловъ бываютъ не чужды провинціальныхъ предразсудковъ, и на первый разъ теряются, пріѣхавши въ столицу.

Тутъ все дико имъ, все не такъ какъ у нихъ. Тамъ жизнь простая, нараспашу; ходятъ другъ къ другу во всякое время, безъ доклада. Приходитъ сосѣдъ къ сосѣду; въ прихожей или нѣтъ никого, или спитъ на грязномъ залавкѣ небритый лакей, или оборванный мальчишка, а спитъ онъ потому, что ему нечего дѣлать, хотя окружающая его грязь и вонь могли бы дать ему работы дня на два. И вотъ гость входитъ въ залу — нѣтъ никого, въ гостиную — тоже никого; онъ въ спальню — и вдругъ тамъ раздается визгливое ахъ; гость говоритъ въ пріятномъ замѣшательствѣ: извините-съ, медленно пятится въ гостиную, къ нему кто-нибудь выбѣгаетъ, изъявляетъ свой восторгъ отъ его посѣщенія, и оба смѣются надъ забавнымъ приключеніемъ. А здѣсь въ столицѣ, все на заперти, вездѣ колокольчики, вездѣ неизбѣжное: какъ прикажете доложить? а потомъ то дома нѣтъ, то нездоровъ, то просятъ извинить — заняты; а когда примутъ, то, конечно, вѣжливо, но зато какъ равнодушно, холодно, никакого радушія, ни позавтракать, ни пообѣдать не пригласятъ...

Но обратимся къ герою „Обыкновенной исторіи“. Въ немъ есть чувство деликатности и приличія; хотя онъ и былъ увѣренъ, что дядя приметъ его съ восторгомъ и помѣститъ у себя въ квартирѣ, однако

какое-то темное чувство заставило его остановиться въ трактирѣ. Если бъ онъ сдѣлалъ хорошую привычку разсуждать о томъ, что̀ всего ближе къ нему, онъ поразмыслил бы о темномъ чувствѣ, которое заставило его въѣхать въ трактиръ, а не прямо на квартиру дяди, и скоро понялъ бы, что нѣтъ никакихъ причинъ ожидать отъ дяди другого пріема, кромѣ какъ развѣ равнодушно-ласковаго, и что нѣтъ у него никакихъ правъ на жительство у него въ квартирѣ. Но къ несчастью, онъ привыкъ разсуждать только о любви, дружбѣ и другихъ высокихъ и далекихъ предметахъ, и потому явился къ дядѣ провинціаломъ съ ногъ до головы. Исполненныя ума и здраваго смысла слова дяди ничего не растолковали ему, а только произвели на него тяжелое грустное впечатлѣніе и заставили его романтически страдать. Онъ былъ трижды романтикъ — по натурѣ, по воспитанію и по обстоятельствамъ жизни, между тѣмъ какъ и одной изъ этихъ причинъ достаточно, чтобъ сбить съ толку порядочнаго человѣка и заставить его надѣлать тьму глупостей. Нѣкоторые находятъ, что онъ съ своими вещественными знаками невещественныхъ отношеній и другими черезчуръ ребяческими выходками не совсѣмъ вѣроятенъ, особенно въ наше время. Не споримъ, можетъ-быть, въ этомъ замѣчаніи и есть доля правды; да дѣло-то въ томъ, что полное изображеніе характера молодого Адуева надо искать не здѣсь, а въ его любовныхъ похожденіяхъ. Въ нихъ онъ весь, въ нихъ онъ представитель множества людей, похожихъ на него какъ двѣ капли воды и дѣйствительно обрѣтающихся въ здѣшнемъ мірѣ. Скажемъ нѣсколько словъ объ этой не новой, но все еще интересной породѣ, къ которой принадлежитъ этотъ романтическій звѣрокъ.

Эта порода людей, которыхъ природа съ избыткомъ надѣляетъ нервическою чувствительностію, часто доходящею до болѣзненной раздражительности (susceptibilité). Они рано обнаруживаютъ тонкое пониманіе неопредѣленныхъ ощущеній и чувствъ, любятъ слѣдить за ними, наблюдать ихъ и называютъ это — наслаждаться внутреннею жизнію. Поэтому они очень мечтательны и любятъ или уединеніе, или кругъ избранныхъ друзей, съ которыми бы они могли говорить о своихъ ощущеніяхъ, чувствахъ и мысляхъ, хотя у нихъ такъ же мало, какъ много ощущеній и чувствъ. Вообще они богато одарены отъ природы душевными способностями, но дѣятельность ихъ способностей чисто страдательная: иные изъ нихъ много понимаютъ, но ни одинъ неспособенъ что-нибудь дѣлать, производить; онъ немножко музыкантъ, немножко живописецъ, немножко поэтъ, даже при нуждѣ немножко критикъ и литераторъ, но всѣ эти таланты у него таковы, что онъ не можетъ ими пріобрѣсти не только славы или извѣстности, но даже вырабатывать посредственное содержаніе. Изъ всѣхъ умственныхъ способностей въ нихъ сильно развиваются воображеніе и фантазія, но не та фантазія, посредствомъ которой поэтъ творитъ, а та фантазія, которая заставляетъ человѣка наслажденіе мечтами о благахъ жизни предпочитать наслажденію дѣйствительными благами жизни. Это они называютъ жить высшею жизнію, недоступною для презрѣнной толпы, парить горѣ,

тогда какъ презрѣнная толпа пресмыкается долу. Отъ природы они очень добры, симпатичны, способны къ великодушнымъ движеніямъ; но какъ фантазія въ нихъ преобладаетъ надъ разсудкомъ и сердцемъ, то они скоро доходятъ до сознательнаго презрѣнія къ „пошлому здравому смыслу — этому, по ихъ мнѣнію, достоинству людей матеріальныхъ, грубыхъ и ничтожныхъ, для которыхъ не существуетъ высокаго и прекраснаго“; сердце ихъ, безпрестанно насилуемое въ его инстинктахъ и стремленіяхъ ихъ волею, подъ управленіемъ фантазіи, скоро скудѣетъ любовью, и они дѣлаются ужасными эгоистами и деспотами, сами того не замѣчая, а, напротивъ того, будучи добросовѣстно убѣждены, что они самые любящіе и самоотверженные люди. Такъ какъ въ дѣтствѣ они удивляли всѣхъ раннимъ и быстрымъ развитіемъ своихъ способностей и оказывали, сколько своими достоинствами, столько же и недостатками, сильное вліяніе надъ своими сверстниками, изъ которыхъ иные были гораздо выше ихъ, — естественно, что они были захвалены съ раннихъ лѣтъ и сами о себѣ возымѣли высокое понятіе. Природа и безъ того отпустила имъ самолюбія гораздо больше, нежели сколько нужно его для экилибра человѣческой жизни; удивительно ли, что легкіе и мало заслуженные блестящіе успѣхи усиливаютъ у нихъ самолюбіе до невѣроятной степени? Но самолюбіе въ нихъ бываетъ всегда такъ замаскированно, что они добросовѣстно не подозрѣваютъ его въ себѣ, искренно принимаютъ его за геніальное стремленіе къ славѣ, ко всему великому, высокому и прекрасному. Они долго бываютъ помѣшаны на трехъ завѣтныхъ идеяхъ: это — слава, дружба и любовь. Все остальное для нихъ не существуетъ; это, по ихъ мнѣнію, достояніе презрѣнной толпы. Всѣ роды славы для нихъ равно обольстительны, и сначала они долго колеблются, какой избрать путь для достиженія славы. Имъ и въ голову не приходитъ, что кто считаетъ себя равно способнымъ ко всѣмъ поприщамъ славы, то не способенъ ни къ какому, — что самые великіе люди узнавали о своей геніальности не прежде, какъ сдѣлавши сперва что-нибудь дѣйствительно великое и геніальное, и узнаютъ это не по собственному сознанію, а по одобрительнымъ и восторженнымъ кликамъ толпы. И вотъ манитъ ихъ военная слава, имъ очень бы хотѣлось въ Наполеоны, но только не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобъ имъ на первый случай дали подъ команду хоть не большую, хоть тысячную армію, чтобъ они сейчасъ же могли начинать блестящій рядъ побѣдъ своихъ. Манитъ ихъ и гражданская слава, но не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобъ имъ прямо махнуть въ министры и сейчасъ же преобразовать государство (у нихъ же всегда готовы въ головѣ превосходные проекты для всякаго рода реформъ, стоитъ только присѣсть да написать). Но какъ зависть людей сдѣлала невозможными такіе геніальные скачки для такихъ геніальныхъ людей, и требуетъ, чтобъ всякій начиналъ свое поприще сначала, а не съ конца, и на дѣлѣ, а не на словахъ только, доказалъ бы свою геніальность, то наши геніи поневолѣ скоро обращаются къ другимъ путямъ славы. Хватаются они иногда и за науку, но не надолго: сухая и скучная

матерія, надобно много учиться, много работать, и нѣтъ никакой пищи сердцу и фантазіи. Остается искусство; но какое же избрать? Архитектура, скульптура, живопись и музыка никакому генію не даются безъ тяжкаго и продолжительнаго труда, и, что̀ всего хуже и обиднѣе для романтиковъ, сначала труда чисто матеріальнаго и механическаго. Остается поэзія — и вотъ они бросаются къ ней со всего размаху, и, еще ничего не сдѣлавши, въ мечтахъ своихъ украшаютъ себя огненнымъ ореоломъ поэтической славы. Главное ихъ заблужденіе состоитъ еще въ нелѣпомъ убѣжденіи, что въ поэзіи нуженъ только талантъ и вдохновеніе, что кто родился поэтомъ, тому ничего не нужно учиться, ничего не нужно знать: у кого дѣйствительно есть большой талантъ, тотъ силою самаго таланта скоро пойметъ нелѣпость этой мысли и начнетъ все изучать, ко всему прислушиваться и приглядываться. Нѣтъ, главное и гибельное ихъ заблужденіе состоитъ въ томъ, что они увѣрили себя въ своемъ поэтическомъ призваніи, какъ въ непреложной истинѣ, срослись съ этою несчастною мыслію, такъ что разочароваться въ ней значитъ для нихъ потерять всякую вѣру въ себя и въ жизнь, и въ цвѣтѣ лѣтъ сдѣлаться паралитическими стариками. И вотъ нашъ романтикъ принимается писать стихи и говоритъ въ нихъ о томъ, о чемъ давно прежде него было сказано и великими и малыми поэтами и вовсе не поэтами. Онъ воспѣваетъ въ нихъ свои страданія, которыхъ не испыталъ, говоритъ о своихъ темныхъ надеждахъ, изъ которыхъ видно только то, что онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ; простираетъ къ братьямъ людямъ горячія объятія и хочетъ разомъ прижать къ сердцу все человѣчество или горько жалуется, что толпа холодно отвернулась отъ его братскихъ объятій. Бѣднякъ не понимаетъ, что, сидя въ кабинетѣ, ничего не стоитъ вдругъ возгорѣться самою неистовою любовью къ человѣчеству, по крайней мѣрѣ, гораздо легче нежели провести безъ сна хотя одну ночь у постели трудно больного. Обыкновенно романтики придаютъ страшную цѣну чувству, думаютъ, что только одни они надѣлены сильными чувствами, а другіе лишены ихъ, потому что не кричатъ о своихъ чувствахъ. Чувство, конечно, важная сторона въ натурѣ человѣка, но не всѣ и не всегда поступаютъ въ жизни сообразно съ своей способностію чувствовать глубоко и сильно. Случается и такъ, что иной, чѣмъ сильнѣе чувствуетъ, тѣмъ безчувственнѣе живетъ: рыдаетъ отъ стиховъ, отъ музыки, отъ живого изображенія человѣческихъ бѣдствій въ романѣ или повѣсти — и равнодушно проходитъ мимо дѣйствительнаго страданія, которое у него предъ глазами. Иной управляющій, изъ нѣмцевъ, со слезами восторга на глазахъ читаетъ своей Минхенъ какое-нибудь восторженное посланіе Шиллера къ Лаурѣ, и кончивши послѣдній стихъ, съ неменьшимъ удовольствіемъ идетъ пороть мужиковъ за то, что они осмѣлились робко намекнуть своему милостивому барину, что они не совсѣмъ довольны отеческими попеченіями управляющаго о ихъ благосостояніи, отъ которыхъ только одинъ онъ и жирѣетъ, а они все худѣютъ. Стихи нашего романтика гладки, блестящи, не лишены

даже поэтической обработки; хотя въ нихъ и довольно реторической водицы, однако въ нихъ мѣстами проглядываетъ чувство, иногда даже блеснетъ мысль (какъ отголосокъ чужой мысли), — словомъ, замѣтно что-то въ родѣ таланта. Стихи его печатаются въ журналахъ, многіе ихъ хвалятъ; а если онъ явится съ ними въ переходную эпоху литературы, онъ можетъ пріобрѣсти даже значительную извѣстность. Но переходныя эпохи литературы особенно гибельны для такихъ поэтовъ: ихъ извѣстность, пріобрѣтенная въ короткое время чѣмъ-то, и въ короткое же время исчезаетъ просто отъ ничего; сперва ихъ стихи перестаютъ хвалить, потомъ читать, а, наконецъ, и печатать. Но молодому Адуеву не удалось насладиться хотя на мгновеніе даже ложною извѣстностію: его не допустили до этого и время, въ которое онъ вышелъ съ своими стихами, и умный откровенный дядя. Его несчастіе состояло не въ томъ, что онъ былъ бездаренъ, а въ томъ, что у него вмѣсто таланта былъ полуталантъ, который въ поэзіи хуже бездарности, потому что увлекаетъ человѣка ложными надеждами. Вы помните, чего ему стоило разочарованіе въ своемъ поэтическомъ призваніи...

Дружба также дорого обходится романтикамъ. Всякое чувство, чтобъ быть истиннымъ, должно быть прежде всего естественно и просто. Дружба иногда завязывается отъ сходства, а иногда отъ противоположности натуръ; но во всякомъ случаѣ, она чувство невольное, именно потому, что свободное; имъ управляетъ сердце, а не умъ и воля. Друга нельзя искать, какъ подрядчика на работу, друга нельзя выбрать; друзьями дѣлаются случайно и незамѣтно; привычка и обстоятельства жизни скрѣпляютъ дружбу. Истинные друзья не даютъ имени соединяющей ихъ симпатіи, не болтаютъ о ней безпрестанно, ничего не требуютъ одинъ отъ другого во имя дружбы, но дѣлаютъ другъ для друга, что могутъ. Бывали примѣры, что другъ не выносилъ смерти своего друга и умиралъ вскорѣ послѣ него; другой отъ потери своего друга изъ веселаго человѣка дѣлается на всю жизнь меланхоликомъ; а третій поскорбитъ, потужитъ, да и утѣшится, но если онъ навсегда сохранитъ воспоминаніе, и оно будетъ для него вмѣстѣ и грустно и отрадно, онъ былъ истиннымъ другомъ умершаго, хотя не только не умеръ самъ отъ его потери, не сошелъ съ ума, не сдѣлался меланхоликомъ, но еще нашелъ силу быть довольно счастливымъ въ жизни и безъ друга. Степень и характеръ дружбы зависятъ отъ личностей друзей; тутъ главное, чтобъ не было въ отношеніяхъ ничего натянутаго, напряженнаго, восторженнаго, ничего похожаго на долгъ и обязанность, а то иной готовъ и Богъ знаетъ на какія самопожертвованія для своего друга, чтобы сказать самому себѣ, а иногда и другимъ: „вотъ каковъ я въ дружбѣ!“ или: „вотъ къ какой дружбѣ я способенъ!“ Этотъ-то родъ дружбы обожаютъ романтики. Они дружатся по программѣ, заранѣе составленной, гдѣ съ точностію опредѣлены сущность права и обязанности дружбы; они только не заключаютъ контрактъ съ своими друзьями. Имъ дружба нужна, чтобъ удивить міръ и показать ему, какъ великія натуры въ дружбѣ

отличаются отъ обыкновенныхъ людей, отъ толпы. Ихъ тянетъ къ дружбѣ не столько потребность симпатіи столь сильной въ молодыя лѣта, сколько потребность имѣть при себѣ человѣка, которому бы они безпрестанно могли говорить о драгоцѣнной своей особѣ. Выражаясь ихъ высокимъ слогомъ, для нихъ другъ есть драгоцѣнный сосудъ для изліянія самыхъ святыхъ и завѣтныхъ чувствъ, мыслей, надеждъ, мечтаній и т. д.; тогда какъ въ самомъ-то дѣлѣ въ ихъ глазахъ другъ есть лахань, куда они выливаютъ помои своего самолюбія. Зато они и не знаютъ дружбы, потому что друзья ихъ скоро оказываются неблагодарными, вѣроломными, извергами, и они еще сильнѣе злобствуютъ на людей, которые не умѣли и не хотѣли понять и оцѣнить ихъ...

Любовь обходится имъ еще дороже, потому что это чувство само по себѣ живѣе и сильнѣе другихъ. Сперва они сочиняютъ программу любви, потомъ ищутъ достойной себя женщины, а за неимѣніемъ таковой любятъ пока какую-нибудь: имъ ничего не стоитъ велѣть себѣ любить, вѣдь у нихъ все дѣлаетъ голова, а не сердце. Имъ любовь нужна не для счастія, не для наслажденія, а для оправданія на дѣлѣ своей высокой теоріи любви. И они любятъ по тетрадкѣ и больше всего боятся отступить хотя отъ одного параграфа своей программы. Главная ихъ забота являться въ любви великими, и ни въ чемъ не унизиться до сходства съ обыкновенными людьми. И однакожъ въ любви молодого Адуева къ Наденькѣ было столько истиннаго и живого чувства; природа заставила на время молчать его романтизмъ, но не побѣдила его. Онъ бы могъ быть счастливъ надолго, но былъ только на минуту, потому что все самъ испортилъ. Наденька была умнѣе его, а главное попроще и естественнѣе. Капризное избалованное дитя, она любила его сердцемъ, а не головою, безъ теорій и безъ претензій на геніальность; она видѣла въ любви только ея свѣтлую и веселую сторону, и потому любила какъ будто шутя — шалила, кокетничала, дразнила Адуева своими капризами. Но онъ любилъ „горестно и трудно“, весь задыхающійся, весь въ пѣнѣ словно лошадь, которая тащитъ въ гору тяжелый возъ. Какъ романтикъ, онъ былъ и педантъ: легкость, шутка оскорбляли въ его глазахъ святое и высокое чувство любви. Любя, онъ хотѣлъ быть театральнымъ героемъ. Онъ скоро все переболталъ съ Наденькой о своихъ чувствахъ, пришлось повторять старое, а Наденька хотѣла, чтобъ онъ занималъ не только ея сердце, но и умъ, потому что она была пылка, впечатлительна, жаждала новаго; все привычное и однообразное скоро наскучило ей. Но къ этому Адуевъ былъ человѣкъ самый неспособный въ мірѣ, потому что собственно его умъ спалъ глубокимъ и непробуднымъ сномъ: считая себя великимъ философомъ, онъ не мыслилъ, а мечталъ, бредилъ на яву. При такихъ отношеніяхъ къ предмету его любви, ему былъ опасенъ всякій соперникъ, — пусть онъ былъ бы хуже его, лишь бы только не походилъ на него и могъ бы имѣть для Наденьки прелесть новости, а тутъ вдругъ является графъ, человѣкъ съ блестящимъ свѣтскимъ образованіемъ. Адуевъ, думая повести себя въ отношеніи къ нему

истиннымъ героемъ, черезъ это самое повелъ себя какъ глупый, дурно воспитанный мальчишка, и этимъ испортилъ все дѣло. Дядя объяснилъ ему, но поздно и безполезно для него, что во всей этой исторіи былъ виноватъ только одинъ онъ. Какъ жалокъ этотъ несчастный мученикъ своей извращенной и ограниченной натуры въ послѣднемъ его объясненіи съ Наденькой и потомъ въ разговорѣ съ дядею! Страданія его невыносимы; онъ не можетъ не согласиться съ доводами дяди и между тѣмъ все-таки не можетъ понять дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ. Какъ! ему унизиться до такъ называемыхъ хитростей, ему, который затѣмъ и полюбилъ, чтобъ удивить себя и міръ своею громадною страстію, хотя міръ и не думалъ заботиться ни о немъ ни о его любви! По его теоріи, судьба должна была послать ему такую же великую героиню, какъ онъ самъ, и вмѣсто этого послала легкомысленную дѣвчонку, бездушную кокетку! Наденька, которая еще недавно была въ глазахъ его выше всѣхъ женщинъ, теперь вдругъ стала ниже всѣхъ ихъ! Все это было бы очень смѣшно, если бъ не было такъ грустно. Ложныя причины производятъ такія же мучительныя страданія, какъ и истинныя. Но вотъ мало-по-малу онъ перешелъ отъ мрачнаго отчаянія къ холодному унынію и, какъ истинный романтикъ, началъ щеголять и кокетничать „своею нарядною печалью“. Прошелъ годъ, и онъ уже презираетъ Наденьку, говоря, что въ ея любви не было нисколько героизма и самоотверженія. На вопросъ тетки: какой любви потребовалъ бы онъ отъ женщины? онъ отвѣчалъ: я бы потребовалъ отъ нея первенства въ ея сердцѣ, любимая женщина не должна замѣчать, видѣть другихъ мужчинъ, кромѣ меня; всѣ они должны казаться ей невыносимы; я одинъ выше, прекраснѣе (тутъ онъ выпрямился), лучше, благороднѣе всѣхъ. Каждый мигъ, прожитый не со мной, для нея потерянный мигъ; въ моихъ глазахъ, въ моихъ разговорахъ должна она почерпать блаженство и не знать другого; для меня она должна жертвовать всѣмъ: презрѣнными выгодами, расчетами, свергнуть съ себя деспотическое иго матери, мужа, бѣжать, если нужно, на край свѣта, сносить энергически всѣ лишенія, наконецъ, презрѣть самую смерть, — вотъ любовь!“

Бѣдный мечтатель увѣренъ, что въ его словахъ выразилась страсть, къ которой способны только полубоги, а не простые смертные; и между тѣмъ тутъ выразились только самое необузданное самолюбіе и самый отвратительный эгоизмъ. Ему нужно не любовницу, а рабу, которую онъ могъ бы безнаказанно мучить капризами своего эгоизма и самолюбія. Прежде, чѣмъ требовать такой любви отъ женщины, ему слѣдовало бы спросить себя, способенъ ли самъ заплатить такою же любовью; чувство увѣряло его, что способенъ, тогда какъ въ этомъ случаѣ нельзя вѣрить ни чувству ни уму, а только опыту, но для романтиковъ чувство есть единственный непогрѣшительный авторитетъ въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ жизни. Но если бы онъ и былъ способенъ къ такой любви, это бы должно было быть для него причиною бояться любви и бѣжать отъ нея, потому что это любовь не человѣ-

ческая, а звѣриная, взаимное терзаніе другъ друга. Любовь требуетъ свободы; отдаваясь другъ другу по временамъ, любящіеся по временамъ хотятъ принадлежать и самимъ себѣ. Адуевъ требуетъ любви вѣчной, не понимая того, что чѣмъ любовь живѣе, страстнѣе, чѣмъ ближе подходитъ подъ любимый идеалъ поэтовъ, тѣмъ она кратковременнѣе, тѣмъ скорѣе охлаждается и переходитъ въ равнодушіе, а иногда и въ отвращеніе. И наоборотъ, чѣмъ любовь спокойнѣе и тише, т.-е. чѣмъ прозрачнѣе, тѣмъ продолжительнѣе: привычка скрѣпляетъ ее на всю жизнь. Поэтическая, страстная любовь — это цвѣтъ нашей жизни, нашей молодости; ее испытываютъ рѣдкіе, и только одинъ разъ въ жизни, хотя послѣ иные любятъ и еще нѣсколько разъ, да ужъ не такъ, потому что, какъ сказалъ нѣмецкій поэтъ, май жизни цвѣтетъ только разъ. Шекспиръ не даромъ заставилъ умереть Ромео и Юлію въ концѣ своей трагедіи: черезъ это они остаются въ памяти читателя героями любви, ея апоѳеозою; оставь же онъ ихъ въ живыхъ, они представлялись бы намъ счастливыми супругами, которые, сидя вмѣстѣ, зѣваютъ, а иногда и ссорятся, въ чемъ вовсе нѣтъ поэзіи.

Но вотъ судьба послала нашему герою именно такую женщину, т.-е. такую же, какъ онъ, испорченную, съ вывороченнымъ на изнанку сердцемъ и мозгомъ. Сначала онъ утопалъ въ блаженствѣ, все забылъ, съ утра до поздней ночи просиживалъ у ней каждый день. Въ чемъ же заключалось его блаженство? Въ разговорахъ о своей любви. И этотъ страстный молодой человѣкъ, сидя наединѣ съ прекрасною молодою женщиною, которая его любитъ и которую онъ любитъ, не краснѣлъ, не блѣднѣлъ, не замиралъ отъ томительныхъ желаній; ему довольно было разговоровъ о взаимной ихъ любви!... Однакожъ сердечныя изліянія съ Тафаевой скоро начали утомлять его; онъ думалъ поправить дѣло предложеніемъ жениться. Коли такъ, то надо бы было поторопиться; но онъ только думалъ, что рѣшился, а въ самомъ-то дѣлѣ ему только былъ нуженъ предметъ для новыхъ мечтаній. Между тѣмъ Тафаева начала смертельно надоѣдать ему своей привязчивой любовью; онъ началъ тиранить ее самымъ грубымъ и отвратительнымъ образомъ, за то, что уже не любилъ ея. Еще прежде этого онъ ужъ начиналъ понимать, что свобода въ любви вещь недурная, что пріятно бывать у любимой женщины, но также пріятно быть вправѣ пройтись по Невскому, когда хочется, отобѣдать съ знакомыми и друзьями, провести съ ними вечеръ, — что, наконецъ, при любви можно не бросать и службы. Измучивши бѣдную женщину самымъ варварскимъ образомъ, взваливши на нее всю вину въ несчастіи, въ которомъ онъ былъ виноватъ гораздо больше ея, — онъ рѣшился, наконецъ, сказать себѣ, что онъ ея не любитъ, и что ему пора покончить съ ней. Такимъ образомъ его глупый идеалъ любви былъ вдребезги разбитъ опытомъ. Онъ самъ увидѣлъ свою несостоятельность передъ любовью, о которой мечталъ всю жизнь свою. Онъ увидѣлъ ясно, что онъ вовсе не герой, а самый обыкновенный человѣкъ, хуже тѣхъ, кого презиралъ, что онъ

самолюбивъ безъ достоинствъ, требователенъ безъ правъ, заносчивъ безъ силы, гордъ и надутъ собою безъ заслуги, неблагодаренъ, эгоистъ. Это открытіе словно громомъ пришибло его, но не заставило его искать примиренія съ жизнію, пойти настоящимъ путемъ. Онъ впалъ въ мертвую апатію и рѣшился отомстить за свое ничтожество природѣ и человѣчеству, связавшись съ животнымъ Костяковымъ и предавшись пустымъ удовольствіямъ, безъ всякой охоты къ нимъ. Послѣдняя его любовная исторія гадка. Онъ хотѣлъ погубить бѣдную страстную дѣвушку, такъ, отъ скуки. Отецъ дѣвушки далъ ему урокъ, страшный для его самолюбія: онъ обѣщалъ поколотить его; герой нашъ хотѣлъ съ отчаянія броситься въ Неву, но струсилъ. Концертъ, на который затащила его тетка, расшевелилъ въ немъ прежнія мечтанія и вызвалъ его на откровенное объясненіе съ теткою и дядею. Затѣмъ онъ обвинилъ дядю во всѣхъ своихъ несчастіяхъ. Дядя по-своему дѣйствительно кое въ чемъ сильно ошибался, но онъ былъ тутъ самимъ собою, не лгалъ, не притворялся, говорилъ по убѣжденію, что̀ думалъ и чувствовалъ; если слова его подѣйствовали на племянника болѣе вредно, нежели полезно, въ этомъ виновата ограниченная, болѣзненная и поврежденная натура нашего героя. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые иногда и видятъ истину, но, рванувшись къ ней, или не допрыгиваютъ до нея, или перепрыгиваютъ черезъ нее, такъ что бываютъ только около нея, но никогда въ ней. Выѣзжая изъ Петербурга въ деревню, онъ расквитался съ нимъ фразами и стихами и прочелъ стихотвореніе Пушкина: „Художникъ варваръ кисти сонной“... Эти господа ни на часъ безъ монологовъ и стиховъ — такіе болтуны!

Онъ пріѣхалъ въ деревню живымъ трупомъ; нравственная жизнь была въ немъ совершенно парализирована; самая наружность его сильно измѣнилась, мать едва узнала его. Съ нею онъ обошелся почтительно, но холодно, ничего ей не открылъ, не объяснилъ. Онъ, наконецъ, понялъ, что между нимъ и ею нѣтъ ничего общаго, что если бъ онъ сталъ ей объяснять, куда дѣвались его волоски, она поняла бы это такъ же, какъ Евсей и Аграфена. Ласки и угожденіе матери скоро стали ему въ тягость. Мѣста — свидѣтели его дѣтства, расшевелили въ немъ прежнія мечты, и онъ началъ хныкать о ихъ невозвратной потерѣ, говоря, что счастіе въ обманахъ и призракахъ. Это общее убѣжденіе всѣхъ дряблыхъ, безсильныхъ, недоконченныхъ натуръ. Вѣдь кажется, опытъ достаточно показалъ ему, что всѣ его несчастія произошли именно оттого, что онъ предавался обманамъ и мечтамъ: воображалъ, что у него огромный поэтическій талантъ, тогда какъ у него не было никакого, что онъ созданъ для какой-то героической и самоотверженной дружбы и колоссальной любви, тогда какъ въ немъ ничего не было героическаго, самоотверженнаго. Это былъ человѣкъ обыкновенный, но вовсе не пошлый. Онъ былъ добръ, любящъ, и не глупъ, не лишенъ образованія; всѣ несчастія его произошли оттого, что будучи обыкновеннымъ человѣкомъ, онъ хотѣлъ разыграть роль необыкновеннаго. Кто въ молодости не мечталъ, не предавался обманамъ, не гонялся за призраками, и кто не разочаро-

вывался въ нихъ; и кому эти разочарованія не стоили сердечныхъ судорогъ, тоски, апатіи, и кто потомъ не смѣялся надъ ними отъ всей души? Но здоровымъ натурамъ полезна эта практическая логика жизни и опыта: они отъ нея развиваются и мужаютъ нравственно: романтики гибнутъ отъ нея...

Когда мы въ первый разъ читали письмо нашего героя къ теткѣ и дядѣ, писанное послѣ смерти его матери и исполненное душевнаго спокойствія и здраваго смысла, — это письмо подѣйствовало на насъ какъ-то странно: но мы объяснили его себѣ такъ, что авторъ хочетъ послать своего героя снова въ Петербургъ затѣмъ, чтобы тотъ новыми глупостями достойно заключилъ свое донкихотское поприще. Письмомъ заключается вторая часть романа; эпилогъ начинается черезъ четыре года, послѣ вторичнаго пріѣзда нашего героя въ Петербургъ. На сценѣ Петръ Иванычъ. Это лицо введено въ романъ не само для себя, а для того, чтобы своею противоположностію съ героемъ романа лучше оттѣнить его. Это набросило на весь романъ нѣсколько дидактическій оттѣнокъ, въ чемъ многіе безъ основанія упрекали автора. Но авторъ умѣлъ и тутъ показать себя человѣкомъ съ талантомъ. Петръ Иванычъ — не абстрактная идея, живое лицо, фигура, нарисованная во весь ростъ кистью смѣлою, широкою и вѣрною. О немъ, какъ о человѣкѣ, судятъ или слишкомъ хорошо, или слишкомъ дурно, и въ обоихъ случаяхъ ошибочно. Одни хотятъ видѣть въ немъ какой-то идеалъ, образецъ для подражанія: это люди положительные и разсудительные. Другіе видятъ въ немъ чуть не изверга: это мечтатели. Петръ Иванычъ по-своему человѣкъ очень хорошій; онъ уменъ, потому что хорошо понимаетъ чувства и страсти, которыхъ въ немъ нѣтъ, и которыя онъ презираетъ; существо вовсе не поэтическое, онъ понимаетъ поэзію въ тысячу разъ лучше своего племянника, который изъ лучшихъ произведеній Пушкина какъ-то ухитрился набраться такого духа, какого можно было бы набраться изъ сочиненій фразеровъ и риторовъ. Петръ Ивановичъ эгоистъ, холоденъ по натурѣ, не способенъ къ великодушнымъ движеніямъ; но вмѣстѣ съ этимъ онъ не только не золъ, но положительно добръ. Онъ честенъ, благороденъ, не лицемѣръ, не притворщикъ, на него можно положиться, онъ не обѣщаетъ, чего не можетъ или не хочетъ сдѣлать, а что обѣщаетъ, то непремѣнно сдѣлаетъ. Словомъ, это въ полномъ смыслѣ порядочный человѣкъ, какихъ, дай Богъ, чтобъ было больше. Онъ составилъ себѣ непреложныя правила для жизни, сообразуясь съ своею натурою и съ здравымъ смысломъ. Онъ ими не гордился и не хвастался, но считалъ ихъ непогрѣшительно-вѣрными. Дѣйствительно, мантія его практической философіи была сшита изъ прочной и крѣпкой матеріи, которая хорошо могла защищать его отъ невзгодъ жизни. Каковы же были его изумленіе и ужасъ, когда, доживъ до боли въ поясницѣ и до сѣдыхъ волосъ, онъ вдругъ замѣтилъ въ своей мантіи прорѣху — правда одну только, но зато какую широкую. Онъ не хлопоталъ о семейственномъ счастіи, но былъ увѣренъ, что утвердилъ свое семейственное положеніе на проч-

номъ основаніи, — и вдругъ увидѣлъ, что бѣдная жена его была жертвою его мудрости, что онъ заѣлъ ея вѣкъ, задушилъ ее въ холодной и тѣсной атмосферѣ.

Какой урокъ для людей положительныхъ, представителей здраваго смысла! Видно, человѣку нужно и еще чего-нибудь немножко, кромѣ здраваго смысла! Видно, на границахъ-то крайностей больше всего и стережетъ насъ судьба. Видно, и страсти необходимы для полноты человѣческой натуры, и не всегда можно безнаказанно навязывать другому то счастіе, которое только насъ можетъ удовлетворить, но всякій человѣкъ можетъ быть счастливымъ только сообразно съ собственною натурою! Петръ Иванычъ хитро и тонко расчелъ, что ему надо овладѣть понятіями, убѣжденіями, склонностями своей жены, не давая ей этого замѣтить, вести ее по дорогѣ жизни, но такъ, чтобъ она думала, что сама идетъ; но онъ сдѣлалъ въ этомъ расчетѣ одну важную ошибку: при всемъ своемъ умѣ, онъ не сообразилъ, что для этого надо было выбрать жену, чуждую всякой страстности, всякой потребности любви и сочувствія, холодную, добрую, вялую, всего лучше пустую, даже немножко глупую. Но на такой онъ, можетъ-быть, не захотѣлъ бы жениться, по самолюбію; въ такомъ случаѣ ему слѣдовало вовсе не жениться.

Петръ Иванычъ выдержанъ отъ начала до конца съ удивительною вѣрностію; но героя романа мы не узнаемъ въ эпилогѣ: это лицо вовсе фальшивое, неестественное. Такое перерожденіе для него было бы возможно только тогда, если бъ онъ былъ обыкновенный болтунъ и фразеръ, который повторяетъ чужія слова, не понимая ихъ, наклепываетъ на себя чувства, восторги и страданія, которыхъ никогда не испытывалъ; но молодой Адуевъ, къ его несчастію, часто бывалъ слишкомъ искренен въ своихъ заблужденіяхъ и нелѣпостяхъ. Его романтизмъ былъ въ его натурѣ; такіе романтики никогда не дѣлаются положительными людьми. Авторъ имѣлъ бы скорѣе право заставить своего героя заглохнуть въ деревенской дичи, въ апатіи и лѣни, нежели заставить его выгодно служить въ Петербургѣ и жениться на большомъ приданомъ. Еще бы лучше и естественнѣе было бы ему сдѣлать его мистикомъ, фанатикомъ, сектантомъ; но всего лучше и естественнѣе было бы ему сдѣлать его, напр., славянофиломъ. Тутъ Адуевъ остался бы вѣрнымъ своей натурѣ, продолжалъ бы старую свою жизнь и между тѣмъ думалъ бы, что онъ и Богъ знаетъ какъ ушелъ впередъ, тогда какъ въ сущности онъ только бы перенесъ старыя знамена своихъ мечтаній на новую почву. Прежде онъ мечталъ о славѣ, о дружбѣ, о любви, а тутъ сталъ бы мечтать о народахъ и племенахъ, о томъ, что на долю славянъ досталась любовь, а на долю тевтоновъ — вражда, о томъ, что во времена Гостомысла славяне имѣли высшую и образцовую для всего міра цивилизацію, что современная Россія быстро идетъ къ этой цивилизаціи, что этого не видятъ только слѣпые и ожесточенные разсудкомъ, а всѣ зрячіе и размягченные фантазіею давно это ясно видятъ. Тогда бы герой былъ вполнѣ современнымъ романтикомъ,

и никому бы не вошло въ голову, что люди такого закала теперь уже не существуютъ...

Придуманная авторомъ развязка романа портитъ впечатлѣніе всего этого прекраснаго произведенія, потому что она неестественна и ложна. Въ эпилогѣ хороши только Петръ Иванычъ и Лизавета Александровна до самаго конца; въ отношеніи же къ герою романа эпилогъ хоть не читать... Какъ такой сильный талантъ могъ впасть въ такую странную ошибку? Или онъ не совладалъ съ своимъ предметомъ? Ничуть не бывало! Авторъ увлекся желаніемъ попробовать свои силы на чуждой ему почвѣ — на почвѣ сознательной мысли — и пересталъ быть поэтомъ. Гончаровъ рисуетъ свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности и насладиться своею способностію рисовать; говорить и судить и извлекать изъ нихъ нравственныя слѣдствія ему надо предоставить своимъ читателямъ. Главная сила таланта Гончарова — всегда въ изящности и тонкости кисти, вѣрности рисунка; онъ неожиданно впадаетъ въ поэзію даже въ изображеніи мелочныхъ и постороннихъ обстоятельствъ, какъ, напримѣръ, въ поэтическомъ описаніи процесса горѣнія въ каминѣ сочиненій молодого Адуева. Въ талантѣ Гончарова поэзія — агентъ первый, главный и единственный...

Несмотря на неудачный или, лучше сказать, на испорченный эпилогъ, романъ Гончарова остается однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы. Къ особеннымъ его достоинствамъ принадлежитъ, между прочимъ, языкъ чистый, правильный, легкій, свободный, льющійся. Разсказъ Гончарова въ этомъ отношеніи не печатная книга, а живая импровизація. Нѣкоторые жаловались на длинноту и утомительность разговоровъ между дядею и племянникомъ. Но для насъ эти разговоры принадлежатъ къ лучшимъ сторонамъ романа. Въ нихъ нѣтъ ничего отвлеченнаго, не идущаго къ дѣлу; это — не диспуты, а живые, страстные, драматическіе споры, гдѣ каждое дѣйствующее лицо высказываетъ себя, какъ человѣка и характеръ, отстаиваетъ, такъ сказать, свое нравственное существованіе. Правда, въ такого рода разговорахъ, особенно при легкомъ, дидактическомъ колоритѣ, наброшенномъ на романъ, всего легче было споткнуться хоть какому таланту; но тѣмъ больше чести Гончарову, что онъ такъ счастливо рѣшилъ трудную самоё по себѣ задачу и остался поэтомъ тамъ, гдѣ такъ легко было сбиться на тонъ резонера.

Бѣлинскій.

Гончарова упрекали, да и теперь часто упрекаютъ за то, что онъ не создалъ новыхъ типовъ, а разрабатывалъ лишь данные Пушкинымъ и Гоголемъ. Гончаровъ на этотъ упрекъ совершенно справедливо отвѣчалъ, что „дѣло не въ изобрѣтеніи типовъ (да коренныхъ общечеловѣческихъ типовъ и немного), а въ томъ, какъ у кого они выразились,

какъ связались съ окружающею ихъ жизнію, и какъ послѣдняя на нихъ отразилась". И Гончаровъ не отрицалъ, что существуетъ сходство нѣкоторыхъ его героевъ съ типами Пушкина и Гоголя; онъ смиренно сознавался: „Всѣ мы, беллетристы, только перерабатываемъ завѣщанный ими матеріалъ". Главное вліяніе на свой талантъ Гончаровъ приписывалъ Пушкину: „онъ далъ намъ вѣчные образцы, по которымъ мы и учимся безсознательно писать, какъ живописцы по античнымъ статуямъ"[1]). Однако, сравнивая романы Гончарова съ произведеніями двухъ указанныхъ великихъ писателей, мы можемъ замѣтить едва или не большее сходство съ Гоголемъ. Правда, въ своемъ первомъ романѣ нашъ писатель является ученикомъ Пушкина, далекимъ, впрочемъ, отъ рабскаго подражанія своему учителю. Племянникъ Адуевъ — какъ бы олицетвореніе участи, какую Пушкинъ считалъ возможною для мечтателя Ленскаго, который, какъ и молодой Адуевъ, тоже „любилъ восторженную рѣчь" и „славы сладкое мученье":

Его душа была согрѣта
Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;
Его лелѣяла надежда,
И міра новый блескъ, и шумъ
Еще плѣняли юный умъ.
Онъ забавлялъ мечтою сладкой
Сомнѣнья сердца своего...
Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна;
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждетъ она:
Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
За честь его принять оковы...

Уже въ этомъ описаніи нельзя не видѣть прототипа молодого Адуева. А вотъ и подлинное, только продолженное окончаніе „Обыкновенной исторіи":

А можетъ быть и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ —
Прошли бы юношества лѣта,
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ;
Во многомъ онъ бы измѣнился,
Разстался бъ съ музами, женился;
Въ деревнѣ счастливъ и рогатъ,
Носилъ бы стеганый халатъ;
Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
Подагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ,
И, наконецъ, въ своей постели
Скончался бъ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лѣкарей.

---

[1]) „Лучше поздно"... 8 т., стран. 239 и далѣе.

Очевидно, Адуевъ — тотъ же Ленскій, но не Ленскій, идущій на дуэль изъ-за любимой дѣвушки, а Ленскій in potentia, опошлѣвшій и бросившій свои поэтическіе восторги, правда, не для деревенскаго прозябанія, а во имя столичнаго бюрократизма, принявшій въ себя, такимъ образомъ, явленія позднѣйшаго времени русской жизни.

Изъ „Филол. Зап.“ за 1902 г.

Жизненныя условія, при которыхъ выросли и опредѣлились Адуевы.

Гончаровъ подробно разсказываетъ о томъ, какъ первоначально сложилась жизнь Александра Ѳедоровича... Она сложилась прежде всего въ деревнѣ, подъ вліяніемъ матери, которая внушала ему: „здѣсь ты одинъ всему господинъ“, — матери, которая въ немъ воспитала привычку считать всѣхъ вокругъ него обязанными угадывать каждое его желаніе, жить какъ бы только на угоду. „Нянька все пѣла ему въ колыбели, что онъ будетъ ходить въ золотѣ и не знать горя“. Вообще о слезахъ и бѣдствіи онъ зналъ только по слуху, какъ знаютъ о какой-нибудь заразѣ, которая не обнаружилась, но глухо гдѣ-то таится въ народѣ“. Мать, развившая въ немъ *эгоистическія наклонности,* умѣла какъ-то распорядиться такъ, что и самая религіозность, которую она ему, по-своему, проповѣдывала, способна была лишь питать въ немъ ту же эгоистическую закваску. При отправленіи его въ Петербургъ, говоря ему о Богѣ, о посѣщеніи церкви, она придаетъ этому значеніе какого-то исправнаго искательства высшей небесной протекціи: она пренаивно обѣщаетъ ему, что если бы самъ онъ сталъ въ этомъ отношеніи лѣниться, то она ему вымолитъ у Бога и чиновъ и крестовъ. Говоря о нищихъ, она соглашается, что надо, конечно, имъ помогать, потому что безъ этого не угодишь Богу, но что довольно, такъ сказать, только соблюдать обрядъ подаванія милостыни, вообще же много раздавать не слѣдуетъ, — надо копить для себя. Намекая на возможность выгодной женитьбы въ Петербургѣ, она прямо говоритъ, что Сонечку, которая его полюбила въ деревнѣ, можно и въ сторону; „что она въ самомъ дѣлѣ воображаетъ! развѣ ты лучшей партіи не найдешь?“

Послѣ всего этого Бѣлинскій имѣлъ полное право назвать мать Адуева — „доброю внукой злой Простаковой“, а ею воспитаннаго Александра Ѳедоровича мы съ неменьшею справедливостью можемъ назвать своего рода „Митрофаномъ“. Для чего онъ ѣдетъ въ Петербургъ? Да онъ и самъ этого не знаетъ, онъ ѣдетъ искать *чего-то.* Не забудьте при этомъ, что онъ, однакоже, кончилъ курсъ въ университетѣ. Онъ открываетъ собою въ нашей литературѣ рядъ питомцевъ университета, вышедшихъ изъ стѣнъ его крайне мало подготовленными для настоящей жизненной дѣятельности, для дѣйствительно полезнаго служенія

обществу. Гончаровъ объясняетъ это особымъ направленіемъ тѣхъ людей, которыхъ приходилось тогда слушать въ университетѣ. Молодому Адуеву профессора твердили, что онъ пойдетъ далеко, т.-е., разумѣется, они не лично къ нему это относили, но онъ это заключилъ изъ ихъ курсовъ; они ему рисовали такіе мечтательно неопредѣленныя картины будущей дѣятельности, въ которыхъ онъ, подъ вліяніемъ разыгравшагося воображенія, легко могъ найти себѣ видное мѣсто. Это были картины дѣятельности чисто заоблачной, ради пользы и добра *вообще, какой-то* пользы и *какого-то* добра *для всего человѣчества.*

И вотъ онъ самолюбиво мечталъ о подобной пользѣ, въ сущности только потѣшая этимъ и особеннымъ образомъ развивая свой доморощенный эгоизмъ, т.-е. онъ мечталъ, что выдвинется далеко изъ ряда, какими-то особенно блистательными успѣхами, и что на него будутъ съ уваженіемъ указывать пальцемъ. Когда онъ пріѣзжаетъ къ дядюшкѣ и тотъ начинаетъ допытываться, ради чего онъ стремился въ столицу, А. Адуевъ говоритъ: „Меня влекло неодолимое стремленіе, надежда благородной дѣятельности; во мнѣ кипѣло желаніе уяснить и осуществить тѣ надежды, которыя толпились...“ и т. д. Но тутъ же и признается: „у насъ профессоръ эстетики такъ говорилъ“. Дядя переводитъ на обыкновенный языкъ эти вдохновенныя рѣчи профессора эстетики.

— Сколько я могу припомнить университетскія лекціи и перевести слова твои, ты пріѣхалъ сюда дѣлать карьеру и фортуну?

— Да, дядюшка, „карьеру“, — совершенно искренно сознается племянникъ.

Такимъ образомъ оказывается, что дядя сразу понялъ его, — понялъ, что въ сущности племянникъ стремится къ тому же, къ чему и онъ самъ стремился всю свою жизнь; только племянникъ пока еще прикрываетъ эту цѣль грудой фразъ, заимствованныхъ изъ курса эстетики.

Молодой Адуевъ ищетъ сначала литературной славы. Дѣло въ томъ, что славы на служебномъ поприщѣ на первыхъ порахъ не добьешься; если бы можно было разомъ подняться повыше — тогда бы другое дѣло! Но низшія приготовительныя ступени мало льстятъ самолюбію; между тѣмъ и литературная слава ему не дается: дядюшка даже прямо доказываетъ ему, что у него нѣтъ таланта, — и вотъ онъ весь уходитъ въ чувство любви къ дѣвушкѣ, съ которой случайно сошелся. Гончаровъ очень подробно описываетъ это воркованье голубковъ, но сущность его заключается въ слѣдующемъ выразительномъ разговорѣ между А. Адуевымъ и Наденькой:

— Ужели есть горе на свѣтѣ? — спрашиваетъ она.

— Говорятъ, есть, да я не вѣрю.

— Какое же горе можетъ быть?

— Дядюшка говоритъ: бѣдность...

— Бѣдность! да развѣ бѣдные не чувствуютъ того, что̀ мы теперь? вотъ ужъ они и не бѣдны.

— Дядюшка говоритъ, что имъ не до того, нужно пить, ѣсть...

— Фи, ѣсть! дядюшка вамъ неправду говоритъ. Я не обѣдала сегодня, а какъ я счастлива"...

Въ этомъ миломъ разговорѣ выражается все міросозерцаніе этихъ *праздныхъ мечтателей.* Что она не знаетъ горя и выражается такъ наивно, — это неудивительно при томъ тепличномъ воспитаніи, которое получила она, подобно многимъ барышнямъ; но что онъ, кончившій курсъ въ университетѣ, держится такихъ же дѣтскихъ воззрѣній, — вотъ что̀ гораздо диковиннѣе, и объясняется только той безжизненностью, той отвлеченностью, которою такъ долго отличалась у насъ наука, потому-то и не бывшая въ состояніи исправлять недостатки домашняго барскаго воспитанія. Когда читаешь у Гончарова эти безконечныя сцены любви между А. Адуевымъ и Наденькой, то такъ и кажется, что они взялись разыграть роли того юноши и той дѣвицы изъ повѣсти А. Адуева, которые попали на какой-то необитаемый островъ и, живя на немъ, наслаждаются себѣ на просторѣ одной любовью. Искусственно уединившись отъ окружающаго ихъ многолюднаго міра, убаюкивая себя мечтою, что не существуетъ ни горя ни слезъ, Александръ Ѳедоровичъ и Наденька только любуются другъ на друга, — но читатель заранѣе чувствуетъ, что долго имъ такъ не прожить, что скоро ихъ одолѣетъ невыносимая скука. „Сердце Наденьки было занято, но умъ оставался праздненъ: Александръ не позаботился дать ему пищи", — и вотъ онъ мало-по-малу надоѣдаетъ ей, прежде чѣмъ она ему надоѣла, что̀, разумѣется, также случилось бы ранѣе или позже. Чтобы успокоить его оскорбленное самолюбіе, дядя помогаетъ ему завязать другой романъ: въ него влюбляется женщина, къ которой уже самъ онъ первый охладѣваетъ. Все это очень просто и понятно: *самые неглубокіе люди не могутъ совершенно уйти въ одно только чувство любви;* жизнь наша неизбѣжно дѣлается пуста и скучна, если у насъ не завязаны связи съ обществомъ, если намъ не досталась хотя бы самая малая доля участія въ міровой работѣ. Но Александръ не понимаетъ настоящей причины своихъ неудачныхъ романовъ. Два раза разочаровавшись въ любви, онъ готовъ окончательно махнуть рукою на все, готовъ съ досады погрязнуть въ животной жизни; сближаясь съ какимъ-то совершенно неразвитымъ человѣкомъ, онъ случайно завязываетъ, уже просто отъ скуки, третій романъ, который чуть было не довелъ его до совершеннаго нравственнаго паденія. Послѣ всего этого, дядюшка оказывается правымъ въ своемъ недовѣрчивомъ взглядѣ на тѣ выспреннія фразы, которыя такъ обильно расточались племянникомъ. Но хотѣлъ ли Гончаровъ сказать этимъ, что собственное направленіе дядюшки совершенно вѣрно; хотѣлъ ли онъ заоблачному мечтателю, пустозвонному идеалисту Александру Ѳедоровичу противопоставить трезваго, практическаго дядю, какъ высокій жизненный идеалъ? вотъ вопросъ. Я думаю, что нашъ авторъ поставилъ дядюшку выше племянника только въ томъ смыслѣ, что первый, по крайней мѣрѣ, не обманываетъ себя и другихъ,

что онъ искрененъ, что въ немъ нѣтъ ничего напускного, что онъ откровенно высказываетъ, къ чему стремится. „Цѣль моей жизни — успѣхъ, выгода, та же, что у тебя, Александръ, но ты не сознаешься въ этомъ, а я сознаюсь“, вотъ что, въ разныхъ видахъ, говоритъ онъ племяннику. Дядя не только прямѣй и, въ этомъ смыслѣ, честнѣе племянника; онъ и гораздо умнѣе его, сразу разгадывая и обнажая его передъ нимъ самимъ. Къ тому же, при всемъ своемъ дѣловомъ эгоизмѣ, онъ менѣе эгоистъ, чѣмъ племянникъ; въ немъ есть извѣстная доброта и даже теплота, онъ совершенно искренно упрекаетъ А. Адуева въ томъ, что, жалуясь на человѣчество вслѣдствіе своихъ неудачъ въ любви, онъ забываетъ о нѣжной дружбѣ тетки и, что еще непростительнѣе, оставляетъ безъ писемъ свою старушку-мать, которая его безгранично любитъ. Тѣмъ не менѣе, Гончаровъ вовсе не хотѣлъ выставить дядюшку Петра Ивановича лицомъ образованнымъ; это ясно изъ того, что ему не удается доставить счастіе своей женѣ. „Мужъ ея неутомимо трудился, и все еще трудится. Но что было главною цѣлью его трудовъ? Трудился ли онъ для общей человѣческой цѣли, для самаго труда, или только для мелочныхъ причинъ, чтобы пріобрѣсть между людьми чиновное и денежное значеніе?“ — это оставалось для нея загадкою, а между тѣмъ она внутренно томилась чувствомъ нравственной неудовлетворенности. Петръ Ивановичъ, при своемъ умѣ, не могъ, наконецъ, не понять этого, и въ этомъ заключается его нравственная кара“. Не ясно ли изъ этого, что Гончаровъ представляетъ и дядю стоящимъ на ложной дорогѣ? Но припомнимъ также мастерское описаніе присутственнаго мѣста, въ которое попадаетъ молодой Адуевъ въ началѣ романа: „Каждый день, каждый часъ, и сегодня, и завтра, и цѣлый вѣкъ бюрократическая машина работаетъ стройно, исправно, безъ отдыха, какъ будто нѣтъ людей: одни колеса да пружины“. А этотъ Юпитеръ-громовержецъ въ образѣ начальника отдѣленія: „откроетъ ротъ — и бѣжитъ Меркурій съ мѣдной бляхой на груди; протянетъ руку съ бумагой — и десять рукъ тянутся принять ее“. Можетъ ли быть, чтобы, рисуя такого Юпитера, нашъ авторъ видѣлъ въ немъ свой идеалъ? Бѣлинскій вовсе не думалъ этого, а указывалъ на вполнѣ объективное отношеніе Гончарова ко всѣмъ его дѣйствующимъ лицамъ. Но странно, какимъ образомъ Бѣлинскій могъ находить неестественною развязку романа; какимъ образомъ могъ онъ думать, что вмѣсто прозаическаго брака, какимъ кончаетъ Александръ Адуевъ, вѣрнѣе было бы сдѣлать изъ него мистика, фанатика, сектанта? Едва ли все это не явилось у Бѣлинскаго подъ вліяніемъ желанія сказать, что можно бы было, наконецъ, сдѣлать изъ Александра „славянофила“, т.-е., съ точки зрѣнія Бѣлинскаго, заоблачнаго мечтателя особаго покроя. Въ такомъ приговорѣ нельзя не признать увлеченія. Едва ли изъ основательнаго разбора личности А. Адуева можно вывести, чтобы онъ годился въ какіе бы то ни было сектанты. Въ головѣ его, собственно говоря, даже вовсе и не было никакихъ идей, а былъ только напускной фразистый

идеализмъ, подъ которымъ скрывались препошленькія эгоистическія наклонности, какъ это, впрочемъ, и указалъ Бѣлинскій въ первой половинѣ своей характеристики Александра Адуева. *Ор. Миллеръ.*

Александръ Адуевъ, мы видимъ въ романѣ, отдѣлился отъ старины, и ошибочно Гончаровъ причислилъ его къ ней. Онъ ушелъ отъ своей родимой черемухи и сирени, отъ своего родного озера, отъ своей старушки — матери, носительницы старины, отъ всего, что его притягивало въ дѣтствѣ, на новую дорогу, въ университетъ и подчинился новымъ идеямъ. Это былъ первый шагъ къ новой жизни. Но теоріи университета все-таки много гармонировали съ его прежней обстановкой, поэтому первый шагъ Адуева не былъ особенно труденъ. Онъ порвалъ связь со стариной. Въ дѣтствѣ Адуевъ видѣлъ не страданія, какъ другіе, а одно непрерывное счастье, и жилъ среди однѣхъ розовыхъ надеждъ. То же осталось у него и послѣ университета: онъ все мечтаетъ о какой-то сладостной жизни, и радужныя краски все еще лежатъ на окружающемъ. „Жизнь, жизнь, какъ ты прекрасна!“ — твердилъ этотъ 20-лѣтній розовый юноша съ мягкими, шелковыми волосами и съ парою задумчивыхъ голубыхъ глазъ. Самою наружностью, какъ видно, Адуевъ напоминалъ ребенка. Уединенная жизнь, безъ тревогъ и волненій въ дѣтствѣ, породила въ немъ какой-то свѣтлый, мечтательный взглядъ не окружающее. Тотъ же взглядъ остался у него и послѣ университета: „если бы ты перестроилъ жизнь, — говоритъ ему дядя — то, я думаю, у тебя среди розовыхъ кустовъ гуляли бы попарно любовники и друзья“. Въ дѣтствѣ Адуевъ жилъ избалованнымъ ребенкомъ, отдѣленнымъ отъ окружающей толпы. То же осталось въ немъ и послѣ, когда онъ сталъ юношей; у него была какая-то особенная вѣра въ самого себя, онъ постоянно отдѣлялъ себя отъ толпы, онъ обходилъ въ своихъ произведеніяхъ „пошлыхъ героевъ, которые встрѣчаются на каждомъ шагу, которые мыслятъ и дѣлаютъ, какъ дѣлаетъ толпа“. Его идеалъ были артисты, великіе поэты, корсары, жизнь которыхъ не походила на жизнь толпы, которые были выше ея цѣлою головою. И такого героя, между прочимъ, Адуевъ видѣлъ въ себѣ самомъ.

Но судьба заставила Александра сдѣлать второй шагъ, болѣе уже демократическій, къ новизнѣ, она занесла его въ столицу; здѣсь Адуевъ встрѣтилъ совершенно иной міръ, другія мысли и теоріи, даже другую обстановку, другіе дома. Онъ долженъ былъ или подчиниться этой новизнѣ, представителемъ которой былъ его дядя, или уйти отъ нея, иначе жизнь была бы невыносима. Онъ долженъ былъ разбить свои старыя вѣрованія и надежды, всѣ свои мечты о корсарахъ и геройхъ, все отвращеніе къ будничной жизни, къ толпѣ. Съ трудомъ, послѣ долгой борьбы, измученный Александръ уступилъ новой жизни; ему хотѣлось бы удержать свою старину, свой прежній обликъ; его мягкая женственная натура долго боролась за старые

идеалы. Но года сдѣлали свое: онъ уступилъ, такъ сказать, демократизовался, — онъ изъ мечтателя сдѣлался чиновникомъ — дѣльцомъ, одной изъ пружинъ машины; онъ по утрамъ занимался въ прозаическомъ департаментѣ, онъ съ высоты заоблачныхъ думъ спустился къ назему и картофелю; онъ потерялъ поэтическій языкъ, и у него явился „строгій, сжатый стиль“, онъ уже написалъ вторую повѣсть съ болѣе реальнымъ содержаніемъ; потерялъ отчасти ту вѣру, въ которой его воспитала набожная мать. Словомъ, говоритъ Гончаровъ, „у Адуева не осталось ни одной мечты, ни одной розовой надежды; все было назади, туманъ расѣялся, и передъ нимъ, какъ степь, разстилалась голая дѣйствительность“. Самъ дядя призналъ это: „Александръ“, говоритъ онъ племяннику въ концѣ романа: „ты моя кровь, ты Адуевъ“. Эти слова дяди были похороннымъ звономъ надъ умершимъ молодымъ романтикомъ: Адуевъ въ 30 лѣтъ, послѣ почти девятилѣтняго пребыванія въ столицѣ, началъ жить, по словамъ Гончарова, „той деревянной жизнью, какой жилъ его дядя“.

Мизиновъ.

Появленіе въ „Обыкновенной исторіи“ изъ дворянскихъ усадебъ культурнаго чиновника.

„Обыкновенная исторія“ — первый романъ Гончарова, заключаетъ въ себѣ много автобіографическаго, но она изображаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ выступленіе на сцену новаго слоя русской интеллигенціи, раньше почти не знакомаго русской художественной литературѣ. Всемогущество чиновничества, сказавшееся въ половинѣ 20-хъ годовъ послѣ крушенія аристократической интеллигенціи и развившееся въ царствованіе Николая I, выдвигаетъ въ романѣ героя-чиновника. Чиновникъ явился, положимъ, обычнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ нашей литературѣ, но онъ по традиціи, установившейся еще съ конца XVIII вѣка, является „крапивнымъ сѣменемъ“, изображается въ комическихъ чертахъ. Литература только снисходитъ до его изображенія или бичуетъ его. Въ „Обыкновенной исторіи“ впервые чиновникъ является „героемъ“ романа, на которомъ сосредоточено вниманіе автора. Этотъ фактъ самъ по себѣ говоритъ объ измѣненіи самаго положенія чиновника въ обществѣ. Чиновникъ началъ выступать на первый планъ. Романъ указываетъ и откуда является этотъ новый чиновникъ. Изъ дворянскихъ усадебъ средней руки, пройдя черезъ университетъ, является новый русскій культурный чиновникъ, къ которому уже литература не можетъ относиться какъ къ „крапивному сѣмени“, существу низшаго порядка, какъ еще изображалъ чиновника Гоголь. Здѣсь сказывается начавшееся превращеніе части дворянства въ чиновничество. Начиная съ половины 20-хъ годовъ, можно замѣтить приливъ въ Петербургъ молодыхъ дворянъ изъ провинціи, стремившихся въ столицу „искать счастья“, искать „арены дѣятельности“; „счастьемъ“ въ этихъ случаяхъ считалась чиновничья карьера, ареной дѣятельности — служба

въ канцеляріяхъ. Такимъ молодымъ дворяниномъ, пріѣхавшимъ „искать счастья“, былъ Гоголь и его герой Тентетниковъ. Они оба не ужились въ канцеляріяхъ, но уже скоро Гончаровъ (хотя не дворянинъ, но усвоившій многія черты быта средняго дворянства) и его герой Адуевъ уживаются и превращаются въ типичныхъ представителей культурнаго чиновничества. Процессъ этого превращенія не затронутъ никѣмъ изъ писателей современниковъ Гончарова, и, если у Гончарова онъ изображенъ неполно, если онъ только показываетъ два момента этого процесса: его начало и завершеніе, при чёмъ авторъ о самомъ процессѣ не думаетъ, а думаетъ только о перемѣнѣ въ личной судьбѣ героя, то все-таки изображеніе Гончарова единственное и, какъ таковое, очень цѣнно для пониманія того, какъ развивалась русская жизнь. Патріархальный бытъ умиралъ очевидно. Онъ не можетъ уже удержать даже такихъ созданныхъ для него, казалось бы, людей какъ Обломовъ, не говоря о болѣе дѣятельномъ Адуевѣ. Они стремятся уйти изъ него, это то же отдѣленіе отъ дворянской усадебной почвы, но здѣсь эти отдѣлившіеся находятъ себѣ новую почву въ видѣ положенія городского чиновничества и не оказываются лишними людьми. Очень характерна разница въ отношеніи къ этому процессу у Гончарова и Тургенева. Оба они ищутъ дѣловитыхъ людей, но Тургеневъ въ „Нови“ изображаетъ этого дѣлового человѣка въ деревнѣ въ качествѣ помѣщика (Лаврецкій, Лежневъ). Соломина, сдѣлавши устроителемъ фабрики, т.-е. оторвавъ отъ земледѣльческаго быта, онъ все же оставляетъ въ деревнѣ, тогда какъ горожанинъ изъ купцовъ Гончаровъ, знакомый съ помѣщичьимъ бытомъ, но все же не проникнутый его настроеніями, легко переходитъ къ идеализаціи городского чиновничества. У Гончарова нѣтъ грусти, которую мы видимъ у Тургенева. Для него перемѣна, которую онъ изображаетъ, побѣда разума, дѣловитости, надъ сентиментальностью и фантазіей, умирающій деревенски-патріархальный строй ему не такъ дорогъ, какъ Тургеневу, наступающій буржуазно-городской ему болѣе свой; но при всемъ этомъ и въ его изображеніи чувствуется, что въ прежнемъ было больше красоты и поэзіи, новое сухо и пошловато. Этотъ выводъ писателя, сочувствующаго новому, пріобрѣтавшему фактическое господство слою, освѣщаетъ источникъ грусти Тургенева и утопизма тѣхъ, кто не хотѣлъ мириться съ наступившимъ господствомъ мѣщанской пошлости, какъ Герценъ. Обыкновенная исторія это — исторія превращенія въ одномъ индивидуумѣ настроеній, созданныхъ патріархально-помѣщичьимъ укладомъ жизни, въ настроенія, созданныя буржуазно-чиновничьими; нельзя не видѣть, что въ первыхъ больше человѣчнаго, чѣмъ во вторыхъ.

Молодой Адуевъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ нѣсколько смѣшнымъ юнцомъ, восторженнымъ, наивнымъ, непрактичнымъ. Такой типъ могъ создаться на просторѣ усадебной жизни, привольной, не знающей нужды, конкуренціи, въ патріархальной простотѣ человѣческихъ отношеній. Это существо очень мало сознательное, въ основѣ нѣсколько эгоистичное, но нелишенное хорошихъ порывовъ.

„О горѣ, слезахъ, бѣдствіяхъ онъ зналъ только по слуху, какъ знаютъ о какой-нибудь заразѣ, которая не обнаружилась, но глухо гдѣ-то таится въ народѣ. Отъ этого будущее представлялось въ радужномъ свѣтѣ. Его что-то манило вдаль, но что именно — онъ не зналъ. Тамъ мелькали обольстительные призраки, но онъ не могъ разглядѣть ихъ; слышались смѣшанные звуки — то голосъ славы, то любви: все это приводило его въ сладкій трепетъ".

„Ему скоро тѣсенъ сталъ домашній міръ. Природу, ласки матери, благоговѣніе няньки и всей дворни, мягкую постель, вкусныя яства и мурлыканье Васьки — всѣ эти блага, которыя такъ дорого цѣнятся на склонѣ жизни, онъ весело мѣнялъ на неизвѣстное, полное увлекательной, таинственной прелести. Даже любовь Софьи, первая нѣжная и розовая любовь, не удерживала его. Что ему эта любовь? Онъ мечталъ о колоссальной страсти, которая не знаетъ никакихъ преградъ и совершаетъ громкіе подвиги. Онъ любилъ Софью пока маленькой любовью, въ ожиданіи большой. Мечталъ онъ и о пользѣ, которую принесетъ отечеству. Онъ прилежно и многому учился. Въ аттестатѣ его сказано было, что онъ знаетъ съ дюжину наукъ, да съ полдюжины древнихъ и новыхъ языковъ. Всего же болѣе онъ мечталъ о славѣ писателя. Стихи его удивляли товарищей. Передъ нимъ разстилалось множество путей и одинъ казался лучше другого. Онъ не зналъ, на который броситься. Скрывался отъ глазъ только прямой путь; замѣть онъ его, такъ тогда, можетъ быть, и не поѣхалъ бы".

Такимъ образомъ передъ нами выросшій на почвѣ патріархальной усадебной жизни наивный юноша. Разложеніе патріархальнаго строя жизни заставляло его не довольствоваться своей ролью помѣщика средней руки, поселило въ немъ исканіе, хотя еще очень смутное, новыхъ формъ жизни. Университетъ съ его дюжиной наукъ придалъ этому смутному исканію идеалистическую окраску. Въ этомъ даровитомъ юношѣ заключались, быть можетъ, превосходные задатки, но среда, въ которую онъ попадаетъ, оказалась совершенно негодной для ихъ развитія. Это среда буржуазно-чиновничья, съ ея сухимъ эгоистичнымъ практицизмомъ. Типичнымъ представителемъ ея является Адуевъ-дядюшка. Адуевъ-дядюшка — тоже человѣкъ, нелишенный извѣстныхъ данныхъ. Въ молодости онъ подобно племяннику мечталъ быть полезнымъ обществу, но въ итогѣ онъ дѣлаетъ карьеру и составляетъ состояніе, на это тратитъ всѣ свои силы, но не достигаетъ даже относительнаго личнаго счастья. По этому пути идетъ и Адуевъ-племянникъ. Уже въ два года онъ успѣваетъ значительно измѣниться; постепенно онъ превращается во второе изданіе дядюшки. Его восторженность превращается въ холодную расчетливость, которой подчиняется все его существо. Вырабатывается личность законченная, сильная, дѣловитая, но вмѣстѣ съ тѣмъ пошлая. Характерно, что этой пошлости чиновника-дѣльца, женящагося въ тридцать пять лѣтъ по расчету на нѣсколькихъ сотняхъ тысячъ приданаго, не замѣчаетъ авторъ, хотя онъ судьбой дядюшки предсказываетъ судьбу племянника. Дядюшка

подъ конецъ бросаетъ дѣла и карьеру, уѣзжаетъ въ Италію, чтобы спасти невынесшую пошлости жизни жену. Это оказывается однако поздно, и дядюшка самъ чувствуетъ: въ немъ умерла вся душа, никакое живое чувство не можетъ найти въ ней мѣста, кромѣ привычки къ комфорту, одну изъ сторонъ которой составляетъ привычка къ женѣ. Та же судьба ждетъ въ будущемъ молодого Адуева. Гончаровъ чувствуетъ это, но думаетъ, что можно найти какую-то золотую середину между восторженностью племянника и сухостью дяди и тогда все пойдетъ хорошо. Онъ не замѣчаетъ, что корень не въ томъ самомъ идеалѣ буржуазно-чиновничьей дѣловитости, который привлекаетъ его. Сравнивая буржуазно-чиновничью дѣловитость дядюшки, а потомъ и племянника Адуева, съ помѣщичьей дѣловитостью Лежнева или Лаврецкаго, можно видѣть характерную особенность этой адуевской дѣловитости. И дѣловитость Лежнева-Лаврецкаго эгоистичная, общественно безполезная дѣловитость, но она не убиваетъ въ человѣкѣ душу, не опошляетъ человѣка въ такой мѣрѣ, какъ мѣщанско-чиновничья дѣловитость Адуева. Патріархальный складъ жизни Лежневыхъ-Лаврецкихъ не давалъ мѣста ни карьеризму, ни конкуренціи, ни жаждѣ наживы — всѣмъ тѣмъ чертамъ, которыя такъ пышно развиваются на почвѣ капитализма, мѣщанства и чиновничества. Пошлость, присущая и укладу жизни Лежневыхъ-Лаврецкихъ, обезоруживаетъ своей безобидностью, добродушіемъ, тогда какъ въ Адуевыхъ передъ нами торжествующая пошлость. Съ этой точки зрѣнія переходъ отъ патріархальнаго усадебнаго склада жизни къ чиновничье-мѣщанскому-городскому не могъ не пугать тѣхъ, для кого пошлость была страшнѣе всего. Таковы были Герценъ, Тургеневъ. Такіе люди, какъ Бѣлинскій, не боялись пошлости, потому что слишкомъ вѣрили въ побѣду надъ ней, да и видѣли ея присутствіе не только въ новомъ, но и въ старомъ. Гончаровъ не боялся пошлости по другимъ причинамъ: онъ съ ней легче могъ мириться, чѣмъ съ другими чертами, присущими старому укладу, для него хуже всего недѣловитость. Его идеалъ — дѣловитость и эта дѣловитость заслоняетъ отъ него свою пошлую подкладку. Дѣловитость вынесена имъ изъ купеческой среды, къ которой онъ принадлежалъ по происхожденію, она составляетъ краеугольный камень его воззрѣнія. Въ этомъ отношеніи онъ рѣзко выдѣлялся изъ недѣловитыхъ сверстниковъ дворянъ, несмотря на близость съ ними по воспитанію. Такое положеніе сдѣлало Гончарова умѣреннымъ прогрессистомъ-оптимистомъ, въ противоположность умѣреннымъ прогрессистамъ-пессимистамъ или оптимистамъ-утопистамъ изъ дворянъ. Оно заставило Гончарова бодро смотрѣть на наступленіе господства буржуазно-чиновничьяго слоя, въ которомъ было въ всякомъ случаѣ больше дѣловитости, чѣмъ въ дворянствѣ. Это же положеніе позволило Гончарову произнести надъ дворянствомъ въ лицѣ „Обломова“ такой безапелляціонный приговоръ, на который не былъ способенъ во всѣхъ своихъ попыткахъ „развѣнчиванія“ Тургеневъ.

„Обломовъ“ — главное произведеніе Гончарова и историческій смыслъ его — развѣнчаніе дворянства и дворянскаго уклада жизни, отъ идеализаціи котораго не могли отрѣшиться Тургеневъ и Л. Н. Толстой.

Коробка.

Автобіографическія черты въ „Обыкновенной исторіи“.

„Обыкновенная исторія“ была первымъ романомъ Гончарова по времени своего созданія; въ ней естественно искать и болѣе непосредственнаго отраженія автобіографическихъ чертъ самого автора.

Вчитываясь внимательно въ это произведеніе, нельзя не замѣтить, дѣйствительно, что все оно — скорѣе художественный мемуаръ, съ самонаблюденіемъ на первомъ планѣ, чѣмъ романъ, и менѣе всего, какая бы то ни была, „исторія“. Исторія предполагаетъ извѣстную послѣдовательность въ переходѣ героевъ изъ одного состоянія въ другое. Здѣсь же мы видимъ не то: въ цѣломъ рядѣ сценъ изображается борьба дяди съ племянникомъ, переходящая, наконецъ, въ примиреніе, въ полное совпаденіе въ одномъ типѣ. Дядя разочаровываетъ племянника въ его юношескихъ мечтахъ о любви и дружбѣ, осмѣиваетъ его творческіе опыты, его незрѣлый идеализмъ, излагаетъ предъ нимъ практическую философію жизни и — черезъ нѣсколько лѣтъ — убѣждается, что слова его не пропали даромъ, что племянникъ — живое воплощеніе дяди. И насколько много этихъ сценъ, дѣлающихъ чтеніе романа подъ часъ утомительнымъ, настолько мало постепенности и равномѣрности въ изложеніи „исторіи“ въ узкомъ смыслѣ. Послѣднее совершается за спиной читателя; о ней въ короткихъ словахъ разсказываетъ самъ Гончаровъ. „Прошло болѣе двухъ лѣтъ. Кто бы узналъ нашего провинціала?...“ — такъ связываетъ Гончаровъ начало и продолженіе своего повѣствованія, но это — чисто внѣшная связь. Провинціалъ измѣнился только по наружности — онъ возмужалъ, „черты лица созрѣли и образовали физіономію“, и хотя Гончаровъ и добавляетъ, что „физіономія обозначала характеръ“, однако внутренняя перемѣна еще не наступила. Александръ все тотъ же — вплоть до послѣдней главы, за которой слѣдуетъ знаменитый эпилогъ. Въ этой главѣ дана попытка раскрыть внутренній процессъ совершившихся въ Александрѣ перемѣнъ, — попытка, безъ которой совпаденіе дяди и племянника въ одномъ типѣ было необъяснимымъ и случайнымъ.

Поѣздка Александра Адуева, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ столицѣ, можетъ найти себѣ параллель въ послѣдней поѣздкѣ Гончарова на родину, черезъ четырнадцать лѣтъ по окончаніи университетскаго курса. Мать нашла Александра Адуева похудѣвшимъ, задумчивымъ; волосы значительно порѣдѣли. Камердинеръ его, Евсей, объяснялъ эту перемѣну „писаньемъ“, которому ежедневно предавался его баринъ; запомнилъ онъ еще слово „разочарованный“, подслушанное въ отзывѣ Петра Ивановича объ Александрѣ, но другихъ, болѣе глубокихъ мотивовъ перемѣны въ баринѣ не могъ указать.

— Такъ-съ, резонно.

„Онъ взглянулъ на гувернантку, та улыбнулась, а я покраснѣлъ“...

Но вернемся къ „Обыкновенной исторіи“. „Прошло два-три мѣсяца“... Такъ прошло года полтора“... Въ Александрѣ Адуевѣ, на

протяженіи нѣсколькихъ страницъ, происходитъ, подъ вліяніемъ уединеннаго размышленія, то, что на языкѣ Петровъ Иванычей называется отрезвленіемъ, сознаніемъ сдѣланныхъ ошибокъ и готовностью итти на компромиссъ. „И что я здѣсь дѣлаю? за что вяну? — спрашиваетъ себя Александръ Адуевъ, уже тяготясь деревенскимъ бездѣльемъ. — Зачѣмъ гаснутъ мои дарованья? Почему мнѣ не блистать тамъ своимъ трудомъ?... Теперь я сталъ разсудительнѣе. Чѣмъ дядюшка лучше меня? Развѣ я не могу отыскать себѣ дороги? Ну, не удалось до сихъ поръ, пора!... нельзя же погибнуть здѣсь! Тамъ тотъ и другой — всѣ вышли въ люди... А моя карьера, а фортуна?“

Въ этихъ словахъ выразилась вся „исторія“ волшебно-быстраго превращенія племянника въ дядю; по отношенію къ ней весь романъ является не болѣе, какъ введеніемъ. Другими словами, Гончаровъ не столько заботился о томъ, *какъ* племянникъ переходилъ въ дядю, сколько говорилъ намъ: вотъ какимъ былъ Петръ Ивановичъ въ молодости, и вотъ какимъ онъ сталъ, когда сдѣлался старше, разсудительнѣе, благоразумнѣе. Читателямъ предоставлялось судить, что было лучше; на нихъ же возлагалась и отвѣтственность за то или другое толкованіе заглавія романа.

Симпатіи Гончарова лежали всецѣло на сторонѣ дяди. Когда создавался романъ, авторъ и по годамъ и по міросозерцанію былъ весьма близокъ къ Петру Ивановичу. Добрая половина жизни была уже отжита; раннія увлеченія и разочарованія, вмѣстѣ съ юношескимъ романтизмомъ, отошли въ область невозвратнаго прошлаго. О нихъ можно было вспоминать — когда съ улыбкой, когда съ легкимъ вздохомъ сожалѣнія, потому что въ нихъ было очень много хорошаго, теплаго, искренняго, было много наивной сердечной поэзіи. „Ахъ! если бы я могъ еще вѣрить въ это! — думаетъ Александръ, вспоминая бесѣды матери о Богѣ и Божьихъ ангелахъ. Младенческія вѣрованія утрачены, а что я узналъ новаго, вѣрнаго?... ничего: я нашелъ сомнѣнія, толки, теоріи... И отъ истины еще дальше прежняго... Къ чему этотъ расколъ, это умничанье?... Боже!... Когда теплота вѣры не грѣетъ сердца, развѣ можно быть счастливымъ! Счастливѣе ли я?... Гончарову не трудно было взять вѣрный тонъ человѣка, который разсказываетъ объ увлеченіяхъ и заблужденіяхъ своей собственной молодости, набрасывая на разсказъ легкую дымку ироніи, но подъ этой дымкой еще теплится любовь къ тому, чѣмъ украшалась молодость, чѣмъ она жила, во что вѣрила, и легкая грусть кое-гдѣ сквозила между строкъ, проникнутыхъ, на первый взглядъ, неподдѣльнымъ юморомъ.

Исключая эпилога, писатель нигдѣ не ставитъ Петра Ивановича въ комическое положеніе, подобное тому, въ какое ставитъ онъ на каждомъ шагу Александра. Писатель не допускаетъ и мысли, чтобы дядя хотя на минуту пересталъ быть резоннымъ и вѣрнымъ себѣ. Принципы его выработаны разъ навсегда, взгляды ясны, житейская философія цѣльна и закончена. Низведи его Гончаровъ съ пьедестала, и романъ его получилъ бы совершенно другой смыслъ, смыслъ, ко-

торый — кто знаетъ? — можетъ быть, болѣе соотвѣтствовалъ бы заглавію „обыкновенной исторіи“, чѣмъ теперь, когда послѣднее является нѣкоторой загадкой. Вѣдь если перемѣна, совершившаяся въ Александрѣ, естественна и необходима въ жизни, если Петръ Ивановичъ представляется Гончарову положительной величиной въ обществѣ, личностью въ нѣкоторомъ родѣ идеальной, то, съ точки зрѣнія автора, обыкновенная исторія должна представляться исторіей прекрасной, достойной подражанія и сочувствія: въ такомъ случаѣ — побольше бы такихъ обыкновенныхъ исторій, и въ результатѣ окажется больше порядка въ общественной и домашней жизни, больше ясности въ сложныхъ человѣческихъ отношеніяхъ, наконецъ, больше практической и государственной пользы.

Едва ли Гончаровъ задумывался надъ теоретической постановкой вопроса о значеніи Петра Ивановича какъ общественнаго типа, и о томъ, въ какихъ отношеніяхъ находится этотъ типъ къ общему смыслу романа и, въ частности, къ его заглавію. Это и для насъ вопросъ второстепенный. Важно то, что Александръ Адуевъ и Петръ Ивановичъ тожественны въ своей сущности и писаны, несомнѣнно, съ одного лица, только въ разные періоды его жизни.

Тожественность эта прямо поразительна. Біографія Александра оказывается весьма схожею съ біографіей Петра Ивановича въ молодости. Дѣтство обоихъ проходитъ въ одинаковыхъ условіяхъ; они получаютъ одинаковое воспитаніе, учатся въ университетѣ и — каждый въ свое время — одинаково относятся къ наукѣ, искусству, литературѣ. Оба, опять таки каждый въ свое время, влюбляются по нѣсколькý разъ, сначала у себя на родинѣ, въ деревнѣ, гдѣ оба плачутъ надъ озеромъ, рвутъ желтые цвѣты, пишутъ въ одинаковыхъ выраженіяхъ влюбленныя письма, потомъ въ столицѣ то очаровываются, то падаютъ съ небесъ, „бѣснуются, ревнуютъ“, наконецъ, остываютъ, становятся благоразумными и стараются забыть „глупости“ молодыхъ лѣтъ. Въ итогѣ у обоихъ — крупный чинъ, орденъ на шеѣ, лысина, сѣдина на вискахъ и въ бакенбардахъ, хорошее состояніе, а главное — одинаковое отношеніе къ благамъ жизни, одно и то же міросозерцаніе, вкусы, привычки... даже боль въ поясницѣ и манера выражаться, и та, по духу ближайшей родственности, перешла отъ старшаго къ младшему. Одна и та же личность — въ два разные момента. Въ стремленіи сопоставить эти моменты, сдѣлать изъ нихъ большую и малую посылку для вывода — „обыкновеная исторія“, — авторъ совершенно упустилъ изъ виду необходимость исторической перспективы при обрисовкѣ развитія каждаго изъ героевъ. Петръ Ивановичъ лѣтъ на пятнадцать, на двадцать старше Александра. Въ эти пятнадцать, двадцать лѣтъ русская жизнь — заключимъ ее въ промежутокъ двадцатыхъ-сороковыхъ годовъ, — несмотря на всѣ преграды, все же значительно ушла впередъ въ смыслѣ умственнаго и общественнаго самосознанія, въ смыслѣ отношенія къ кореннымъ явленіямъ своей современности. Эта сторона сама по себѣ совершенно не затронута въ романѣ,

а между тѣмъ въ ней-то и слѣдовало искать раскрытія общественнаго значенія романа, какъ оно представлялось автору. Въ этомъ отношеніи Гончаровъ не далъ ни одного намека на смѣну поколѣній, на борьбу отживающихъ традицій съ новыми вѣяніями, на все то, что создаетъ неизбѣжную и вѣчную разницу между отцами и дѣтьми, разницу, необходимость которой столько же коренится въ законахъ природы, сколько въ условіяхъ историческаго развитія общества. То, что мелькаетъ, какъ новое вѣяніе въ Александрѣ, въ свое время промелькнуло въ Петрѣ Ивановичѣ, и какъ въ одномъ, такъ и другомъ случаѣ, оставило послѣ себя слѣдъ въ воспоминаніяхъ, которыхъ впослѣдствіи стыдились оба героя „Обыкновенной исторіи“. Словомъ, историческая точка зрѣнія была чужда Гончарову, когда онъ писалъ этотъ романъ: его занимала не послѣдовательность въ развитіи тѣхъ или иныхъ общественныхъ типовъ, какъ онъ наблюдалъ ихъ въ окружающей жизни, а собственныя воспоминанія, попытка разобраться въ томъ, чѣмъ онъ былъ пятнадцать, двадцать лѣтъ назадъ и чѣмъ сталъ, успокоившись отъ напрасныхъ стремленій и безплоднаго романтизма юношескихъ порывовъ.

Въ этомъ смыслѣ „Обыкновенную исторію“ можно назвать не романомъ, а художественной автобіографіей. Въ ней разсказана выработка формально-дѣловой, житейски-практической стороны міросозерцанія Гончарова, тотъ внѣшній укладъ его, которымъ онъ былъ въ частности къ людямъ, съ которыми онъ сталкивался въ повседневной жизни.

Эта сторона дѣловитой практичности, возведенной въ своего рода икусство, затронута и въ другихъ романахъ. Въ „Обрывѣ“ мы видѣли ее въ лицѣ Аянова. Въ „Обломовѣ“ ее олицетворяетъ заводчикъ Штольцъ, весьма напоминающій „тайнаго совѣтника и заводчика“ Петра Адуева, и столь же любезный сердцу Гончарова, скрасившаго, такъ или иначе, свое купеческое происхожденіе чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. И тотъ фактъ, что генералы обратились къ практической дѣятельности въ области промышленности и торговли, игралъ въ глазахъ нашего писателя немаловажную роль; отъ этого, казалось, возвышалось самое званіе промышленника и купца, самое дѣло пріобрѣтало оттѣнокъ особой порядочности и благородства. Раньше, говоритъ онъ въ своей исповѣди, считалось чуть не униженіемъ отдаваться пракитческому дѣлу заводчика. „Тайные совѣтники мало рѣшались на это. Чинъ не позволялъ, а званіе купца — не было лестно“.

Если бы Гончаровъ далъ себѣ трудъ провѣрить, сколько среди бюрократическихъ дѣльцовъ прошло на его глазахъ индивидуально-честныхъ Адуевыхъ и гуманныхъ Штольцевъ, онъ увидѣлъ бы, что таковыхъ было весьма немного. Не ими гордится русское общество, останавливаясь мыслью на недавнемъ прошломъ, о которомъ могъ говорить Гончаровъ: въ его настоящихъ, передовыхъ и чернорабочихъ дѣятеляхъ за этотъ періодъ было немного истыхъ бюрократовъ, въ духѣ Петра Ивановича, а бюрократовъ-заводчиковъ и того меньше.

Но Гончаровъ не дѣлалъ попытокъ провѣрять жизненность своихъ типовъ въ томъ значеніи, какое онъ придавалъ имъ на примѣрахъ дѣйствительной жизни. И это, конечно, говорится не въ укоръ ему,— мы далеки отъ мысли предъявлять подобныя требованія къ художникамъ, — но когда послѣдніе, не довольствуясь созданіемъ образа, начинаютъ морализировать по поводу его, — ихъ невольно хочется иной разъ перенести изъ мастерской, изъ мерцающихъ сумерекъ вдохновенія и гармоніи, въ обычную людскую толпу, съ шумомъ и гамомъ, заботами и смѣхомъ повседневной жизни, такъ, чтобы они на время забыли свою палитру и краски, смѣшались съ толпой и въ хаосѣ ея разнородныхъ стремленій утопили свои личные интересы, личныя радости и скорби.

Жизнь Гончарова рано приняла ровное и слишкомъ ужъ обособленное теченіе, чтобы явленія общественнаго или массоваго характера могли захватить и увлечь его. Можетъ быть, это теченіе какъ нельзя болѣе подходило къ необходимѣйшимъ условіямъ его творческой дѣятельности, менѣе всего требовавшей толчковъ и побужденій извнѣ, изъ жизни, изъ самаго горнила ея, гдѣ кипятъ страсти и бьется въ противорѣчіяхъ мысль, — но оно, это спокойствіе, дѣлало его мало отзывчивымъ на запросы окружающей среды, какъ только они выходили изъ круга идей извѣстнаго порядка, изъ рамокъ органически развившагося и ставшаго привычнымъ міросозерцанія.

Это характерное для Гончарова, привычное міросозерцаніе выражалось вполнѣ опредѣленнымъ отношеніемъ къ служебнымъ обязанностямъ. Здѣсь Гончаровъ былъ человѣкомъ внѣшняго долга, добросовѣстнымъ работникомъ, однако никогда не доводившимъ своей исполнительности до настоящей, сознательной любви къ службѣ. Но едва ли не съ большей полнотой выражалось это міросозерцаніе въ томъ укладѣ и порядкѣ, который завелъ Гончаровъ у себя дома, куда уходилъ онъ и отъ назойливой суеты свѣтски-общественной жизни, и отъ „исполненія“ нужныхъ и ненужныхъ бумагъ. *Ляцкій.*

Сонъ Обломова.

Въ этомъ отрывкѣ выступаютъ почти однѣ достоинства Гончарова, не подавляемыя никакою напередъ заданною мыслью. Прежде, нежели авторъ переноситъ васъ въ „Райскій уголокъ зелени“, созданный сномъ Обломова, онъ, нѣсколькими штрихами мастерского карандаша, рисуетъ иной край, иную жизнь, совершенно противоположные тѣмъ, въ которые переноситъ насъ сонъ героя... Вы чувствуете присутствіе спокойнаго творчества, которое по волѣ своей переноситъ васъ въ тотъ или другой міръ, и всему сочувствуетъ съ равною любовью. Передъ вами до мелкихъ оттѣнковъ создается знакомый вамъ съ дѣтства бытъ, міръ тишины и невозмутимаго спокойствія во всей его

непосредственности. Поэтъ умѣетъ стоять въ уровень съ создаваемымъ міромъ, быть и комически-наивнымъ въ разсказѣ о чудовищѣ, найденномъ въ оврагѣ обитателями Обломовки, и глубоко-трогательнымъ въ созданіи матери Обломова, и психологомъ въ исторіи съ письмомъ, которое такъ страшно было распечатать мирнымъ жителямъ райскаго уголка, и, наконецъ, истиннымъ, объективнымъ поэтомъ въ изображеніи того послѣобѣденнаго сна, который объемлетъ всю Обломовку, который полонъ неодолимаго обаянія. Въ какой степени Гончаровъ одаренъ тактомъ дѣйствительности — доказываетъ еще превосходное мѣсто о сказкахъ, которыя повѣствовались маленькому Ильѣ Ильичу и всѣмъ намъ болѣе или менѣе: поэтъ развиваетъ всю эту пеструю сказочную канву и озаряетъ ее, въ отношеніи къ намъ и къ нашему общему развитію, свѣтомъ новой, вѣрной и ясной мысли. Напоминаемъ еще читателямъ семейный разговоръ въ сумерки, негодованіе жены Ильи Ивановича на его безпамятство въ отношеніи къ разнымъ примѣтамъ, сборы его отвѣчать на письмо, составившее на нѣсколько времени предметъ тревожнаго страха: все это — черты художническія. Повторяемъ опять: „Сонъ Обломова“ — полный, самъ въ себѣ замкнутый, художнически созданный міръ, который влечетъ васъ въ свой кругъ — и очарованіе ваше не нарушается ни разу.

Изъ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1850 г.

Содержаніе романа Гончарова „Обломовъ“ и дѣйствующія въ немъ лица.

„Обыкновенная исторія“ разомъ поставила Гончарова въ число передовыхъ дѣятелей русской литературы. Десять лѣтъ тому назадъ она произвела много шума въ журнальномъ мірѣ и вызвала предсмертную критическую статью В. Бѣлинскаго. Тогда же опредѣлились и были замѣчены главныя свойства этого новаго таланта: тонкое, художественное чувство, положившее печать на каждую страницу названнаго произведенія и вѣрный анализъ всякаго, даже мимолетнаго движенія сердца и мысли. Художественное спокойствіе, разлитое во всемъ произведеніи Гончарова, не дающее мѣста искаженному представленію предмета, дало поводъ сказать кому-то, что на Гончаровѣ „почилъ духъ Пушкина“. Мы не войдемъ въ подробное объясненіе того, насколько справедливо это сравненіе: намъ хотѣлось только указать причину, породившую его. За „Обыкновенной исторіей“ скоро появилась повѣсть въ двухъ частяхъ того же автора: „Иванъ Саввичъ Поджабринъ“. При разборѣ этого произведенія, одинъ критикъ опять напомнилъ читателямъ разъ усвоенную мысль объ отличительныхъ свойствахъ таланта Гончарова. Въ повѣсти дѣйствуетъ смѣшное лицо, проводящее жизнь въ безпрестанной перемѣнѣ квартиръ и пошломъ

волокитствѣ за кѣмъ пришлось. Подобное лицо, очевидно, не стоило того анализа, который былъ такъ умѣстенъ въ болѣе широкомъ сюжетѣ „Обыкновенной исторіи“, и критикъ, сожалѣя о напрасно потраченной силѣ, не преминулъ указать автору на измѣну естественному направленію своего таланта.

Вскорѣ послѣ того Гончаровъ напечаталъ коротенькій эпизодъ изъ разбираемаго нами романа, подъ заглавіемъ: „Сонъ Обломова“.

Лестный пріемъ, оказанный публикой первому произведенію Гончарова, сознательныя похвалы критиковъ, казалось, должны были поощрить молодого автора на томъ пути, который указывалъ ему собственный „высшій судъ“ надъ своимъ первымъ трудомъ. Но въ долгій промежутокъ между 1849 и 1859 годами авторъ только одинъ разъ напомнилъ о себѣ, объѣхавъ кругомъ свѣта и собравши свои путевыя впечатлѣнія въ книгѣ: „Фрегатъ Паллада“. Публика не объяснила себѣ такого продолжительнаго молчанія любимаго автора, а нынѣ, держа въ рукахъ его новое произведеніе, уже мало думаетъ объ этомъ вопросѣ. „Лишь былъ бы хорошъ новый романъ — думаетъ про себя каждый читатель,—а тамъ, что за дѣло до огромнаго пространства времени, приготовлявшаго меня къ этому чтенію“. Такой читатель, конечно, и правъ, если вспомнить нашу народную сказку объ одномъ богатырѣ, сидѣвшемъ 30 лѣтъ сиднемъ, чтобы выйти потомъ на геройскіе подвиги...

Но, оставляя въ сторонѣ вопросъ о медленности авторской работы, читатель строже смотритъ на самый трудъ долго молчавшаго автора. Какъ употребилъ авторъ свои силы? Насколько новое его произведеніе отвѣчаетъ потребностямъ времени и искусства? — вотъ вопросы, которые тѣмъ взыскательнѣе разрѣшаются читателемъ, чѣмъ скорѣе помирился онъ съ продолжительнымъ молчаніемъ автора, чѣмъ дальше онъ отъ мысли составлять послужные литературные списки. Но, подступивъ къ роману съ одинаково строгими требованіями, читатели высказались о немъ совершенно различно. Однимъ показался онъ скучнымъ и растянутымъ; ихъ удивило то, что въ романѣ нѣтъ *дѣйствія:* герой его почти все время валяется на диванѣ и изъявляетъ очень мало признаковъ жизни. Такіе цѣнители, очевидно, хотятъ еще, чтобы герой романа не складывалъ рукъ отъ усиленной дѣятельности, чтобы все кипѣло и спорилось у него подъ руками, какъ у сказочнаго Монте-Кристо, чтобъ онъ разрушалъ и созидалъ. Другіе, признавая, что не однѣ только внѣшнія дѣйствія могутъ быть основой романа, любуются той чрезвычайной простотой и легкостью, съ которою авторъ рѣшаетъ самыя сложныя психологическія задачи, ведетъ самыя трудныя, смѣшныя или патетическія сцены. Кромѣ изустныхъ мнѣній послышались печатные голоса, кратко или подробно, прямо или криво, разсуждавшіе о новомъ романѣ. Изъ провинціи принесся одобрительный отзывъ Гончарову, и хотя провинціальный читатель сильно оборвался на отгадкѣ окончанія романа, забывъ русскую пословицу: „поспѣшишь — людей насмѣшишь“, но тѣмъ не менѣе онъ горячо принялъ къ сердцу новое произведеніе даровитаго автора.

Какъ бы то ни было, но романъ произвелъ сильное впечатлѣніе въ обществѣ: слово „обломовщина“ сдѣлалось нарицательнымъ, мысль автора больше или меньше понята читающей массой. Ясно, что романъ не лишенъ особенно важныхъ достоинствъ, что въ немъ затронута всѣмъ доступная и всѣмъ интересная сфера современной жизни. Дѣйствительно, талантъ Гончарова не истраченъ здѣсь на мелочную, нестоющую его работу, а современная жизнь захвачена въ такихъ широкихъ граняхъ, что ей долго не наполниться новымъ содержаніемъ.

Мы напомнимъ читателямъ сюжетъ романа, чтобы имъ самимъ не трудно было провѣрять наши комментаріи и даже сдѣлать послѣднее заключеніе изъ словъ нашихъ.

Обломовъ — лицо, давшее названіе роману, — представляетъ намъ цѣлый типъ, чисто-русскій и вполнѣ современный. Илья Ильичъ воспитывался въ глуши, въ далекой Обломовкѣ — одномъ изъ средоточій доморощенныхъ баръ. *Жирная*, неподвижная жизнь окружала его съ ранняго дѣтства, пріучила къ лѣни и умственной безпечности, убаюкала нравственныя силы колыбельными сказками, лѣнивой спячкой окружающихъ людей, ихъ зѣвотой и послѣобѣденными вздохами, отъ которыхъ, по выраженію польскаго писателя, „тухнутъ свѣчи“. Образованіе, котораго потребность смутно признавалась въ Обломовкѣ, по уваженію къ его житейскимъ выгодамъ, присутствовало въ дѣтской жизни Обломова какимъ-то сухимъ, убійственнымъ началомъ, прогоняющимъ аппетитъ у мальчика и румяный цвѣтъ съ его личика. Благородное дитя побывало нѣкоторое время „въ наукѣ“ у нѣмца, управлявшаго сосѣднимъ имѣньемъ, да немного вынесло изъ рѣдкихъ и докучныхъ для всего обломовскаго семейства поѣздокъ. „Умъ и сердце ребенка исполнились всѣхъ картинъ, сценъ и нравовъ обломовскаго быта прежде, нежели онъ увидѣлъ первую книгу“ (Сонъ Обл. Ч. I, стран. 112). Немудрено послѣ этого, что одинъ видъ книги, заслонявшей вкусные обломовскіе обѣды и безпечную игру въ снѣжки, производилъ въ ребенкѣ тошноту и уныніе. Изображеніе этого періода въ жизни Обломова поражаетъ у автора своей полнотой и отчетливостію. Не забыта ни одна малѣйшая подробность, дающая описанію новую, свѣжую краску дѣйствительности, — и при вторичномъ чтеніи особенно ярко выступаетъ на видъ художественная отдѣлка. Невольно переносишься при этомъ въ свое давно мелькнувшее дѣтство и реставрируешь въ памяти нѣсколько уже поблѣднѣвшія картины... Мы говоримъ, конечно, про такого читателя, который на дѣлѣ испыталъ всѣ невзгоды и все, подчасъ непреодолимое обаяніе обломовщины, а такихъ читателей очень много.

Но даровитая натура Обломова удержала его отъ окончательнаго паденія: онъ побывалъ таки въ университетѣ, черпнулъ, сколько хватило силъ, книжной мудрости. Онъ помечталъ вволю о служеніи родинѣ, толковалъ о богатствѣ ея неузнанныхъ и неразработанныхъ силъ, читалъ Шиллера и давалъ читать двумъ хорошенькимъ особамъ, желая развить ихъ своими бозкорыстными попеченіями. Но все это

было коротенькимъ, хотя и свѣтлымъ, эпизодомъ въ сонной жизни Обломова. Молодая кровь и природная даровитость не могли однѣ загладить слѣдовъ первоначальнаго воспитанія, къ тому же и въ эту короткую пору Обломовъ отчасти рисовался своими добрыми стремленіями (ч. II, стран. 284). Пока онъ несъ только службишку — „служба“ стояла впереди. Служба эта была, конечно, выбрана на поприщѣ административной дѣятельности — давнишней аренѣ молодыхъ дарованій и людей съ преобразовательными наклонностями. Но Обломовъ „до того былъ проникнутъ семейнымъ началомъ, что и будущая служба представлялась ему въ видѣ какого-то семейнаго занятія, въ родѣ, напр., лѣниваго записыванья въ тетрадку прихода и расхода, какъ дѣлалъ его отецъ“ (ч. I, стран. 51).

Между тѣмъ юношескій жаръ спалъ съ нашего героя: отъ него потребовали не праздныхъ разсужденій, не „открытій въ сферѣ идей“, а практической работы, ведущей длиннымъ и скучнымъ коридоромъ къ дальнимъ покоямъ всесильной распорядительной власти. А ему бы хотѣлось миновать все это, выбрать какую-нибудь боковую, обходную дорожку, которая бы скорѣе и надежнѣе привела его къ цѣли, чѣмъ грубая и тяжелая цѣпь долгаго труда, пчелиной работы. При такомъ наивномъ взглядѣ на служеніе общему дѣлу, Обломову, конечно, не посчастливилось на „дѣйствительной службѣ“, и онъ очень скоро, отославъ какую-то нужную бумагу, вмѣсто одного города въ другой, принужденъ былъ выйти въ отставку...

Что жъ дѣлать теперь? Заняться наукой, взять въ руки заброшенное имѣнье и осчастливить хотя триста человѣкъ своихъ крестьянъ за отсутствіемъ болѣе широкой карьеры? — но для этого опять-таки нуженъ трудъ, нужны терпѣніе и сноровка. „Жизнь у Обломова была сама-по-себѣ, а наука сама-по-себѣ“, говоритъ намъ авторъ. „Обломовъ не привыкъ къ движенію, къ жизни, къ многолюдству и суетѣ“ (ч. I, стран. 55). Наконецъ, „жизнь въ его глазахъ раздѣлялась на двѣ половины: одна состояла изъ труда и скуки — это у него были синонимы, другая — изъ покоя и мирнаго веселья“ (ч. I, стран. 50). Первую половину онъ надѣялся пройти кое-какъ, опираясь на триста крѣпостныхъ людей и всякаго добраго человѣка, готоваго принять на свою спину чужое бремя, вторую безраздѣльно присвоивалъ себѣ. Принявъ все это во вниманіе, мы безъ труда поймемъ, что книга скоро начала вываливаться изъ бѣлыхъ ручекъ выхоленнаго барина, имѣніе падало съ году на годъ, а Обломовъ все лѣнился встать съ дивана, дочитать развернутую и запыленную книгу, хлопотать и работать на пользу трехсотъ безгласныхъ, вполнѣ ему ввѣренныхъ существъ. Поэтическія минуты, удѣленныя всѣмъ невполнѣ черствымъ и сколько-нибудь развитымъ натурамъ, тѣ золотыя мгновенія, когда, по словамъ поэта:

... на сердцѣ радостно, свѣтло,
Какъ бы эѳирною струею
По жиламъ небо протекло —

все рѣже и рѣже выпадали на долю Обломова. Находя возможнымъ отдѣлаться отъ труда и дѣятельности, для которыхъ отвелъ такой тѣсный и невзрачный уголокъ въ своей жизни, онъ нечувствительно отравлялся имъ же подготовленнымъ ядомъ, отучился *дѣлать* и *жить*. Вотъ какъ говорилъ онъ про себя и свою прошлую жязнь, когда лѣнивая вседневная дремота окончательно пришибла его нравственныя силы:

...„Въ жизни моей никогда не загоралось ни спасительнаго ни разрушительнаго огня. Она не была похожа на утро, на которое постепенно падаютъ краски, огонь, которое потомъ превращается въ день, какъ у другихъ, и пылаетъ жарко, и все кипитъ и движется въ яркомъ полуднѣ и потомъ все тише и тише, все блѣднѣе и все естественнѣе, и постепенно гаснетъ къ вечеру. Нѣтъ жизнь моя началась съ погасанія. Странно, а это такъ? Съ первой минуты, когда я созналъ себя, я почувствовалъ, что я уже гасну. Началъ я гаснуть надъ писаніемъ бумагъ въ канцеляріи, гаснулъ потомъ, вычитывая въ книгахъ истины, съ которыми не зналъ что дѣлать въ жизни, гаснулъ съ пріятелями, слушая толки, сплетни, передразниванье, злую и холодную болтовню, глядя на дружбу, поддерживаемую сходками безъ цѣли, безъ симпатіи, гаснулъ и губилъ силы съ Миной: платилъ ей больше половины своего дохода и воображалъ, что люблю ее, гаснулъ въ уныломъ и лѣнивомъ хожденіи по Невскому проспекту, среди енотовыхъ шубъ и бобровыхъ воротниковъ,— на вечерахъ, въ пріемные дни, гдѣ оказывали мнѣ радушіе, какъ сносному жениху; гаснулъ и тратилъ по мелочи жизнь и умъ, переѣзжая изъ города на дачу, съ дачи на Гороховую, опредѣляя весну привозомъ устрицъ и омаровъ, осень и зиму — положенными днями, лѣто — гуляньями, и всю жизнь — лѣнивой и покойной дремотой“ (ч. I, стран. 285 и 286). Трудно было бы Обломову выйти собственными усиліями изъ того положенія, въ которое онъ вошелъ такъ послѣдовательно: только сильный толчокъ могъ бы сдѣлать такое чудо, хотя на нѣкоторое время. Гончаровъ угадалъ эту движущую силу: онъ сблизилъ Обломова съ Ольгой Ильинской...

Но здѣсь мы принуждены сдѣлать маленькое отступленіе, чтобъ объяснить этотъ важный фазисъ въ романѣ. Еще въ дѣтскихъ лѣтахъ, Обломовъ чувствовалъ дружбу къ Андрюшѣ Штольцу, сыну управляющаго надъ сосѣднимъ имѣньемъ, куда возили учиться юнаго барченка. Съ годами дѣтская дружба перешла въ неразрывную нравственную связь, сдѣлалась единственнымъ узломъ, привязывавшимъ Обломова къ жизни. Андрей воспитался подъ самыми счастливыми условіями: съ одной стороны, на него дѣйствовала нѣсколько грубоватая, трудовая жизнь бюргера-отца, съ другой — не оставались безслѣдными и близость Обломовки съ сибаритскими наклонностями ея обитателей, и нѣжныя заботы образованной матери, развившей въ ребенкѣ bon-goût и стремленіе къ иной, болѣе возвышенной, артистической и поэтической жизни, безъ сажи и копоти механическихъ производствъ, обвѣянной

музыкальными звуками Герца, мечтами о славѣ воина или писателя. Отъ совокупнаго дѣйствія этихъ разнородныхъ причинъ, изъ Штольца не вышелъ ни тяжелоумный ремесленникъ, считающій жизнь добытыми рублями, ни лѣнивый баричъ, не вѣдающій и не желающій вѣдать практической жизни, — а сильный, привлекательный характеръ, стоящій на рубежѣ между указанными личностями, примирившій въ себѣ начала труда и возвышенной умственной жизни. Остается только необъясненнымъ въ романѣ, отчего мать Штольца, гувернантка изъ богатаго дома, съ довольно-аристократическими наклонностями, рѣшилась выйти за нѣмца-управляющаго, когда „на ея взглядъ во всей нѣмецкой націи не было и не могло быть ни одного джентльмена“? (ч. I, стран. 257).

Характеръ Штольца діаметрально-противоположенъ характеру Обломова: Штольцъ дѣятеленъ и настойчивъ въ исполненіи мысли, но этой противоположностью онъ еще болѣе привлекаетъ къ себѣ Обломова, видѣвшаго въ немъ единственное годное проявленіе постылой въ остальномъ жизни. Бодрый и всегда дѣятельный, Штольцъ не могъ хладнокровно видѣть постепенное паденіе своего друга: испытавъ всѣ мѣры къ его нравственному возрожденію, онъ рѣшился сблизить его съ умной, самолюбивой и рѣшительной женщиной. Онъ разсчитывалъ въ этомъ случаѣ только на одно умственное вліяніе, просмотрѣвъ движеніе чувства, давшее иной исходъ отношеніямъ Обломова къ Ольгѣ. Нѣжность и сердечная чистота со стороны Обломова, самолюбіе и „игра нервовъ“ съ другой, скоро придали особенную теплоту и искренность этимъ отношеніямъ, и, возбудивъ въ Обломовѣ сильную страсть, вызвали въ Ольгѣ то особенное настроеніе духа, которое прекрасно названо у Гончарова „предчувствіемъ любви“. Полной, горячей страсти къ себѣ не могъ возбудить Обломовъ: мало душевной силы, мало энергіи вносилъ онъ въ свое чувство, застывшее и неразвивающееся, — но его несомнѣнныя достоинства, его, хотя неспособная на долгія, сознательныя жертвы, но все же искренняя привязанность должны были отозваться въ душѣ Ольги чѣмъ-то непохожимъ на простую дружбу, чувствомъ болѣе нѣжнымъ и увлекательнымъ.

Но если это чувство не было дружбой по особенной теплотѣ и участію нервовъ и крови, — оно же не могло назваться и любовью въ томъ высшемъ, истинномъ смыслѣ, когда она возвышается до полнаго, безусловнаго совпаденія въ любящихъ лицахъ всѣхъ душевныхъ чувствъ и наклонностей. Подъ вліяніемъ молодости, идеальнаго изображенія, которое Штольцъ сдѣлалъ Обломову, собираясь дѣйствовать на него путемъ сближенія съ умной женщиной, Ольга рѣшилась было отдаться вполнѣ Обломову... Но это самозабвеніе не могло долго длиться: природная тонкость и здравость ума скоро помогли Ольгѣ оцѣнить безпристрастно личность Обломова: видя ясно, что любовь не преображаетъ его, что онъ, по прежнему, уставая и отъ любви, какъ отъ жизни, входитъ въ роль спящаго или скучающаго человѣка, Ольга, дрожа и страдая, высказываетъ ему горькія истины, накопившіяся

въ теченіе многихъ мѣсяцевъ ихъ близкихъ сношеній. Обломовъ съ ужасомъ узнаетъ всю правду сказанныхъ ему словъ, и жестокая горячка оканчиваетъ для него болѣе печальную, чѣмъ радостную драму любви. Ольга выходитъ за Штольца.

Вотъ въ короткихъ словахъ сюжетъ, изъ котораго Гончаровъ создалъ намъ широкую картину русской жизни. Отсюда видно уже, что романъ не увлечетъ неожиданностью развязки, разнообразіемъ внѣшнихъ событій, — тѣмъ дешевенькимъ интересомъ, котораго еще такъ недавно съ жадностью искали въ литературѣ многіе изъ нашихъ читателей. Взамѣнъ этого, романъ представляетъ намъ строго обдуманные характеры, цѣлый рядъ взвѣшенныхъ и анализированныхъ фактовъ, и вслѣдствіе этого ту поучительность, которая не нуждается въ нравственныхъ сентенціяхъ, а прямо и свободно воспринимается общественнымъ сознаніемъ.

Три личности являются намъ на первомъ планѣ произведенія: про нихъ мы исключительно говорили въ нашемъ обзорѣ, опустивъ другія, менѣе важныя, менѣе типичныя. Обломовъ — центръ этого міра: около него сосредоточены всѣ прочіе дѣятели въ романѣ; на немъ пробуютъ свои силы и буйный, вороватый Тарантьевъ, объѣдающій и опивающій Обломова въ ту силу, что они — „земляки“, и умный Штольцъ и милая, нѣсколько насмѣшливая, Ольга. Обломовъ, сказали мы, представляетъ намъ цѣлый типъ, Обломова вы встрѣтите на каждомъ шагу, въ той или другой одеждѣ, подъ тѣмъ или другимъ именемъ, — и не нужно быть Помпеемъ, чтобы набрать ихъ цѣлые легіоны... Еще издавна русская жизнь сложилась такъ, что Обломовъ сдѣлался присущимъ ей явленіемъ. Гончаровъ справедливо замѣтилъ, что и въ русскихъ сказкахъ счастіе благопріятствуетъ только Обломовымъ — людямъ безъ воли и дѣятельности. Совокупность причинъ, всего чаще приводящихъ насъ къ этому типу, названа въ романѣ „обломовщиной“, и стоитъ того, чтобы подумать надъ ней. Одинъ критикъ дѣльно сказалъ, что не только въ Рудинѣ и Бельтовѣ, но даже въ Онѣгинѣ и Печоринѣ мы видимъ задатки будущаго Обломова. Одна общая черта въ нихъ — обиліе душевныхъ силъ дурно употребленныхъ или — что почти то же — совсѣмъ загашенныхъ, вслѣдствіе ненормальнаго развитія. Еще Бельтовъ жаловался на то, что „онъ обреченъ на бездѣйствіе“ злою судьбою, между тѣмъ какъ въ немъ много „и силы и крови“. Угадывая свое высокое назначеніе, Бельтовъ бросался и на медицинскія занятія и на занятія художествами, — и все-таки назначеніе это ускользало у него изъ-подъ рукъ, „деревня сгорала между глазъ“. Гордый и самонадѣянный, но въ высшей степени непрактичный, щедрый на слова и скупой на упорные, продолжительные труды, Бельтовъ бросалъ дѣло на полдорогѣ, кокетничалъ и съ собой и съ другими „глубиной своего пониманія“, но не хотѣлъ, или не могъ понять даже простой азбучной истины: безъ труда — нѣтъ плода. Въ параллель съ нимъ, Обломовъ „и въ пропасть полетѣлъ бы, и сдѣлалъ бы великое дѣло — будь это возможно

въ одну минуту“ (ч. III). Онъ не прочь бы и крестьянъ устроить, и наукой заняться, и за границу съѣздить, если бъ можно было отправиться въ путь на коврѣ-самолетѣ, писать планъ имѣнью, не прикасаясь рукой къ бумагѣ, изучить науку въ одинъ присѣстъ. Онъ также не прочь сослаться и на „судьбу-злодѣйку“, давнишнюю мачеху русскаго человѣка: „онъ отростилъ себѣ брюхо — говоритъ Штольцъ — и думаетъ, что судьба послала ему эту ношу“ (ч. IV, стран. 282). Въ отношеніяхъ къ женщинамъ, Рудинъ тоже не много отошелъ отъ Обломова: и тотъ и другой одинаково пали передъ умной, энергической женщиной, не прельстившейся однимъ краснословіемъ или тупымъ, хотя и искреннимъ, обожаніемъ; тотъ и другой равно спасовали передъ сильной волей, на все готовой рѣшимостью. Можно не проводить далѣе параллели между Обломовымъ и указанными лицами: вспомнимъ только, что выходка Онѣгина въ саду сильно напоминаетъ письмо Обломова къ Ольгѣ: и тамъ и здѣсь одинаково поучительный тонъ, принятый, Богъ вѣсть, по какому праву и профанированный послѣдующими дѣйствіями, тамъ и здѣсь — пріятное щекотанье удовлетвореннаго самолюбія. Вспомнимъ также, что и въ отношеніяхъ Печорина къ женщинамъ нѣсколько проглядываетъ тонкая черта „обломовщины“, именно въ томъ странномъ выборѣ, который привлекъ его не къ смѣлой и рѣшительной Лиговской, а къ вялой и нетребовательной Вѣрѣ. Впрочемъ, въ образованіи печоринскаго характера участвовали два сильные двигателя, не вошедшіе въ личность Обломова: рѣзкораздражительное самолюбіе и желчный темпераментъ, а потому Печоринъ менѣе похожъ съ перваго взгляда на нашего Илью Ильича.

Возводя къ крайнимъ причинамъ появленія Обломовыхъ, нельзя также упустить изъ виду самую сферу общественной дѣятельности, въ которой вращаются эти люди и гдѣ могутъ найтись сильныя препятствія для нормальнаго, послѣдовательнаго перехода отъ мысли къ дѣлу, отъ убѣжденія къ проповѣди. Благодаря этимъ извилистымъ и ухабистымъ путямъ текущей жизни, часто приходится человѣку — или броситься, очертя голову, въ заколдованный кругъ общественныхъ интересовъ, не различая средствъ, указавъ себѣ только одну далекую, трудно-достижимую цѣль, или, сославшись на трудность безкорыстнаго, безстрашнаго служенія общему дѣлу, свернуться „комомъ тѣста“ на диванѣ въ собственной комнатѣ и заколотить наглухо окна, двери и щели, куда бы могъ пробиться живительный лучъ Божьяго свѣта. Калиновичъ и Обломовъ, Обломовъ и Калиновичъ — это двѣ стороны одной и той же медали, два цвѣтка на одномъ корнѣ. Что заставляетъ поэта высказывать самому себѣ такія горькія истины:

Чужихъ страданій жалкій зритель,
Я жизнь растратилъ безъ плода,
И вотъ проснулась совѣсть — мститель,
И жжетъ лицо огнемъ стыда....
Чужой бѣдой я волновался,
Отъ слезъ чужихъ не спалъ я ночь, —

И все молчалъ и все боялся,
И никому не могъ помочь...
Убитъ нуждой, убитъ трудами,
Мой братъ и чахъ и погибалъ;
Я закрывалъ лицо руками,
И плакалъ, плакалъ — и молчалъ!...
Я слышалъ злу рукоплесканья
И все терпѣлъ, едва дыша,
Подъ пыткою негодованья
Молчала рабская душа!

(*И. Никитинъ.* „От. зап.“ 1895 г. янв.).

Что заставило другаго поэта проклинать свою жизнь съ особенной энергіей своего могучаго таланта:

А годы несутся, а годы летятъ,
И вотъ ужъ полъ-жизни осталось за мною,
Но страшно и грустно взглянуть мнѣ назадъ—
Тамъ споръ безнадежный *съ людьми и судьбою*,
Тамъ рядъ *безполезныхъ* усилій ума,
Ошибокъ, утратъ, *огорченій?*.

Что-же показываетъ все это, если не цѣлый рядъ, не цѣлую обстановку вредныхъ вліяній, неизбѣжныхъ житейскихъ толчковъ, справа и слѣва слетающихъ на неприготовленнаго къ нимъ человѣка?

Мы съ намѣреніемъ распространились о тѣхъ главныхъ причинахъ, которыми если не вполнѣ *оправдывается*, то достаточно *объясняется* личность Обломова. Барство и лѣнь, привитыя смолоду, далѣе жизнь въ кругу такихъ же баръ и лѣнтяевъ, но *злостно* сохраняющихъ за собой право барствовать и лѣниться — вотъ главнѣйшіе агенты въ образованіи Обломовскаго характера. Какъ ни тяжело видѣть намъ такія ненормально-развившіяся личности, какъ ни хочется намъ отстоять униженную волю человѣка, но мы не рѣшимся бросить камень въ Обломова, отнять у него всякое право на участіе, какъ сдѣлали бы это съ человѣкомъ, употребившимъ во зло свою волю, менѣе затрудненнымъ въ достиженіи благихъ цѣлей. Мало того: мы даже несогласны съ Гончаровымъ въ совершенной нравственной чистотѣ Обломова, потому что для насъ кажется несомнѣннымъ нѣкоторое моральное отупѣніе вслѣдствіе молчаливаго созерцанія чужихъ мерзостей или бѣдствій (вспомнимъ Тарантьева и бытъ Обломовскихъ крестьянъ), — и все-таки не хотимъ стать въ позу Юпитера, мечущаго громы. „Осуждая и оплакивая“ даромъ погибшаго человѣка, мы сознаемся: что „обломовщина“ слишкомъ глубоко вошла въ нашъ бытъ, чтобы не имѣть ни малѣйшаго снисхожденія и сочувствія къ лицамъ, зараженнымъ ею. Сколько поэтовъ и прозаиковъ издавна твердили намъ, что великое счастіе провести жизнь, какъ сонъ — гдѣ все минутно и не утомительно, гдѣ нѣтъ и помину о нравственномъ долгѣ. „Да не позоръ ли это — скажете вы — *проспать* жизнь, не только не вѣдая, но и боясь узнать свое существенное, реальное призваніе

въ мірѣ, добровольно уйти съ Божьяго свѣта въ темную мышиную норку, отречься отъ жизни, отъ себя, отъ человѣчества?“ „Какъ ни грустно — говорите вы — какъ ни душно жить на извѣстныхъ мѣстностяхъ, хотя бы и на землѣ, а не подъ землею, но все же это нормальнѣе, достойнѣе человѣка и его высокаго жизненнаго назначенія!... Вы вспомните къ тому-же, что Обломовъ былъ близокъ къ Штольцу, что у него подъ бокомъ жилъ и двигался свѣжій, нормально-развитый человѣкъ, а Обломовъ все не хотѣлъ встать съ дивана, послушаться тѣхъ немногихъ, но сильныхъ внушеній собственнаго ума и сердца, когда ему казалась противной вся сонно прожитая жизнь. Но, вспомнивъ это, вы опять-таки не поднимите камня на бѣднаго Илью Ильича, грустно и глухо сошедшаго въ могилу, а скорѣе перейдете къ самому Штольцу“.

Въ лицѣ Штольца авторъ представилъ намъ счастливо-развившагося человѣка, дающаго мѣсто въ своей жизни и труду и законному наслажденію въ той мѣрѣ, въ какой оно оживляетъ и приготовляетъ насъ къ дальнѣйшей дѣятельности. Для него жизнь не раздѣляется на двѣ непохожія половины, изъ которыхъ одна отмѣчена тяжкимъ и докучнымъ трудомъ, а другая вся состоитъ изъ отдыха и и мирной лѣни: „трудъ — говоритъ онъ — есть цѣль, образъ и стихія моей жизни“. Въ этомъ случаѣ Штольцъ напоминаетъ намъ Старш. Катона, умно сарвнившаго нравственныя силы человѣка съ желѣзомъ, „которое стирается въ дѣлѣ, но не менѣе того теряетъ отъ ржавчины, когда остается безъ употребленія“. „Ты выгналъ трудъ изъ своей жизни — говоритъ Штольцъ Обломову — и что изъ тебя вышло?“

Но, оставаясь упорнымъ ревнителемъ труда, безостановочной дѣятельности, въ самомъ отдыхѣ ища новой, возбуждающей къ подвигамъ силы, Штольцъ не очерствилъ своего сердца и своеобразно понялъ его требованія. Въ дѣлѣ чувства онъ держится той *завѣтной* (не въ ироническомъ смыслѣ) середины, которой рано или поздно, послѣ всѣхъ острыхъ и тупыхъ надъ ней глумленій, суждено вступить въ свои права надъ человѣческимъ сердцемъ. „Онъ считалъ себя счастливымъ уже и тѣмъ, что могъ держаться на одной высотѣ и, скача на конькѣ чувства не проскакать тонкой черты, отдѣляющей міръ чувства отъ міра лжи и сентиментальности, міръ истины отъ міра смѣшного, или, скача обратно, не заскакать на песчаную, сухую почву жестокости, умничанья, недовѣрія, мелочи, оскопленія сердца. Онъ, и среди увлеченія, чувствовалъ землю подъ ногами и довольно силы въ себѣ, чтобы, въ случаѣ крайности, рвануться и быть свободнымъ. *Онъ не ослѣплялся красотой, а потому не забывалъ, не унижалъ достоинства мужчины, не былъ рабомъ, не лежалъ у ногъ красавицъ, хотя и не испытывалъ огненныхъ радостей.* У него не было идоловъ, зато онъ сохранилъ силу души, крѣпость тѣла, зато онъ былъ цѣломудренно-гордъ; отъ него вѣяло какой-то свѣжестью и силой, передъ которой невольно смущались и не застѣнчивыя женщины. Онъ зналъ цѣну этимъ рѣдкимъ и дорогимъ свойствамъ и такъ скупо

тратилъ ихъ, что его звали эгоистомъ, безчувственнымъ. Сдержанность его отъ порывовъ, умѣнье не выйти изъ границъ естественнаго, свободнаго состоянія духа, клеймили укоромъ и тутъ же оправдывали, иногда съ завистью и удивленіемъ, другого, который, со всего размаха, летѣлъ въ болото и разбивалъ свое и чужое существованіе. „Страсти, страсти все оправдываютъ — говорили вокругъ него — а вы въ своемъ эгоизмѣ бережете только себя: посмотримъ, для кого". — „Для кого-нибудь да берегу" говорилъ онъ задумчиво, какъ-будто глядя въ даль, и продолжалъ не вѣрить въ поэзію страстей, не восхищался ихъ бурными проявленіями и разрушительными слѣдами, а все хотѣлъ видѣть идеалъ бытія и стремленій человѣка въ строгомъ пониманіи и отравленіи жизни" (ч. II, стр. 256 и 256).

Конечно, не многихъ Штольцевъ вырабатываетъ наша современная жизнь: причины этого прямо исходятъ изъ всего сказаннаго нами объ Обломовѣ. Если всмотрѣться пристальнѣе въ дѣйствія Штольца, то и на нихъ увидимъ мы отраженіе той же сферы, которая сокрушаетъ Обломовыхъ. Для этого вспомнимъ только поступокъ Штольца по поводу подложнаго векселя, когда онъ принужденъ былъ, минуя законъ, прибѣгнуть къ *личной* помощи начальника... Всего чаще сильная дѣятельность Штольца — или идетъ на неблаговидныя цѣли, или задушается на первомъ порывѣ массой враждебныхъ обстоятельствъ. До умѣнья же Штольца управлять, какъ искусный ѣздокъ конемъ всѣми движеніями своего сердца, очень немногіе поднялись въ наше время. Вообще говоря, въ массѣ Обломовыхъ, Калиновичей, селадоновъ всѣхъ видовъ, начиная отъ пылкихъ старичковъ и кончая молодежью, изнывающей отъ однаго прикосновенія женскаго платья, строгій, но симпатичный ликъ Штольца является рѣдко и ненадолго...

Но вправѣ-ли художникъ ставить такое, почти невоплотимое лицо на главное мѣсто въ своемъ романѣ? Мы отвѣтимъ, что вправѣ. Не бѣда, что такая личность встрѣчается рѣдко и не всегда въ той полной, отчетливой формѣ, въ какой предоставляетъ вамъ ее авторъ: лишь-бы черты, указанныя имъ, ясно мелькали въ обществѣ и настойчиво просились подъ перо. Гончаровъ говоритъ намъ, что „много бойкихъ голосовъ послышалось уже въ русской жизни, много Штольцевъ должно появиться подъ русскими именами" — и мы вполнѣ раздѣляемъ его надежды, радуясь за русскую жизнь, обогащенную теченіемъ времени... Ни Обломова ни Калиновича — никакой другой типъ, широко-задуманный авторомъ — не найдете вы сразу въ натурѣ, во всей полнотѣ, приданной имъ бумагѣ: у васъ будутъ бродить передъ глазами всѣ ихъ отличительныя качества, въ одиночку или въ болѣе или мѣнѣе неполномъ сочетаніи, — но художникъ все-таки не лгалъ, выставляя эти личности. Онъ точно узналъ всѣ характеристическія черты созданнаго типа, а возможность ихъ совокупленія въ одномъ лицѣ вѣрно опредѣлилъ своимъ художественнымъ тактомъ. Нельзя пройти молчаніемъ и той несправедливой нападки, которую дѣлаютъ на почтеннаго автора нѣкоторые рьяные патріоты изъ-за полу-нѣмец-

каго происхожденіе Штольца. „Намъ ставятъ въ образецъ русскаго нѣмца — говорятъ они — ужъ не выписывать-ли намъ для своихъ дѣтей нѣмецкихъ гувернеровъ изъ той самой буржуазіи, къ которой принадлежитъ отецъ Штольца? Нѣтъ сомнѣнія, что самъ авторъ крайне удивится, узнавъ, что ему приписаны такія воспитательныя наклонности. Думалъ-ли онъ поощрять людей, для которыхъ — ibi bene — ubi patria, когда заставилъ своего Штольца подчиниться облагораживающему вліянію русской матери, пройти черезъ русскій университетъ и держаться преимущественно въ русскомъ кружкѣ, сочувствовать успѣхамъ просвѣщенія даже въ Обломовкѣ? Мы-бы не стали и приводить такого диковиннаго обвиненія, еслибъ не замѣтили въ немъ совершеннаго непониманія таланта Гончарова, непониманія, которое часто смущало насъ, выражаясь такъ или иначе между читателями. Съ нѣкотораго времени, въ извѣстной части читателей — въ большомъ ходу то мнѣніе, что художникъ *долженъ* не только представить намъ полную картину изображаемой жизни, но еще подробно истолковать каждый приведенный фактъ, — да истолковать такъ, чтобы сейчасъ же виднѣлась практическая мѣра къ его искорененію или удобнѣйшему имъ пользованію. Такой спеціальный догматизмъ требуетъ всегда нѣкоторой нравственной отмѣтки при изображеніи лица, при описаніи его дѣйствій: коли что дурно — такъ авторъ, хоть тресни, а заставь насъ познать, что это скверно. Такая крайность, вытекшая впрочемъ, изъ прекрасной цѣли, не можетъ быть терпима въ дѣлѣ искусства. Художникъ очевидно берется не за свое дѣло, когда думаетъ рѣшать спорные пункты, подбирать олицетворенные доводы. Онъ силенъ именно тѣмъ, что уясняетъ дѣло безъ всякаго отношенія къ выводу, собираетъ нелицемѣрныя данныя для рѣшенія спора, но самаго спора не рѣшаетъ, а представляетъ умной критикѣ возможность воспользоваться этими данными, на основаніи ихъ сдѣлать вѣрные выводы и служить такимъ образомъ общественнымъ цѣлямъ. Художественный талантъ, употребленный на третейское обсужденіе дѣла, незамѣтно мельчаетъ, путается въ теоріяхъ, выгоняетъ жизнь изъ своихъ изображеній и обращаетъ ихъ въ судебный протоколъ, быть можетъ вѣрно-составленный, но крайне скучный. Въ Гончаровѣ видимъ мы художника, уклонившагося отъ служенія мелочно-практическимъ цѣлямъ, художника высокаго достоинства — и ничего больше. Даже, выводя на сцену буяна и пьяницу Тарантьева, онъ не сдѣлалъ ни одного желчнаго замѣчанія насчетъ среды, воспитавшей его. Онъ ясно и отчетливо рисуетъ картину — и представляетъ смотрѣть на нее, у кого есть глаза, не предлагая публикѣ пользоваться его собственными, подъ предлогомъ, что одинъ зритель плохо видитъ, а у другого бѣльмо на глазу. Изображая общественную болѣзнь Гончаровъ указываетъ ясно ея симптомы, даетъ понять, чего недостаетъ человѣку, чтобы не впасть въ нее — и только: писать сигнатурку, гдѣ бы значились золотники той или другой врачебной спеціи, онъ не намѣренъ, и еслибъ сталъ это дѣлать, то измѣнилъ-бы своему таланту, взялся-бы не за свое дѣло...

Ольга, не менѣе Штольца, должна интересовать русскаго читателя, какъ новый, свѣжій представитель пробуждающейся половины нашего рода. Сближая Обломова съ Ольгой, авторъ задалъ себѣ двѣ задачи, изъ которыхъ каждая могла-бы занять не одинъ талантъ: во-первыхъ, развить въ ясной, стройной картинѣ тѣ трудно-объяснимыя, летучія, но сильныя ощущенія, которыя возбуждаетъ въ насъ присутствіе молодой симпатичной женщины; во-вторыхъ, представить въ возможно-полномъ очеркѣ самую женскую личность, способную къ нравственному пересозданію мужчины, падшаго, обезсиленнаго, но еще сохранившаго въ себѣ многія человѣческія чувства. Благотворное вліяніе Ольги скоро сказалось на Обломовѣ: въ первый-же день новаго знакомства, Обломовъ возненавидѣлъ и ужасный безпорядокъ, царствовавшій въ его комнатѣ, и сонное лежаніе на диванѣ, на которое прежде такъ беззастѣнчиво обрекалъ себя. Халатъ подвергся неумолимому изгнанію. „Мало-по-малу вдаваясь въ новую жизнь указанную Ольгой, Обломовъ покорился вполнѣ любимой женщинѣ, угадавшей въ немъ чистое сердце, ясный, хотя и недѣятельный, умъ и стремившейся дать лучшее направленіе втуне гибнущимъ душевнымъ богатствамъ. Онъ сталъ даже не только прочитывать книги, прежде валявшіяся безъ всякаго почета, гдѣ пришлось, но и передавать вкратцѣ ихъ содержаніе жаждущей познаній Ольгѣ. Дѣйствіе было полное — и нужна была личностъ Обломова, чтобы дать снова погибнуть въ себѣ пробужденнымъ добрымъ начаткамъ. Заключительная сцена между Обломовымъ и Ольгой проста и трагична...

Изъ сказаннаго нами объ Ольгѣ читатель видитъ уже существенныя черты ея характера. Неумолкаемая душевная дѣятельность слилась въ ней съ той плѣнительной граціей и безыскуственнымъ изяществомъ мысли и чувства, которыя такъ отличаютъ натуру женщины. Соединившись со Шольцемъ, Ольга удовлетворила главной потребности своего характера, — и ничего не могло быть прочнѣе и естественнѣе такого союза. Но для полнаго изображенія ея личности, у автора не хватило нѣкоторыхъ данныхъ, — и потому VIII глава IV части, прекрасная въ первой половинѣ, не вполнѣ удовлетворяетъ требованію во второй, гдѣ, рисуя намъ замужній бытъ Ольги, авторъ пытался изобразить въ ея новой жизни и немногія минуты какого-то томленія души, пресыщенной до избытка счастіемъ. Говоря о какихъ-то темныхъ „вопросахъ“, волновавшихъ въ извѣстную пору Ольгу, о періодическомъ недовольствѣ жизнью, набѣгавшемъ на ея постоянно-дѣятельный умъ, авторъ какъ-будто не договариваетъ чего-то существеннаго, торопится кончить, точно попалъ въ темную комнату, изъ которой, ощупью, неудачно, спѣшитъ выбраться... Наконецъ, имъ совсѣмъ не указаны отношенія идеальнаго семейнаго союза къ обществу, — отношенія, въ которыхъ союзъ этотъ, утрачивая много изъ своихъ эгоистическихъ свойствъ, становится сильнымъ общественнымъ дѣятелемъ, той пропускною сферою, чрезъ которую полезно и необходимо пройти всякому члену общества. Автора оправдываетъ, впрочемъ, то, что въ

самомъ обществѣ еще невполнѣ выяснились эти стороны предмета: Ольга еще только дебютируетъ у насъ; по натурѣ она еще дѣвушка, и довольно молодая, — а какова она будетъ послѣ, можно только угадывать болѣе или менѣе вѣрно. Великая благодарность Гончарову и за то уже, что онъ снялъ, наконецъ, съ женщины клеймо страдательной роли, издавна-лежащее на ней и упроченное изреченіемъ Гегеля: „разница между мужчиной и женщиной такая же, какъ между животнымъ и растеніемъ“. Пусть навлечетъ онъ на себя гнѣвъ разобиженныхъ сатировъ, готовыхъ отнять у женщины всякое право на активную дѣятельность: ихъ партія слабѣе, они уже — „обломки старыхъ поколѣній“! [1])

Приведемъ одинъ отрывокъ, гдѣ прекрасно очерчена авторомъ характерная особенность женской натуры — чуткое воспринятіе жизненныхъ впечатлѣній.

„Два часа и слѣдующіе три-четыре дня (послѣ объясненія Обломова съ Ольгой) сдѣлали на нее глубокое впечатлѣніе, двинули ее далеко впередъ. Только женщины способны къ такой быстротѣ расцвѣтанія силъ, развитія всѣхъ сторонъ души. Она какъ будто слушала курсъ жизни не по днямъ, а по часамъ. И каждый часъ малѣйшаго едва замѣтнаго опыта, случая, который мелькнетъ, какъ птица, мимо носа мужчины, схватывается неизъяснимо быстро женщиной: она слѣдитъ за его полетомъ вдаль, и кривая, описанная полетомъ, линія остается у ней въ памяти неизгладимымъ знакомъ, указаніемъ, урокомъ. Тамъ, гдѣ для мужчины надо поставить поверстный столбъ, съ надписью, ей довольно прошумѣвшаго вѣтерка, трепетнаго, уловимаго ухомъ, сотрясенія воздуха. Отчего вдругъ, вслѣдствіе какихъ причинъ, на лицѣ дѣвушки, еще на той недѣлѣ такъ беззаботной, съ такими до смѣха наивнымъ лицомъ, вдругъ ляжетъ строгая мысль? И какая это мысль? о чемъ? Кажется, все лежитъ въ этой мысли, вся логика,

---

[1]) Одинъ изъ нашихъ поэтовъ, привѣтствуя недавно появившуюся у насъ личность развитой женщины, прекрасно выразилъ неладицу жизни, не освѣженной ея присутствіемъ. Высказывая сожалѣніе о напрасно-потраченныхъ силахъ, не направленныхъ и не подкрѣпленныхъ во-время рукою любящей женщины, авторъ говоритъ:

Но кто же ты? Къ кому упреки?
Тебя я съ раннихъ лѣтъ не зналъ,
Не ты давала мнѣ уроки,
Когда я по складамъ читалъ;
Не ты любить меня учила,
Когда безумно я любилъ,
Не ты меня благословила
Бороться до утраты силъ.
Шли годы. Съ упованьемъ тайнымъ
Разстался я — къ чему-жъ теперь
Видѣньемъ свѣтлымъ, но случайнымъ
Ты къ старику стучишься въ дверь?
И слезы позднія роняя,
Мнѣ шепчешь: „о какъ ты грѣшилъ,
Какъ низко падалъ“! — но, святая,
Гдѣ ты была, когда я жилъ?

(*Полонскій*. Совр. 1859 г. іюль).

Авт.

вся умозрительная и опытная философія мужчины, вся система жизни. Cousin, которой оставилъ ее недавно дѣвочкой, кончилъ курсъ ученья, надѣлъ эполеты, завидя ее, бѣжитъ къ ней весело, съ намѣреніемъ, какъ прежде, потрепать ее по плечу, повертѣться съ ней за руки, поскакать по стульямъ, по диванамъ... вдругъ, взглянувъ ей пристально въ лицо, оробѣетъ, отойдетъ смущенный и пойметъ, что онъ еще мальчишка, а она — уже женщина! Откуда? что случилось? Драма, громкое событіе, новость какая-нибудь, о которой весь городъ знаетъ? Ничего, ни tamtam, ни mon oncle, ни ma tante, ни няня, ни горничная — никто не знаетъ. И некогда было случиться: она всего протанцовала двѣ мазурки, нѣсколько контрдансовъ, да голова у ней что-то разболѣлась: не поспала ночь... А потомъ опять все прошло, только ужъ въ лицѣ прибавилось что-то новое, иначе смотритъ она, перестала смѣяться громко, не ѣстъ по цѣлой грушѣ за разъ, не разсказываетъ „какъ у насъ въ пансіонѣ“...

Она тоже кончила курсъ (ч. II).

Намъ не нужно, кажется, подводить итога нашей статьѣ — говорить о высокомъ общественномъ значеніи романа, восхищаться талантомъ Гончарова: талантъ автора опредѣляется его умѣньемъ выбирать начерчивать живые типы, значеніе романа, кажется, ясно видно изъ нашихъ словъ... *А. Пятковскій.*

Личность Обломова.

Обломовъ — женственная, поэтическая натура: не даромъ Штольцъ назвалъ его „поэтомъ“, даже нѣкоторые изъ критиковъ Гончарова называли его „народнымъ поэтомъ“. Это былъ мягкій, добрый характеръ: не даромъ старый Захаръ поминалъ его на послѣдніе гроши и горько плакалъ на его могилѣ; не даромъ про него говорилъ его другъ: „многихъ людей встрѣчалъ я съ высокими качествами, но никогда не встрѣчалъ я сердца чище, свѣтлѣе и проще“; „душа Обломова“, по словамъ Штольца, „была чиста, какъ хрусталь“. Самъ Гончаровъ даже сказалъ объ Обломовѣ: „кто только случайно заглядывалъ въ эту свѣтлую, дѣтскую душу, тотъ уже не могъ отказать ему во взаимности“.

Эта добрая, мягкая натура Обломова и попала какъ разъ подъ ту ломку, которая совершалась въ жизни, и изъ него вышло нѣчто среднее, какое-то звено между прошлымъ и настоящимъ. Онъ во многомъ разошелся съ окружающей стариной: онъ далеко ушелъ отъ чиновника Судьбинскаго, міросозерцаніе котораго заключалось въ прибавкѣ жалованья, въ столовыхъ, квартирныхъ, отопленіи и освѣщеніи; онъ разошелся съ Пѣнкинымъ, который проповѣдывалъ презрѣніе къ падшему человѣку; онъ защищалъ старика Захара противъ Тарантьева. Объ окружающемъ старомъ у Обломова сформировалось самое невыгодное представленіе: ему рисовались въ жизни фигуры,

симметрически расположенныя за карточными столами; въ окружающихъ не было ни искренняго смѣха ни симпатій; ему противны были люди, толкавшіеся по пяти лѣтъ въ прихожей, чтобы выиграть дѣло и обобрать другого. Въ молодые годы Обломовъ шелъ за вѣкомъ и не отставалъ отъ него: вмѣстѣ со Штольцемъ онъ упивался поэтами, волновался, плакалъ; онъ изучалъ право и политическую экономію, онъ запирался съ учителемъ математики и осиливалъ круги и квадраты; онъ учился по-англійски; онъ занимался переводами и преподнесъ Штольцу въ день его именинъ переводъ Сея; онъ мечталъ даже о путешествіяхъ и германскихъ университетахъ; онъ читалъ Байрона, Руссо, Гёте, Шиллера и другихъ даже пріучилъ къ чтенію своихъ любимыхъ поэтовъ; молодымъ юношей Обломовъ твердилъ постоянно: „вся жизнь есть мысль“, и мечталъ о реформахъ жизни.

Такъ разошелся Обломовъ со стариной, со своей Обломовкой. Но эта старина наградила его однимъ качествомъ, котораго онъ не могъ сбросить съ себя; эта старина, жизнь среди патріархальныхъ, теплыхъ нравовъ провинціи, тяжелою цѣпью приковала этого новаго человѣка къ себѣ: эта цѣпь было то, что старина не сдѣлала его человѣкомъ съ характеромъ, помѣшала Обломову оторваться отъ нея. И въ результатѣ вышло „новое вино въ старыхъ мѣхахъ“, новый либералъ въ старомъ баринѣ. Что такое Обломовъ, это наглядным образомъ видно изъ слѣдующей, нарисованной Гончаровымъ, сцены. Обломовъ лежитъ на постели... Вдругъ онъ чувствуетъ какой-то приливъ новыхъ силъ. Онъ привстаетъ наполовину, онъ протягиваетъ руку, чтобы уничтожить какое-то зло, и снова падаетъ на постель; онъ повертывается на спину и бросаетъ грустный взоръ на заходящее солнце. Въ этой сценѣ прекрасно обрисованъ весь характеръ такихъ лицъ, отвернувшихся отъ старины, но не порвавшихъ съ нею связи. Вотъ почему у читателя при чтеніи „Обломова“ получается какое-то двойственное впечатлѣніе: то ему рисуется старый баринъ, который спитъ и дремлетъ среди пыльной, небрежной, запущенной обстановки, у котораго въ чернильницѣ жужжатъ однѣ мухи, который боится двинуться, который не любитъ движенія и съ сокрушеніемъ говоритъ: „хоть бы исторія отдохнула“; то предъ читателемъ рисуется другое, болѣе свѣжее и свѣтлое, нѣчто болѣе симпатичное, чѣмъ этотъ спящій баринъ.

Всмотритесь въ Обломова, этого барина, лежащаго и спящаго, какъ говорятъ, на своей постели, которому только что исполнилось 30 лѣтъ (въ началѣ романа). Иногда на его лицѣ вы увидите слезы: онъ мечтаетъ о прошломъ, которое такъ сулило ему много; онъ съ грустью на лицѣ хоронитъ иногда самого себя, чувствуя, что его „затягиваетъ бездна“. Сколько безсонныхъ ночей провелъ этотъ „вѣчно спящій“ баринъ въ халатѣ! Обломовъ былъ сначала новымъ человѣкомъ, но его подавила старина, и вотъ онъ часто вскакивалъ ночью со своей постели и „плакалъ холодными слезами безнадежности по свѣтломъ, навсегда угаснувшемъ идеалѣ жизни, какъ плачутъ по

дорогомъ усопшемъ". Сколько страданій причиняетъ ему всякое напоминаніе объ этомъ идеалѣ! „Не напоминай, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ романа Штольцу: — не напоминай, не тревожь прошлаго! Не воротишь! Съ тѣмъ міромъ, куда ты влечешь меня, я разстался навсегда! Ты не спаяешь двѣ разорванныя половины. Я приросъ къ этой ямѣ больнымъ мѣстомъ: попробуй оторвать, — будетъ смерть". Сколько горечи и страданій заключается въ этихъ словахъ разбитаго параличомъ Обломова о больномъ мѣстѣ, о двухъ разорванныхъ половинахъ! Или вотъ еще одна сцена. Обломовъ лежитъ и противополагаетъ себя другимъ; на его лицѣ видна грусть; онъ задумывается. Въ головѣ его, какъ птицы, пробужденныя внезапнымъ лучомъ солнца, носятся разные жизненные вопросы. Болѣзненно чувствуется ему, что въ немъ зарыто, какъ въ могилѣ, что-то хорошее, свѣтлое. „Тяжела была, — говоритъ Гончаровъ, — эта тайная исповѣдь предъ самимъ собою". И Обломовъ такъ и умеръ страдальцемъ. На кладбищѣ, межъ кустовъ, въ затишьѣ, подъ вѣтвями сирени, посаженной дружеской рукой, нашелъ только успокоеніе этотъ человѣкъ, котораго хотѣла спасти Ольга, но котораго нельзя было спасти, конечно. *Мизиновъ.*

„Сонъ Обломова" — это великолѣпнѣйшій эпизодъ, который останется въ нашей словесности на вѣчныя времена, былъ первымъ могущественнымъ шагомъ къ уясненію Обломова съ его обломовщиной. Романистъ, жаждущій разгадки вопросамъ, занесеннымъ въ его душу его же созданіемъ, — потребовалъ отвѣта на эти вопросы; за отвѣтами обратился онъ къ тому источнику, къ которому ни одинъ человѣкъ съ истиннымъ дарованіемъ не обращается напрасно. Ему надобно было, наконецъ, узнать, изъ-за какой же причины Обломовъ владѣетъ его помыслами, отчего ему милъ Обломовъ, изъ-за чего онъ недоволенъ первоначальнымъ объективно-вѣрнымъ, но не полнымъ, не высказывающимъ его помысловъ Обломовымъ. Конечнаго слова на свои колебанія Гончаровъ сталъ выспрашивать у поэзіи русской жизни, у своихъ воспоминаній дѣтства, и, разъясняя прошлую жизнь своего героя, со всей свободой погрузился въ ту среду, которая ее окружала. Слѣдомъ за Пушкинымъ, своимъ учителемъ, по примѣру Гоголя, своего старшаго товарища, онъ ласково отнесся къ жизни дѣйствительной и отнесся не напрасно. „Сонъ Обломова" не только освѣтилъ, уяснилъ и разумно опоэтизировалъ все лицо героя, но еще тысячею невидимыхъ скрѣпъ связалъ его съ сердцемъ каждаго русскаго читателя. Въ этомъ отношеніи „Сонъ", самъ по себѣ разительный, какъ отдѣльное художественное созданіе, еще болѣе поражаетъ своимъ значеніемъ во всемъ романѣ. Глубокій по чувству, его внушившему, свѣтлый по смыслу, въ немъ заключенному, онъ въ то же время и поясняетъ и просвѣтляетъ собою то типическое лицо, въ которомъ сосредоточивается интересъ всего произведенія. Обломовъ безъ своего „Сна" былъ бы созданіемъ неоконченнымъ, не роднымъ всякому изъ

насъ, какъ теперь „Сонъ“ его разъясняетъ всѣ наши недоумѣнія, и, не давая намъ ни одного голаго толкованія, повелѣваетъ намъ понимать и любить Обломова. Нужно ли говорить о чудесахъ тонкой поэзіи, о лучезарномъ свѣтѣ правды, съ помощію которыхъ происходитъ это сближеніе между героемъ и его цѣнителями? Тутъ ничего нѣтъ лишняго, тутъ не найдете вы неясной черты, или слова, сказаннаго попусту, всѣ мелочи обстановки необходимы, всѣ законны и прекрасны. Онисимъ Сусловъ, на крыльцо котораго можно было попасть не иначе, какъ ухватясь одной рукой за траву, а другою за кровлю избы — любезенъ намъ и необходимъ въ дѣлѣ уясненія; заспанный челядинецъ, дующій спросонья на квасъ, въ которомъ сильно шевелятся утопающія мухи, и собака, признанная бѣшеною за то только, что бросилась бѣжать отъ людей, собравшихся на нее съ вилами и топорами; и няня, засыпающая послѣ жирнаго обѣда съ предчувствіемъ, что Илюша пойдетъ затрогивать козла и лазить на галлерею, и сотни другихъ подробностей здѣсь необходимы, ибо содѣйствуютъ цѣлости и высокой поэзіи главной задачи. Тутъ сродство Гончарова съ фламандскими мастерами бьетъ въ глаза, сказывается во всякомъ образѣ. Или для праздной потѣхи всякіе художники, нами вспомянутые, громоздили на свое полотно множество мелкихъ деталей? или по бѣдности воображенія они тратили жаръ цѣлаго творческаго часа надъ какой-нибудь травкой, луковицей, болотной кочкой, на которую падаетъ лучъ заката, кружевнымъ воротничкомъ на камзолѣ тучнаго бургомистра? Если такъ, то отчего же они велики, почему они поэтичны, почему детали ихъ созданій слитыя съ цѣлостью впечатлѣнія, не могутъ быть оторваны отъ идеи картины? Какъ же произошло, что эти истинные художники, такъ зоркіе на поэзію, до такой степени освѣтившіе, опоэтизировавшіе жизнь своего родного края, бросались въ мелочи, сидѣли надъ подробностями? Видно, въ названныхъ нами мелочахъ и подробностяхъ таилось нѣчто большее, чѣмъ о томъ думаетъ иной близорукій составитель хитрыхъ теорій. Видно, трудъ надъ деталями былъ необходимъ и важенъ для уловленія тѣхъ высшихъ задачъ искусства, на которыхъ все зиждется, отъ которыхъ все питается и вырастаетъ. Видно, творя малую частность, художникъ не даромъ отдавался ей всей душою своею, и, должно-быть, творческій духъ его отражался во всякой подробности мощнаго произведенія, такъ какъ солнце отражается въ малой каплѣ воды — по словамъ оды, которую мы учили наизусть ребятишками.

Итакъ „Сонъ Обломова“ расширилъ, узаконилъ и уяснилъ собою многознаменательный типъ героя, — но этого еще не было достаточно для полноты созданія. Новымъ и послѣднимъ, рѣшительнымъ шагомъ въ процессѣ творчества было созданіе Ольги Ильинской, — созданіе до того счастливое, что мы, не обинуясь, назовемъ первую мысль о немъ краеугольнымъ камнемъ всей обломовской драмы, самой счастливой мыслью во всей артистической дѣятельности нашего автора. Даже оставивши въ сторонѣ всю прелесть исполненія, всю художественность,

съ которою обработано лицо Ольги — мы не найдемъ достаточныхъ словъ, чтобъ высказать все благотворное вліяніе этого персонажа на ходъ романа и развитіе типа Обломова. Обломовы выдаютъ всю прелесть, всю слабость и весь грустный комизмъ своей натуры именно черезъ любовь къ женщинѣ. Безъ Ольги Ильинской и безъ ея драмы съ Обломовымъ не узнать бы намъ Ильи Ильича такъ, какъ мы его теперь знаемъ, безъ Ольгина взгляда на героя мы до сихъ поръ не глядѣли бы на него надлежащимъ образомъ. Въ сближеніи этихъ двухъ основныхъ лицъ произведенія все въ высшей степени естественно, каждая подробность удовлетворяетъ взыскательнѣйшимъ требованіямъ искусства,— а между тѣмъ сколько психологической глубины и мудрости черезъ него развивается передъ нами! Какъ живетъ и наполняетъ всѣ наши представленія объ Обломовѣ эта юная, горделиво-смѣлая дѣвушка, какъ сочувствуемъ мы стремленію всего ея существа къ этому незлобивому чудаку, отдѣлившемуся отъ окружающаго его міра, какъ страдаемъ мы ея страданіемъ, какъ надѣемся мы ея надеждами, даже зная и хорошо зная ихъ несбыточность! Гончаровъ, какъ смѣлый знатокъ сердца человѣческаго, съ первыхъ сценъ между Ольгой и ея первымъ избранникомъ, отдалъ большую долю интриги комическому элементу. Его безподобная, насмѣшливая, бойкая Ольга, съ первыхъ минутъ сближенія, видитъ всѣ смѣшныя особенности героя, не обманываясь нисколько, играетъ ими, почти наслаждается ими и обманывается только въ своихъ расчетахъ на твердыя основы характера Обломова. Много разъ случалось слышать и даже читать выраженія недоумѣнія о томъ, „какъ могла умная и зоркая Ольга полюбить человѣка, неспособнаго перемѣнить квартиру и съ наслажденіемъ спящаго послѣ обѣда“. Духовный антагонизмъ Ольги съ обломовщиной, ея шутливое, затрогивающее отношеніе къ слабостямъ избранника объясняется и фактами и существомъ дѣла. Факты сложились весьма естественно: дѣвушка, по натурѣ своей не увлекающаяся мишурой и пустыми свѣтскими юношами своего круга, заинтересована чудакомъ, о которомъ умный Штольцъ разсказываетъ ей столько исторій любопытныхъ и смѣшныхъ, необыкновенныхъ и забавныхъ. Она сближается съ нимъ изъ любопытства, и нравится ему отъ нечего дѣлать, можетъ-быть вслѣдствіе невиннаго кокетства, а затѣмъ останавливается въ изумленіи передъ чудомъ, ею сдѣланнымъ.

Нѣжная, любящая натура Обломовыхъ вся озаряется черезъ любовь — и можетъ ли быть иначе съ чистою, дѣтски-ласковой русской душою, отъ которой даже ея лѣность отгоняла растлѣніе съ искушающими помыслами. Илья Ильичъ высказался вполнѣ черезъ любовь свою, и Ольга, зоркая дѣвушка, не осталась слѣпа передъ тѣми сокровищами, что передъ ней открылись. Вотъ факты внѣшніе, а отъ нихъ лишь одинъ шагъ до самой существенной истины романа. Ольга поняла Обломова ближе, чѣмъ понялъ его Штольцъ, ближе, чѣмъ всѣ лица, ему преданныя. Она разглядѣла въ немъ и нѣжность врожденную, и чистоту нрава, и русскую незлобивость, и

рыцарскую способность къ преданности, и рѣшительную неспособность на какое-нибудь нечистое дѣло, и, наконецъ, — чего забывать не должно, — разглядѣла въ немъ человѣка оригинальнаго, забавнаго, но чистаго и нисколько не презрѣннаго въ своей оригинальности. Разъ ставши на эту точку, художникъ дошелъ до такой занимательности дѣйствія, до такой прелести во всемъ ходѣ событій, что неудавшаяся, печально кончившаяся любовь Ольги и Обломова стала и навсегда останется однимъ изъ обворожительнѣйшихъ эпизодовъ во всей русской литературѣ. Кто изъ стариковъ не зачитывался этими страницами, кто изъ воспріимчивыхъ юношей при чтеніи ихъ не чувствовалъ горячихъ слезъ на своихъ глазахъ? И какими простыми, часто какими комическими средствами достигнутъ такой небывалый результатъ! Какой страхъ, соединенный съ улыбкою, возбуждаютъ въ насъ эти безконечно-разнообразныя проявленія обломовщины въ борьбѣ съ истинной, дѣятельной жизнью сердца! Мы знаемъ, что время обновленія упущено, что не Ольгѣ дано поднять Обломова, а между тѣмъ, при всякой коллизіи въ ихъ драмѣ, сердце наше замираетъ отъ неизвѣстности. Чего мы не перечувствовали при всѣхъ перипетіяхъ этой страсти, начиная хоть отъ той минуты, когда Илья Ильичъ, глядя на Ольгу такъ, какъ глядитъ на нее Кузьминична, — важно толкуетъ о томъ, что нехорошо и опасно видаться наединѣ, — до его страшнаго, послѣдняго свиданія съ дѣвушкой и до ея послѣднихъ словъ: „что сгубило тебя? нѣтъ имени этому злу!“ Чего только нѣтъ въ этомъ промежуткѣ, въ этой борьбѣ свѣта и тѣни, — отдающей намъ всего Обломова, сближающей его съ нами такъ, что мы мучимся за него, когда онъ, охая и скучая, пробирается въ оперу съ Выборгской стороны, — и озаряемся радостью въ тѣ минуты, когда въ его обломовскомъ, запыленномъ гнѣздѣ, при отчаянномъ лаѣ скачущей на цѣпи собаки, вдругъ является неожиданное видѣніе добраго ангела. Передъ сколькими частностями означеннаго эпизода добродушнѣйшій смѣхъ овладѣваетъ нами, и овладѣваетъ затѣмъ, чтобъ тотчасъ же смѣниться ожиданіемъ, грустью, волненіемъ, горькимъ соболѣзнованіемъ къ слабому. Вотъ къ чему ведетъ насъ рядъ художественныхъ деталей, начавшійся еще со сна Обломова. Вотъ гдѣ является истинный смѣхъ сквозь слезы.

И въ самомъ дѣлѣ, окиньте, весь романъ внимательнымъ взглядомъ, вы увидите, какъ много въ немъ лицъ, преданныхъ Ильѣ Ильичу и даже обожающихъ его, этого кроткаго голубя, по выраженію Ольги. И Захаръ, и Анисья, и Штольцъ, и Ольга, и вялый Алексѣевъ, — всѣ привлечены прелестью этой чистой и цѣльной натуры, передъ которою одинъ только Тарантьевъ можетъ стоять, не улыбаясь и не чувствуя на душѣ теплоты, не подшучивая надъ ней и не желая ее приголубить. Къ счастью, на свѣтѣ не много Тарантьевыхъ, и въ романѣ есть кому любить Обломова. Всякій почти изъ дѣйствующихъ лицъ любитъ его по-своему, а эта любовь такъ проста, такъ необходимо вытекаетъ изъ сущности дѣла, такъ чужда всякаго

расчета или авторской натяжки! Но ничье обожаніе (даже считая тутъ чувства Ольги въ лучшую пору ея увлеченія) не трогаетъ насъ такъ, какъ любовь Агаѳьи Матвѣевны Пшеницыной, которая съ перваго своего появленія показалась намъ злымъ ангеломъ Ильи Ильича, — и увы! — дѣйствительно сдѣлалась его злымъ ангеломъ. Агаѳья Матвѣевна, тихая, преданная, всякую минуту готовая умереть за нашего друга, дѣйствительно загубила его въ конецъ, навалила гробовой камень надъ всѣми его стремленіями, ввергнула его въ зіяющую пучину на мигъ оставленной обломовщины, но этой женщинѣ все будетъ прощено за то, что она много любила. Страницы, въ которыхъ является намъ Агаѳья Матвѣевна, съ самой первой застѣнчивой своей бесѣды съ Обломовымъ, верхъ совершенства въ художественномъ отношеніи, но нашъ авторъ, заключая повѣсть, переступилъ всѣ грани своей обычной художественности и далъ намъ такія строки, отъ которыхъ сердце разрывается, слезы льются на книгу, и душа зоркаго читателя улетаетъ въ область такой поэзіи, что до сихъ поръ, изъ всѣхъ русскихъ людей, быть творцомъ въ этой области было дано одному Пушкину. Скорбь Агаѳьи Матвѣевны о покойномъ Обломовѣ, ея отношенія къ семейству и Андрюшѣ, наконецъ, этотъ дивный анализъ ея души и ея прошлой страсти — все это выше самой восторженной оцѣнки.

„Вотъ она съ темномъ платьѣ, въ черномъ шерстяномъ платкѣ на шеѣ, ходитъ изъ комнаты въ кухню, какъ тѣнь, по прежнему отворяетъ и затворяетъ шкапы, шьетъ, гладитъ кружева, но тихо, безъ энергіи, говоритъ будто нехотя, тихимъ голосомъ, и не по прежнему смотритъ вокругъ безпечно перебѣгающими съ предмета на предметъ глазами, а со средоточеннымъ выраженіемъ, съ затаившимся внутреннимъ смысломъ въ глазахъ. Мысль эта сѣла невидимо на ея лицо, кажется, въ то мгновеніе, когда она сознательно и долго вгляды-валась въ мертвое лицо своего мужа, и съ тѣхъ поръ не покидала ея.

„Она двигалась по дому, дѣлала руками все, что было нужно, но мысль ея не участвовала тутъ. Надъ трупомъ мужа, съ потерею его, она, кажется, вдругъ уразумѣла свою жизнь и задумалась надъ ея значеніемъ, и эта задумчивость легла навсегда тѣнью на ея лицо. Выплакавъ потомъ живое горе, она сосредоточилась на сознаніи о потерѣ: все прочее умерло для нея, кромѣ маленькаго Андрюши. Только когда видѣла она его, въ ней будто пробуждались признаки жизни, черты лица оживали, глаза наполнялись радостнымъ свѣтомъ и потомъ заливались слезами воспоминаній.

„Она была чужда всего окружающаго: разсердится ли братецъ за напрасно истраченный или невыторгованный рубль, за подгорѣлое жаркое, за несвѣжую рыбу, надуется ли невѣстка за мягко накрахма-ленныя юбки, за некрѣпкій и холодный чай, нагрубитъ ли толстая кухарка, Агаѳья Матвѣевна не замѣчаетъ ничего, какъ будто не о ней рѣчь, не слышитъ даже язвительнаго шопота: „Барыня, помѣщица!“

„Она на все отвѣчаетъ достоинствомъ своей скорби и покорнымъ молчаніемъ.

„Напротивъ, въ святки, въ свѣтлый день, въ веселые вечера масленицы, когда все ликуетъ, поетъ, ѣстъ и пьетъ въ домѣ, она вдругъ, среди общаго веселья, зальется горячими слезами и спрячется въ свой уголъ. Потомъ опять сосредоточится и иногда даже смотритъ на братца и на жену его какъ будто съ гордостью, съ сожалѣніемъ.

„Она поняла, что проиграла и просіяла ея жизнь, что Богъ вложилъ въ ея жизнь душу и вынулъ опять, что засвѣтилось въ ней солнце и померкло навсегда... Навсегда, правда; но навсегда осмыслилась и жизнь ея: теперь уже она знала, зачѣмъ она жила и что жила не напрасно.

„Она такъ полно и много любила: любила Обломова — какъ любовника, какъ мужа и какъ барина; только разсказать никогда этого, какъ прежде, не могла никому. Да никто и не понялъ бы ее вокругъ. Гдѣ бы она нашла языкъ? Въ лексиконѣ братца, Тарантьева, невѣстки не было такихъ словъ, потому что не было понятій; только Илья Ильичъ понялъ бы ее, но она ему никогда не высказывала, потому что не понимала тогда сама и не умѣла... На всю жизнь ея разлились лучи, тихій свѣтъ отъ пролетѣвшихъ, какъ одно мгновеніе, семи лѣтъ, и нечего было ей ждать больше, некуда итти".

Послѣ всего нами сказаннаго и выписаннаго, можетъ-быть, иной скептическій читатель спроситъ насъ: „Да за что же, наконецъ, Обломовъ такъ любимъ лицами, его окружающими, — и еще болѣе, за что именно онъ любезенъ читателю? Если для возбужденія выраженій и дѣлъ преданности достаточно ѣсть и валяться по диванамъ, не дѣлать никакого зла и сознаваться въ своей житейской неспособности, да сверхъ всего этого имѣть нѣсколько комическихъ сторонъ въ своемъ характерѣ, то значительная масса рода человѣческаго имѣетъ право на нашу возможную привязанность! Если Обломовъ дѣйствительно добръ, какъ голубь, то почему же авторъ не выразилъ передъ нами практическихъ проявленій этой доброты, — если герой честенъ и не способенъ на зло, то почему же эти почтенныя стороны его натуры не выставлены предъ нами осязательнымъ образомъ? Обломовщина, какъ ни тяготѣй она надъ человѣкомъ, не можетъ же вынести его изъ круга той вседневной, мелкой, насущной дѣятельности, которой, какъ всякій знаетъ, всегда достаточно для выраженія привлекательныхъ сторонъ нашей натуры. Отчего же всѣ подобныя выраженія натуры у Обломова, исключительно, пассивны и отрицательны? Отчего, наконецъ, онъ не совершаетъ даже самаго малаго дѣла любви и кротости, хотя бы дѣло, которое можетъ-быть покончено безъ разлуки съ халатомъ, — почему онъ не скажетъ привѣтнаго и задушевнаго слова хоть одному изъ второстепенныхъ лицъ, стоящихъ около него, хотя бы въ награду за всю ихъ преданность?" Въ такомъ замѣчаніи читателя отыскивается вся доля правды.

По лицу всего свѣта разсѣяны многочисленные братья Ильи Ильича, то-есть люди, не подготовленные къ практической жизни, мирно укрывшіеся отъ столкновеній съ нею и не кидающіе своей нравственной дремоты за міръ волненій, къ которымъ они неспособны. Такіе люди иногда смѣшны, иногда вредны, но очень часто симпатичны и даже разумны. Обломовщина въ слишкомъ обширномъ развитіи — вещь нестерпимая, но къ свободному и умѣренному ея проявленію не за что относиться съ враждою. Обломовщина гадка, ежели она происходитъ отъ гнилости, безнадежности, растлѣнія и злого упорства, но если корень ея таится просто въ незрѣлости общества и скептическомъ колебаніи чистыхъ душою людей предъ практической безурядицей, что бываетъ во всѣхъ молодыхъ странахъ, то злиться на нее значитъ то же, что злиться на ребенка, у котораго слипаются глазки посреди вечерней, крикливой бесѣды людей взрослыхъ. Русская обломовщина, такъ какъ она уловлена Гончаровымъ, во многомъ возбуждаетъ наше негодованіе, но мы не признаемъ ее плодомъ гнилости или растлѣнія. Въ томъ-то и заслуга романиста, что онъ крѣпко сцѣпилъ всѣ корни обломовщины съ почвой народной жизни и поэзіи — проявилъ намъ ея мирныя и незлобивыя стороны, не скрывъ ни одного изъ ея недостатковъ. Обломовъ — ребенокъ, а не дрянной развратникъ; онъ соня, а не безнравственный эгоистъ или эпикуреецъ временъ паденія. Онъ безсиленъ на добро, но онъ положительно неспособенъ къ злому дѣлу, чистъ духомъ, не извращенъ житейскими софизмами, и, несмотря на всю свою жизненную безполезность, законно завладѣваетъ симпатіею всѣхъ окружающихъ его лицъ, повидимому, отдѣленныхъ отъ него цѣлою бездною.

Весьма легко нападать на Обломова съ точки зрѣнія людей практическихъ, а между тѣмъ отчего бы иногда намъ не взглянуть на недостатки современныхъ практическихъ мудрецовъ, такъ презрительно толкающихъ ребенка-Обломова? Обломовъ, уроженецъ заспанной и все-таки поэтической Обломовки, свободенъ отъ нравственныхъ болѣзней, какими страдаетъ не одинъ изъ практическихъ людей, кидающихъ въ него камнями. Онъ не имѣетъ ничего общаго съ безчисленной массой грѣшниковъ нашего времени, самонадѣянно берущихся за дѣла, къ которымъ не имѣютъ призванія. Онъ не зараженъ житейскимъ развратомъ и на всякую вещь смотритъ прямо, не считая нужнымъ стѣсняться передъ кѣмъ-нибудь или передъ чѣмъ-нибудь въ жизни. Онъ *самъ* неспособенъ ни къ какой дѣятельности; усилія Андрея и Ольги къ пробужденію его апатіи остались безъ успѣха, но изъ этого еще далеко не слѣдуетъ, чтобы другіе люди, при другихъ условіяхъ, не могли подвинуть Обломова на мысль и благое дѣло. Ребенокъ по натурѣ и по условіямъ своего развитія, Илья Ильичъ во многомъ оставлялъ за собою чистоту и простоту ребенка, качества драгоцѣнныя во взрослomъ человѣкѣ — качества, которыя сами по себѣ, посреди величайшей практической запутанности, часто открываютъ намъ область правды и временами ставятъ неопытнаго, мечтательнаго

чудака и выше предразсудковъ своего вѣка и выше цѣлой толпы дѣльцовъ, его окружающихъ.

Попробуемъ подтвердить слова наши. Обломовъ, какъ живое лицо, достаточно полонъ для того, чтобъ мы могли судить о немъ въ разныхъ положеніяхъ, даже не замѣченныхъ его авторомъ. По практичности, по силѣ воли, по знанію жизни онъ далеко ниже своей Ольги и Штольца, людей хорошихъ и современныхъ; по инстинкту правды и теплотѣ своей натуры онъ ихъ, несомнѣнно, выше. Въ послѣдніе годы его жизни, супруги Штольцъ навѣстили Илью Ильича, Ольга осталась въ каретѣ, Андрей вошелъ въ извѣстный намъ домикъ съ цѣпной собакой у калитки. Выйдя отъ своего друга, онъ только сказалъ женѣ: *все кончено* или что-то въ этомъ родѣ, и уѣхалъ, и Ольга уѣхала, хотя, безъ сомнѣнія, съ горемъ и слезами. Въ чемъ же заключался смыслъ этого безнадежнаго, отчаяннаго приговора? Илья Ильичъ женился на Пшеницыной и прижилъ отъ этой необразованной женщины ребенка. И вотъ причина, по которой кровная связь расторгнута, обломовщина признана преступившей всѣ предѣлы! Ни Ольгу ни ея мужа мы за это не винимъ: они подчинялись закону свѣта и не безъ слезъ покинули друга. Но повернемъ медаль и на основаніи того, что дано намъ поэтомъ, спросимъ себя: такъ ли бы поступилъ Обломовъ, если бъ ему сказали, что Ольга сдѣлала несчастную mésaiIance, что его Андрей женился на кухаркѣ, и что оба они, вслѣдствіе того, прячутся отъ людей, къ нимъ бизкихъ? Тысячу разъ и съ полной увѣренностью скажемъ, что не такъ. Ни идеи отторженія отъ дорогихъ людей, изъ-за причинъ свѣтскихъ, ни идеи о томъ, что есть на свѣтѣ mésaiIance, для Обломова не существуютъ. Онъ бы не сказалъ слова вѣчной разлуки и ковыляя пошелъ бы къ добрымъ людямъ и прилѣпился бы къ нимъ и привелъ бы къ нимъ свою Агаѳью Матвѣевну. И Андреева кухарка стала бы для него не чужою, и онъ далъ бы новую пощечину Тарантьеву, если бъ тотъ сталъ издѣваться надъ мужемъ Ольги. Отсталый и неповоротливый Илья Ильичъ, въ простомъ дѣлѣ, конечно, поступилъ бы сообразнѣе съ вѣчнымъ закономъ любви и правды, нежели два человѣка изъ числа самыхъ развитыхъ въ нашемъ обществѣ. И Штольцъ и Ольга, безъ всякаго сомнѣнія, гуманны въ своихъ идеяхъ, безъ всякаго сомнѣнія, они знаютъ силу добра и головами своими привязаны къ участи меньшихъ братьевъ, — но стоило ихъ другу связать свое существованіе съ судьбой женщины изъ породы этихъ меньшихъ братьевъ, и они оба, просвѣщенные люди, поспѣшили со слезами сказать: все кончено, все пропало — обломовщина, обломовщина!

Продолжаемъ параллель нашу. Обломовъ умеръ, Андрюша его вмѣстѣ съ Обломовкой поступилъ подъ опеку Штольца и Ольги. Очень вѣроятно, что и Андрюшѣ было у нихъ хорошо, и обломовскіе мужики не терпѣли притѣсненій. Но Захаръ, оставшійся безъ призрѣнія, лишь случайно былъ найденъ въ числѣ нищихъ, но вдова Ильи Ильича не была приближена къ друзьямъ ея мужа, но дѣти Агаѳьи

Матвѣевны, которыхъ Обломовъ училъ чистописанію и географіи, дѣти, которыхъ онъ не отдѣлялъ отъ своего сына, остались на произволъ своей матери, слишкомъ привыкшей во всемъ отдѣлять ихъ отъ барчонка-Андрюши. Ни житейскій порядокъ ни житейская правда этимъ нарушены не были, и супруговъ Штольцъ никакой законъ не нашелъ бы виноватыми. Но Илья Ильичъ Обломовъ, смѣемъ думать, иначе поступилъ бы съ лицами и сиротами, которыхъ присутствіе когда-то услаждало собою жизнь его Андрея и въ особенности Ольги. Очень можетъ-быть, что онъ не сумѣлъ бы быть имъ полезнымъ практически, но любви своей къ нимъ не сталъ бы подраздѣлять на разныя степени. Безъ расчета и соображеній, онъ подѣлился бы съ ними послѣднимъ кускомъ хлѣба и, говоря метафорически, принялъ бы ихъ всѣхъ равно подъ сѣнь своего теплаго халата. У кого сердце дальновиднѣе головы, тотъ можетъ надѣлать множество глупостей, но въ стремленіяхъ своихъ все-таки останется горячѣе и либеральнѣе людей, запутанныхъ сѣтями свѣтской мудрости. Возьмемъ хоть поведеніе Штольца въ ту пору, когда онъ жилъ гдѣ-то на Женевскомъ озерѣ, а Обломовъ чуть не повергнутъ былъ въ нищету ковами друзей Тарантьева. Андрей Штольцъ, которому ничего не значило изъѣздить полъ-Европы, человѣкъ со связями и дѣловой опытностью, не захотѣлъ даже найти въ Петербургѣ дѣльца, который, за приличное вознагражденіе, согласился бы принять надзоръ надъ положеніемъ Обломова. А между тѣмъ и онъ и Ольга не могли не знать участи, грозившей ихъ другу. Со своимъ практическимъ laissez faire, laissez passer, они оба были вполнѣ правы, и винить ихъ никто не смѣетъ. Кто въ наше время осмѣливается совать свой носъ въ дѣла самаго близкаго человѣка? Но предположите теперь, что до Ильи Ильича доходитъ слухъ о томъ, что Андрей и Ольга на краю нищеты, что они окружены врагами, грозящими ихъ будущности. Трудно сказать, что бы совершилъ Обломовъ при этомъ извѣстіи, но кажется намъ, что онъ не сказалъ бы самому себѣ: какое право имѣю я вмѣшиваться въ дѣла лицъ, когда-то мнѣ дорогихъ и близкихъ.

Можетъ-быть догадки наши покажутся иному читателю не совсѣмъ основательными, — но такова наша точка зрѣнія, и въ искренности ея никто не имѣетъ права сомнѣваться. Не за комическія стороны, не за жалостную жизнь, не за проявленіе общихъ всѣмъ намъ слабостей любимъ мы Илью Ильича Обломова. Онъ дорогъ намъ, какъ человѣкъ своего края и своего времени, какъ незлобивый и нѣжный ребенокъ, способный, при иныхъ обстоятельствахъ жизни и иномъ развитіи, на дѣла истинной любви и милосердія. Онъ дорогъ намъ, какъ самостоятельная и чистая натура, вполнѣ независимая отъ той схоластико-моральной истасканности, что пятнаетъ собою огромное большинство людей, его презирающихъ. Онъ дорогъ намъ по истинѣ, какою проникнуто все его созданіе, по тысячѣ корней, которыми поэтъ-художникъ связалъ его съ нашей родной почвой. И, наконецъ, онъ любезенъ намъ, какъ чудакъ, который въ нашу эпоху себялюбія,

ухищреній и неправды, мирно покончилъ свой вѣкъ, не обидѣвши ни одного человѣка, не обманувши ни одного человѣка и не научивши ни одного человѣка чему-нибудь скверному. *Дружининъ.*

Я много разъ читалъ Обломова, и чѣмъ больше вчитывался въ него, тѣмъ самъ Обломовъ становился мнѣ симпатичнѣе.

Авторъ, по-моему, изображалъ человѣка, ему симпатичнаго, и въ этомъ основаніе впечатлѣнія. Затѣмъ, чѣмъ больше вчитываешься въ Обломова, тѣмъ меньше раздражаетъ и возмущаетъ въ немъ любовь къ дивану и къ халату. Передаю свои впечатлѣнія только, но думаю, что они зависятъ отъ любви самого автора къ покою и созерцанію и отъ его несравненнаго умѣнья опоэтизировать самую простую и неприглядную вещь.

Подъ дѣйствіемъ основныхъ впечатлѣній, мало-по-малу представился мнѣ образъ Обломова, приблизительно, въ такомъ видѣ.

Илья Ильичъ Обломовъ не обсѣвокъ въ полѣ. Это человѣкъ породистый: онъ красивъ и чистоплотенъ, у него мягкія манеры и немножко тягучая рѣчь. Онъ уменъ, но не цѣпкимъ, хищнымъ, практическимъ умомъ, а скорѣе тонкимъ, мысль его склонна къ расплывчивости.

Хитрости въ немъ нѣтъ, еще меньше расчетливости. Если онъ начинаетъ хитрить, у него это выходитъ неловко. Лгать онъ не умѣетъ или лжетъ наивно.

Въ немъ нѣтъ ни жадности, ни распутства, ни жестокости: съ сердцемъ болѣе нѣжнымъ, чѣмъ страстнымъ, онъ получилъ отъ ряда рабовладѣльческихъ поколѣній здоровую, чистую и спокойно-текущую кровь — источникъ душевнаго цѣломудрія. Обломовъ эгоистъ. Не то, чтобы онъ никого не любилъ — вспомните эту жаркую слезу, когда во снѣ вспомнилась мать, онъ любилъ Штольца, любилъ Ольгу, но онъ эгоистъ по наивному убѣжденію, что онъ человѣкъ особой породы и на него должны работать принадлежащіе ему люди. Люди должны его беречь, уважать, любить и все за него дѣлать; это право его рожденія, которое онъ наивно смѣшиваетъ съ правомъ личности. Вспомните разговоръ съ Захаромъ и упреки за то, что тотъ сравнилъ его съ „другими“.

Онъ никогда не представляетъ себѣ свое счастье основаннымъ на несчастьи другихъ; но онъ не сталъ бы работать ни для своего ни для чужого благосостоянія. Работа въ человѣкѣ, который можетъ лежать, представляется ему проявленіемъ алчности или суетливости, одинаково ему противныхъ. Къ людямъ онъ нетребователенъ и терпимъ донельзя, оптимистъ. Обломовъ любитъ свой привычный уголъ, не терпитъ стѣсненія и суеты, онъ не любитъ движенія и особо рѣзкихъ наплывовъ жизни извнѣ, пусть вокругъ и разговариваютъ, спорятъ даже, только чтобъ отъ него не требовали ни споровъ ни разговоровъ. Онъ любитъ спать, любитъ хорошо поѣсть, хотя не терпитъ жадности, любитъ угостить, а самъ въ гости ходить не любитъ.

Обломовъ, можетъ быть, и даровитъ, никто этого не знаетъ, и самъ онъ тоже, но онъ, навѣрное, уменъ. Еще ребенкомъ обнаруживалъ онъ живость ума, который усыпляли сказками, вѣковой мудростью и мучной пищей.

Университетская наука не менѣе обломовскихъ пироговъ усыпляла любознательность; служба своей центростремительной силой отняла у него любимый и родной уголъ, бросила куда-то на Гороховую и взамѣнъ представила разговоры о производствахъ и орденахъ; на службу Обломовъ раньше смотрѣлъ съ наивными ожиданіями, потомъ робко, наконецъ, равнодушно. Не прельщаясь ни фортуной ни карьерой, онъ залегъ въ берлогу.

Отчего его пассивность не производитъ на насъ ни впечатлѣнія горечи ни впечатлѣнія стыда?

Посмотрите, что противопоставляется обломовской лѣни: карьера, свѣтская суета, мелкое сутяжничество, или культурно-коммерческая дѣятельность Штольца. Не чувствуется ли въ обломовскомъ халатѣ и диванѣ отрицаніе всѣхъ этихъ попытокъ разрѣшить вопросъ о жизни. Отойдемъ на минутку, разъ мы заговорили объ обломовской лѣни и непрактичности, къ практичнымъ и энергичнымъ людямъ въ Гончаровскихъ же романахъ.

Вотъ Адуевъ — дядя и вотъ Штольцъ.

Адуевъ — дядя это еще первое изданіе и съ опечатками. Онъ трезвъ, интенціозенъ до крайности, рѣчистъ, но не особенно уменъ, только оборотистъ и удачливъ, а потому и крайне самоувѣренъ. Колесницу его Адуевскаго счастья везутъ двѣ лошади: фортуна и карьера, а всѣ эти искусства, знанія, красота личной жизни, дружба и любовь, ютятся гдѣ-то на козлахъ, на запяткахъ — въ самой колесницѣ одна его Адуевская особа.

Дядя Адуевъ разъ проврался и былъ уличенъ молодой женой въ хвастовствѣ.

Но ничего подобнаго не можетъ случиться со Штольцемъ: Штольцъ человѣкъ патентованный и снабженъ всѣми орудіями цивилизаціи отъ Рандалевской бороны до сонаты Бетховена, знаетъ всѣ науки, видѣлъ всѣ страны; онъ всеобъемлющъ, одной рукой упекаетъ Пшеницынскаго братца, другой подаетъ Обломову исторію изобрѣтеній и откровеній; ноги его въ это время бѣгаютъ на конькахъ для транспираціи; языкъ побѣждаетъ Ольгу, а языкъ занятъ невинными доходными предпріятіями.

Ужъ, конечно, не въ этихъ людяхъ поэтическая правда Гончарова видѣла идеалъ.

Эти гуттаперчивые человѣчки, несмотря на всѣ фабрики и сонаты, капиталы, общее уваженіе и патенты на мудрость, не могутъ дать счастье простому женскому сердцу.

И Гончаровъ въ неясномъ или безмолвномъ упрекѣ ихъ женъ произноситъ приговоръ надъ своими мѣщанскими героями.

Можетъ быть, Адуевъ — дядя и Штольцъ были нѣкоторой душевной болью самого Гончарова.

Въ нихъ отразились вожделѣнія узкаго филистерства, которымъ заплатилъ дань нашъ поэтъ: онъ переживалъ ихъ въ департаментахъ, въ чиновничьихъ кругахъ, въ заботѣ объ устройствѣ своего одинокаго угла, въ погонѣ за обезпеченіемъ, за комфортомъ, въ нѣкоторой черствости, пожалуй, стараго и хозяйственнаго холостяка.

Но вернемся къ Обломову.

Обломова любятъ. Онъ умѣетъ внушить любовь, даже обожаніе въ Агафьѣ Матвѣевнѣ. Припомните конецъ романа и воспоминаніе о немъ Захара. Онъ этотъ слабый, капризный, неумѣлый и изнеженный человѣкъ, требующій ухода — онъ могъ дать счастье людямъ, потому что самъ имѣлъ сердце.

Обломовъ не даетъ намъ впечатлѣнія пошлости. Въ немъ нѣтъ самодовольства, этого главнаго признака пошлости. Онъ смутится въ постороннемъ обществѣ, не дѣлаетъ глупостей, неловко солжетъ даже; но не будетъ ни ломаться ни позировать. Въ самомъ дѣлѣ, отчего его жизнь такая пустая не даетъ впечатлѣнія пошлости? Посмотрите, въ чемъ его опасенія: въ мнительности, въ страхѣ, что кто-нибудь нарушитъ его покой; радости — въ хорошемъ обѣдѣ, въ довольныхъ лицахъ вокругъ, въ тишинѣ, порой — въ поэтической мечтѣ.

А назовете ли вы его сибаритомъ, лѣнивцемъ, обжорой? Нѣтъ и нѣтъ. Развѣ онъ поступится чѣмъ-нибудь изъ своего обломовскаго, чтобъ кусокъ у него былъ послаще, или постель помягче? Вездѣ онъ одинъ и тотъ же Обломовъ: въ гостиной Ильинскихъ съ барономъ и въ своемъ старомъ халатѣ съ Алексѣевымъ, трюфели ли онъ ѣстъ, или яичницу на заплатанной скатерти.

Отнимите у Обломова средства, онъ все же не будетъ ни работать ни льстить, въ немъ останется то же вѣками выработавшееся лѣнивое, но упорное сознаніе своего достоинства. Можетъ быть, съ жалобами, капризами, можетъ быть, съ пристрастіемъ къ рюмочкѣ, но навѣрно безъ алчности и безъ зависти, съ мягкими манерами и великодушіемъ прирожденнаго Обломова.

Въ Обломовѣ естъ крѣпко сидящее сознаніе независимости — никто и ничто не вырветъ его изъ угла; ни жадность, ни тщеславіе, ни даже любовь. Каковъ ни есть, а все же здѣсь нашъ русскій homme.

Обломовъ консерваторъ; нѣтъ въ немъ заскорузлости суевѣрій, нѣтъ крѣпостнической программы, вообще никакой программы, но онъ консерваторъ всѣмъ складомъ, инстинктами и устоями. Вчерашній день онъ и помнитъ и любитъ; знаетъ онъ, что завтрашній день будетъ лучше, робко, пожалуй, о немъ мечтаетъ, но иногда даже въ воображеніи жмурится и ежится отъ этого блеска и шума завтрашняго дня. Въ Ольгѣ ему все плѣнительно: тяжела любовная игра, и маленькіе обманы, и вся та хоть и скромная эмансипированность, для которой въ его сердцѣ просто нѣтъ клапановъ. Обломовъ живетъ медленнымъ, историческимъ ростомъ.

Остановимся на одну минуту на романѣ Обломова съ Ольгой.

Еще до начала романа Обломовъ въ разговорѣ со Штольцемъ указываетъ, что ему нельзя жениться: онъ бѣденъ; потомъ это соображеніе несомнѣнно тоже въ немъ говоритъ; можетъ быть, оно въ значительной мѣрѣ и содѣйствуетъ разрыву. Какое мѣщанское, мелкое соображеніе, не правда ли? А посмотрите, какъ въ своихъ воспоминаніяхъ Гончаровъ освѣщаетъ тотъ же мотивъ.

Помните вы эту симпатичную фигуру Якубова, его крестнаго отца, образчикъ провинціальнаго джентльмена 20-хъ и 30-хъ годовъ, типъ, который просмотрѣли наши старые поэты.

Гончаровъ разсказываетъ про Якубова слѣдующее:

„Онъ влюбился въ одну молодую, красивую собой, графиню. Объ этомъ онъ мнѣ разсказалъ уже послѣ, когда я пришелъ въ возрастъ, но не сказалъ, раздѣляла ли она его склонность. Онъ говоритъ только, что у него явился соперникъ, нѣкто богатый, молодой помѣщикъ Ростинъ. Якубовъ стушевался, уступилъ.

— „Отчего же вы не искали руки ея? спросилъ я, недовольный такой прозаическій развязкой.

— „Оттого, мой другъ, что онъ могъ устроить ея судьбу лучше, нежели я. У меня какихъ-нибудь триста душенокъ, а у него двѣ тысячи. Такъ и вышло. Я самъ желалъ этого. Оба они счастливы, и славу Богу! — Онъ подавилъ легкій вздохъ“ (IX, 64).

Позже Якубовъ говорилъ съ ней и о ней не иначе, какъ съ нѣжной почтительностью, и былъ искреннимъ другомъ ея мужа и всей семьи (65).

Вернемся къ Обломову.

Передъ 35-лѣтнимъ человѣкомъ въ первый разъ мелькнули въ жизни контуры и краски его идеала, въ первый разъ онъ почувствовалъ въ душѣ божественную музыку страсти; эта поздняя весна въ сердцѣ у человѣка съ посѣдѣвшими волосами, съ ожирѣвшимъ сердцемъ и вѣчными ячменями, тутъ есть что-то и трогательное и комичное. Обломовъ душой цѣломудренный юноша, а въ привычкахъ старикъ. Съ робкой нѣжностью бережетъ онъ свой идеалъ, но для него достиженіе идеала вовсе не цѣль жизни, для него это любимая мечта; борьба, усилія, суета въ погонѣ за идеаломъ разрушаютъ мечту, оскорбляютъ идеалъ Обломова, — оттого его романъ носитъ разрушеніе въ самомъ корнѣ.

Въ своихъ романическихъ приключеніяхъ Обломовъ жалокъ; жалостно въ немъ это чередованіе юнаго задора со старческимъ утомленіемъ. Но весь романъ съ его стороны со всѣми блестками поэзіи и густымъ слоемъ прозы, весь отъ перваго признанія — „я чувствую не музыку, а любовь“ — и до горячки въ развязкѣ, проникнутъ какою-то трогательной искренностью и чистотой чувства.

Ольга — это одна изъ русскихъ миссіонерокъ.

Долгое рабство русскихъ заключенницъ, материнство съ болѣзнями, но безъ радости, и въ видѣ единственнаго утѣшенія церковь —

вотъ на такой почвѣ выросли русскія Елены, Лизы, Маріанны: ихъ девизъ — пострадать, послужить, пожертвовать собой!...

Ольга миссіонерка умѣренная, уравновѣшенная. Въ ней не желаніе пострадать, а чувство долга. Для нея любовь есть жизнь, а жизнь есть долгъ.

Миссія у нея скромная — разбудить спящую душу. Влюбилась она не въ Обломова, а въ свою мечту.

Робкій и нѣжный Обломовъ, который относился къ ней такъ послушно и такъ стыдливо, любилъ ее такъ просто, былъ лишь удобнымъ объектомъ для ея дѣвической мечты и игры въ любовь.

Но Ольга — дѣвушка съ большимъ запасомъ здраваго смысла, самостоятельности, и воли, главное. Обломовъ первый, конечно, понимаетъ химеричность ихъ романа, но она первая его разрываетъ.

Одинъ критикъ зло посмѣялся и надъ Ольгой и надъ концомъ романа: хороша, молъ, любовь, которая лопнула, какъ мыльный пузырь, оттого, что лѣнивый женихъ не собрался въ Приказъ.

Мнѣ конецъ этотъ представляется весьма естественнымъ. Гармонія романа кончилась давно, да она можетъ, и мелькнула всего на два мгновенія въ Casta divo, въ сиреневой вѣткѣ; оба, и Ольга и Обломовъ, переживаютъ сложную, внутреннюю жизнь, но уже совершенно независимо другъ отъ друга; въ совмѣстныхъ отношеніяхъ идетъ скучная проза, когда Обломова посылаютъ то за двойными звѣздами, то за театральными билетами, и онъ кряхтя несетъ иго романа.

Нуженъ былъ какой-нибудь вздоръ, чтобъ оборвать эти совсѣмъ утончившіяся нити.

На этомъ мы и покончимъ нашу характеристику Обломова, неполную и блѣдную, конечно, но едва ли погрѣшившую передъ поэтомъ въ искаженіи его поэтическаго міросозерцанія, его идеаловъ и отношенія къ людямъ, а вѣдь этого прежде всего и надо требовать отъ критика, если онъ не хочетъ заслонять поэта отъ тѣхъ людей, которымъ онъ о поэтѣ говоритъ. *Анненскій.*

Обломовъ, какъ герой переходной эпохи.

Образъ Обломова создался не сразу. Глава: „Сонъ Обломова“ въ видѣ отдѣльнаго этюда появилась въ печати въ приложеніи къ журналу: „Современникъ“ въ 1849-мъ году, и только черезъ девять лѣтъ былъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ весь романъ. Понадобился промежутокъ времени около десяти лѣтъ, чтобы задуманный художникомъ поразительный по своему захвату синтезъ русской жизни принялъ, наконецъ, тотъ видъ, въ какомъ его знаетъ вся читающая Россія.

Появленіе „Обломова“ въ печати совпало съ могущественнымъ подъемомъ духа въ русскомъ обществѣ наканунѣ „эпохи великихъ

реформъ", когда повсюду раздавался протестъ противъ отжившаго строя, противъ мертваго застоя, въ какомъ находилась до тѣхъ поръ наша жизнь. Своимъ романомъ Гончаровъ, давши въ немъ единственное по широтѣ захвата художественное обобщеніе барской дореформенной Россіи, помогъ сразу разгадать, въ чемъ коренились главнѣйшія причины неподвижности и апатіи нашего общества. Его романъ представляетъ богатѣйшія данныя для изученія вліянія крѣпостного строя на духовный складъ русскихъ помѣщиковъ и даетъ обильный матеріалъ для сужденія о русской жизни вообще. Чтобы уяснить себѣ это громадное значеніе гончаровскаго „Обломова", нужно подробнѣе остановиться на анализѣ характера главнаго героя романа, типичнаго представителя эпохи „пробужденія" русскаго общества въ сороковые годы.

Мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, который по своему умственному развитію, способности интенсивно мыслить и глубоко чувствовать, умѣнію понимать жизнь, рѣзко выдѣляется въ окружающей его средѣ. Въ молодости, въ студенческіе годы, онъ „сгоралъ отъ жажды труда, далекой, но обязательной цѣли", былъ полонъ желаніемъ, „блага, доблести, дѣятельности", развивался подъ благотворнымъ вліяніемъ научной мысли — изучалъ право, политическую экономію, осиливалъ съ учителемъ математики круги и квадраты, занимался переводами съ англійскаго, мечталъ даже о дальнѣйшемъ ученіи въ германскихъ университетахъ. Онъ упивался поэтами, волновался, плакалъ надъ ними, постоянно твердилъ: „вся жизнь есть мысль" и строилъ планы реформъ ея. „Ему доступны были наслажденія высокихъ помысловъ; онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько въ глубинѣ души плакалъ въ иную пору надъ бѣдствіями человѣчества". Случалось, что онъ „исполнялся презрѣніемъ къ людскому пороку, ко лжи, къ клеветѣ, къ разлитому въ мірѣ злу и разгорался желаніемъ указать человѣку на язвы". Яснѣе, чѣмъ кто-нибудь, понималъ онъ всю безтолочь и пустоту свѣтской жизни, гдѣ на первомъ планѣ „вѣчная игра дрянныхъ страстишекъ, особенно жадности, перебиваніе другъ у друга дороги, сплетни, пересуды, щелчки другъ другу". Когда Штольцъ пытается указать привлекательныя стороны общественной жизни, онъ съ горечью замѣчаетъ: „хороша жизнь! Чего тамъ искать? интересовъ ума, сердца? Ты посмотри, гдѣ центръ, около котораго вращается все это: нѣтъ его, нѣтъ ничего глубокаго, задѣвающаго за живое. Все это мертвецы, спящіе люди, эти члены свѣта и общества. Что водитъ ихъ въ жизни?... Войдешь въ залу и не налюбуешься, какъ симметрически разсажены гости, какъ смирно и глубокомысленно сидятъ — за картами. Нечего сказать — славныя задачи жизни!... Собираются на обѣдъ, на вечеръ, какъ въ должность, безъ веселья, холодно, чтобы похвастать поваромъ, салономъ и потомъ подъ рукой осмѣять, подставить ногу одинъ другому". Ему противны люди, имѣющіе всю свою жизнь одно желаніе: „сбить съ ногъ другого и на его паденіи выстроить зданіе своего благосостоянія", гото-

вые по пять лѣтъ сидѣть и вздыхать въ пріемной, лишь бы добиться своихъ мелкихъ, корыстныхъ цѣлей. Не привлекаетъ его и практическая дѣятельность Штольца, имѣющая цѣлью одно наживаніе денегъ. Еще болѣе симпатичны сердечность и доброта Обломова, за которыя такъ любитъ его Штольцъ.

Казалось бы, кому какъ не этому человѣку, умному, образованному, съ добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ, жить полною жизнью, на радость себѣ и другимъ. Между тѣмъ, „что-то помѣшало ему ринуться на поприще жизни и летѣть по нему на всѣхъ парусахъ ума и воли. Какой-то тайный врагъ наложилъ на него тяжелую руку въ началѣ пути и далеко отбросилъ отъ прямого человѣческаго назначенія... Кто-то будто укралъ и закопалъ въ собственной его душѣ принесенныя ему въ даръ міромъ и жизнью сокровища“. И вотъ лежитъ Илья Ильичъ цѣлые дни на диванѣ въ Петербургѣ на Гороховой улицѣ, до такой степени отвыкши отъ малѣйшаго движенія и всякой, даже ничтожной дѣятельности, что его приводитъ въ ужасъ мысль о необходимости перемѣнить квартиру и написать письмо старостѣ, завѣдующему деревенскимъ хозяйствомъ. Это лежебока, байбакъ, тунеядецъ, губящій въ себѣ всѣ лучшія начала своей хорошей натуры и, въ концѣ концовъ, умирающій медленной духовной и тѣлесной смертью. Вся исторія Обломова, какъ она развертывается передъ нами въ романѣ, есть глубоко-грустная повѣсть о томъ, какъ постепенно гибнетъ благородный, умный, симпатичный человѣкъ, самъ сознавая свою гибель и чувствуя полное безсиліе сдѣлать что-нибудь для своего спасенія.

Изображая картину постепеннаго духовнаго умиранія Обломова, его полную неприспособленность къ самой незначительной житейской борьбѣ, Гончаровъ съ полной ясностью раскрываетъ передъ нами причины духовнаго безсилія и гибели своего героя. Ключъ къ пониманію характера Обломова кроется въ знаменитомъ его „Снѣ“, къ анализу котораго мы теперь и приступимъ.

Самъ авторъ объяснилъ намъ значеніе этого „Сна“ для пониманія характера его героя. Изобразивши съ дивнымъ комизмомъ разъясненія Обломова Захару о томъ, какая разница между бариномъ и „другимъ“, который „работаетъ безъ устали, бѣгаетъ, суетится... а не поработаетъ, такъ и не съѣстъ“, самъ на себя натягиваетъ чулки, знаетъ нужду и голодъ, Гончаровъ затѣмъ рисуетъ намъ одну изъ ясныхъ, сознательныхъ минутъ своего героя, когда передъ его духовнымъ взоромъ во весь ростъ выступаетъ его собственное нравственное ничтожество. Мучительно больно становится ему „за свою неразвитость, остановку въ ростѣ нравственныхъ силъ, за тяжесть, мѣшающую всему“. „Отчего же это я такой?“ съ болью въ сердцѣ, почти со слезами на глазахъ спрашиваетъ себя Обломовъ. Еще не успѣвшая вполнѣ отвыкнуть отъ работы, мысль дѣятельно начинаетъ искать отвѣта на этотъ вопросъ и находитъ его. „Должно быть“... это... оттого, начинаетъ Обломовъ формулировать этотъ созрѣвшій у него въ головѣ от-

вѣтъ, но охватившій его сонъ не даетъ ему договорить, и, какъ это часто бываетъ, готовая мысль, сложившаяся при бодрствованіи въ отвлеченной формѣ, облекается во снѣ въ живые образы. Передъ его глазами проходитъ картина его дѣтства, такъ какъ въ условіяхъ воспитанія и вліянія окружающей среды нашелъ Обломовъ отвѣтъ на мучившій его вопросъ.

Передъ нами полный здоровья, живой, наблюдательный, одаренный пытливымъ умомъ, впечатлительный ребенокъ

Въ немъ такъ много дѣтской рѣзвости, живого темперамента, что онъ, не успѣвъ встать съ кроватки, начинаетъ шалить со своей няней. Живая натура требуетъ движенія, ищетъ выхода накопившейся энергіи, и потому, пока этотъ выходъ не найденъ, онъ всецѣло занятъ имъ. „Мы, маменька, сегодня пойдемъ гулять?“ вырывается вдругъ у него во время утренней молитвы давно вертѣвшаяся въ умѣ мысль, и онъ разсѣянно повторяетъ за матерью святыя слова, глядя въ окно, откуда мягкими волнами идетъ въ комнату манящій на волю весенній воздухъ, напоенный ароматомъ сирени. Наконецъ, онъ на дворѣ. Съ радостнымъ чувствомъ обѣжалъ онъ родительскій домъ, попытался взлѣзть на огибавшую весь домъ висячую галлерею, чтобы взглянуть оттуда на рѣчку, но, во́-время остановленный старушкой-няней, бросился къ крутой лѣстницѣ, ведущей на сѣновалъ, задумалъ взобраться на голубятню, проникнуть на скотный дворъ и т. д. Это настоящая „юла“, какъ называетъ его едва поспѣвающая за нимъ няня, ребенокъ, отличающійся большой живостью, подвижностью натуры.

Но не одна рѣзвость бьетъ ключемъ въ маленькомъ Обломовѣ. „Онъ иногда вдругъ присмиритъ, сидя подлѣ няни, и смотритъ на все такъ пристально“. Въ дѣтскомъ умѣ его одинъ за другимъ возникаетъ рядъ вопросовъ, на которые онъ жадно ищетъ отвѣта. „Отчего это, няня, тутъ темно, а тамъ свѣтло, а ужо будетъ и тамъ свѣтло?“ пытливо спрашиваетъ онъ, замѣтивъ, что отъ деревьевъ, отъ голубятни — отъ всего побѣжали длинныя тѣни. Предоставленный самому себѣ во время всеобщаго послѣобѣденнаго сна, противъ котораго не можетъ устоять и няня, онъ „забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжитъ жукъ, и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ; прислушивался, какъ кто-то все стрекочетъ въ травѣ, искалъ и ловилъ нарушителей этой тишины; поймаетъ стрекозу, оторветъ ей крылья и смотритъ, что изъ нея будетъ... съ наслажденіемъ, боясь дохнуть, наблюдаетъ за паукомъ, какъ онъ сосетъ кровь пойманной мухи, какъ бѣдная жертва бьется и жужжитъ у него въ лапкахъ“ и т. п.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ натурой, которая, будучи поставлена въ благопріятныя условія, могла бы достигнуть высокаго развитія своихъ душевныхъ силъ, занять видное мѣсто въ жизни.

Но точно сама судьба ополчилась противъ бѣднаго ребенка и отдавала его въ жертву такому вліянію воспитанія и окружающей среды, которое настойчиво, систематически подавляло въ немъ отмѣченные только что хорошіе природные задатки и, наоборотъ, разви-

вало вредныя для него качества. Это было воспитаніе, являвшееся продуктомъ крѣпостного строя жизни, это была среда, созданная тѣмъ же крѣпостнымъ правомъ.

Первымъ правиломъ этого воспитанія было внушеніе ребенку мысли о томъ, что онъ баринъ, что у него есть „Захаръ и еще 300 Захаровъ“ для удовлетворенія всѣхъ его нуждъ и исполненія малѣйшихъ прихотей, и что ему вовсе не нужно и даже зазорно дѣлать для себя что-нибудь самому. И потому няня, несмотря на семилѣтній возрастъ мальчика, натягиваетъ на него чулки, умываетъ его, причесываетъ голову. То же повторяется и въ 14 лѣтъ съ той только разницей, что мѣсто няни занимаетъ Захарка, „а Ильюша... только и знаетъ, что подставляетъ ему лежа то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не такъ, то онъ поддастъ Захаркѣ ногой въ носъ“. Прямымъ слѣдствіемъ такого воспитанія было подавленіе въ ребенкѣ всякой самодѣятельности, уничтоженіе въ немъ той врожденной энергіи, жажды движенія, труда, которыя живымъ ключемъ били въ немъ. Захочетъ онъ, какъ рѣзвый мальчикъ, сдѣлать что-нибудь для себя самъ, какъ отовсюду раздаются голоса, указывающіе на то, что это не барское дѣло, что для этого существуютъ Васьки, Ваньки, Захарки. „Послѣ онъ нашелъ, что оно и покойнѣе гораздо, и самъ выучился покрикивать: — Эй, Васька, Ванька! Подай то, дай другое! не хочу того, хочу этого! Сбѣгай, принеси!“

Никто не думалъ о томъ, чтобы предоставленіемъ ребенку разумной свободы развивать въ немъ драгоцѣнныя качества человѣческой природы, — потребность дѣятельности физической и умственной. Каждый шагъ его опекался и парализовался не въ мѣру нѣжными родителями, не считавшими однако нужнымъ позаботиться о томъ, чтобы ихъ сынъ находилъ для себя въ окружающемъ здоровую умственную пищу. Какова была эта пища, какого рода отвѣты получалъ онъ на тѣ вопросы, которые роились въ его головкѣ, можно прекрасно судить по тому, что услышалъ онъ отъ няни, спросивъ ее, почему въ одномъ мѣстѣ свѣтло, а въ другомъ темно. „Оттого, батюшка, — отвѣчала она, — что солнце идетъ навстрѣчу мѣсяцу и не видитъ его, такъ и хмурится, а ужо какъ завидитъ издали, такъ просвѣтлѣетъ“. Вмѣсто того, чтобы удовлетворить должнымъ образомъ естественную любознательность ребенка, мать и няня давали волю своей необузданной фантазіи и населяли его воображеніе разсказами о какой-то невѣдомой странѣ, гдѣ нѣтъ ни ночей ни холода, гдѣ все совершаются чудеса, гдѣ текутъ рѣки меду и молока, гдѣ никто ничего круглый годъ не дѣлаетъ, а день деньской только и знаютъ, что гуляютъ“. И такъ искусно въ этихъ разсказахъ обходилось все, что существуетъ на самомъ дѣлѣ, такъ сильно вліяли они на впечатлительнаго ребенка, что „воображеніе и умъ, проникшись вымысломъ, оставались уже у него въ рабствѣ до старости“. Хоть и знаетъ взрослый Илья Ильичъ, что нѣтъ въ дѣйствительности тѣхъ чудесъ, о которыхъ онъ слыхалъ въ дѣтствѣ, все же „у него навсегда остается

расположеніе полежать на печи, походить въ готовомъ незаработанномъ платьѣ, поѣсть на счетъ доброй волшебницы", и онъ „безсознательно груститъ подчасъ, зачѣмъ сказка не жизнь, а жизнь не сказка".

Не давая ничего, что хотя сколько-нибудь способствовало бы развитію природныхъ дарованій ребенка, окружавшая Обломова среда своимъ захватывающимъ вліяніемъ подчинила его себѣ, отравила его душу. Природная чуткость и впечатлительность Ильюши, которыя, при благопріятныхъ условіяхъ, могли бы мощно содѣйствовать его духовному росту, сослужили ему плохую службу, напитавъ его тлетворными впечатлѣніями окружавшей среды. Рисуя картину дѣтства Обломова, Гончаровъ нѣсколько разъ, варьируя на разные лады, повторяетъ одну и ту же мысль, — какъ дѣтскій умъ Ильюши наблюдаетъ всѣ совершающіеся передъ нимъ явленія жизни, какъ они глубоко западаютъ въ его душу и потомъ вмѣстѣ съ нимъ растутъ и зрѣютъ. Мы уже знаемъ отчасти, что это была за жизнь. Какъ живая, во всѣхъ деталяхъ встаетъ она передъ нашими глазами въ мастерскомъ изображеніи Гончарова. „Ни одна мелочь ни одна черта не ускользаетъ отъ пытливаго вниманія ребенка; неизгладимо врѣзывается въ душу картина домашняго быта; напитывается мягкій умъ живыми примѣрами и безсознательно чертитъ программу своей жизни по жизни его окружающей". Видитъ Ильюша, что его отецъ по цѣлымъ днямъ только и знаетъ, что ходитъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки назадъ, или же неподвижно сидитъ у окна, глядя въ пространство и отъ скуки дѣлая безмысленныя замѣчанія проходящей мимо дворнѣ; что никогда не придетъ ему въ голову провѣрить самому, какъ идетъ хозяйство, что даже незначительная работа по дому, какъ починка готовыхъ обрушиться галлереи и крыльца, представляется для него настолько сложнымъ дѣломъ, что онъ никакъ не можетъ взяться за него; замѣчаетъ онъ, что мать только и дѣлаетъ, что хлопочетъ о ѣдѣ и переходитъ отъ кофе къ чаю, отъ чаю къ обѣду; что цѣлый штатъ крѣпостныхъ слугъ, готовыхъ исполнить малѣйшій барскій капризъ, всегда къ услугамъ его родителей. И невольно дѣтскій умъ его, исполнившійся впечатлѣній домашней жизни, прежде чѣмъ ему сталъ доступенъ притокъ иныхъ понятій, хотя бы черезъ книги, рѣшаетъ, что именно такъ и нужно жить, какъ живутъ окружающіе его люди. Неоткуда было бѣдному мальчику набраться свѣжихъ, животворящихъ впечатлѣній, могущихъ дать здоровую пищу его уму, некому было позаботиться о томъ, чтобы его богато одаренная натура получила разумный просторъ для своего развитія. Какъ нѣжно лелѣемое тепличное растеніе, росъ онъ, точно подъ стекломъ, медленно и вяло. „Ищущія проявленія силы обращались внутрь и никли увядая".

Такъ подъ вліяніемъ нелѣпаго воспитанія въ раннемъ дѣтствѣ и гибельнаго воздѣйствія среды пропадали хорошіе природные задатки Ильюши. Они могли бы найти подходящія условія для развитія позже, въ годы ученія, и тогда первоначальная закваска въ значительной степени потеряла бы свою силу и могла совсѣмъ исчезнуть. Но своеоб-

разный строй обломовской жизни налагалъ свой отпечатокъ и на ученіе, какъ домашнее, такъ и школьное. Какъ ни инертна была жизнь и среда, окружавшая Обломова въ дѣтствѣ, какъ ни равнодушно относилась она къ знанію и просвѣщенію, все же „времена Простаковыхъ и Скотининыхъ миновались давно. Пословица: ученье свѣтъ— не ученье тьма бродила уже по селамъ и деревнямъ вмѣстѣ съ книгами, развозимыми букинистами". Даже обломовцы понимали выгоды и преимущества образованія, но понимали ихъ по-своему. Они видѣли, что тотъ, кто имѣлъ дипломъ, удостовѣряющій въ прохожденіи полнаго курса ученія, быстро хваталъ чины и кресты, наживалъ деньги, тогда какъ старые служаки, повидимому, искусившіеся во всѣхъ тонкостяхъ буквоѣдства и крючкотворства, или оставались въ хвостѣ, или — и того хуже — должны были убраться по добру по здорову. Отсюда ближайшее заключеніе, дальше котораго они и не шли, — нужно соблюсти предписанную форму, добыть для Ильюши какой-то аттестатъ, въ которомъ будетъ сказано, что онъ „прошелъ всѣ науки и искусства", и чѣмъ меньше будетъ затрачено на это труда и усилій, тѣмъ лучше. Они цѣнили только внѣшнюю выгоду образованія и не понимали той громадной роли, какую играетъ оно въ дѣлѣ развитія духовныхъ силъ человѣка, въ подготовкѣ его къ разумному существованію, удовлетворяя естественные запросы человѣческаго духа. Вотъ почему годы ученія у Штольца не могли уничтожить въ Ильюшѣ вліяній родной ему Обломовки, которая находилась слишкомъ близко; обаяніе ея привычекъ и атмосферы, благодаря постояннымъ поѣздкамъ Ильюши домой, парализовало всѣ начинанія Штольца. Что могъ сдѣлать со своимъ питомцемъ даже такой энергичный нѣмецъ, какъ старый Штольцъ, если обломовцы постоянно выискивали поводы къ тому, чтобы Ильюша поменьше мучилъ себя неизбѣжнымъ зломъ — ученіемъ. Всѣ были убѣждены, что печеніе блиновъ самый настоящій поводъ къ тому, чтобы не ѣхать къ нѣмцу, что праздникъ въ четвергъ — неодолимое препятствіе къ ученію во всю недѣлю и что поэтому незачѣмъ ѣздить взадъ и впередъ на три дня; что послѣ пасхальныхъ вакацій на двѣ недѣли не стоитъ ѣздить учиться и т. д. То немногое время, какое находился маленькій Обломовъ подъ вліяніемъ своего учителя, тоже не могло принести существенной пользы, ибо старый Штольцъ встрѣтилъ неожиданное противодѣйствіе въ лицѣ своего сына, который, подружившись съ Ильюшей и горячо полюбивъ его, тайкомъ отъ отца половину работы исполнялъ за него.

Такимъ образомъ, и дѣтство и отрочество, тѣ періоды жизни, когда въ значительной мѣрѣ слагаются наклонности и характеръ человѣка, опредѣляется его духовный обликъ, Ильюша Обломовъ находился подъ непрестаннымъ вліяніемъ окружающей его среды, которое такъ глубоко проникло въ его душу, что не могло быть искоренено ни въ годы студенческой жизни ни въ послѣдующій зрѣлый періодъ ея. Прежняя живая, любознательная натура уже въ значительной степени была задавлена лѣнью и зарождающейся апатіей. съ которыми

подчасъ онъ уже не въ силахъ бороться. Сказывалось это въ его чисто формальномъ отношеніи къ изучаемымъ наукамъ, которыя усваивались имъ безъ всякаго интереса. Юношескій подъемъ силъ, жажда знанія, которыя охватили одно время Обломова, когда онъ жилъ всѣми фибрами своей души, продолжались недолго. „Цвѣтъ жизни распустился, но не далъ плодовъ. Обломовъ отрезвился и только изрѣдка, по указанію Штольца, прочитывалъ ту или другую книгу, но не вдругъ, не торопясь, безъ жадности, а лѣниво пробѣгалъ глазами по строкамъ“. Въ концѣ концовъ, ко времени окончанія курса, Обломовъ потерялъ всякій вкусъ къ умственной работѣ; знаніе было для него мертвымъ капиталомъ, между нимъ и жизнью лежала цѣлая бездна, которую онъ не пытался пройти; оно не могло дать направленія его существованію, повліять на него. Жизнь въ его представленіи дѣлилась на двѣ половины; одна изъ нихъ была исполнена труда и неразлучной съ нимъ, въ его представленіи, скуки, другая состояла изъ покоя и мирнаго веселья.

Однако онъ не остался въ Обломовкѣ мирно наслаждаться прелестями деревенскаго существованія. Университетская жизнь все же давала пищу вражденной потребности къ дѣятельности и спасла его на время отъ окончательной гибели. Онъ былъ полонъ еще разныхъ широкихъ стремленій и надеждъ, чего-то ждалъ отъ себя и отъ жизни, мечталъ о роли, которую онъ будетъ играть на служебномъ поприщѣ и въ обществѣ, въ отдаленной перспективѣ видѣлъ семейное счастье. Все это заставило его покинуть родное гнѣздо и отправиться на поиски счастья въ Петербургъ. Но первыя же столкновенія съ дѣйствительною жизнью, которая потребовала отъ него труда и энергіи, совсѣмъ ошеломили его, и онъ, десять лѣтъ все собираясь что-нибудь дѣлать, кончилъ тѣмъ, что, потерпѣвъ позорное фіаско, вслѣдствіе своего нерадѣнія на служебномъ поприщѣ, оставилъ всякія мечты о повышеніяхъ, чинахъ и орденахъ и вышелъ въ отставку.

Глубоко пустившая въ него свои корни лѣнь и апатія вскорѣ побудила его порвать почти всѣ связи съ обществомъ, и онъ постепенно погружался въ спячку духовную и тѣлесную. Могущественнѣйшее изъ человѣческихъ чувствъ — любовь на время пробудило его, возродило духовно, но старая закваска оказалась сильнѣе, и мы видимъ, что онъ со страшной болью въ сердцѣ отказывается отъ любимой дѣвушки, чтобы заживо похоронить себя на Выборгской сторонѣ, отдать свою душу и жизнь во власть того настроенія, которое выросло въ русской дореформенной помѣщичьей жизни на даровомъ трудѣ крѣпостныхъ крестьянъ. „Кто проклялъ тебя, Илья?“ спрашиваетъ Ольга съ мучительной болью въ сердцѣ, потерявши въ него вѣру: „что ты сдѣлалъ? ты добръ, уменъ, нѣженъ, благороденъ... и... гибнешь! Что сгубило тебя? Нѣтъ имени этому злу“... — „Есть“ — прошепталъ Обломовъ въ отвѣтъ чуть слышно: — „обломовщина“.

Такъ самъ Илья Ильичъ назвалъ погубившую его силу. Сила эта — до-реформенный строй жизни, покоившійся на крѣпостномъ правѣ.

Главный источникъ ея могущества скрывался въ услугахъ „трехсотъ Захаровъ", въ безвозмездномъ ползованіи чужимъ трудомъ, въ беззаботной, праздной, сытой жизни. Въ этомъ отличіе жалкаго прозябанія Обломова отъ полной дѣятельности жизни тѣхъ, кто въ трудѣ видитъ необходимое условіе человѣческаго счастья и прогресса. Самъ Обломовъ какъ нельзя лучше въ разговорѣ съ Захаромъ указалъ, въ чемъ разница между нимъ, бариномъ, и „другимъ". „Другой работаетъ безъ устали, — поясняетъ Илья Ильичъ, — бѣгаетъ, суетится, не поработаетъ, такъ и не поѣстъ... А я?... Да развѣ я мечусь, развѣ я работаю? Мало ѣмъ, что ли? Худощавъ или жалокъ на видъ? Развѣ недостаетъ мнѣ чего-нибудь? Кажется, подать, сдѣлать есть кому. Я ни разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слава Богу. Стану ли я безпокоиться? Изъ чего мнѣ?... Ты все это знаешь, видѣлъ, что я воспитанъ нѣжно, что я ни холода ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себѣ не зарабатывалъ и, вообще, чернымъ дѣломъ не занимался". Но именно то, чѣмъ такъ гордился Обломовъ въ этой бесѣдѣ съ Захаромъ, и погубило его. Вліяніе обломовщины" настолько сильно, что она, какъ, сорная трава, заглушаетъ неокрѣпшіе побѣги нужнаго человѣку растенія, въ концѣ концовъ, подавила въ Ильѣ Ильичѣ всѣ проблески новыхъ вѣяній, какими успѣлъ проникнуться онъ, всѣ задатки богато одаренной натуры. И погибъ этотъ глубоко симпатичный человѣкъ, стоящій на распутьѣ двухъ эпохъ русской общественности, засосанный въ тину до-реформенной барской жизни, одурманенный съ ранняго дѣтства ея тлетворнымъ духомъ.

Рѣдкимъ по своей художественности и широтѣ захвата изображеніемъ въ „Обломовѣ" губительнаго вліянія крѣпостного строя жизни на самихъ помѣщиковъ Гончаровъ, какъ нельзя болѣе, содѣйствовалъ раздававшемуся въ то время изъ передовыхъ слоевъ общества призыву противъ спячки и застоя, въ которое было погружено, въ общей массѣ, дворянское сословіе. Молодой критикъ Добролюбовъ въ блестящей статьѣ, подъ заглавіемъ: „Что такое обломовщина", провелъ остроумную параллель между Обломовымъ, съ одной стороны, и Онѣгинымъ, Печоринымъ, Рудинымъ и Бельтовымъ, съ другой, и наглядно показалъ, какъ глубоко захватилъ Гончаровъ въ своемъ романѣ одно изъ основныхъ свойствъ родной жизни, указавши въ то же время причины и условія его существованія. Для насъ Обломовъ — единственный въ своемъ родѣ художественный синтезъ жизни до-реформеннаго русскаго барства.

Гончарову думалось, что съ наступленіемъ въ русской жизни новой эпохи, эпохи освобожденія и великихъ реформъ, приближеніе которыхъ ясно чуялось въ послѣдніе годы созданія „Обломова", обломовщина исчезнетъ. Посѣщая въ послѣдній разъ Илью Ильича, Штольцъ уходитъ отъ него съ такими мыслями: „Погибъ ты, Илья! Нечего тебѣ говорить, что твоя Обломовка не въ глуши больше, что до нея дошла очередь, что на нее пали лучи солнца... что года черезъ четыре она

будетъ станціей дороги, что мужики твои пойдутъ работать насыпь, а потомъ по чугункѣ покатится твой хлѣбъ къ пристани... А тамъ школы, грамота, а дальше... Прощай, старая Обломовка, ты отжила свой вѣкъ". Но Штольцъ, устами котораго въ этомъ случаѣ, конечно, говоритъ самъ авторъ, ошибался. „Дѣло вѣковъ поправлять не легко", и Гончаровъ слишкомъ рано написалъ надгробное слово обломовщинѣ. Еще Добролюбовъ мѣтко замѣтилъ, что Обломовка — наша прямая родина, и что въ каждомъ изъ насъ сидитъ не мало обломовщины. Замѣчаніе это въ значительной мѣрѣ примѣнимо и къ послѣдующей русской жизни вплоть до нашихъ дней, когда нерѣдко приходится встрѣчаться съ барской изнѣженностью, боязнью труда, отсутствіемъ энергіи и предпріимчивости, голубиной кротостью, лѣнью и апатіей, исключающими всякую возможность борьбы за лучшее будущее.

Отсюда цѣнность Обломова, какъ художественнаго образа значительно повышается: въ немъ слѣдуетъ видѣть не только временный, историческій, но и племенной русскій типъ, свойственный цѣлому ряду эпохъ, коренящійся въ основахъ нашей исторической, общественной и государственной жизни. Не даромъ слово „обломовщина", такъ удачно характеризующее одинъ изъ существеннѣйшихъ пороковъ нашей общественной жизни, получило широкія права гражданства и нерѣдко употребляется въ литературѣ и жизни.

На этомъ не исчерпывается значеніе образа Обломова. Создавая типъ, являющійся кореннымъ для всей русской жизни, Гончаровъ въ то же время далъ намъ и общечеловѣческій образъ и показалъ, какъ подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ условій овладѣваютъ даровитой личностью лѣнь и апатія, которыя мало-по-малу порабощаютъ себѣ всѣ лучшія движенія мысли и чувства. Въ этомъ отношеніи Обломовъ такой же вѣковѣчный типъ, какъ Гамлетъ, Донъ-Кихотъ, Чацкій и др., но въ рамкахъ исторической картины русской жизни сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка онъ — яркій представитель эпохи пробужденія русскаго общества, затопленный мутнымъ потокомъ старой жизни.

Александровскій.

Процессъ самопроизвольнаго вымиранія крѣпостнической Руси въ романѣ „Обломовъ".

Романъ „Обломовъ" является наиболѣе замѣчательнымъ изъ произведеній Гончарова, онъ составляетъ въ то же время эпоху въ исторіи русской литературы и русскаго общественнаго самосознанія XIX вѣка. „Обломовымъ" подводился итогъ дворянскому періоду русской литературы и исторіи русской интеллигенціи. „Обломовъ" — это безпощадный приговоръ надъ дворянской классовой интеллигенціей и вмѣстѣ съ тѣмъ картина ея смерти. Обломовъ — послѣдній баринъ среди героевъ нашего романа, баринъ типичный, но баринъ временъ упадка. Это значеніе „Обломова", какъ приговора надъ барствомъ,

было вполнѣ понято современниками, и Добролюбовъ, одинъ изъ лучшихъ представителей шедшаго на смѣну барству разночинца, увидѣлъ въ Обломовѣ синтезъ барства и въ своей замѣчательной статьѣ „Что такое обломовщина“ относитъ къ числу обломовцевъ всѣхъ героевъ барскаго происхожденія: Онѣгина, Печорина, Бельтова, Рудина и т. д. Взглядъ Добролюбова уже сильно нуждается въ пересмотрѣ. Несомнѣнно Печоринъ, Бельтовъ, Рудинъ и даже Онѣгинъ не могутъ быть подведены подъ обломовскій типъ. Изъ предшественниковъ Ильи Ильича Обломова несомнѣнно родственнымъ ему является только Тентетниковъ. Но всѣхъ этихъ героевъ объединяютъ классовыя черты — черты барства, и въ качествѣ представителя русскаго барства Обломовъ наиболѣе типиченъ. Герои Пушкина, Лермонтова, Герцена и Тургенева представляютъ собой верхи русскаго барства, лучшіе наиболѣе сознательные его элементы. Барство въ цѣломъ много ниже ихъ. Обломовъ, наоборотъ — какъ бы равнодѣйствующая всѣхъ разнообразныхъ элементовъ барства отъ Герцена и Тургенена до Петра Петровича Пѣтуха, но такъ какъ Петры Петровичи Пѣтухи численно преобладаютъ, то онъ ближе къ нимъ, чѣмъ къ Герцену и Тургеневу. Типичность Обломова усиливается еще тѣмъ, что онъ представляетъ собой барство въ состояніи упадка, умиранія, въ какомъ оно и находилось въ его время. Илья Ильичъ даже оторвался отъ своей Обломовки и прибитъ условіямъ жизни къ берегу петербургскаго чиновничества, куда принесъ съ собой свои обломовскія привычки, но безъ поэзіи Обломовки. Штольцъ правильно опредѣлилъ условія жизни Ильи Ильича на Выборгской сторонѣ, сказавъ: „это Обломовка, только гаже“. Обломовъ не является представителемъ наиболѣе культурнаго слоя своего времени, извѣстнаго въ исторіи нашего общественнаго развитія подъ именемъ „людей сороковыхъ годовъ“. Отъ нихъ онъ отличается малой интеллигентностью, косностью ума.

„Этой косностью мысли, этой апатіей ума, говоритъ проф. Овсянико-Куликовскій, Обломовъ рѣзко отличается отъ „настоящихъ“ людей 40-хъ годовъ. Мы говорили въ своемъ мѣстѣ о философской жаждѣ, которою они были томимы, о ихъ философскихъ дарованіяхъ, о томъ, какъ искали они и умѣли находить, при помощи то Шеллинга, то Гегеля, объединяющія идеи, о томъ, какъ выработали они свое міросозерцаніе и т. д.“

„Въ противоположность имъ, Илья Ильичъ Обломовъ не только не стремится къ выработкѣ цѣльнаго философскаго міровоззрѣнія, но, повидимому, даже не способенъ чувствовать необходимости объединяющей идеи. Голова его представляла сложный архивъ мертвыхъ дѣлъ, лицъ, эпохъ, цифръ, религій, ничѣмъ не связанныхъ, политико-экономическихъ, математическихъ и другихъ истинъ, задачъ, положеній и т. п. Это была какъ будто библіотека, состоящая изъ однихъ разрозненныхъ томовъ по разнымъ частямъ знаній“.

„Его образованіе скудно и хаотично. У него нѣтъ „того грузу знаній“, которыя бы могли дать направленіе вольно гуляющей въ головѣ или праздно дремлющей мысли“.

Овсяннико-Куликовскій готовъ видѣть въ Обломовѣ „эпигона или, пожалуй, выродка людей 40-хъ годовъ“. Мы признали бы скорѣе человѣка недоразвившагося до ихъ уровня, но вполнѣ принимаемъ то опредѣленіе разницы между Обломовымъ и ими, которую даетъ Овсяннико-Куликовскій.

„Эти послѣдніе (люди 40-хъ годовъ), цвѣтъ интеллигенціи своего времени. Обломовъ не только не „цвѣтъ“, но его, строго говоря, даже трудно причислить къ настоящей интеллигенціи. Въ сущности среда, къ которой онъ наиболѣе подходитъ, это — либо патріархальная, полуобразованная среда захолустныхъ помѣщиковъ стараго времени, либо мѣщанство того типа, какой изображенъ въ послѣднихъ главахъ романа. И сама Обломовка, какъ она представляется въ „Снѣ Обломова“, вовсе не принадлежитъ къ числу тѣхъ „дворянскихъ гнѣздъ“, которыя въ доброе старое время были истинно культурными уголками и разсадниками свѣта мысли и гуманности. Обломовцы, изъ среды которыхъ вышелъ Илья Ильичъ, — не интеллигенція, и самъ онъ — лишь случайный пришелецъ въ образованномъ и мыслящемъ обществѣ, откуда его такъ и тянетъ, можно сказать, стихійно, инстинктивно тянетъ къ иной средѣ — попроще, гдѣ не ломаютъ головы надъ мудреными вопросами, гдѣ мысль, чувство и воля могутъ мирно дремать на лонѣ непосредственности и привычныхъ, традиціонныхъ формъ вялой и косной жизни“.

Обломовъ и Обломовка охарактеризованы здѣсь вполнѣ правильно. Это представитель и гнѣздо не культурныхъ верховъ, а средняго дворянства, того, которое, разлагаясь, должно было превращаться не въ интеллигенцію, а въ чиновничество или мѣщанство. Міросозерцаніе Обломова вполнѣ соотвѣтствуетъ этой средѣ. Въ немъ есть нѣчто маниловское, подобно Манилову, при всей сентиментальности, онъ настоящій крѣпостникъ. Эту черту Обломова, на которую не было обращено до сихъ поръ вниманія, отлично выясняетъ проф. Овсяннико-Куликовскій.

„Самое рѣзкое отличіе Обломова отъ идеалистовъ 40-хъ годовъ, это — то, что онъ крѣпостникъ. Тѣ только выростали на лонѣ крѣпостного права (и то не всѣ) и невольно усваивали себѣ привычки барской избалованности и нѣкоторыя соотвѣтственныя замашки. Но они хорошо сознавали и живо чувствовали все зло, все безобразіе крѣпостного права, они его отрицали въ принципѣ и зачастую отказывались отъ сопряженныхъ съ нимъ „правъ и преимуществъ“. Илья Ильичъ — крѣпостникъ до мозга костей, крѣпостникъ и по привычкамъ, и по убѣжденію“.

Крѣпостничество Обломова Овсяннико-Куликовскій видитъ въ цѣломъ рядѣ фактовъ. „Закоренѣлое крѣпостничество Обломова, говоритъ онъ, ярко обнаруживается въ знаменитой сценѣ съ Захаромъ. Дѣло, какъ извѣстно, идетъ о переѣздѣ на другую квартиру. Слова Захара, что „другіе молъ, не хуже насъ, да переѣзжаютъ, такъ и намъ можно“, задѣли Илью Ильича за живое. Онъ и изумленъ, и

возмущенъ, и озадаченъ. „Другіе не хуже! — съ ужасомъ повторилъ Илья Ильичъ. — Вотъ до чего договорился! Я теперь буду знать, что я для тебя все равно, что „другой“... „Обломовъ долго не могъ успокоиться; онъ ложился, вставалъ, ходилъ по комнатѣ и опять ложился. Онъ въ низведеніи себя Захаромъ на степень другихъ видѣлъ нарушеніе правъ своихъ на исключительное предпочтеніе особы барина всѣмъ и каждому“. Послѣ долгихъ размышленій о продерзости Захара Илья Ильичъ опять зоветъ его, — и начинается великолѣпный діалогъ, въ которомъ Илья Ильичъ донимаетъ Захара жалкими словами. Здѣсь оба, каждый по-своему, обнаруживаются, какъ неисправимые крѣпостники“.

Крѣпостникомъ является Обломовъ и въ своемъ планѣ устройства имѣнія.

„Въ пресловутомъ планѣ устройства имѣнія, говоритъ Овсянико-Куликовскій, который Илья Ильичъ „разрабатываетъ“, и въ безконечныхъ мечтахъ его о своемъ житьѣ-бытьѣ въ деревнѣ бросается въ глаза между прочимъ слѣдующее: о мужикахъ онъ думаетъ и фантазируетъ совсѣмъ мало, да и то съ точки зрѣнія интересовъ и удобствъ помѣщика-крѣпостника. „Онъ быстро пробѣжалъ въ умѣ нѣсколько серіозныхъ, коренныхъ статей объ оброкѣ, о запашкѣ, *придумалъ новую мѣру*, *построже*, *противъ лѣни и бродяжничества крестьянъ* и перешелъ къ устройству собственнаго житья-бытья въ деревнѣ“. Размышленія на эту послѣднюю тему разыгрываются въ упоительную мечту о томъ, какъ онъ, приведя имѣніе въ порядокъ и женившись, заживетъ въ деревнѣ помѣщикомъ хлѣбосоломъ, въ кругу семьи, родныхъ, друзей, и жизнь будетъ нескончаемымъ, неомрачаемымъ праздникомъ, — „будетъ вѣчное веселье, сладкая ѣда да сладкая лѣнь“. Отъ всѣхъ деталей картины, отъ всѣхъ подробностей идилліи такъ и разитъ закоренѣлымъ крѣпостничествомъ. Тутъ и „праздная дворня“ у воротъ, и „дѣвки играютъ въ горѣлки“, и „Захаръ — произведенный въ мажордомы“. Крѣпостничество Обломова охватываетъ не только привычки и мечты его, но и его взгляды“.

„Онъ крѣпостникъ, не только по унаслѣдованнымъ привычкамъ, по воспитанію, но также и по убѣжденіямъ, и эти убѣжденія весьма близки къ тѣмъ, которыя возвѣстилъ міру Гоголь въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“. Такъ, напримѣръ, на совѣтъ Штольца завести школу въ деревнѣ онъ отвѣчаетъ: „Не рано ли? Грамотность вредна мужику; выучи его, такъ онъ, пожалуй, и пахать не станетъ“.

Но убѣжденія его даже въ этомъ родѣ очень расплывчаты, неопредѣленны, онъ не можетъ считаться принципіальнымъ крѣпостникомъ, онъ не доросъ и до этого.

„Чтобы закончить характеристику Обломова „какъ крѣпостника“, — говоритъ Овсяннико-Куликовскій, — необходимо отмѣтить тотъ фактъ, что Илья Ильичъ, будучи несомнѣннымъ крѣпостникомъ по убѣжденію, привычкамъ и по самой натурѣ, однако же не можетъ быть причис-

ленъ къ тѣмъ, которые хотѣли и пытались отстаивать крѣпостное право, — къ крѣпостникамъ-политикамъ, составлявшимъ партію. И если бы Обломовъ могъ вообще преодолѣть свою лѣнь и косность и сдѣлаться адептомъ какой-нибудь „партіи", то онъ примкнулъ бы къ либераламъ, къ людямъ прогресса. За это ручается его дружба со Штольцемъ, въ особенности тѣ чувства, которыя питаетъ къ нему Штольцъ, несомнѣнный человѣкъ движенія и прогресса (хотя и съ не вполнѣ ясной программой). Обломовъ — крѣпостникъ, но не злостный, не воинствующій. Крѣпостническія тенденціи, въ смыслѣ опредѣленной политической программы, не согласовались бы съ его кротостью, мягкостью, благодушіемъ, прекраснодушіемъ, въ особенности же — съ его обломовщиной. Эта обломовщина, какъ особый строй души, такъ сильна въ немъ, что онъ охотно отдалъ бы всѣхъ своихъ 300 Захаровъ и всѣ свои права и прерогативы помѣщика и дворянина, лишь бы спокойно лежать на диванѣ, лишь бы „жизнь его не трогала", лишь бы нашлось какое-нибудь „промышляющее о немъ око". Такое и нашлось въ лицѣ вдовы Пшеницыной. Живя у нея и съ нею, Обломовъ „рѣшилъ, что ему некуда больше итти, нечего искать, что идеалъ его жизни осуществился, хотя безъ тѣхъ лучей, которыми нѣкогда воображеніе рисовало ему барское, широкое и безпечное теченіе жизни въ родной деревнѣ, среди крестьянъ и дворни" (ч. IV, гл. IX).

„Иными словами, въ Обломовѣ, въ его психологіи и его судьбѣ, представленъ процессъ, такъ сказать, самопроизвольнаго вымиранія крѣпостнической Руси, — процессъ ея „естественной смерти", исключавшій необходимость насильственнаго переворота".

Эта характеристика обломовщины раскрываетъ ея сущность, на которой не останавливается, къ сожалѣнію, проф. Овсяннико-Куликовскій. „Самопроизвольная смерть крѣпостничества", какъ называетъ это явленіе проф. Овсяннико-Куликовскій, дѣйствительно существуетъ, но не совсѣмъ вѣрно опредѣлена. Эта скорѣй малая живучесть. Крѣпостничество, благодаря обломовщинѣ, умирало съ сравнительно слабымъ сопротивленіемъ. А это слабое сопротивленіе обусловливалось аморфностью формъ русскаго быта.

Благодаря этой неопредѣленности формъ русской жизни и дворянство въ массѣ не успѣло сложиться въ опредѣленный классъ съ ясно выраженнымъ классовымъ самосознаніемъ. Такая неопредѣленность, полусознательность и давала возможность быть въ одно и то же время крѣпостникомъ и способнымъ примкнуть къ либеральной партіи. Наша литература даетъ намъ подобные примѣры позже. У Апухтина есть герой по имени Павликъ Дольскій, — это наиболѣе близкій родственникъ Обломова, но изъ болѣе аристократической семьи и моложе. Онъ оказывается въ эпоху освобожденія крестьянъ либеральнѣйшимъ мировымъ посредникомъ, оставаясь въ то же время консерваторомъ по убѣжденіямъ. Это — чрезвычайно характерная черта для обломовщины, одна изъ существенныхъ ея причинъ, если не основная. Отсутствіе со-

знательности, которая дается опредѣленными формами жизни, создаетъ такія безпомощныя существа, которыя теряются при всякой перемѣнѣ, во всякой необычной обстановкѣ, передъ которыми никакой цѣли, никакого долга, обязанности. Разъ человѣку не къ чему и не изъ-за чего стремиться, онъ не можетъ быть энергичнымъ, дѣятельнымъ, его воля должна быть ослаблена до полной атрофіи, въ конечномъ результатѣ Обломовъ именно принадлежитъ къ такимъ существамъ. Онъ весь проникнутъ привязанностью къ патріархальному строю, но не доросъ до сознательной его защиты, даже до способности понять его. Мысль его не идетъ дальше Обломовки и его квартиры. Отсутствіе всякаго философскаго обоснованія его воззрѣній, возведенія ихъ къ какимъ-нибудь общимъ началамъ создаетъ ихъ шаткость и ненужность самыхъ воззрѣній для Обломова. А между тѣмъ въ основѣ Обломовскаго міросозерцанія чувствуются уже задатки, которые позволяютъ опредѣлить, куда бы должно пойти его развитіе, если бы оно не остановилось на первоначальной ступени. Овсяннико-Куликовскій отмѣчаетъ въ Обломовѣ его пассивное крѣпостничество, т.-е. большую привязанность къ существующему укладу жизни и смутное влеченіе къ гуманности, къ прогрессу. Развитіе этихъ началъ должно бы дать славянофильство въ духѣ Лаврецкаго. У Лаврецкаго преданность патріархальному строю, благодаря большей образованности и болѣе сильному уму (Илья Ильичъ Обломовъ, вопреки стараніямъ автора доказать противное, — очень не уменъ), освободилась отъ пристрастія къ наиболѣе безобразнымъ сторонамъ крѣпостного строя, отъ котораго не свободенъ Илья Ильичъ Обломовъ. Большая сознательность, болѣе развитое чувство долга позволяетъ Лаврецкому найти въ жизни и извѣстную цѣль, хотя можетъ и не очень высокаго порядка — быть хорошимъ хозяиномъ.

Характерно одновременное почти появленіе въ литературѣ „Обломова“ и „Дворянскаго Гнѣзда“. Это двѣ отходныя разнымъ слоямъ дворянства. Въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“, избранному болѣе культурному слою, въ „Обломовѣ“ среднему дворянству. И нельзя не видѣть, что, несмотря на разницу въ культурности и отчасти въ темпераментѣ (Лаврецкій не только умнѣе, но и живѣе, страстнѣе Обломова), между ними много общаго. Общими являются у нихъ и многія положительныя черты ихъ характера, выработанныя тѣмъ же патріархальнымъ строемъ, — простота, доходящая до наивности, мягкость, добродушіе и нѣкоторая поэтичность того и другого. Этой поэтичности много въ Обломовѣ, но недостаетъ Штольцу — дѣльцу буржуазнаго типа, и Ольга, героиня „Обломова“, сама воспитанная на той же патріархальной почвѣ, совершенно естественно и инстинктивно правильно предпочла сначала Обломова Штольцу и, только въ силу невозможности примирить дѣятельность и сознательность своей натуры съ пассивностью и безсознательностью Обломова, отошла отъ него къ дѣятельному и сознательному, но лишенному поэзіи Штольцу. Отсутствіе въ Штольцѣ поэзіи и создаетъ ту неудовлетворенность Ольги, которая чувствуется въ концѣ романа. Если не принимать во вниманіе степень дѣятельности и со-

знательности, Илья Ильичъ, какъ человѣкъ, выше Штольца. Онъ во всякомъ случаѣ гораздо обаятельнѣе его.

„Илья Ильичъ Обломовъ, на рѣдкость хорошій и симпатичный человѣкъ. Не даромъ такъ любитъ и цѣнитъ его Штольцъ, не даромъ полюбила его Ольга. Вспомнимъ его характеристику, сдѣланную Штольцемъ въ концѣ романа: „Ни одной фальшивой нотки не издало его сердце, не пристало къ нему грязи. Не обольститъ его никакая народная ложь, и ничего не совлечетъ на фальшивый путь; пусть волнуется около него цѣлый океанъ дряни, зла, пусть весь міръ отравится ядомъ и пойдетъ на выворотъ — никогда Обломовъ не поклонится идолу міра, въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; такихъ людей мало; они рѣдки; это перлы въ толпѣ“.

Эту характеристику Овсяннико-Куликовскій считаетъ „приподнятой“, но въ общемъ вѣрной. Съ этимъ нельзя не согласиться: Обломовъ дѣйствительно чистая и честная натура. Еще болѣе характерна для него его „голубиная нѣжность“, которую отмѣчаютъ въ немъ Штольцъ и Ольга. Такимъ образомъ, подводя итоги тому, что представляетъ собой Обломовъ, мы можемъ резюмировать сказанное выше такъ: Обломовъ, какъ личность, прекрасная, но средняя по уму и не сильная натура. Онъ всецѣло продуктъ патріархальной помѣщичьей жизни и притомъ не верховъ ея, а средняго пласта, не отличающагося сознательностью, коснаго, но не обладающаго даже достаточной опредѣленностью, чтобы отстаивать свою косность. Онъ представляетъ собой процессъ покорнаго, пассивнаго разложенія этого слоя общества. Для своего класса онъ очень типиченъ, но не какъ индивидуальность (въ этомъ отношеніи онъ выше), а какъ соціальный типъ.

Выше мы указывали уже, что любовь Ольги къ Обломову естественна. Въ Ольгѣ есть всѣ положительныя черты Обломова, но, кромѣ того, дѣятельная натура и болѣе сознательный умъ. Ольга даровитѣе, крупнѣе Обломова, но она чувствуетъ въ немъ его положительныя качества и думаетъ вдохнуть въ него ту силу, энергію, дѣятельность, которыхъ ему не достаетъ. Она разочаровывается и въ силу контраста останавливается на Штольцѣ, котораго знала и раньше, но который раньше не привлекалъ ея чувства. Теперь въ Штольцѣ ее привлекаетъ именно то, чего нѣтъ въ Обломовѣ. Она преувеличиваетъ значеніе этихъ качествъ и считаетъ Штольца именно тѣмъ человѣкомъ, который можетъ дать ей счастье. Счастья въ концѣ концовъ все-таки нѣтъ, и Штольцъ только какъ бы суррогатъ „настоящаго человѣка“, котораго такъ ревностно, такъ малоуспѣшно искали Гончаровъ и Тургеневъ.

Штольцъ прежде всего нѣсколько выдуманная фигура. Точнѣе фигура съ житейской основой, но съ затушеванными весьма характерными для нея чертами. Штольцъ не только психологическая, но и соціальная противоположность Обломова; онъ дѣлецъ, представи-

тель того буржуазнаго склада жизни, который шелъ на смѣну патріархально-крѣпостному. Онъ представитель труда, дѣятельности. Дѣятельность ради дѣятельности, какъ кажется ему, дѣятельности ради наживы, какъ оказывается на дѣлѣ. Въ этомъ противорѣчіи и есть нежизненность Штольца. Жизнь въ это время выдвигала дѣльцовъ въ родѣ Штольца, но эти дѣльцы отнюдь не были идеалистами, а болѣе или менѣе откровенными хищниками. Идеализмъ Штольца нарушаетъ цѣльность типа дѣльца-пріобрѣтателя и самую психологическую вѣроятность типа Штольца. Если однако вычесть этотъ навязанный Штольцу идеализмъ, то получится довольно характерная для эпохи фигура представителя чуть-чуть нарождавшейся у насъ въ это время просвѣщенной буржуазіи европейскаго типа.

„Штольцъ, — говоритъ проф. Овсяннико-Куликовскій, — при случаѣ заводитъ рѣчь о фабрикахъ, о путяхъ сообщенія, о пристаняхъ, о сбытѣ. Но онъ заводитъ рѣчь также о школахъ, именно — народныхъ, о просвѣщеніи. Его „программа“ — либерально-буржуазная и просвѣтительная: раскрѣпощеніе, экономическое развитіе страны, промышленный прогрессъ, просвѣтительная дѣятельность. Онъ восторженно привѣтствуетъ зарю новой жизни, занимавшуюся въ концѣ 50-хъ годовъ; онъ ожидаетъ близкой смѣны крѣпостнической и обломовской эпохи новою, либерально-буржуазною, прогрессивною, когда вмѣсто обломовскаго сна и застоя закипитъ работа на всѣхъ поприщахъ, и процессъ оздоровленія общественнаго организма быстро пойдетъ впередъ“.

Здѣсь изображена лицевая сторона дѣльцовъ типа Штольца; къ ней для полноты нужно прибавить хищность, эксплуатацію, тогда образъ получится полнымъ. Сравнительно съ Обломовымъ, Штольцъ даже съ тѣми поправками, которыя приходится сдѣлать въ интересахъ правдивости, все же прогрессивное явленіе. Неутомимый ходъ жизни создавалъ необходимость смѣны добродушно-лѣнивыхъ Обломовыхъ энергично хищными Штольцами, которые расчистили дорогу лучшему будущему, но сами по себѣ Штольцы могутъ привлекать симпатію лишь по контрасту съ Обломовыми, лишь временно. Гончаровъ и представляетъ этотъ короткій въ нашей литературѣ моментъ идеализаціи дѣловитости и ликвидаціи обломовщины. Въ этомъ отношеніи романы „Обломовъ“ и „Обыкновенная Исторія“ исчерпываютъ содержаніе его творчества. *Коробка.*

Обломовщина, какъ одно изъ свойствъ русской жизни.

Обломовъ есть лицо не совсѣмъ новое въ нашей литературѣ; но прежде оно не выставлялось передъ нами такъ просто и естественно, какъ въ романѣ Гончарова. Чтобы не заходить слишкомъ далеко въ старину, скажемъ, что родовыя черты обломовскаго типа мы находимъ еще въ Онѣгинѣ, и затѣмъ нѣсколько разъ встрѣчаемъ

ихъ повтореніе въ лучшихъ нашихъ литературныхъ произведеніяхъ. Дѣло въ томъ, что это коренной, народный нашъ типъ, отъ котораго не могъ отдѣлаться ни одинъ изъ нашихъ серіозныхъ художниковъ. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ сознательнаго развитія общества, типъ этотъ измѣнилъ свои формы, становился въ другія отношенія къ жизни, получалъ новое значеніе. Подмѣтить эти новыя фазы его существованія, опредѣлить сущность его новаго смысла — это всегда составляло громадную задачу, и талантъ, умѣвшій сдѣлать это, всегда дѣлалъ существенный шагъ впередъ въ исторіи нашей литературы. Такой шагъ сдѣлалъ и Гончаровъ своимъ „Обломовымъ“. Посмотримъ на главныя черты обломовскаго типа и потомъ попробуемъ провести маленькую параллель между ними и нѣкоторыми типами того же рода, въ разное время проявлявшимися въ нашей литературѣ.

Въ чемъ заключаются главныя черты обломовскаго характера? Въ совершенной инертности, происходящей отъ его апатіи ко всему, что дѣлается на свѣтѣ. Причина же апатіи заключается отчасти въ его внѣшнемъ положеніи, отчасти же въ образѣ его умственнаго и нравственнаго развитія. По внѣшнему своему положенію — онъ баринъ; „у него есть Захаръ и еще триста Захаровъ“, по выраженію автора. Преимущество своего положенія Илья Ильичъ объясняетъ Захару такимъ образомъ:

„Развѣ я мечусь, развѣ работаю? мало ѣмъ, что ли? худощавъ или жалокъ на видъ? Развѣ недостаетъ мнѣ чего-нибудь? Кажется, подать, сдѣлать есть кому! Я ни разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слава Богу! Стану ли я безпокоиться? изъ чего мнѣ?... И кому я это говорю? Не ты ли съ дѣтства ходилъ за мной? Ты все это знаешь, видѣлъ, что я воспитанъ нѣжно, что я ни холода ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себѣ не зарабатывалъ и вообще чернымъ дѣломъ не занимался“.

И Обломовъ говоритъ совершенную правду. Исторія его воспитанія вся служитъ подтвержденіемъ его словъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ привыкаетъ быть байбакомъ, благодаря тому, что у него и подать и сдѣлать — есть кому; тутъ ужъ даже и противъ воли нерѣдко онъ бездѣльничаетъ и сибаритствуетъ. Ну, скажите, пожалуйста, чего же бы вы хотѣли отъ человѣка, выросшаго вотъ въ какихъ условіяхъ:

„Захаръ, — какъ, бывало, нянька, — натягиваетъ ему чулки, надѣваетъ башмаки, а Ильюша, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ только и знаетъ, что подставляетъ ему, лежа, то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не такъ, то онъ поддастъ Захаркѣ ногой въ носъ. Если недовольный Захарка вздумаетъ пожаловаться, то получитъ еще отъ старшихъ колотушку. Потомъ Захарка чешетъ ему голову, натягиваетъ куртку, осторожно продѣвая руки Ильи Ильича въ рукава, чтобъ не слишкомъ безпокоить его, и напоминаетъ Ильѣ Ильичу, что надо сдѣлать то, другое: вставши поутру, умыться и т. п.

Захочетъ ли чего-нибудь Илья Ильичъ, ему стоитъ только мигнуть — ужъ двое-четверо слугъ кидаются исполнить его желаніе; уронитъ ли онъ что-нибудь, достать ли ему нужно вещь да не достанетъ, принести ли что, сбѣгать ли за чѣмъ, — ему иногда, какъ рѣзвому мальчику, такъ и хочется

броситься и передѣлать все самому, а тутъ вдругъ отецъ и мать, да три тетки, въ пять голосовъ и закричатъ:

„— Зачѣмъ? куда? А Васька, а Ванька, а Захарка на что? Эй! Васька, Ванька, Захарка! Чего вы смотрите, розини? Вотъ я васъ!...

И не удается никакъ Ильѣ Ильичу сдѣлать что-нибудь самому для себя. Послѣ онъ нашелъ, что оно и покойнѣе гораздо, и выучился самъ покрикивать: Эй, Васька, Ванька! подай то, дай другое. Не хочу того, хочу этого! Сбѣгай, принеси!

Подчасъ нѣжная заботливость родителей и надоѣдала ему. Побѣжитъ ли онъ съ лѣстницы или по двору, вдругъ вслѣдъ ему раздается десять отчаянныхъ голосовъ: „ахъ, ахъ! подержите, остановите! упадетъ, расшибется! Стой, стой!“... Задумаетъ ли онъ выскочить зимой въ сѣни или отворить форточку, — опять крики: „ай, куда? какъ можно! Не бѣгай, не ходи, не отворяй: убьешься, простудишься“... И Ильюша съ печалью оставался дома, лелѣемый, какъ экзотическій цвѣтокъ въ теплицѣ, и такъ же, какъ послѣдній подъ стекломъ, онъ росъ медленно и вяло. Ищущія проявленія силы обращались внутрь и никли, увядая“.

Такое воспитаніе вовсе не составляетъ чего-нибудь исключительнаго, страннаго въ нашемъ образованномъ обществѣ. Не вездѣ, конечно, Захарка натягиваетъ чулки барчонку, и т. п. Но не нужно забывать, что подобная льгота дается Захаркѣ по особому снисхожденію или вслѣдствіе высшихъ педагогическихъ соображеній, и вовсе не находится въ гармоніи съ общимъ ходомъ домашнихъ дѣлъ. Барчонокъ, пожалуй, и самъ одѣнется; но онъ знаетъ, что это для него въ родѣ милаго развлеченія, прихоти, а въ сущности онъ вовсе не обязанъ этого дѣлать самъ. Да и вообще, ему самому нѣтъ надобности что нибудь дѣлать. Изъ чего ему биться? Некому, что ли, подать и сдѣлать для него все, что ему нужно?... Поэтому онъ себя надъ работой убивать не станетъ, что бы ему ни толковали о необходимости и святости труда: онъ съ малыхъ лѣтъ видитъ въ своемъ домѣ, что всѣ домашнія работы исполняются лакеями и служанками, а папенька и маменька только распоряжаются да бранятся за дурное исполненіе. И вотъ у него уже готово первое понятіе, — что сидѣть сложа руки почетнѣе, нежели суетиться съ работою... Въ этомъ направленіи идетъ и все дальнѣйшее развитіе.

Понятно, какое дѣйствіе производится такимъ положеніемъ ребенка на все его нравственное и умственное образованіе. Внутреннія силы „никнутъ и увядаютъ“ по необходимости. Если мальчикъ и пытаетъ ихъ иногда, то развѣ въ капризахъ и въ заносчивыхъ требованіяхъ исполненія другими его приказаній. А извѣстно, какъ удовлетворенные капризы развиваютъ безхарактерность и какъ заносчивость несовмѣстна съ умѣньемъ серіозно поддерживать свое достоинство. Привыкая предъявлять безтолковыя требованія, мальчикъ скоро теряетъ мѣру возможности и удобоисполнимости своихъ желаній, лишается всякаго умѣнья соображать средства съ цѣлями, и потому становится въ тупикъ при первомъ препятствіи, для отстраненія котораго нужно употребить собственное усиліе. Когда онъ вырастаетъ, онъ дѣлается Обломовымъ, съ большей или меньшей долей его апатичности, и без-

характерности, подъ болѣе или менѣе искусной маской, но всегда съ однимъ неизмѣннымъ качествомъ — отвращеніемъ отъ серіозной и самобытной дѣятельности.

Много помогаетъ тутъ и умственное развитіе Обломовыхъ, тоже, разумѣется, направляемое ихъ внѣшнимъ положеніемъ. Какъ въ первый разъ они взглянутъ на жизнь навыворотъ, — такъ ужъ потомъ до конца дней своихъ и не могутъ достигнуть разумнаго пониманія своихъ отношеній къ міру и къ людямъ. Имъ потомъ и растолкуютъ много, они и поймутъ кое-что; но съ дѣтства укоренившееся воззрѣніе все-таки удержится гдѣ-нибудь въ уголкѣ и безпрестанно выглядываетъ оттуда, мѣшая всѣмъ новымъ понятіямъ и не допуская ихъ уложиться на дно души... И дѣлается въ головѣ какой-то хаосъ: иной разъ человѣку и рѣшимость придетъ сдѣлать что-нибудь, да не знаетъ онъ, что ему начать, куда обратиться... И не мудрено: нормальный человѣкъ всегда хочетъ только того, что можетъ сдѣлать; зато онъ немедленно и дѣлаетъ все, что захочетъ... А Обломовъ... онъ не привыкъ дѣлать что-нибудь, слѣдовательно, не можетъ хорошенько опредѣлить, что онъ можетъ сдѣлать и чего нѣтъ, — слѣдовательно не можетъ и серіозно, *дѣятельно* захотѣть чего-нибудь... Его желанія являются только въ формѣ: „а хорошо бы, если бы вотъ это сдѣлалось“; но какъ это можетъ сдѣлаться, онъ не знаетъ. Оттого онъ любитъ помечтать и ужасно боится того момента, когда мечтанія придутъ въ соприкосновеніе съ дѣйствительностью. Тутъ онъ старается взвалить дѣло на кого-нибудь другого, а если нѣтъ никого, то на *авось*...

Всѣ эти черты превосходно подмѣчены и съ необыкновенной силой и истинной сосредоточены въ лицѣ Ильи Ильича Обломова. Не нужно представлять себѣ, чтобы Илья Ильичъ принадлежалъ къ какой-нибудь особенной породѣ, въ которой бы неподвижность составляла существенную, конечную черту. Несправедливо было бы думать, что онъ отъ природы лишенъ способности произвольнаго движенія. Вовсе нѣтъ: отъ природы онъ — человѣкъ, какъ и всѣ. Въ ребячествѣ ему хотѣлось побѣгать и поиграть въ снѣжки съ ребятишками, достать самому то или другое, и въ оврагъ сбѣгать, и въ ближайшій березнякъ пробраться черезъ каналъ, плетни и ямы. Пользуясь часомъ общаго въ Обломовкѣ послѣобѣденнаго сна, онъ разминался, бывало: „взбѣгалъ на галлерею (куда не позволялось ходить, потому что она каждую минуту готова была развалиться), лазилъ на голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжитъ жукъ, и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ“. А то — „забирался въ каналъ, рылся, отыскивалъ какіе-то корешки, очищалъ отъ коры и ѣлъ всласть, предпочитая яблокамъ и варенью, которыя даетъ маменька“. Все это могло служить задаткомъ характера кроткаго, спокойнаго, но не безсмысленно-лѣниваго. Притомъ и кротость, переходящая въ робость и подставленіе спины другимъ, есть въ человѣкѣ явленіе вовсе не природное, а чисто благопріобрѣтенное,

точно такъ же, какъ и нахальство и заносчивость. И между обоими этими качествами разстояніе вовсе не такъ велико, какъ обыкновенно думаютъ. Никто не умѣетъ такъ отлично вздергивать носа, какъ лакеи; никто такъ грубо не ведетъ себя съ подчиненными, какъ тѣ, которые подличаютъ передъ начальниками. Илья Ильичъ, при всей своей кротости, не боится поддать ногой въ рожу обувающему его Захару, и если онъ въ своей жизни не дѣлаетъ этого съ другими, такъ единственно потому, что надѣется встрѣтить противодѣйствіе, которое нужно будетъ преодолѣть. Поневолѣ онъ ограничиваетъ кругъ своей дѣятельности тремя стами своихъ Захаровъ. А будь у него этихъ Захаровъ во сто, въ тысячу разъ больше — онъ бы не встрѣчалъ себѣ противодѣйствій и пріучился бы довольно смѣло поддавать въ зубы каждому, съ кѣмъ случится имѣть дѣло. И такое поведеніе вовсе не было бы у него признакомъ какого-нибудь звѣрства натуры; и ему самому и всѣмъ окружающимъ оно казалось бы естественнымъ, необходимымъ... никому бы и въ голову не пришло, что можно и должно вести себя какъ-нибудь иначе. Но — къ несчастью иль къ счастью — Илья Ильичъ родился помѣщикомъ средней руки, получалъ дохода не болѣе десяти тысячъ рублей на ассигнаціи, и вслѣдствіе того могъ распоряжаться судьбами міра только въ своихъ мечтаніяхъ. Зато въ мечтахъ своихъ онъ и любилъ предаваться воинственнымъ и героическимъ стремленіямъ. „Онъ любилъ иногда вообразить себя какимъ нибудь непобѣдимымъ полководцемъ, предъ которымъ не только Наполеонъ, но и Еруслань Лазаревичъ ничего не значитъ; выдумаетъ войну и причину ея: у него хлынутъ, напримѣръ, народы изъ Африки въ Европу, или устроитъ онъ новые крестовые походы, и воюетъ, рѣшаетъ участь народовъ, разоряетъ города, щадитъ, казнитъ, оказываетъ подвиги добра и великодушія“. А то онъ вообразитъ, что онъ великій мыслитель или художникъ, что за нимъ гоняется толпа и всѣ поклоняются ему... Ясно, что Обломовъ не тупая, апатическая натура, безъ стремленій и чувствъ, а человѣкъ, тоже чего-то ищущій въ своей жизни, о чемъ-то думающій. Но гнусная привычка получать удовлетвореніе своихъ желаній не отъ собственныхъ усилій, а отъ другихъ, развила въ немъ апатическую неподвижность и повергла его въ жалкое состояніе нравственнаго рабства. Рабство это такъ переплетается съ барствомъ Обломова, такъ очи взаимно проникаютъ другъ друга и одно другимъ обусловливается, что, кажется, нѣтъ ни малѣйшей возможности провести между ними какую-нибудь границу. Это нравственное рабство Обломова составляетъ едва ли не самую любопытную сторону его личности и всей его исторіи... Но какъ могъ дойти до рабства человѣкъ съ такимъ независимымъ положеніемъ, какъ Илья Ильичъ? Кажется кому бы наслаждаться свободой, какъ не ему? Не служитъ, не связанъ съ обществомъ, имѣетъ обезпеченное состояніе... Онъ самъ хвалится тѣмъ, что не чувствуетъ надобности кланяться, просить, унижаться, что онъ не подобенъ „другимъ“, которые работаютъ безъ устали, бѣгаютъ, суетятся, — а не работаютъ,

такъ и не поѣдятъ... Онъ внушаетъ къ себѣ благоговѣйную любовь доброй вдовѣ Пшеницыной именно тѣмъ, что онъ *баринъ*, что онъ сіяетъ и блещетъ, что онъ и ходитъ и говоритъ такъ вольно и независимо, что онъ „не пишетъ безпрестанно бумагъ, не трясется отъ страха, что опоздаетъ въ должность, не глядитъ на всякаго такъ, какъ будто проситъ осѣдлать его и поѣхать, а глядитъ на всѣхъ и на все такъ смѣло и свободно, какъ будто требуетъ покорности себѣ". И однако же вся жизнь этого барина убита тѣмъ, что онъ постоянно остается рабомъ чужой воли и никогда не возвышается до того, чтобы проявить какую-нибудь самобытность. Онъ рабъ каждой женщины, каждаго встрѣчнаго, рабъ каждаго мошенника, который захочетъ взять надъ нимъ волю. Онъ рабъ своего крѣпостного Захара, и трудно рѣшить, который изъ нихъ болѣе подчиняется власти другого. По крайней мѣрѣ — чего Захаръ не захочетъ, того Илья Ильичъ не можетъ заставить его сдѣлать; а чего захочетъ Захаръ, то сдѣлаетъ и противъ воли барина, и баринъ покорится... Оно такъ и слѣдуетъ: Захаръ все-таки умѣетъ сдѣлать хоть что-нибудь, а Обломовъ ровно ничего не можетъ и не умѣетъ. Нечего уже говорить о Тарантьевѣ и Иванѣ Матвѣичѣ, которые дѣлаютъ съ Обломовымъ, что хотятъ, несмотря на то, что сами и по умственному развитію и по нравственнымъ качествамъ гораздо ниже его... Отчего же это? Да все оттого, что Обломовъ, какъ баринъ, не хочетъ и не умѣетъ работать и не понимаетъ настоящихъ отношеній своихъ ко всему окружающему. Онъ не прочь отъ дѣятельности — до тѣхъ поръ, пока она имѣетъ видъ призрака и далека отъ реальнаго осуществленія: такъ онъ создаетъ планъ устройства имѣнія и очень усердно занимается имъ, — только „подробности, смѣты и цифры" пугаютъ его и постоянно отбрасываются имъ въ сторону, потому что гдѣ же ему съ ними возиться!... Онъ — баринъ, какъ объясняетъ самъ Иванъ Матвѣичу: „кто я, что такое? спросите вы... Подите, спросите у Захара, и онъ скажетъ вамъ: „баринъ"! Да, я баринъ и дѣлать ничего не умѣю! Дѣлайте вы, если знаете, и помогите, если можете, а за трудъ возьмите себѣ, что хотите: — на то наука!" И вы думаете, что онъ этимъ хочетъ только отдѣлаться отъ работы, старается прикрыть незнаніемъ свою лѣнь? Нѣтъ, дѣйствительно не знаетъ и не умѣетъ ничего, дѣйствительно не въ состояніи приняться ни за какое путное дѣло. Относительно своего имѣнія (для преобразованія котораго сочинилъ уже планъ) онъ такимъ образомъ признается въ своемъ невѣдѣніи Ивану Матвѣичу: „я не знаю, что такое барщина, что такое сельскій трудъ, что значитъ бѣдный мужикъ, что богатый; не знаю, что значитъ четверть ржи или овса, что она стоитъ, въ какомъ мѣсяцѣ и что сѣютъ и жнутъ, какъ и когда продаютъ; не знаю, богатъ ли я или бѣденъ, буду ли я черезъ годъ сытъ или буду нищій — я ничего не знаю!... Слѣдовательно, говорите и совѣтуйте мнѣ, какъ ребенку"... Иначе сказать, будьте надо мною господиномъ, распоряжайтесь моимъ добромъ, какъ вздумаете, удѣляйте мнѣ изъ него, сколько найдете для себя удоб-

нымъ... Такъ на дѣлѣ-то и вышло: Иванъ Матвѣичъ совсѣмъ было прибралъ къ рукамъ имѣніе Обломова, да Штольцъ помѣшалъ, къ несчастью.

И вѣдь Обломовъ не только своихъ сельскихъ порядковъ не знаетъ, не только положенія своихъ дѣлъ не понимаетъ: это бы еще куда ни шло!... Но вотъ въ чемъ главная бѣда: онъ и вообще жизни не умѣлъ осмыслить для себя. Въ Обломовкѣ никто не задавалъ себѣ вопроса: зачѣмъ жизнь, что она такое, какой ея смыслъ и назначеніе? Обломовцы очень просто понимали ее, „какъ идеалъ покоя и бездѣйствія, нарушаемаго по временамъ разными непріятными случайностями, какъ-то: болѣзнями, убытками, ссорами и, между прочимъ, трудомъ. Они сносили трудъ, какъ наказаніе, наложенное еще на праотцевъ нашихъ, но любить не могли, и гдѣ былъ случай, всегда отъ него избавлялись, находя это возможнымъ и должнымъ“. Точно такъ относился къ жизни и Илья Ильичъ. Идеалъ счастья, нарисованный имъ Штольцу, заключается не въ чемъ другомъ, какъ въ сытой жизни, — съ оранжерями, парниками, поѣздками съ самоваромъ въ рощи и т. п., — въ халатѣ, въ крѣпкомъ снѣ, да для промежуточнаго отдыха — въ идиллическихъ прогулкахъ съ кроткою, но дебелою женою, и въ созерцаніи того, какъ крестьяне работаютъ... Разсудокъ Обломова такъ успѣлъ съ дѣтства сложиться, что даже въ самомъ отвлеченномъ разсужденіи, въ самой утопической теоріи имѣлъ способность останавливаться въ данномъ моментѣ и затѣмъ не выходить изъ этого statu quo, несмотря ни на какія убѣжденія. Рисуя идеалъ своего блаженства, Илья Ильичъ не думалъ спросить себя о внутреннемъ смыслѣ его, не думалъ утвердить его законность и правду, не задавалъ себѣ вопроса: откуда будутъ браться эти оранжереи и парники, кто ихъ станетъ поддерживать и съ какой стати будетъ онъ ими пользоваться?... Не задавая себѣ подобныхъ вопросовъ, не разъясняя своихъ отношеній къ міру и къ обществу, Обломовъ, разумѣется, не могъ осмыслить своей жизни и потому тяготился и скучалъ отъ всего, что ему приходилось дѣлать. Служилъ онъ — и не могъ понять, зачѣмъ это бумаги пишутся; не понявши же, ничего лучше не нашелъ, какъ выти въ отставку и ничего не писать. Учился онъ — и не зналъ, къ чему можетъ послужить ему наука; не узнавши этого, онъ рѣшился сложить книги въ уголъ и равнодушно смотрѣть, какъ ихъ покрываетъ пыль. Выѣзжалъ онъ въ общество — и не умѣлъ себѣ объяснить, зачѣмъ люди въ гости ходятъ; не объяснивши, онъ бросилъ всѣ свои знакомства и сталъ по цѣлымъ днямъ лежать у себя на диванѣ. Сходился онъ съ женщинами, но подумалъ: однако, чего же отъ нихъ ожидать и добиваться? подумавши же, не рѣшилъ вопроса и сталъ избѣгать и женщинъ... Все ему наскучило и опостылѣло, и онъ лежалъ на боку, съ полнымъ сознательнымъ презрѣніемъ къ „муравьиной работѣ людей“, убивающихся и суетящихся, Богъ вѣсть, изъ-за чего...

Дойдя до этой точки въ объясненіи характера Обломова, мы находимъ умѣстнымъ обратиться къ литературной параллели, о которой

упомянуто выше. Предыдущія соображенія привели насъ къ тому заключенію, что Обломовъ не есть существо, отъ природы совершенно лишенное способности произвольнаго движенія. Его лѣнь и апатія есть созданіе воспитанія и окружающихъ обстоятельствъ. Главное здѣсь не Обломовъ, а обломовщина. Онъ бы, можетъ быть, сталъ даже и работать, если бы нашелъ дѣло по себѣ; но для этого, конечно, ему надо было развиться нѣсколько подъ другими условіями, нежели подъ какими онъ развился. Въ настоящемъ же своемъ положеніи онъ не могъ нигдѣ найти себѣ дѣла по душѣ, потому что, вообще, не понималъ смысла жизни и не могъ дойти до разумнаго воззрѣнія на свои отношенія къ другимъ. Здѣсь-то онъ и подаетъ намъ поводъ къ сравненію съ прежними типами лучшихъ нашихъ писателей. Давно уже замѣчено, что всѣ герои замѣчательнѣйшихъ русскихъ повѣстей и романовъ страдаютъ оттого, что не видятъ цѣли въ жизни и не находятъ себѣ приличной дѣятельности. Вслѣдствіе того они чувствуютъ скуку и отвращеніе отъ всякаго дѣла, въ чемъ представляютъ разительное сходство съ Обломовымъ. Въ самомъ дѣлѣ, — раскройте, напримѣръ, „Онѣгина“, „Героя нашего времени“, „Кто виноватъ“, „Рудина“, или „Лишняго человѣка“, или „Гамлета Щигровскаго уѣзда“, — въ каждомъ изъ нихъ вы найдете черты, почти буквально сходныя съ чертами Обломова.

Онѣгинъ, какъ Обломовъ, оставляетъ общество, затѣмъ, что его

Измѣны утомить успѣли,
Друзья и дружба надоѣли.

И вотъ онъ занялся писаніемъ:

Отступникъ бурныхъ наслажденій
Онѣгинъ дома заперся,
Зѣвая за перо взялся.
Хотѣлъ писать; но трудъ упорный
Ему былъ тошенъ; ничего
Не вышло изъ пера его...

На этомъ же поприщѣ подвизался и Рудинъ, который любилъ читать избраннымъ „первыя страницы предполагаемыхъ статей и сочиненій своихъ“. Тентетниковъ тоже много лѣтъ занимался „колоссальнымъ сочиненіемъ, долженствовавшимъ обнять всю Россію со всѣхъ точекъ зрѣнія“; но и у него „предпріятіе больше ограничивалось однимъ обдумываніемъ: изгрызалось перо, являлись на бумагѣ рисунки, и потомъ все это отодвигалось въ сторону“. Илья Ильичъ не отсталъ въ этомъ отъ своихъ собратій: онъ тоже писалъ и переводилъ, — Сэя даже переводилъ. „Гдѣ же твои работы, твои переводы?“ спрашиваетъ его потомъ Штольцъ, — „Не знаю, Захаръ куда-то дѣлъ; въ углу, должно быть, лежатъ“, отвѣчаетъ Обломовъ. Выходитъ, что Илья Ильичъ даже больше, можетъ быть, сдѣлалъ, чѣмъ другіе, принимавшіеся за дѣло съ такой же твердой рѣшимостью, какъ и онъ... А принимались за это дѣло почти всѣ братцы обломовской семьи, несмотря на раз-

ницу своихъ положеній и умственнаго развитія. Печоринъ только съ высока смотрѣлъ на „поставщиковъ повѣстей“ и сочинителей мѣщанскихъ драмъ; впрочемъ и онъ писалъ свои записки. Что касается Бельтова, то онъ навѣрное сочинялъ что-нибудь, да еще, кромѣ того, артистомъ былъ, ходилъ въ Эрмитажъ и сидѣлъ за мольбертомъ, обдумывалъ большую картину встрѣчи Бирона, ѣдущаго изъ Сибири, съ Минихомъ, ѣдущимъ въ Сибирь... Что изъ всего этого вышло, извѣстно читателямъ... Во всей семьѣ также обломовщина...

Относительно „присоединенія себѣ чужого ума“, т.-е. чтенія, Обломовъ тоже не много расходится съ своими братьями. Илья Ильичъ читалъ тоже кое-что, и читалъ не такъ, какъ покойный батюшка его: „давно, говоритъ, не читалъ книги“; „дай-ко, почитаю книгу“, — да и возьметъ, какая подъ руку попадется... Нѣтъ, вѣяніе современнаго образованія коснулось и Обломова: онъ уже читалъ по выбору, сознательно. „Услышитъ о какомъ-нибудь замѣчательномъ произведеніи, — у него явится позывъ познакомиться съ нимъ; онъ ищетъ, проситъ книги, и если принесутъ скоро, онъ примется за нее, у него начнетъ формироваться идея о предметѣ; еще шагъ, и онъ овладѣлъ бы имъ, а посмотришь, онъ уже лежитъ, глядя апатически въ потолокъ, и книга лежитъ, подлѣ него недочитанная, непонятая. Охлажденіе овладѣвало имъ еще быстрѣе, нежели увлеченіе: онъ уже никогда не возвращался къ покинутой книгѣ“. Не то ли же самое было и съ другими? Онѣгинъ, думая себѣ присвоить умъ чужой, началъ съ того, что

Отрядомъ книгъ уставилъ полку,

и принялся читать. Но толку не вышло никакого: чтеніе скоро ему надоѣло, и —

Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги,
И полку, съ пыльной ихъ семьей,
Задернулъ траурной тафтой.

Тентетниковъ тоже такъ читалъ книги (благо онъ привыкъ ихъ всегда имѣть подъ рукой), — большею частію во время обѣда: „съ супомъ, съ соусомъ, съ жаркимъ и даже съ пирожнымъ“... Рудинъ тоже признается Лежневу, что накупилъ онъ себѣ какихъ-то агрономическихъ книгъ, но ни одной до конца не прочелъ; сдѣлался учителемъ да нашелъ, что фактовъ зналъ маловато, и даже на одномъ памятникѣ XVI столѣтія былъ сбитъ учителемъ математики. И у него, какъ у Обломова, принимались легко только общія идеи, а „подробности, смѣты и цифры“ постоянно оставались въ сторонѣ.

„Но вѣдь это еще не жизнь,—это только приготовленіе къ жизни“,— думалъ Андрей Иванычъ Тентетниковъ, проходившій, вмѣстѣ съ Обломовымъ и всей этой компаніей, тьму ненужныхъ наукъ и не умѣвшій ни іоты изъ нихъ примѣнить къ жизни. „Настоящая жизнь — это служба“. И всѣ наши герои, кромѣ Онѣгина и Печорина, служатъ, и для всѣхъ ихъ служба — ненужное и неимѣющее смысла бремя; и всѣ они оканчиваютъ благородной и ранней отставкой. Бельтовъ

четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ не дослужилъ до пряжки, потому что, погорячившись сначала, вскорѣ охладѣлъ къ канцелярскимъ занятіямъ, сталъ раздражителенъ и небреженъ... Тентетниковъ поговорилъ крупно съ начальникомъ, да притомъ же хотѣлъ принести пользу государству, лично занявшись устройствомъ своего имѣнія. Рудинъ поссорился съ директоромъ гимназіи, гдѣ былъ учителемъ. Обломову не понравилось, что съ начальникомъ всѣ говорятъ „не своимъ голосомъ, а какимъ-то другимъ, тоненькимъ и гадкимъ“; онъ не захотѣлъ этимъ голосомъ объясняться съ начальникомъ по тому поводу, что „отправилъ нужную бумагу вмѣсто Астрахани въ Архангельскъ“, и подалъ въ отставку... Вездѣ все одна и та же обломовщина...

Въ домашней жизни обломовцы тоже очень похожи другъ на друга:

Прогулки, чтенье, сонъ глубокій,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣлянки черноокой
Младой и свѣжій поцѣлуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ довольно прихотливый,
Бутылка свѣтлаго вина,
Уединенье, тишина —
Вотъ жизнь Онѣгина святая...

То же самое, слово въ слово, за исключеніемъ коня, рисуется у Ильи Ильича въ идеалѣ домашней жизни. Даже поцѣлуй черноокой бѣлянки не забытъ у Обломова. „Одна изъ крестьянокъ, — мечтаетъ Илья Ильичъ, — съ загорѣлой шеей, съ открытыми локтями, съ робкоопущенными, но лукавыми глазами, чуть-чуть, для виду только, обороняется отъ барской ласки, а сама счастлива.. тс... жена чтобъ не увидала, Боже сохрани!“ (Обломовъ воображаетъ себя уже женатымъ)... И если бъ Ильѣ Ильичу не лѣнь было уѣхать изъ Петербурга въ деревню, онъ непремѣнно привелъ бы въ исполненіе задушевную свою идиллію. Вообще обломовцы склонны къ идиллическому, бездѣйственному счастью, которое ничего отъ нихъ не требуетъ: „наслаждайся, молъ, мною, да и только“... Ужъ на что, кажется Печоринъ, а и тотъ полагаетъ, что счастье-то, можетъ быть, заключается въ покоѣ и сладкомъ отдыхѣ. Онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ сравниваетъ себя съ человѣкомъ, томимымъ голодомъ, который „въ изнеможеніи засыпаетъ и видитъ передъ собою роскошныя кушанья и шипучія вина; онъ пожираетъ съ восторгомъ воздушные дары воображенія, и ему кажется легче... но только проснулся, мечта исчезаетъ, остается удвоенный голодъ и отчаяніе“... Въ другомъ мѣстѣ Печоринъ себя спрашиваетъ: „отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?“ Онъ самъ полагаетъ, — оттого, что „душа его сжилась съ бурями и жаждетъ кипучей дѣятельности“... Но вѣдь онъ вѣчно недоволенъ своей борьбой и самъ же безпрестанно высказываетъ, что всѣ свои дрянныя дебоширства затѣваетъ потому только, что ничего лучшаго не находитъ дѣлать... А ужъ коли не находитъ дѣла и вслѣдствіе того ничего не дѣлаетъ и ничѣмъ не удовлетворяется, такъ это значитъ, что къ бездѣлью болѣе наклоненъ, чѣмъ къ дѣлу... Та же обломовщина...

Отношенія къ людямъ и въ особенности къ женщинамъ тоже имѣютъ у всѣхъ обломовцевъ нѣкоторыя общія черты. Людей они вообще презираютъ, съ ихъ мелкимъ трудомъ, съ ихъ узкими понятіями и близорукими стремленіями. „Это все чернорабочіе“, небрежно отзывается даже Бельтовъ, гуманнѣйшій между ними. Рудинъ наивно воображаетъ себя геніемъ, котораго никто не въ состояніи понять. Печоринъ, ужъ разумѣется, топчетъ всѣхъ ногами. Даже Онѣгинъ имѣетъ за собою два стиха, гласящіе, что

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей.

Тентетниковъ даже, — ужъ на что смирный, — и тотъ, пришедши въ департаментъ, почувствовалъ, что „какъ будто его за проступокъ перевели изъ верхняго класса въ нижній“; а пріѣхавши въ деревню, скоро постарался, подобно Онѣгину и Обломову, раззнакомиться со всѣми сосѣдями, которые поспѣшили съ нимъ познакомиться. И нашъ Илья Ильичъ не уступитъ никому въ презрѣніи къ людямъ: оно вѣдь такъ легко, для него даже усилій никакихъ не нужно. Онъ самодовольно проводитъ передъ Захаромъ параллель между собой и „другими“; онъ въ разговорахъ съ пріятелями выражаетъ наивное удивленіе, изъза чего это люди бьются, заставляя себя ходить въ должность, писать, слѣдить за газетами, посѣщать общество, и пр. Онъ даже весьма категорически выражаетъ Штольцу сознаніе своего превосходства надъ всѣми людьми. „Жизнь, говоритъ, въ обществѣ? Хороша жизнь! Чего тамъ искать? Интересовъ ума, сердца? Ты посмотри, гдѣ центръ, около котораго вращается все это; нѣтъ его, нѣтъ ничего глубокаго, задѣвающаго за живое. Все это мертвецы, спящіе люди, хуже меня, эти члены свѣта и общества!“ И затѣмъ Илья Ильичъ очень пространно и краснорѣчиво говоритъ на эту тему, такъ что хоть бы Рудину такъ поговорить.

Въ отношеніи къ женщинамъ всѣ обломовцы ведутъ себя одинаково постыднымъ образомъ. Они вовсе не умѣютъ любить и не знаютъ, чего искать въ любви, точно такъ же, какъ и вообще въ жизни. Они не прочь пококетничать съ женщиной, пока видятъ въ ней куклу, двигающуюся на пружинахъ; не прочь они и поработить себѣ женскую душу... какъ же! этимъ бываетъ очень довольна ихъ барская натура! Но только чуть дѣло дойдетъ до чего-нибудь серіознаго, чуть они начнутъ подозрѣвать, что передъ ними дѣйствительно не игрушка, а женщина, которая можетъ и отъ нихъ потребовать уваженія къ своимъ правамъ, — они немедленно обращаются въ постыднѣйшее бѣгство. Трусость у всѣхъ этихъ господъ непомѣрная. Онѣгинъ, который такъ „рано умѣлъ тревожить сердца кокетокъ записныхъ“, который женщинъ „искалъ безъ упоенья, а оставлялъ безъ сожалѣнья“, — Онѣгинъ струсилъ предъ Татьяной, дважды струсилъ, — и въ то время, когда принималъ отъ нея урокъ, и тогда, какъ самъ ей давалъ его. Она ему, вѣдь, нравилась съ самаго начала, и если бы любила менѣе

серіозно, онъ не подумалъ бы принять съ нею тонъ строгаго нравоучителя. А тутъ онъ увидѣлъ, что шутить опасно, и потому началъ толковать о своей отжитой жизни, о дурномъ характерѣ, о томъ, что она другого полюбитъ впослѣдствіи, и т. д. Впослѣдствіи онъ самъ объясняетъ свой поступокъ тѣмъ, что „замѣтя искру нѣжности въ Татьянѣ, онъ не хотѣлъ ей вѣрить“, и что

Свою постылую свободу
Онъ потерять не захотѣлъ.

А какими фразами-то прикрылъ себя, малодушный!

Бельтовъ съ Круциферской, какъ извѣстно, тоже не посмѣлъ итти до конца и убѣжалъ отъ нея, хотя и по совершенно другимъ соображеніямъ, если ему только вѣрить. Рудинъ — этотъ уже совершенно растерялся, когда Наталья хотѣла отъ него добиться чего-нибудь рѣшительнаго. Онъ ничего болѣе не сумѣлъ, какъ только посовѣтовать ей „покориться“. На другой день онъ остроумно объяснилъ ей въ письмѣ, что ему „было не въ привычку“ имѣть дѣло съ такими женщинами, какъ она. Такимъ же оказывается и Печоринъ, спеціалистъ по части женскаго сердца, признающійся, что кромѣ женщинъ онъ ничего на свѣтѣ не любилъ, что для нихъ онъ готовъ пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ. И онъ признается, что, во-первыхъ, „не любитъ женщинъ съ характеромъ: ихъ ли это дѣло!“ во-вторыхъ, что онъ никогда не можетъ жениться. „Какъбы страстно я ни любилъ женщину“, говоритъ онъ, „но если она мнѣ дастъ только почуствовать, что я долженъ на ней жениться — прости любовь. Мое сердце превращается въ камень, и ничто не разогрѣетъ его снова. Я готовъ на всѣ жертвы, кромѣ этой; двадцать разъ жизнь свою, даже честъ поставлю на карту, но свободы своей не продамъ. Отчего же я такъ дорожу ею? Что мнѣ въ ней? куда я себя готовлю? чего я жду отъ будущаго? Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страхъ, неизъяснимое предчувствіе“ и т. д. А въ сущности, это—больше ничего, какъ обломовщина.

А Илья Ильичъ развѣ, вы думаете, не имѣетъ въ себѣ, въ свою очередь, печоринскаго и рудинскаго элемента, не говоря объ онѣгинскомъ? Еще какъ имѣетъ-то! Онъ напримѣръ, подобно Печорину, хочетъ непремѣнно *обладать* женщиной, хочетъ вынудить у нея всяческія жертвы въ доказательство любви. Онъ, видите ли, не надѣялся сначала, что Ольга пойдетъ за него замужъ, и съ робостью предложилъ ей быть его женой. Она ему сказала что-то въ родѣ того, что это давно бы ему слѣдовало сдѣлать. Онъ пришелъ въ смущеніе, ему стало не довольно согласія Ольги, и онъ — что бы вы думали?... онъ началъ — пытать ее, столько ли она его любитъ, чтобы быть въ состояніи сдѣлаться его любовницей! И ему стало досадно, когда она сказала, что никогда не пойдетъ по этому пути; но затѣмъ ея объясненіе и страстная сцена успокоили его... А все-таки онъ струсилъ подъ конецъ до того, что даже на глаза Ольгѣ боялся показаться,

прикидывался больнымъ, прикрывалъ себя разведеннымъ мостомъ, давалъ понять Ольгѣ, что она его можетъ компрометировать и т. д. И все отчего? — оттого, что она отъ него потребовала рѣшимости, дѣла, того, что не входило въ его привычки. Женитьба сама по себѣ не страшила его такъ, какъ страшила Печорина и Рудина: у него болѣе патріальхальныя были привычки. Но Ольга захотѣла, чтобъ онъ передъ женитьбой устроилъ дѣла по имѣнію; это ужъ была бы *жертва*, и онъ, конечно, этой жертвы не совершилъ, а явился настоящимъ Обломовымъ. А самъ между тѣмъ очень требователенъ. Онъ сдѣлалъ съ Ольгой такую штуку, какая и Печорину въ пору была бы. Ему вообразилось, что онъ не довольно хорошъ собою и вообще не довольно привлекателенъ для того, чтобы Ольга могла сильно полюбить его. Онъ начинаетъ страдать, не спитъ ночь, наконецъ, вооружается энергіей и строчитъ къ Ольгѣ длинное, рудинское посланіе, въ которомъ повторяетъ извѣстную, тертую и перетертую вещь, говоренную и Онѣгинымъ Татьянѣ, и Рудинымъ Натальѣ, и даже Печоринымъ княжнѣ Мери: „я, дескать, не такъ созданъ, чтобы вы могли быть со мною счастливы; придетъ время, вы полюбите другого, болѣе достойнаго“.

Смѣнитъ не разъ младая дѣва Учитесь властвовать собою;
Мечтами легкія мечты... Не всякій васъ, какъ я, пойметъ...
Полюбите вы снова: но... Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.

Всѣ обломовцы любятъ уничижать себя; но это они дѣлаютъ съ той цѣлью, чтобъ имѣть удовольствіе быть опровергнутыми и услышать себѣ похвалу отъ тѣхъ, предъ кѣмъ они себя ругаютъ. Они довольны своимъ самоуниженіемъ и всѣ похожи на Рудина, о которомъ Пигасовъ выражается: „начнетъ себя бранить, съ грязью себя смѣшаетъ, — ну, думаешь, теперь на свѣтъ Божій глядѣть не станетъ. Какое! повеселѣетъ даже, словно горькой водкой себя попотчивалъ!“ Такъ и Онѣгинъ послѣ ругательствъ на себя рисуется передъ Татьяной своимъ великодушіемъ. Такъ и Обломовъ, написавши къ Ольгѣ пасквиль на самого себя, чувствовалъ, „что ему ужъ не тяжело, что онъ почти счастливъ“... Письмо свое онъ заключаетъ тѣмъ же нравоученіемъ, какъ и Онѣгинъ свою рѣчь: „исторія со мною пусть, говоритъ, послужитъ вамъ руководствомъ въ будущей, нормальной любви“ и пр. Илья Ильичъ, разумѣется, не выдержалъ себя на высотѣ униженія передъ Ольгой: онъ бросился посмотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на нее письмо, увидѣлъ, что она плачетъ, удовлетворился и — не могъ удержаться, чтобы не предстать передъ ней въ сію критическую минуту. А она доказала ему, какимъ онъ пошлымъ и жалкимъ эгоистомъ явился въ этомъ письмѣ, написанномъ „изъ заботы объ ея счастьи“. Тутъ уже онъ окончательно спасовалъ, какъ дѣлаютъ, впрочемъ, всѣ обломовцы, встрѣчая женщину, которая выше ихъ по характеру и по развитію.

„Однако же, возопіютъ глубокомысленные люди, — въ вашей параллели, несмотря на подборъ видимо одинаковыхъ фактовъ, совсѣмъ

нѣтъ смысла. При опредѣленіи характера не столько важны внѣшнія проявленія, сколько побужденія, вслѣдствіе которыхъ то или другое дѣлается человѣкомъ. А относительно побужденій, какъ же не видѣть неизмѣримой разницы между поведеніемъ Обломова и образомъ дѣйствій Печорина, Рудина и другихъ?... Этотъ все дѣлаетъ по инерціи, потому что ему лѣнь самому съ мѣста двинуться и лѣнь упереться на мѣстѣ, когда его тащатъ; вся его цѣль состоитъ въ томъ, чтобы лишній разъ пальцами не пошевелить. А тѣ снѣдаются жаждою дѣятельности, съ жаромъ за все принимаются, ими безпрестанно

Овладѣваетъ безпокойство,
Охота къ перемѣнѣ мѣстъ

и другіе недуги, признаки сильной души. Если они и не дѣлаютъ ничего истинно-полезнаго, такъ это потому, что не находятъ дѣятельности, соотвѣтствующей своимъ силамъ. Они, по выраженію Печорина, подобны генію, прикованному къ чиновничьему столу и осужденному переписывать бумаги. Они выше окружающей ихъ дѣйствительности и потому имѣютъ право презирать жизнь и людей. Вся ихъ жизнь есть отрицаніе въ смыслѣ реакціи существующему порядку вещей; а его жизнь есть пассивное подчиненіе существующимъ уже вліяніямъ, консервативное отвращеніе отъ всякой перемѣны, совершенный недостатокъ внутренней реакціи въ натурѣ. Можно ли сравнивать этихъ людей? Рудина ставить на одну доску съ Обломовымъ!... Печорина осуждать на то же ничтожество, въ которомъ погрязаетъ Илья Ильичъ!... Это совершенное непониманіе, это нелѣпость, это — преступленіе!...

Ахъ, Боже мой! Въ самомъ дѣлѣ, — мы вѣдь и позабыли, что съ глубокомысленными людьми надо держать ухо востро: какъ разъ выведутъ такія заключенія, о которыхъ вамъ даже и не снилось. Если вы собираетесь купаться, а глубокомысленный человѣкъ, стоя на берегу со связанными руками, хвастается тѣмъ, что онъ отлично плаваетъ и обѣщаетъ спасти васъ, когда вы станете тонуть, — бойтесь сказать: „да помилуй, любезный другъ, у тебя вѣдь руки связаны; позаботься прежде о томъ, чтобъ развязать себѣ руки“. Бойтесь говорить это, потому что глубокомысленный человѣкъ сейчасъ же ударится въ амбицію и скажетъ: „а, такъ вы утверждаете, что я не умѣю плавать! Вы хвалите того, кто связалъ мнѣ руки! Вы не сочувствуете людямъ, которые спасаютъ утопающихъ!..“ И такъ далѣе... глубокомысленные люди бываютъ очень краснорѣчивы и обильны на выводы самые неожиданные... Вотъ и теперь: сейчасъ выведутъ заключеніе, что мы Обломова хотѣли поставить выше Печорина и Рудина, что мы хотѣли оправдать его лежанье, что мы не умѣемъ видѣть внутренняго, коренного различія между нимъ и прежними героями и т. д... Поспѣшимъ же объясниться съ глубокомысленными людьми.

Во всемъ, что мы говорили, мы имѣли въ виду болѣе обломовщину, нежели личность Обломова и другихъ героевъ. Что касается до личности, то мы не могли не видѣть разницы темперамента, напр.,

у Печорина и Обломова, такъ же точно, какъ не можемъ не найти ее и у Печорина съ Онѣгинымъ и у Рудина съ Бельтовымъ... Кто же станетъ спорить, что личная разница между людьми существуетъ (хотя, можетъ быть, и далеко не въ той степени и не съ тѣмъ значеніемъ, какъ обыкновенно предполагаютъ). Но дѣло въ томъ, что надъ всѣми этими лицами тяготѣетъ одна и та же обломовщина, которая кладетъ на нихъ неизгладимую печать бездѣльничества, дармоѣдства и совершенной ненужности на свѣтѣ. Весьма вѣроятно, что при другихъ условіяхъ жизни, въ другомъ обществѣ, Онѣгинъ былъ бы истинно-добрымъ малымъ, Печоринъ и Рудинъ дѣлали бы великіе подвиги, а Бельтовъ оказался бы дѣйствительно превосходнымъ человѣкомъ. Но при другихъ условіяхъ развитія, можетъ быть, и Обломовъ съ Тентетниковымъ не были бы такими байбаками, и нашли бы себѣ какое нибудь полезное занятіе... Дѣло въ томъ, что теперь-то у нихъ всѣхъ одна общая черта — безплодное стремленіе къ дѣятельности, сознаніе, что изъ нихъ многое могло бы выйти, но не выйдетъ ничего... Въ этомъ они поразительно сходятся. „Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее, и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?... А, вѣрно, она существовала и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя. Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій, — лучшій цвѣтъ жизни“. Это — Печоринъ... А вотъ какъ разсуждаетъ о себѣ Рудинъ. „Да, природа мнѣ много дала; но я умру, не сдѣлавъ ничего достойнаго силъ моихъ, не оставивъ за собою никакого благотворнаго слѣда. Все мое богатство пропадетъ даромъ: я не увижу плодовъ отъ сѣмянъ своихъ...“ Илья Ильичъ тоже не отстаетъ отъ прочихъ: и онъ болѣзненно чувствовалъ, что въ немъ зарыто, какъ въ могилѣ, какое-то хорошее, свѣтлое начало, можетъ быть теперь уже умершее, или лежитъ оно, какъ золото въ нѣдрахъ горы, и давно пора бы этому золоту быть ходячей монетой. Но глубоко и тяжко заваленъ кладъ дрянью, наноснымъ соромъ. Кто-то будто укралъ и закопалъ въ собственной его душѣ принесенныя ему въ даръ міромъ и жизнью сокровища“. Видите — *сокровища* были зарыты въ его натурѣ, только раскрыть ихъ предъ міромъ онъ никогда не могъ. Другіе братья его, помоложе, „по свѣту рыщутъ

Дѣла себѣ исполинскаго ищутъ,
Благо наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ малыхъ трудовъ...

Обломовъ тоже мечталъ въ молодости„ служить, пока станетъ силъ, потому что Россіи нужны руки и головы для разрабатыванія неистощимыхъ источниковъ...“ Да и теперь онъ „не чуждъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей, ему доступны наслажденія высокихъ помысловъ“, и хотя онъ не рыщетъ по свѣту за исполинскимъ дѣломъ, но все-таки

мечтаетъ о всемірной дѣятельности, все-таки съ презрѣніемъ смотритъ на чернорабочихъ и съ жаромъ говоритъ:

Нѣтъ, я души не растрачу моей
На муравьиной работѣ людей...

А бездѣльничаетъ онъ ничуть не больше, чѣмъ всѣ остальные братья обломовцы; только онъ откровеннѣе, — не старается прикрыть своего бездѣлья даже разговорами въ обществахъ и гуляньемъ по Невскому проспекту.

Но отчего же такая разница впечатлѣній, производимыхъ на насъ Обломовымъ и героями, о которыхъ мы вспоминали выше? Тѣ представляются намъ въ разныхъ родахъ сильными натурами, задавленными неблагопріятной обстановкой, а этотъ — байбакомъ, который и при самыхъ лучшихъ обстоятельствахъ ничего не сдѣлаетъ. Но, во-первыхъ, у Обломова темпераментъ слишкомъ вялый, и потому естественно, что онъ для осуществленія своихъ замысловъ и для отпора враждебныхъ обстоятельствъ употребляетъ еще нѣсколько менѣе попытокъ, нежели сангвинический Онѣгинъ или желчный Печоринъ. Въ сущности же они всѣ равно несостоятельны предъ силою враждебныхъ обстоятельствъ, всѣ равно погружаются въ ничтожество, когда имъ предстоитъ настоящая, серіозная дѣятельность. Въ чемъ обстоятельства Обломова открывали ему благопріятное поле дѣятельности? У него было имѣнье, которое могъ онъ устроить; былъ другъ, вызывавшій его на практическую дѣятельность; была женщина, которая превосходила его энергіей характера и ясностью взгляда и которая нѣжно полюбила его... Да скажите, у кого же изъ обломовцевъ не было всего этого, и что всѣ они изъ этого сдѣлали? И Онѣгинъ и Тентетниковъ хозяйничали въ своемъ имѣніи, и о Тентетниковѣ мужики даже говорили сначала: „экой востроногій!“ Но вскорѣ тѣ же мужики смекнули, что баринъ, хоть и прытокъ на первыхъ порахъ, но ничего не смыслитъ и толку никакого не сдѣлаетъ... А дружба? Что они всѣ дѣлаютъ съ своими друзьями? Онѣгинъ убилъ Ленскаго; Печоринъ только все пикируется съ Вернеромъ; Рудинъ умѣлъ оттолкнуть отъ себя Лежнева и не воспользовался дружбой Покорскаго... Да и мало ли людей, подобныхъ Покорскому, встрѣчалось на пути каждаго изъ нихъ?... Что же они? Соединились ли другъ съ другомъ для одного общаго дѣла, образовали ли тѣсный союзъ для обороны отъ враждебныхъ обстоятельствъ? Ничего не было... Все разсыпалось прахомъ, все кончилось той же обломовщиной... О любви нечего и говорить. Каждый изъ обломовцевъ встрѣчалъ женщину выше себя (потому что Круциферская выше Бельтова и даже княжна Мери все-таки выше Печорина), и каждый постыдно бѣжалъ отъ ея любви или добивался того, чтобъ она сама прогнала его... Чѣмъ это объяснить, какъ не давленіемъ на нихъ гнусной обломовщины?

Кромѣ разницы темперамента, большое различіе находится въ самомъ возрастѣ Обломова и другихъ героевъ. Говоримъ не о лѣтахъ:

они почти однолѣтки, Рудинъ даже двумя-тремя годами постарше Обломова; говоримъ о времени ихъ появленія. Обломовъ относится къ позднѣйшему времени, стало-быть онъ уже для молодого поколѣнія, для современной жизни, долженъ казаться гораздо старше, чѣмъ казались прежніе обломовцы... Онъ въ университетѣ, какихъ-нибудь 17—18 лѣтъ, прочувствовалъ тѣ стремленія, проникся тѣми идеями, которыми одушевляется Рудинъ въ тридцать пять лѣтъ. За этимъ курсомъ для него было только двѣ дороги: или дѣятельность, настоящая дѣятельность, — не языкомъ, а головой, сердцемъ и руками вмѣстѣ, или уже просто лежанье, сложа руки. Апатическая натура привела его къ послѣднему: скверно, но, по крайней мѣрѣ, тутъ нѣтъ лжи и обморочиванья. Если бъ онъ, подобно своимъ братцамъ, пустился толковать во всеуслышаніе о томъ, о чемъ теперь осмѣливается только мечтать, то онъ каждый день испытывалъ бы огорченія, подобныя тѣмъ, какія испыталъ по случаю полученія письма отъ старосты и приглашенія отъ хозяина дома — очистить квартиру. Прежде съ любовью, съ благаговѣніемъ слушали фразеровъ, толкующихъ о необходимости того и другого, о высшихъ стремленіяхъ и т. п. Тогда, можетъ быть, и Обломовъ не прочь былъ бы поговорить... Но теперь всякаго фразера и прожектера встрѣчаютъ требованіемъ: „а не угодно ли попробовать?“ Этого ужъ обломовцы не въ силахъ снести...

Въ самомъ дѣлѣ, — какъ чувствуется вѣяніе новой жизни, когда, по прочтеніи Обломова, думаешь, что вызвало въ литературѣ этотъ типъ. Нельзя приписать этого единственно личному таланту автора и широтѣ его воззрѣній. И силу таланта и воззрѣнія самыя широкія и гуманныя находимъ мы у авторовъ, произведшихъ прежніе типы, приведенные нами выше. Но дѣло въ томъ, что отъ появленія перваго изъ нихъ, Онѣгина, до сихъ поръ прошло уже тридцать лѣтъ. То, что было тогда въ зародышѣ, что выражалось только въ неясномъ полусловѣ, произнесенномъ шопотомъ, то приняло уже теперь опредѣленную и твердую форму, высказалось открыто и громко. Фраза потеряла свое значеніе, явилась въ самомъ обществѣ потребность настоящаго дѣла. Бельтовъ и Рудинъ, люди съ стремленіями, дѣйствительно высокими и благородными, не только не могли проникнуться необходимостью, но даже не могли представить себѣ близкой возможности страшной, смертельной борьбы съ обстоятельствами, которыя ихъ давили. Они вступали въ дремучій, невѣдомый лѣсъ, шли по топкому, опасному болоту, видѣли подъ ногами разныхъ гадовъ и змѣй, и лѣзли на дерево, — отчасти, чтобъ посмотрѣть, не увидятъ ли гдѣ дороги, отчасти же для того, чтобы отдохнуть и хоть на время избавиться отъ опасности увязнуть или быть ужаленными. Слѣдовавшіе за ними люди ждали, что они скажутъ, и смотрѣли на нихъ съ уваженіемъ, какъ на людей шедшихъ впереди. Но эти передовые люди ничего не увидѣли съ высоты, на которую взобрались; лѣсъ былъ очень обширенъ и густъ. Между тѣмъ, взлѣзая на дерево, они исцарапали себѣ лицо, переранили себѣ ноги, испортили руки... Они

страдаютъ, они утомлены, они должны отдохнуть, примостившись какъ-нибудь поудобнѣе на деревѣ. Правда, они ничего не дѣлаютъ для общей пользы, они ничего не разглядѣли и не сказали; стоящіе внизу сами, безъ ихъ помощи, должны прорубать и расчищать себѣ дорогу по лѣсу. Но кто же рѣшится бросить камень въ этихъ несчастныхъ, чтобы заставить ихъ упасть съ высоты, на которую они взмостились съ такими трудами, имѣя въ виду общую пользу? Имъ сострадаютъ, отъ нихъ даже не требуютъ пока, чтобы они принимали участіе въ расчисткѣ лѣса: на ихъ долю выпало другое дѣло, и они его сдѣлали. Если толку не вышло, — не ихъ вина. Съ этой точки зрѣнія каждый изъ авторовъ могъ прежде смотрѣть на своего обломовскаго героя, и былъ правъ. Къ этому присоединялось еще и то, что надежда увидѣть гдѣ-нибудь выходъ изъ лѣсу на дорогу долго держалась во всей ватагѣ путниковъ, равно какъ долго не терялась и увѣренность въ дальнозоркости передовыхъ людей, взобравшихся на дерево. Но вотъ, мало-по-малу, дѣло прояснилось и приняло другой оборотъ: передовымъ людямъ понравилось на деревѣ; они разсуждаютъ очень краснорѣчиво о разныхъ путяхъ и средствахъ выбраться изъ болота и изъ лѣсу; они нашли даже на деревѣ кой-какіе плоды и наслаждаются ими, бросая чешуйку внизъ; они зовутъ къ себѣ еще кой-кого, избранныхъ изъ толпы, и тѣ идутъ и остаются на деревѣ, уже и не высматривая дороги, а только пожирая плоды. Это уже Обломовы въ собственномъ смыслѣ... А бѣдные путники, стоящіе внизу, вязнутъ въ болотѣ, ихъ жалятъ змѣи, пугаютъ гады, хлещутъ по лицу сучья... Наконецъ, толпа рѣшается приняться за дѣло и хочетъ воротить тѣхъ, которые позже полѣзли на дерево, но Обломовы молчатъ и обжираются плодами. Тогда толпа обращается и къ прежнимъ своимъ передовымъ людямъ, прося ихъ спуститься и помочь общей работѣ. Но передовые люди опять повторяютъ прежнія фразы о томъ, что надо высматривать дорогу, а надъ расчисткой трудиться нечего. Тогда бѣдные путники видятъ свою ошибку и, махнувъ рукой, говорятъ: „э, да вы всѣ Обломовы!“ И затѣмъ начинается дѣятельная, неутомимая работа: рубятъ деревья, дѣлаютъ изъ нихъ мостъ на болотѣ; образуютъ тропинку, бьютъ змѣй и гадовъ, попавшихся на ней, не заботясь болѣе объ умникахъ, объ этихъ сильныхъ натурахъ, Печориныхъ и Рудиныхъ, на которыхъ прежде надѣялись, которыми восхищались. Обломовцы сначала спокойно смотрятъ на общее движеніе, но потомъ, по своему обыкновенію, трусятъ и начинаютъ кричать... „Ай, ай — не дѣлайте этого, оставьте, — кричатъ они, видя, что подсѣкается дерево, на которомъ они сидятъ. — Помилуйте, вѣдь мы можемъ убиться, и вмѣстѣ съ нами погибнутъ тѣ прекрасныя идеи, тѣ высокія чувства, тѣ гуманныя стремленія, то краснорѣчіе, тотъ паѳосъ, любовь ко всему прекрасному и благородному, которыя въ насъ всегда жили... Оставьте, оставьте! Что вы дѣлаете?...“ Но путники уже слыхали тысячу разъ всѣ эти прекрасныя фразы и, не обращая на нихъ вниманія, продолжаютъ работу. Обломовцамъ еще есть средство спасти себя и свою

репутацію: слѣзть съ дерева и приняться за работу вмѣстѣ съ другими. Но они, по обыкновенію, растерялись и не знаютъ, что имъ дѣлать... „Какъ же это такъ вдругъ?“ повторяютъ они въ отчаяніи и продолжаютъ посылать безплодныя проклятія глупой толпѣ, потерявшей къ нимъ уваженіе.

А вѣдь толпа права! Если ужъ она сознала необходимость настоящаго дѣла, такъ для нея совершенно все равно, — Печоринъ ли передъ ней, или Обломовъ. Мы не говоримъ опять, чтобы Печоринъ въ данныхъ обстоятельствахъ сталъ дѣйствовать именно такъ, какъ Обломовъ; онъ могъ самыми этими обстоятельствами развиться въ другую сторону. Но типы, созданные сильнымъ талантомъ, долговѣчны: и нынѣ живутъ люди, представляющіе какъ будто сколокъ съ Онѣгина, Печорина, Рудина, и пр., и не въ томъ видѣ, какъ они могли бы развиться при другихъ обстоятельствахъ, а именно въ томъ, въ какомъ они представлены Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Тургеневымъ. Только въ общественномъ сознаніи всѣ они болѣе и болѣе превращаются въ Обломова. Нельзя сказать, чтобъ превращеніе это уже совершилось: нѣтъ, еще и теперь тысячи людей проводятъ время въ разговорахъ и тысячи другихъ людей готовы принять разговоры за дѣла. Но что превращеніе это начинается — доказываетъ типъ Обломова, созданный Гончаровымъ. Появленіе его было бы невозможно, если бы хотя въ нѣкоторой части общества не созрѣло сознаніе о томъ, какъ ничтожны всѣ эти quasi-талантливыя натуры, которыми прежде восхищались. Прежде они прикрывались разными мантіями, украшали себя разными прическами, привлекали къ себѣ разными талантами. Но теперь Обломовъ является предъ нами разоблаченный, какъ онъ есть, молчаливый, сведенный съ красиваго пьедестала на мягкій диванъ, прикрытый вмѣсто мантіи только просторнымъ халатомъ. Вопросъ: *что онъ дѣлаетъ? въ чемъ смыслъ и цѣль его жизни?* — поставленъ прямо и ясно, не забитъ никакими побочными вопросами. Это потому, что теперь уже настало, или настаетъ неотлагательно время работы общественной... И вотъ почему мы сказали въ началѣ статьи, что видимъ въ романѣ Гончарова *знаменіе времени*.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ измѣнилась точка зрѣнія на образованныхъ и хорошо разсуждающихъ лежебоковъ, которыхъ прежде принимали за настоящихъ общественныхъ дѣятелей.

Вотъ передъ вами молодой человѣкъ, очень красивый, ловкій, образованный. Онъ выѣзжаетъ въ большой свѣтъ и имѣетъ тамъ успѣхъ; онъ ѣздитъ въ театры, балы и маскарады; онъ отлично одѣвается и обѣдаетъ; читаетъ книжки и пишетъ очень грамотно... Сердце его волнуется только ежедневностью свѣтской жизни, но онъ имѣетъ понятіе и о высшихъ вопросахъ. Онъ любитъ потолковать о страстяхъ,

О предразсудкахъ вѣковыхъ
И гроба тайнахъ роковыхъ...

Онъ имѣетъ нѣкоторыя честныя правила: способенъ

Яремъ отъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнить;

способенъ иногда не воспользоваться неопытностью дѣвушки, которую не любитъ; способенъ не придавать особенной цѣны своимъ свѣтскимъ успѣхамъ. Онъ выше окружающаго его свѣтскаго общества настолько, что дошелъ до сознанія его пустоты; онъ можетъ даже оставить свѣтъ и переѣхать въ деревню, но только и тамъ скучать, не зная, какое найти себѣ дѣло... Отъ нечего дѣлать онъ ссорится съ другомъ своимъ и по легкомыслію убиваетъ его на дуэли... Черезъ нѣсколько лѣтъ опять возвращается въ свѣтъ и влюбляется въ женщину, любовь которой самъ прежде отвергъ, потому что для нея нужно было бы ему отказаться отъ своей бродяжнической свободы... Вы узнаете въ этомъ человѣкѣ Онѣгина. Но всмотритесь хорошенько; это — Обломовъ...

Передъ вами другой человѣкъ, съ болѣе страстной душой, съ болѣе широкимъ самолюбіемъ. Этотъ имѣетъ въ себѣ какъ будто отъ природы все то, что для Онѣгина составляетъ предметъ заботъ. Онъ не хлопочетъ о туалетѣ и нарядѣ: онъ свѣтскій человѣкъ и безъ этого. Ему не нужно подбирать слова и блистать мишурнымъ знаніемъ: и безъ этого языкъ у него какъ бритва. Онъ дѣйствительно презираетъ людей, хорошо понимая ихъ слабости; онъ дѣйствительно умѣетъ овладѣть сердцемъ женщины, не на краткое мгновенье, а надолго, нерѣдко навсегда. Все, что встрѣчается ему на дорогѣ, онъ умѣетъ отстранить или уничтожить. Одно только несчастье: онъ не знаетъ, куда итти. Сердце его пусто и холодно ко всему. Онъ все испыталъ, и ему еще въ юности опротивѣли всѣ удовольствія, которыя можно достать за деньги; любовь свѣтскихъ красавицъ тоже опротивѣла ему, потому что ничего не давала сердцу; науки тоже надоѣли, потому что онъ увидѣлъ, что отъ нихъ не зависитъ ни слава ни счастье; самые счастливые люди — невѣжды, а слава — удача; военныя опасности тоже ему скоро наскучили, потому что онъ не видѣлъ въ нихъ смысла и скоро привыкъ къ нимъ. Наконецъ, даже простосердечная, чистая любовь дикой дѣвушки, которая ему самому нравится, тоже надоѣдаетъ ему: онъ и въ ней не находитъ удовлетворенія своихъ порывовъ. Но что же это за порывы? куда влекутъ они? отчего онъ не отдается имъ всей силой души своей? Оттого, что онъ самъ ихъ не понимаетъ и не даетъ себѣ труда подумать о томъ, куда дѣвать свою душевную силу; и вотъ онъ проводитъ свою жизнь въ томъ, что остритъ надъ глупцами, тревожитъ сердца неопытныхъ барышень, мѣшается въ чужія сердечныя дѣла, напрашивается на ссоры, выказываетъ отвагу въ пустякахъ, дерется безъ надобности... Вы припоминаете, что эта исторія Печорина, что отчасти почти такими словами самъ онъ объясняетъ свой характеръ Максиму Максимычу... Всмотритесь, пожалуйста, получше: вы и тутъ увидите того же Обломова...

Но вотъ еще человѣкъ, болѣе сознательно идущій по своей дорогѣ. Онъ не только понимаетъ, что ему дано много силъ, но знаетъ и то, что у него есть великая цѣль... Подозрѣваетъ, кажется, даже и то, какая это цѣль и гдѣ она находится. Онъ благороденъ, честенъ (хотя часто и не платитъ долговъ); съ жаромъ разсуждаетъ не о

пустякахъ, а о высшихъ вопросахъ; увѣряетъ, что готовъ пожертвовать собою для блага человѣчества. Въ головѣ его рѣшены всѣ вопросы, все приведено въ живую, стройную связь, онъ увлекаетъ своимъ могучимъ словомъ неопытныхъ юношей, такъ что, послушавъ его, и они чувствуютъ, что призваны къ чему-то великому... Но въ чемъ проходитъ его жизнь? Въ томъ, что онъ все начинаетъ и не оканчиваетъ, разбрасывается во всѣ стороны, всему отдается съ жадностью и — не можетъ отдаться... Онъ влюбляется въ дѣвушку, которая, наконецъ, говоритъ ему, что, несмотря на запрещеніе матери, она готова принадлежать ему; а онъ отвѣчаетъ: „Боже! такъ ваша маменька не согласна! какой внезапный ударъ! Боже! какъ скоро... Дѣлать нечего, — надо покориться“... И въ этомъ точный образецъ всей его жизни... Вы уже знаете, что это Рудинъ... Нѣтъ, теперь ужъ и это Обломовъ. Когда вы хорошенько всмотритесь въ эту личность и поставите ее лицомъ къ лицу съ требованіями современной жизни, — вы сами въ этомъ убѣдитесь.

Общее у всѣхъ этихъ людей то, что въ жизни нѣтъ имъ дѣла, которое бы для нихъ было жизненной необходимостью, сердечной святыней, религіей, которое бы органически срослось съ ними, такъ что отнять его у нихъ, значило бы лишить ихъ жизни. Все у нихъ внѣшнее, ничто не имѣетъ корня въ ихъ натурѣ. Они, пожалуй, и дѣлаютъ что-то такое, когда принуждаетъ внѣшняя необходимость, такъ какъ Обломовъ ѣздилъ въ гости, куда тащилъ его Штольцъ, покупалъ ноты и книги для Ольги, читалъ то, что она заставляла его читать. Но душа ихъ не лежитъ къ тому дѣлу, которое наложено на нихъ случаемъ. Если бы каждому изъ нихъ даромъ предложили всѣ внѣшнія выгоды, какія имъ доставляются ихъ работой, они бы съ радостью отказались отъ своего дѣла. Въ силу обломовщины, обломовскій чиновникъ не станетъ ходить въ должность, если ему и безъ того сохранятъ его жалованье и будутъ производить въ чины. Воинъ дастъ клятву не прикасаться къ оружію, если ему предложатъ тѣ же условія, да еще сохранятъ его красивую форму, очень полезную въ извѣстныхъ случаяхъ. Профессоръ перестанетъ читать лекціи, студентъ перестанетъ учиться, писатель броситъ авторство, актеръ не покажется на сцену, артистъ изломаетъ рѣзецъ и палитру, говоря высокимъ слогомъ, если найдетъ возможность даромъ получить все, чего теперь добивается трудомъ. Они только говорятъ о высшихъ стремленіяхъ, о сознаніи нравственнаго долга, о проникновеніи общими интересами, а на повѣрку выходитъ, что все это — слова и слова. Самое искреннее, задушевное ихъ стремленіе есть стремленіе къ покою, къ халату, и самая дѣятельность ихъ есть не что иное, какъ *почетный халатъ* (по выраженію, не намъ принадлежащему), которымъ прикрываютъ они свою пустоту и апатію. Даже наиболѣе образованные люди, притомъ люди съ живою натурою, съ теплымъ сердцемъ, чрезвычайно легко отступаются въ практической жизни отъ своихъ идей и плановъ, чрезвычайно скоро мирятся съ окружающей дѣйствительностью, кото-

рую, однако, на словахъ не перестаютъ считать пошлою и гадкою. Это значитъ, что все, о чемъ они говорятъ и мечтаютъ, — у нихъ чужое, наносное; въ глубинѣ же души ихъ коренится одна мечта, одинъ идеалъ — возможно-невозмутимый покой, квіетизмъ, обломовщина. Многіе доходятъ даже до того, что не могутъ представить себѣ, чтобъ человѣкъ могъ работать по охотѣ, по увлеченію. Прочтите-ка въ „Экономическомъ указателѣ“ разсужденія о томъ, какъ всѣ умрутъ голодною смертью отъ бездѣлья, ежели равномѣрное распредѣленіе богатства отниметъ у частныхъ людей побужденіе стремиться къ наживанію себѣ капиталовъ...

Да, всѣ эти обломовцы никогда не переработывали въ плоть и въ кровь свою тѣхъ началъ, которыя имъ внушили, никогда не проводили ихъ до послѣднихъ выводовъ, не доходили до той грани, гдѣ слово становится дѣломъ, гдѣ принципъ сливается съ внутренней потребностью души, исчезаетъ въ ней и дѣлается единственною силою, двигающею человѣкомъ. Потому-то эти люди и лгутъ безпрестанно, потому-то они и являются такъ несостоятельными въ частныхъ фактахъ своей дѣятельности. Потому-то и дороже для нихъ отвлеченныя воззрѣнія, чѣмъ живые факты, важнѣе общіе принципы, чѣмъ живая жизненная правда. Они читаютъ полезныя книги для того, чтобы знать, что пишется; пишутъ благородныя статьи затѣмъ, чтобы любоваться логическимъ построеніемъ своей рѣчи; говорятъ смѣлыя вещи, чтобы прислушиваться къ благозвучію своихъ фразъ и возбуждать ими похвалы слушателей. Но что далѣе, какая цѣль всего этого читанья, писанья, говоренья, — они или вовсе не хотятъ знать, или не слишкомъ объ этомъ безпокоятся. Они постоянно говорятъ вамъ: вотъ что мы знаемъ, вотъ что мы думаемъ, а впрочемъ — какъ тамъ хотятъ, наше дѣло сторона... Пока не было работы въ виду, можно было еще надувать этимъ публику, можно было тщеславиться тѣмъ, что мы вотъ, дескать, все-таки хлопочемъ, ходимъ, говоримъ, разсказываемъ. На этомъ и основанъ былъ въ обществѣ успѣхъ людей, подобныхъ Рудину. Даже больше — можно было заняться кутежомъ, интрижками, каламбурами, театральствомъ, — и увѣрять, что это мы пустились, молъ, оттого, что нѣтъ простора для болѣе широкой дѣятельности. Тогда и Печоринъ и даже Онѣгинъ долженъ былъ казаться натурою съ необъятными силами души. Но теперь ужъ всѣ эти герои отодвинулись на второй планъ, потеряли прежнее значеніе, перестали сбивать насъ съ толку своей загадочностью и таинственнымъ разладомъ между ними и обществомъ, между великими ихъ силами и ничтожностью дѣлъ ихъ.

Теперь загадка разъяснилась,
Теперь имъ слово найдено.

Слово это — *обломовщина.*

Если я вижу помѣщика, толкующаго о правахъ человѣчества и о необходимости развитія личности, — я уже съ первыхъ словъ его знаю, что это Обломовъ.

Если я встрѣчаю чиновника, жалующагося на запутанность и обременительность дѣлопроизводства, онъ — Обломовъ.

Если слышу отъ офицера жалобы на утомительность парадовъ и смѣлыя разсужденія о безполезности *тихаго шага* и т. п., я не сомнѣваюсь, что онъ Обломовъ.

Когда я читаю въ журналахъ либеральныя выходки противъ злоупотребленій и радость о томъ, что, наконецъ, сдѣлано то, чего мы давно надѣялись и желали, — я думаю, что это все пишутъ изъ Обломовки.

Когда я нахожусь въ кружкѣ образованныхъ людей, горячо сочувствующихъ нуждамъ человѣчества и въ теченіе многихъ лѣтъ съ неуменьшающимся жаромъ разсказывающихъ все тѣ же самые (а иногда новые) анекдоты о взяточникахъ, о притѣсненіяхъ, о беззаконіяхъ всякаго рода, — я невольно чувствую, что я перенесенъ въ старую Обломовку...

Остановите этихъ людей въ ихъ шумномъ разглагольствіи и скажите: „вы говорите, что не хорошо то и то; что же нужно дѣлать?“ Они не знаютъ... Предложите имъ самое простое средство, — они скажутъ: „да какъ же это такъ вдругъ?“ Непремѣнно скажутъ, потому что Обломовы иначе отвѣчать не могутъ... Продолжайте разговоръ съ ними и спросите: что же вы намѣрены дѣлать? — Они вамъ отвѣтятъ тѣмъ, чѣмъ Рудинъ отвѣтилъ Натальѣ: „Что дѣлать? Разумѣется, покориться судьбѣ. Что же дѣлать! Я слишкомъ хорошо знаю, какъ это горько, тяжело, невыносимо, но посудите сами“... и пр. Больше отъ нихъ вы ничего не дождетесь, потому что на всѣхъ ихъ лежитъ печать обломовщины.

Кто же, наконецъ, сдвинетъ ихъ съ мѣста этимъ всемогущимъ словомъ: „впередъ!“, о которомъ такъ мечталъ Гоголь, и котораго такъ давно и томительно ожидаетъ Русь? До сихъ поръ нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ ни въ обществѣ ни въ литературѣ. Гончаровъ, умѣвшій понять и показать намъ нашу обломовщину, не могъ, однако, не заплатить дани общему заблужденію, до сихъ поръ столь сильному въ нашемъ обществѣ: онъ рѣшился похоронить обломовщину и сказать ей похвальное надгробное слово. Прощай, старая Обломовка, ты отжила свой вѣкъ“, говоритъ онъ устами Штольца, и говоритъ неправду. Вся Россія, которая прочитала или прочитаетъ Обломова, не согласится съ этимъ. Нѣтъ, Обломовка есть наша прямая родина, ея владѣльцы — наши воспитатели, ея триста Захаровъ всегда готовы къ нашимъ услугамъ. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ значительная часть Обломова, и еще рано писать намъ надгробное слово. Не за что говорить объ насъ съ Ильею Ильичемъ слѣдующія строки:

„Въ немъ было то, что дороже всякаго ума: честное, вѣрное сердце! Это его природное золото; онъ невредимо пронесъ его сквозь жизнь. Онъ падалъ отъ толчковъ, охлаждался, заснулъ, наконецъ, убитый, разочарованный, потерявъ силу жить, но не потерялъ честности и вѣрности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало къ нему грязи. Не обольстить

его никакая нарядная ложь и ничто не совлечетъ на фальшивый путь; пусть волнуется около него цѣлый океанъ дряни, зла; пусть весь міръ отравится ядомъ и пойдетъ навыворотъ, — никогда Обломовъ не поклонится идолу лжи, въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; такихъ людей мало; это перлы въ толпѣ! Его сердца не подкупишь ничѣмъ; на него всюду и вездѣ можно положиться".

Распространяться объ этомъ пассажѣ мы не станемъ; но каждый изъ читателей замѣтитъ, что въ немъ заключена большая неправда. Одно въ Обломовѣ хорошо, дѣйствительно: то, что онъ не усиливался надувать другихъ, а ужъ такъ и являлся въ натурѣ — лежебокомъ. Но, помилуйте, въ чемъ же на него *можно положиться?* Развѣ въ томъ, гдѣ ничего дѣлать не нужно? Тутъ онъ, дѣйствительно, отличится такъ, какъ никто. Но ничего-то не дѣлать и безъ него можно. Онъ не поклонится идолу зла! Да, вѣдь, почему это? Потому, что ему лѣнь встать съ дивана. А стащите его, поставьте на колѣни передъ этимъ идоломъ: онъ не въ силахъ будетъ встать. Не подкупишь его ничѣмъ! Да на что его подкупать-то? На то, чтобы съ мѣста сдвинулся? Ну, это, дѣйствительно, трудно. Грязь къ нему не пристанетъ! Да, пока лежитъ одинъ, такъ еще ничего, а какъ придетъ Тарантьевъ, Затертый, Иванъ Матвѣичъ — брр! какая отвратительная гадость начинается около Обломова. Его объѣдаютъ, опиваютъ, спаиваютъ, берутъ съ него фальшивый вексель (отъ котораго Штольцъ нѣсколько безцеремонно, по русскимъ обычаямъ, безъ суда и слѣдствія избавляетъ его), разоряютъ его именемъ мужиковъ, дерутъ съ него немилосердныя деньги ни за что ни про что. Онъ все это терпитъ безмолвно и потому, разумѣется, не издаетъ ни одного фальшиваго звука.

Нѣтъ, нельзя такъ льстить живымъ, а мы еще живы, мы еще по прежнему Обломовы. Обломовщина никогда не оставляла насъ и не оставила даже теперь, — *въ настоящее время, когда* и пр. Кто изъ нашихъ литераторовъ, публицистовъ, людей образованныхъ, общественныхъ дѣятелей, кто не согласится, что, должно быть, его-то именно и имѣлъ въ виду Гончаровъ, когда писалъ объ Ильѣ Ильичѣ слѣдующія строки:

„Ему доступны были наслажденія высокихъ помысловъ; онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько въ глубинѣ души плакалъ въ иную пору надъ бѣдствіями человѣчества, испытывалъ безвѣстныя, безыменныя страданія и тоску и стремленія куда-то вдаль, туда, вѣроятно, въ тотъ міръ, куда увлекалъ его, бывало, Штольцъ. Сладкія слезы потекутъ по щекамъ его. Случается и то, что онъ исполнится презрѣнія къ людскому пороку, ко лжи, къ клеветѣ, къ разлитому въ мірѣ злу, и разгорится желаніемъ указать человѣку на его язвы, и вдругъ загораются въ немъ мысли, ходятъ и гуляютъ въ головѣ, какъ волны въ морѣ, потомъ вырастаютъ въ намѣренія, зажгутъ всю кровь въ немъ, задвигаются мускулы его, напрягутся жилы, намѣренія преображаются въ стремленія: онъ, движимый нравственною силою, въ одну минуту быстро измѣнитъ двѣ-три позы, съ блистающими глазами привстанетъ до половины на постели, протянетъ руку и вдохновенно озирается кругомъ... Вотъ, вотъ стремленіе осуществится, обратится въ подвигъ... и тогда, Господи! какихъ чудесъ, какихъ благихъ по-

слѣдствій могли бы ожидать отъ такого высокаго усилія! Но, смотришь, промелькнетъ утро, день уже клонится къ вечеру, а съ нимъ клонятся къ покою и утомленныя силы Обломова: бури и волненія смиряются въ душѣ, голова отрезвляется отъ думъ, кровь медленнѣе пробирается по жиламъ. Обломовъ тихо, задумчиво переворачивается на спину и, устремивъ печальный взглядъ въ окно къ небу, съ грустью провожаетъ глазами солнце, великолѣпно садящееся за чей-то четырехъ-этажный домъ. И сколько, сколько разъ онъ провожалъ такъ солнечный закатъ!“

Не правда ли, образованный и благородно-мыслящій читатель, — вѣдь тутъ вѣрное изображеніе вашихъ благихъ стремленій и вашей полезной дѣятельности? Разница можетъ быть только въ томъ, до какого момента вы доходите въ вашемъ развитіи. Илья Ильичъ доходилъ до того, что привставалъ съ постели, протягивалъ руку и озирался вокругъ. Иные такъ далеко не заходятъ; у нихъ только мысли гуляютъ въ головѣ, какъ волны на морѣ (такихъ большая часть); у другихъ мысли вырастаютъ въ намѣренія, но не доходятъ до степени стремленій (такихъ меньше); у третьихъ даже стремленія являются (этихъ ужъ совсѣмъ мало)...

Итакъ, слѣдуя направленію настоящаго времени, когда вся литература, по выраженію Бенедиктова, представляетъ

... нашей плоти истязанье,
Вериги въ прозѣ и стихахъ, —

мы смиренно сознаемся, что какъ ни лестны для нашего самолюбія похвалы Гончарова Обломову, но мы не можемъ признать ихъ справедливыми. Обломовъ менѣе раздражаетъ свѣжаго, молодого, дѣятельнаго человѣка, нежели Печоринъ и Рудинъ, но все-таки онъ противенъ въ своей ничтожности. *Добролюбовъ.*

„Обломовъ“ и его критики.

Болѣе 10 лѣтъ отдѣляютъ „Обломова“ отъ „Обыкновенной исторіи“, а между тѣмъ въ содержаніи обоихъ романовъ замѣчается нѣкоторое соотвѣтствіе. Съ другой стороны, и въ отношеніяхъ къ обоимъ произведеніямъ нашей критики оказывается много общаго.

„Обыкновенная исторія“ была встрѣчена обстоятельной и вполнѣ справедливой критикой Бѣлинскаго. Затѣмъ, значительно позже, стали появляться критики другого рода, въ которыхъ высказывались взгляды на это произведеніе уже совершенно предвзятые, высказывалось недовольство самимъ авторомъ, которому страннымъ образомъ приписывалось сочувствіе его дѣйствующимъ лицамъ.

Подобныя воззрѣнія критики составляютъ въ своемъ родѣ замѣчательное явленіе; они доказываютъ только, что „натуральная школа“ своей жизненной правдой производила настоящее свое дѣйствіе. Видя передъ собой живыхъ людей, стали сторониться отъ этихъ людей,

отъ ихъ нравственной неудовлетворительности, ихъ пошлости, той пошлости, которая скрывалась подъ ихъ идеализмомъ, и Гончаровъ имѣлъ полное право напомнить своимъ позднѣйшимъ критикамъ, по примѣру Гоголя, народную пословицу: „на зеркало нечего пенять“...

Но я указалъ, что въ настоящее время „Обыкновенная исторія“ уже не можетъ служить намъ зеркаломъ, потому что романъ этотъ отражаетъ уже пережитую нами эпоху. Едва ли мы можетъ сказать то же самое объ „Обломовѣ“. Едва ли совершенно перевелось въ нашей жизни то, что называется, со словъ Штольца, „обломовщиной“.

Когда появился романъ, многіе стали узнавать въ немъ знакомыя черты; поднялись со всѣхъ сторонъ толки о нашей „обломовщинѣ“, и краснорѣчивымъ истолкователемъ этихъ толковъ явился тотъ даровитый критикъ, который замѣнилъ собою Бѣлинскаго, но замѣнилъ, къ сожалѣнію, не надолго. Появилась въ высшей степени доказательная, справедливая, добросовѣстная критика „Обломова“, принадлежащая Добролюбову. Къ сожалѣнію, позже стали появляться другія критики, несправедливыя.

Добролюбовъ въ своей блистательной статьѣ уяснилъ, что Обломовъ Гончарова — лицо вовсе не отвлеченное, лицо непосредственно принадлежащее нашей русской жизни, самымъ непосредственнымъ образомъ съ нею связанное. Онъ положительно выяснилъ въ своей мастерской статьѣ, какимъ образомъ подъ вліяніемъ барскаго воспитанія возникали и еще долго будутъ возникать Обломовы. Можетъ быть онъ съ недостаточной подробностью разсмотрѣлъ знаменитый „*Сонъ Обломова*“, *составляющій одинъ изъ перловъ нашей литературы*, — сонъ, въ которомъ Обломову рисуется его дѣтство, его Обломовка, этотъ мирный уголокъ, представляющій нѣчто въ родѣ сказочнаго „соннаго царства“. Замѣчу также, что, съ другой стороны, тому барскому воспитанію, которое раскрывается въ „Снѣ Обломова“, можно бы было противопоставить многія черты изъ дѣтства простыхъ людей, рисуемыхъ Тургеневымъ въ „Бѣжиномъ Лугѣ“. Крестьянскія дѣти, выведенныя въ этомъ произведеніи, лишены всякаго воспитанія, т.-е. всякаго ухода за ними; но зато, предоставленныя самимъ себѣ, они рано дѣлаются самостоятельными, рано проявляютъ дѣятельность, на которую вызываетъ ихъ сама жизнь. Потребность помогать родителямъ, пасти стадо и при этомъ не бояться звѣрей, дѣлаетъ ихъ преждевременно взрослыми; трудовая доля, въ которую втянуты они съ самаго дѣтства, не даетъ молодымъ ихъ силамъ оставаться праздными, — и вотъ это-то и составляетъ для нихъ ту естественную воспитательную силу, воздѣйствія которой лишены дѣти, выросшія въ барствѣ. Широко понимая Обломова и объясняя его какъ произведеніе нашей барской среды, Добролюбовъ видѣлъ „обломовщину“ и во многихъ другихъ типахъ нашей литературы; онъ видѣлъ Обломова не только въ Гоголевскомъ Тентетниковѣ, который дѣйствительно можетъ быть признанъ прямымъ родоначальникомъ Ильи Ильича, онъ видѣлъ

Обломова и въ такихъ типахъ, которые съ перваго взгляда вовсе на него не похожи, въ типахъ такихъ людей, которые, много толкуя о дѣлѣ, прямо считаютъ себя дѣльцами, но въ сущности мало или совсѣмъ ничего не дѣлаютъ. Какъ извѣстно, Добролюбовъ находилъ „обломовщину“ и въ Тургеневскомъ „Рудинѣ“, и въ „Героѣ нашего времени“ Лермонтова, и даже въ Пушкинскомъ „Онѣгинѣ“. *Добролюбовъ понималъ „обломовщину“ какъ жизнь внѣ всякихъ связей съ обществомъ, какъ исключительное погруженіе въ самого себя, при чисто мечтательномъ, праздномъ сочувствіи общественнымъ интересамъ.*

Если понимать обломовщину такимъ образомъ, то зачатки ея представляетъ у самого Гончарова Александръ Адуевъ, точно такъ же, какъ Петръ Ивановичъ Адуевъ, дядюшка „Обыкновенной исторіи“, представляетъ немало общаго со Штольцемъ. Воспитаніе Александра Адуева и воспитаніе Обломова весьма сходно; оно связываетъ ихъ обоихъ, дѣтей XIX столѣтія, съ Фонвизинскимъ Митрофанушкой. Далѣе, однакоже, оба они слушали курсъ наукъ въ университетѣ. Но я замѣтилъ уже, что наша литература выставила не мало людей, не вынесшихъ почти ничего изъ университетскаго курса.

Въ „Обломовѣ“ Гончаровъ подробно говоритъ объ этомъ обстоятельствѣ и довольно ясно истолковываетъ его. По выходѣ Обломова изъ университета, „голова его представляла сложный архивъ мертвыхъ дѣлъ, лицъ, эпохъ, цифръ, религій, ничѣмъ не связанныхъ, политико-экономическихъ, математическихъ и другихъ истинъ, задачъ, положеній... у него между наукой и жизнью лежала цѣлая бездна, которой онъ не пытался перейти. *Жизнь у него была сама по себѣ, а наука сама по себѣ*“.

Эта схоластическая мертвенность нашей университетской науки объясняется тѣмъ, что она долго оставалась у насъ только *прививною* — естественное неудобство нашей запоздалой образованности. Намъ приходилось на скорую руку только переносить къ себѣ готовое, усиленно повторять чужіе зады, прежде чѣмъ удалось, наконецъ, начать и самостоятельную работу. Весьма медленно становилась наша наука въ уровень съ требованіями нашей жизни, весьма неподатливо откликалась она на нихъ въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, которымъ и доставалось же за то отъ схоластиковъ: „помилуйте, да это вѣдь не наука; вы этимъ испортите молодежь“ и т. п., тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, эта такъ называемая „порча молодежи“ могла только помѣшать ей окончательно погрузиться въ ту или другую „обломовщину“.

Герой второго романа Гончарова, конечно, вынесъ изъ университетскихъ стѣнъ уже значительно болѣе, чѣмъ Александръ Адуевъ. Онъ вынесъ изъ нихъ довольно ясное пониманіе того, что должно называть настоящимъ „дѣломъ“ и что „бездѣльемъ“, только скрывающимся подъ личиною дѣла. Обломовъ въ своемъ сужденіи о другихъ выказываетъ весьма свѣтлые взгляды. Онъ не видитъ, напр., настоящаго дѣла въ простомъ составленіи себѣ карьеры, онъ не видитъ

настоящаго дѣла и въ литературномъ подбираніи мелкаго житейскаго сора, *въ ожесточенномъ ратованіи противъ пустяковъ*, въ томъ, что позднѣйшимъ сатирикомъ названо было „*литературнымъ пьянокснимательствомъ*“. Въ Обломовѣ есть желаніе дѣятельности, но дѣятельности не механической, а самостоятельной, творческой, только эта творческая дѣятельность проявляется у него въ *мечтахъ:* онъ много создаетъ, лежа у себя на постели. Обломовъ способенъ отдавать справедливость чужому труду, но, на бѣду, труда въ настоящемъ смыслѣ онъ не замѣчаетъ вокругъ себя. А трудъ просто ради труда, безъ всякой другой, высшей цѣли, ему непонятенъ; поэтому онъ готовъ бы, пожалуй, хотя и не рѣшается этого высказать, видѣть своего рода бездѣлье и въ трудолюбіи Штольца. Но сознаніе важности и цѣнности настоящаго труда такъ и остается въ немъ только *сознаніемъ;* онъ слишкомъ тяжелъ на подъемъ, для того чтобы, приглядѣвшись къ явленіямъ жизни, высмотрѣть себѣ практическую цѣль и начать для нея трудиться. Какъ по своему свѣтлому уму, ясно понимающему наше *дѣловое бездѣлье*, такъ и по барской неразвитости въ немъ самомъ *силы воли*, необходимой для настоящаго труда, Обломовъ самымъ непосредственнымъ образомъ связанъ съ русскою жизнью. Если же связь эта и могла бы быть еще болѣе выяснена, то только при окончательномъ устраненіи тѣхъ условій нашей литературной дѣятельности, о которыхъ говоритъ Тургеневъ въ поэмѣ своей *Разговоръ*. Нельзя не удивляться послѣ этого возможности появленія критической статьи Писарева, въ которой утверждалось, будто бы „обломовщина“ оказывается у Гончарова не явленіемъ общественнымъ, а простымъ результатомъ темперамента, несчастнаго тѣлосложенія героя романа.

Писаревъ, какъ извѣстно, дошелъ въ своей критикѣ до того, что усмотрѣлъ въ Обломовѣ какую-то „клевету на русскую жизнь“; но вѣдь это нѣсколько отзывается тѣмъ направленіемъ, которое и въ Гоголевскихъ типахъ усматривало клевету!... Вмѣстѣ съ тѣмъ Писаревъ какъ-будто обидѣлся нѣмецкимъ происхожденіемъ Штольца; по крайней мѣрѣ, онъ вложилъ въ уста Гончарову слѣдующую обидную для насъ мораль: „Россіяне, все вы спите... всѣ вы до такой степени одурѣли отъ сна... что мнѣ, романисту, приходится, въ укоръ вамъ, брать своего положительнаго героя изъ нѣмцевъ, подобно тому, какъ предки ваши, новгородскіе славяне, изъ нѣмцевъ призвали себѣ великаго князя, собирателя Русской земли“. И россіяне, — продолжаетъ уже самъ критикъ, — съ свойственною имъ однимъ добродушною наивностью, умиляются надъ геніальнымъ произведеніемъ своего романиста, всматриваются въ утрированную до-нельзя фигуру Обломова и восклицаютъ съ добродѣтельнымъ раскаяніемъ: „да, да, вотъ наша язва“, и т. д. Но Писаревъ правъ въ одномъ: Гончаровъ дѣйствительно видитъ образцовую личность въ Штольцѣ; въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Чтобы онъ сочувствовалъ Петру Ивановичу Адуеву, на это, какъ мы видѣли, нѣтъ доказательствъ, но въ Штольцѣ онъ

хотѣлъ выставить нѣчто въ родѣ идеала; онъ хотѣлъ представить въ немъ сочетаніе дѣлового направленія съ тою сердечною теплотою, съ тѣми поэтическими наклонностями, которыхъ почти нѣтъ у Петра Ивановича; но это, надо признаться, вовсе не удалось нашему романисту.

Гончаровъ, очевидно, думалъ представить въ Штольцѣ гармоническое сліяніе двухъ стихій — нѣмецкой практичности съ русской „широкой натурой“. Вышло же только то, что Штольцъ тратитъ „по бюджету каждый день, какъ каждый рубль“, что „въ организмѣ у него нѣтъ ничего лишняго“, и что онъ, наконецъ, „ищетъ равновѣсія практическихъ сторонъ съ тонкими потребностями духа“. Но эти тонкія потребности духа выражаются у него собственно въ томъ, что онъ охотно слушаетъ музыку и читаетъ Шиллера, т.-е. это составляетъ для него извѣстную принадлежность того *комфорта*, стремленіе къ которому является, въ сущности, главною цѣлью Штольца. Въ чемъ выразилась у этого обрусѣлаго нѣмца такъ-называемая „широкая русская натура“ — остается загадкой. Вообще попытка Гончарова выставить идеальнаго дѣлового человѣка кончилась почти такъ же печально, какъ и болѣе ранняя попытка въ этомъ родѣ Гоголя.

Во второй части „Мертвыхъ душъ“ онъ, какъ извѣстно, думалъ выставить образцовыхъ людей въ лицѣ такихъ пріобрѣтателей, какъ помѣщикъ Костанжогло и откупщикъ Муразовъ. Гончаровъ въ лицѣ Штольца хотѣлъ, повидимому, представить личность болѣе высокой пробы, которая, наживаясь, не забываетъ и высшихъ человѣческихъ стремленій; но на самомъ дѣлѣ вышелъ такой же „пріобрѣтатель“, человѣкъ, который скоро составляетъ себѣ состояніе, принимая участіе въ разныхъ компаніяхъ, безпрестанно разъѣзжая съ мѣста на мѣсто и такимъ образомъ постоянно, повидимому, оставаясь дѣятельнымъ — но, въ сущности, только ради собственнаго интереса. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что Гончаровъ въ концѣ романа самъ почувствовалъ неудачность своего идеальнаго замысла, а потому и заставилъ Штольца испытать въ своей семейной жизни участь, отчасти напоминающую участь Петра Ивановича Адуева.

Та тоска, которая овладѣваетъ по временамъ Ольгой, несмотря на то, что она такъ счастлива со Штольцемъ, эта тоска доказываетъ, что и въ немъ она не нашла того, что ей нужно, тѣхъ высшихъ цѣлей, къ которымъ она постоянно стремилась, сначала какъ бы инстинктивно, потомъ совершенно сознательно. Ольга представляетъ намъ въ высшей степени привлекательный, художественно обрисованный образецъ женщины, которая не удовлетворяется однимъ личнымъ счастьемъ, однимъ личнымъ чувствомъ любви.

Это выражается уже въ одномъ изъ первыхъ разговоровъ ея съ Обломовымъ, когда онъ, подъ вліяніемъ только-что охватившаго его чувства, говоритъ ей:

— Въ вашихъ глазахъ, въ улыбкѣ, въ этой вѣткѣ, въ casta diva — все здѣсь...

— Нѣтъ, не все — половина, — отвѣчаетъ Ольга.
— Гдѣ же другая? что послѣ этого еще?
— Ищите.
— Зачѣмъ?
— Чтобы не потерять первой.

Ей нужна другая, высшая половина счастья, т.-е. высшая жизненная цѣль. Только при этой высшей цѣли любовь можетъ быть постоянной, вѣчной; только такая любовь, которая соединяетъ людей во имя общаго служенія чему-то высшему, можетъ дать содержаніе цѣлой жизни; иначе, рано или поздно, она приведетъ къ той же скукѣ, къ какой привела Адуева съ Наденькой. Только предполагая эту, неистощимую въ своемъ содержаніи, лучшую половину жизни, Ольга спрашиваетъ Обломова: „ужели вы не шутя думаете, что можно разлюбить?“ Оттого-то ее и поражаетъ вопросъ — пожертвовала ли бы она ему тѣмъ, что всего дороже, честью? — „Никогда; на этомъ пути впослѣдствіи всегда разстаются, а я... разстаться съ тобой“!... Но разлука съ нимъ представляется ей невозможною только до тѣхъ поръ, пока она вѣритъ въ возможность воскресить его, пробудить въ немъ дѣятельное стремленіе къ высшей цѣли и этимъ стремленіемъ, какъ рычагомъ, поднять его на ноги. Но ей приходится страшно разочароваться, и вотъ въ своей послѣдней бесѣдѣ съ Обломовымъ она говоритъ: „ты нѣженъ, какъ голубь, ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей, да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще, а чего — я не знаю“! Она и сама вполнѣ ясно не сознаетъ, въ чемъ именно должна заключаться эта другая цѣль, но она ее страстно ищетъ.

Разочаровавшись въ Обломовѣ, Ольга поддержала себя вѣрою въ Штольца. Но когда начала она догадываться, что и его дѣятельность — только кажущаяся, потому что и въ немъ никакой высшей цѣли нѣтъ, — поколебалась ея вѣра въ него, поколебалось и ея счастье. Это живое исканіе чего-то, дающаго широкое содержаніе жизни — черта дѣйствительно существующая въ человѣческой природѣ — совершенно вѣрно подмѣчена Гончаровымъ въ нашихъ женщинахъ, подобно тому, какъ многія въ высшей степени сочувственныя черты подмѣчены въ нихъ и Тургеневымъ. Это составляетъ замѣчательную черту въ нашей литературѣ, что, постоянно терпя неудачу въ идеальныхъ мужскихъ характерахъ, она дала намъ нѣсколько совершенно удачныхъ идеальныхъ характеровъ женскихъ. Но если мы сопоставимъ Ольгу Гончарова со многими женскими личностями Тургенева, то увидимъ, что хотя послѣднія, большею частью, богаты силами, но у многихъ изъ нихъ эти силы уходятъ сполна на одну только личную привязанность; не удалась имъ любовь — и все пропало, вся жизнь испорчена! Таковы напр. Маша въ „Затишьѣ“, Вѣра въ „Фаустѣ“, Лиза въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“. Много говорилось въ нашей критикѣ объ ошибочныхъ понятіяхъ этихъ лицъ (не о воспроизведеніи ихъ у Тургенева, совершенно вѣрномъ, вполнѣ художественномъ). Но ошибоч-

ность эта не въ томъ, что Вѣра не жертвуетъ своимъ долгомъ жены, что Лиза отступаетъ передъ правомъ другой, хотя и недостойной женщины; ошибочность въ томъ, что, испытавъ несчастіе въ любви, испытавъ необходимость разлуки съ тѣмъ, кого любишь, — онѣ затѣмъ никакой другой цѣли въ жизни не видятъ; — въ томъ, что Вѣра въ „Фаустѣ“ не находитъ поддержки себѣ въ долгѣ матери, что Лиза въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“ умѣетъ только заживо схоронить себя въ монастырѣ. Стремленіе къ чему-то пошире одной личной любви замѣтно отчасти у Наташи въ повѣсти „Рудинъ“. Но эти задатки высшихъ стремленій едва ли не должны заглохнуть въ ней послѣ брака съ такимъ лицомъ, какъ Волынцевъ. Совершенно уже ясное стремленіе къ высшему оказывается въ Тургеневской Асѣ. „Дни уходятъ, жизнь уйдетъ“, говоритъ она, „а что мы сдѣлали“? Или въ другой разъ: „Крылья у меня выросли — да летѣть некуда“. Но мы не знаемъ, что постигло ее послѣ разлуки съ тѣмъ, кого она полюбила. Еще болѣе ясное стремленіе къ высшему видимъ мы въ повѣсти Тургенева „Наканунѣ“, въ этой прекрасной повѣсти, такъ справедливо и такъ тепло оцѣненной Добролюбовымъ и такъ странно осмѣянной Писаревымъ. Съ Тургеневской Еленой всего болѣе находится въ нравственномъ родствѣ Ольга Гончарова; но судьба ихъ неодинакова: Елена нашла свой идеалъ въ болгаринѣ Инсаровѣ, Ольга не нашла своего идеала и въ Штольцѣ. Елена лишась преждевременно Инсарова, находитъ себѣ дальнѣйшій исходъ въ служеніи той идеѣ, для которой жилъ онъ и страстная преданность которой надорвала его здоровье; какой же исходъ можетъ найти Ольга, послѣ того, какъ пошатнулась ея вѣра въ Штольца? Добролюбовъ въ своей критикѣ предполагалъ, что, разувѣрившись въ Штольцѣ, она оставитъ и его, какъ оставила Обломова. Нѣтъ, она не оставитъ его, имѣемъ мы право сказать, зная то глубокое *семейное чувство*, которое такъ сильно развито въ Ольгѣ. У нея уже есть семья; къ семьѣ этой, какъ извѣстно, принадлежитъ и принятый на воспитаніе Штольцемъ сынъ умершаго Обломова. Ольга должна найти исходъ въ томъ, чтобы воспитательнымъ вліяніемъ своей личности не дать этому новому поколѣнію пойти по стопамъ Обломова и Штольца.

Чего не доставало, чтобы поднять на ноги залежавшагося Илью Ильича, чтобы придать высшее значеніе Штольцу? Штольцъ говоритъ, что „любовь съ силою Архимедова рычага движетъ міромъ“, т.-е. онъ говоритъ это о личной любви; и что же? этотъ рычагъ, который доставался Обломову въ лицѣ Ольги, однако же не поднялъ его на ноги. Та же личная любовь, которая затѣмъ въ полной мѣрѣ досталась Штольцу, не сдѣлала его такимъ, чтобы не дать тоскѣ закрасться въ душу Ольги. Выходитъ, что настоящимъ рычагомъ можетъ служить только другого рода любовь, болѣе обнимающая, болѣе и дающая, — любовь къ другимъ людямъ, къ обществу, къ родинѣ. Вотъ тотъ жизненный выводъ, который приходится сдѣлать Ольгѣ. Она не станетъ воспитывать то юное поколѣніе, которое у нея на рукахъ, въ нрав-

ственномъ одиночествѣ, въ томъ барскомъ уединеніи, въ которомъ держали Обломова. Она будетъ умѣть завязать уже въ дѣтяхъ спасительныя для человѣка связи съ окружающимъ его міромъ. Она не станетъ откладывать ознакомленіе юнаго поколѣнія съ тѣмъ, что̀ значитъ человѣческое горе и человѣческая нужда, а потому въ немъ пробудится рано и потребность приходить на помощь другимъ и только въ этомъ и видѣть настоящую, полную содержанія жизнь. Семья, среди которой будетъ дѣйствовать Ольга, послужитъ для нея, такъ сказать, мастерской, гдѣ, подъ теплымъ вліяніемъ ея любящей женской природы, подготовятся будущіе общественные дѣятели. Вотъ тѣ заключенія, которыя могутъ быть сдѣланы на основаніи романа Гончарова относительно воспитательныхъ мѣръ противъ „обломовщины“.

Ор. Миллеръ.

Автобіографическія черты въ „Обломовѣ“.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ родился въ 1812 г., въ Симбирскѣ, въ семьѣ мѣстнаго виднаго дѣятеля изъ купцовъ.

Такъ гласитъ біографическая справка. Мы и начнемъ послѣдовательную характеристику Гончарова съ изображенія той обстановки, гдѣ онъ родился и провелъ раннее дѣтство. Это была обстановка приволья и свободы купеческо-помѣщичьей жизни первыхъ дѣсятилѣтій прошлаго вѣка, но безъ причудъ и родовитой спеси крѣпостного дворянства. У Гончаровыхъ была цѣлая деревня, настоящее имѣніе въ самомъ городѣ: домъ — полная чаша, дворы, амбары, людскія, погреба, ледники со всевозможными запасами, обширная дворня, полное хозяйство, — словомъ, всѣмъ и каждому въ этой семьѣ жилось привольно и сытно, и самое крѣпостное право, благодаря вліянію города и общему мирному настроенію, теряло свой мрачный колоритъ. Во всякомъ случаѣ, оно не оставило въ душѣ мальчика тѣхъ острыхъ и жгучихъ впечатлѣній, какими судьба такъ щедро наградила, напримѣръ, Тургенева.

Не трудно замѣтить, что къ подобной же обстановкѣ, мягкой и усыпляющей, нисходятъ корнями своими и всѣ близкіе (и даже очень!) родственники Гончарова — Сашенька Адуевъ, Ильюша Обломовъ, Борисъ Райскій. Молодой Адуевъ, переживая, какъ впослѣдствіи Гончаровъ, первыя впечатлѣнія провинціала въ Петербургѣ, съ отрадой вспоминаетъ „свой городъ“, домики съ остроконечными крышами, палисаднички, голубятни, домики-фонари, домики съ флигелями-будками, — „этотъ весь спрятался въ зелени; тотъ обернулся на улицу задомъ, а тутъ на двѣ версты тянется заборъ, изъ-за котораго выглядываютъ съ деревьевъ румяныя яблоки, — искушеніе мальчишекъ... Присутственныя мѣста — такъ и видно, что присутственныя мѣста: близко безъ надобности никто не подходитъ... А пройдешь тамъ, въ городѣ, двѣ, три улицы, ужъ и чуешь вольный воздухъ, начинаются

плетни, за ними огороды, а тамъ чистое поле съ яровымъ. А тишина, а неподвижность, а скука, — и на улицѣ и въ людяхъ тотъ же благодатный застой! И всѣ живутъ вольно, нараспашку, никому не тѣсно; даже куры и пѣтухи свободно расхаживаютъ по улицамъ, козы и коровы щиплютъ траву, ребятишки пускаютъ змѣй"...

Въ этомъ же видѣ застаетъ „свой городъ" и Гончаровъ, когда пріѣзжаетъ, по окончаніи университетскаго курса на родину. Тѣ же дома и домишки, палисадники, заборы, присутственныя мѣста. Ребятишки, если не пускаютъ змѣй, то — „среди улицы располагаются играть въ бабки". У забора — коза, одна изъ тѣхъ, которыхъ видѣлъ Адуевъ, щиплетъ траву...

Пріѣзжаетъ въ тотъ же городъ и студентъ Райскій. Домъ его — тоже „маленькое имѣніе", у самаго города, съ превосходными видами на Заволжье и страшнымъ обрывомъ, куда, между прочимъ, не пускали въ дѣтствѣ и Ильюшу Обломова. „Какой эдемъ распахнулся ему въ этомъ уголкѣ, откуда его увезли въ дѣтствѣ, и гдѣ потомъ онъ гостилъ мальчикомъ иногда, въ лѣтнія каникулы! Какіе виды кругомъ — каждое окно въ домѣ было рамой своей особенной картины! Съ одной стороны Волга съ крутыми берегами и Заволжьемъ; съ другой — широкія поля, обработанныя и пустыя, овраги, и все это замыкалось далью синѣвшихъ горъ. Съ третьей стороны видны села, деревни и часть города. Воздухъ свѣжій, прохладный, отъ котораго какъ отъ лѣтняго купанья, пробѣгаетъ по тѣлу дрожь бодрости". Въ этомъ эдемѣ, какъ въ „Грачахъ" Адуева, въ „Обломовкѣ", наконецъ, въ усадьбѣ Гончаровыхъ на первомъ планѣ — хозяйство, козы, куры, повара, дворня, „баловство", которое охватываетъ юношей, „какъ паромъ" — сладкой нѣгой внимательности и ухода. „Кромѣ семьи, старые слуги, съ нянькой во главѣ, смотрятъ въ глаза, припоминаютъ мои вкусы, привычки, гдѣ стоялъ мой письменный столъ, на какомъ креслѣ я сидѣлъ, какъ постлать мнѣ постель. Поваръ припоминаетъ мои любимыя блюда — и всѣ не наглядятся на меня".

Это говоритъ Гончаровъ о своемъ возвращеніи на родину изъ столицы. Но таково же было и его дѣтство, разсказанное въ „Обломовѣ"; няня, упомянутая выше, была та же самая няня, которая смотрѣла за маленькимъ Обломовымъ и не пускала его въ оврагъ и на галлерею, какъ не пускали и Гончарова лазить по деревьямъ, по крышамъ или взбираться на колокольню.

Гончаровъ былъ въ дѣтствѣ, по его словамъ, зоркій и впечатлительный ребенокъ. У него тогда уже, среди этого беззаботнаго житья-бытья, бездѣлья и лежанья, зарождалось неясное представленіе объ „обломовщинѣ". Столь же зоркимъ „ничего не пропускающимъ" и впечатлительнымъ ребенкомъ былъ Ильюша Обломовъ: „ни одна мелочь, ни одна черта не ускользаетъ отъ пытливаго вниманія ребенка: неизгладимо врѣзывается въ душу картина домашняго быта; напитывается мягкій умъ живыми примѣрами и безсознательно чертитъ программу своей жизни по жизни, его окружающей". Ни одна черта,

ни одна особенность не ускользаетъ и отъ наблюдательнаго взора Райскаго; по тому, какъ онъ ведетъ себя въ школѣ и относится къ объясненіямъ учителя, можно съ увѣренностью сказать, что его наблюдательность, въ связи съ нѣкоторой не то разсѣянностью, не то распущенностью талантливаго барчука, развилась подъ знойными лучами обломовскаго солнца, подъ стукъ ножей обломовской кухни. Дома, въ Обломовкѣ, онъ оставилъ няню, Захарку, Антипа, Аверку (Акимку-повара — въ „Воспоминаніяхъ“), Арапку, которыхъ онъ въ точности изучилъ и запомнилъ; въ школѣ онъ тѣмъ же переимчивымъ взоромъ наблюдаетъ учениковъ и учителя. „И доску, на которой пишутъ задачи, замѣтилъ, даже мѣлъ, и тряпку, которою стираютъ съ доски. *Кстати тутъ же представилъ и себя, какъ онъ сидитъ, какое у него должно быть лицо, что другимъ приходитъ на умъ, когда они глядятъ на него, какимъ онъ имъ представляется*“.

Кромѣ Обломовки въ городѣ, Гончарову была знакома Обломовка-деревня. Обломовка романа принадлежала, разсказываетъ авторъ, издавна роду Обломовыхъ; рядомъ съ ней лежало сельцо Верхлёво, которымъ владѣлъ богатый помѣщикъ, никогда не показывавшійся въ свое имѣніе. Въ этомъ имѣніи управляющимъ былъ нѣмецъ Штольцъ, открывшій у себя пансіонъ для обученія дѣтей окрестныхъ помѣщиковъ. Мы можемъ дать болѣе опредѣленныя свѣдѣнія объ этомъ имѣніи — оно находилось на правомъ берегу Волги и принадлежало княгинѣ Хованской. Тамъ существовалъ и пансіонъ, куда былъ отданъ маленькій Гончаровъ, но училъ въ немъ не нѣмецъ Штольцъ, а священникъ, воспитанникъ казанской духовной академіи, человѣкъ просвѣщенный и, можно думать, широко образованный; зато нѣмцу Штольцу соотвѣтствовала *француженка* (или нѣмка, по дѣвической фамиліи Липманъ), жена священника, учившая дѣтей французскому языку. И маленькій Обломовъ и Райскій немногому научились въ этой школѣ; едва ли многому научился въ ней и Гончаровъ, хотя онъ и относился къ воспоминаніямъ о ней съ видимой симпатіей. Священникъ княжескаго имѣнія напоминаетъ верхлевскаго старика Штольца. „Нѣмецъ былъ человѣкъ дѣльный и строгій, какъ почти всѣ нѣмцы. Можетъ быть, у него Ильюша и успѣлъ бы выучиться чему-нибудь хорошенько, если бъ Обломовка была верстахъ въ пятистахъ отъ Верхлёва. А то какъ выучиться? Обаяніе обломовской атмосферы простиралось и на Верхлёво“, умъ и сердце Ильюши исполнились картинъ и нравовъ этого быта, прежде чѣмъ онъ увидѣлъ первую книгу. И не одного Ильюши, — таковъ же былъ и самъ Гончаровъ: эти картины и нравы окрасятъ собою все творчество будущаго писателя и опредѣлятъ его наиболѣе положительные жизненные — если и не идеалы и стремленія, — то привычки и вкусы.

Впослѣдствіи, уже на склонѣ лѣтъ, писатель дастъ себѣ отчетъ въ этихъ впечатлѣніяхъ, когда выразитъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, вѣское предположеніе о томъ, что у него, „очень зоркаго и впечатлительнаго мальчика, уже тогда, при видѣ всѣхъ этихъ фигуръ (Яку-

бова и сосѣдей помѣщиковъ), этого беззаботнаго житья-бытья, бездѣлья и лежанья, и зародилось неясное представленіе объ обломовщинѣ".

Въ воспоминаніяхъ этихъ будетъ много искренности и теплоты. Нѣжностью признательности и любовью откликнется невольно душа на любовь и ласку, испытанныя имъ въ раннемъ дѣтствѣ, всякій разъ, какъ память воскреситъ передъ нимъ образъ его покойной матери. Она была разумно строга и добра, по отзыву писателя, и послѣднее свойство, синонимъ безграничной материнской любви, становится исчерпывающимъ и неизмѣннымъ признакомъ, какъ только Гончаровъ принимается изображать личность матери въ семейной обстановкѣ героевъ.

Слѣпая, беззавѣтная, безконечно-нѣжная любовь — коренная черта въ отношеніяхъ матерей Александра Адуева и Ильи Ильича, сближающая образы этихъ женщинъ до полнаго совпаденія. Воспоминанія о матери являются у нихъ наиболѣе трогательными и завѣтными, проникнутыми грустью сожалѣнія о невозвратной утратѣ. Переходя во второй періодъ своей сознательной жизни, когда впереди начинаетъ видѣться прозаическая старость, а позади остаются раскаянія и разочарованія, Александръ Адуевъ мысленно пробѣгаетъ свое дѣтство и юношество до поѣздки въ Петербургъ, вспоминаетъ, какъ ребенкомъ онъ повторялъ за матерью молитвы, и она твердила ему объ ангелѣ-хранителѣ, который стоитъ на стражѣ души человѣческой и вѣчно враждуетъ съ нечистымъ... Указывая на звѣзды, она говорила мальчику, что это очи Божіихъ ангеловъ, которые смотрятъ на міръ и считаютъ добрыя и злыя дѣла людей; небожители плачутъ, когда злыхъ дѣлъ окажется больше, чѣмъ добрыхъ, и радуются, если добрыя возьмутъ перевѣсъ. Показывая на синеву дальняго горизонта, она говорила, что это Сіонъ... Милая, наивная вѣра, трогательныя суевѣрія дѣтскихъ образовъ — въ нихъ было много теплоты и поэзіи, и Александръ съ искреннимъ вздохомъ посылаетъ привѣтъ этимъ воскресшимъ отзвукамъ прошлаго.

Вспоминаетъ молитвы съ матерью и Илья Ильичъ Обломовъ. Тогда, поглощенный дѣтскими мыслями о предстоящей прогулкѣ, онъ „разсѣянно" и „вяло" повторялъ слова молитвы, но мать — „влагала въ нихъ всю свою душу", и эти дѣтскія впечатлѣнія не прошли безслѣдно. „Обломовъ, увидѣвъ давно-умершую мать, и во снѣ затрепеталъ отъ радости, отъ жаркой любви къ ней: у него, у соннаго, медленно выплыли изъ-подъ рѣсницъ и стали неподвижно двѣ теплыя слезы".

Тѣмъ же чувствомъ проникнуты и воспоминанія Райскаго о матери, но въ нихъ нѣтъ уже этой непосредственности и жизненности, какъ въ „Обломовѣ". На сходство автора съ образомъ Ильи Ильича Обломова указывалось съ давнихъ поръ, еще при жизни Гончарова. Не высказываясь опредѣленно, по своему обыкновенію, онъ замѣчалъ, что, какъ это случалось со всѣми писателями, читатели старались его самого подводить подъ того или другого героя, отыскивая его то тамъ,

то сямъ, или угадывая тѣ или другія личности. „Чаще всего меня видятъ въ Обломовѣ, любезно упрекая за мою авторскую лѣнь и говоря, что я это лицо писалъ съ себя. Иногда же, напротивъ, затруднялись, куда меня дѣвать, въ которомъ нибудь романѣ, напримѣръ, въ дядю или племянниковъ. Нѣсколько далѣе, характеризуя процессъ своей творческой работы въ прошломъ, когда онъ писалъ то, что, казалось ему, носилось около него въ воздухѣ и было далеко отъ „выдумки“, онъ приводитъ любопытный примѣръ близости къ нему создавшихся образовъ. „Мнѣ, говоритъ онъ, — прежде всего бросается въ глаза лѣнивый образъ Обломова — въ себѣ и другихъ — и все ярче и ярче выступалъ передо мной. Конечно, я инстинктивно чувствовалъ, что въ эту фигуру вбираются мало-по-малу элементарныя свойства русскаго человѣка — и пока этого инстинкта довольно было, чтобы образъ былъ вѣренъ характеру“.

Романъ „Обломовъ“ писался, тоже по обыкновенію Гончарова, очень долго — лѣтъ около десяти, съ перерывами для „Фрегата Паллады“, съ отвлеченіями въ сторону „Обрыва“, образы котораго уже начинали тревожить творческіе нервы писателя. Не говоря уже о томъ, что во второмъ романѣ обнаружилось значительно большее мастерство кисти художника и болѣе глубокая вдумчивость при построеніи романа и обрисовкѣ центральной фигуры, самое отношеніе Гончарова къ своему герою должно было измѣниться съ годами, и оно дѣйствительно измѣнилось.

Въ этомъ отношеніи намъ придется нѣсколько разойтись съ тѣмъ общераспространеннымъ мнѣніемъ, что Обломовъ ближе другихъ героевъ подходитъ къ самому Гончарову. Если-бы это было дѣйствительно такъ, Гончаровъ не относился бы къ нему съ такимъ неизмѣннымъ чувствомъ ироніи, какого, напримѣръ, у него вовсе нѣтъ, какъ только рѣчь заходитъ о Петрѣ Ивановичѣ Адуевѣ или Штольцѣ. Въ этой ироніи нѣтъ злости, нѣтъ и оттѣнка желчи и раздраженія, порождающаго сарказмъ. Напротивъ, добродушное, даже любовное отношеніе придаетъ ей особую задушевность и прелесть. Такъ пожилой и ласковый по натурѣ человѣкъ снисходительно улыбается слабостямъ своего младшаго пріятеля, слабостямъ, которыя далеко не чужды и ему самому. И эта улыбка такъ искренна, такъ непосредственна на устахъ Гончарова, что читатель невольно поддается ея обаянію, и самъ начинаетъ улыбаться тою же снисходительной и доброй улыбкой.

Мы видѣли уже не разъ — въ разсказѣ объ Обломовѣ не мало автобіографическихъ штриховъ. Ихъ не трудно подмѣтить въ исторіи дѣтства Обломова, въ отдѣльныхъ частностяхъ, несомнѣнно и въ обрисовкѣ характера, съ слабостью волеваго элемента на первомъ планѣ и съ сильно развитымъ сознаніемъ, внѣшнимъ и внутреннимъ, доводящимъ иногда процессъ самоанализа до глубокаго и истиннаго страданія. Но отъ Обломова до Гончарова — разстояніе гораздо большее, чѣмъ отъ Адуевыхъ, племянника и дяди. Кстати сказать, Илья Ильичъ первой половины романа отличается, на нашъ взглядъ, отъ Ильи

Ильича второй половины. Это два типа, равно свойственные русской жизни, близко родственные, но не вполнѣ одинаковые. Первый — съ несомнѣннымъ трагическимъ началомъ сознанія своего безсилія — такъ и умираетъ, не сдѣлавъ ничего полезнаго и высокаго въ жизни, къ чему стремился такъ пламенно, но — увы! — платонически; его тревога не утихаетъ съ годами, — она можетъ перейти въ тихую жалобу, въ покаяніе Рудина, но ни на минуту не станетъ пошлой и плоской. Сильное возбужденіе, страсть, негодованіе могутъ воспламенить ихъ пожаромъ, правда, на одно мгновеніе, но въ это мгновеніе они могутъ явиться героями, способными пожертвовать собой, во имя идеи или за улыбку красавицы, смотря по моменту. Вторая категорія Обломовыхъ — иного свойства. Если у нихъ и было какое-либо міросозерцаніе, въ смыслѣ извѣстныхъ „умственныхъ“ идей и нравственныхъ требованій, то это міросозерцаніе уснуло у нихъ раньше, чѣмъ глаза успѣли заплыть жиромъ отъ вѣчнаго спанья и въ груди появилась одышка отъ неподвижной жизни. Проза будничной домашней жизни, низменность желаній, не выходящихъ изъ круга инстинктовъ пищеваренія и элементарнаго животнаго довольства — вотъ атмосфера, изъ которой никогда не вытащатъ ихъ на свѣтъ Божій никакіе Штольцы и Ольги Ильинскія. Пошляки Маниловы — ихъ ближайшіе родственники, если они одарены благожелательно-настроенной душой, но никакъ не „коптители неба“ Тентетниковы, всю жизнь собирающіеся заняться большимъ сочиненіемъ о Россіи, словно Обломовъ, въ первой части романа, съ своимъ грандіознымъ планомъ переустройства Обломовки.

Кромѣ наклонности къ неподвижности и лѣни, общей вялости, мы не видимъ у Обломова крупныхъ чертъ, роднящихъ этотъ образъ съ самимъ Гончаровымъ. На присутствіе этихъ чертъ въ характерѣ нашего писателя указываютъ его же собственныя слова — тамъ, гдѣ онъ довольно недвусмысленно рисуетъ свою собственную наружность. Въ дѣтствѣ онъ — здоровый, краснощекій мальчикъ „съ мечтательными глазами“, какъ Ильюша Обломовъ; студентомъ — цвѣтущій, жизнерадостный юноша; ко времени трезвости и благоразумія онъ, какъ двѣ капли воды, напоминаетъ остепенившагося Александра Адуева, съ брюшкомъ и плѣшью, съ начинающейся сѣдиной въ вискахъ и бакенбардахъ. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и Гончаровъ, кончая „Обломова“, будетъ опредѣлять себя такъ: „литераторъ, полный, съ апатическимъ лицомъ, задумчивыми, какъ будто сонными глазами“. Этотъ отзывъ напоминаетъ собою „пожилого беллетриста Скудельникова“ (въ „Литературномъ вечерѣ“), который — „какъ сѣлъ, такъ и не пошевелился въ креслѣ, какъ будто приросъ или заснулъ. Изрѣдка онъ поднималъ апатичные глаза на автора (читавшаго свой романъ) и опять опускалъ ихъ. Онъ, повидимому, былъ равнодушенъ и къ этому чтенію и къ литературѣ — вообще ко всему вокругъ себя. Григорій Петровичъ (Урановъ, хозяинъ) вытащилъ его изъ его гнѣзда, обѣщалъ хорошій романъ, хорошее общество, хорошихъ, даже прекрасныхъ, дамъ и хорошій ужинъ. Онъ и пріѣхалъ“...

Послѣднія слова чрезвычайно важны, пожалуй, важнѣе самого портрета. Въ нихъ выразились основныя привычки и вкусы „пожилого беллетриста“. Онъ не прочь бывать въ обществѣ, но предпочитаетъ покой и тишину своего „гнѣзда“. Общество онъ посѣщаетъ только избранное, гдѣ онъ встрѣтитъ, какъ художникъ, красоту и грацію аристократическаго женскаго лица, услышитъ остроумную бесѣду и веселый смѣхъ; какъ гастрономъ и бывшій обломовецъ, онъ оцѣнитъ по достоинству тонкій ужинъ и хорошее вино. Но, вообще говоря, — къ людямъ его не особенно тянетъ. И переживая въ томъ кругу, гдѣ онъ бывалъ, привычныя и милыя сердцу ощущенія, онъ самъ не вносилъ въ общество ни веселья ни даже оживленія, хотя ни въ умѣ ни въ остроуміи ему отказать было нельзя. Онъ, какъ художникъ, накапливалъ впечатлѣнія, но расточалъ ихъ въ разговорѣ неохотно и скупо.

Въ общемъ представленіи жизнь казалась Гончарову вялою и скучною. Уѣзжая изъ усадьбы, Райскій собирается написать романъ — картину вялаго сна, вялой жизни. Изображеніе зѣвоты и мечтательной задумчивости встрѣчается у него такъ же часто, какъ изображеніе ѣды и сна.

Часы ѣды и сна являются священными для Гончарова при всѣхъ положеніяхъ, въ которыя онъ ставитъ своихъ героевъ. Даже болѣе: отношеніемъ къ этимъ благамъ жизни характеризуются у нихъ душевныя состоянія, при чёмъ Гончаровъ нигдѣ не упускаетъ случая отмѣтить значеніе тонкаго обѣда или ужина, присутствіе или отсутствіе аппетита у того или другого героя, благодѣтельное вліяніе сна или безсонницу. Райскій волнуется по поводу Вѣры, раздумывая, отъ кого она получила другое загадочное письмо, и волненіе это выражается у него въ томъ, что онъ „машинально обѣдалъ“; страницей ниже Гончаровъ отмѣчаетъ по тому же поводу, что Райскій — „ночью не спалъ, мало ѣлъ и даже похудѣлъ немного“. Волненіе рѣдко, впрочемъ, отзывается у Райскаго безсонницей; обыкновенно сонъ не покидаетъ его, въ качествѣ „друга“, въ самыя тяжелыя минуты навѣщаетъ и днемъ послѣ обѣда, и Райскій спитъ долго и крѣпко. Вернувшись на разсвѣтѣ домой послѣ страшной драмы, разыгравшейся въ обрывѣ, Райскій до того былъ измученъ, что самъ, не узналъ себя въ зеркалѣ. „Ему было не легче Вѣры“, и онъ навѣрно заболѣлъ бы, если бы его не выручилъ спасительный сонъ. Райскій отдался ему, какъ „здравому другу, поручая себя его попеченіямъ. И сонъ исполнилъ эту обязанность“... — Ему снилось все другое, противоположное“... — „...Приснилось ему, что онъ сидитъ съ пріятелями у Сентъ-Жоржа и съ аппетитомъ ѣстъ и пьетъ, разсказываетъ и слушаетъ пошлый вздоръ, обыкновенно разсказываемый на холостыхъ обѣдахъ, что ему отъ этого стало тяжело и скучно, и *во снѣ даже спать захотѣлось*. И онъ спалъ здоровымъ, прозаическимъ сномъ“... Вѣра, душу которой „раздираетъ“ страсть къ Марку, неизмѣнно появляется передъ читателями въ часы ѣды и чая. „Она, поздоровавшись съ бабушкой,

попросила кофе, съ аппетитомъ съѣла нѣсколько сухарей"...—...„Прошло два дня. По утрамъ Райскій не видалъ почти Вѣру наединѣ. Она приходила обѣдать, пила вечеромъ вмѣстѣ со всѣми чай, говорила объ обыкновенныхъ предметахъ, иногда только казалась утомленной". Но какія бы драмы ни разыгрывались въ душѣ героевъ, какія бы страсти ни волновали ихъ, обычный порядокъ не нарушался, — „въ домѣ у Татьяны Марковны все шло своимъ порядкомъ, отужинали и сидѣли въ залѣ, позѣвывая"... Негодующее или разгнѣванное сердце бабушки успокаивается сразу, какъ только виновные выражали желаніе позавтракать или пообѣдать; въ такихъ случаяхъ она готова была примириться даже съ безобразникомъ Маркомъ. Эта бытовая черта проходитъ по всѣмъ романамъ. Влюбленный Александръ Адуевъ приходитъ къ дядѣ сообщить ему о своемъ намѣреніи вызвать на дуэль соперника графа Новинскаго, у него „дѣло идетъ о жизни и смерти", а Петръ Ивановичъ предлагаетъ ему поужинать, — „ужинъ не портитъ дѣла" — и ужинаетъ, на протяженіи нѣсколькихъ страницъ, пока Александръ, который не ужиналъ двое сутокъ", разсказывалъ ему обстоятельства своего трагическаго положенія.

Остановимся еще на одной чертѣ — апатіи, неизмѣнно присутствующей, какъ только Гончаровъ начинаетъ говорить о самомъ себѣ. По отношенію къ человѣку, неустанно работавшему въ тиши кабинета надъ созданіемъ ряда произведеній, техника которыхъ, по его собственнымъ словамъ, стоила ему большого труда, это слово должно имѣть особый, условный смыслъ. Это менѣе всего — внутреннее разочарованіе въ томъ, во что вѣрилось въ юности, въ идеалахъ, надеждахъ, наконецъ, любви и дружбѣ. Наоборотъ, мощью здороваго идеализма звучатъ послѣднія произведенія Гончарова: ласковый юморъ ихъ достигаетъ мѣстами удивительной свѣжести, изящества и даже глубины. Это и не безсиліе человѣка, который вышелъ на борьбу, и увидѣлъ, что руки у него были связаны. Борьба не была въ натурѣ Гончарова, и менѣе всего онъ подходилъ бы подъ понятіе борца во имя чего бы то ни было. Правильнѣе всего признать, кажется, что Гончаровская апатія, если не принимать въ расчетъ нѣкоторой доли скептицизма, свойственнаго всѣмъ пожилымъ людямъ, видѣвшимъ свѣтъ, сводилась преимущественно къ внѣшнимъ проявленіямъ, къ внѣшнему виду или, вѣрнѣе, къ тому впечатлѣнію, которое производилъ Гончаровъ на людей своей неподвижной, по виду вялой, по разговору — равнодушной фигурой. Въ головѣ и въ сердцѣ творилась невидимая глазу сложная работа, изъ которой слагалось творчество образовъ и картинъ; на эту работу и уходила значительная доля энергіи и органической самостоятельности художника.

Будь Гончаровъ только Обломовымъ, въ немъ и не пошевельнулось бы желаніе промѣнять свое насиженное „гнѣздо" на каюту готоваго ко всякаго рода случайностямъ, безпокойствамъ и опастностямъ „Фрегата Паллады". Но въ немъ жило какое-то особое начало, которое разжигало и мучило его. Слишкомъ сѣрая дѣйствитель-

ность давила его своей однотонностью, какъ онъ ни скрашивалъ ее цвѣтами фантазіи и поэзіи. „Дни мелькали — такъ характеризуетъ онъ свою жизнь въ первой главѣ „Фрегата Паллады“, — жизнь грозила пустотой, сумерками, вѣчными буднями: дни, хотя порознь разнообразные, сливались въ одну утомительно-однообразную массу годовъ. Зѣвота за дѣломъ, за книгой, зѣвота въ спектаклѣ, и та же зѣвота въ шумномъ собраніи и въ пріятельской бесѣдѣ!“

Зѣвота и апатія — неотъемлемые признаки Гончарова; безъ нихъ онъ и представить самого себя не можетъ. „Между моряками, *зѣвая апатически*, лѣниво смотритъ въ безбрежную даль“ океана литераторъ, помышляя о томъ, хороши ли гостиницы въ Бразиліи, есть ли прачки на Сандвичевыхъ островахъ, на чемъ ѣздятъ въ Австраліи?“ Но этого апатическаго литератора манитъ поэзія путешествія, просторъ и „рядъ неисчерпанныхъ наслажденій“ — и онъ объѣдетъ весь міръ, хотя бы для того, чтобы сказать потомъ, что въ немъ нѣтъ ничего чудеснаго, что и вдали, какъ и вблизи — „все подходитъ подъ какой-то прозаическій уровень“. Но самое путешествіе является для него праздникомъ, радостнымъ воплощеніемъ съ дѣтства лелѣянной мечты.

Ничего подобнаго нѣтъ въ Обломовѣ, не только второй, но и первой половины романа. Илью тянетъ вдаль только тогда, когда его соблазняетъ своими разсказами Штольцъ, и то лишь пока тотъ не ушелъ изъ комнаты. Но едва Штольцъ оставляетъ Обломова одного, въ немъ начинаются колебанія, сомнѣнія, ему жаль разстаться съ диваномъ и халатомъ, и всѣ планы падаютъ, какъ карточный домикъ, отъ самой ничтожной причины: ячмень вскочитъ или губа раздуется наканунѣ отъѣзда. „Нельзя же съ этакой губой въ море! — скажетъ Илья Ильичъ и махнетъ рукой.

Гончаровъ любитъ комфортъ; Обломовъ къ нему совершенно равнодушенъ. Гончаровъ задаетъ вопросы о сандвичевскихъ прачкахъ; у Обломова по нѣсколько дней не подметается квартира. Гончаровъ весь на сторонѣ порядка — и дома, и въ обществѣ, и въ государствѣ; Обломовъ заговариваетъ о порядкѣ исключительно съ цѣлью донять Захара „жалкими словами“. Его порядокъ черезчуръ опредѣляется временемъ завтрака, обѣда, ужина, сна... Гончаровъ безконечно цѣлостнѣе и шире и по отношенію къ нему Обломовъ — только часть, близкая, кровная, но не важнѣйшая... *Ляцкій.*

Второстепенныя и главныя лица въ романѣ „Обрывъ“.

Съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидала наша публика новаго произведенія Гончарова, которое, въ исходѣ прошлаго года, было ей обѣщано редакціей „Вѣстника Европы“. Гончаровъ рѣдко доставляетъ читателю удовольствіе прочесть произведеніе его пера; въ нашей, не отличающейся плодовитостью беллетристикѣ, онъ едва ли не наименѣе плодовитый романистъ: промежутки въ десять лѣтъ отдѣляютъ его романы

одинъ отъ другого „Обыкновенная исторія“ 1847, „Обломовъ“ 1859, „Обрывъ“ 1869. Зато каждое изъ этихъ рѣдко-появляющихся сочиненій есть крупное пріобрѣтеніе нашей литературы. Каждый изъ этихъ романовъ весьма значителенъ по объему, богатъ числомъ дѣйствующихъ лицъ, сценъ и положеній, изобилуетъ наблюденіями, мыслями и тонкими подробностями. Каждый возбуждалъ всеобщее вниманіе, множество толковъ и противорѣчивыхъ мнѣній. Ужъ этого было бы достаточно, чтобъ остановить на произведеніяхъ Гончарова серіозное вниманіе критики. Но внутреннія, художественныя качества его произведеній еще болѣе вызываютъ и оправдываютъ такое вниманіе. Глубокое знаніе авторомъ изображаемой имъ жизни, необычайная наблюдательность и благодаря ей огромное изобиліе выпуклыхъ и характерныхъ подробностей, въ особенности же поэзія провинціальнаго захолустья, поэзія тихой, замкнутой патріархальной жизни, въ которой дремлютъ мирные обитатели глухихъ закоулковъ нашего обширнаго отечества, и теплый, грустный тонъ, разлитый надъ многими и иногда лучшими страницами его романовъ, все это вмѣстѣ дѣлаетъ талантъ Гончарова столь же оригинальнымъ, сколько и симпатичнымъ. Но кромѣ этихъ изящныхъ сторонъ, въ романахъ Гончарова есть еще сторона, отличающая ихъ отъ большинства произведеній этого рода. Это — ихъ отношеніе къ развитію идей и убѣжденій въ нашемъ обществѣ. Въ самомъ дѣлѣ, и „Обыкновенная Исторія“, и „Обломовъ“, и „Обрывъ“, каждый воспроизводитъ какую-нибудь фазу этого развитія, большею частью сопоставляя въ контрастѣ представителей двухъ борющихся направленій. Здѣсь заключается, вмѣстѣ съ важнымъ условіемъ интереса и занимательности, и Ахиллесова пята творчества Гончарова. Въ самомъ дѣлѣ, избранный имъ способъ олицетворять ходячія мнѣнія и убѣжденія въ отдѣльныхъ представителяхъ и сосредоточивать въ одномъ лицѣ черты, разбросанныя въ цѣломъ лагерѣ людей, хотя, съ одной стороны, и далъ ему случай намѣтить множество тончайшихъ чертъ и высказать множество мыслей, зато, съ другой, сообщилъ изображенію этихъ представителей нѣкоторую отвлеченность и искусственность, которую много скрадываетъ талантъ автора рисовать подробности, но которая все-таки даетъ себя чувствовать. Поэтому нерѣдко случалось у Гончарова, что самыя слабыя фигуры его романовъ — главныя, и напротивъ, лица второстепенныя, лица случайныя и какъ бы для роскоши выставленныя въ романѣ, отличаются жизнью и правдой. Всѣ три романа Гончарова богаты этими второстепенными лицами, которыя иногда не находятъ въ романѣ ни малѣйшаго себѣ дѣла, но, взятыя отдѣльно, очерчены безподобно. Эти лица снова подтверждаютъ старую истину, что искусство всегда лучше дается тамъ, гдѣ художникъ не задается никакою дидактическою или даже философскою цѣлью, гдѣ онъ творитъ наивно и отказывается отъ постороннихъ искусству цѣлей. Если бъ эта истина нуждалась въ какихъ-либо новыхъ доказательствахъ, то достаточно было бы указать на тѣ проникнутыя реальною правдой и чистою поэзіей картины провинціальной помѣщичьей жизни, которыми

такъ богаты произведенія Гончарова, которыми такъ прославился въ особенности его „Обломовъ“. Нигдѣ талантъ Гончарова не находилъ такого сроднаго ему содержанія, какъ въ сферѣ этой тихой и лѣнивой жизни, въ которой, при всей ея кажущейся неподвижности, усмотрѣнъ имъ такой богатый источникъ поэзіи. Нигдѣ мастерство въ описаніи, свойственное нашему автору, не развертывалось съ такимъ блескомъ, какъ въ этихъ изображеніяхъ дремлющаго захолустья, съ его тѣсно ограниченною, однообразно вращающеюся жизнью. Гончарова можно назвать поэтомъ захолустья. Никто лучше его не умѣлъ разгадать поэтическое значеніе, уловить поэтическій ароматъ этого захолустья и воспроизвести его съ такою законченною художественностью.

Все сказанное нами о талантѣ Гончарова вообще, можно сказать и о его новомъ романѣ. Блестящія качества его дарованія выказались въ немъ тѣ же и почти такъ же, какъ и въ его прежнихъ двухъ романахъ; слабыя стороны для насъ такъ же не новы и даже происходятъ отъ тѣхъ же причинъ, какъ и въ прежнихъ его произведеніяхъ. Но романъ „Обрывъ“ отнюдь не есть копія съ „Обломова“, или съ „Обыкновенной Исторіи“. Напротивъ, новый романъ значительно отличается отъ прежнихъ, во-первыхъ, канвою своего сюжета, „фабулою“, которая не представляетъ ничего общаго съ содержаніемъ прежнихъ романовъ Гончарова; во-вторыхъ, противоположность между представителями двухъ лагерей, и олицетвореніе двухъ направленій двумя лицами романа (эта необходимая черта всякаго романа Гончарова) здѣсь совершенно иного рода, чѣмъ въ „Обломовѣ“ и „Обыкновенной Исторіи“. Въ „Обрывѣ“ этотъ необходимый контрастъ обнаруживается между человѣкомъ, принадлежащимъ къ такъ называемымъ „артистическимъ натурамъ“ и человѣкомъ изъ того довольно неопредѣленнаго, хотя и многочисленнаго разряда, который у насъ въ Россіи называется „нигилистами“. Очевидно, новый романъ долженъ былъ услѣдить за новѣйшимъ движеніемъ русской мысли и отразить на себѣ эту временную и нынѣ уже проходящую болѣзнь ея. По склонности автора къ типическимъ контрастамъ, въ новомъ романѣ долженъ былъ, съ другой стороны, обозначиться и характеръ, соединяющій въ себѣ большую часть того, на что, главнымъ образомъ, падаетъ отрицаніе нигилистовъ. Но идея романа, такимъ образомъ формулованная, возникла не предъ написаніемъ его, а обозначилась мало-по-малу въ долгій періодъ времени, пока созидался романъ. Изъ небольшого предисловія, которое авторъ предпослалъ своему новому произведенію, явствуетъ, что „Обрывъ“ былъ начатъ Гончаровымъ еще въ 1857 году, и писался понемногу („прибавляя нѣсколько главъ въ годъ“, говоритъ Гончаровъ) въ теченіе *двѣнадцати* лѣтъ; что авторъ „самъ видѣлъ въ перспективѣ весь романъ, съ толпой дѣйствующихъ лицъ, съ описаніемъ мѣстностей, сценъ, съ характерами, *выключая одинъ изъ нихъ (Маркъ Волоховъ), принявшій подъ конецъ романа, начатаго давно и конченнаго недавно, болѣе современный оттѣнокъ*“. Скромность и отровенность автора въ значительной мѣрѣ обезоруживаютъ критику; но критика, для которой дорога

правда, должна сознаться, что романъ, съ теченіемъ времени измѣнявшійся по отношенію къ самому себѣ, что романъ, въ которомъ дѣйствующія лица измѣняются въ значеніи не вслѣдствіе развитія характеровъ внутри самого романа (такое измѣненіе вполнѣ законно и бываетъ въ высшей степени интересно), а вслѣдствіе современныхъ вѣяній, настигшихъ автора среди его творчества, что такой романъ, говорю я, по необходимости лишенъ художественнаго единства. Въ самомъ дѣлѣ, „Обрывъ“ прежде всего страдаетъ этимъ недостаткомъ: первая, петербургская часть романа, съ Бѣловодовою, Наташею, Аяновымъ и Пахотиными совершенно излишня по отношенію къ остальнымъ частямъ и въ дѣйствіи всего остального романа ничего не обусловливаетъ и не объясняетъ. Извѣстно, что отсутствіе единства въ цѣломъ никогда не препятствуетъ наслаждаться отдѣльными подробностями: и „Обрывъ“, несмотря на всю разрозненность его композиціи, читается съ величайшимъ интересомъ, постоянно приковывая къ себѣ вниманіе утонченною и остроумною отдѣлкою деталей. Но читая его, нельзя не чувствовать постепеннаго возникновенія того *современнаго оттѣнка*, какъ выражается предисловіе, оттѣнка, котораго первоначально не имѣлось въ виду и отъ котораго романъ едва ли выигралъ. Слишкомъ долгое писаніе повредило художественному произведенію: другія вѣянія, другія ученія, другіе лозунги окружали конецъ этого романа, чѣмъ при какихъ создалось начало, и конецъ явился съ тою „разницею въ перѣ“, о которой упоминаетъ самъ авторъ и въ которой онъ скромно извиняется.

Какъ и прежде бывало у Гончарова, въ его новомъ романѣ самою удачною частью является общій фонъ картины, изображеніе обстановки, среди которой разыгрывается драма. Деревня, служащая мѣстомъ дѣйствія романа, эта Малиновка, царство бабушки Татьяны Марковны, изображена съ тою вѣрностью, цѣльностью и любовью, которыхъ слѣдовало ожидать отъ поэта „Обломовки“. Здѣсь безподобна внѣшняя декорація, безподобно описаніе стараго дома, новаго дома, двора, обрыва, вида на Волгу, а выше всего — картина соннаго губернскаго города, къ которому прилегаетъ деревня Райскаго (часть II, гл. IV). Но не одна декорація поражаетъ здѣсь законченностью и поэтическимъ вдохновеніемъ. Фигуры, населяющія эту глушь, изображены не менѣе живо, выпукло и ярко. Вся деревня Бережковой превосходна. Этотъ Яковъ, солидный, задумчивый и набожный; этотъ нахальный и неотвязчивый Егорка-зубоскалъ; этотъ мрачный и неповоротливый Савелій, подъ грубою оболочкой таящій страстно и глубоко-любящее сердце; эта деревенская Мессалина, Марина; эта молчаливая, вѣчно-шепчущая Василиса, даже гномъ-Улита, образъ которой небрежно набросанъ въ нѣсколькихъ словахъ — какъ всѣ эти фигуры живо рисуются предъ вашими глазами! Для хода романа, для объясненія дѣйствія онѣ ненужны: въ его общей экономіи онѣ составляютъ роскошь; но кто, прочитавъ „Обрывъ“, согласился бы отказаться отъ этой роскоши, кто бы захотѣлъ, чтобъ эти фигуры были выключены изъ романа? Поднимемся ступенью выше

на гражданской лѣстницѣ — и мы увидимъ новыя лица, не болѣе Савелія или Марины нужныя для разсказа, но и не менѣе ихъ превосходно нарисованныя. Сюда принадлежитъ пьяный Опенкинъ, этотъ продуктъ безграничнаго гостепріимства, какимъ гордится провинція; сюда принадлежитъ генералъ Тычковъ, этотъ „серіозный“ человѣкъ, какъ называетъ его бабушка Татьяна Марковна, этотъ всеобщій авторитетъ города и околотка, авторитетъ обязанный обаяніемъ давности привычки, чину и звѣздѣ на груди, и признанный даже бабушкой, помнящею неблаговидное прошлое авторитета; сюда принадлежатъ мелькомъ появляющіеся (на именинномъ завтракѣ у бабушки) сынки провинціальнаго помѣщика, „гордость и счастье отца“, очерченные съ такимъ веселымъ юморомъ (часть III, гл. II). По нашему мнѣнію, едва ли можно причислить сюда „львицу“ Полину Карповну Крицкую, эту эксцентрическую барыню, ищущую, на старости лѣтъ, случая уронить свою репутацію и (оберегая себя отъ дѣйствительнаго паденія) прослыть женщиной свободныхъ нравовъ. Характеръ этотъ такъ дикъ и страненъ, что невольно рождается сомнѣніе въ его вѣроятности и подозрѣніе въ преувеличеніи. Мы почти готовы раздѣлить о Крицкой мнѣніе самого Райскаго (часть II, гл. XII): „А она не годится и въ романъ: слишкомъ карикатурна! Никто не повѣритъ“...

Къ характерамъ, не поставленнымъ около центра дѣйствія и, такъ сказать, не заинтересованнымъ въ его ходѣ, мы еще причислимъ двѣ фигуры, составляющія прелестный эпизодъ въ этомъ богатомъ эпизодами романѣ. Мы говоримъ объ учителѣ Леонтіи Козловѣ и о его женѣ Ульянѣ Андреевнѣ. Леонтій — ученый по призванію, чуждый вѣяній современной жизни, ушедшій въ свой замкнутый и немногимъ вѣдомый міръ, въ дѣйствительной жизни крайне наивный, неловкій и непрактическій человѣкъ. Онъ страстно любитъ свою жену, рыжую красавицу, „съ застывшимъ смѣхомъ въ лицѣ“ и римскимъ профилемъ, бойкую и ловкую, легкомысленную и чувственную. Она заботится о немъ, увѣренная, по ея собственнымъ словамъ (часть III, гл. XII), что только благодаря ея попеченіямъ „онъ одѣтъ, обутъ, ѣстъ вкусно, спитъ покойно“, что „если не посмотрѣть за нимъ, онъ мимо рта ложку пронесетъ“; она хлопочетъ о хозяйствѣ и съ задняго крыльца принимаетъ, какъ Леонтій наивно разсказываетъ своему другу Райскому, родителей учениковъ своего мужа съ различными подарками (часть II, гл. VII); а отъ скучной жизни съ нелюбимымъ мужемъ, ученымъ и неинтереснымъ, она развлекается интрижками съ различными господами, интрижками, которыхъ не замѣчаетъ и не подозрѣваетъ ея безхитростный супругъ. Контрастъ между этими двумя характерами, связанными судьбой и другъ друга непонимающими — изященъ и исполненъ глубокаго смысла. Леонтій Козловъ прекрасно олицетворяетъ то дѣтское простодушіе, то довѣрчивое невѣдѣніе жизни, которое такъ часто бываетъ у кабинетныхъ людей, живущихъ своею, книжною жизнію и обособившихся отъ міра сего. Такой-то человѣкъ полюбилъ всѣми силами души женщину, которая и по натурѣ и по воспитанію менѣе

всего способна оцѣнить его прекрасныя стороны и сочувственно понять его слабости. Пустая и необразованная, прозаическая и поверхностная, жена Козлова однакоже одарена какимъ-то опьяняющимъ, сладострастнымъ обаяніемъ, благодаря которому она обезоруживаетъ краснорѣчиваго друга своего мужа, Райскаго, пришедшаго было ее увѣщать, и вмѣсто того сдѣлавшагося ея любовникомъ (часть III, гл. XII). Прекрасенъ разсказъ о томъ, какъ Ульяна Андреевна покинула мужа (уйдя отъ него съ своимъ главнымъ любовникомъ, французомъ Шарль), и какъ неожиданный ударъ подѣйствовалъ на Козлова (часть IV, гл. VI); прекрасно дополняютъ характеристику Козлова и рисуютъ намъ его кроткую и любящую натуру слова его, обращенныя къ Райскому, когда тотъ съ изумленіемъ спросилъ его: „Ты хотѣлъ бы... ты принялъ бы ее (жену) теперь!...“

„— Ахъ, Борисъ, и ты не понимаешь! — почти съ отчаяніемъ произнесъ Козловъ, хватаясь за голову и ходя по комнатѣ. — Боже мой! Твердятъ, что я боленъ, сострадаютъ мнѣ, водятъ лѣкарей, сидятъ по ночамъ у постели и все-таки не угадываютъ моей болѣзни и лѣкарства какое нужно, а лѣкарство одно... Ея нѣтъ — вотъ моя болѣзнь. Я не боленъ, я умеръ: и настоящее мое и будущее все умерло, потому что ея нѣтъ! Поди, вороти ее, приведи сюда, и я воскресну!... А онъ спрашиваетъ: принялъ ли бы я ее! Какъ же ты романъ пишешь, а не умѣешь понять такого простого дѣла!“

Переходимъ отъ лицъ болѣе или менѣе постороннихъ и эпизодическихъ къ главнымъ лицамъ романа, къ обитателямъ барскаго дома въ Малиновкѣ и немногимъ другимъ, поставленнымъ къ нимъ въ ближайшія отношенія. Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ, если не по числу страницъ и строчекъ, ими занимаемыхъ, то по красотѣ и правдѣ изображенія, двѣ благородныя, старческія фигуры, Татьяна Марковна Бережкова, бабушка героя романа, и ея неизмѣнный другъ и рыцарь Титъ Никонычъ Ватутинъ. Этого послѣдняго можно было бы назвать заглавіемъ одного изъ Джемсовскихъ романовъ: A Gentleman of the old school, джентльменъ старой школы. Легкій оттѣнокъ юмора, наложенный авторомъ на его изображеніе (впрочемъ, съ тончайшимъ соблюденіемъ мѣры), эта кудрявость церемонной рѣчи, эта устарѣлость нѣкоторыхъ оборотовъ, эта старческая щеголеватость туалета не въ силахъ скрыть теплое сочувствіе автора къ этой столь удавшейся ему фигурѣ и еще менѣе въ силахъ повредить этому сочувствію у читателя. Мы увѣрены, что и читатель, вглядываясь, хотя бы иногда съ улыбкой, въ наружность, нравы и поступки стараго „джентльмена“, не въ силахъ будетъ не полюбить благороднаго старичка, который самъ такъ исполненъ любви и благодушія ко всѣмъ и всему окружающему. Титъ Никонычъ именно такая фигура, которая подъ перомъ Гончарова должна была выйти превосходною. Онъ провинціалъ, онъ старикъ, онъ добрякъ, онъ хлѣбосолъ, образованіе его старомодное, честность и благородство его несомнѣнны, онъ именно принадлежитъ къ этимъ фигурамъ, населяющимъ гончаровскія Stilleben (картины тихой жизни), какъ говорятъ нѣмцы, и неразрывно связаннымъ со всѣмъ бытомъ этого Stilleben. Конечно,

провинціальная обстановка и старый вѣкъ вырабатывали не однихъ благодушныхъ, незлобливыхъ Ватутиныхъ; конечно, Тычковы и Опенкины и еще болѣе мрачныя и отталкивающія явленія въ изобиліи встрѣчались тамъ, гдѣ взоръ могъ изрѣдка остановиться на какомъ нибудь Ватутинѣ; но зато сколько отрады въ этихъ свѣтлыхъ исключеніяхъ! Какъ симпатична каждая черта въ этомъ старикѣ, какъ мила его старосвѣтская вѣжливость, его обращеніе съ дамами! „Предъ дамой никогда не сядетъ и на улицѣ говоритъ безъ шапки, прежде всѣхъ подниметъ платокъ и подвинетъ скамеечку. Если въ домѣ есть дѣвицы, то принесетъ фунтъ конфетъ, букетъ цвѣтовъ и старается подладить тонъ разговора подъ ихъ лѣта, занятія, склонности, сохраняя утонченнѣйшую учтивость, смѣшанную съ неизмѣнною почтительностью рыцарей стараго времени, не позволяя себѣ нескромной мысли, не только намека въ рѣчи, не являясь предъ ними иначе какъ во фракѣ“ (часть I, гл. IX). Какъ просто его сознаніе своего достоинства, съ которымъ „онъ сохранялъ всегда учтивость и сдержанность въ словахъ и жестахъ, какъ бы съ кѣмъ близокъ ни былъ. И губернатору, и пріятелю, и новому лицу онъ всегда одинаково поклонится, шаркнетъ ногой и приподниметъ ее немного назадъ, соблюдая старинные фасоны вѣжливости“ (тамъ же). Какъ добродушна его щедрость и расточительность, которой хватаетъ не только на роскошные подарки внучкамъ его обожаемой Татьяны Марковны (часть IV, гл. X), но даже на милостыню въ триста рублей негодяю и отверженцу Марку Волохову (часть II, гл. IX)! Какъ трогательна его мягкость, не умѣющая осуждать и злословить, мягкость, съ которою онъ и объ этомъ ненавистномъ Маркѣ только говоритъ: „Онъ, такъ сказать, загадка для всѣхъ. Должно-быть, сбился въ ранней молодости съ прямого пути... Но, кажется, съ большими дарованіями и свѣдѣніями: могъ бы быть полезенъ“...

Можетъ-быть, черты, намѣченныя нами, покажутся читателю мелкими и мелочными; можетъ-быть, читатель увидитъ въ Титѣ Никонычѣ не болѣе какъ состарѣвшагося Манилова, сотканнаго изъ учтивыхъ фразъ и смѣшной церемонности. Но мы увѣрены, что едва ли кто останется при этомъ презрительномъ мнѣніи, прочитавъ весь романъ, и едва ли на кого не повѣетъ теплом отъ скромнаго и добраго человѣка, „старомодные фасоны вѣжливости“ котораго могутъ заставить улыбнуться, но развѣ тою хорошею улыбкой, которая на тысячу верстъ далека отъ иронiи и насмѣшки. Въ пятой части романа неожиданно раскрывается трагическая участь Ватутина, постигшая его въ молодости и легшая гнетомъ на всю его жизнь; и, признаемся, мы не были удивлены и не чувствовали ощущенія неправдоподобности, когда узнали, что этотъ тихій и ласковый человѣкъ былъ способенъ на сильную и роковую страсть, доведшую и его и любимую дѣвушку до трагическаго несчастія...

Обратимся теперь къ самому капитальному изъ всѣхъ характеровъ романа, къ „бабушкѣ“ Татьянѣ Марковнѣ Бережковой. Такой переходъ естественъ отъ Тита Никоныча, личность котораго неразрывно связана

съ бабушкой, и по годамъ, и воззрѣніямъ, и по прекраснымъ сторонамъ души, общимъ имъ обоимъ, и по ихъ долголѣтнему и близкому знакомству и, болѣе всего, хотя для всѣхъ окружающихъ (и до пятой части романа и для самого читателя) это составляетъ тайну, по той глубокой и страстной привязанности, которая съ ранней молодости соединила ихъ неразрывными узами.

Когда Райскій, будучи студентомъ, въ каникулы пріѣхалъ въ Малиновку и увидалъ вновь бабушку, которую оставилъ въ раннемъ дѣтствѣ, она ему показалась красавицей (часть I, гл. VII). И дѣйствительно, вся Татьяна Марковна, какъ она рисуется и раскрывается намъ въ пяти частяхъ романа, исполнена красоты, той красоты, которая происходитъ отъ совершеннаго согласія между натурой, убѣжденіями, поступками, обстановкой, отъ полной внутренней гармоніи. Бабушка въ высшей степени честная и прямая натура; съ сильною волей, перешедшею, при ея помѣщичьей привычкѣ повелѣвать, въ легкій деспотизмъ, она соединяетъ мягкость и нѣжность чувства, неразлучныя съ истинною женственностію. Райскій, который въ теченіе всего романа, сопровождаетъ каждое лицо, каждое событіе своими замѣчаніями и сентенціями, Райскій, размышленія котораго составляютъ почти полный критическій комментарій къ произведенію Гончарова, въ одномъ мѣстѣ (ч. II, гл. X), говоритъ себѣ: „Я бьюсь, чтобы быть гуманнымъ и добрымъ — бабушка не подумала объ этомъ никогда, а гуманна и добра. Я недовѣрчивъ, холоденъ къ людямъ и горячъ только къ созданіямъ своей фантазіи, бабушка горяча къ ближнему и вѣритъ во все. Я вижу, гдѣ обманъ, знаю, что̀ все — иллюзія, и не могу ни къ чему привязаться, не нахожу ни въ чемъ примиренія — бабушка не подозрѣваетъ обмана ни въ чемъ и ни въ комъ, кромѣ купцовъ, и любовь ея, снисхожденіе, доброта покоятся на тепломъ довѣріи къ добру и людямъ, а если я... бываю снисходителенъ, такъ это изъ холоднаго сознанія принципа — у бабушки принципъ весь въ чувствѣ, въ симпатіи, въ ея натурѣ. Я ничего не дѣлаю, она весь вѣкъ трудится“... Параллель весьма удачна, хотя послѣдняя антитеза грѣшитъ преувеличеніемъ. Бабушка, собственно говоря, не трудится, а наблюдаетъ и надзираетъ надъ чужимъ трудомъ. „То она заставитъ дѣвокъ кроить, шить, то чинить что-нибудь, то варить, чистить. Дѣлать все самой она называла смотрѣть, чтобы все при ней дѣлали. Она собственно не дотронется ни до чего, а старчески-граціозно подопретъ, одною рукой бокъ, а пальцемъ другой повелительно указываетъ, что̀ какъ сдѣлать, куда поставить, убрать“ (часть I, гл. VIII). Несмотря на это, бабушка — великая хозяйка и не безъ маленькаго педантизма соблюдаетъ у себя въ домѣ и въ имѣніи строжайшій порядокъ. Она хлѣбосольна и радушна, какъ только можно быть хлѣбосольной и радушной: и престарѣлая кокетка Крицкая, внушающая ей глубокое отвращеніе, и горькій пьяница Опенкинъ, личность вполнѣ неприличная, и даже пресловутый Маркъ Волоховъ, высланный въ городъ Татьяны Марковны за какія-то революціонныя затѣи и живущій подъ надзоромъ полиціи, Маркъ Волоховъ,

это живое отрицаніе всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ, этотъ ужасъ бабушки, — всѣ пользуются широкимъ, чисто-русскимъ гостепріимствомъ бабушки. Но, при всей своей добротѣ, Татьяна Марковна очень далека отъ того всепрощенія, того „изящнаго смиренія“ (выраженіе Гончарова), которымъ отличается ея другъ Титъ Никонычъ. Личности, которыхъ она угощаетъ у себя на славу, подвергаются, однакоже, ея строгому суду. Ея нравственныя понятія, чистыя и честныя, притомъ, конечно, старосвѣтскія, не имѣютъ податливости и уступчивости, идущей на всякіе компромиссы. Ея простыя и наивныя убѣжденія составляютъ для нея непреложныя аксіомы. Она очень умна, но умъ ея нашелъ себѣ опредѣленную сферу, въ которой онъ заключился и которой на старости лѣтъ, конечно, не покинетъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется намъ, пока мы видимъ бабушку лишь на аренѣ вседневной жизни, пока она не выступаетъ, въ концѣ романа, во всей силѣ своего характера. Съ юморомъ и остроуміемъ разсказываетъ Гончаровъ нѣсколько стычекъ, происшедшихъ между нею и внукомъ Райскимъ, привезшимъ въ ея мирную глушь гибкую шаткость скептическаго образа мыслей и словоохотливую діалектику образованнаго и празднаго человѣка. Привыкшій къ неправильной жизни холостого петербуржца, вращающагося то въ „свѣтѣ“, то въ мірѣ артистовъ, Райскій въ первый же день своего (второго) пріѣзда исчезаетъ изъ дома во время обѣда и возвращается лишь позднею ночью. Происходитъ очень забавная ссора, въ которой бабушка „со старческою граціей“ дуется и упрекаетъ любимаго ею внука въ невниманіи и пренебреженіи. Эта маленькая ссора открываетъ цѣлый рядъ мирныхъ и безобидныхъ стычекъ, въ которыхъ Райскій, къ изумленію бабушки, вовсе не подчиняющійся ея авторитету, принимается разрушать ея практическіе догматы и житейскую мудрость. Эти пренія Райскаго съ Бережковой и приводятъ его въ конечномъ результатѣ къ той параллели между нимъ и старушкой, которую мы выписали выше, и въ которой онъ признаетъ превосходство ея цѣльнаго и гармоническаго характера надъ своею изломанностью и пресыщенностію. Бабушка въ высшей степени консервативна, „говоритъ языкомъ преданій, сыплетъ пословицы, готовыя сентенціи старой мудрости, и весь наружный обрядъ жизни отправляется у ней по затверженнымъ правиламъ. Но когда Райскій приглядѣлся попристальнѣе, то увидѣлъ, что въ тѣхъ случаяхъ, которые не могли почему-нибудь подойти подъ готовыя правила, у бабушки вдругъ выступали собственныя силы, и она дѣйствовала своеобразно. Сквозь обветшавшую, а иногда никуда непригодную мудрость, у ней пробивалась живая струя здраваго практическаго смысла, собственныхъ идей, взглядовъ и понятій“. Она съ привычнымъ уваженіемъ соблюдаетъ церемоніалъ стародавнихъ приличій, но живое и теплое чувство ея иногда неожиданно сбрасываетъ съ себя стѣснительныя условія этого церемоніала, какъ въ томъ случаѣ, когда мать молодого Викентьева пріѣзжаетъ къ ней сватать своего сына за ея внучку Марѳиньку. Этотъ визитъ, по старомодному, долженъ непремѣнно быть

параднымъ, и бабушка, принимая давнишнюю и короткую знакомую, напускаетъ на себя важность, рядится въ богатый туалетъ, заводитъ разговоръ о погодѣ и о томъ и о семъ, прикидывается, что предложеніе, съ которымъ пріѣхала гостья, для нея совершенно неожиданно, тогда какъ не только молодые люди объяснились, но и чистосердечная Марѳинька сейчасъ же разсказала ихъ объясненіе бабушкѣ. Но этикетъ, соблюдаемый бабушкой, требуетъ непремѣнно, чтобы родители игнорировали всѣ неофиціальныя проявленія любви, чтобы вся инициатива *казалась* принадлежащею имъ. Викентьева, живая и нетерпѣливая, не выдержала этикета и сболтнула: „Марѳа Васильевна согласна: она любитъ Николеньку“, — и чуть не произошла бѣда, этикетъ былъ нарушенъ самымъ оскорбительнымъ образомъ, и, строго говоря, двумъ барынямъ оставалось только поссориться. Но въ рѣшительную минуту „у Татьяны Марковны пропала вся важность. Морщины разгладились, и радость засіяла въ глазахъ. Она сбросила на диванъ шаль и чепчикъ“ и обратилась къ гостьѣ со словами:

„— Мочи нѣтъ, жарко! Извините, душечка, скиньте мантилью, вотъ такъ, и шляпку тоже. Видите какая жара! Ну... мы ихъ накажемъ вмѣстѣ, Марья Егоровна: женимъ; у меня будетъ еще внукъ, а у васъ дочь. Обнимите меня, душенька! Вѣдь я только старый обычай хотѣла поддержать! Да видно не вездѣ пригожи они, эти старые обычаи!...

„Какое сватовство и церемонія между нами! Обѣ мы знали къ чему дѣло идетъ, и если бъ не хотѣли этого, такъ не допустили бы ихъ слушать соловья“.

Въ этой сценѣ, живо и увлекательно разсказанной, выступила, на этотъ разъ, конечно, въ случаѣ маловажномъ, особая сторона характера Татьяны Марковны, ея способность отрѣшаться отъ рутины тамъ, гдѣ сильно заговоритъ ея теплое, женственное чувство. Строю ея понятій и убѣжденій былъ сужденъ самый жестокій ударъ, ударъ, который въ то же время долженъ былъ поразить и ея сердце. Ея другая внучка и воспитанница, Вѣра, сестра Марѳиньки, влюбилась въ Марка Волохова и была имъ обольщена. Мы до поры отлагаемъ оцѣнку этого факта, какъ онъ является въ романѣ, и скажемъ только, что въ этомъ случаѣ, въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ, выказалось въ характерѣ Татьяны Марковны преобладаніе непосредственности, горячей и любящей натуры надъ строемъ непреложныхъ понятій. Изъ предыдущаго очерка, который мы пытались представить, прибѣгая нерѣдко къ словамъ самого подлинника, читатель могъ заключить, до чего у женщины, подобной Татьянѣ Марковнѣ, нравственные догматы должны быть чисты и суровы; такими, дѣйствительно, они выказываются во многихъ мѣстахъ романа (часть I, гл. VII, XI; часть II, гл. XII и др.). И вдругъ, въ собственной семьѣ, въ лицѣ своей же воспитанницы, она должна видѣть падшую женщину! Но здѣсь фигура бабушки, безъ всякой надобности, претерпѣваетъ неожиданное помраченіе. Авторъ принесъ ея чистоту въ жертву главной героинѣ своего романа. Мы знаемъ Татьяну Марковну достаточно для того, чтобы понять, что она не остановится на безвозвратномъ и безжалостномъ приговорѣ, который внушалъ ей ея строгій

и неуступчивый нравственный кодексъ; въ этомъ порукой намъ служитъ ея сердце, ея доброта, ея любовь. При извѣстіи о случившейся „бѣдѣ“ она впадаетъ въ состояніе какого-то помѣшательства, изъ котораго ее сразу приводитъ въ сознаніе другое извѣстіе, о болѣзни Вѣры. Какъ бы горе ни было законно и искренно, но оно можетъ сдѣлаться эгоистическимъ, и сильная, великодушная женщина, предавшаяся было своей скорби до забвенія, сейчасъ же пробуждается къ тревожной и сознательной заботѣ, лишь только до ея чуткаго слуха доходитъ вѣсть о новой опасности и случаѣ помочь. „Усталости какъ не бывало. Жизнь воротилась къ ней, и Райскій радовался, какъ доброму другу, страху на ея лицѣ“ (часть V, гл. VIII). Все это прекрасно; но зачѣмъ же было нужно осквернять эту милую, добрую, чистую бабушку проступкомъ, учиненнымъ ею въ молодости и оставшимся безъ всякихъ послѣдствій и неузнаннымъ? Зачѣмъ понадобилось выдумывать исторію ея паденія, которою ничего не объясняется и которая является грубою и безсмысленною случайностію. Авторъ оскорбилъ въ лицѣ бабушки нравственное чувство читателя и нарушилъ требованія художественной истины для того, чтобы приподнять свою главную героиню въ ея фальшивомъ достоинствѣ и какъ бы узаконить и облагородить мерзость ея паденія.

Безъ этого фальшиваго эпизода, который было бы легко выкинуть, ничего не разстраивая въ экономіи романа, отношеніе Татьяны Марковны къ поступку Вѣры, ея глубокое горе, но вмѣстѣ съ тѣмъ ея полное любви прощеніе прекрасно дополнили бы характеръ бабушки и выяснили бы предъ нами его сущность. Въ образѣ Татьяны Марковны съ замѣчательною полнотой изображена женщина, вскормленная преданіемъ и мудростью старыхъ временъ, крѣпко привязанная ко всему ее окружающему, чуждая сомнѣній и разлада, но чуждая ихъ не по ограниченности ума, не по бѣдности внутренняго міра, а напротивъ того, богато одаренная, нѣжно чувствующая натура, съ тонкимъ чутьемъ правды, умѣющая дополнять узкій кругозоръ завѣщанныхъ истинъ тѣмъ непосредственнымъ угадываніемъ, которое дается въ удѣлъ лишь немногимъ избраннымъ, которое есть несомнѣнный признакъ поэтической души.

Въ образѣ Бережковой романъ достигъ своей высшей точки: ни въ одномъ изъ остальныхъ характеровъ мысль художника не достигла такого живого выраженія. Для дарованія Гончарова въ высшей степени характеристично, что этотъ наилучше удавшійся характеръ романа опять принадлежитъ къ старымъ людямъ, что авторъ помѣстилъ его въ провинціи; сказанное нами въ началѣ статьи о той особенной спеціальности, которая замѣтна въ талантѣ Гончарова, здѣсь находитъ новое подтвержденіе. Талантъ нашего автора торжествуетъ, гдѣ онъ имѣетъ дѣло со строемъ внутренней жизни, которой не коснулись вѣянія новѣйшаго разлада и скептицизма. Такую цѣльность и наивность жизни въ нашихъ романахъ и повѣстяхъ обыкновенно приписываютъ людямъ „стараго поколѣнія“; но, разумѣется, она можетъ быть и у молодыхъ людей: здѣсь вопросъ не всегда въ поколѣніи,

къ которому принадлежитъ лицо, но въ обстановкѣ, воспитаніи, вліяніяхъ, наконецъ, въ индивидуальности самого лица. Въ „Обрывѣ“ есть и молодые люди, живущіе въ полномъ ладу со своею обстановкой, чуждые недовольства средой и внутренняго протеста, молодые люди не дошедшіе и не обѣщающіе дойти до того безплоднаго отрицательнаго анализа, до той изящной ироніи надъ всѣмъ окружающимъ, до того интересничанья внутренними страданіями собственнаго издѣлія, который (опять въ нашихъ романахъ и повѣстяхъ) отчасти прежде составляли, отчасти теперь составляютъ признаки людей „новаго поколѣнія“. И эти молодые люди, гармонирующіе со старыми людьми и со всею своею обстановкой, у Гончарова опять-таки изображены превосходно. Мы сейчасъ говорили, что вопросъ о внутренней гармоніи и наивности душевнаго строя зависитъ, помимо другихъ условій, и отъ индивидуальности лица. Въ „Обрывѣ“ авторъ изобразилъ двухъ сестеръ почти одинаковыхъ лѣтъ, выросшихъ при совершенно тождественныхъ условіяхъ, вдобавокъ и вмѣстѣ, среди самой мирной и старосвѣтской обстановки, подъ крылышкомъ Татьяны Марковны, и однако развившихся въ полную противоположность. Одна изъ нихъ оторвалась отъ преданія, отъ вѣрованій старины, освободилась отъ всѣхъ ея вліяній, стала „молодымъ поколѣніемъ“; другая крѣпко приросла къ своей почвѣ, вѣритъ въ одно со стариной, и не чувствуя потребности, даже не видя возможности поколебать ея ученіе, осталась „старымъ поколѣніемъ“. Первая героиня романа, его примадонна, его donna primissima, какъ выразился Троллопъ о героинѣ одного изъ своихъ романовъ[1]), справедливо полагая и между примадоннами нѣкоторую іерархію; вторая также примадонна, съ хорошею ролью и отлично костюмированная, но все-таки второстепенная. Обратимся къ послѣдней.

Марѳа Васильевна или Марѳенька (этимъ уменьшительнымъ зовутъ ее и авторъ, и почти всѣ лица въ романѣ, кромѣ, разумѣется, вѣжливаго Тита Никоныча), „свѣжая, бѣлокурая, здоровая, склонная къ полнотѣ дѣвушка, живая и веселая. Она прилежна, любитъ шить, рисуетъ... любитъ домашнія заботы... разливаетъ чай и вообще присматриваетъ за хозяйствомъ... Желанія у ней вращаются въ кругу ея быта: она любитъ, чтобы Святая недѣля была сухая, любитъ Святки, сильный морозъ, чтобы сани скрипѣли и за носъ щипало. Любитъ катанье и танцы, толпу, праздники, пріѣздъ гостей и выѣзды съ визитами — до страсти... Но, несмотря на страсть къ танцамъ, ждетъ съ нетерпѣніемъ лѣта, поры плодовъ, любитъ, чтобы много вишенъ уродилось и арбузы вышли большіе, а яблоковъ народилось бы столько, какъ ни у кого въ садахъ... Она никогда не задумывалась и смотрѣла на все бодро, зорко“. (Часть II, гл. XI.) Въ душѣ этого веселаго, цвѣтущаго созданія, конечно, нѣтъ мѣста для неопредѣленной тоски, для скуки и отвращенія къ окружающему. *Отрицаніе* къ ней не прививается, и Райскій, отъ нечего дѣлать подвергающій анализу всѣхъ,

[1]) „The Bertrams“.

кто ему попадается, а въ особенности женщинъ, тщетно силится найти у ней зародышъ разлада или недовольства средой.

— Скажи, Марѳенька, — началъ онъ однажды, сидя съ нею въ сумерки на дерновомъ диванѣ, подъ акаціями: — не скучно ли тебѣ здѣсь? Не надоѣли тебѣ бабушка, Титъ Никонычъ, садъ, цвѣты, пѣсенки, книжки съ веселымъ окончаніемъ?

Марѳенька предъ тѣмъ говорила Райскому, что она любитъ только такія повѣсти, гдѣ исходъ счастливый.

„Нѣтъ, — сказала она, удивляясь этимъ вопросамъ, — чего же мнѣ еще нужно?“

— Не кажется тебѣ иногда это... однообразно, пошло, скучно?

„Пошло, скучно? — повторяла она задумчиво. — Нѣтъ! Развѣ здѣсь скучно?“

— Все это ребячество, Марѳенька: цвѣты, пѣсенки, а ты ужъ взрослая дѣвушка (онъ бросилъ бѣлый взглядъ на ея плечи и бюстъ): ужели тебѣ не приходитъ въ голову что-нибудь другое, серіозное? Развѣ тебя ничто больше не занимаетъ?

Она задумалась, потупивъ глаза. Ей было немного стыдно и неловко что ее считаютъ еще ребенкомъ. „А вѣдь я давно не ребенокъ: мнѣ идетъ четырнадцать аршинъ матеріи на платье, столько же, сколько бабушкѣ... нѣтъ, больше: бабушка не носитъ широкихъ юбокъ“, успѣла она въ это время подумать. „Но, Боже мой! что это за вздоръ у меня въ головѣ? Что я ему скажу? Пусть бы Вѣрочка поскорѣе пріѣхала на подмогу“. (Сестра ея въ это время гостила за Волгой, и Райскій покамѣстъ занимался Марѳенькой.) Она не знала, что ей надо дѣлать, чтобы быть не ребенкомъ, чтобы на нее смотрѣли, какъ на взрослую, уважали, боялись ея. Она безпокойно оглядывалась вокругъ, тиранила пальцами кончикъ передника, смотрѣла себѣ подъ ноги. У ней многое проносилось въ головѣ, росли мысли, являлись вопросы, но такъ туманно, блѣдно, что она не успѣвала вслушиваться въ нихъ, какъ онѣ исчезали, и не умѣла высказать.

„Послушайте, братецъ, — отвѣчала она: — вы не думайте, что я дитя, потому что люблю птицъ, цвѣты, я и дѣло дѣлаю. Бабушка часто велитъ мнѣ записывать приходъ и расходъ. Я знаю, сколько засѣвается ржи, овса, когда что поспѣваетъ, куда и когда сплавляютъ хлѣбъ, знаю сколько лѣсу надо мужику, чтобъ избу построить...“ Она смѣло поглядѣла на него. — Я бы могла и за полевыми работами смотрѣть, да бабушка не пускаетъ. Что же еще? — прибавила она, глядя на него во всѣ глаза и думая: выросла ли она хоть немного въ его глазахъ?

— Да, все это, конечно, хорошо, и со временемъ изъ тебя можетъ выйти такая же бабушка. Развѣ ты хотѣла бы быть такою?

„Ахъ, дай Богъ; да гдѣ мнѣ?“

— А другою тебѣ не хочется быть?

„Зачѣмъ? Вѣдь если бъ я была другою, я бы здѣсь была не на мѣстѣ...

— Такъ, умно сказано, Марѳенька: да зачѣмъ же здѣсь? Ты слыхала про Москву, про Петербургъ, про Парижъ, Лондонъ: развѣ тебѣ не хотѣлось бы побывать вездѣ?

„Зачѣмъ мнѣ?“

— Какъ зачѣмъ? Ты читаешь книги, тамъ говорится, какъ живутъ другія женщины, вонъ хоть бы эта Елена у Миссъ Эджевортъ; развѣ тебя не тянетъ, не хочется тебѣ испытать этой другой жизни?...

Она медленно и задумчиво качала головой.

„Нѣтъ, — сказала она, — чего не знаешь, такъ и не хочется. Вотъ Вѣрочка, той все скучно, она часто груститъ, сидитъ, какъ каменная, все ей будто чужое здѣсь; ей бы надо куда-нибудь уѣхать, она не здѣшняя. А я... ахъ, какъ мнѣ здѣсь хорошо въ полѣ, съ цвѣтами, съ птицами, какъ дышится легко! какъ весело, когда съѣдутся знакомые!... Нѣтъ, нѣтъ, я здѣшняя, я вся вотъ изъ этого песочку, изъ этой травки! Не хочу никуда".

Райскій, однакоже, продолжаетъ закидывать ее вопросами и приводитъ ее все въ большее замѣшательство. Наконецъ онъ ее спрашиваетъ:

— Не мучаешься ты ничѣмъ внутренно? Нѣтъ ничего у тебя на душѣ?

„Она глубоко вздохнула. „Бабушка велѣла, чтобъ ужинъ былъ хорошій, — вотъ что у меня на душѣ: какъ я ему скажу это!" подумала она". (Часть II, гл. XIII.)

Этотъ прелестный разговоръ, который мы, къ сожалѣнію, по объему его не можемъ привести здѣсь вполнѣ, и предъ Райскимъ и предъ читателемъ вполнѣ выяснилъ граціозную и невинную фигуру Марѳеньки, этого безмятежно-счастливаго существа, этой, какъ выразился умиленный Титъ Никонычъ (часть IV, гл. III) „распускающейся, такъ сказать, розы на стебелькѣ, до коей даже дыханіе вѣтерка не смѣетъ прикоснуться". Марѳенька глубже и поэтичнѣе, чѣмъ сумѣлъ бы это сдѣлать Райскій со всѣмъ своимъ анализомъ, опредѣлила себя въ немногихъ словахъ: „я здѣшняя, я вся вотъ изъ этого песочку, изъ этой травки!" говоритъ она, мѣткимъ словомъ давая чувствовать свою живую, органическую связь съ тою почвой, на которой она стоитъ. Надъ каждою чертой характера Марѳеньки, надъ каждомъ событіемъ, касающимся ея, какъ надъ выписаннымъ мною отрывкомъ, разлито это чувство отрадной гармоніи и глубокаго счастія; отъ каждаго поступка, каждаго слова ея вѣетъ тою же наивною дѣтскою граціей. Такою же какъ въ разговорѣ съ Райскимъ Марѳенька является намъ и въ сценѣ объясненія съ Викентьевымъ (часть III, гл. XVI), и въ послѣдующихъ сценахъ съ женихомъ (гл. XVIII и XIX), и въ своихъ посѣщеніяхъ деревни и мужиковъ (часть II, гл. XI, часть IV, гл. X), и въ день своего рожденія незадолго предъ свадьбой (часть V, гл. I). Лишенная глубины и силы характера бабушки, лишенная ея энергіи и страстности, Марѳинька, однако, подобна ей въ своемъ отношеніи къ окружающему, въ своемъ сродствѣ съ „этимъ песочкомъ", съ „этою травкой", въ которое она поэтично облекла мысль о полномъ, тепломъ, гармоническомъ единствѣ своей натуры, своихъ вѣрованій и своей обстановки.

Къ молодымъ людямъ, которые, по вышеопредѣленнымъ признакамъ, вполнѣ принадлежатъ къ „старому поколѣнію" относится и Викентьевъ, который въ теченіе романа дѣлается женихомъ и мужемъ Марѳеньки. Но о немъ мы не считаемъ нужнымъ долго распространяться, хотя онъ и очерченъ съ большою веселостью и живостью. Мы не сомнѣваемся въ его добротѣ, въ искренности его любви къ Марѳенькѣ; въ теченіе романа мы видимъ много свидѣтельствъ его неусидчивости, а также его огромнаго аппетита. Мы не имѣемъ ни малѣй-

шаго повода подозрѣвать въ немъ какой-нибудь разладъ, или внутреннее бореніе. Но едва ли мы будемъ слишкомъ строги, сказавъ, что тѣ же или почти тѣ же черты, которыя у Марѳеньки, являются дѣтски-граціозными, нѣсколько увеличенныя въ физіономіи Викентьева, дѣлаются уже ребяческими. Быть-можетъ, это потому, что онъ мужчина, и въ суммѣ его качествъ недостаетъ плюса той нѣжной прелести, которая такъ рѣшительна въ дѣйствіи, производимомъ молодою дѣвушкой и въ жизни и даже въ чтеніи; быть-можетъ, это потому, что въ мужчинѣ мы привыкли скорѣе ожидать присутствіе мысли, и глубже сожалѣемъ, когда она въ немъ отсутствуетъ... Тѣмъ не менѣе Викентьевъ, говоря языкомъ Татьяны Марковны, „буфонитъ“ иногда очень забавно и значительно оживляетъ романъ, въ которомъ преобладаютъ люди совсѣмъ иного и не слишкомъ веселаго свойства, люди, съ характерами которыхъ намъ еще остается познакомиться.

Самое большое мѣсто въ романѣ занимаетъ внукъ Татьяны Марковны, троюродный братъ Вѣры и Марѳеньки, Борисъ Павловичъ Райскій, и занимаетъ не событіями относящимися до него, и даже не разговорами, а болѣе всего своими монологами, размышленіями, изліяніями. Авторъ довольно подробно разсказываетъ жизнь Райскаго почти съ колыбели, описываетъ его дѣтство, отрочество, юность. Въ пяти частяхъ романа разсѣяно множество чертъ, служащихъ для характеристики Райскаго, но всѣ эти черты однородны и сводятся къ весьма немногимъ крупнымъ признакамъ. Райскій принадлежитъ къ нѣсколько устарѣлому въ нашей литературѣ типу развитыхъ и скучающихъ людей, стоящихъ въ сознаніи (мы чуть было не сказали: въ собственномъ мнѣніи) гораздо выше окружающей ихъ среды, людей много читавшихъ, много пожившихъ, красно говорящихъ, отрицательно добродушныхъ и неизлѣчимо-праздныхъ. Эти господа знакомы намъ еще съ Пушкинскаго Онѣгина; чрезъ множество варіантовъ, черезъ Бельтова Герцена и Тургеневскихъ героевъ, типъ этотъ (давно оставленный, напримѣръ, Тургеневымъ) прошелъ до нашихъ дней и разбираемаго романа. Повидимому, тутъ есть одно большое различіе, на которое авторъ романа кладетъ сильнѣйшій вѣсъ, черта, къ которой онъ постоянно возвращается и которую считаетъ какъ бы важнѣйшею въ характерѣ Райскаго. Это артистическія наклонности Райскаго, его живописный и музыкальный талантъ, его эстетическая наблюдательность, его культъ красоты. Разработавъ съ большою подробностью и очевидною любовью эту сторону своего героя, Гончаровъ намѣтилъ много чертъ дѣйствительно изящныхъ и правдивыхъ, напримѣръ, описаніе того, какъ маленькій Райскій въ школѣ изучалъ не уроки, а учителя и товарищей, вглядываясь въ малѣйшія подробности ихъ физіономій, пріемовъ и нравовъ (часть I, гл. VI). Не говоримъ уже о томъ, что подъ видомъ наблюденій Райскаго (особенно во второй и третьей части) намъ предлагается запасъ наблюденій самого Гончарова, картины деревенской жизни и очерки провинціальныхъ характеровъ. Въ цѣломъ же, въ окончательномъ выводѣ, который дѣлается читателемъ по прочтеніи всего

романа, Райскій совсѣмъ не представляется тѣмъ, чѣмъ онъ самъ себя величаетъ (часть III, гл. VI), „художественною натурой“. Призваніе Райскаго къ искусству не что иное, какъ та лишенная производительности, но много-поглощающая воспріимчивость, которая нерѣдко бываетъ у способныхъ и живо-чувствующихъ людей, вовсе не дѣлая изъ нихъ художниковъ. У такихъ людей бываетъ утонченное критическое чутье, пониманіе формы и страсть къ изящному, и эти качества, которыя они любятъ воспитывать и лелѣять въ себѣ чтеніемъ, смотрѣніемъ картинъ, слушаніемъ музыки, которыя, такимъ образомъ, развиваются у нихъ на счетъ остальныхъ сторонъ души, нерѣдко дразнятъ и увлекаютъ ихъ къ собственнымъ опытамъ на художественномъ поприщѣ. Но лишенные творческой силы и не вѣдая того повелительнаго зова, того „требованія къ священной жертвѣ“, которое знакомо художникамъ настоящимъ, эти люди бросаются изъ стороны въ сторону, хватаются за различные жанры, тщетно отыскивая свое истинное призваніе, тщетно надѣясь установиться на найденномъ и остаться ему вѣрными на всю жизнь. Ихъ занятіе искусствомъ не болѣе, какъ праздный дилетантизмъ, хотя бы образованный и облагороженный, ихъ дѣятельность заключается въ рядѣ попытокъ безъ внутренняго прогресса, попытокъ произвольныхъ и случайныхъ, безполезныхъ для искусства и горько-разочаровывающихъ самихъ дилетантовъ, въ томъ случаѣ, когда они не упоены самомнѣніемъ и тщеславіемъ. Райскій носитъ всѣ признаки этого изящнаго и безплоднаго дилетантизма: онъ никогда не имѣлъ терпѣнія одолѣть технику какого-нибудь искусства, терпѣнія, присущаго истиннымъ художникамъ, которымъ неутолимый жаръ творчества даетъ силу побѣдить прозаическія трудности механизма, не охлаждаясь отъ ихъ соприкосновенія и не чувствуя ихъ гнета. Онъ никогда не зналъ, какое призваніе, къ какому искусству вложила въ него природа: въ началѣ романа мы застаемъ его за картинами и литературными очерками, въ большей части романа за портретами и за романомъ, а въ концѣ — за элементарными уроками скульптуры, которой онъ дотолѣ не вѣдалъ и за которую принимается уже съ сѣдинами въ волосахъ! Райскій не имѣетъ и той объективности, того уваженія и любви къ явленіямъ дѣйствительности, которыя составляютъ другой признакъ истиннаго художника: онъ моралистъ и проповѣдникъ, онъ имѣетъ свою схему понятій и требованій, за которыя ратуетъ, которыя навязываетъ и Бѣловодовой, и бабушкѣ, и Марѳенькѣ. Настоящій художникъ любитъ въ живомъ явленіи, въ личности именно ихъ самобытность, ихъ индивидуальный характеръ, ихъ выразительность, посредствомъ которой въ нихъ сказывается идея. Вотъ почему художникъ съ сильнымъ призваніемъ такъ чуждъ тенденціозности, вотъ почему онъ способенъ воспринимать и воспроизводить такія различныя, такія противоположныя явленія. И Райскій въ одномъ мѣстѣ (часть II, гл. XII) является намъ такимъ, прося бабушку не вмѣшиваться въ драму разыгрывающуюся между Савеліемъ и Мариною, не прерывать ее своими мѣрами и распоряженіями: „Въ кои-то вѣки, — восклицаетъ онъ, — тутъ

завязался настоящій человѣческій интересъ, сложился въ драму, а вы мѣшать!... Оставьте, ради Бога!" Но это „оставьте" является какъ исключеніе, вѣроятно, потому, что грубые крѣпостные люди слишкомъ далеки отъ Райскаго, и онъ, не питая къ нимъ ни малѣйшаго участія, относится къ нимъ объективно. Въ другомъ мѣстѣ (часть III, гл. I) Гончаровъ кратко, но довольно опредѣленно объясняетъ отношеніе Райскаго къ такъ называемымъ современнымъ идеямъ, при чёмъ говоритъ, что Райскій „добродушно и снисходительно воевалъ съ бабушкой, видя, что подъ старыми, заученными правилами, таился здравый смыслъ и житейская мудрость, и лежали сѣмена тѣхъ началъ, что̀ безусловно присвоила себѣ новая жизнь, но что̀ было только завалено уродливыми формами и наростами въ старой". Что̀ можетъ быть прозаичнѣе, суше, тенденціознѣе этого „добродушія" и „снисхожденія"? Тотъ художникъ, который еще въ дѣтствѣ не могъ слушать учителя, потому что ушелъ въ наблюденіе надъ нимъ, „какой онъ, какъ говоритъ, какъ нюхаетъ табакъ, какія у него брови, бакенбарды", встрѣтясь здѣсь, въ порѣ самаго зрѣлаго развитія своихъ душевныхъ силъ, а слѣдовательно и художническихъ, съ такимъ цѣльнымъ, самобытнымъ и поэтическимъ характеромъ, какъ бабушка, не впивается въ этотъ чудный образъ глазами художника, а занимается просвѣщеннымъ либеральничаньемъ, „снисходительно" прощая бабушкѣ ея отсталость за то, что у ней, пожалуй, отыщутся кое-какіе зародыши современныхъ прогрессивныхъ идей! Мы отказываемся признать въ этой постоянной пропагандѣ, въ этомъ словоохотливомъ ратованіи черту, совмѣстимую съ художническою натурой: это опять тотъ же дилетантизмъ, то же дѣло отъ бездѣлья, какъ и живопись и поэзія Райскаго, только дилетантизмъ искусства замѣненъ дилетантизмомъ тенденціи. И потому въ такомъ человѣкѣ, какъ герой Гончарова, вдвойнѣ странно поражаютъ такія уже и сами-по-себѣ неправдоподобныя черты, какія въ V части романа являются для вящаго подтвержденія „художественности" натуры Райскаго. Глядя на бабушку, которая послѣ полученія ужасной для нея вѣсти о проступкѣ Вѣры впала въ какой-то сомнамбулизмъ и безсознательно бродитъ по окрестностямъ своего дома, Райскій, который (по всему предыдущему) весь погруженъ въ семейное горе, да и вообще весь полонъ нѣжнаго участія къ своимъ, вдругъ начинаетъ мысленно уподоблять бабушку Марѳѣ Посадницѣ, сосланнымъ русскимъ боярынямъ (часть V, гл. VII). Усталая, измученная раскаяніемъ и болѣзнью, Вѣра приходитъ въ комнату Райскаго говорить съ нимъ о весьма важномъ для нея дѣлѣ, о письмахъ, полученныхъ ею отъ обольстившаго ее господина, а Райскій не понимаетъ, не слышитъ словъ, которыя бы въ другое время подѣйствовали на него, какъ прикосновеніе „каленаго желѣза" (выраженіе автора). Онъ находится въ состояніи вдохновенія. У него „волосы поднимаются, мурашки бѣгаютъ", готовы брызнуть слезы. Онъ начинаетъ писать портретъ Вѣры и, не замѣчая ея утомленія, все пишетъ, „блѣдный отъ артистическаго раздраженія", пока та не засыпаетъ (часть V, гл. XIV). Въ обоихъ разсказанныхъ

здѣсь случаяхъ утрировка такъ непріятно-ощутительна, такъ сразу бросается въ глаза, что производитъ дѣйствіе прямо противоположное предположенному. Читатель еще съ большею силой вспоминаетъ, какъ поверхностно и безсильно до тѣхъ поръ бывало вдохновеніе Райскаго, и не можетъ увѣровать въ этого новаго Райскаго, внезапно поднятаго на ходули.

Впрочемъ, въ характерѣ Райскаго противорѣчія разсыпаны щедрой рукой. Мы говоримъ совсѣмъ не о томъ непостоянствѣ, которое описываетъ самъ авторъ, говоря о контрастахъ, которые совмѣщалъ въ себѣ его герой (часть I, гл. VI). Это непостоянство черта весьма правдивая, оно должно быть въ человѣкѣ безъ опредѣленнаго стремленія, безъ идеала, безъ воли, каковъ Райскій, и слѣдуетъ прибавить, что эта черта очень тонко выдержана въ романѣ. Но въ Райскомъ есть еще совсѣмъ другія противорѣчія, которыя уже никакъ нельзя объяснить его измѣнчивостью, его обычаемъ переходить изъ одной крайности въ другую. Посмотрите, какъ онъ знакомится со своею троюродною сестрой, съ красавицей Вѣрой. Съ перваго взгляда она производитъ на него сильнѣйшее впечатлѣніе, заставляетъ его совершенно забыть о существованіи Марѳеньки, „развитіе“ которой его недавно такъ безпокоило, а немного спустя онъ влюбляется въ нее безъ памяти. Но мы знаемъ изъ первой части (гл. XIII и XV), какъ опытенъ Райскій въ дѣлѣ любви и женщинъ, мы знаемъ также, что ему за тридцать лѣтъ, что у него волосы съ просѣдью (часть I, гл. I); это намъ нѣсколько разъ повторяютъ. И вотъ, предъ изумленными глазами читателя, Райскій начинаетъ „приставать“ къ Вѣрѣ самымъ докучливымъ, самымъ невыносимымъ образомъ, съ перваго раза закидываетъ ее вопросами, напрашивается къ ней въ руководители (часть II, гл. XVI), и, несмотря на ея очевидную, и даже слишкомъ очевидную и рѣзко выраженную холодность, лѣзетъ къ ней съ кипами книгъ, неожиданно врываясь въ ея комнату и добродушно объясняя ей свой странный поступокъ такими словами: „улетимъ куда-нибудь на крыльяхъ поэзіи, будемъ читать, мечтать, понесемся вслѣдъ за поэтами“ (часть II, гл XXI). Такая неслыханная, наивная навязчивость еще возможна у очень неопытнаго и притомъ горячаго юноши, хотя, конечно, и тутъ обличаетъ натуру грубоватую, самоувѣренную и простодушную. Но Райскій искушенъ опытомъ многихъ лѣтъ; ничѣмъ онъ такъ постоянно не занимался, какъ изученіемъ женщинъ, кокетничаніемъ съ ними, „любовью“ въ самыхъ утонченныхъ, а также и въ грубыхъ формахъ. Кромѣ того, онъ человѣкъ хорошаго общества, гдѣ могъ научиться не навязывать себя другимъ; кромѣ того, онъ тонко-чувствующая натура, для которой слишкомъ довольно было перваго урока, полученнаго имъ отъ Вѣры, когда онъ спросилъ ее не, боится ли она его, а она поглядѣла на него *во всѣ глаза, съ язвительнымъ удивленіемъ* (гл. XVI). Другія неправдоподобности, бросающіяся въ глаза въ характерѣ Райскаго, находятся въ тѣсной связи съ исторіей Марка Волохова и Вѣры, а потому и будутъ указаны при разборѣ этихъ характеровъ, а неправдоподобность,

въ которой совсѣмъ не виноватъ Райскій, но о которой намъ не приходилось упомянуть раньше, есть слѣдующая: Райскій такъ очевидно для всѣхъ окружающихъ ухаживаетъ за Вѣрой, дуется на нее, огорчается ея отсутствіемъ и т. п., что не замѣтить его любви къ ней весьма трудно для нихъ. И мы въ романѣ находимъ два прямыя указанія на то, что любовь Райскаго не была тайной для прислуги и сосѣдей. Егоръ, лакей Райскаго, всеобщій любимецъ женской половины дворни и извѣстный подъ именемъ „Егорки-зубоскала", приводитъ двухъ дѣвокъ къ перегородкѣ комнаты Райскаго смотрѣть въ щель, какъ баринъ ходитъ и говоритъ самъ съ собой. „Экъ его разбираетъ!" говоритъ Егорка, „врѣзамшись, должно-быть, въ Вѣру Васильевну" (часть IV, гл. IV). И хотя дѣвушка, любующаяся вмѣстѣ съ Егоркой на барина, приходитъ въ негодованіе отъ такого предположенія и говоритъ ему: „ври, да не смѣй трогать барышень", однакоже въ другомъ мѣстѣ (часть IV, гл. VI) люди Татьяны Марковны, *не спрошенные Райскимъ*, говорятъ ему: „барышни нѣтъ!" когда онъ, возвратившись домой послѣ поѣздки съ губернаторомъ по его губерніи, „тоскливо оглядѣлся вокругъ себя". Другое доказательство того, что любовь Райскаго къ Вѣрѣ была замѣчена (и что даже слухъ объ этой любви проникъ въ городъ) видно въ словахъ Ульяны Андреевны къ Райскому: „Развѣ ничего не осталось на мою долю въ этомъ сердцѣ?... *Развѣ все отдали Вѣрѣ?*" (часть III, гл. XII). Но есть и другія менѣе рельефныя обстоятельства, которыя обнаруживаютъ, что Райскій не умѣлъ скрывать свою страсть отъ окружавшихъ его лицъ. Ближе всего, конечно, она была замѣтна для его родныхъ, т.-е. для бабушки и Марѳеньки. Что имъ слѣдовало подумать, когда Райскій, которому до смерти хотѣлось узнать, отъ кого Вѣра получила нѣкое письмо на синей бумагѣ, „освѣдомлялся осторожно у Марѳеньки и бабушки, къ кому всѣ онѣ пишутъ и кто пишетъ къ нимъ".

— Да кто пишетъ: ко мнѣ никто, — сказала бабушка, — а къ Марѳенькѣ недавно изъ лавки купецъ письмо прислалъ...

„Это, бабушка, не письмо, а счетъ за шерсть, за узоры: я забирала у него.

— А къ Вѣрочкѣ купецъ не присылалъ? — спросилъ Райскій.

„— И къ ней присылалъ: она для попадьи забирала...

„— Не на синей ли бумагѣ?

„— Да, на синей: вы почемъ знаете?" (Часть III, гл. VI.)

Какъ видите, Марѳенька уже подчеркнула своимъ „вы почемъ знаете" не совсѣмъ скромный и не совсѣмъ обыкновенный вопросъ Райскаго о цвѣтѣ бумаги. Но этого мало. Вѣра солгала Райскому, что письмо это она получила отъ попадьи, своей подруги. У Райскаго „гора съ плечъ свалилась", и онъ такъ мало владѣетъ собой, что при бабушкѣ и Марѳенькѣ вдругъ дѣлаетъ слѣдующую выходку:

„— Письмо отъ попадьи! вдругъ — брякнулъ Райскій.

„— Какое письмо? — сказали обѣ, Марѳенька и бабушка.

„— А то, что на синей бумагѣ, о которомъ я недавно спрашивалъ" (гл. VI).

Это очень забавно, очень хорошо подмѣчено, очень остроумно, но во всякомъ случаѣ послѣ этихъ словъ Райскаго бабушка и Марѳенька не могутъ не догадаться, что Райскій влюбленъ. Но и этого мало. Въ бесѣдѣ съ бабушкой о Вѣрѣ (часть III, гл. X), Райскій говоритъ про себя: „Всѣ ключи увезла!“ Татьяна Марковна услыхала и вся встрепенулась. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ съ ея стороны, разъясняется, что Райскій разумѣлъ „ключи отъ своего (т.-е. Вѣрина) ума, сердца, характера, отъ мыслей и тайнъ, вотъ какіе!“ У бабушки отлегло отъ сердца: она было подумала, что Вѣра увезла дѣйствительные, не аллегорическіе ключи. Разговоръ съ внукомъ продолжается все о той же Вѣрѣ. Наконецъ, Райскій говоритъ старушкѣ:

„— Не стѣсняйте только ея, дайте волю... Она сумѣетъ управить своей судьбой одна...

„— А развѣ я мѣшаю ей, стѣсняю ее? Она не довѣряется мнѣ, прячется, молчитъ, живетъ своимъ умомъ: я даже не прошу у ней *ключей*, а вотъ ты, кажется, безпокоишься!

„Она пристально посмотрѣла на него. Райскій покраснѣлъ“.

Посмотрѣвъ пристально на Райскаго, трудно было не увидать, что онъ влюбленъ въ Вѣру. Согласно съ этимъ, въ вышеприведенномъ случаѣ гдѣ люди предугадали вопросъ Райскаго (часть IV, гл. VI), и Марѳенька, и Викентьевъ оказались проницательны не менѣе прислуги.

„— А Вѣра уѣхала вчера! — сказала Марѳенька съ особенною живостью, замѣтивъ, конечно, что онъ тоскливо оглядывался вокругъ себя.

„— Да, Вѣра Васильевна уѣхала, — повторилъ и Викентьевъ“.

Если ужъ Райскій такъ мало умѣетъ или такъ мало хочетъ скрывать свои чувства, что и Марѳенька, и Викентьевъ, и Егорка, и Яковъ про нихъ знаютъ, то кому же лучше знать, кому скорѣе замѣтить ихъ какъ не бабушкѣ, этой умной, проницательной, знающей жизнь старушкѣ, отъ пристальнаго взора которой, какъ видѣли мы выше, Райскій покраснѣлъ, какъ пойманный школьникъ? Каково же наше удивленіе, когда мы въ концѣ романа узнаемъ, что бабушка „ничего не знала о страсти Райскаго“ (часть V, гл. XIV)? Правда, это странное извѣстіе выражается авторомъ такъ, что его можно принять и за мысль Вѣры и за фактъ, сообщенный самимъ авторомъ. Но авторъ, какъ видно изъ всѣхъ мѣстъ романа, гдѣ участвуетъ Вѣра, почти солидаренъ съ сужденіями своей героини, ибо ей приписываются такой умъ и вообще такія качества души, при которыхъ она въ романѣ съ удобствомъ можетъ занять мѣсто, какое занимаетъ въ иной драмѣ лицо, говорящее за автора. Да если бы бабушка знала о страсти Райскаго, то это, вѣроятно, въ чемъ-нибудь бы высказалось. Итакъ, по намѣреніямъ автора, Татьяна Марковна ничего не замѣтила изъ худо скрытой, постоянно прорывавшейся страсти Райскаго; между тѣмъ, по вышеприведеннымъ отрывкамъ, на которыхъ мы съ намѣреніемъ остановились такъ подробно, видно, что люди съ меньшимъ противъ

ея природнымъ умомъ и знаніемъ жизни догадались объ этой страсти. Выходитъ неправдоподобность, ускользающая только отъ невнимательнаго чтенія и значительно вредящая роману.

Райскій, какъ видитъ читатель, принадлежитъ къ „молодому поколѣнію“. Во всемъ романѣ есть только одна женщина, принадлежащая къ „молодому поколѣнію“, по тому опредѣленію, которое мы, на основаніи обычаевъ нашей беллетристики, дали двумъ поколѣніямъ. Женщина эта—Вѣра, героиня романа, donna primissima. На эту первѣйшую примадонну Гончаровъ не пожалѣлъ никакой помпы, никакихъ издержекъ. Она освѣщена и костюмирована въ высшей степени эффектно. Самое первое появленіе ея уже обставлено тою особенною, такъ-сказать, *почтительною* эффектностью, которою писатель даетъ чувствовать читателю, что вотъ это-то лицо и есть самое важное, самое интересное и значительное во всемъ романѣ. Райскій, зашедши въ „старый домъ“ (гдѣ Вѣра живетъ совершенно одна, занимая единственную обитаемую комнату среди давно оставленныхъ, пыльныхъ и обвалившихся, богатыхъ покоевъ), неожиданно видитъ предъ собой Вѣру, о которой онъ еще не зналъ, что она воротилась въ Малиновку изъ-за Волги, гдѣ она гостила у подруги. Онъ видитъ ее въ профиль: она стоитъ у окна и неподвижно и напряженно смотритъ въ даль, „какъ будто провожая кого-то глазами“. Она тотчасъ же „ослѣпила“ Райскаго своею красотой (часть II, гл. XVI). Произведя на читателя впечатлѣніе своею жизнію въ уединенномъ и развалившемся замкѣ, своею мечтательною позой, своимъ неожиданнымъ появленіемъ, она сейчасъ же производитъ еще сильнѣйшее впечатлѣніе на Райскаго. Начинается то странное и докучливое „приставаніе“ къ ней Райскаго, о которомъ мы выше упомянули. Начинается и сопротивленіе Вѣры: Райскій унимается, потомъ опять пристаетъ, потомъ опять унимается и т. д. Въ этой борьбѣ, занимающей во второй, третьей и четвертой частяхъ романа очень значительное число страницъ, выказываются нѣкоторыя черты характера Вѣры, черты все болѣе и болѣе приковывающія къ ней сердце Райскаго. Вѣра очень мало сообщительна, ко всѣмъ холодна, молчалива, любитъ уединеніе, бабушки не слушается (впрочемъ болѣе оттого, что та ей рѣдко выражаетъ свою волю съ опредѣленностью, и вообще оставляетъ ее въ покоѣ); въ тѣхъ разговорахъ, на которые вынуждаетъ ее Райскій, она говоритъ языкомъ образованнаго и начитаннаго человѣка, выражается рѣзко и открыто, обнаруживаетъ знаніе и опытность жизни, которыя трудно предположить въ дѣвушкѣ, и которыми она удивляетъ Райскаго. Райскій начинаетъ допытываться „откуда у ней эта мудрость“, но она отвѣчаетъ уклончиво, говоря напримѣръ: „Духъ Божій вѣетъ не на однихъ финскихъ болотахъ, повѣялъ и на нашъ уголокъ“ (часть II, гл. XXII), и лишь гораздо позже (часть IV, гл. IX) Райскій узнаетъ, что Вѣра брала читать много книгъ изъ старой библіотеки дома, что она читала творенія святыхъ отцовъ, Спинозу, Вольтера, нѣкоторыхъ энциклопедистовъ и, кромѣ сокровищъ старой библіотеки, сумѣла гдѣ-то себѣ достать и

прочесть „Фейербаха съ братіей“. Изъ всего видно, что Вѣра, въ совершенную противоположность Марѳенькѣ, выражаетъ собой выходъ женщины изъ-подъ опеки старыхъ людей и старыхъ ученій, освобожденіе отъ авторитета и рутины, протестъ молодого поколѣнія. Но съ этимъ олицетвореннымъ протестомъ, по нашему мнѣнію, случилось то же, что и со многими дѣвицами, читавшими „Фейербаха съ братіей“ и, вѣроятно, попадавшимися читателю. Кто не видалъ образчика нашихъ псевдо-современныхъ дѣвицъ, просвѣщенныхъ и либеральныхъ по самому новѣйшему рецепту, говорящихъ литературными фразами и оборотами, гордыхъ своимъ воображаемымъ сходствомъ съ образованными мужчинами, и кто, кромѣ Марковъ Волоховыхъ, не чувствовалъ при видѣ ихъ глубокаго сожалѣнія о томъ отсутствіи граціи, скромности и женственности, которое всегда сопровождаетъ эти фальшивыя претензіи на сходство съ мужчинами и усвоеніе себѣ ихъ языка? Да не поймутъ нашего вопроса превратнымъ образомъ. Грація и женственность, эти драгоцѣнные атрибуты красоты, ни мало не страдаютъ отъ дѣйствительнаго знанія, отъ серіознаго образованія: онѣ затираются именно отъ этой модной поверхностной замашки, этой пародіи на знаніе и образованіе, которая, къ сожалѣнію, часто встрѣчается у нашихъ модныхъ дѣвушекъ и часто почитается ими за дѣйствительное пріобрѣтеніе, за благо и успѣхъ. Этотъ же видъ просвѣщенія мы встрѣчаемъ и у Вѣры: ея отчеканенныя фразы, ея рѣзкій тонъ, ея „мудрость“, какъ говоритъ восторгающійся Райскій, какъ нельзя болѣе далеки отъ того идеала граціи и прелести, какимъ она представляется глазамъ своего влюбленнаго. Въ Вѣрѣ есть нѣчто сухое, холодное и книжное: самъ Райскій, хотя любовь и дѣлаетъ слѣпымъ, не могъ не воскликнуть послѣ одной изъ ея фразъ: „Ай да Вѣра! Откуда у тебя эти ультра-юридическія понятія?“ (Часть II, гл. XXII.) Та поэзія любви и страсти, которыми авторъ обставилъ свою героиню, увлеченіе ею Райскаго, вся роль, которую она разыгрываетъ въ романѣ, заставляютъ насъ думать, что авторъ не совсѣмъ сознательно придалъ своей героинѣ эти непривлекательныя черты современно-либеральной дѣвицы. Напротивъ, во всемъ романѣ Вѣра стоитъ на пьедесталѣ, который, по мѣрѣ развитія дѣйствія, дѣлается все выше и выше, такъ какъ въ Вѣрѣ, къ интересу любви и красоты, прибавляется еще интересъ страданія и несчастія. Вѣра—та красавица романа, которая должна приковать къ себѣ все участіе и возбудить все сочувствіе читателя. По нашему крайнему разумѣнію, она въ этомъ не можетъ успѣть, такъ какъ именно то качество ея, въ которомъ заключается весь смыслъ ея характера и все значеніе его для романа, ея самостоятельность, ея эманципація отъ бабушкиныхъ вліяній выражаются въ формѣ, которая лишаетъ ее всякой мягкости, нѣжности и симпатичности. Самостоятельность Вѣры заключается больше всего въ томъ, что она мало сидитъ съ бабушкой, почти не говоритъ за обѣдомъ, не удостоиваетъ свою наивную и добрую сестру своимъ обществомъ, а на *авансы* Райскаго отвѣчаетъ съ

самою отталкивающею жестокостью. Правда, Райскій очень навязчивъ и докучливъ; правда, что отъ тѣхъ пріемовъ ухаживанія, образчикъ которыхъ мы выше привели, трудно ожидать чего-нибудь кромѣ полнѣйшаго неуспѣха. Но, разувѣряя Райскаго въ его надеждахъ на взаимность любви, Вѣра постоянно переступаетъ ту черту, которая раздѣляетъ спокойное равнодушіе, свободу сердца отъ умышленной, грубой рѣзкости. Въ продолженіе всего романа, Вѣра обращается съ Райскимъ, великодушно подарившимъ ей большую часть своего состоянія, съ самою оскорбительною небрежностью. Говорятъ, что женщины особенно жестоки съ тѣми, кто въ нихъ влюбленъ и чью любовь онѣ не раздѣляютъ: это, можетъ быть, справедливо по отношенію къ кокеткамъ, которыхъ жизнь посвящена игрѣ въ любовь и наслажденіямъ тщеславія. Но мы сильно сомнѣваемся, чтобъ авторъ намѣренно представилъ именно Вѣру въ этомъ невыгодномъ и пошломъ свѣтѣ. Къ тому же „самостоятельность“ Вѣры сказывается въ самой капризной и непонятной непослѣдовательности: когда Райскій, ея родственникъ, человѣкъ давно знакомый, въ порядочности котораго она должна быть увѣрена, говоритъ ей о ея красотѣ, она благонравно оскорбляется и возмущается; когда объ этой же красотѣ начинаетъ говорить ей какой-то оборванный незнакомецъ, котораго она застаетъ въ своемъ саду съ краденными яблоками, она спокойно и почтительно выслушиваетъ его любезности. „Что вамъ нужно?“ спрашиваетъ Вѣра со свойственною ей мягкостью и пріятностью оборотовъ у Райскаго, молчаливое, влюбленное преслѣдованіе котораго ей сильно надоѣло. „Мнѣ ничего не нужно“, отвѣчаетъ ей влюбленный дилетантъ, „но ты сама должна знать, какими другими глазами, какъ не жадными, влюбленными, можетъ мужчина смотрѣть на твою поразительную красоту“. Райскій, очевидно, увлекается и говоритъ лишнее; но посмотрите, какъ она его „осадила“.

Она вспыхнула и быстро встала съ мѣста.

— Какъ вы смѣете говорить это? — сказала она, вспыхнувъ и глядя на него съ ногъ до головы. (Часть II, гл. XXI.)

Бѣдный Райскій совсѣмъ уничтоженъ за свое увлеченіе. Положимъ, что и подѣломъ. Но для увлеченія подобнаго рода у Вѣры двоякій вѣсъ и двоякая мѣра. Въ концѣ третьей части (гл. XXIII) заднимъ числомъ разсказывается, какъ познакомилась Вѣра съ Маркомъ Волоховымъ, въ котораго она влюблена. Сидя однажды въ саду, въ бесѣдкѣ, около забора, она увидѣла незнакомаго человѣка, судя по платью, не простолюдина, сидѣвшаго на заборѣ и нагнувшаго къ себѣ вѣтвь одной яблони, съ которой онъ срывалъ плоды. Увидѣвъ ее, незнакомецъ не обнаружилъ ни малѣйшаго смущенія. Онъ закусилъ одно яблоко, подвинулся къ Вѣрѣ и предложилъ ей другое. Она вступила съ нимъ въ разговоръ: не было еще сказано четырехъ словъ, какъ рѣчь дошла до Прудона и до знаменитаго изреченія, что „собственность есть кража“; еще нѣсколько словъ, и Волоховъ — это и

былъ незнакомецъ — даетъ ей слѣдующій лестный отзывъ: „Вы красавица, вдвойнѣ красавица. И хороши собой и умны. Жаль, если украсите собой существованіе какого-нибудь идіота“. Конечно, было бы смѣшно, если бы Вѣра вспыхнула, встала и начала говорить: „какъ вы смѣете“ и пр., какъ она сдѣлала съ Райскимъ. Гораздо проще было, не разражаясь негодованіемъ, встать и уйти, дабы пресѣчь назойливому незнакомцу путь къ дальнѣйшимъ любезностямъ, а дома сказать, кому слѣдуетъ, чтобы лучше караулили садъ, а то яблоки подвергаются серіозной опасности, да и гулять въ саду молодымъ дѣвушкамъ будетъ неудобно. Но Вѣра не сдѣлала ни того ни другого. Циническая фамильярность нахальнаго вора понравилась ей болѣе, чѣмъ лирическая восторженность „художнической натуры“. Разговоръ продолжается, и знакомство завязалось. Это ли результатъ того „духа Божія“, который, если мы вѣрно поняли вышеприведенныя слова Вѣры, вѣетъ всего сильнѣе на финскихъ болотахъ, и первоначально именно повѣялъ на этихъ болотахъ, а потомъ и на разныхъ уголкахъ въ родѣ Малиновки, повсюду вызывая своимъ благотворнымъ вѣяніемъ явленія подобныя связи Вѣры съ Маркомъ? Это ли выраженіе самостоятельности и свободы, которыя и Райскій и авторъ приписываютъ Вѣрѣ? Снисходительность Вѣры къ Марку при первомъ же свиданіи, ея странная любезность съ нимъ тѣмъ болѣе поражаютъ, что Вѣра далеко не имѣетъ того невиннаго невѣдѣнія нѣкоторыхъ сторонъ любви и страсти, что̀ иногда бываетъ у молодыхъ дѣвушекъ, какъ напримѣръ въ этомъ же романѣ у Марѳеньки. Авторъ самъ распространяется объ этой дѣвической просвѣщенности своей героини въ формѣ слѣдующихъ размышленій Райскаго (часть III, гл. IV): „У Вѣры нѣтъ этой безсознательности: въ ней проглядываетъ и проговаривается, если не опытъ... если не знаніе, то явное предчувствіе опыта и знанія, и она — не невѣдѣніемъ, а гордостью отразила его (Райскаго) нескромный взглядъ и желаніе нравиться ей. Стало-быть, она уже знаетъ, что значитъ страстный взглядъ, влеченіе къ красотѣ, къ чему это ведетъ, и когда и почему поклоненіе можетъ быть оскорбительно. Она какъ-нибудь угадала или услѣдила перспективу впечатлѣній, борьбу чувствъ и предузнаетъ ходъ и, можетъ-быть, драму страсти, и понимаетъ, какъ глубоко входитъ эта драма въ жизнь женщины“. Тѣмъ хуже для Вѣры, скажемъ мы отъ себя, если она такъ много знаетъ, а между тѣмъ у забора сада пускается въ разговоры съ какимъ-то неизвѣстнымъ и неприличнымъ человѣкомъ, съ первыхъ же словъ хвалящимъ ея красоту и сожалѣющимъ о ея возможномъ въ будущности замужествѣ.

Характеръ Вѣры невозможно разсматривать иначе, какъ въ связи съ характеромъ Марка Волохова, въ котораго вскорѣ послѣ бесѣды о Прудонѣ и ея красотѣ, она влюбилась. Этотъ господинъ живетъ въ городѣ, пограничномъ съ Малиновкой, куда онъ высланъ на жительство подъ присмотромъ полиціи. Денегъ у него нѣтъ никакихъ, и онъ занимаетъ ихъ у перваго встрѣчнаго (первый встрѣчный, съ замѣча-

тельною щедростью, никогда не отказываетъ въ нихъ Волохову), занимаетъ довольно порядочными кушами и тутъ же объявляетъ, что никогда не отдастъ. Занятій у него нѣтъ никакихъ, кромѣ охоты. Но онъ съ похвальною изобрѣтательностью создаетъ себѣ занятія: беретъ у Леонтія Козлова книги и вырываетъ изъ нихъ листы, чтобы закуривать ими сигары; воспитываетъ бульдоговъ, которыхъ онъ гдѣ-то досталъ себѣ, съ тѣмъ чтобы травить ими полицеймейстера, когда тотъ проѣдетъ, осаждаетъ ночью трактиры и т. п. Неизвѣстно какъ, но, хотя онъ и высланъ изъ столицы и живетъ подъ надзоромъ полиціи, у него уцѣлѣли запрещенныя книги, которыя онъ и распространяетъ гдѣ возможно, приписывая, разумѣется, этому невинному занятію величайшую важность и ставя его себѣ въ гражданскую заслугу. Въ „Обрывѣ“ сообщаются нѣкоторые разговоры его, почти исключительно съ Райскимъ (кромѣ сценъ съ Вѣрой), и во всѣхъ этихъ разговорахъ Волоховъ поражаетъ читателя апломбомъ и безнаказанностью наглаго, дерзкаго тона. Политическія и соціальныя мечтанія, а тѣмъ болѣе религіозный матеріализмъ на заднемъ планѣ: на первомъ планѣ грязная безцеремонность, трактирное буйство, любовь къ сигарамъ и жженкѣ, и развѣ страсть говорить людямъ свое мнѣніе о нихъ. Гончаровъ не поскупился, въ характерѣ Волохова, на непристойные и неблаговидные поступки: кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ подвиговъ, Волоховъ, напримѣръ, когда Райскій приходитъ къ нему, уговариваетъ его снять пальто, подъ предлогомъ жары; потомъ надѣваетъ пальто Райскаго и объявляетъ, что не отдастъ ему (часть II, гл. XX); не разъ получавъ вспоможенія отъ Райскаго, поддѣлываетъ къ нему письмо подъ почеркъ Вѣры, чтобы выманить у него деньги (часть IV, гл. V; часть V, гл. III), и вообще выказываетъ себя окончательнымъ негодяемъ. Вотъ этотъ-то господинъ сидѣлъ на заборѣ, ѣлъ яблоки, предложилъ Вѣрѣ книжку Прудона и сдѣлался ея идеаломъ. Фактъ этотъ былъ бы не особенно удивителенъ, если бы Вѣра являлась во всемъ романѣ такою, какъ мы старались ее опредѣлить. Недостаточность образованія, зараженіе какими-то журнальными верхушками новѣйшихъ ученій, нелюбовь къ своей семьѣ и отчужденность отъ всѣхъ тѣхъ, кто должны бы были быть ей близки, наконецъ и природная эксцентричность и чувственность, все это не могло не подготовить паденія, къ которому страсть привела Вѣру. Въ такомъ случаѣ это было паденіе дѣвушки самой обыкновенной, весьма не глупенькой, но лишенной поэзіи, сердечной доброты и природной стыдливости. Такою, дѣйствительно, кажется намъ Вѣра. Но такъ какъ, повторяемъ, въ большей части романа она поставлена на пьедесталъ, такъ какъ она исправляетъ должность какого-то чуда красоты, ума и граціи, такъ какъ Райскій, этотъ тонкій и опытный цѣнитель женщинъ, въ продолженіе нѣсколькихъ сотъ страницъ расточаетъ ей самые восторженные гимны, то дѣло представляется въ нѣсколько иномъ видѣ. Въ „Обрывѣ“ (на сколько написанное произведеніе даетъ матеріалъ для обсужденія цѣлей и намѣреній автора, которыя въ произведеніи художественномъ весьма важно знать) Вѣра

исполненная такъ же разнится отъ Вѣры задуманной, какъ и Райскій исполненный отъ Райскаго задуманнаго. И какъ Райскій не вышелъ въ романѣ тою художническою натурой, какъ онъ былъ задуманъ, а оказался просто умнымъ, досужимъ и скучающимъ бариномъ, измельчавшимъ Онѣгинымъ, такъ и Вѣра, эта, по намѣреніямъ автора высшая женская натура, выросшая въ самой ограниченной сферѣ, но силой души порвавшая съ нею связь и освободившаяся отъ гнета предразсудковъ, эта избранница истины, порывающаяся къ свѣту и свободѣ, — на дѣлѣ оказалась просто хорошенькою губернскою барышней, много читавшею и плохо переварившею читанное, сухою сердцемъ и лишенною привязанностей, но неумѣстно тронутою участіемъ къ грязной личности безстыднаго пройдохи. Надобно увидать дѣйствительную Вѣру сквозь Вѣру придуманную и призрачную, надобно разсѣять заблужденіе относительно Вѣры, въ которомъ находится Райскій, а съ нимъ и авторъ, чтобы найти объясненіе для факта, съ перваго взгляда возмутительнаго и чудовищнаго, факта обольщенія Вѣры пустымъ и презрѣннымъ негодяемъ. Если бы Вѣра была тѣмъ, чѣмъ она кажется Райскому и чѣмъ нерѣдко выставляетъ ее самъ авторъ, если бы въ ней дѣйствительно присутствовали тѣ высшія силы, которыя выдвигаютъ личность изъ круга всего окружающаго и дѣлаютъ ее непонятною для будничныхъ людей, — она никогда не могла бы увлечься этою пошлою смѣсью трактирныхъ приключеній и нигилистическихъ фразъ, этимъ ломаніемъ циническаго безобразія, какое представляетъ личность Марка. Нѣтъ, Вѣра не есть протестъ разума и свободы противъ преданія и власти: Вѣра незрѣлый плодъ нездоровыхъ ученій, нѣчто среднее между „кисейною барышней“ и стриженою нигилисткой, эманципированная женщина, остановившаяся и раскаявшаяся на полдорогѣ. Она стоитъ еще на той ступени развитія, когда можно почувствовать обаяніе трактирнаго героя, шатающейся и подозрительной личности; когда можно мечтать о миломъ, хвастающемся своими буйными скандалами и существующемъ чуть не мошенничествами; когда сердце безсильно противъ театральнаго эффекта, производимаго доморощеннымъ Карломъ Моромъ, и нравственное чувство настолько некрѣпко, что не можетъ проникнуться омерзѣніемъ даже къ личности подобной Волохову. Такова, по нашему мнѣнію, единственная точка зрѣнія, съ которой исторія Вѣры дѣлается правдоподобною и проступокъ ея находитъ объясненіе. Но, ставъ на эту точку зрѣнія, мы должны пойти далѣе и сказать, что Вѣра, въ умственномъ отношеніи, не стоитъ выше Марка, что у ней нѣтъ никакой нравственной силы, которую она могла бы ему противопоставить, что она ему покоряется, потому что она всецѣло увлечена имъ. Авторъ посмотрѣлъ на отношенія Вѣры къ Марку иначе. Такъ какъ у него задумана совсѣмъ не эта Вѣра, такъ какъ его задуманная Вѣра обладаетъ громадною силой ума и развитія, то Гончаровъ, во всѣхъ разговорахъ Вѣры съ Маркомъ (часть IV, гл. I и XII) и еще болѣе въ окончательномъ, post factum, анализѣ ея отношеній къ Марку (часть V, гл. VI) ставитъ Вѣру не-

сравненно выше Марка, выказываетъ безсиліе его пропаганды противъ строя ея убѣжденій, указываетъ даже на частыя побѣды ея надъ нимъ, на благодѣтельныя перемѣны въ Маркѣ, которыхъ Вѣра была причиной. Мы и этому противорѣчію нисколько не удивляемся. Гдѣ въ романѣ Гончарова мы видимъ появленіе этого противорѣчія, мы знаемъ, что на смѣну настоящей Вѣры является Вѣра, первоначально задуманная, лицо, которое въ другомъ произведеніи, съ другою канвой, могло бы быть знаменательнымъ и глубоко-поэтическимъ, а въ „Обрывѣ“ есть не болѣе какъ блѣдный призракъ, реторическая фигура.

Но если внутреннія причины факта страсти Вѣры къ Марку и ея паденія ясны и просты, несмотря на безобразіе и кажущуюся неестественность такого факта, то внѣшнее развитіе драмы, внѣшняя обстановка и судьба этой страсти отличаются величайшею невѣроятностью. У Вѣры очень часты свиданія съ Маркомъ, за садомъ, внизу „обрыва“, по которому и названъ романъ. Въ этомъ обрывѣ было когда-то совершено убійство, и въ немъ же зарытъ преступникъ; вслѣдствіе этого дворня Бережковой и окрестные жители суевѣрно обходятъ этотъ обрывъ (часть I, гл. X), и Вѣра и Маркъ могутъ въ немъ видѣться никѣмъ незамѣченные (часть V, гл. VI). Такъ объясняетъ авторъ тотъ фактъ, что никто никогда не заставалъ Вѣры съ Маркомъ. Но мы рѣшительно отказываемся вѣрить или даже понять это объясненіе. Пусть люди не ходятъ на дно самаго обрыва, но, вѣдь, они должны же иногда бывать въ той сторонѣ. Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, при столь частыхъ свиданіяхъ Вѣры съ Маркомъ все въ одномъ и томъ же мѣстѣ, никто никогда не замѣтилъ одновременнаго приближенія къ обрыву, съ одной стороны, Марка, съ другой — Вѣры? Какъ люди Бережковой могли не найти подозрительнымъ, что около сада барыни все шатается этотъ подозрительный человѣкъ? Какъ Марѳенька, любившая бѣгать въ садъ, могла не замѣтить, что Вѣра ходитъ гулять все въ одну сторону и, главное, всегда отправляется въ эту сторону, когда заслышитъ *выстрѣлъ*, условный сигналъ Марка? Какъ эти частые выстрѣлы вблизи сада не возбудили ничьего недоумѣнія и любопытства? Не бекасиное же болото этотъ обрывъ! Но если родные, дворня и сосѣди должны были заподозрить Вѣру и догадаться о ея свиданіяхъ, то уже Райскій, конечно, могъ, не питая подозрѣній и не теряясь въ догадкахъ, пріобрѣсти самую твердую увѣренность въ ея отношеніяхъ къ Марку. Въ концѣ второй и по всей третьей части романа разсѣяно множество мелкихъ подробностей, уличающихъ Вѣру отчасти въ томъ, что она влюблена въ Марка, отчасти въ томъ, что она съ нимъ переписывается и ходитъ къ нему на свиданія. Во-первыхъ, Маркъ Волоховъ какъ-то непонятно скоро, словно озаренный ясновидѣніемъ, узнаетъ о любви Райскаго къ кузинѣ и дразнитъ его этою любовью (часть II, гл. XX): „Что томить себя вздохами, не спать, караулить, когда бѣленькая ручка откинетъ лиловую занавѣску... ждать по недѣлямъ отъ нея ласковаго взгляда?“ и пр. Во-вторыхъ, Вѣра всегда, такъ или иначе, обнаруживаетъ волненіе, когда рѣчь заходитъ

о Волоховѣ. Напримѣръ, она замѣчаетъ на своемъ кузенѣ пальто Волохова, вмѣсто котораго Маркъ, какъ мы выше упоминали, въ посѣщеніе его Райскимъ, надѣлъ пальто своего гостя и оставилъ его себѣ.

„— Чье это на васъ пальто? Это не ваше? — вдругъ спросила она съ удивленіемъ, вглядываясь въ пальто.

„— Ахъ, это Марка...

„— Зачѣмъ оно у васъ? развѣ онъ здѣсь? — спросила она *отнявъ у него руку*.

„— Нѣтъ, нѣтъ, — смѣясь отвѣчалъ онъ: — *чего ты испугалась?*

Или вотъ другой примѣръ. Райскому докладываютъ, что къ нему пришелъ Маркъ. Онъ въ это время сидѣлъ съ Вѣрой въ ея комнатѣ.

„Вѣра сдѣлала какое-то движеніе.

„— Подите скорѣй, узнайте зачѣмъ онъ? — торопливо сказала она.

„— *Чего ты испугалась?* — замѣтилъ Райскій: — вѣдь онъ не собака, не мертвецъ, не воръ, а такъ, безпутный бродяга.

„— Идите, идите, — въ тревогѣ говорила Вѣра, не слушая его. — Это любопытно". (Часть III, гл. IX.)

Мы уже упоминали выше о таинственномъ письмѣ на синей бумагѣ, которое также должно было усилить подозрѣнія Райскаго, если и не могло обратить ихъ именно на Волохова. Но есть другое письмо, письмо Вѣры къ ея подругѣ, попадьѣ, которое Вѣра показываетъ Райскому. Въ этомъ письмѣ встрѣчаются такія выраженія: „я отъ этого преслѣдованія (то-есть отъ преслѣдованія Райскаго) чуть не захворала; не видалась *ни съ кѣмъ*, не писала *ни къ кому*" (курсивъ въ подлинникѣ: не знаемъ, принадлежитъ ли онъ Вѣрѣ, или это только авторъ подчеркнулъ эти слова по тому впечатлѣнію, которое они произвели на Райскаго). На этотъ разъ и Райскій догадался, что „тутъ есть *кто-то* съ *кѣмъ* она видится, *кому* пишетъ!" (часть III, гл. V и VI). И вслѣдствіе этого долго надоѣдаетъ Вѣрѣ просьбой раскрыть ему ея тайну (гл. VIII и др.).

Въ другомъ мѣстѣ Вѣра отправляется на островъ на Волгѣ, предварительно написавъ (при Райскомъ) какую-то записку и спрятавъ ее у себя за платье на грудь. Разумѣется, по своему обыкновенію, Райскій приставалъ съ разспросами, къ кому записка и узналъ только, что это секретъ. Онъ, незамѣченный, отправляется вслѣдъ за Вѣрой и натыкается на Марка Волохова (ч. III, гл. XX). Въ этотъ разъ Вѣра не шла на свиданіе: она отправлялась на partie de plaisir, въ которой Маркъ не участвовалъ; но прежде чѣмъ соединиться съ остальными, она могла застать Марка и передать ему записку. Маркъ былъ *съ ружьемъ*. Два дня спустя, вечеромъ, когда совершенно стемнѣло, Райскій пробирается мимо стараго дома. „Вдругъ онъ услышалъ, что въ старомъ домѣ отворяется окно. Онъ взглянулъ вверхъ, но окно, которое отворилось выходило не къ саду, а въ поле, и онъ поспѣшилъ въ бесѣдку изъ акацій, перепрыгнулъ черезъ заборъ и попалъ въ лужу, но остался на мѣстѣ не шевелясь.

— Это вы? — спросилъ шопотомъ кто-то изъ окна нижняго этажа, конечно, Вѣра, потому что въ старомъ домѣ никого кромѣ ея не было.

У Райскаго затряслись колѣни, однако онъ невнятнымъ шопотомъ отвѣчалъ: „Я“.

— Сегодня я не могла выйти: дождикъ шелъ цѣлый день, завтра приходите туда же въ десять часовъ... Уйдите скорѣе, кто-то идетъ!

Окно тихо затворилось. Райскій все стоялъ.

„Куда „туда же“, спрашивалъ онъ мучительно себя, проклиная чьи-то шаги, помѣшавшіе услышать продолженіе разговора. „Боже! такъ это правда! тайна есть (а онъ все не вѣрилъ), письмо на синей бумагѣ не сонъ! Свиданія! Вотъ она таинственная ночь! („Ночью“ Райскій прозвалъ самоё Вѣру). А мнѣ утромъ проповѣдывала о нравственности!“ (Гл. XXII).

Итакъ герой есть у Вѣры: остается догадаться, кто этотъ герой. Если всѣ предшествовавшія улики были для этого недостаточны, то вотъ вамъ еще новая: на слѣдующій день Райскій зоветъ Вѣру итти гулять именно въ условленный часъ свиданія, и она, къ его удивленію, соглашается. Они отправляются въ садъ, проходятъ чрезъ него и садятся на лавку у обрыва. Вѣрѣ, которая послѣ ухода Райскаго отъ окна, узнала, что это былъ онъ, а не Маркъ, скрываться и хитрить больше нечего: она сознается, что любитъ; Райскій спрашиваетъ кого, она въ шутку отвѣчаетъ что его...

Внизу въ рощѣ раздался въ это время выстрѣлъ. Она быстро встала со скамьи.

— А это что: это... онъ? — спросилъ Райскій, мѣняясь въ лицѣ.

— Мнѣ пора, десять часовъ! — сказала она, видимо встревоженная, стараясь не глядѣть на Райскаго. Она подошла къ обрыву, онъ ступилъ шагъ за ней. Она сдѣлала ему знакъ рукой, чтобъ онъ остался.

— Что значитъ этотъ выстрѣлъ? — спросилъ онъ съ испугомъ.

— Меня зоветъ...

— Кто?

— Авторъ синяго письма. Ни шагу за мной! — шепнула она ему сильно: — если не хотите, чтобъ я...

— Вѣра!

— Ни шагу — никогда! — повторила она, спускаясь съ обрыва: — или я оставлю домъ навсегда! — Она скользнула въ кусты.

— Вѣра! Вѣра! Берегись! — кричалъ онъ въ отчаяніи и сталъ слушать. Онъ слышалъ только, какъ раза два подъ ея торопливыми шагами затрещали сухія вѣтки, потомъ настала тишина. — Боже мой! — въ отчаянной зависти вскрикнулъ онъ. — Кто онъ? кто этотъ счастливецъ?

„Люблю васъ! — говоритъ она... Меня! Что, если правда... А выстрѣлъ? — шепталъ онъ въ ужасѣ: — а авторъ синяго письма? Что за тайна: кто это?“ (Тамъ же, гл. XXII.)

И послѣ всѣхъ этихъ указаній на Марка Волохова, которыя сама судьба дѣлаетъ Райскому, онъ все еще продолжаетъ недоумѣвать, онъ даже не понимаетъ выстрѣла, хотя предъ тѣмъ, въ тѣхъ же мѣстахъ, встрѣчалъ Волохова съ ружьемъ! Читатель, однако, опытнѣе и догадливѣе Райскаго: онъ давно видитъ, куда гнетъ авторъ, и поэтому весьма законно обижается, когда Гончаровъ, не безъ нѣкоторой торжественности, открываетъ слѣдующую главу объясненіемъ:

„А никто другой какъ Маркъ Волоховъ, эта парія, циникъ, ведущій бродячую, цыганскую жизнь“, и пр. и пр.

Напрасно авторъ съ такимъ усиліемъ и эффектомъ открываетъ читателю глаза: читатель и такъ уже прозрѣлъ. Лучше бы было открыть глаза Райскому, слѣпота котораго, и послѣ сейчасъ описанной сцены, во все продолженіе четвертой части остается неизлѣчимою, хотя указанія и намеки на Марка Волохова и въ этой части продолжаются съ прежнимъ постоянствомъ.

Въ этихъ натяжкахъ, въ этомъ отсутствіи правдоподобія одинъ изъ главныхъ недостатковъ романа, очевидно, въ цѣломъ слишкомъ придуманнаго. Вдохновеніе автора не въ цѣломъ, а въ частностяхъ: оно уходитъ на обстановку, аксессуары, картины нравовъ, описаніе мѣстностей, и большею частью покидаетъ его, когда онъ беретъ главную нить своего разсказа, когда онъ занятъ исторіей „Обрыва“, т.-е. омерзительною по своей лживости исторіей любви и паденія Вѣры. Въ „Обрывѣ“ чѣмъ „поэтичнѣе“ (въ ходячемъ смыслѣ) предметъ, тѣмъ менѣе поэзіи въ его изображеніи. Какіе-нибудь рабочіе сидятъ за обѣдомъ, въ городѣ, на открытомъ воздухѣ, и картина этихъ рабочихъ выходитъ яркая и живая. А тутъ страсть, любовь, скитающійся изгнанникъ, мученикъ свободы, и влюбленная дѣвушка, пугливо охраняющая свою тайну, и ничего изъ всего этого богатаго матеріала не выходитъ, кромѣ мертвыхъ, придуманныхъ разговоровъ, длинныхъ, холодныхъ разсужденій, однообразно умно вертящихся около одной точки. Не удалось автору „Обрыва“, рѣшительно не удалось „молодое поколѣніе“! Представители, взятые имъ, претендуютъ на замѣчательныя качества души, Маркъ на остроуміе и смѣлость мысли, Вѣра на умъ, чувство, поэзію, страсть, и пр. и пр. А между тѣмъ, оба представителя оказываются крайне мелкими и посредственными натурами, и „дѣти“ Гончарова не только не изображаютъ, какъ по многимъ мѣстамъ романа слѣдовало бы ожидать, момента высшаго сравнительно съ „отцами“, но напротивъ, настолько же ниже „отцовъ“ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, насколько ихъ изображеніе ниже изображенія „отцовъ“ въ эстетическомъ.

Исторія любви Вѣры и ея паденія есть главная основа всего романа, и долгое, нерѣшительное приготовленіе этого паденія, долгая борьба Вѣры противъ собственной страсти — главная пружина интереса въ произведеніи Гончарова. Содержаніе четвертой части почти исключительно заключается въ томъ, что моментъ этого паденія откладывается и еще откладывается, а между тѣмъ дѣлается все неизбѣжнѣе. Это тѣмъ невыносимѣе, что ничѣмъ не выкупается для читателя, тѣмъ оскорбительнѣе для него, что его заставляютъ волноваться ожиданіемъ самой циническої развязки, которой сообщается характеръ налганной поэзіи. Вотъ-вотъ эта пустенькая Вѣра отдастся грязнымъ объятіямъ негодяя, и въ этомъ весь интересъ романа, весь паѳосъ возбуждаемый его развитіемъ въ душѣ читателя! Пусть бы это было писано въ *обсценномъ* стилѣ, это могло бы имѣть свою цѣну для любителей; но авторъ требуетъ возвышенныхъ чувствованій отъ своихъ читателей; онъ хочетъ, чтобъ они всею поэзіей души своей

присутствовали при актѣ паденія жалкой барышни и съ великимъ напряженіемъ своихъ силъ подготовляетъ читателей къ сему таинству издалека, хотя вся эта томительно-оскорбительная исторія подготовленія ровно ничего не подготовляетъ, ничего не объясняетъ, а только все болѣе и болѣе вноситъ ложь въ дѣло. Ничтожество характеровъ Вѣры и Марка находится въ яркомъ контрастѣ съ тѣмъ значеніемъ и вѣсомъ, которые приданы имъ въ романѣ. Увлеченіе самаго низменнаго свойства получаетъ, благодаря фальшивому освѣщенію, характеръ какого-то рокового величія. Обыкновенная исторія, какъ можно было бы назвать и это произведеніе Гончарова, насильственно обращается въ грандіозную трагедію. Грязный Маркъ и незначительная Вѣра окружаются какимъ-то поэтическимъ ореоломъ. Авторъ не сумѣлъ или не захотѣлъ взглянуть на исторію Марка и Вѣры такъ же просто, какъ онъ смотритъ на Савелія и Марину, хотя, вдобавокъ, Савелій и Марина несравненно поэтичнѣе Вѣры съ Маркомъ. Въ совершенную противоположность той трезвой простотѣ, которая составляетъ отличительный признакъ таланта Гончарова и господствуетъ на каждой страницѣ „Обыкновенной исторіи“ и „Обломова“, въ новомъ его романѣ появляется элементъ напряженной реторики. Эта реторика, эта ходульность, господствующія въ изображеніи Вѣры, дѣлаются все ощутительнѣе, по мѣрѣ того какъ подвигается романъ: болѣе всего преобладаютъ онѣ въ пятой части, чтеніе которой значительно затрудняется этимъ элементомъ. Авторъ, очевидно, поставилъ себѣ задачу которая лежитъ или внѣ круга его реальныхъ наблюденій, или внѣ области его дарованія. Онъ захотѣлъ изобразить столкновеніе между старымъ воспитаніемъ и новыми идеями, между обаяніемъ авторитета и вѣяніемъ революціи, между силой старыхъ убѣжденій и силой новыхъ требованій. Нѣчто подобное, но безъ всякаго участія театральныхъ эффектовъ, потрясающихъ сценъ, обмороковъ и сомнамбулизма, изобразилъ Тургеневъ въ своихъ „Отцахъ и дѣтяхъ“. Романъ этотъ не имѣетъ того богатства интересныхъ подробностей, той тщательной отдѣлки реальныхъ миніатюръ, которыми плѣняетъ „Обрывъ“; но зато въ немъ дѣйствительно изображено столкновеніе, и люди, выражающіе его, выказываются не прибѣгая къ оскорбляющей смыслъ мелодраматической натяжкѣ. Нигилистъ Тургенева несравненно порядочнѣе нежели нигилистъ Гончарова, и все-таки не находится въ его обстановкѣ ни одной дѣвушки, которая бы произвела его въ свои герои и кинулась бы ему на шею. Тургеневъ вполнѣ обошелся безъ тѣхъ рѣзкихъ красокъ, которыя мы находимъ въ „Обрывѣ“ и которыя такъ неумѣстны въ романѣ съ содержаніемъ изъ современной жизни, гдѣ читатель болѣе чѣмъ гдѣ-либо контролируетъ фантазію поэта и скорѣе всего почувствуетъ малѣйшую натяжку и неестественность. Главное же преимущество романа Тургенева предъ романомъ Гончарова то, что лица перваго вышли именно тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ ихъ сдѣлать авторъ, что ни одинъ изъ нихъ не занялъ мѣста не по чину, что ни одному изъ нихъ не приписываются авторомъ

возвышенныя качества, которыхъ на повѣрку у него не оказывается. Борьба въ современномъ русскомъ обществѣ понятій и ученій, отношенія между собой различныхъ кружковъ, придерживающихся того или другого строя убѣжденій, все это издавна составляетъ область дарованія Тургенева. Совсѣмъ иного рода область, въ которой торжествуетъ талантъ Гончарова. Борьба, движеніе и дѣятельность ему антипатичны. Его сфера — покой и старина. И потому, покусившись на анализъ высшихъ натуръ, Гончаровъ не произвелъ ничего кромѣ блѣдныхъ абстракцій, кромѣ сбивчивыхъ и противорѣчивыхъ призраковъ, съ притязаніями на глубокій трагическій смыслъ, но безъ поэтическаго содержанія или жизненной правды.

То, что мы имѣемъ противъ Райскаго и Марка, какъ представителей молодого поколѣнія, вѣроятно, сознавалъ и Гончаровъ; вѣроятно, и онъ видѣлъ, что безсильный дилетантизмъ одного и грязная распущенность другого не составляютъ достойнаго контраста, достойнаго *pendant* къ возвышенной фигурѣ бабушки, къ симпатичнымъ личностямъ Тита Никоныча, Марѳеньки, Леонтія и другихъ; что и героиня романа, Вѣра, по крайней мѣрѣ, болѣзненное и ненормальное явленіе. Гончаровъ, такъ сказать, очистилъ свою совѣсть предъ молодымъ поколѣніемъ, играющимъ столь незавидную роль въ его романѣ, тѣмъ, что изобразилъ еще одного представителя молодого поколѣнія, но на этотъ разъ уже совершеннаго и безупречнаго во всѣхъ отношеніяхъ. Мы разумѣемъ Ивана Ивановича Тушина, лѣсного помѣщика и „друга“ Вѣры (почему это именно Тушинъ удостоился быть ея другомъ, а не Райскій, не Викентьевъ и не Ватутинъ, мы никогда не поймемъ). Причислили мы его къ молодому поколѣнію за раціональное хозяйство, которое онъ завелъ у себя въ лѣсу, — черта старому поколѣнію несвойственная. Тушинъ благодѣтель своихъ крестьянъ, отличный администраторъ, отличный лѣсной хозяинъ, верхъ благородства и аккуратности, нравственный и промышленный идеалъ. Онъ относится къ Райскому, какъ Штольцъ къ Обловому; даже Вѣра въ концѣ романа, хотя не влюбляется, но собирается влюбиться въ Тушина, — черта, соотвѣтствующая любви Ольги къ Штольцу. Со Штольцемъ онъ имѣетъ еще и то общее, что онъ—чистѣйшая абстракція, извѣстная сумма высокихъ душевныхъ и хозяйственныхъ качествъ, и то что въ этомъ идеалѣ технологія и сельское хозяйство играютъ свою необходимую роль. Несмотря на всю доброту, на все великодушіе, которое авторъ заставляетъ выказывать Тушина, мы рѣшительно не видимъ въ этомъ господинѣ ни малѣйшей живой черты. Прекрасныя качества добродѣтельныхъ идеаловъ Гончарова чисто отрицательныя. Они свободны отъ тѣхъ пороковъ, отъ тѣхъ увлеченій, отъ того неблагоразумія, которыя мы видимъ въ остальныхъ персоналахъ Гончарова; но сами по себѣ они не представляютъ ни одной выпуклой, индивидуальной черты, которая могла бы залечь въ память или заинтересовать воображеніе. Это гладкія, сытыя, здоровыя лица, необыкновенно чистыя, безъ малѣйшаго родимаго пятнышка,

бородавки, рябинки или веснушки, но также и безъ малѣйшаго слѣда выраженія. Впрочемъ, несмотря на отвлеченность и безжизненность характера Штольца, онъ все-таки въ художественномъ отношеніи выше Тушина, такъ какъ онъ всѣми нитями связанъ съ ходомъ развитія *Обломова*, такъ какъ его личность, хотя и неудачно обрисованная, для сюжета этого романа необходима. Тушинъ же, несмотря на свою образцовую дѣятельность, именно въ романѣ Гончарова ничего не дѣлаетъ, исключая развѣ то обстоятельство, что онъ въ немъ является почтальономъ, относящимъ отказъ Вѣры къ Марку Волохову. Но отнести это письмо могла бы и Марина, относившая уже столько другихъ писемъ своей барышни. Мы не можемъ, по отношенію къ Гончарову, быть строгими судьями *экономіи* числа дѣйствующихъ лицъ. Увлекательный талантъ въ эпизодахъ, повсюду обнаруживаемый нашимъ авторомъ, вполнѣ оправдываетъ его роскошь въ этомъ отношеніи. Пусть многія лица безполезны, но они схвачены мѣтко и переданы живо. Но это соображеніе совсѣмъ не можетъ относиться къ Тушину. Онъ столь же не интересенъ самъ по себѣ, сколько не нуженъ въ канвѣ романа. Въ довершеніе производимой имъ скуки, онъ больше всего выступаетъ впередъ послѣ катастрофы Вѣры, когда *ея* романъ уже нашелъ трагическую развязку и, повидимому, автору слѣдовало бы кончить. Но авторъ, вмѣсто того чтобы кончить, везетъ Райскаго въ усадьбу Тушина (часть V, гл. XVIII) и заставляетъ его удивляться этой „простой, открытой личности“ и ея лѣсопильному заводу. Въ той части романа, гдѣ читатель подвергается скукѣ этой назидательной поѣздки, нельзя вообще не видѣть признаковъ, величайшаго утомленія, легко объяснимаго послѣ такого большого сочиненія, широко задуманнаго и въ первыхъ, давно написанныхъ, частяхъ исполненнаго прекрасно. Авторъ, очевидно, вынуждалъ себя окончить свой романъ, заглядывая въ прежде написанное, заботясь о тѣснѣйшемъ единствѣ, повторялъ прежніе признаки, выраженія, обычные поступки своихъ лицъ (въ пятой части довольно много такихъ повтореній), но несмотря на всѣ свои усилія и на все свое остроуміе, не могъ уже вдохнуть жизнь въ охладѣвшіе члены этихъ нѣкогда полныхъ страсти и движенія фигуръ, умершихъ въ долгій срокъ писанія романа. И вотъ на смѣну живыхъ, полныхъ значенія и интереса лицъ, является блѣдный и искусственный характеръ, олицетворенная мораль басни, каллиграфическая пропись, живо напоминающая того „добродѣтельнаго человѣка“, котораго Гоголь не захотѣлъ взять героемъ „Мертвыхъ Душъ.“ Злая и безпощадная характеристика Гоголевскаго „добродѣтельнаго человѣка“, невольно приходитъ на умъ, когда читаешь описанія добродѣтелей Тушина; остается, конечно, радоваться, что и Гончаровъ, собственно говоря, не взялъ себѣ добродѣтельнаго человѣка въ герои романа, а помѣстилъ его на скромный третій планъ.

Мы окончили нашъ обзоръ дѣйствующихъ лицъ новаго романа Гончарова. По нашему убѣжденію, въ этомъ произведеніи второсте-

пенныя и вводныя лица, большею частію удачны, но зато главныя (кромѣ бабушки) нарисованы и освѣщены фальшиво. Истинный интересъ романа заключается не въ содержаніи его, а въ постороннихъ, эпизодическихъ описаніяхъ и характеристикахъ. Особенно богата такими эпизодическими красотами вторая часть, а также тотъ отдѣлъ первой, который посвященъ бабушкѣ (гл. VII—XI). Эти характеристики правдивы, закончены и поэтичны; но тѣмъ мизернѣе является главное содержаніе романа и тѣмъ рѣзче выступаетъ фальшь главныхъ фигуръ. Поэтическій талантъ Гончарова еще разъ сказался въ деталяхъ новаго романа со всею своею силой, съ тою силой, вдохновенныя проявленія которой давно восхищали насъ въ „Обыкновенной Исторіи“ и въ „Обломовѣ“. И если новый романъ по основной канвѣ, по общей формѣ, представляетъ цѣлое фальшивое, натянутое, плодъ рефлексіи безъ вдохновенія, а потому необходимо заблуждающейся, то въ тѣхъ частностяхъ, которыя мы старались указать, въ деталяхъ будничной, старомодной, провинціальной жизни, „Обрывъ“ представляетъ богатый запасъ поэзіи, наблюдательности, тонкаго юмора и теплаго чувства, и живо напоминаетъ лучшія страницы прежнихъ произведеній нашего автора. *Нелюбовъ.*

До-реформенная помѣщичья жизнь и новые люди въ „Обрывѣ“.

Гончарову не пришлось порывать старинныя литературныя связи, когда онъ, въ свою очередь, выступилъ обличителемъ шестидесятниковъ въ своемъ романѣ „Обрывъ“. Правда, онъ всегда былъ предметомъ самаго нѣжнаго и довольно-таки непонятнаго сочувствія нашихъ либераловъ, встрѣтившихъ два первыхъ его романа единодушными похвалами. Но собственно ни къ какой партіи онъ не принадлежалъ, и за нимъ оставалось полное право говорить свободно. Зато его Маркъ Волоховъ, хоть и доставилъ ему нѣсколько довольно рѣзкихъ критикъ, все-таки не вызвалъ противъ Гончарова негодующаго взрыва. А между тѣмъ фигура Волохова подавала поводъ къ серіознымъ и заслуженнымъ нападкамъ. Она носитъ на себѣ явный слѣдъ раздвоенности, вызванный тѣмъ, что авторъ „Обрыва“ подвергнулъ ее передѣлкѣ и тѣмъ исключилъ ея первоначальный обликъ. Если мы вспомнимъ, что „Обрывъ былъ задуманъ Гончаровымъ, по собственному его признанію, уже подъ конецъ 40-хъ годовъ, для насъ станетъ несомнѣннымъ, что ни Маркъ ни, пожалуй, Вѣра не могли такими сложиться у него въ головѣ, какими вышли въ его романѣ. Ни передовыхъ барышень ни увлекательныхъ нигилистовъ въ концѣ 40-хъ годовъ не было. Но помимо этого чисто логическаго соображенія, самый романъ даетъ матеріалъ для подобнаго заключенія. Фигура Марка, какою она является передъ читателемъ, далеко не тождественна съ тою характеристикой, какую далъ Волохову Гончаровъ подъ конецъ „Об-

рыва". Пока Маркъ дѣйствуетъ и говоритъ, передъ нами безшабашный сорвиголова, быть можетъ, нахватавшійся кое-какихъ радикальныхъ теорій, но прежде всего буянъ по темпераменту, какихъ могло быть очень много и въ 40-хъ годахъ, хотя бы среди военной молодежи. Есть что-то ухарски залихватское въ поведеніи Волохова, въ его ухаживаніи за Вѣрой, въ его нахальномъ обращеніи съ Райскимъ что-то напоминающее какого-нибудь выключеннаго изъ полка гусарскаго корнета, несравненно болѣе, чѣмъ радикала 60-хъ годовъ.

Видно, тотъ Волоховъ, который зародился въ фантазіи Гончарова заодно съ сюжетомъ „Обрыва", не вполнѣ успѣлъ преобразоваться подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній. Можетъ быть, оттого-то Гончаровъ и счелъ нужнымъ приклеить къ его фигурѣ длинный комментарій. Повторяю еще разъ, — Маркъ Волоховъ, какимъ онъ является въ романѣ, вовсе не типичный представитель шестидесятниковъ. Онъ, правда, не признаетъ началъ семьи и собственности, но второе изъ нихъ онъ нарушаетъ тѣмъ лишь, что занимаетъ чужія деньги и крадетъ чужія яблоки; а это до него дѣлали и другіе шалопаи, ничего общаго съ нигилизмомъ не имѣвшіе. Семейному началу онъ наноситъ ущербъ болѣе чувствительный, но соблазнять дѣвушекъ безъ намѣренія впослѣдствіи на нихъ жениться — опять-таки далеко не спеціальность однихъ нигилистовъ. Зато комментарій автора, пристегнутый къ фигурѣ Марка, рисуетъ намъ заправскаго шестидесятника базаровскаго типа со всею его непримиримою злобою и съ революціонною страстностью въ придачу. И немудрено, что въ такой придачѣ оказалась надобность. Со времени появленія „Отцовъ и Дѣтей" русское движеніе успѣло далеко уйти впередъ Базарова.

Какъ бы то ни было, нельзя не признать очень не убѣдительными тѣ объясненія, какія Гончаровъ впослѣдствіи далъ своему роману въ своей статьѣ „Лучше поздно, чѣмъ никогда". Онъ утверждаетъ, какъ извѣстно, что Маркъ Волоховъ — представитель типа, очень распространеннаго среди прогрессивной молодежи 60-хъ годовъ, увѣряя насъ въ то же время, что у него не было никакого намѣренія выставить эту молодежь въ непривлекательномъ свѣтѣ. А между тѣмъ выходитъ какъ разъ наоборотъ. Для характеристики шестидесятниковъ Маркъ вовсе не годится. Зато пристегнутый къ роману портретъ этого Марка — портретъ вовсе на него не похожій — несомнѣнно одно изъ самыхъ злыхъ сатиръ на поколѣніе шестидесятниковъ. И намѣренія автора станутъ еще очевиднѣе, если мы сопоставимъ Волохова съ прочими лицами гончаровскаго романа.

Въ „Обрывѣ" Гончаровъ не только противопоставляетъ вялому прекраснодушію, какъ дѣлалъ онъ это прежде, свой любимый типъ практической дѣловитости, — онъ находитъ осуществленіе этого типа въ дореформенной Россіи. Его любимцами здѣсь являются бабушка Татьяна Марковна — это воплощеніе прочной старо-помѣщичьей патріархальности и воспитанная подъ ея крылышкомъ Марѳенька. Да въ придачу къ нимъ солидный молодой помѣщикъ Тушинъ — этотъ

Штольцъ на русскій ладъ, уже безъ всякой заморской примѣси. И прежде Гончаровъ охотно искалъ носителей прогрессивной практичности въ старшемъ поколѣніи. Таковъ Петръ Ивановичъ, проникнутый столичной цивилизаціей дядя Александра Адуева. А Штольцъ, если онъ не старъ годами, зато очень старъ душой. Но все-таки эти не совсѣмъ молодые и необыкновенно трезвые люди выражали собою прогрессивное начало умѣлой практической дѣятельности; отъ нихъ вѣяло несомнѣннымъ Западомъ. Въ „Обрывѣ“ уже не то. И бабушка и Тушинъ не только остатки отживающей эпохи, оказывающей, однако, въ глазахъ ихъ творца гораздо болѣе живою, чѣмъ сама современность, — они подлинные образчики настоящей русской почвенности. Такимъ образомъ въ „Обрывѣ“ идеалъ Гончарова отодвинулся назадъ и въ то же время приблизился къ идеалу славянофиловъ. Если приняться искать въ нашей беллетристикѣ фигуру, наиболѣе сродную Татьянѣ Марковнѣ, мы найдемъ ее въ лицѣ дѣдушки въ „Семейной Хроникѣ“ Аксакова. Какъ истинный художникъ, Гончаровъ сумѣлъ надѣлить самыми богатыми и, въ то же время, самыми правдивыми красками тотъ складъ крѣпостного помѣщичьяго быта, симпатичною представительницей котораго является бабушка, такъ полновластно и такъ мягко правящая своимъ маленькимъ царствомъ. И всѣ окружающія ее фигуры — и кроткая, послушная Марѳенька, точно вышедшая изъ-подъ кисти фламандскаго живописца, и женихъ ея, милый и аккуратный Викентьевъ, и посѣдѣлый любезникъ чуть не екатерининской эпохи — Титъ Никонычъ, этотъ русскій маркизъ, какъ называетъ его Гончаровъ, и вся дворня Татьяны Марковны — все это рядъ улыбающихся фигуръ изъ безобидной, хоть и правдивой эклоги. Ни одной черты, указывающей на гнетъ, на нужду или на горе. Правда, губернскій городъ, около котораго процвѣтаетъ помѣстье Татьяны Марковны, спитъ такимъ же сномъ, какъ щедринскій Глуповъ, и надъ губернскимъ обществомъ стоитъ не оспариваемый никѣмъ авторитетъ отставного генерала. И само это общество вполнѣ достойно своего тупоумнаго владыки. Но все-таки эти неприглядныя черты не заслоняютъ собою главную картину довольства и счастья. Рисунокъ Гончарова до того ярокъ и привлекателенъ, что даже передовая критика не ополчилась на него за идеализацію крѣпостного быта, и читатель, заодно съ нимъ, радуется тому, что здоровые представители молодого поколѣнія —Тушинъ и Марѳенька — являются продолжателями бабушкиныхъ завѣтовъ.

А между тѣмъ „Обрывъ“ появился черезъ десять лѣтъ послѣ реформы 19-го февраля, и умственное броженіе, разныя стороны котораго представлены въ лицахъ Райскаго, Вѣры и Марка Волохова, началось уже на развалинахъ крѣпостного строя. Мало того: этотъ строй не только пересталъ существовать юридически, — самый классъ, бывшій его главнымъ носителемъ, обнаруживалъ въ себѣ явные признаки разложенія.

Быть можетъ, какъ разъ вслѣдствіе этого, Гончарову захотѣлось въ яркихъ образцахъ воскресить хорошія стороны до-реформеннаго

помѣщичьяго быта, противопоставляя ему умственную и нравственную шаткость, какую внесло съ собою новое теченіе.

О Маркѣ Волоховѣ я уже говорилъ. Но романъ Гончарова обращенъ не только противъ идеаловъ шестидесятниковъ, онъ отрицательно рисуетъ и людей предшествовавшаго имъ поколѣнія 40-хъ годовъ. Райскій и Вѣра ничто иное какъ Тургеневскіе герои, при чёмъ первый изъ нихъ занимаетъ среднее мѣсто между Рудинымъ и Лаврецкимъ, а у послѣдней нельзя отрицать нѣкотораго сходства съ Еленой. Фигуры эти были, такимъ образомъ, давно знакомы русскому читателю. Новою была только ихъ обрисовка. Въ статьѣ „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ авторъ „Обрыва“ говоритъ, что въ этомъ романѣ онъ хотѣлъ нарисовать картину проснувшейся Россіи, какъ въ своемъ „Обломовѣ“ онъ представилъ картину ея сна. Райскій, такимъ образомъ, ничто иное, какъ проснувшійся Обломовъ. И все-таки, хотя между обоими есть несомнѣнная духовная связь, неугомонный герой „Обрыва“ ничуть не похожъ на своего предшественника. Его болѣзнь — не спячка Ильи Ильича. Какъ „Лишніе люди“ 40-хъ годовъ, Райскій вынесъ изъ своего воспитанія безпокойное стремленіе къ свѣту и къ дѣятельности, и помѣхой къ достиженію цѣли ему служитъ одно лишь незнаніе, гдѣ найти эту цѣль, неспособность остановиться на одномъ изъ порывовъ, то и дѣло бросающихъ его въ разныя стороны. Недостатокъ энергіи не сказывается въ немъ, какъ въ „Обломовѣ“, неохотой къ движенію, а лишь неспособностью надолго придерживаться разъ принятаго направленія, заниматься опредѣленнымъ дѣломъ. Многосторонній дилетантизмъ — этотъ исконный недугъ просвѣщеннаго дворянства 40-хъ годовъ, вотъ что мѣшаетъ Райскому выбрать себѣ жизненный путь. Конечно, эта духовная немощь сродни безвыходной апатіи Обломова, потому что и та и другая могутъ вырасти лишь на почвѣ дворянской обезпеченности. Тотъ, кому трудиться надо, не станетъ всю жизнь доискиваться своего призванія, не станетъ, въ особенности, мечтать о такомъ трудѣ, который дается безъ усилія и безъ подготовки. Но все-таки, если Обломовъ и Райскій могутъ считаться продуктами одной и той же среды, они далеко не родные братья. Изъ дѣятельности Райскихъ обыкновенно ничего не выходило; это правда. Изъ нихъ составляется активная часть общества, поддерживающая въ немъ интересъ къ мысли, если не къ дѣлу. Какъ Рудинъ и Лаврецкій, гораздо болѣе похожіе на Райскаго, чѣмъ Обломовъ, герой „Обрыва“ не оставитъ послѣ себя прямыхъ результатовъ своей дѣятельности. Но однимъ все-таки Россія была несомнѣнно обязана людямъ его склада: когда настало время реформъ, у этихъ людей и только у нихъ оказался запасъ готовыхъ мыслей и готоваго усердія. Этого забывать нельзя и кличкою лишнихъ ихъ клеймить не зачѣмъ.

Было бы очень интересно узнать, какъ сложилась на первыхъ порахъ въ умѣ Гончарова фабула его романа. Задуманъ онъ былъ, какъ утверждаетъ самъ авторъ, заодно съ „Обломовымъ“. Но если такъ, въ фантазіи Гончарова одновременно сложились и образъ дре-

млющей Россіи и картина ея пробужденія. Тотъ самый помѣщичій бытъ, который въ снѣ Обломова является такимъ неподвижнымъ и ветхимъ, твердо стоитъ на ногахъ въ бабушкиномъ помѣстьѣ, и не только стоитъ, но работаетъ. Такимъ образомъ, одна и та же эпоха, одинъ и тотъ же бытъ далъ Гончарову матеріалъ для двухъ совершенно противоположныхъ темъ, противоположныхъ не только по своему характеру, но и по направленію симпатій автора. Въ „Обломовѣ“ Гончаровъ проповѣдуетъ лихорадочную дѣятельность по образцу Штольца, въ „Обрывѣ“ его сочувствіе на сторонѣ традицій прочной старины, и безпокойные порывы обновителей ему кажутся нѣсколько смѣшными. Объяснить это можно двоякимъ образомъ. „Обрывъ“ писался очень долго, слишкомъ двадцать лѣтъ, и, благодаря этому, рамки его раздвигались, постепенно вмѣщая въ себя все новыя жизненныя явленія. Но, помимо этого, можно догадаться, что даже когда онъ задумывалъ „Обломова“, Гончаровъ на самомъ дѣлѣ вовсе не ощущалъ ненависти къ неподвижному складу помѣщичьяго быта, что сочувствіе его всегда принадлежало старинѣ. Эту старину ему хотѣлось оживить, придать ей болѣе энергіи, болѣе умѣлости. И какъ это сдѣлать, онъ показалъ въ образахъ бабушки и Тушина. Но разрушить ее онъ не желалъ вовсе, и подрывать ея устои казалось ему дерзкимъ посягательствомъ. Вотъ почему къ Райскому онъ не относится даже съ тою полускрытою мягкою жалостью, съ какою очерчены фигуры Александра Адуева и Обломова. Райскій надѣленъ безусловно комическими чертами. И если ему разъ удалось, когда онъ публично осадилъ генерала, дорасти до заправскаго героя, онъ зато нерѣдко попадаетъ въ самыя нелѣпыя положенія. Райскій комиченъ, и когда онъ напрасно ухаживаетъ за своей кузиной Бѣловодовой, и когда чуть-чуть влюбляется въ Марѳеньку, и когда читаетъ длиннѣйшія лекціи Вѣрѣ, и, наконецъ, когда даетъ себя одурачить Марку Волохову. Но онъ уже прямо смѣшонъ, и не только смѣшонъ, а низокъ, когда на половину лишь разыгрываетъ роль Іосифа съ женой своего пріятеля Козлова и, почти уступая насильно, даетъ себя увлечь этой новой женѣ Пентефрія. Гончаровъ не могъ не замѣчать этихъ слабыхъ сторонъ своего героя, да въ концѣ романа онъ и поступилъ съ нимъ, какъ со всѣми героями-неудачниками поступали ихъ творцы. Онъ отправилъ его путешествовать за границу, гдѣ заодно съ Бельтовымъ, съ Тамаринымъ, съ Павломъ Петровичемъ Кирсановымъ и многими другими, онъ, вѣроятно, занималъ праздные досуги путешествующихъ русскихъ дамъ.

Вѣры тоже коснулся безпокойный духъ новизны, и за это Гончаровъ заставляетъ свою героиню пройти черезъ рядъ тяжелыхъ минутъ, пока, наконецъ, онъ даетъ ей отдохнуть въ тихой пристани домашняго счастья. Счастье ли, въ самомъ дѣлѣ, можно найти въ этой пристани вдвоемъ съ дубоватымъ Тушинымъ, — въ этомъ позволительно усомниться. Но такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ авторъ. Онъ находитъ, повидимому, что тѣмъ, кто заразился духомъ непокорства, не войти безъ труда въ обѣтованную землю. Вѣра, хоть и была она

воспитана бабушкой, но не подчинялась стариннымъ завѣтамъ, какъ ея младшая сестра. Ее рано потянуло къ независимости, и даже въ строгомъ бабушкиномъ домѣ она сумѣла выгородить себѣ почти безграничную свободу. Съ Маркомъ Волоховымъ ее сблизило, вѣроятно, родство ихъ натуръ общее имъ обоимъ строптивое непокорство. Чѣмъ бы инымъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ плѣнить ее Маркъ? Онъ вѣдь не приносилъ ей, какъ Рудинъ Наташѣ свѣтъ новаго болѣе широкаго кругозора, или какъ Инсаровъ Еленѣ соблазнъ освободительнаго подвига. Трудно въ самомъ дѣлѣ, видѣть подвигъ въ кражѣ чужихъ яблоковъ, или въ учиненіи каверзъ административнымъ властямъ. Вѣра стремилась къ самостоятельности вовсе не затѣмъ, чтобы бороться за какую-нибудь идею. Эгоистка въ душѣ — въ цѣломъ романѣ у нея не проявляется ни одной сердечной искры — она хотѣла лишь стряхнуть съ себя надоѣдливыя домашнія стѣсненія. И она бросилась на шею Марку — первому мужчинѣ, въ которомъ она встрѣтила такую же готовность не признавать надъ собой никакой власти. Маркъ не обманывалъ ее ни мишурнымъ блескомъ революціонной проповѣди ни увѣреніями въ безпредѣльной любви. Онъ выдавалъ себя за то, что былъ на самомъ дѣлѣ, — за человѣка, который требовалъ, чтобы съ женщинами выходилъ „толкъ“ и чтобы этому времяпровожденію не мѣшали предразсудки. Онъ былъ только повѣсою, взявшимся за роль Базарова. И Вѣра — умная, гордая, изящная Вѣра — пошла на этотъ незатѣйливый соблазнъ. Пошла бы она, вѣроятно, и за Райскимъ, если бъ онъ не обнаружилъ такой не рыцарской боязни спуститься на дно обрыва и не такъ надоѣдалъ ей своими витіеватыми проповѣдями. Вопреки установившемуся мнѣнію, Вѣра совсѣмъ не заслуживаетъ своего поэтическаго ореола. Въ паденіи ея ничего нѣтъ рокового и ничего идеальнаго. Не только тургеневская Елена — этотъ свѣтлый прототипъ рускихъ передовыхъ дѣвушекъ — даже тѣ неказистыя женскія фигуры, которыми кишатъ романы третьестепенныхъ шестидесятниковъ, головой выше героини „Обрыва“. Ихъ все-таки увлекали идеи, хотя большей частью и сумбурныя. Вѣру увлекла одна чувственность, и, сходя къ Марку на дно обрыва, она знала, что дѣлала. Если Гончарову угодно было ея раскаяніе представить въ такихъ ужасающихъ краскахъ, это раскаяніе свидѣтельствуетъ объ одномъ лишь — о женской непослѣдовательности. И, если, въ концѣ концовъ, въ награду за него она получила твердую жизненную опору въ лицѣ Тушина, кто знаетъ, не была ли эта награда на самомъ дѣлѣ наказаніемъ.

Головинъ.

Галлерея мужскихъ портретовъ въ произведеніяхъ Гончарова.

Помѣщица Адуева въ „Обыкновенной исторіи“, отправляя сына въ Петербургъ, поручаетъ его заботамъ дяди. Среди прочихъ наивныхъ просьбъ о миломъ Сашенькѣ, она даетъ наставленіе петербургскому

чиновнику: „Сашенька привыкъ лежать на спинѣ: отъ этого, сердечный, больно стонетъ и мечется; вы тихонько разбудите его да перекрестите: сейчасъ и пройдетъ; а лѣтомъ покрывайте ему ротъ платочкомъ: онъ его разѣваетъ во снѣ, а проклятыя мухи такъ туда и лѣзутъ подъ утро“ (36, I). Эта черта любви, соединенной съ умственной ограниченностью, сразу опредѣляетъ характеръ воспитанія Александра. Въ томъ же письмѣ, черезъ нѣсколько строкъ, говорится о крѣпостномъ человѣкѣ, лакеѣ молодого барина: „присмотрите за Евсеемъ: онъ смирный и непьющій, да, пожалуй, тамъ въ столицѣ, избалуется, — *тогда можно и посѣчь*“. *Растлѣвающее вліяніе* крѣпостного права, впившееся въ кровь и плоть цѣлыхъ поколѣній, и теплая, мягкая, разслабляющая атмосфера семейной любви — таковы условія, въ которыхъ проходятъ дѣтскіе и отроческіе годы Александра Адуева, Райскаго, Обломова.

Праздность, сдѣлавшаяся не только привычкой, но возведенная въ принципъ, въ исключительную привилегію людей умныхъ и талантливыхъ — вотъ результатъ этого воспитанія.

Александръ пріѣхалъ въ Петербургъ, по собственному признанію, чтобы жить и „пользоваться жизнью“, при чемъ „трудиться казалось ему страннымъ“ (838, I). Когда изъ редакціи журнала вернули молодому автору рукопись, онъ сказалъ себѣ: „нѣтъ! если погибло для меня благородное творчество въ сферѣ изящнаго, такъ я не хочу и труженичества: въ этомъ судьба меня не переломитъ!“ (48, I, ч. 2). Въ работѣ видитъ онъ несомнѣнный признакъ отсутствія таланта, искры Божіей и вдохновенія. Отъ подобныхъ взглядовъ — одинъ шагъ до обломовскаго халата. Шагъ этотъ сдѣланъ Александромъ послѣ двухъ-трехъ неудачъ въ любви и въ литературѣ. „Узкій щегольской фракъ, — говоритъ авторъ, — онъ замѣнилъ широкимъ халатомъ домашней работы“ (890, I, 2). „Я стремиться выше не хочу, — разсуждаетъ онъ съ дядей, — я хочу такъ остаться, какъ есть... Нашелъ простыхъ людей, нужды нѣтъ что ограниченныхъ умомъ, играю съ ними въ шашки и ужу рыбу — и прекрасно!... Хочу, чтобы мнѣ не мѣшали быть въ моей темной сферѣ, не хлопотать не о чемъ и быть покойнымъ“ (107, I, 2). Вотъ цѣликомъ обломовская программа жизни. Александръ Адуевъ — это Илья Ильичъ въ молодости, и притомъ въ болѣе ранній періодъ русской жизни. Интересно наблюдать на первообразѣ Обломова отблескъ молодыхъ въ тѣ времена байроническихъ идей, связь Обломова съ героями Лермонтова и Пушкина. „Безъ малаго въ восемнадцать лѣтъ“ — онъ ужъ „разочарованный“ и говоритъ о жизни съ пренебреженіемъ, подражая Печорину и Онѣгину. Обломовъ проще: у него нѣтъ напускного байронизма и фразерства. Въ хорошія минуты онъ глубоко сознаетъ свое нравственное паденіе. Александръ Адуевъ въ эпилогѣ радуется „фортунѣ, карьерѣ и богатой невѣстѣ“; самодовольная пошлость противнѣе въ немъ обломовскаго сна и апатіи.

Ильѣ Ильичу, — говоритъ авторъ, — доступны были наслажденія высокихъ помысловъ; онъ нечуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ

скорбей. Онъ горько въ иную пору плакалъ надъ бѣдствіями человѣчества, испытывалъ безвѣстныя, безыменныя страданія и тоску, стремленіе куда-то вдаль, туда, вѣроятно, въ тотъ міръ, куда увлекалъ его, бывало, Штольцъ. Сладкія слезы потекутъ по щекамъ его...“ Но вмѣстѣ съ тѣмъ у него со слугою происходятъ такія сцены: какъ-то Захаръ имѣлъ несчастіе, въ разговорѣ о переѣздѣ съ квартиры, заикнуться, что „другіе, молъ, не хуже насъ, а переѣзжаютъ“, слѣдовательно, и намъ нечего безпокоиться. Илья Ильичъ страшно разсердился. „Онъ въ низведеніи себя Захаромъ до степени другихъ видѣлъ нарушеніе правъ своихъ на исключительное предпочтеніе Захаромъ особы барина всѣмъ и каждому...

„—Я — „другой“! Да развѣ я мечусь, развѣ работаю? мало ѣмъ, что ли? худощавъ или жалокъ на видъ?... Я ни разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, славу Богу!... Я ни холода ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, *хлѣба себѣ не зарабатывалъ и вообще чернымъ дѣломъ не занимался...*“

Какъ все это примирить съ благородными слезами Ильи Ильича, плачущаго надъ бѣдствіями человѣчества? Не правдивѣе ли „высокихъ помысловъ“ и „безыменныхъ страданій“ другія, болѣе конкретныя мечты лѣниваго барина: „ему видятся все ясные дни, ясныя лица безъ заботъ и морщинъ, смѣющіяся, круглыя, съ яркимъ румянцемъ, съ двойнымъ подбородкомъ и неувядающимъ аппетитомъ; будетъ вѣчное лѣто, вѣчное веселье, сладкая ѣда да сладкая лѣнь“ Если у него нѣтъ ничего искренняго, кромѣ мечтаній о подобномъ счастьѣ, къ чему лицемѣріе — „высокіе помыслы“? Читатель готовъ произнести Обломову жестокій и безповоротный приговоръ. Но онъ переходитъ къ сценѣ, гдѣ Илья Ильичъ навѣки прощается съ Ольгой; она говоритъ ему: „Я любила будущаго Обломова! Ты кротокъ, чистъ, Илья; ты нѣженъ... какъ голубь; ты прячешь голову подъ крыло — и ничего не хочешь больше; ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей... да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще, а чего — не знаю! Можешь ли научить меня, сказать — что это такое, чего недостаетъ, дать это все, чтобъ я... *А нѣжность... гдѣ ея нѣтъ!*“ У Обломова подкосились ноги... Слово было жестоко; оно глубоко уязвило Обломова... Онъ въ отвѣтъ улыбнулся какъ-то жалко, болѣзненно-стыдливо, какъ нищій, котораго упрекнули его наготой. Онъ сидѣлъ съ этой улыбкой безсилія, ослабѣвшій отъ волненія и обиды; потухшій взглядъ его ясно говорилъ: *„да, я скуденъ, жалокъ, нищъ... бейте, бейте меня!“* Произнесъ ли читатель и теперь надъ несчастнымъ человѣкомъ едва не сорвавшійся съ устъ жестокій приговоръ? Развѣ какой-нибудь Штольцъ, гордый своими совершенствами, возбуждаетъ столько любви и теплой человѣческой симпатіи, какъ бѣдный Илья Ильичъ?

Райскій — воплощеніе и развитіе созерцательной, артистической стороны обломовскаго типа. Такія мягкія, впечатлительныя и лѣнивыя натуры — благодарная почва для художественнаго дилетантизма. Райскій — эстетикъ, воспитанный въ духѣ сороковыхъ годовъ. „Равно-

душный ко всему на свѣтѣ, кромѣ красоты", онъ „покорялся ей до рабства, былъ холоденъ ко всему, гдѣ не находилъ ея, и грубъ, даже жестокъ ко всякому безобразію". Впрочемъ, несмотря на это странное поклоненіе красотѣ, изъ Райскаго настоящаго художника не выйдетъ — вслѣдствіе той же обломовской лѣни и привычки жить „на всемъ готовенькомъ". Съ обычной, нѣсколько циничной, манерой Маркъ Волоховъ предсказываетъ Райскому: „Нѣтъ, изъ васъ ничего не выйдетъ, кромѣ того, что вышло, т.-е. очень мало. Много этакихъ у насъ было и есть: всѣ пропали или спились съ кругу... *Это все неудачники*".

Бабушка остроумно замѣчаетъ про него: „ни Богу свѣчка ни чорту кочерга".

Да и самъ Райскій сознаетъ свою обломовщину: „я уродъ... я больной, ненормальный человѣкъ, и притомъ я отжилъ, испортилъ, исказилъ... или нѣтъ, не понялъ своей жизни".

У Райскаго, какъ и у Обломова, есть „высокіе помыслы" и „слезы о бѣдствіяхъ человѣчества", которые тоже находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ характеромъ и жизнью дилетанта.

Характеръ Райскаго задуманъ широко и сложно. Настроеніе его до такой степени измѣнчиво и прихотливо, что нельзя въ немъ ни на чемъ остановиться, ничего предсказать. Онъ созданъ весь изъ тонкихъ переплетенныхъ и запутанныхъ противорѣчій. Поэту, изобразившему подобный характеръ, пришлось бороться съ такими же трудностями, какъ живописцу, который задумалъ бы перенести на полотно радугу: неуловимая нѣжность тоновъ, мимолетность, безчисленность оттѣнковъ и отблесковъ.

При смѣнѣ двухъ историческихъ эпохъ являются характеры, принадлежащіе той и другой, нецѣльные, раздвоенные. Въ нихъ есть глубокое неизгладимое противорѣчіе: симпатіи, убѣжденія, вѣрованія принадлежатъ новому времени, привычки, вкусы, темпераментъ — прошлому. Побѣждаетъ въ большинствѣ случаевъ не разумъ, а безсознательныя симпатіи, не воля, а инстинктъ, не убѣжденія, а темпераментъ, отжившее торжествуетъ надъ живымъ, и человѣкъ гибнетъ жертвой этой борьбы. Такъ гибнетъ въ пошлости Александръ Адуевъ, въ апатіи — Обломовъ, въ дилетантизмѣ — Райскій.

Одинъ изъ основныхъ мотивовъ Гончарова — сопоставленіе съ этими праздными, нерѣшительными, мягкими характерами личностей дѣятельныхъ, рѣзкихъ, сильныхъ, съ твердой до жестокости волей. Волоховъ сопоставленъ съ Райскимъ въ „Обрывѣ", Штольцъ — съ Обломовымъ, дядя — съ Александромъ въ „Обыкновенной исторіи". Какъ ни отличенъ чиновникъ Адуевъ отъ нигилиста Волохова, и этотъ послѣдній — отъ аккуратнаго, добродѣтельнаго нѣмца Штольца, у всѣхъ троихъ есть общая черта, особенно по контрасту съ лѣнивымъ обломовскимъ типомъ: у всѣхъ троихъ *разсудокъ преобладаетъ надъ чувствомъ, расчетъ надъ голосомъ сердца, практичность надъ воображеніемъ, способность къ дѣйствію надъ способностью къ созерцанію.* Слова, которыми Але-

ксандръ характеризуетъ своего дядю, можно вполнѣ примѣнить и къ Штольцу. „Дядя любитъ заниматься дѣломъ, что совѣтуетъ и мнѣ: „мы принадлежимъ къ обществу, — говоритъ онъ, — которое нуждается въ насъ". Занимаясь, онъ не забываетъ и себя: „дѣло доставляетъ деньги, а деньги комфортъ, который онъ очень любитъ". Штольцъ также весьма дорожитъ комфортомъ. Въ сущности его буржуазное счастіе съ Ольгой ничѣмъ не лучше „фортуны" чиновника Адуева.

Всѣ замѣчали, да и самъ авторъ сознается, что нѣмецъ Штольцъ — неудачная, выдуманная фигура. Чувствуется утомленіе отъ длинныхъ и холодныхъ разговоровъ его съ Ольгой. Онъ тѣмъ болѣе теряетъ въ нашихъ глазахъ, что стоитъ рядомъ съ Обломовымъ, какъ автоматъ рядомъ съ живымъ человѣкомъ. Дядя въ „Обыкновенной исторіи" нарисованъ тоже нѣсколько прямолинейно и сухо, болѣе искусно, чѣмъ художественно.

Какъ бы ни были велики шансы на побѣду и права на превосходство *дѣятельнаго типа*, есть у него одинъ важный недостатокъ.

Въ „Обыкновенной исторіи" дядя старается утѣшить племянника, испытывающаго неподдѣльное горе вслѣдствіе первыхъ разочарованій любви.

„ — Что мнѣ дѣлать съ Александромъ? говоритъ Адуевъ женѣ: — онъ тамъ у меня разревѣлся... Я уже не мало убѣждалъ его.

„ — Только убѣждалъ?

„ — И убѣдилъ: онъ согласился со мной... Тутъ, кажется, все, что нужно.

„ — Кажется все, а онъ плачетъ...

„ — Я не виноватъ, я сдѣлалъ все, чтобы утѣшить его.

„ — Что же ты сдѣлалъ?

„ — Мало ли?... я говорилъ битый часъ... даже въ горлѣ пересохло... всю теорію любви, точно на ладони, такъ и выложилъ, и денегъ предлагалъ, и ужиномъ и виномъ старался...

„ — А онъ все плачетъ?

„ — Такъ и реветъ! Подъ конецъ еще пуще.

„ — Удивительно! Пусти меня, я попробую..."

Она пошла къ Александру, „сѣла подлѣ него, посмотрѣла на него пристально, какъ только умѣютъ глядѣть иногда женщины, потомъ тихо отерла ему платкомъ глаза и поцѣловала въ лобъ, а онъ прильнулъ губами къ ея рукѣ... Черезъ часъ онъ вышелъ задумчивъ, но съ улыбкой, и уснулъ первый разъ покойно послѣ многихъ безсонныхъ ночей..."

Конечно, и практическій Штольцъ оказался бы въ этомъ случаѣ, подобно умному дядѣ, въ глупомъ, безпомощномъ положеніи и не сумѣлъ бы утѣшить несчастнаго такъ, какъ его утѣшила простая, непрактичная, но *любящая* женщина.

Вотъ непоправимая слабость этихъ гордыхъ людей, именующихъ себя „грядущей новой силой". *У нихъ нѣтъ любви.*

Дайте человѣчеству роскошь знаній, утонченность культуры, все, чѣмъ такъ дорожитъ Штольцъ; дайте ему полное равенство матеріаль-

ныхъ благъ, справедливое удовлетвореніе потребностей, все, что требуетъ Маркъ Волоховъ; но если при этомъ вы откажете въ *божественной* любви, въ состраданіи, въ томъ братскомъ поцѣлуѣ, который одинъ только утѣшаетъ несчастныхъ, то всѣ дары будутъ тщетными, и люди останутся такими же нищими и одинокими, какими были до сихъ поръ.

Штольцъ, Маркъ Волоховъ, дядя Александра — *только разумомъ* понимаютъ преимущество нравственнаго идеала, какъ понимаютъ устройство какой-нибудь полезной машины, но *сердцемъ* они мало любятъ людей *и не вѣрятъ въ божественную тайну міра*, — вотъ почему въ ихъ добродѣтели есть что-то холодное, сухое, жестокое и самолюбивое.

Они не поняли великой заповѣди: *будьте просты, какъ дѣти*, не поняли этихъ словъ, можетъ-быть, самыхъ прекрасныхъ, когда-либо на землѣ произнесенныхъ: „если имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, *а не имѣю любви, то я ничто. И если я раздалъ все имѣніе мое и отдалъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы*“. *Мережковскій.*

Галлерея женскихъ портретовъ въ произведеніяхъ Гончарова.

„Къ особенностямъ таланта Гончарова, — писалъ еще въ 1848 г. Бѣлинскій, — принадлежитъ необыкновенное мастерство рисовать женскіе характеры. Онъ никогда не повторяетъ себя, ни одна женщина не напоминаетъ собой другую, и всѣ, какъ портреты, превосходны“. „Женщины его — живыя, вѣрныя дѣйствительности, созданія“. Эти слова, сказанныя по поводу перваго романа разбираемаго писателя, *Обыкновенная исторія*, вполнѣ подтвердились всѣми позднѣйшими его произведеніями, какъ романами, такъ и *Литературнымъ вечеромъ*. У Гончарова находимъ цѣлую галлерею женскихъ образовъ различныхъ сословій, возрастовъ, характеровъ, взглядовъ на жизнь и образованіе. Всѣ они, начиная съ дворовой бабы до великосвѣтской красавицы, отъ простодушной деревенской барышни до дѣвушки съ высшими, хотя и недостаточно опредѣленными, запросами отъ жизни, — всѣ носятъ на себѣ яркій отпечатокъ русской дѣйствительности. Опуская разнообразные типы дворни, постараемся представить женщинъ Гончарова въ отдѣльныхъ группахъ. Передъ нами, *во-первыхъ*, великосвѣтскія маменьки, Бѣловодова, княгиня въ Верхлевѣ, тетка Бѣловодовой, тетка Ольги, княгиня въ *Литературномъ вечерѣ* и тамъ же графиня; *во-вторыхъ*, русскія помѣщицы, никогда не выѣзжавшія изъ деревень дальше ближайшаго уѣзднаго города, матери: Адуева, Обломова, бабушка, и, хотя живущая въ Петербургѣ, но сохранившая привычки деревенской помѣщицы, мать

Наденьки; *въ-третьихъ*, воспитанницы великосвѣтскихъ маменекъ: Тафаева и Софья Николаевна Бѣловодова; *въ-четвертыхъ*, какъ контрастъ съ ними, натуры непосредственныя: Агафья Матвѣевна, Наташа, Марѳенька; *въ-пятыхъ*, натуры исковерканныя: Уленька и Полина Критская *(Обрывъ)*; *въ-шестыхъ*, наконецъ, женщины *новыя*, съ запросами отъ жизни: жена дяди Адуева, Елизавета Александровна, Наденька, Лиза, Ольга и Вѣра.

Женщины первой группы живутъ исключительно въ свѣтѣ, и для него только и готовятъ своихъ дочерей, его только мнѣніе уважаютъ, жестоко карая малѣйшее уклоненіе отъ его законовъ. Время у нихъ проходитъ въ визитахъ, разъѣздахъ по магазинамъ, спектакляхъ и пріемахъ у себя. Если и являются онѣ изрѣдка въ своихъ далекихъ помѣстьяхъ, то никогда „не спускаются до мелкаго люда, копошащагося вокругъ нихъ“, не входя ни въ какія сношенія съ сосѣдями. Забравъ въ руки бразды правленія, самовластно распоряжаются и мужемъ и дѣтьми, строго храня приличія своего круга, какъ мать Бѣловодовой; дорожа именемъ, репутаціей и важностью дома, платятъ, несмотря на скупость, долги членовъ семьи, какъ это дѣлаютъ тетки Софьи, Пахотины, и считаютъ для себя унизительнымъ входить въ хозяйственныя распоряженія, подобно теткѣ Ольги. Въ ихъ салонахъ не дозволяется говорить громко, и разговоръ рѣдко выходитъ изъ предѣловъ текущей жизни или родовыхъ воспоминаній. Райскій только въ комнатѣ Софьи могъ спорить съ ней, да и тутъ зоркій глазъ тетушки не оставлялъ ихъ въ покоѣ даже изъ-за картъ. „Если же при теткахъ затрогивались вопросы живые, глубокіе, то старухи, и тономъ и сентенціями, тотчасъ же клали на всякій разговоръ свою патентованную печать“. Если молодые люди въ этихъ замкнутыхъ семьяхъ чѣмъ-нибудь выражали свои чувства симпатіи не только къ людямъ низшаго круга, какъ Бѣловодова къ учителю Ельнину, но даже и къ своимъ аристократическимъ знакомымъ, какъ графъ Милари, на нихъ обрушивался гнѣвъ всей родни. Ольга могла свободно гулять и читать съ Обломовымъ только потому, что это былъ уже не очень молодой человѣкъ, и, по понятіямъ тетки, не могъ нашептывать дѣвушкѣ вредныхъ теорій или давать вредныя книги. Все было чинно, чопорно въ этомъ заколдованномъ мірѣ; всякое чувство дозволялось въ мѣру, и жилось скучно, смертельно скучно. За каждымъ важнымъ и неважнымъ шагомъ въ жизни стояло грозное „que dira-t-on?“ Но какъ ни зорко слѣдитъ за молодымъ поколѣніемъ строгая маменька, дочки, при помощи кузеновъ, ухитряются тайкомъ знакомиться и съ запретными романами французскаго ультрареализма (княжна Тецкая). Изъ этого круга выдѣляются на литературномъ вечерѣ тонкая цѣнительница искусства, „съ глазами сфинкса и загадочной улыбкой“, графиня Синявская, и „тридцатилѣтняя вдовушка, съ дѣтскими глазами и вѣчной улыбкой, Лилина, всегда всѣми довольная, всѣхъ любившая, всѣми любимая, страстная охотница до домашнихъ спектаклей, всякихъ чтеній и концертовъ“.

Несравненно болѣе мѣста удѣляетъ писатель представительницамъ міра захолустнаго помѣщичества. Заключенныя въ своихъ усадьбахъ, онѣ всю жизнь всецѣло посвящаютъ дѣтямъ и внукамъ и не знаютъ никого и ничего, кромѣ родного гнѣзда. Таковы жизнь и мечты о судьбѣ любимаго дѣтища у матерей Адуева, Обломова и Штольца; таковы же онѣ у матери Наденьки, и даже у бабушки. Мать Штольца хотя и не помѣщица, и болѣе образована, но, живя въ гувернанткахъ, въ барскихъ домахъ, усвоила себѣ тотъ же идеалъ для своего сына. Въ противоположность грубому воспитанію мужа, она хочетъ видѣть въ сынѣ барченка бѣленькаго, прекрасно сложеннаго, съ маленькими руками и ногами, яснымъ лицомъ и свѣтлымъ взглядомъ, — словомъ такого, на какихъ она наглядѣлась въ барскихъ домахъ. Въ будущемъ ей мерещился въ сынѣ идеалъ барина, которому не зачѣмъ вставать съ зарей, ходить по фабрикамъ и заводамъ, разбирать засаленныя записки мужиковъ, входить въ сношенія съ фабричными. Матери Обломова и во снѣ не снился никакой трудъ для ея Ильюши: онъ бариномъ родился, бариномъ и проведетъ всю жизнь. Живетъ она среди приживалокъ и дворни, переходя отъ кофе къ чаю, отъ чая къ обѣду, сидитъ въ долгіе зимніе вечера съ чулкомъ въ рукахъ на диванѣ; развлекается святочнымъ наряжаньемъ, радуется пріѣзду гостьи, съ которой можно обняться и поплакать, также для развлеченья; и ограничиваетъ свое образованіе знаніемъ всевозможныхъ примѣтъ, не примиряясь съ мыслью, что Ильюшѣ необходимо ученье. Такова же и Анна Павловна Адуева. Также вѣритъ она въ сны и примѣты; думаетъ, что сына ея испортили въ Петербургѣ, и зоветъ Никитичну пошептать надъ спящимъ и подуть на воду. Всѣ ея заботы о сынѣ сводятся къ хорошей пищѣ, спокойному сну и его женитьбѣ. „Останься, — уговариваетъ она Александра, отправляющагося въ столицу, — женился бы здѣсь, послалъ бы Богъ дѣточекъ; я бы ихъ няньчила, и жили бы безъ горя, безъ заботъ, и прожилъ бы ты вѣкъ свой мирно, тихо, никому бы не позавидовалъ“. Для счастья сына она готова даже покривить душой: Соню, ради которой она такъ удерживаетъ его въ деревнѣ, „можно и въ сторону, если встрѣтится невѣста у начальника, или знатнаго и богатаго вельможи“. За здоровье и счастіе дѣтища должны нести отвѣтъ всѣ: и дядя, и начальники, и дворовый человѣкъ Евсей. Она не можетъ понять, зачѣмъ ея Сашенькѣ надо работать, и осыпаетъ дядю градомъ упрековъ, когда Евсей доноситъ, что тотъ заставлялъ племянника писать, а не лежать на боку. По ея мнѣнію, работа — дѣло не барское, а холопское.

Неизмѣримо выше всѣхъ этихъ представительницъ старшаго женскаго поколѣнія — бабушка, не отличающаяся отъ нихъ образованіемъ, но зато превосходящая ихъ тонкимъ, непосредственнымъ умомъ, и даже гуманностью, — характеръ цѣльный, находчивый и рѣшительный, хотя, какъ уже мы видѣли, не чуждый предразсудковъ своего сословія и времени. Потерпѣвъ въ ранней юности же-

стокое крушеніе единственной сердечной привязанности, которое сломило бы всякую другую, обыкновенную натуру, эта удивительная женщина не только не расплылась въ безплодномъ нытьѣ или, махнувъ рукой на все, не предалась, по страстной натурѣ, прожиганію жизни, но, глубоко спрятавъ въ душѣ тайну, которую выдала только внучкѣ, сумѣла, оставшись до старости вѣрной первой любви, сохранить такія трогательно деликатныя отношенія къ Титу Никонычу и посвятить всю свою жизнь счастію внучатъ. Безупречно проживъ долгій вѣкъ въ провинціальной глуши, она ни разу не подала повода къ сплетнѣ, и за распорядительность, умъ и доброту справедливо пользуется всеобщимъ уваженіемъ, никому не позволяющимъ снизойти въ обращеніи съ нею до малѣйшей фамильярности. Между тѣмъ сама она, понимая человѣческую слабость, не только никого не давитъ высокомѣріемъ, но великодушно терпитъ даже такихъ людей, какъ пьяница Опенкинъ, Полина Критская, даже такой „озорникъ", какъ ненавистный Маркушка, котораго она всегда готова накормить, какъ бездомнаго, всѣми отверженнаго бѣдняка, уже не говоря о симпатичномъ ей Леонтіи Козловѣ. Уступая предразсудку времени, когда люди, въ родѣ Нила Тычкова, радушно принимались въ нашемъ обществѣ, она терпитъ и его; но стоитъ только этому Тычкову забыться, оскорбить въ ея домѣ гостью, грубо отозваться о племянникѣ, — и она, полная чувства оскорбленнаго достоинства, не остановится передъ торжественнымъ изгнаніемъ изъ дома провинціальнаго туза, какой бы скандалъ изъ этого ни вышелъ. Ограниченная тѣснымъ кругомъ выработанныхъ вѣками правилъ семейной и помѣщичьей мудрости, она въ значительной степени деспотка, твердо держащая въ рукахъ бразды правленія, и совершенно покоряетъ себѣ, до полнаго обезличенія, недалекую Марѳеньку, которую по-своему и дѣлаетъ вполнѣ счастливою, пробуетъ покорить и Вѣру и внука. Что же касается послѣдняго, то она вполнѣ вѣрно и не безъ остроумія оцѣниваетъ его ничтожество для серіознаго дѣла, несмотря на всю его разностороннюю талантливость, и только добродушно подсмѣивается надъ его чудачествами. Она во многомъ въ душѣ съ нимъ и соглашается и, во всякомъ случаѣ, любитъ съ нимъ бесѣдовать, — даже совѣтуется съ нимъ, какъ съ умнымъ и образованнымъ человѣкомъ, такъ что только опасеніе потерять свой авторитетъ мѣшаетъ ей подчасъ открыто признать справедливость его мнѣній.

Такой цѣльный, прекрасный, положительный женскій образъ, и притомъ, безъ утрировки, съ отрицательными, комическими чертами, со множествомъ уживающихся вмѣстѣ противорѣчій, принадлежитъ къ лучшимъ созданіямъ русской литературы. И если сравненіе этого лица съ цѣлой Россіей и кажется немного претенціознымъ, то нельзя не признать, что въ бабушкѣ писатель чудно соединилъ съ тѣмъ, что внесла въ нее современная дѣйствительность, то лучшее, идеальное, что вообще дается только избраннымъ женскимъ натурамъ: широту и глубину всепрощающей любви и признаніе неизбѣжности

совершившихся фактовъ. Въ отживающей бабушкѣ прозрѣваемъ мы тѣхъ лучшихъ русскихъ женщинъ старшихъ поколѣній, которыя не съ брезгливой враждой и подозрительностью отнеслись къ своимъ юнымъ дщерямъ, а, напротивъ, съ любовью благословили ихъ на новую жизнь и новый трудъ, простивъ ихъ увлеченія, въ коихъ повинны не только онѣ сами, увлекшіяся, но и поколѣнія старшія, не умѣвшія во-время предостеречь и направить своихъ питомцевъ.

Отъ представительницъ стараго поколѣнія переходимъ къ воспитаннымъ ими женщинамъ.

Софья Николаевна Бѣловодова — совершенный образецъ комильфотности. Ни одного рѣзкаго, ненужнаго движенія, ни одного скучнаго, утомленнаго взгляда, неосторожнаго или порывистаго слова не подмѣтилъ въ ней Райскій. Это не было преднамѣренное, искусственное спокойствіе, это было естественное слѣдствіе воспитанія, заморозившаго навсегда сердце великосвѣтской красавицы. Весь кодексъ ея нравственныхъ принциповъ сводился къ одному: не выходить изъ правилъ, — вотъ, кажется, и все. Она не только не знаетъ другой жизни, кромѣ той, которой живетъ она и жили ея предки, но ей не надо этого. „Я не знаю этихъ людей, — говоритъ она распинающемуся передъ ней Райскому, — я не понимаю ихъ жизни, мнѣ нѣтъ дѣла до нихъ; у меня все есть, мнѣ ничего не надо“. Когда Райскій говоритъ ей о деревни, рабочихъ бабахъ и ползающихъ на жнивьѣ ребятишкахъ, она какъ будто чувствуетъ что-то неладное въ своемъ познаніи всего этого; оправдывается, что ничего подобнаго не слыхала никогда ни отъ тетушекъ, ни отъ мужа, ни отъ управляющаго, привозившаго ей тысячи, хочетъ даже когда-нибудь провести лѣто въ деревнѣ, и прежде всего не велѣть пускать ребятишекъ ползать съ собаками, а *этихъ* (беременныхъ) бабъ не посылать на работы. „Наконецъ, — говоритъ она, — я не буду брать своихъ карманныхъ денегъ“; но когда Райскій настойчиво пристаетъ къ ней, рисуя картины бѣдности, она нетерпѣливо останавливаетъ его словами: C'est assez, cousin, возьмите деньги и дайте туда“. Даже самый важный фактъ въ жизни женщины — замужество, для нея — явленіе совсѣмъ обыденное, совершающееся по разъ опредѣленному шаблону. На вопросъ Райскаго, какъ она вышла замужъ, она отвѣчаетъ: „Просто, какъ всѣ дѣлаютъ: Поль сдѣлалъ предложеніе черезъ княгиню, та сказала maman, maman теткамъ, позвали родныхъ, объявили рара.—А вы когда узнали? — Въ тотъ же день, разумѣется. Какой вопросъ! Не думаете ли вы, что меня принуждали?“ И замужемъ она была счастлива. Мужъ исполнялъ всѣ ея желанія, даже капризы; жили въ Парижѣ, она блистала при дворѣ, принимала, выѣзжала. — „Да, я была счастлива! — говоритъ Бѣловодова съ убѣжденіемъ, — и уже такъ счастлива я не буду!“ Авторитетъ тетокъ тяготѣетъ надъ нею всю жизнь, — не деспотическій, изъ-подъ котораго она, можетъ-быть, старалась бы выбиться, а, по ея мнѣнію, *законный*. „Какъ же безъ тетушекъ?“ говоритъ она Райскому. Графа Милари она прини-

маетъ потому, что papa и mes tantes его принимаютъ. Онъ вездѣ принятъ, очень скроменъ, деликатенъ, прекрасно воспитанъ. Но и съ этимъ деликатнымъ, прекрасно воспитаннымъ, она не могла завязать болѣе близкаго знакомства... Натура совсѣмъ обыкновенная, не выдающаяся умомъ, блещущая красотой статуи, она вполнѣ подчинялась окружающему; какъ статуя же, отлилась она въ неподвижныя формы и, недоступная ничему живому, не могла откликнуться ни на какой призывъ къ участію въ общечеловѣческой жизни.

Яркій контрастъ съ сентиментальной, отталкивающей эгоисткой, Тафаевой, и „мраморной красавицей“ Бѣловодовой, представляютъ два высоко симпатичные образа совсѣмъ ужъ непосредственныхъ, нетронутыхъ условными приличіями, натуръ: Наташа и вдова Пшеницына.

Кроткая, ласковая, полная беззавѣтной любви, ни на что не претендующая, эта милая дѣвушка, Наташа, носящая въ себѣ родовой разрушительный недугъ чахотки, инстинктивно видитъ въ Райскомъ что-то высшее, поэтическое. Она полюбила его „не страстью, а какою-то, ничѣмъ не возмутимою, ничего не боящеюся, любовью, безъ слезъ, безъ страданій, безъ жертвъ, потому что и не понимала, что такое жертва; не понимала, какъ можно полюбить, и опять не полюбить. Для нея любить значило дышать, жить, не любить — перестать дышать и жить“. Для Наташи нѣтъ никакихъ требованій, никакихъ желаній. Цѣлыхъ два года неослабно тянется, до самой ея смерти, эта безкорыстная любовь, съ рѣдкими радостями и частыми горестями. Наташа не требовала отъ друга не только его постояннаго присутствія около себя, но покорно смотрѣла на его долгія и частыя отлучки; не упреками и слезами, а „той же улыбкой, тихимъ свѣтомъ глазъ, шопотомъ нѣжной и кроткой любви“, встрѣчала его послѣ мѣсяца разлуки. „Она и не подозрѣвала, что можно сердиться, плакать, ревновать, желать, даже требовать чего-нибудь именемъ своихъ правъ. У ней было одно желаніе и право — любить; онъ же, въ своихъ поискахъ за бурными страстями, забывалъ, что однимъ только сердцемъ жила его бѣдная Наташа. Не умѣя даже оградить себя отъ грубыхъ выходокъ и обидъ окружающихъ, она покорно принимала ихъ, плача и страдая про себя, въ глубокой вѣрѣ въ крѣпко засѣвшее убѣжденіе — *такъ надо*. Ей и въ голову не приходило, что въ жизни можно искать еще чего-нибудь, кромѣ любви. „Она никогда не искала смысла той апатіи, скуки и молчанія, съ которыми другъ ея иногда смотрѣлъ на нее; не догадывалась объ отжившей любви, и не поняла бы никогда причинъ“. А причина была проста: не было и въ этой святой любви никакого разумнаго содержанія, а одна голубиная кротость и чистота Наташи не удержали подлѣ нея Райскаго. И черезъ два года, подавленная, частію, наслѣдственнымъ недугомъ, частію, всѣми этими *такъ надо*, она тихо скончалась на рукахъ своего друга. „Она голубь, а не женщина“ — говоритъ про нее Райскій. — Это былъ чистый, свѣтлый образъ, какъ Перуджиніевская фигура, простодушно и безсознательно жившій и любившій, съ любовью пришед-

шій въ жизнь и съ любовью отходящій отъ нея, съ кроткой и тихой молитвой". Гончаровъ, черезчуръ строго относящійся къ своему творчеству, напрасно считаетъ этотъ образъ *блѣднымъ*. Свѣтлымъ огонькомъ, ласково грѣющимъ читателя, блещетъ онъ среди всѣхъ другихъ, болѣе яркихъ, созданій, и, какъ намъ кажется, если бы не фигурирующій въ романѣ, а *настоящій живой*, романтикъ Райскій, сумѣлъ на нѣсколькихъ страницахъ создать такой удивительный эпизодъ, то онъ, этотъ Райскій, не былъ бы той ничтожностью, какой онъ является въ *Обрывѣ*, а, справедливо увѣровавъ въ свой талантъ, сталъ бы великимъ писателемъ, подобно самому Гончарову.

Другой примѣръ беззавѣтной, глубокой, забывающей о себѣ, любви — Агафья Матвѣевна Пшеницына. Наташа образованнѣе, развитѣе ея: читаетъ книги, и даже дѣлаетъ на нихъ помѣтки; Агафья Матвѣевна, на предложеніе Обломова почитать, „медленно шевеля губами, прочла про себя заглавіе и возвратила книгу, сказавъ, что ужо, когда придутъ святки, заставитъ Ваню почитать вслухъ, а теперь некогда". Наташа во время своей короткой любви страдала; къ Пшеницыной судьба была благосклоннѣе: послала ей нетребовательнаго мечтателя, Райскаго, а добродушнаго Илью Ильича, котораго она могла кормить, обшивать, лелѣять. Эти заботы внести смыслъ и содержаніе въ ея маленькую жизнь и дали нѣсколько лѣтъ такого полнаго счастія, о какомъ ей никогда и во снѣ не снилось. „Ничье обожаніе (даже считая тутъ и чувство Ольги въ лучшую пору ея увлеченія), — говоритъ Дружининъ, — не трогаетъ насъ такъ, какъ любовь Агафьи Матвѣевны къ Обломову, — той самой Агафьи Матвѣевны Пшеницыной, которая съ перваго своего появленія въ романѣ показалась намъ злымъ ангеломъ Ильи Ильича, и увы! — дѣйствительно, сдѣлалась его злымъ ангеломъ". „Тихая, преданная, всякую минуту готовая умереть за своего друга, *барина*, она дѣйствительно загубила его въ конецъ, навалила гробовой камень надъ всѣми его стремленіями, вернула его въ зіяющую пучину на мигъ оставленной обломовщины: но этой женщинѣ все будетъ прощено, за то, что она много любила". Говоря о послѣднемъ появленіи ея въ романѣ, уже послѣ смерти Обломова, критикъ справедливо замѣчаетъ, что это „такія строки, отъ которыхъ сердце разрывается, слезы льются на книгу, и душа зоркаго читателя улетаетъ въ область высочайшей поэзіи".

Къ той же группѣ симпатичныхъ непосредственныхъ натуръ относится и прелестный образъ Мароненьки. Проживая, по выходѣ изъ пансіона, вплоть до замужества, безвыѣздно въ деревнѣ, никогда, ни на минуту, не выходя изъ повиновенія бабушкѣ, она сохранилась чистымъ наивнымъ ребенкомъ, котораго не коснулись ни одна серіозная мысль, ни малѣйшій вопросъ, а тѣмъ болѣе анализъ своей или окружающей жизни. „Вотъ она кто, — говоритъ про Мароненьку Вѣра Викентьеву, указывая на бабочку, кружившуюся около цвѣтка, — троньте неосторожно, цвѣтъ крыльевъ пропадетъ, пожалуй, и совсѣмъ крыло оборвете. Смотрите же, балуйте, любите, ласкайте ее, но Боже

сохрани, огорчить!“ Всегда веселая и довольная, Марѳенька вся ушла въ хозяйство, въ уходъ за цвѣтами и птицами; любитъ возиться съ крестьянскими ребятишками, крестить въ деревнѣ, выпрашивая у бабушки бабамъ холста; распѣваетъ, какъ птичка, пѣсни, а когда соскучится, то и читаетъ, но только такіе романы, гдѣ дѣло кончается свадьбой; также любитъ перечитывать Гулливеровы путешествія, Тома Мура, Песочнаго человѣка, Братьевъ Серапіоновъ. Козловъ давалъ ей читать и серіозныя книги, напр. Les martyres, Шатобріана, Мишле, Гиббона; но она нашла, что все это слишкомъ для нея *высоко и величественно*, и что „исторію нужно читать только учителямъ, чтобы учить“ — и всякое серіозное чтеніе бросила. Она считаетъ невозможнымъ полюбить безъ спроса бабушки, и узнавъ, совсѣмъ для себя неожиданно, что какъ-то невзначай полюбила Викентьева, въ ужасѣ забирается ночью на постель къ бабушкѣ каяться въ великомъ грѣхѣ. Самый бракъ этого ребенка напоминаетъ дѣтскую игру. — „Боялась я, — говоритъ бабушка про жениха съ невѣстой, — что молоды оба ужъ очень, а какъ погляжу на нихъ да подумаю, такъ вижу, что они никогда старше и не будутъ“. — Съ тобой, — обращается она къ жениху, — а не съ другимъ, Марѳенька только и могла слушать соловья, — и, боясь, чтобы внучка „не наглядѣлась на всякое новое распутство“ въ столицѣ или за границей, и не испортилась, настаиваетъ, чтобы молодые жили въ деревнѣ. Не измѣнилась Марѳенька и послѣ помолвки, — развѣ только сдѣлалась какъ будто посдержаннѣе, и уже не скакала, какъ коза. „Поэзія чистая, свѣжая, природная, всѣмъ ясная и открытая, билась живымъ родникомъ въ здоровьи этихъ взрослыхъ ребятишекъ, въ ихъ молодости, открытыхъ, неиспорченныхъ сердцахъ. Ихъ не манила къ себѣ даль; у нихъ не было никакого тумана, никакихъ гаданій. Перспектива была ясна, проста и обоимъ имъ одинаково открыта. Горизонтъ наблюденій и чувствъ ихъ былъ тѣсенъ“. Подобный характеръ, какъ Марѳенька, могъ образоваться и сохраниться такимъ чистымъ и непосредственнымъ только въ далекой Малиновкѣ, подъ неусыпнымъ присмотромъ и руководствомъ бабушки, такъ что авторъ, желая сдѣлать ее, по-своему, счастливой, поступилъ очень хорошо, выдавъ ее замужъ именно за Викентьева.

На рубежѣ между довольными своей судьбой или, такъ или иначе, примирившимися съ нею, и женщинами, стремящимися впередъ — извѣдать невѣдомую, манящую къ себѣ, даль жизни, стоитъ жена Петра Ивановича Адуева, Елизавета Александровна. Вышла она замужъ почти дѣвочкой, безъ запросовъ отъ семейной жизни, — вышла потому, что посватался женихъ, приличный, съ положеніемъ на службѣ и въ обществѣ, не старый, съ репутаціей человѣка вполнѣ порядочнаго. О любви не было и рѣчи. Вскорѣ послѣ знакомства, онъ заговорилъ о свадьбѣ, какъ бы давая знать, что любовь тутъ сама собою разумѣется, и что толковать о ней много нечего. Онъ окружилъ жену комфортомъ, — даже роскошью, исполнялъ малѣйшія ея желанія, пригласилъ въ домъ людей, которые ей нравились, — словомъ,

всѣ наружныя условія счастія, за которымъ гоняется толпа, исполнялись надъ ней, какъ по заданной программѣ, и все избавляло ее отъ мелкихъ и горькихъ заботъ, сушащихъ сердце и грудь бѣдняковъ. Чего бы, кажется, ей желать, и многія на ея мѣстѣ вполнѣ были бы счастливы! Но Елизавета Александровна не удовольствовалась ролью хозяйки и жены въ самомъ прозаическомъ смыслѣ этихъ словъ и искала въ отношеніяхъ къ себѣ мужа любви и ласки, а мужъ, не любя искреннихъ проявленій сердца, не вѣрилъ этой потребности и въ женѣ. Поклоняясь однѣмъ цѣлямъ положительнымъ, онъ требовалъ, чтобы и жена жила не какою-то, по его мнѣнію, мечтательною жизнью. Совсѣмъ упустивъ изъ виду, что у Елизаветы Александровны не было ни картъ, ни службы, ни завода, ни пирушекъ съ пріятелями, — словомъ, ничего такого, что наполняло *его* жизнь, ни, наконецъ, дѣтей, — онъ создалъ для нея тюрьму, изъ которой не было выхода. Подробно развивая Александру, въ видѣ утѣшенія, теорію женитьбы и супружеской жизни, Петръ Ивановичъ говоритъ: „чтобы быть счастливымъ съ женщиной разумно, надо много условій... Надо умѣть образовать изъ дѣвушки женщину по обдуманному плану, — по методѣ, если хочешь, чтобъ она поняла и исполнила свое назначеніе; надо очертить ее магическимъ кругомъ, не очень тѣсно, чтобы она не замѣтила границъ и не переступила ихъ, хитро овладѣть не только ея сердцемъ, — это что̀ — это — скользкое и непрочное обладаніе, — а умомъ, волей, подчинить ея вкусъ и нравъ своему, чтобы она смотрѣла на вещи чрезъ тебя, думала твоимъ умомъ“. И все это, по мнѣнію дядюшки, нужно сдѣлать такъ, чтобы жена отнюдь не чувствовала себя рабой, не измѣняя ни въ чемъ женскаго характера и достоинства. Слѣдуетъ только предоставить ей свободу дѣйствій въ ея сферѣ, но „пусть за каждымъ ея движеніемъ, вздохомъ, поступкомъ, наблюдаетъ проницательный умъ мужчины, чтобы каждое мгновенное волненіе, вспышка, зародышъ чувства, всегда и всюду встрѣчали снаружи равнодушный, но не дремлющій глазъ мужа“. Слѣдуетъ учредить надъ женой постоянный контроль безъ всякой тираніи, и тогда только можно вести ее желаемымъ путемъ. Но даже и по мнѣнію этого практическаго, несомнѣвающагося философа, такой путь не легокъ. „Учись, Александръ, — замѣчаетъ онъ, когда его теоріи подслушиваетъ супруга, — а лучше не женись, или возьми дуру: тебѣ не сладить съ умной женщиной: — мудреная школа“.

И, вотъ очерченная магическимъ кругомъ супружеской заботливости, Елизавета Александровна, не находя возможнымъ изъ него вырваться или, по крайней мѣрѣ, примириться съ той ролью, которую назначалъ ей мужъ, страдаетъ втихомолку, одна, не показывая своихъ слезъ никому. „Ей вмѣнили бы въ преступленіе эти невидимыя, неосязаемыя, безыменныя страданія, безъ ранъ, безъ крови, прикрытыя не лохмотьями, а бархатомъ“. Она готова на всякія страданія, лишь бы только *жить полною жизнію, лишь бы чувствовать свое существованіе, а не прозябать.* Этимъ состояніемъ духа, ищущаго хоть чѣмъ-нибудь

наполнить пустую жизнь, и объясняется, до нѣкоторой степени, то особенное участіе, которое принимаетъ Елизавета Александровна въ приторныхъ изліяніяхъ племянника, хотя въ этомъ участіи не малую роль играетъ и, вообще, наклонность женщинъ къ утѣшенію страждущихъ, и нѣкоторое сходство съ положеніемъ племянника ея собственной судьбы. Теорія Петра Ивановича принесла плоды, но не такіе, какихъ онъ самонадѣянно ожидалъ: онъ-то самъ съ своей теоріей цѣлыхъ десять лѣтъ былъ счастливъ вполнѣ, но любящая натура жены не выдержала глухого, пассивнаго протеста его безсердечію, и, угасая мало-по-малу, Елизавета Александровна изъ цвѣтущей, полной силъ, дѣвушки обратилась въ блѣдную, вялую, ко всему равнодушную, не имѣющую уже ровно никакихъ желаній, женщину. Спохватившись, Петръ Ивановичъ предоставляетъ ей полную свободу; но уже поздно. „Зачѣмъ мнѣ свобода, — говоритъ она: — что я съ ней стану дѣлать? Ты до сихъ поръ такъ хорошо, такъ умно, распоряжался и мной и собой, что я отвыкла отъ своей воли“. Авторъ обрываетъ романъ на великолѣпной сценѣ между супругами. Дядюшка готовъ бросить службу и заводъ и ѣхать съ женой въ Италію; но намъ нѣтъ надобности знать, привелъ ли онъ свое рѣшеніе въ исполненіе: жизнь бѣдной женщины сломана окончательно, и никакія цѣлебныя воды, никакой воздухъ не возстановитъ ея силъ. Этотъ трогательный, цѣльный образъ — одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ образовъ гончаровскихъ женщинъ.

Если Елизавета Александровна угасаетъ отъ недостатка свободы, Наденька, наоборотъ, дѣлаетъ, что вздумается, и любитъ, кого хочетъ. Она, по выраженію автора, уже не безусловно покорная дочь своей матери, которая смутно чувствуетъ, что уступаетъ ей во всемъ. Наденька сама, безъ спросу, полюбила Адуева, считая за собою право распоряжаться по-своему своимъ внутреннимъ міромъ и самимъ Александромъ, которымъ, хорошо его изучивъ, овладѣла и командуетъ. Но это командованіе не удовлетворяетъ ея, и, смутно понимая ничтожность этого юноши, она начинаетъ скучать, видя, что онъ совсѣмъ не то, чего бы ей хотѣлось. Его стишки, вздохи, нѣжности, мечты о жизни вдвоемъ, вдали отъ людей, только для себя, въ узкой сферѣ уединенной отъ міра семьи, для нея недостаточны, а чего именно не хватаетъ Александру, чтобы продолжать нравиться, она не знаетъ, какъ и вообще дѣвушка того времени и быта „не имѣла ровно никакого понятія ни о какихъ идеалахъ мужского достоинства, силы, и какой силы“. Александръ просто не далъ ей никакого содержанія и надоѣлъ пустяками и узенькимъ эгоизмомъ. И вотъ, совершенно естественно, она переноситъ свою привязанность на блестящаго, остроумнаго и талантливаго графа, хотя тоже пустого, неспособнаго ни къ какому серіозному дѣлу, но все же на человѣка болѣе живого, чѣмъ Адуевъ.

Ольга Ильинская — дѣвушка умная, гордая, самолюбивая. Самолюбіе — рычагъ всей ея жизни. Она „плакала бы и не уснула ночь, если бъ Обломовъ не похвалилъ ея пѣнія“. Это самолюбіе уязвлено, когда

Обломовъ, послѣ невольно сорвавшагося съ языка слова любви, говоритъ, будто это неправда. Гордость мѣшаетъ ей, почти еще дѣвочкѣ, спрашивать Штольца о предметахъ, ее интересующихъ, но недостаточно ей понятныхъ. Передъ объясненіемъ Штольцу за границей мотивовъ любви къ Обломову, она сомнѣвается, опасаясь показаться такой *мелкой, ничтожной, слабой*. Когда ее, уже жену Штольца, одолѣваютъ сомнѣнія, она не сразу рѣшается повѣрить ихъ мужу... „Какъ? она, его кумиръ, безъ сердца, съ черствымъ, ничѣмъ недовольнымъ умомъ? Что же изъ нея выйдетъ? Неужели синій чулокъ? Какъ *она падетъ*, когда откроются передъ нимъ эти новыя, небывалыя, но, конечно, извѣстныя ему страданія!“

Ольга, какъ и Наденька, — барышня: хозяйствомъ не занимается, вышиваетъ по канвѣ, ѣздитъ съ теткой по магазинамъ, въ спектакли, принимаетъ гостей и выѣзжаетъ сама; жизнь знаетъ только со стороны свѣтлой. Есть у нея имѣніе, которымъ управляетъ какой-то, совсѣмъ чуждый ей, старый другъ тетки, баронъ Лангвагенъ; она не интересуется, откуда и какъ достаются деньги на ея прихоти; заставляетъ Обломова брать кресла въ оперѣ, не справляясь о томъ, есть ли у него на это средства. Въ дѣла любимаго человѣка не входитъ вовсе. „Я не знаю, какія у васъ тамъ дѣла — постройки, что ли? Штольцъ просилъ написать, потому я и спросила“...

Жизнь Ольги, конечно, содержательнѣе жизни Елизаветы Александровны и Наденьки, — интересовъ у нея больше. Она любитъ музыку, какъ искусство, знаетъ въ ней толкъ и находитъ наслажденіе; прекрасно поетъ, и не потому, что на пѣніе мода, а какъ артистка; читаетъ книги, газеты, слѣдитъ за иностранной литературой; ей хочется все знать, все понимать; съ горечью восклицаетъ она: „зачѣмъ насъ, женщинъ, не учатъ?...“ Умъ ея требуетъ постоянной пищи; упорно, назойливо, добивается она отвѣтовъ на интересующіе ее вопросы и у Обломова и у Штольца. Проводя время въ Парижѣ, въ Швейцаріи, она старается обогатить свой пытливый умъ познаніями по всѣмъ родамъ наукъ и искусствъ, и все читаетъ и читаетъ, такъ что не только бѣдный Илья Ильичъ, даже самъ любознательный Штольцъ не успѣваютъ прочитать всѣхъ книгъ, по которымъ нужно дать отвѣты на вопросы и недоумѣнія барышни.

Но одно чтеніе книгъ не даетъ Ольгѣ прочныхъ нравственныхъ устоевъ; одна головная, разсудочная работа не объясняетъ жизни. Въ тяжелыя минуты, когда настоятельно необходимо рѣшить вопросъ о любви къ Обломову, ей приходитъ въ голову соображеніе, какъ бы въ данномъ случаѣ поступила Сонечка, — и Ольга, въ концѣ концовъ, говоритъ, что любить его — не *судьба*. А почувствовавъ, что любитъ Штольца, она недоумѣваетъ, какъ отнестись къ прежней привязанности, и даже опасается, не безнравственно ли любить во второй разъ, такъ какъ еще слишкомъ крѣпки въ памяти авторитетъ и тетокъ и всѣхъ старыхъ дѣвъ, разныхъ умницъ, даже писателей — *мыслителей о любви*. Наконецъ, тѣ же Сонечки всѣ, въ одинъ голосъ, твердили,

что женщина истинно любитъ только однажды. Распространяется она и о цѣли жизни; но, несмотря на всѣ прочитанныя книги, эта цѣль для нея очень неясна, что́ видно и изъ ея неопредѣленнаго недовольства жизнью со Штольцемъ. Сама любовь, которая, повидимому, для нея дороже всего, въ ея глазахъ представляется то *долгомъ, обязанностью*, то *какимъ-то праздникомъ*, — словомъ, она и сама не знаетъ, чего хочетъ, въ чемъ откровенно и признается Обломову и Штольцу.

Въ двадцать лѣтъ она встрѣчается съ Обломовымъ. Штольцъ задаетъ ей задачу будить товарища, не давать ему спать. Ей сначала льститъ роль спасительницы. „Она мигомъ взвѣсила свою власть надъ нимъ; ей нравилась эта роль путеводной звѣзды, луча свѣта, который она разольетъ надъ стоячимъ озеромъ, и отразится въ немъ, — и она разнообразно торжествовала свое первенство въ этомъ поединкѣ“. Вотъ источникъ этой не непосредственной, сердечной любви, но *головной, разсудочной*, какъ и позднѣйшая любовь къ Штольцу, поражавшему ее всегда именно *своимъ умомъ*.

Но вотъ, вмѣсто Обломова, съ которымъ бы она, по собственному признанію, зачахла, является Штольцъ, раскрывающій передъ ней новыя перспективы иной, болѣе подходящей къ ней, жизни, и она смѣло даетъ ему согласіе на бракъ. Начинается снова педагогія: сперва она училась-было одна, но, за отъѣздомъ Штольца, не довоспиталась, и вотъ теперь, образованный, испытанный въ горнилѣ опыта коммерсантъ принимается довоспитывать Ольгу, постепенно умѣряя и укладывая ея юношескіе порывы въ опредѣленные размѣры: принимается прерывать „лихорадку молодости“, „бороться съ живостію ея натуры, давать плавное теченіе жизни“. Шли годы, и мало-по-малу улеглись порывы, и наступила тишина полная, среди комфорта, и даже богатства. „Ольга довоспиталась уже до строгаго пониманія жизни“, и въ семьѣ любящихъ супруговъ царствовала полная гармонія. Но Штольцу не удалось наполнить всей бездны ея души, *и она не успокоилась* на одномъ пониманіи дѣйствительности и узнаніи всякихъ, даже не женскихъ, наукъ, — философіи, соціологіи, политической экономіи. Штольцъ, какъ ни погружалъ жену не только въ науку, но даже и въ свои собственыя коммерческія и заводскія дѣла, упустилъ изъ виду, что все, что занимало его самого, онъ могъ лично приложить къ дѣлу, а она оставалась только съ однимъ знаніемъ да пониманіемъ, безо всякой практической, самостоятельной дѣятельности. Такимъ образомъ, эта жизнь, при всей своей прелести и содержательности, въ концѣ концовъ, стала тяготить Ольгу: опять явились неопредѣленные запросы, все такъ же для нея самой неясные; она стала скучать, пробовала развлекаться въ обществѣ; но свѣтскія удовольствія, какъ и одни умные разговоры, не удовлетворяли ея; по цѣлымъ днямъ пробуетъ она возиться съ дѣтьми, и, наконецъ открывается мужу. Но тотъ объясняетъ этотъ недугъ, какъ и Петръ Ивановичъ, нервами да еще какимъ-то „міровымъ недугомъ, общимъ для всего человѣчества, брызнувшимъ на нее одной каплей“. „Мы не титаны — говоритъ

онъ, — мы не пойдемъ съ Манфредами и Фаустами на дерзкую борьбу съ мятежными вопросами; не приметъ ихъ вызова, склонимъ голову и смиренно переживемъ трудную минуту... Неужели туманъ, грусть, какія-то сомнѣнія, вопросы, могутъ лишить насъ нашего блага? Вотъ, если придутъ, напр., болѣзни, потеря состоянія и, какъ слѣдствіе этого, необходимость труда, тогда поневолѣ придется задуматься, а теперь надо беречь силы и всѣ вопросы оставить.

Съ особенной любовью обрисована Гончаровымъ Вѣра — типъ *новой* русской женщины, развившейся подъ непосредственными вѣяніями новыхъ идей, которыя она не только пассивно восприняла, но и попробовала приложить къ жизни, съ какимъ бы рискомъ проба ни была сопряжена. Это — уже не бѣломраморная Софья Николаевна Бѣловодова, недоступная никакимъ идеямъ и вліяніямъ; не хрупкая, нѣжная, Елизавета Александровна, увядающая, какъ цвѣтокъ, отъ недостатка тепла; не Ольга, наконецъ, очень много думающая о себѣ самой, сначала ищущая опоры въ Обломовѣ, а потомъ опирающаяся на Штольца, который въ романѣ все-таки остается для нея авторитетомъ. Вѣра, какъ характеръ, гораздо сложнѣе и глубже ихъ всѣхъ, и невольно увлекаетъ читателя, какъ и самого автора, граціей, сердечностью, здравымъ смысломъ и даровитостью натуры. Она серіознѣе ихъ всѣхъ, способна къ широкому умственному развитію и ищетъ въ чтеніи не только пополненія праздпаго досуга или удовлетворенія самолюбія. Книга для нея только средство, но не цѣль, — и не ея вина, что вокругъ нея, при всемъ обиліи серіознаго чтенія, нѣтъ никого, кто бы могъ въ немъ поруководить ею, систематизировать, ярко отдѣлить правду отъ лжи, вѣрное, положительное, отъ гипотезъ и утопій. Все это тѣмъ для нея необходимѣе, что ни пансіонъ, ни семья, ни общество не дали ей никакой солидной подготовки и правильнаго развитія, какія даются только систематическимъ образованіемъ и общеніемъ съ серіозно образованными людьми. Развиватели Вѣры, и Леонтій Козловъ, и священникъ, и Райскій, и Маркъ, слишкомъ мелки, теоретичны для такой роли. Предоставленная самой себѣ Вѣра, запутывается въ своихъ исканіяхъ правды, и, какъ героиня древней трагедіи, фатально влекомая силою неизбѣжнаго рока къ погибели, быстрыми шагами идетъ къ обрыву, повинуясь своей страстной натурѣ. Въ первый разъ мы встрѣчаемъ въ романѣ Вѣру дѣвочкой, лѣтъ шести, въ первый пріѣздъ Райскаго въ Малиновку. Уже тогда проявляются въ ней задатки будущей самостоятельности: нежеланіе всегда и во всемъ подчиняться первому слову бабушки, подобно Марѳенькѣ, и любознательность. Она никогда не плачетъ изъ пустяковъ, а если и случится поплакать, то такъ, чтобы никто слезъ не видалъ; огорчатъ ее, она дѣлается молчаливой, потомъ заберется въ глушь сада, и непремѣнно наѣстся *воронягики* — черной, приторной ягоды, ѣсть которую бабушка строго запрещала, и ни за что не соглашается попросить прощенія, если сама кого-нибудь обидитъ. Дѣвочку интересуетъ таинственность стараго дома: она безъ страха обѣгаетъ его весь, по-

казывая Райскому прекрасный видъ изъ оконъ, обращая его вниманіе на старинные портреты и книги; со сосредоточеннымъ любопытствомъ молча, слушаетъ его игру на фортепіано, и смотритъ, какъ онъ рисуетъ. Съ Вѣрой, уже взрослой дѣвушкой, авторъ, еще до ея появленія въ романѣ, знакомитъ изъ отзыва о ней разныхъ лицъ. Бабушка, въ письмѣ къ внучку, называетъ ее „дикой, нелюдимкой, доброй и умной, но ни во что не входящей". Старуха серіозно озабочена странностями внучки, и со вздохомъ замѣчаетъ: „Странная она такая, Богъ знаетъ, въ кого уродилась... Гордая, ни за что не приняла бы отъ тебя подарка, какъ Марѳенька". По словамъ Уленьки Козловой, Вѣра, „какъ домовой, сидитъ въ углу, слова отъ нея не добьешься". Марѳенька разсказываетъ Райскому, что сестра „не рисуетъ, не играетъ, не занимается рукодѣліями; читаетъ, но никогда не скажетъ — что, и книги не покажетъ, не скажетъ даже, откуда достала. Вѣрочкѣ все скучно: она часто груститъ, сидитъ какъ каменная, все ей будто чужое здѣсь. Ей бы надо куда-нибуть уѣхать: она не здѣшняя. Она не боится, а даже любитъ ходить въ обрывъ, въ глухую, заброшенную бесѣдку". Заинтересованный этими разсказами, Райскій, еще до пріѣзда Вѣры, посѣщаетъ ея комнату въ старомъ домѣ, въ надеждѣ по обстановкѣ составить хоть какое-нибудь понятіе объ интересной кузинѣ, но жестоко разочаровывается. Комната ничѣмъ, кромѣ суровой простоты, особеннымъ не отличается: ни картинъ, ни книгъ, ни работы, ни даже клочка бумаги, словомъ, никакой мелочи, которая дала бы хотя малѣйшее указаніе на вкусы обитательницы. Искусно заинтересовавъ читателя Вѣрой, авторъ выводитъ, наконецъ, ее самое. Съ первой же встрѣчи Райскій наталкивается на нежеланіе вступать въ длинные, душевные, какъ ему хочется, разговоры, на которые онъ не имѣетъ пока никакого права. При первой же попыткѣ ознакомиться съ тѣмъ, что она читаетъ, Вѣра преспокойно беретъ книгу и прячетъ въ шкапъ. Наивный братецъ хочетъ подарить ей старый домъ, — она предлагаетъ ему деньги, свои пятьдесятъ тысячъ, только бы не разставаться съ любимымъ уголкомъ; когда же Райскій отъ денегъ отказывается, — принимаетъ подарокъ совершенно равнодушно. „Она тайна, она мерцаніе, — витіевато думаетъ романтикъ, — какъ ночь, она полна мглы и искръ, прелести и чудесъ". Эту-то тайну старается онъ разгадать, и берется за дѣло такъ неловко, что отталкиваетъ отъ себя Вѣру. Его допросы о томъ, что она читаетъ, что любитъ, вызываютъ съ ея стороны лишь односложные отвѣты, показывающіе Райскому, что она вовсе не намѣрена пускать брата въ свой замкнутый внутренній міръ, не имѣя ни малѣйшаго желанія дѣлиться съ чуждымъ ей человѣкомъ мыслями и впечатлѣніями. Не добившись не только согласія, но даже отвѣта на предложеніе читать и учиться вмѣстѣ, Райскій приходитъ къ заключенію, что Вѣру учить не зачѣмъ и нечему. „Она или все знаетъ, или не хочетъ ничего знать", — думаетъ онъ, — и задаетъ себѣ вопросъ: „Кто она, что она? Лукавая кокетка, тонкая актриса, или глубокая женская натура, —

одна изъ тѣхъ, которыя по волѣ своей играютъ жизнью человѣка, топчутъ ее, заставляя влачить жалкое существованіе, или даютъ уже такое счастье, лучше, жарче, живѣе котораго не дается человѣку?“ Райскій не представляетъ для Вѣры никакого интереса; для нея совершенно все равно, тутъ ли онъ, нѣтъ ли; на искусство его она смотритъ равнодушно, а назойливые разспросы и желаніе сблизиться заставляютъ только глубже уйти въ свою раковину. Его комплименты и любовныя пошлости вызываютъ въ дѣвушкѣ негодованіе. Пытаясь опредѣлить Вѣру, Райскій называетъ ее „мудрой, сосредоточенной, рѣшительной“; и дѣйствительно, она живетъ у бабушки совершенно самостоятельно, подчиняясь собственнымъ желаніямъ и вкусамъ, — живетъ въ старомъ домѣ, проводя время, большею частію, одна, и не любитъ, чтобы нарушали ея уединеніе; вечера не сидитъ со старухой, какъ Марѳенька, даже кофе пьетъ не всегда съ семьей. Бабушка, хоть и ворчитъ на внучку, называя ее привередницей, упрямицей, дикаркой; но не заставляетъ дѣлать по-своему, не зоветъ съ собой гулять, или кататься въ поле, зная, что Вѣра такихъ прогулокъ не любитъ, и все равно не пойдетъ. Отвоевавъ себѣ полную свободу, Вѣра очень дорожитъ послѣдней, ревниво оберегая отъ кузена какъ эту свободу, такъ и самостоятельность въ поступкахъ, и требуя у него отвѣта, по какому праву онъ ее преслѣдуетъ, стараясь вызнать ея сокровенныя мысли. Отвѣчая на его разглагольствованія о дружбѣ, она говоритъ: „я знаю, что свободно, и никто не вправѣ требовать отъ меня отчета. Я не боюсь никого, и если не буду свободна здѣсь, уѣду отсюда, какъ бы ни было тяжело разставаться съ любимыми мѣстами“. У Вѣры нѣтъ никакой опредѣленной дѣятельности: она то ровно ничего не дѣлаетъ, то нервно бросается на чтеніе, хватается за шитье, шьетъ и кроитъ по цѣлымъ днямъ, обнаруживая бездну вкуса и умѣнья, бываетъ мила и очаровательно любезна съ гостями, а когда это нервное возбужденіе пройдетъ, она снова спокойна, вяло и апатично отвѣчаетъ на вопросы. Путаясь въ опредѣленіи, что̀ такое Вѣра, Райскій чуетъ, что кузина развилась не подъ здѣшними, деревенскими, вліяніями, а откуда-то повѣяло на нее новымъ духомъ. „Она не простодушный ребенокъ, не барышня; ей тѣсно и неловко въ этой устарѣвшей искусственной формѣ, въ которую такъ долго отливался складъ ума, нравъ, образованіе и все воспитаніе дѣвушки до замужества. Она чувствовала условную ложь этой формы и отдѣлилась отъ нея, добиваясь правды“. Въ ней именно много того, чего Райскій напрасно искалъ въ Наташѣ, въ Бѣловодовой: задатковъ самобытности, своеобразія ума, характера, всѣхъ тѣхъ силъ, изъ которыхъ должна сложиться самостоятельная, настоящая, женщина, и дать направленіе своей и чужой жизни, многимъ жизнямъ, освѣтить и согрѣть цѣлый кругъ, куда поставитъ ее судьба. Она пока еще младенецъ, но съ титанической силой, — надо только, чтобы эта сила правильно развилась и разумно направилась. Какъ именно эта дѣвушка развилась и выработала въ себѣ такой самостоятельный характеръ, мы не знаемъ. Гон-

чаровъ, такъ подробно выясняя характеры мужчинъ, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ этого относительно Вѣры, которая, промелькнувъ передъ читателемъ дѣвочкой, вдругъ является во второй части романа личностью уже сложившейся. Можно, кажется, сказать одно, что все это безалаберное чтеніе разнообразныхъ верховъ науки и философіи, Спинозы, Вольтера, Фейербаха, Прудона, Гизо и др., обсужденіе ихъ твореній купно со священникомъ, наконецъ, прямолинейные парадоксы Марка, — все это, рядомъ съ патріархальной жизнью, по семейнымъ традиціямъ, должно было произвести въ головѣ юной пансіонерки сумбуръ страшный. Какъ натура гордая, самостоятельная, она, выросши изъ круга бабушкиной опытности и морали, очень естественно, не могла быть съ бабушкой откровенна, къ Райскому отнеслась также недовѣрчиво, чему виною былъ онъ самъ, и зажила исключительно своимъ умомъ и своей волей, сдѣлавъ единственными повѣренными своей тайны попадью да дворовую женщину Марину. При такомъ исключительномъ душевномъ состояніи, Вѣрѣ до обрыва оставался одинъ шагъ, который она и сдѣлала, увлеченная страстью порывистой натуры. *Острогорскій.*

Бабушка Райскаго, представительница патріархальнаго быта, говоритъ языкомъ преданій, сыплетъ пословицы, готовыя сентенціи старой мудрости, и весь наружный обрядъ жизни исполняется у нея по затверженнымъ правиламъ. Горизонтъ ея весьма ограниченъ; онъ „кончается съ одной стороны полями, а съ другой — Волгой и ея горами, съ третьей — городомъ, а съ четвертой — дорогой въ міръ, до котораго ей дѣла нѣтъ“. Но зато, несмотря на старость, какое здоровье, какая крѣпость духа! „*Всякій день былъ для нея какъ будто новымъ, свѣжимъ цвѣткомъ, отъ котораго назавтра она ожидала плодовъ*“.

Мы теперь знаемъ правду, которая выше, чѣмъ бабушкина правда; но вѣдь жизнь бабушки находилась въ полной гармоніи съ признаннымъ ею идеаломъ, тогда какъ наша жизнь противорѣчитъ нашей вѣрѣ; вотъ почему существованіе бабушки кажется разумнымъ и прекраснымъ, а наша жизнь — ложной и негармоничной.

Огражденная преданіями, покорная традиціямъ, жизнь ихъ текла свѣтло и мирно въ глубокомъ, вѣковомъ руслѣ. Она ближе къ природѣ и потому здоровѣе и проще, чѣмъ наша жизнь. По крайней мѣрѣ къ такому выводу приходитъ Райскій, наблюдая помѣщичій бытъ въ имѣніи бабушки. „Здѣсь не было ни въ комъ, — замѣчаетъ авторъ, — претензіи казаться чѣмъ-нибудь другимъ, лучше, выше, умнѣе, нравственнѣе, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ оно было выше, нравственнѣе, нежели казалось, и едва ли не умнѣе. *Тамъ, въ кучѣ людей съ развитыми понятіями, бьются изъ того, чтобы быть проще, и не умѣютъ; здѣсь, не думая о томъ, всѣ просты, никто не лѣзъ изъ кожи поддѣлаться подъ простоту*“.

Но вотъ, для иллюстраціи, маленькій уголокъ оборотной стороны медали: „Захаръ, какъ бывало нянька, напяливаетъ ему (т.-е. барину

Обломову), чулки, надѣваетъ башмаки, а Ильюша, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ, только и знаетъ, что подставляетъ ему лежа то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не такъ, то онъ поддаетъ Захаркѣ ногой въ носъ". И все-таки, — признается Гончаровъ, — „мы такъ глубоко вросли корнями у себя дома, что куда и какъ надолго бы я ни заѣхалъ, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногахъ, и никакіе океаны не смоютъ ея!" Великій писатель лучше и глубже сатирика чувствуетъ собственной совѣстью *ложь и безобразіе прошлаго*, но ненависть не ослѣпляетъ его: онъ видитъ и красоту и поэзію прошлаго.

Граціозный образъ Марѳеньки — самое идеальное и нѣжное воплощеніе всего, что было хорошаго въ старой помѣщичьей жизни. Марѳенька живетъ въ родной обстановкѣ такъ же привольно и радостно, какъ птица въ воздухѣ, рыба въ водѣ: ей ничего больше не надо. Это — полная счастливая гармонія съ окружающей природой, не нарушенная ни однимъ ложнымъ звукомъ. „Чего не знаешь, — съ наивностью признается Марѳенька, — такъ и не хочется. Вотъ Вѣрочка, той все скучно, она часто груститъ, сидитъ какъ каменная, все ей будто чужое здѣсь! Ей бы надо куда-нибудь уѣхать, она не здѣшняя. А я — ахъ, какъ мнѣ здѣсь хорошо: въ полѣ, съ цвѣтами, съ птицами, какъ дышится легко! Какъ весело, когда съѣдутся знакомые!... Нѣтъ, нѣтъ, *я здѣшняя, я вся вотъ изъ этого песочку, изъ этой травки!* не хочу никуда". Жизнь такъ прекрасна, что люди, несмотря на всѣ усилія, даже рабствомъ не могли ее испортить, — и сквозь „обломовщину", сквозь крѣпостное право пробивается она, чистая и вольная. Пусть Марѳенька кажется намъ неразвитой, глупенькой дѣвочкой, пусть читаетъ только такіе романы, которые непремѣнно кончаются свадьбой, запираетъ лакомства въ особенный шкапчикъ, потому что любитъ ихъ, какъ ребенокъ, — зато какой поэзіей, счастіемъ и добротой вѣетъ въ насъ отъ этого сердца. Всѣ новѣйшія прогрессивныя идеи Райскаго отскакиваютъ, не проникая въ нее. Но развѣ она не напоминаетъ того, что умнѣе всѣхъ идей Райскаго — великую заповѣдь любви? „Она дѣвкамъ даетъ старыя платья... Къ слѣпому старику носитъ чего-нибудь лакомаго поѣсть или даетъ немного денегъ. Знаетъ всѣхъ бабъ, даже ребятишекъ по именамъ, послѣднимъ покупаетъ башмаки, шьетъ рубашонки". Она любитъ дѣтей, любитъ жизнь вокругъ себя. Ея нѣжная, женственная симпатія простирается еще дальше, за предѣлы человѣческаго міра, на всю природу, на цвѣты, деревья, животныхъ.

Мы люди большихъ городовъ, кочевой и суетной жизни, оторванные отъ природы, никогда не знавшіе патріархальнаго очага — едва ли можемъ себѣ представить всю силу этой первобытной, физической и вмѣстѣ съ тѣмъ сердечной любви къ родной землѣ. Мы похожи на цвѣты, перенесенные изъ лѣса въ комнату, лишенные корней, опущенные въ воду. Такія счастливыя и здоровыя натуры, какъ Марѳенька — это цвѣты, растущіе на волѣ, пустившіе глубоко корни въ родную землю.

Характеръ бабушки — одно изъ величайшихъ созданій Гончарова. Несмотря на старость, въ ней столько же здоровья, счастія и бодрости, сколько въ Марѳенькѣ. „Видно, что ей живется крѣпко, хорошо, что она, если и борется, то не даетъ одолѣвать себя жизни, а сама одолѣваетъ жизнь и тратитъ силы въ этой борьбѣ скупо... Голосъ у ней не такъ звонокъ, какъ прежде, да ходитъ она теперь съ тростью, но не горбится, не жалуется на недуги. Такъ же, она безъ чепца, такъ же острижена коротко, и тотъ же, *блестящій здоровьемъ и добротой взглядъ, озаряетъ все лицо, не только лицо, всю фигуру*". Авторъ не думаетъ идеализировать бабушку: онъ не скрываетъ, что иногда она можетъ быть деспотомъ. Малѣйшее сомнѣніе въ законности крѣпостного права въ ея глазахъ — нелѣпость. „Просить бабушка не могла своихъ подчиненныхъ, это было не въ ея *феодальной* натурѣ. Человѣкъ, лакей, слуга, дѣвка — все это навсегда, несмотря ни на что, оставалось для нея человѣкомъ, лакеемъ, слугой и дѣвкой". „Различія между „людьми" и господами никогда и ничто не могло истребить. Она была въ мѣру строга, въ мѣру снисходительна, человѣколюбива, но все въ размѣрѣ барскихъ понятій". А кругъ этихъ феодальныхъ понятій весьма ограниченъ. „Борюшка, ты не огорчай бабушки, — упрашиваетъ она племянника: — дай дожить ей до такой радости, чтобъ увидѣвъ тебя въ гвардейскомъ мундирѣ: молодцомъ пріѣзжай сюда... да женись на богатой". Но предразсудки и ограниченность поверхностны, это кора стараго могучаго дерева, подъ которой свѣжіе соки; вотъ почему такіе зеленые молодые весенніе листья на столѣтнемъ деревѣ.

Бабушка — одно изъ тѣхъ вѣковыхъ деревьевъ, которыя возвышаются надъ цѣлымъ лѣсомъ, открытыя всѣмъ вѣтрамъ и бурямъ, Марѳенька — нѣжный цвѣтокъ, пріютившійся въ его тѣни. Дерево и цвѣтокъ оба потому такъ прекрасны, что пустили глубокіе корни въ родимую землю.

Мережковскій.

Новыя вѣянія русской жизни, черты которыхъ мы отмѣчали въ Обломовѣ находили себѣ доступъ во внутренній міръ не только мужского, но и женскаго поколѣнія дворянской среды. Чтеніе книгъ, разговоры, непосредственное наблюденіе жизни — все это будило мысль наиболѣе чуткихъ натуръ женскаго общества, вызывало въ нихъ новыя, неясныя стремленія, заставляло понемногу отрѣшаться отъ установленныхъ традиціей взглядовъ, понятій и привычекъ жизни. Но если не сразу и не легко давалась мужскому поколѣнію эта ломка понятій, то еще труднѣе было совершиться ей въ умѣ и чувствѣ русской женщины, какъ потому, что ей менѣе были доступны новыя идеи и настроенія, такъ и, съ другой стороны, въ силу большого консерватизма женской натуры, вѣками выработавшейся склонности ея держаться установившихся и освященныхъ прошлымъ формъ жизни.

Оттого и первый созданный Гончаровымъ женскій типъ переходной эпохи — Ольга Ильинская въ „Обломовѣ" въ значительной

мѣрѣ является продуктомъ окружающей ее среды и условій жизни. Но одновременно съ этимъ въ ней замѣчаются и другія начала, свидѣтельствующія о близкомъ поворотѣ на новую дорогу. Характеръ Ольги, какъ и вообще женскіе образы, разработанъ у Гончарова съ большой полнотой и художественной правдой. На ряду съ глубоко симпатичными индивидуальными свойствами, авторъ даетъ обильный матеріалъ для заключеній о томъ, какую форму приняли они подъ воздѣйствіемъ вліяній старой жизни. Мы не будемъ однако останавливаться на этихъ сторонахъ личности Ольги, а посмотримъ, какъ отразились на ней только что зародившіеся въ обществѣ новые запросы.

Природная пытливость ума, подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ вліяніе „новаго человѣка“ Штольца, переходитъ у Ольги въ настоящую жажду знанія. „Зачѣмъ насъ, женщинъ, не учатъ?“ съ горечью восклицаетъ она и всюду ищетъ отвѣтовъ на интересующіе ее вопросы. Она не даетъ покою Обломову и Штольцу, и даже этотъ послѣдній не въ состояніи одолѣть всѣхъ книгъ, при помощи которыхъ можно разрѣшить недоумѣнія Ольги. Сдѣлавшись женой Штольца, она его „ревновала къ каждой непоказанной ей книгѣ, журнальной статьѣ, не шутя сердилась или оскорблялась, когда онъ не заблагоразсудитъ показать ей что-нибудь, по его мнѣнію, слишкомъ серіозное, скучное, непонятное ей... и только тогда мирилась, когда онъ... раздѣлитъ съ нею свою мысль, знаніе или чтеніе“.

Но одно пріобрѣтеніе знаній, отвлеченная, разсудочная работа не удовлетворяютъ Ольги. Она ищетъ живого дѣла, непосредственнаго примѣненія къ жизни своихъ силъ.

Съ какой охотой и любовью берется она за перевоспитаніе Обломова. Вся исторія ея любви къ нему есть не что иное, какъ результатъ вѣры въ „будущаго“ Обломова, какимъ она хотѣла его сдѣлать. Но когда она увидѣла, что, несмотря на всѣ ея усилія, Обломовъ не можетъ ей дать ничего, кромѣ погруженнаго въ апатію и бездѣйствіе воркованія вокругъ семейнаго очага, не укажетъ ей другого, болѣе содержательнаго пути жизни, она первая со страшной болью въ сердцѣ разорвала съ нимъ всякія отношенія. „Ты кротокъ, честенъ, Илья, — говоритъ она въ послѣднее свиданіе съ нимъ, — ты нѣженъ, какъ голубь... ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей. Да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще — а чего — не знаю!“ И понявъ, что Обломову не научить ее, что не ему указать, чего ей недостаетъ и гдѣ найти удовлетвореніе въ жизни, она разстается съ нимъ.

Казалось бы, жизнь со Штольцемъ должна удовлетворить ее, ибо эта жизнь — идеалъ супружескихъ отношеній, гдѣ мужъ и жена живутъ душа въ душу, но и она не даетъ полнаго удовлетворенія Ольгѣ, несмотря на то, что мысль ея постоянно занята пріобрѣтеніемъ различнаго рода знаній и внимательно слѣдитъ за разнообразной практической дѣятельностью мужа, его коммерческими, заводскими и всякаго рода

другими предпріятіями. Въ жизни ея въ самый разгаръ семейнаго счастья со Штольцемъ все чаще и чаще наступаютъ какія-то „задумчивыя остановки“, смущеніе, возникаютъ въ головѣ смутные, туманные вопросы. „Куда же итти? Куда! Дальше нѣтъ дороги! Ужели нѣтъ?... Ужели тутъ все... все“... говорила сама съ собой Ольга и чего-то не договаривала. „Все тянетъ меня куда-то еще“, признается, наконецъ, она Штольцу: „я дѣлаюсь ничѣмъ недовольна“. Тотъ объясняетъ это, какъ отголосокъ общаго недуга человѣчества, одна капля котораго брызнула и на Ольгу; это, по его мнѣнію, „грусть души, вопрошающей жизнь о ея тайнѣ“. Нужно смириться передъ нею, вооружиться твердостью и настойчиво итти своимъ путемъ. „Мы не титаны съ тобой, — успокаиваетъ онъ Ольгу, — мы не пойдемъ съ Манфредами и Фаустами на дерзкую борьбу съ мятежными вопросами, не примемъ ихъ вызова, склонимъ головы и смиренно переживемъ трудную минуту, и опять потомъ улыбнется жизнь, счастье... Все это страшно, когда человѣкъ отрывается отъ жизни, когда нѣтъ опоры“... Но въ томъ-то и дѣло, что Штольцъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Ольга, при всей его кипучей дѣятельности, въ сущности, оторванъ отъ жизни, не знаетъ ея во всей полнотѣ, ибо онъ ничѣмъ не связанъ съ окружающимъ его обществомъ, чуждъ его радостей и печалей. Томленіе Ольги есть безсознательный призывъ живой, энергичной, гуманной натуры къ болѣе широкой жизни, къ труду не ради одной наживы, а дающему нравственное удовлетвореніе, устанавливающему духовную связь съ окружающимъ обществомъ, придающему высшій смыслъ существованію отдѣльной личности, словомъ, стремленіе къ общественной дѣятельности въ той или другой формѣ.

Такова эта пробуждающаяся русская женщина, родная сестра тургеневской Елены, сумѣвшая, несмотря не неблагопріятныя условія, благодаря чистотѣ своей натуры, опередить того, кто былъ главнымъ вдохновителемъ ея. *Александровскій.*

Прогрессивный ростъ самосознанія русской женщины по романамъ Гончарова и жизненность созданныхъ имъ женскихъ типовъ.

Главные женскіе типы трехъ романовъ Гончарова, въ параллель мужскимъ типамъ, выражаютъ прогрессивный ростъ самосознанія русской женщины средняго круга, постепенное ея развитіе. Первый шагъ этого развитія представляетъ Наденька (въ „Обыкновенной исторіи“), выбивающаяся изъ-подъ всецѣло родительской воли и настолько самостоятельная, что безъ спросу распоряжается своимъ внутреннимъ міромъ и смѣетъ полюбить, кого хочетъ. Ольга, героиня второго романа, сознательно стремящаяся къ труду и ищущая въ Штольцѣ свой идеалъ, какъ представителѣ энергіи и силѣ, составляетъ дальнѣйшій шагъ этого развитія.

Послѣднюю ступень развитія русской женщины (которую наблюдалъ Гончаровъ) представляетъ Вѣра, не признающая авторитетъ бабушки, съ горячимъ стремленіемъ къ свободѣ, чуждая всякихъ предразсудковъ, не боящаяся полюбить Марка Волохова, этого пугала въ глазахъ окружающаго ее общества, Вѣра, которая, споткнувшись на новомъ пути, не отчаивается въ конецъ и соединить свою судьбу съ истиннымъ носителемъ новыхъ идей — Тушинымъ. Не должно казаться страннымъ, что на ряду съ Вѣрой выступаетъ и Марѳенька, по степени сознательнаго развитія стоящая еще ниже Наденьки: она типъ всегдашній, никогда не переводящійся и изображаетъ собою ту часть русскихъ женщинъ, на которыхъ никакія эпохи не производятъ замѣтнаго дѣйствія: Марѳенька внѣ ихъ вліянія.

Замѣчательно, что, по изображеніи въ романахъ Гончарова, умственный ростъ русской женщины совершался быстрѣе и правильнѣе, чѣмъ— мужчины: герои его романовъ остаются почти всегда позади героинь: Наденька умнѣе Александра Адуева; Ольга идетъ впереди Обломова и Штольца; развитіе Вѣры нормальнѣе, чѣмъ Волохова; бабушка несомнѣнно разсудительнѣе, логичнѣе и несравненно выше внука—Райскаго.

И сколько живости, реальности во всѣхъ этихъ женскихъ типахъ! Не даромъ его Вѣра, Ольга, Марѳенька, Татьяна Марковна знакомы каждому образованному человѣку и стали именами нарицательными. Даже и пристрастные цѣнители нашего писателя готовы признать, что „исторія всѣхъ этихъ желанныхъ и неестественныхъ барышень передана болѣе или менѣе вѣрно“, но будто бы это „скорѣе исторія постепеннаго извращенія русской дѣвушки, ея пониженія“. Но справедливо ли видѣть извращеніе женщины въ томъ, что она стремится изъ безсознательной самки сдѣлаться настоящимъ, умственно развитымъ и приносящимъ пользу обществу человѣкомъ?

Разнообразіе женскихъ типовъ въ романахъ Гончарова изумительно. Очевидно, Бѣлинскій когда говорилъ по поводу „Обыкновенной исторіи“, что другому стало бы ее на десять повѣстей, имѣлъ въ виду именно количество и разнообразіе выведенныхъ въ ней женскихъ типовъ. А въ „Обрывѣ“, напримѣръ, ихъ еще больше, и всѣ одинъ на другой нисколько не похожи. Удивительно, что изъ мужскихъ типовъ нѣкоторые у Гончарова слабо очерчены, они смутны и не оставляютъ достаточно опредѣленнаго впечатлѣнія (напримѣръ, Тушинъ Штольцъ), тогда какъ всѣ женскія фигуры, даже самыя второстепенныя, только мелькомъ являющіяся предъ нашими глазами, необыкновенно живы и типичны. Три романа составляютъ цѣлыхъ три галлереи художественныхъ женскихъ портретовъ: тутъ и старыя дѣвы, и молодыя дамы — представители чопорной аристократіи, и старыя помѣщицы, и молодыя барышни самыхъ разнообразныхъ характеровъ, и жены чиновниковъ, и учительша нѣмка, и заволжская попадья и дворовыя бабы и т. д. и т. д., и каждая является предъ нами съ собственной физіономіей, съ своими взглядами, убѣжденіями, своимъ складомъ понятій и рѣчи.

Щукинъ.

„На родинѣ“, „Слуги“.

Среди пустоты и затишья нашей беллетристики, новый годъ подарилъ насъ сразу двумя новыми произведеніями старѣйшаго и одного изъ послѣднихъ представителей высокохудожественной беллетристики сороковыхъ годовъ. Это не романъ, даже не повѣсть — это только очерки, выборки изъ старыхъ бумагъ въ видѣ воспоминаній изъ пережитаго; но какіе это очерки, какіе наброски! Сколько въ нихъ искусства въ формѣ, какое богатство и типичность содержанія. Такъ пишутъ свои эскизы только великіе художники, готовясь къ созданіямъ великимъ, — и хотя бы это великое и не явилось въ свѣтъ въ законченной картинѣ — все же эти эскизы, чудные своей простотой, драгоцѣнны и доставляютъ истинное наслажденіе всякому знатоку живописи. Съ своей всегдашней скромностью, почтенный авторъ въ письмѣ къ редактору „Вѣстника Европы“ какъ бы оправдывается заранѣе въ незначительности своей работы тѣмъ, что онъ писалъ свои воспоминанія между дѣломъ, чтобы чѣмъ-нибудь наполнить свободное дачное время; а въ предисловіи къ „Слугамъ“ онъ особенно подробно распространяется о томъ, что его очерки только старыя заброшенныя замѣтки, и какъ бы опять оправдывается передъ кѣмъ-то въ томъ, что не изображалъ въ своихъ произведеніяхъ крестьянъ, такъ какъ ихъ не знаетъ, и въ томъ, что будто бы онъ не любитъ нашего народа. Напрасно онъ это дѣлаетъ. Всякій, имѣющій сколько-нибудь литературнаго вкуса, знаетъ, какую высокую цѣну по типичности имѣетъ все, что выходитъ изъ-подъ его удивительнаго пера, а его многочисленные типы дворни, съ Захаромъ во главѣ, очерченные съ такой любовью и гуманностью, едва ли могутъ дать малѣйшій поводъ заподозрить его въ недостаткѣ сочувствія простому люду, къ которому всегда относился онъ съ истинною гуманностью[1]).

Но, оставляя всѣ эти напрасныя оправданія и изъясненія для читателей, посмотримъ, чѣмъ подарилъ насъ великій писатель изъ запаса своей художественной памяти. Разсказъ „На родинѣ“, повидимому, только начало воспоминаній, точно такъ же, какъ и „Слуги“; но сколько интереса и живой новизны въ изображеніи давно прожитаго они представляютъ! Какъ живой рисуется передъ нами совсѣмъ типическій слуга, пятидесятилѣтній франтъ — ловеласъ и поэтическій любитель стиховъ съ непонятными словами — Валентинъ, а въ романѣ „На родинѣ“, передъ нами уже цѣлая галлерея интереснѣйшихъ личностей, цѣлая картина стародавней Руси тридцатыхъ годовъ. Въ этой картинѣ и въ этихъ типахъ та же Русь и такъ же спокойно и добродушно юмористически описанная, какъ и въ романахъ Гончарова, даже та самая Русь приволжская, которая въ „Обыкновенной исторіи“

[1]) Характеристику таланта Гончарова по его романамъ читатель найдетъ въ книгѣ В. П. Островскаго — „Этюды о русскихъ писателяхъ“. И. А. Гончаровъ. Москва 1887 г.

и „Обрывѣ“, та же обломовщина, какъ и въ его знаменитомъ романѣ; но сколько здѣсь и новаго, чего не касался онъ вовсе въ своихъ романахъ. Тутъ и утомительная четырехдневная поѣздка изъ Москвы въ Казань „въ бричкѣ на двухъ длинныхъ дрогахъ вмѣсто рессоръ“, въ компаніи съ купцомъ и какой-то шепелявой, боящейся „грожи“ барынькой, и опасная переправа въ страшную грозу черезъ мостъ съ ямщикомъ по дорогѣ изъ Казани въ родной приволжскій губернскій городъ — куда авторъ ѣдетъ по окончаніи курса въ университетѣ къ своей матушкѣ; и всеобщая спячка города, поражающая юношу; и наивное въ своей неподражаемой простотѣ, совсѣмъ открытое и всѣмъ извѣстное, даже тѣшащее самого губернатора, взяточничество и безгрѣшные доходы и поборы. Но всего лучше въ этихъ разсказахъ необыкновенно тонко обрисованные типы, которыхъ еще никогда не касался авторъ. Таковъ другъ его матушки, почтенный морякъ Екатерининскихъ временъ — Якубовъ, крестный автора, воспитавшій его съ дѣтскихъ лѣтъ и теперь нѣжно балующій его, уже студента;— высокочестный и гуманный помѣщикъ, горячка на словахъ, но никогда пальцемъ не тронувшій своихъ крѣпостныхъ, которыхъ за послуги даже щедро одариваетъ деньгами; — человѣкъ очень образованный, выписывающій изъ столицъ книги и брошюры, но вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно Обломову, по цѣлымъ днямъ сидящій дома и не знающій даже сколько у него дохода, — масонъ, струсившій послѣ исторіи декабристовъ до того, что боится всѣхъ знакомыхъ, кромѣ двухъ друзей-сосѣдей, вольтерьянца Козырева и простака, забившагося въ деревню, Гастурина. Этотъ перепугъ послѣ исторіи 14-го декабря въ его отраженіи даже въ далекой провинціи, гдѣ только что была введена приводившая всѣхъ въ ужасъ, тайная жандармская инспекція, изображенъ съ особеннымъ юморомъ. Но всего лучше въ разсказахъ — добродушный представительный губернаторъ — Углицкій, взятокъ не берущій, но смотрящій сквозь пальцы на то, какъ берутъ подчиненные, обыгрывающій откупщика и не платящій долговъ bonvivant. Этотъ Хлестаковъ, но умный и ловкій, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Сланцовымъ, наивно, но художественно разсказывающій о себѣ и товарищѣ самыя ужасныя вещи, принадлежитъ къ лучшимъ типамъ, когда либо созданнымъ Гончаровымъ.

„Меня новаго, свѣжаго, молодого человѣка, — говоритъ онъ,— удивляло и занимало все въ этихъ людяхъ. И это систематическое, искусное проживательство на чужой счетъ и безцѣльная канитель жизни, безъ идей, безъ убѣжденій, безъ опредѣленной формы, безъ серіозныхъ стремленій и увлеченій, безъ справокъ въ прошломъ, безъ заглядыванья въ будущее. Если и было дѣло, оно тянулось вяло, сонно, какъ-нибудь“.

„Сколько пропадало, уходило ни на что силъ и дарованій въ этомъ, тогда старомъ поколѣніи людей! Вотъ хоть бы эти два представителя своего времени, Углицкій и Сланцовъ, и сколько другихъ, подобныхъ имъ, были умные, живые, даровитые. Это видно было изъ

каждаго слова, шага. Оба прошли строгую военную школу, сражались, дѣлали, что имъ приказывали, и ни одинъ не вложилъ въ дѣло часть самого себя, что-нибудь свое. Изъ войны, походовъ, сраженій, они оба вынесли впечатлѣніе личной отваги, блеска, щегольства, разныхъ веселыхъ авантюръ за границей, изображали все это въ остроумныхъ пикантныхъ разсказахъ. Серіозная строгая сторона той великой эпохи отъ нихъ ускользнула. Они ея будто не видали, жили какъ-то внѣ ея".

„Снаружи дѣло такъ и кипѣло у него и около него (Углицкаго) — и все-таки ничего новаго, живого, интереснаго во всей административной машинѣ не было. У него была тьма способностей, но живъ, бодръ, зорокъ и очень подвиженъ былъ онъ самъ, а дѣло оставалось такимъ же, какъ онъ его засталъ".

Изъ этихъ выписокъ видно, какъ глубоко взглянулъ авторъ на изображаемыхъ имъ людей и какое яркое освѣщеніе эпохи видно въ этихъ безхитростныхъ, скромныхъ очеркахъ, къ которымъ мы и отсылаемъ читателей. Они вынесутъ не одно только эстетическое наслажденіе, но и близкое знакомство со многими, еще не тронутыми прежде Гончаровымъ, сторонами дореформенной Руси. Порадуемся, что послѣ долгаго молчанія нашъ почтенный писатель выступилъ съ такой крупной вещью, вполнѣ достойной своего великаго таланта, и съ нетерпѣніемъ будемъ ждать ея продолженія. *Островорскій.*

„Лучше поздно, чѣмъ никогда".

Гончаровъ позаботился самъ объяснить процессъ своего творчества въ замѣчательной критической статьѣ, которую онъ озаглавилъ: „Лучше поздно, чѣмъ никогда". Касаясь этого вопроса, онъ, между прочимъ, говоритъ въ своей статьѣ: „Художникъ мыслитъ образами", сказалъ Бѣлинскій, и мы видимъ это на каждомъ шагу, во всѣхъ даровитыхъ романистахъ. Но какъ онъ мыслитъ — вотъ давнишній, мудреный, спорный вопросъ. Одни говорятъ — сознательно, другіе — безсознательно. Я думаю такъ и этакъ, смотря по тому, что преобладаетъ въ художникѣ, умъ или фантазія и такъ называемое сердце. Онъ работаетъ сознательно, если умъ его тонокъ, наблюдателенъ и превозмогаетъ фантазію и сердце. Тогда идея нерѣдко высказывается помимо образа. И если талантъ не силенъ, онъ заслоняетъ образъ и является тенденціею. У болѣе сознательныхъ писателей умъ доказываетъ, чего не договариваетъ образъ, — и ихъ созданія бываютъ нерѣдко сухи, блѣдны, неполны; они говорятъ уму читателя, мало говоря воображенію и чувству. Они убѣждаютъ, учатъ, увѣряютъ, такъ сказать, мало трогая. И, наоборотъ, при избыткѣ фантазіи и при относительно меньшемъ противъ таланта умѣ — образъ поглощаетъ въ себѣ знаніе, идею; картина говоритъ за себя, и художникъ часто самъ увидитъ смыслъ — съ помощью такихъ крити-

ческихъ истолкователей, какими, напримѣръ, были Бѣлинскій и Добролюбовъ. Рѣдко, въ лицѣ самого автора, соединяются и сильный объективный художникъ и вполнѣ сознательный критикъ". Однакожъ, дальнѣйшее развитіе мысли Гончарова противорѣчитъ этому его положенію; Гончаровъ, видимо, склоняется, говоря о себѣ, къ безсознательности творчества: „Рисуя, я рѣдко знаю въ ту минуту, что значитъ мой образъ, портретъ, характеръ; я только вижу его живымъ, передъ собой — и смотрю вѣрно ли я рисую; вижу его въ дѣйствіи съ другими, — слѣдовательно, вижу сцены и рисую тутъ этихъ другихъ, иногда далеко впереди, по плану романа, не предвидя еще вполнѣ, какъ вмѣстѣ свяжутся всѣ, пока разбросанными въ головѣ, части цѣлаго. Я спѣшу, чтобы не забыть, набрасывать сцены, характеры, на листкахъ, клочкахъ — и иду впередъ, какъ будто ощупью, пишу сначала вяло, неловко, скучно (какъ начало въ Обломовѣ и Райскомъ), и мнѣ самому бываетъ скучно писать, пока не хлынетъ свѣтъ и не освѣтитъ дороги, куда мнѣ итти. У меня всегда есть одинъ образъ и вмѣстѣ главный мотивъ: онъ-то и ведетъ меня впередъ — и по дорогѣ я нечаянно захватываю, что попадется подъ руку, т.-е., что близко относится къ нему. Тогда я работаю живо, бодро, руки едва успѣваютъ писать, пока опять не упрусь въ стѣну. Работа, между тѣмъ, идетъ въ головѣ, лица не даютъ покоя, пристаютъ, позируютъ въ сценахъ, я слышу отрывки ихъ разговоровъ — и мнѣ часто казалось, прости Господи, что я это не выдумываю, а что это все носится въ воздухѣ, около меня, и мнѣ надо только смотрѣть и вдумываться. Мнѣ, напр., прежде всего бросался въ глаза лѣнивый образъ Обломова — въ себѣ и въ другихъ — и все ярче и ярче выступалъ передо мною. Конечно, я инстинктивно чувствовалъ, что въ эту фигуру вбираются мало-по-малу элементарныя свойства русскаго человѣка — и пока этого инстинкта довольно было, чтобы образъ былъ вѣренъ характеру. Если бы мнѣ тогда сказали, что Добролюбовъ и другіе и, наконецъ, я самъ нашелъ въ немъ — я бы повѣрилъ, а повѣривъ, сталъ бы умышленно усиливать ту или другую черту и, конечно, испортилъ бы. Вышла бы тенденціозная фигура! Хорошо, что я не вѣдалъ, что творю". „И что такое умъ въ искусствѣ? Это умѣніе создать образъ. Слѣдовательно, въ художественномъ произведеніи одинъ образъ уменъ, — и чѣмъ онъ строже, тѣмъ умнѣе". Однако, скажетъ, можетъ быть, читатель, какъ согласовать эту защиту безсознательности въ творчествѣ съ тѣмъ, что самъ Гончаровъ объясняетъ, съ тѣмъ смысломъ, который онъ придаетъ своимъ произведеніямъ? Всѣ свои три романа онъ сливаетъ въ одинъ. Всѣ они связаны одною общею нитью, одною послѣдовательною идеею, — переходъ отъ одной эпохи русской жизни, которую онъ переживалъ, къ другой — и отраженіемъ ея явленій въ его изображеніяхъ, портретахъ, сценахъ, мелкихъ подробностяхъ. Это видимое противорѣчіе Гончаровъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что идея, смыслъ всего произведенія являются не путемъ аналитической работы ума, а возникаютъ сами собой, такъ

сказать, изъ самыхъ этихъ образовъ, созданныхъ безсознательно, если только эти образы типичны, т.-е. если они отражаютъ въ себѣ крупнѣе или мельче, эпоху, въ которой живутъ. Возьмите, напримѣръ, Райскаго (въ „Обрывѣ“). Что хотѣлъ сказать Гончаровъ своимъ Райскимъ? Что такое Райскій? „Да все тотъ же Обломовъ, — отвѣчаетъ онъ, — т.-е. прямой, ближайшій его сынъ, герой эпохи пробужденія. Обломовъ былъ цѣльнымъ, ничѣмъ не разбавленнымъ выраженіемъ массы, покоившейся въ долгомъ и непробудномъ снѣ и застоѣ. И критика и публика находили это: почти всѣ мои знакомые на каждомъ шагу, смѣясь, говорили мнѣ по выходѣ книги въ свѣтъ, что они узнаютъ въ этомъ героѣ себя и своихъ знакомыхъ. Райскій — герой слѣдующей, т.-е. переходной эпохи. Это — проснувшійся Обломовъ: сильный, новый свѣтъ блеснулъ ему въ глаза. Но онъ еще потягивается, озираясь кругомъ и оглядываясь на свою обломовскую колыбель. Что-то пронеслось новое и живое въ воздухѣ, какія-то смутныя предчувствія; потомъ пошли слухи о новыхъ началахъ, преобразованіяхъ; обнаружилось движеніе въ наукѣ, въ искусствѣ; съ профессорскихъ каѳедръ послышались живыя рѣчи; въ небольшихъ кружкахъ тогдашней интеллигенціи смѣло выражалась передовыми людьми жажда перемѣнъ. Ихъ называли людьми „сороковыхъ годовъ“. Райскій, конечно, одинъ изъ нихъ и, можетъ-быть, что-нибудь и еще. Райскій — натура артистическая: онъ воспріимчивъ, впечатлителенъ, съ сильными задатками дарованій, но онъ все-таки сынъ Обломова. Онъ умомъ и совѣстью принялъ новыя животворныя сѣмена, но остатки еще не вымершей обломовщины мѣшаютъ ему обратить усвоенныя понятія въ дѣло. Онъ совался туда-сюда, но онъ не былъ серіозно подготовленъ наукой и практикой къ какой-нибудь государственной, общественной или частной дѣятельности, потому что на всѣхъ сферахъ еще лежала обломовщина: тихое, монотонное теченіе сонныхъ привычекъ, рутина. Живое дѣло только-что просыпалось. Россія доживала вѣкъ Петровскихъ реформъ — и ждала новыхъ. Въ Райскаго входили, сначала безсознательно для меня самого, и многія типическія черты моихъ знакомыхъ и товарищей. Въ обществѣ, въ образованной средѣ, побѣги новыхъ, свѣжихъ стремленій мѣшались и путались еще съ терніями и волчицами обломовщины всякаго рода — и вольной и невольной, съ разными приманками празднаго житья-бытья и съ трудностями упорной борьбы со старымъ. Застой, отсутствіе спеціальныхъ сферъ дѣятельности, служба, захватывавшая годныхъ и негодныхъ, нужныхъ и ненужныхъ и размножавшая бюрократію, все еще густыми тучами лежала на горизонтѣ общественной жизни: группа новыхъ людей устремилась къ ихъ разсѣянію“. „Въ Райскомъ, вмѣстѣ съ вліяніемъ на него хода времени и новыхъ событій, я слѣдилъ еще съ большимъ интересомъ — любопытный психологическій или физіологическій процессъ проявленія этой подвижной и впечатлительной натуры въ его личной жизни. Именно то, какъ сила фантазіи въ артистическихъ натурахъ, не направленная на насущное дѣло, на художественныя со-

зданія, бросалась въ самую жизнь, и мелочныя явленія послѣдней наряжала въ свои цвѣта и краски, производя тѣ чудачества, странности, часто безобразія, которыми нерѣдко бываетъ обильна жизнь артистовъ вездѣ... „Слѣдилъ, говорю я — надо бы сказать: смотрѣлъ и писалъ, даже не думая, что вбираю въ себя впечатлительнымъ воображеніемъ лица и явленія, окрасившіяся въ краскахъ момента и такими выдаю ихъ назадъ, т.-е. кладу на бумагу. Въ этомъ весь процессъ. Я самъ не могу смотрѣть на свои романы иначе, какъ въ ихъ послѣдовательной связи. Я жилъ въ трехъ эпохахъ, въ доступномъ для меня быту, насколько у меня хватало силъ и таланта".

Въ этихъ замѣткахъ Гончарова, писанныхъ въ тонѣ непритязательной бесѣды, высказана цѣлая теорія творчества. Я уже упомянулъ о томъ, какъ можно формулировать эти взгляды. Творчество по мнѣнію Гончарова, начинается въ безсознательномъ *видѣніи* и кончается сознательнымъ умственнымъ процессомъ, выводящимъ неизбѣжныя логическія заключенія изъ *видѣнія*. Гончаровъ, можетъ быть, нѣсколько преувеличиваетъ процессъ безсознательности, но сознательности онъ удѣляетъ, — и довольно значительное мѣсто. Это видно особенно ясно изъ заключительныхъ словъ его бесѣды: „Я писалъ, говоритъ онъ, только то, что переживалъ, что *мыслилъ*, чувствовалъ, что любилъ, что близко видѣлъ и зналъ — словомъ, писалъ и свою жизнь и то, что къ ней прирастало". Эту теорію творчества (единственно на мой взглядъ вѣрную) можно передать и иными словами: художникъ (поэтъ, живописецъ, скульпторъ, музыкантъ) исходитъ въ своемъ творчествѣ изъ чувственнаго созерцанія предмета или чувства; потребность охватить его цѣликомъ, — выразить доступными ему средствами, не привнося къ этому выраженію ничего посторонняго, т.-е. никакого толкованія, — заставляетъ его проникать въ самую сущность предмета или чувства. И когда это сдѣлано, начинается логическій процессъ перестройки, т.-е. выводъ изъ этой сущности тѣхъ послѣдствій, которыя логически навязываются ему. Таковъ обыкновенно логическій процессъ всякаго творческаго созданія. Но это, въ сущности, только идеальная теорія, которая въ дѣйствительности подвергается самымъ разнообразнымъ видоизмѣненіямъ. Есть натуры, живущія, по преимуществу, чувствомъ: у нихъ безсознательный процессъ переработки внѣшняго міра преобладаетъ; поэтому, ихъ произведенія не имѣютъ значительнаго философскаго значенія; они, въ обаятельныхъ художественныхъ формахъ, иногда съ большой глубиной, — изображаютъ свой внутренній міръ или фактическую внѣшность природы, но дальше этого они не идутъ. Есть другія натуры, по преимуществу разсудочныя: тѣ къ объекту своего творчества относятся аналитически; онѣ описываютъ и въ описаніи проводятъ свои взгляды, предположенія, желанія, — они тенденціозны. Обѣ эти категоріи — съ преобладаніемъ чувства, впечатлительности, или съ преобладаніемъ разсудочности анализа — образуютъ, по преимуществу, второстепенныхъ поэтовъ и художниковъ. Но чѣмъ полнѣе гармонія между этими двумя элементами,

тѣмъ уравновѣшеннѣе и слитнѣе являются они въ натурѣ — тѣмъ выше и глубже поэтъ и художникъ. Гончаровъ принадлежитъ къ этой послѣдней категоріи, но и у него элементъ анализа все-таки, до извѣстной степени, преобладаетъ. Уже то, что мы признали, какъ особенную черту его таланта: точность и полноту — даже до мелочности — въ его описаніяхъ фактической формы предмета — указываетъ на аналитическій характеръ его ума; я бы сказалъ, что его умъ гораздо дѣятельнѣе чувства — и эта особенность кладетъ характерную печать на его талантъ. Печать эта — его символизмъ. Анализируйте внимательно то впечатлѣніе, которое вы получаете отъ чтенія Гончарова, и вы, я думаю, придете къ убѣжденію, что въ немъ нѣтъ той художественной ясности и отчасти непосредственности, которая, напримѣръ, заключается въ Тургеневѣ. Художественная наблюдательность Гончарова необычайно велика и интенсивна, въ особенности во второстепенныхъ эпизодическихъ и вводныхъ фигурахъ: тутъ онъ не только художникъ, наблюдатель, но и великій мастеръ-живописецъ, располагающій краски съ поразительнымъ совершенствомъ рисующій съ безжалостной правдой Рембрандта или Веласкеса. Если бы только эти особенности заключались въ Гончаровѣ, то мы имѣли бы реалиста самой чистой школы, — нѣчто въ родѣ Писемскаго, болѣе вѣрнаго дѣйствительности, чѣмъ сама фотографія — потому что его картины были бы ярче и рельефнѣе фотографическихъ снимковъ, при той же вѣрности. Но въ Гончаровѣ заключается и другая черта, которая, въ большинствѣ случаевъ, преобладаетъ и составляетъ какъ бы общій фонъ всѣхъ его произведеній. Черта эта — философскій синтезъ явленій жизни, который въ искусствѣ очень часто переходитъ или перерождается въ аллегоричность, въ своего рода символизмъ. Черта эта сразу выдвинулась впередъ и уже вполнѣ ясно господствуетъ въ „Обыкновенной исторіи“, доходя до полнаго своего развитія въ „Обломовѣ“. Гончаровъ не только воспроизводитъ жизнь, но и философствуетъ по поводу ея, хотя первоначальнымъ исходнымъ пунктомъ у него всегда является непосредственное наблюденіе. Вотъ напримѣръ, самъ Гончаровъ, объясняетъ намъ возникновеніе „Обыкновенной исторіи“: „Когда я писалъ „Обыкновенную исторію“, я, конечно, имѣлъ въ виду и себя и многихъ, подобныхъ себѣ, учившихся дома или университетѣ, жившихъ по затишьямъ, подъ крыломъ добрыхъ матерей, и потомъ отрывавшихся отъ нѣги, домашняго очага, со слезами, съ проводами (какъ въ первыхъ главахъ „Обыкновенной исторіи“) и являвшихся въ главную арену, въ Петербургъ и здѣсь, при встрѣчѣ мягкаго, избалованнаго лѣнью и барствомъ, мечтателя-племянника съ практическимъ дядей — выразился намекъ на мотивъ, который едва только началъ разыгрываться въ самомъ бойкомъ центрѣ — въ Петербургѣ. Мотивъ этотъ — слабое мерцаніе, сознанія необходимости труда, настоящаго, нерутиннаго, живого дѣла, въ борьбѣ со всероссійскимъ застоемъ. Это отразилось въ моемъ маленькомъ зеркалѣ, въ среднемъ чиновничьемъ кругу. Безъ сомнѣнія,

то же, въ такомъ же духѣ, тонѣ и характерѣ, только другихъ размѣровъ разыгрывалось и въ другихъ, и въ высшихъ и низшихъ сферахъ русской жизни. Представитель этого мотива въ обществѣ былъ дядя: онъ достигъ значительнаго положенія по службѣ: онъ директоръ, тайный совѣтникъ и, кромѣ того, онъ сдѣлался и заводчикомъ. Тогда отъ 20-хъ до 40-хъ годовъ — это была смѣлая новизна, чуть не униженіе (я не говорю о заводчикахъ-барахъ, у которыхъ заводы и фабрики входили въ число родовыхъ имѣній, были оброчныя статьи, и которыми они сами занимались). Тайные совѣтники мало рѣшались на это. Чинъ не позволялъ, а званіе купца не было лестно. Въ борьбѣ дяди съ племянникомъ отразилась и тогдашняя, только что начинавшаяся ломка старыхъ понятій и нравовъ — сентиментальности, карикатурнаго преувеличенія чувствъ дружбы и любви, поэзія праздности, семейная и домашняя жизнь напускныхъ, въ сущности небывалыхъ чувствъ (напримѣръ, любовь съ желтыми цвѣтами старой дѣвы-тетки и т. д.), пустая трата времени на визиты, на ненужное гостепріимство и т. п. Словомъ, вся праздная мечтательная и аффектаціонная сторона старыхъ нравовъ съ обычными порывами юности — къ высокому, великому, изящному, къ эффектамъ, съ жаждой высказать это въ трескучей прозѣ, всего болѣе въ стихахъ. Все это отживало, уходило: являлись слабые проблески новой зари, чего-то трезваго, дѣлового, нужнаго. Первое, т.-е. старое исчерпалось въ фигурѣ племянника, и оттого онъ вышелъ рельефнѣе, яснѣе. Второе, т.-е. трезвое сознаніе необходимости дѣла, труда, знанія, — выразилось въ дядѣ; но это сознаніе только нарождалось, показывались первые симптомы, далеко было до полнаго развитія, — и понятно, что начало могло выразиться слабо, неполно, только кое гдѣ въ отдѣльныхъ лицахъ и маленькихъ группахъ, и фигура дяди вышла блѣднѣе фигуры племянника". Это личное сознаніе Гончарова подтверждается и фактически самимъ произведеніемъ. Несомнѣнно, что въ основѣ „Обыкновенной исторіи" лежитъ живое наблюденіе; но посмотрите, что художникъ сдѣлалъ съ этимъ первичнымъ наблюденіемъ, сознательно или безсознательно, но во всякомъ случаѣ подчиняясь своему складу ума. Вы думаете, что художникъ дастъ вамъ широкую картину, въ которой, какъ въ зеркалѣ, отразится дѣйствительность, съ ея противорѣчіями, уклонами, съ ея безконечнымъ разнообразіемъ, не допускающей никакой опредѣленной формулы и никакого опредѣленнаго вывода? Такъ было бы подъ перомъ непосредственнаго художника: широкая картина появилась бы, можетъ быть, колоритно и ярко, но безъ внутренняго содержанія. Но не такъ вышло у Гончарова. Картина у него есть, яркая, прекрасная, — но главное не въ ней — не очертанія, не гармонія красокъ, а опредѣленная логическая формула, опредѣленный и сознательный выводъ. Его племянникъ, герой романа, изъ живого человѣка превратился въ олицетвореніе всероссійской сентиментальности, какой-то нервной расплывчивости, неумѣнья приноровиться къ дѣйствительности. Дядя, напротивъ того, — олицетвореніе всероссійскаго практическаго благо-

разумія, отлично устраивающаго свои дѣла, но зато ровно ничего не понимающаго въ дѣлѣ чувства. Однимъ словомъ, племянникъ идеалистъ, дядя — практикъ; племянникъ пишетъ стихи, вѣчно влюбляется и сентиментально вздыхаетъ; дядя дѣлаетъ карьеру по службѣ; управляетъ заводомъ, наживаетъ состояніе. Все это, конечно, существуетъ и въ жизни: и въ тридцатыхъ годахъ и въ наше время встрѣчались и встрѣчаются такіе люди и племянники, съ таковыми родовыми чертами, но они никогда не являются въ такихъ рѣзкихъ законченныхъ, цѣльныхъ фомахъ. И вотъ почему кажется, что какъ племянникъ, такъ и дядя не списаны съ натуры, какъ это мы видимъ, по большей части, въ герояхъ Бальзака, Золя, Тургенева, Писемскаго — они — только дидактическія фигуры, въ которыя Гончаровъ вноситъ свое собственное содержаніе, свой собственный взглядъ. Но они не типы, потому что типъ есть форма собирательная, выражающая собою отвлеченную сущность извѣстнаго явленія, безъ всякихъ посторонихъ соображеній, а у Гончарова постороннія соображенія не только видны, но и преобладаютъ. Къ этимъ постороннимъ соображеніямъ принадлежитъ, напримѣръ, постоянное желаніе морализировать на заданную тему, постоянно уходить отъ жизни и погружаться въ этику. Отсюда и тотъ пріемъ, который такъ часто замѣчается у Гончарова. Весь романъ почти сплошь состоитъ изъ разговоровъ между племянникомъ — романтикомъ и дядей — практическимъ докой. Дѣйствительность вѣчно непріятно поражаетъ племянника, онъ вѣчно недоволенъ, вѣчно разочарованъ, онъ вѣчно встрѣчаетъ препятствія и вѣчно видитъ не то, о чемъ мечталъ. Встрѣчаетъ ли онъ дѣвушку, которая ему нравится, въ которую онъ влюбляется, онъ ее идеализируетъ, ставитъ на пьедесталъ; потомъ ему измѣняютъ; онъ разочаровывается и проклинаетъ всѣхъ дѣвицъ. Съ своими сомнѣніями и разочарованіями онъ является къ дядѣ, который, какъ истинно практическій человѣкъ, научаетъ его благоразумію, показываетъ несостоятельность его мечтаній и издѣвается надъ его чувствительностью. И въ этихъ разговорахъ заключается вся „Обыкновенная исторія“, которую Гончарову слѣдовало бы назвать „необыкновенной“, потому что въ обыкновенной жизни ничего подобнаго не бываетъ въ такой опредѣленной, прямолинейной формѣ. Огромная, конечно, сила таланта потребовалась для того, чтобы этотъ сухой догматизмъ, чтобы эта практическая форма, чтобы это подведеніе жизни подъ опредѣленныя рамки все-таки не мѣшали прочитать романъ и увидѣть въ немъ красоты, дѣйствительно блестящія.

До какой степени этотъ обобщающій пріемъ преобладаетъ въ творчествѣ Гончарова, видно, между прочимъ, изъ другого мѣста той же статьи „Лучше поздно, чѣмъ никогда“, гдѣ онъ говоритъ о лучшемъ изъ своихъ типовъ, о бабушкѣ въ „Обрывѣ“. „Я писалъ со старой русской хорошей женщины, или съ русскихъ старыхъ женщинъ стараго добраго времени, — коллективно, не думая ни о какой параллели, но, должно быть она инстинктивно гнѣздилась въ моей головѣ, и когда

я уже закончилъ фигуру, оглядѣлъ ее — у меня въ концѣ книги вырвались слова, которыми я окончилъ романъ. Вотъ они: „За нимъ (Райскимъ, когда онъ былъ въ Италіи) все стояли и горячо звали къ себѣ три фигуры: его Вѣра, его Марѳенька и бабушка, а за ними стояла и сильнѣе ихъ влекла къ себѣ еще другая исполинская фигура, другая великая бабушка — Россія". Вотъ что отразилось или, если я слабый художникъ и не одолѣлъ образа, то, по крайней мѣрѣ, вотъ что просилось отразиться въ моей старухѣ, какъ отражается солнце въ каплѣ воды: старая, консервативная русская жизнь".

Слова эти, по моему мнѣнію, чрезвычайно характерны, потому что они точно и вѣрно отражаютъ самую сущность гончаровскаго творчества. Въ бабушкѣ онъ стремился изобразить старую консервативную русскую жизнь; бабушка для Гончарова не только живая индивидуальность и даже не столько сборный типъ, вмѣщающій въ себѣ многія индивидуальности, какъ образуетъ ихъ среда, привычки, воспитаніе, — сколько олицетвореніе или, вѣрнѣе, символъ консервативной русской жизни. Въ этомъ разгадка художественнаго процесса Гончарова: не о типѣ, не о личности заботился онъ, а о символизаціи обобщающихъ понятій. Другіе поэты-художники въ огромномъ большинствѣ (почти всѣ, и во главѣ ихъ, конечно, Шекспиръ) допускаютъ лишь одно художественное обобщеніе — типъ. Таковъ, напримѣръ, Тургеневъ; его Рудинъ, Лаврецкій, Базаровъ — только типы; въ нихъ нѣтъ никакой символизаціи; переберите мысленно всѣ фигуры романовъ Тургенева: это просто характеры, индивидуальности, имѣющія только психологическій интересъ, или же, въ крайнемъ случаѣ — типы, т. е. сборныя фигуры, объединяющія многія индивидуальности. Есть даже великіе поэты-художники, которые считаютъ слишкомъ большимъ обобщеніемъ, несовмѣстнымъ съ истиннымъ искусствомъ, даже типъ. Къ такимъ художникамъ принадлежитъ, напримѣръ Гете: гдѣ вы найдете у него хоть намекъ на типъ. Таковъ, съ другой стороны, Байронъ: у него нѣтъ, такъ же, какъ у Гете, типа. Гончаровъ стоитъ отъ нихъ въ другомъ полюсѣ: тѣ знаютъ только индивидуальность; онъ же знаетъ *почти только* отвлеченныя понятія, олицетворяемыя въ создаваемыхъ имъ фигурахъ. Байронъ и Гете — я бы рискнулъ сказать, — на точкѣ зрѣніи Аристотеля, знающаго только видъ и незнающаго рода, они, по средневѣковой терминологіи, реалисты; Тургеневъ, отчасти Толстой, Достоевскій, Диккенсъ, Теккерей — платонисты или, схоластически говоря — номиналисты. Гончаровъ, подобно Данте, идетъ еще дальше: онъ, если можно такъ сказать, трансцендентальнѣе; для него даже платоническихъ идей-типовъ мало; онъ восходитъ отъ нихъ къ еще болѣе общимъ, отвлеченнымъ понятіямъ, долженствующимъ представлять уже не роды, а, такъ сказать, міровыя единства. Я сейчасъ поставилъ Гончарова рядомъ съ Данте; и въ самомъ дѣлѣ, у нихъ много общаго, если, разумѣется, забыть о томъ, что русскій романистъ принадлежитъ къ XIX столѣтію, а великій гибеллинъ къ XIV, что одинъ не только поэтъ, но и вѣрующій

католикъ и страстный политическій дѣятель, между тѣмъ какъ второй воспиталъ въ себѣ, благодаря условіямъ времени и обстоятельствъ, нѣкоторый индиферентизмъ въ дѣлѣ религіи и нѣкоторый свѣтскій скептицизмъ въ философіи. Но, помимо этого, они — родственныя натуры и аллегористы: Беатриче для Данта не есть женщина, которую онъ когда-то любилъ и въ молодости потерялъ, это олицетвореніе богословія или философіи, — совершенно въ такомъ смыслѣ, какъ бабушка для Гончарова есть олицетвореніе старой русской консервативной жизни. Какъ, — можетъ быть, скажетъ читатель, удивленный этими словами, противорѣчащими всему тому, что онъ до сихъ поръ слыхалъ о Гончаровѣ, — у Гончарова нѣтъ типовъ? А Обломовъ, Волоховъ, Захаръ, Тушинъ? Дѣйствительно, всѣ эти прекрасно изваянныя фигуры, на первый взглядъ, кажутся типами, но стоитъ только взвѣсить роль каждаго изъ нихъ, чтобы увидать, что они больше, чѣмъ типы, что они обобщающія понятія, а не психологическіе моменты. Такъ, впрочемъ, понималъ ихъ и самъ Гончаровъ, который во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, точно и ясно высказалъ въ своей статьѣ: „Лучше поздно, чѣмъ никогда“. Ссылаясь на Дорболюбова, онъ говоритъ объ Обломовѣ: „Воплощеніе сна, застоя, неподвижной мертвой жизни, — переползаніе изо дня въ день, въ одномъ лицѣ и въ его обстановкѣ — было всѣми найдено вѣрнымъ“. Нѣсколько дальше онъ прибавляетъ: „Обломовъ былъ цѣльнымъ, ничѣмъ не разбавленнымъ выраженіемъ массы, покоившейся въ долгомъ и непробудномъ снѣ и застоѣ“. Значитъ, Обломовъ не типъ, не фигура, въ которой какъ въ фокусѣ, отражаются многія русскія индивидуальности, а представленіе, символизація опредѣленной эпохи въ русской общественной жизни. По отношенію къ Волохову и въ критикѣ и въ обществѣ, когда появился „Обрывъ“ возникли недоразумѣнія. Волохова сочли представителемъ молодого поколѣнія шестидесятыхъ годовъ, нѣчто въ родѣ Тургеневскаго Базарова, только грубо и рѣзко изображеннаго. Отвѣчая на этотъ упрекъ, Гончаровъ характеризуетъ молодое поколеніе и затѣмъ говоритъ: „Нѣтъ, это не Волоховъ, а представители новой „правды“, воцарившейся съ освобожденіемъ крестьянъ и съ другими великими реформами, внесшими новую жизнь въ русское общество. Но въ жизни, рядомъ съ правдой, къ несчастію, гнѣздится и ложь: и представителемъ этой „новой лжи“ являются Волоховы“. Опять таки значитъ, не типъ. Правда, характеризуя Волохова въ своей статьѣ, Гончаровъ нѣсколько разъ употребляетъ слово типъ, но это слово онъ употребляетъ, не придавая ему строгаго истиннаго значенія, а просто въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно обыкновенно употребляется — расплывчивомъ, неясномъ, даже двусмысленномъ. Истиннымъ представителемъ молодого поколѣнія для Гончарова является Тушинъ въ томъ же „Обрывѣ“. По поводу Тушина Гончаровъ обмолвился очень характернымъ выраженіемъ: „Этого Тушина, говорю я, позвала бабушка на помощь, — и онъ сослуживъ ей службу, какъ и всѣ честные, здоровые члены новыхъ поколѣній, всѣ Тушины сослужатъ

службу Россіи, разработавъ, довершивъ и упрочивъ ея преобразованіе и обновленіе". Переведите эту фразу на болѣе простой языкъ, помня, что для Гончарова Тушинъ — представитель молодого поколѣнія — а бабушка консервативная Россія, и вы получили фразу: консервативная Россія призвала на помощь молодое поколѣніе, чтобы довершить ея преобразованіе и обновленіе. Неужели и это не аллегорія, не символизація?

Но пойдемъ дальше въ этомъ анализѣ творчества Гончарова. Въ „Обыкновенной исторіи" Гончаровъ изобразилъ первичный фазисъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, слабое мерцаніе сознанія въ необходимости труда, живого дѣла. Въ „Обломовѣ" Гончаровъ характеризуетъ второй фазисъ русской жизни — „переползаніе изо дня въ день, обломовщину". Третій фазисъ — это уже пробужденіе отъ обломовскаго сна въ „Обрывѣ", пробужденіе отъ слабаго сознанія необходимости труда и отъ обломовскаго прозябанія до сознанія практической общественной дѣятельности. Такимъ образомъ, по взгляду Гончарова, вся русская жизнь XIX столѣтія укладывается въ три романа, логически развиваясь, какъ философская тема, напонимая собою тріаду Гегеля. Параллельно съ этимъ, такую же роль играютъ и женскія фигуры. Въ „Обыкновенной исторіи" Наденька не есть какой-нибудь портретъ или типъ, а просто „хорошая русская дѣвушка" извѣстнаго круга той эпохи, извѣстный моментъ въ развитіи русской женщины. Затѣмъ, въ „Обломовѣ" Ольга, по словамъ самого Гончарова, есть та же самая дѣвушка, но только слѣдующей эпохи и, слѣдовательно, измѣнившаяся, сообразно съ новыми условіями жизни. Наденька — покорная дочь, но уже имѣетъ преимущество предъ матерью: она безъ спросу полюбила Адуева и считаетъ себя вправѣ распоряжаться своимъ внутреннимъ міромъ. Но Наденька увидала графа, сравненіе было не въ пользу Адуева, и она перешла на сторону графа. „Въ этомъ пока и стоялъ сознательный шагъ русской дѣвушки — безмолвная эмансипація, протесть противъ безпощаднаго для нея авторитета матери", прибавляетъ Гончаровъ. Но отъ *невѣдѣнія* Наденьки — естественный переходъ къ сознательному замужеству Ольги со Штольцемъ, представителемъ труда, знанія, силы (въ „Обломовѣ"). „Но въ этой же фигурѣ Ольги уже кроется зародышъ дальнѣйшаго развитія, какъ только условія жизни будутъ благопріятны. И вотъ Гончаровъ принимается за третій фазисъ русской жизни. Онъ пишетъ Вѣру (въ „Обрывѣ"). Это все та же Ольга, только шестидесятыхъ годовъ это — лучшая изъ женщинъ, которая самостоятельно и гордо, не прибѣгая къ „старой мудрости" бабушки и неподготовленная тою же бабушкой, по невѣдѣнію, а также по гордости сама пошла на свѣтъ и чуть не сгорѣла. „Пала не Вѣра, не личность, пала русская дѣвушка, русская женщина, жертвой въ борьбѣ старой жизни съ новой; она не хотѣла жить слѣпо, по указкѣ старшихъ. Она сама знала, что отжило въ старой жизни, и давно тосковала, искала свѣжей осмысленной жизни; хотѣла сознательно пойти и при-

нять новую правду, удержавъ все прочее, коренное, лучшее въ старой жизни. Но она „не знала“, гдѣ и какъ искать. Бабушка берегла ее отъ болѣзней, отъ явныхъ и извѣстныхъ ей золъ и бѣдъ и не приготовила ни къ какимъ, невѣдомымъ ей самой, бѣдамъ“. Тутъ мы, значитъ, опять встрѣчаемся съ гегелевской тріадой.

Любопытно то, что символизація идетъ дальше. Гончаровъ не только изображалъ намъ русскую жизнь въ ея логически-историческомъ развитіи, олицетворяя въ своихъ фигурахъ существенные моменты этого развитія, — онъ продолжалъ и дальше эту символизацію, придавая ей характеръ симметріи, которая уже окончательно устраняетъ всякое сомнѣніе относительно этой способности въ творчествѣ Гончарова. И, въ самомъ дѣлѣ, у Гончарова вездѣ мы встрѣчаемъ параллельныя фигуры. Въ „Обыкновенной исторіи“ племянникъ противополагается дядѣ, Обломову противополагается Штольцъ, Волохову — Тушинъ, Вѣрѣ — Марѳенька и такъ дальше. И надо всѣмъ этимъ высится величественная фигура бабушки — Россіи. Какъ бы мы не относились къ характеру творчества Гончарова, нельзя во всякомъ случаѣ не удивляться чрезвычайной, почти небывалой мощи и силѣ этого синтеза, позволившаго Гончарову соединить въ одно все разнообразіе явленія, всѣ видимыя и неизбѣжныя противорѣчія общества, находящагося въ процессѣ развитія, — соединить, говоримъ мы, все это въ одно великое цѣлое, дающее, какъ бы въ отвлеченной формѣ, разумѣніе самой сущности этого процесса.

Какъ бы ни казалось страннымъ (я сознаю это) сравненіе художественнаго созданія Гончарова съ „Божественной комедіей“ — это сравненіе невольно приходитъ на умъ, если мы будемъ смотрѣть на оба созданія съ извѣстной точки зрѣнія. И, въ самомъ дѣлѣ, поэма Данте есть величайшій эпосъ среднихъ вѣковъ; въ немъ Данте резюмировалъ не только общественную и государственную жизнь, но философію, религію, науку своего времени. Гончаровъ охватилъ русское XIX столѣтіе не съ такимъ широкимъ размахомъ и не съ такой геніальной глубиной, но въ обѣихъ задачахъ есть несомнѣнно, нѣчто родственное: желаніе и умѣніе свести къ одному окончательному синтезу всю историческую, государственную и общественную жизнь опредѣленной эпохи. Эта родственность обѣихъ великихъ художественныхъ талантовъ тѣмъ болѣе навязывается уму, что не только задачи ихъ были подобны, но въ пріемѣ выполненія мы видимъ нѣчто общее... Будучи оба символистами, они оба въ то же время обладали всѣми свойствами великихъ художниковъ-портретистовъ: фигуры Данте, точно бронзовыя статуи, до такой степени врѣзываются въ память, что ихъ невозможно забыть; это великій знатокъ души человѣческой и великій изобразитель людей. Но развѣ не подобное же впечатлѣніе оставляетъ и Гончаровъ, разумѣется, toute proportion gardée? И гончаровскія фигуры стоятъ предъ нами, какъ бронзовыя статуи, въ которыхъ, несмотря на подвижность, кипитъ жизнь, совершаются душевные процессы.

Но въ гончаровскомъ творчествѣ все-таки поразительнѣе всего символизмъ. Благодаря этому символизму индивидуальныя черты его фигуръ мало по-малу сглаживаются, теряютъ свои очертанія, и, вмѣсто живой картины, является какое-то туманное, выдвинувшееся впередъ, аллегорическое изображеніе философскихъ взглядовъ автора на смыслъ русской жизни, на характеръ ея логики; и эту логику, этотъ смыслъ онъ усматриваетъ въ одной и той же фигурѣ, которая, различно освѣщаемая жизнію, принимаетъ различныя формы. Такая символизація очень часто употреблялась въ поэзіи и создавала величайшія произведенія искусства (не говоря о „Божественной комедіи“, можно указать на гетевскаго „Фауста“, на байроновскаго „Манфреда“, на нѣкоторыя части „Dziadów“ Мицкевича), — но употреблялась она тѣмъ не менѣе преимущественно въ пластическихъ искусствахъ. Въ простѣйшей и самой незатѣйливой формѣ, — это, такъ называемая, аллегорія. И теперь еще встрѣчаются скульпторы (и я думаю, они никогда не переведутся), которые въ образахъ фантастическихъ идеальныхъ женщинъ представляютъ правду, красоту и прочія отвлеченныя понятія. Всѣ эти прекрасныя дамы, — и правда и красота, какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга; отличаютъ ихъ только внѣшніе аттрибуты ихъ сущности — въ большей части — наслѣдіе и греческой и римской миѳологіи. То же самое встрѣчается въ живописи. Правда, пріемъ Гончарова гораздо сложнѣе, гораздо художественнѣе и гораздо умнѣе, но въ сущности это тотъ же самый пріемъ символизаціи и аллегоріи. Аллегорія эта у Гончарова касается не отвлеченныхъ понятій, а живыхъ явленій, но эти явленія изображаются имъ аллегорично.

И вотъ почему, на мой взглядъ, Гончаровъ занимаетъ совершенно особенное мѣсто въ ряду не только русскихъ, но и западно-европейскихъ беллетристовъ. Пріемъ его, я думаю, можетъ и долженъ быть порицаемъ, какъ пріемъ, противорѣчащій коренной сущности искусства, идущій въ разрѣзъ съ направленіемъ нашего времени. Но когда онъ встрѣчается въ соединеніи съ такой силой и интенсивностію отвлеченной мысли, съ такимъ высокимъ высоко-художественнымъ анализомъ подробностей, съ такимъ рѣдкимъ талантомъ тонкой и проницательной наблюдательности, съ такимъ чарующимъ чувствомъ пластической красоты, съ такой чистотой стиля, съ такимъ благородствомъ воззрѣній и, въ то же время, съ такой твердостію пониманія, то этотъ пріемъ, — можетъ быть, и изолированное явленіе въ поэзіи, но явленіе, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно замѣчательное и остающееся въ вѣчныя времена украшеніемъ исторіи всемірной литературы. Гончаровъ догматизируетъ и морализируетъ, но въ то же время и отражаетъ жизнь глубокимъ проникновеніемъ въ ея тайны, глубокимъ пониманіемъ ея смысла. Пусть его произведенія не подходятъ подъ ту или другую категорію установившихся формъ искусства — они все-таки имѣютъ огромное значеніе и огромную цѣну. Въ сущности, категорій и клѣтокъ нѣтъ, ихъ не должно быть въ искусствѣ, какъ нѣтъ ихъ въ жизни, и мы конечно, не впадемъ въ ошибку Гонча-

рова: искусство мы не будемъ подводить подъ ту или другую теорію. Какое намъ дѣло до теоріи, когда жизнь передъ нами? искусство — проявленіе жизни, а жизнь не знаетъ ни теорій ни клѣтокъ. Лишь бы только жизнь проявилась въ искусствѣ ярко, рельефно, полно, во всѣхъ своихъ переливахъ, — намъ этого достаточно; а какія для этого средства употребляетъ художникъ, — это дѣло второстепенное. Если эти средства находятся въ гармоніи съ самымъ характеромъ и вѣчными законами художественнаго творчества, — тѣмъ лучше.

Для искусства и поэзіи, въ широкомъ значеніи этого слова, Гончаровъ имѣетъ значеніе, по преимуществу, какъ великій, хотя и своеобразный, портретистъ. И Гончаровъ, и Тургеневъ, и Достоевскій, и Толстой, — все это великіе портретисты. Каждый изъ нихъ создалъ цѣлую галлерею чудеснѣйшихъ портретовъ. Одинъ во вкусѣ Веласкеца, другой — въ манерѣ Рафаэля, третій — въ стилѣ Рембрандта, четвертый — въ формахъ Гольдента. Но они велики и въ другомъ отношеніи: Толстой и Достоевскій — геніальные психологи: одинъ показываетъ намъ нормальную, здоровую душу человѣка, и притомъ русскаго человѣка; другой — болѣзненныя ея проявленія. Два другихъ, — Тургеневъ и Гончаровъ, великіе физіологи русскаго общества; они слѣдятъ за процессомъ общественной жизни и олицетворяютъ этотъ процессъ въ обаятельныхъ художественныхъ формахъ.

Но изъ всѣхъ четырехъ великихъ романистовъ земли русской, Гончаровъ — наименѣе популяренъ. Не разъ было замѣчено, что въ Европѣ, которая зачитывается произведеніями нашихъ романистовъ, Гончаровъ читается менѣе другихъ, — менѣе Толстого, Тургенева, Достоевскаго; даже не всѣ его произведенія переведены. Кромѣ того, можно прибавить, что просто напросто мало читается и почти неизвѣстенъ за границей. Въ то время какъ переводы Толстого, Тургенева, Достоевскаго слѣдуютъ другъ за другомъ съ невѣроятной быстротой и выдерживаютъ по нѣскольку изданій, — Гончаровъ остается въ тѣни не оживляетъ собой книжнаго рынка. Но этого мало: Гончаровъ не только не популяренъ за границей, онъ менѣе другихъ нашихъ романистовъ читается и въ самой Россіи; его имя, правда, чрезвычайно популярно у насъ, — нельзя считаться хотя сколько-нибудь образованнымъ человѣкомъ, не зная хорошо произведеній Гончарова... Но онъ все-таки мало читается: его прочитаютъ, но къ нему рѣдко возвращаются; его не забываютъ, но въ большинствѣ случаевъ не ощущаютъ влеченія воскресить въ своей памяти новымъ чтеніемъ тѣхъ высокихъ эстетическихъ наслажденій, которыя мы когда-то ощущали, когда читали его въ первый разъ. Его очень уважаютъ, но менѣе любятъ, чѣмъ Тургенева, Толстого, Достоевскаго. Это обязательство очень любопытно и очень поучительно. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, не видѣть огромнаго, геніальнаго таланта Гончарова, вѣдь нельзя же не замѣчать его образцоваго, классическаго языка, чрезвычайной, почти волшебной силы въ изображеніи характеровъ, огромнаго художественнаго синтеза, которыми отличаются его произ-

веденія, и благодаря которымъ онѣ такъ тѣсно связаны между собою, что составляютъ одно великое цѣлое. Въ чемъ заключается причина такого отношенія къ великому писателю? Мнѣ кажется, что моя настоящая статья можетъ служить, по крайней мѣрѣ, отчасти, отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Гончаровъ мало доступенъ массѣ публики, благодаря именно тѣмъ особенностямъ своего синтеза, которыя дѣлаютъ его великимъ писателемъ. Его подчасъ, слишкомъ явный догматизмъ, его обобщающіе взгляды, рѣдко скрываемые обаятельностью художественныхъ формъ; его символизмъ, ясно выступающій среди фантасмагоріи красокъ; его мысль, имѣющая характеръ чуть ли не научнаго изслѣдованія и постоянно напряженная: его строгая логика событій; преобладаніе трезваго сознанія надъ фантазіей, которая почти не встрѣчаетъ себѣ мѣста среди описываемой имъ обыденной жизни, — всѣ эти качества, сосредоточенныя въ такой громадный фокусъ, дѣлаютъ чтеніе произведеній Гончарова отчасти мало завлекательнымъ, отчасти даже прямо труднымъ для умовъ, воспитанныхъ на легкомъ французскомъ романѣ и не привыкшихъ вдумываться въ содержаніе и значеніе образовъ, воскрешаемыхъ художникомъ. Слѣдуетъ ли сожалѣть, что такова въ настоящее время судьба Гончарова? Я думаю, что нѣтъ. Каждый художникъ, если онъ великъ, выполняетъ свою функцію въ сферѣ, ему данной. Гончаровъ никогда не будетъ настольной книгой большинства: для этого онъ слишкомъ, если можно такъ выразиться, аристократиченъ. Въ рукахъ массы онъ былъ бы не понятъ, или понятъ превратно, наивно — просто; но онъ останется всегда однимъ изъ самыхъ великихъ и любовныхъ писателей того меньшинства, которое въ искусствѣ видитъ не одну лишь простую забаву, не одну лишь пищу воображенія, а результатъ серіозной вдумчивости и благотворной мысли.

Чуйко.

Гончаровъ, его пріемственная связь съ Пушкинымъ; особенности его таланта сравнительно съ Гоголемъ, Тургеневымъ и Островскимъ.

Всего пять лѣтъ спустя послѣ появленія въ печати „Мертвыхъ душъ“, дебютировалъ въ литературѣ писатель, уже не новый, но до того времени никому неизвѣстный. Въ противоположность другимъ своимъ сверстникамъ и современникамъ, начинавшимъ литературную карьеру обыкновенно или стихами, или небольшими, какъ бы подготовительными этюдами, новый писатель сразу выступилъ съ большимъ по объему и крупнымъ по значенію романомъ — и сразу, безъ усилій и борьбы, занялъ не только выдающееся, но и вполнѣ оригинальное положеніе въ литературѣ. Въ то время, когда молодая Россія находилась подъ обаяніемъ первыхъ впечатлѣній, возбужденныхъ безсмертною эпопеею Гоголя — этимъ камнемъ, брошеннымъ могучей рукой художника въ стоячее болото русской жизни и всколыхнувшимъ его

до самаго дна, — въ новомъ романѣ почувствовалась сила свѣжая и самобытная, замѣтно уклонявшаяся отъ гоголевскаго міросозерцанія, хотя и родственная Гоголю по пріемамъ художественнаго творчества. „Бѣлинскій, привѣтствуя „Обыкновенную исторію“ и разбирая ее на ряду съ одновременно появившимся романомъ Герцена: „Кто виноватъ?“ замѣтилъ, что у Гончарова нѣтъ ничего, кромѣ таланта, и что онъ болѣе всѣхъ современныхъ писателей имѣетъ право называться поэтомъ-художникомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, уже въ первомъ романѣ Гончарова съ достаточной опредѣленностію обозначились тѣ особенныя свойства его таланта, которыя впослѣдствіи выступили во всей своей полнотѣ и яркости въ другихъ его произведеніяхъ — широкій захватъ жизни, изображаемой съ эпически-спокойной объективностію, отсутствіе лиризма непосредственное, простое отношеніе къ быту и вмѣстѣ (употребляя его собственное выраженіе) „кровная любовь“ къ созданнымъ имъ типамъ, выражающаяся въ необыкновенно внимательной и подробной разработкѣ изъ внѣшняго обличья и внутренняго душевнаго склада. Между тѣмъ какъ у Гоголя не только въ „Мертвыхъ душахъ“, переполненныхъ лиризмомъ, но даже и въ комедіяхъ всегда и вездѣ сквозитъ страстное и субъективное отношеніе къ изображаемымъ лицамъ, обнаруживающееся въ комическомъ преувеличеніи той или другой стороны ихъ характера, — у Гончарова нѣтъ и слѣда увлеченія этой идеей; созерцая явленія окружающей его дѣйствительности, онъ не дѣлаетъ между ними намѣреннаго выбора, а просто беретъ жизнь, какъ она есть, „не мудрствуя лукаво“ и признавая за всѣми ея фактами одинаковое право на художественное воспроизведеніе. „Вамъ все равно“, говорилъ ему Бѣлинскій: „попадется мерзавецъ, дуракъ, уродъ, или порядочная, добрая натура, всѣхъ одинаково рисуете“. „А это хорошо, это и нужно, это — признакъ художника“, прибавилъ критикъ, поощряя писателя на дальнѣйшій путь въ томъ же направленіи.

Это непосредственное, простое и ласковое отношеніе къ русскому быту, отличающее Гончарова отъ Гоголя, дѣлаетъ его послѣдователемъ того художественнаго направленія, которое было намѣчено Пушкинымъ въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“. И дѣйствительно, Пушкина онъ считалъ своимъ единственнымъ великимъ образцомъ и учителемъ въ искусствѣ. Первыя сознательныя юношескія впечатлѣнія, глубоко запавшія въ его воспріимчивую душу, относятся къ лучшій порѣ разцвѣта пушкинскаго генія, когда онъ такъ обязательно дѣйствовалъ на общество. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ самъ Гончаровъ: „Первымъ прямымъ учителемъ въ развитіи гуманитета, вообще, въ нравственной сферѣ, былъ Карамзинъ, а въ дѣлѣ поэзіи мнѣ и моимъ сверстникамъ, 15—16-лѣтнимъ юношамъ приходилось питаться Державинымъ, Дмитріевымъ, даже Херасковымъ, котораго въ школѣ тоже выдавали за поэта. И вдругъ — Пушкинъ! Я узналъ его съ „Онѣгина“, который выходилъ тогда періодически, отдѣльными главами. Боже мой! Какой свѣтъ, какая волшебная даль открылась вдругъ, и какія правды —

поэзіи и вообще жизни, притомъ современной, понятной, — хлынули изъ этого источника, и съ какимъ блескомъ, въ какихъ звукахъ! Какая школа изящества, вкусъ для впечатлительной натуры! Лермонтовъ, Гоголь не были, собственно, моими учителями: я уже самъ созрѣвалъ тогда и пописывалъ. Бѣлинскій регулировалъ весь тогдашній хаосъ вкусовъ, эстетическихъ и другихъ понятій и проч. Тогда мой взглядъ на этихъ героевъ впервые сталъ опредѣленнѣе и строже. Явилась сознательная критика — а чувство къ Пушкину оставалось то же. „Это чувство къ Пушкину и пріемственная съ нимъ связь по воззрѣніямъ на характеръ и пріемы художественнаго творчества проявляются во всей литературной дѣятельности Гончарова, придавая ей замѣчательную цѣнность и стройность. Ея главныя задачи въ общихъ чертахъ были уже опредѣлены почти въ самомъ началѣ ея: напечатавъ, вслѣдъ за „Обыкновенной исторіей“, небольшой юмористическій разсказъ: „Иванъ Саввичъ Поджабринъ“ (1848), — юношеское произведеніе, — котораго нашъ писатель впослѣдствіи не включилъ въ собраніе своихъ сочиненій, Гончаровъ въ 1849 г. печатаетъ уже „Сонъ Обломова“ и на ряду со вторымъ своимъ романомъ задумываетъ и третій, — „Обрывъ“. Осуществленіе этихъ плановъ шло медленно: „Обломовъ“ явился въ печати только 12 лѣтъ спустя послѣ „Обыкновенной исторіи“, „Обрывъ“ — черезъ десять лѣтъ послѣ „Обломова“,—въ эти десятилѣтія первоначальный замыселъ, конечно, во многомъ успѣлъ измѣниться; но во всякомъ случаѣ чрезвычайно характерно то едва ли не безпримѣрное въ исторіи литературы обстоятельство, что писатель, только что вступившій на литературное поприще, уже заранѣе знаетъ все (или почти все), что предстоитъ ему совершить на этомъ пути въ продолженіе двухъ десятитѣтій.

Первая часть Обломова была уже готова въ 1849 году, но авторъ не торопится съ продолженіемъ, „радуясь своему запасу“. Кругосвѣтное путешествіе, предпринятое Гончаровымъ въ 1852—1855 гг., еще болѣе отдалило окончаніе „Обломова“, но зато внесло въ литературную дѣятельность автора новый и непредвидѣнный эпизодъ, объемистую книгу „Фрегатъ Паллада“ (1858). Передавая день за днемъ свои наблюденія и впечатлѣнія въ новой и необычной для него средѣ и нечувствительно для читателя, втягивая его во всѣ интересы и во всѣ мелочи этой среды и ея жизни, путешественникъ въ то же время ни на минуту не теряетъ изъ виду родной Обломовки, которая не только по-своему проводила его изъ Петербурга, но и пошла за нимъ на край свѣта на „Кораблѣ“. Яркія картины меркантильнаго запада и таинственнаго востока не могутъ заслонить отъ глазъ художника впечатлѣній родного соннаго царства — и оно живымъ встаетъ передъ нимъ и среди уличной суеты Лондона, и на песчаномъ скалистомъ берегу Африки, и подъ тропическимъ небомъ Цейлона. Сравненія подсказываются сами собой, и съ дѣтства знакомыя лица и бытъ все болѣе и болѣе проясняются и получаютъ вполнѣ опредѣленное значеніе. Иныя страницы „Фрегата Паллады“ являются уже какъ бы

предверіемъ къ „Обломову“: вспомните, напримѣръ, превосходное видѣніе родного угла вслѣдъ за изображеніемъ подвижной дѣятельности англичанина, живущаго „по машинѣ“.

Только четыре года спустя, послѣ возвращенія Гончарова изъ кругосвѣтнаго плаванія, появился, наконецъ, давно ожидаемый „Обломовъ“. Долго вынашивалъ и лелѣялъ писатель свое любимое дѣтище, почти не бравши въ руки пера, и сразу, въ полтора мѣсяца, написалъ три послѣднія части романа, очевидно уже продуманнаго до мельчайшихъ подробностей. Впечатлѣніе, произведенное выходомъ въ свѣтъ Обломова, можно сравнить развѣ только съ тѣмъ, какое было вызвано въ свое время появленіемъ „Мертвыхъ душъ“; оно еще усилилось послѣ знаменитой статьи Добролюбова: „Что такое обломовщина“, давшей мастерское истолкованіе и обобщеніе представленныхъ въ романѣ явленій русской жизни. Въ литературѣ было сказано новое, сильное слово; сдѣлался общимъ достояніемъ яркій типъ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, совмѣстились основные лучи русской жизни и русскаго характера. Обаятельно дѣйствовала на читателей и внѣшняя форма этого неподражаемаго романа, въ которомъ талантъ Гончарова достигъ своей высшей силы и полной зрѣлости: мастерство рѣчи, легкой и непринужденной, производящей иллюзію не книжнаго, а устнаго разсказа, художественная простота описаній, поэтическая правда творчества, „умѣнье схватить полный образъ предмета, отчеканить, изваять его“, вѣрно оцѣненное Добролюбовымъ и давшее критикѣ поводъ назвать Гончарова скульпторомъ. Но статуи этого скульптора — не бездушный, холодный мраморъ: онѣ живутъ, онѣ движутся, согрѣтыя сердечною привязанностію художника къ русскому быту, пульсъ котораго бьется въ каждой изъ нихъ, даже и въ самой незначительной. Оставаясь спокойнымъ созерцателемъ и не давая никакихъ выводовъ и обобщеній, художникъ однако не поднимается на олимпійскую высоту холоднаго безстрастія. „Въ искусствѣ“, говоритъ онъ отъ лица Обломова, „должно быть пониманіе жизни и сочувствіе къ ней должно быть то, что называется гуманитетомъ. *Никогда не должно забывать человѣка и человѣчности, и нельзя писать одной головой.* Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нѣтъ, она оплодотворяется любовію. Протяните руку падшему человѣку, чтобы поднять его, или горько плачьте надъ нимъ, если онъ гибнетъ, а не глумитесь. Любите его, помните въ немъ самого себя и обращайтесь съ нимъ, какъ съ самимъ собой, — тогда я стану васъ читать и склоню предъ вами голову“...

Тургеневъ сердился на своихъ критиковъ, когда они говорили, что онъ „идетъ отъ идеи“ или „проводитъ идею“, а между тѣмъ критики были не совсѣмъ виноваты: слѣдя за движеніемъ современнаго общества и стараясь поймать на лету и запечатлѣть въ художественномъ образѣ послѣднюю злобу дня, Тургеневъ, дѣйствительно, часто поддавался впечатлѣнію „идеи“, которая подсказывала ему, если не самые типы, то выборъ ихъ и освѣщеніе. О Гончаровѣ можно сказать, наоборотъ, что онъ „идетъ отъ образа“ — отъ типа — и при-

водитъ читателя къ идеѣ, хотя самъ не приходитъ къ ней. Онъ самъ характеризуетъ свое творчество, какъ *безсознательное*. „Рисуя", говоритъ онъ, „я рѣдко знаю въ ту минуту, что значитъ мой образъ, и портретъ, характеръ; я только вижу его живымъ передъ собою... У меня есть всегда одинъ образъ и вмѣстѣ главный мотивъ, онъ-то и ведетъ меня впередъ, и по дорогѣ я нечаянно захватываю, что попадается подъ руку... Лица не даютъ покоя, пристаютъ, позируютъ въ сценахъ, я слышу отрывки ихъ разговоровъ, — и мнѣ часто казалось, прости Господи, что я это не выдумываю, а что все это носится въ воздухѣ около меня, и мнѣ только надо смотрѣть и вдумываться... Я самъ и среда, въ которой я родился, воспитывался, жилъ, — все это помимо моего сознанія, само собою отразилось... у меня въ воображеніи, какъ въ зеркалѣ отражается пейзажъ изъ окна... Я смотрѣлъ и писалъ, даже не думая, что вбираю въ себя впечатлительнымъ воображеніемъ лица и явленія, окрасившіяся въ краски момента, и такими выдаю ихъ назадъ, т.-е. кладу на бумагу. Въ этомъ весь процессъ".

Не умѣя „итти отъ идеи", Гончаровъ, въ противоположность Тургеневу, не старался итти за своевременностію. Онъ былъ убѣжденъ, что творчество требуетъ, *спокойнаго наблюденія уже установившихся и успокоившихся формъ жизни*, а новая жизнь слишкомъ нова; она трепещетъ въ процессѣ броженія, слагается сегодня, разлагается завтра и видоизмѣняется не по днямъ, а по часамъ. Нынѣшніе герои не похожи на завтрашнихъ и могутъ только отражаться въ зеркалѣ сатиры, а не въ большихъ эпическихъ произведеніяхъ". Оттого онъ и не останавливался на взволнованной поверхности общества, а входилъ въ глубь, туда, гдѣ спокойно и медленно совершается органическое нарастаніе традиціоннаго быта, гдѣ стоятъ его устои, медленно поддающіяся измѣненіямъ. Онъ шелъ туда не затѣмъ, чтобы судить и карать этотъ бытъ или превозносить его, а просто затѣмъ, чтобы рисовать или „отчеканивать" его, какъ онъ есть, предоставляя другимъ дѣлать изъ этихъ образовъ выводы и строить на нихъ теоріи. Такое отношеніе автора „Обломова къ русскому быту вызвало со стороны нѣкоторыхъ критиковъ упреки въ филистерствѣ"; отсутствіе опредѣленной тенденціи показалось „отсутствіемъ идеаловъ". Замѣчательно, что этими упреками въ особенности осыпалъ Гончарова Аполлонъ Григорьевъ — тотъ самый Аполлонъ Григорьевъ, который, захлебываясь отъ восторга, не находилъ словъ для похвалы Островскому за совершенно такое же міросозерцаніе, какое рѣзко осуждалъ въ Гончаровѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, присматриваясь ближе къ обоимъ писателямъ, нельзя не замѣтить между ними много общаго и въ воззрѣніи на жизнь и въ самыхъ пріемахъ творчества. Гончаровъ — поэтъ эпическій, Островскій драматургъ; но внѣшняя форма произведеній въ данномъ случаѣ имѣетъ мало значенія: сумѣлъ же Гоголь вложить почти одинаковую долю лиризма и въ „Ревизора" и въ „Мертвыя души", между тѣмъ какъ нѣкоторые критики и не безъ основанія — указывали на

эпичность Островскаго. Дѣло въ томъ, что и Островскій и Гончаровъ — таланты, родственные по самой своей сущности: оба они, каждый въ своей излюбленной и до дна изученной средѣ, подходятъ къ русскому быту прямо и просто, не становясь на заранѣе теоретически опредѣленную точку зрѣнія, не дѣлая преднамѣреннаго выбора типовъ и явленій; оба они относятся къ этому быту широко, свободно и съ любовію одинаково изображая и свѣтлыя и темныя его стороны; оба берутъ предметомъ наблюденія и возсозданія „установившіяся и успокоившіяся формы жизни“, медленно подвигаясь впередъ по ея ровному теченію и почти не отзываясь на мимолетную накипь момента. Краски, положенныя на картину соннаго царства Обломовки, — тѣ же равныя и мягкія краски, какими нарисовано темное царство Замоскворѣчья. У обоихъ писателей — и у эпика и у драматурга, мы видимъ одинаковую простоту вымысла, отсутствіе „выдумки“, эффекта, сложной интриги, — и у обоихъ ярко выступаетъ тонкое и прочувствованное психологическое мастерство въ изображеніи выводимыхъ ими лицъ, раскрывающихъ предъ нами всю свою душу до послѣдняго уголка. Наконецъ, оба они являются великими художниками сердца въ изображеніи характеровъ положительной красоты. По свойству своего талатна и характера, болѣе живого, подвижнаго и нервнаго, и по особеннымъ условіямъ своей жизни, Островскій посвятилъ себя исключительно театру; но если бъ онъ писалъ романы, то, по всей вѣроятности, подарилъ бы нашей литературѣ другого „Обломова“, точно такъ же какъ и Гончаровъ, — если бы писалъ для сцены, — далъ бы рядъ комедій, мало отличающихся отъ лучшихъ пьесъ Островскаго. Основы таланта того и другого писателя были однѣ и тѣ же, и только проявленія этого таланта были различны, обусловливаясь особенными свойствами личности каждаго изъ нихъ.

Напечатавъ „Обомова“, Гончаровъ снова замолкъ на цѣлые десять лѣтъ и какъ будто ушелъ въ сторону отъ литературы, ничѣмъ не напоминая даже о своемъ существованіи. Впродолженіе этого десятилѣтія онъ выполнилъ послѣднюю часть своей писательской программы, — закончилъ свой третій романъ „Обрывъ“, задуманный, какъ мы видѣли, еще въ 1849 году. „Двадцать лѣтъ тянулось писаніе этого романа, говоритъ его авторъ, — иначе и быть не могло. Онъ писался, какъ тянулся періодъ самой жизни“.

„Обрывъ“ явился въ печати въ 1869 году. Еще десять лѣтъ спустя, подводя итоги своей литературной дѣятельности въ интересной и поучительной статьѣ: „Лучше поздно, чѣмъ никогда“, Гончаровъ высказалъ, что не можетъ смотрѣть на свои три романа иначе, какъ въ ихъ послѣдовательной связи, и видитъ въ нихъ въ сущности *одинъ* романъ. По взгляду автора, „Обыкновенная исторія“ служитъ какъ бы прологомъ; въ ней проявляется „слабое мерцаніе труда... въ борьбѣ съ всероссійскимъ застоемъ“; въ „Обломовѣ“ рисуется картина этого застоя или „сна“; наконецъ, „Обрывъ“ изображаетъ „пробужденіе“. Герой этого послѣдняго романа, Райскій, — герой „переходной эпохи“,

это проснувшійся Обломовъ: сильный, новый свѣтъ блеснулъ ему въ глаза; но онъ еще потягивается, озираясь вокругъ и оглядываясь на свою обломовскую колыбель". Авторъ сознается, что предъ нимъ „мелькалъ" и четвертый романъ, въ которомъ должно было отразиться новѣйшее время, — но слишкомъ неустановившаяся, слишкомъ измѣнчивая современность не могла уложиться въ обычную для него эпическую картину.

Впечатлѣніе, пробужденное „Обрывомъ" нельзя сравнить по силѣ съ тѣмъ, какое произвелъ „Обломовъ". Добролюбова давно уже не было на свѣтѣ, а другимъ нашимъ критикамъ было не подъ силу подмѣтить и разъяснить общественное значеніе романа, такъ что, въ концѣ концовъ, разъяснять его пришлось самому автору; съ другой стороны, не вполнѣ справился съ своей задачей и самъ Гончаровъ. Талантъ его не умалился и все еще сохранялъ прежнюю свою силу и свѣжесть, ярко проявившуюся въ отдѣльныхъ фигурахъ и эпизодахъ, но въ цѣломъ нарисованная имъ широкая картина показалась слишкомъ разбросанною и оттого блѣдною, а звучавшая въ ней дидактическая нотка шла, до извѣстной степени, въ разрѣзъ съ прежнею чисто эпическою манерою писателя. Кромѣ того, романъ, написанный на рубежѣ двухъ эпохъ русской жизни, раздѣленныхъ уничтоженіемъ крѣпостного права, почти вовсе не затрогивалъ послѣдствій этой великой реформы, построенной на почвѣ не столько общественныхъ, сколько личныхъ интересовъ, онъ производилъ этимъ нѣсколько странное впечатлѣніе: старая Обломовка въ немъ уже затуманилась, а новая жизнь еще не прояснилась, и отраженіе той и другой въ зеркалѣ „безсознательнаго творчества" вышло поэтому тусклымъ. Впрочемъ, можетъ быть переходная эпоха и не могла дать иного отраженія, и художникъ не виноватъ въ томъ, что время стерло съ его палитры старыя яркія краски и не успѣло еще наложить новыхъ...

Этими тремя романами исчерпывается, собственно говоря, литературное значеніе Гончарова. Онъ продолжалъ еще время отъ времени печатать небольшія беллетристическіе и критическіе очерки, а также отрывки изъ воспоминаній своей юности; но эти произведенія, хотя и очень живыя и интересныя сами по себѣ, ничего не прибавили къ его славѣ.

Славу Гончарова создали его три романа, и больше всего „Обломовъ", этотъ драгоцѣнный перлъ въ вѣнцѣ нашей національной поэзіи, добытый его непосредственнымъ, чуткимъ талантомъ со дна русской жизни. Могучая сила его таланта заключалась въ его простотѣ и искренности, въ его свободѣ и гуманности. „То, что не выросло и не созрѣло во мнѣ самомъ", говоритъ Гончаровъ, „что я не видѣлъ, не наблюдалъ, чѣмъ не жилъ, — то недоступно моему перу. У меня есть своя нива, свой грунтъ, свой родной воздухъ, друзья и недруги, — и я *писалъ только то, что переживалъ*, что мыслилъ, чувствовалъ, что любилъ, что близко видѣлъ и зналъ, — словомъ, писалъ свою жизнь и то, что къ ней приростало".

Въ этихъ прощальныхъ словахъ великаго художника не только объясненіе всей его дѣятельности, но и высокій завѣтъ младшимъ поколѣніямъ писателей.

Грустное впечатлѣніе вызывается въ душѣ воспоминаніями объ эпохѣ высшей славы Гончарова, — эпохѣ появленія „Обломова“. Въ ту пору, отдаленную отъ насъ четырьмя десятилѣтіями, во главѣ русской литературы стояли, въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта: Гончаровъ, Тургеневъ, Толстой, Салтыковъ, Некрасовъ, Достоевскій... Какія имена! Теперь чуть не всѣ они красуются на могильныхъ крестахъ, — а среди живыхъ (кромѣ Толстого) нѣтъ ни одного имени, имъ равнаго. Будемъ вѣрить, что настанетъ время, когда новыя славныя имена ярче прежнихъ заблестятъ на нашемъ литературномъ горизонтѣ, когда мы будемъ не только оплакивать мертвыхъ, но и радостно привѣтствовать живыхъ. Но если и настанетъ такая желанная пора, то и тогда въ сіяніи новыхъ геніевъ не помрачится слава великихъ стариковъ, созданія которыхъ будутъ неизмѣнно дороги сердцу русскаго человѣка, пока звучитъ на землѣ нашъ языкъ, — нашъ „великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ“.

Морозовъ.

Народныя симпатіи Гончарова.

Поэтическое творчество не есть копированіе дѣйствительности; изображаемая поэтомъ реальная жизнь проходитъ прежде черезъ его душу живую и является передъ нами съ отраженіями его сочувствій и антипатій, озаренная свѣтомъ его совѣсти и идеала. Если мы будемъ искать въ романахъ Гончарова его сочувствій, задумываться надъ тѣмъ, кого онъ любитъ и къ кому не лежитъ его сердце, —то смыслъ, или идея его творчества объяснится для насъ.

Прежде всего несомнѣнно, что поэтъ всею душой любитъ своего Обломова, этотъ центральный, главный, самый, живой, безсмертный образъ своей поэзіи. Обломовъ — выраженіе коренныхъ основъ души русскаго человѣка, всѣхъ ея добрыхъ и дурныхъ сторонъ: нашей народной доброты, яснаго ума, душевнаго равновѣсія, смиренія и вмѣстѣ лѣни, апатіи, неподвижности, недостатка энергіи. Это — яркими красками нарисованный, тотъ стихійный образъ, который мелькнулъ у Тургенева въ его „черноземной силѣ“, „представителѣ хорового начала“ Уварѣ Ивановичѣ, и такъ ярко выразился въ дѣйствительной жизни въ лицѣ Ивана Андреевича Крылова. Творецъ Обломова, всею душой сочувствующій своему творенію, — народный поэтъ съ народнымъ взглядомъ на жизнь. Отсюда объясняется многое. Если Гончаровъ въ упрекъ Обломову ставитъ Штольца и смиренно говоритъ въ своихъ объясненіяхъ этого лица, что коли Штольцъ нѣмецъ, такъ что̀ жъ дѣлать, нѣмцы и донынѣ часто являются нашими учителями, то въ этомъ сказывается готовность русскаго человѣка при-

знать свои недостатки и смиренно склониться передъ чужимъ достоинствомъ. Штольцу сочувствуетъ творецъ Обломова не какъ ловкому фабриканту и дѣльцу, наживающему деньги, а какъ человѣку *энергіи и движенія*. То же и въ исторіи съ Адуевыми, дядей и племянникомъ. Петръ Иванычъ Адуевъ симпатиченъ Гончарову не какъ представитель бюрократіи, не какъ черствый практикъ и дѣлецъ, а какъ человѣкъ *здраваго смысла*, который умѣетъ найти смѣшное во всемъ приподнятомъ, фальшивомъ и неискреннемъ.

Народныя симпатіи Гончарова съ особенною ясностью и опредѣленностью сказались въ „Обрывѣ“ (и можетъ-быть онъ именно поэтому, самъ того не зная, и любилъ свой послѣдній романъ болѣе первыхъ, и совершенно несправедливо ставилъ его выше „Обломова“). „Обрывъ есть широкая картина русскаго деревенскаго помѣщичьяго быта, съ любовью написанная эпопея его; четыре части романа (изъ пяти) посвящены описанію тихой, бодрой, здоровой, близкой къ природѣ, простой и привольной русской народной жизни. Любимыми лицами поэта въ „Обрывѣ“ являются простые русскіе люди — бабушка и Марьѳенька. Къ сожалѣнію, ихъ образы нѣсколько испорчены идеализаціей: преувеличеніемъ простодушія Марѳеньки, сравненіемъ бабушки съ „древнею еврейкой, іерусалимскою госпожей“, отвѣтившею на пророчество „улыбкой горделиваго презрѣнія“, сравненіемъ, такъ не идущимъ къ простой и доброй Татьянѣ Марковнѣ.

Смѣхъ надъ „любвями“ Райскаго, надъ его неосновательными увлеченіями, есть тотъ самый смѣхъ здороваго русскаго смысла, который мы слышали ранѣе изъ устъ Адуева-дяди. Но образъ Райскаго— образъ сложный: кромѣ своего мечтательнаго романтизма, Райскій еще художникъ и человѣкъ образованія и сознанія. Его сознательному взгляду на жизнь авторъ вполнѣ сочувствуетъ и, какъ человѣка образованія, ставитъ его даже, вопреки своему сердцу, но согласно съ пословицей „ученье свѣтъ — неученье тьма“, выше бабушки. Анализъ же художническихъ стремленій и чувствъ Райскаго имѣлъ для Гончарова субъективный интересъ.

Изобразитель народной русской жизни въ образованномъ классѣ общества, выразитель народныхъ чувствъ и стремленій, народный поэтъ, — этимъ опредѣляется и мѣсто почившаго высокаго художника среди его сверстниковъ, писателей завершающагося нынѣ великаго періода нашей литературы. Ближе всѣхъ онъ стоитъ къ Островскому, поэту бытовыхъ слоевъ русской жизни, отличаясь отъ него, главнымъ образомъ, меньшимъ спокойствіемъ творчества.

Незеленовъ.

Гончаровъ, какъ создатель живыхъ типовъ.

Гончаровъ въ своемъ знаменитомъ романѣ далъ въ сущности одинъ типъ Обломова; но этотъ типъ былъ такъ крупенъ, обширенъ и глубокъ, что сталъ живымъ выразителемъ основныхъ свойствъ всего

русскаго народа, мастерскимъ портретомъ почти цѣлаго сословія, физіологически вѣрнымъ, а не только художественнымъ изображеніемъ цѣлой системы воспитанія и міровоззрѣній; однимъ словомъ, онъ создалъ одинъ изъ господствующихъ типовъ своего вѣка и народа.

Гончаровъ, правда, писалъ мало, но все, что онъ писалъ, было мѣтко, было важно. Каждое изъ его многочисленныхъ произведеній словно открывало глаза обществу на самаго себя.

Еще въ „Обыкновенной исторіи“ своимъ Адуевымъ онъ первый нарисовалъ типъ нашего безумнаго бюрократическаго бюрократа-раціоналиста, котораго мертвящая рука сушитъ всякую жизнь, до которой только притрогивается она, и пробудилъ наше общественное сознаніе этою, вездѣ у насъ совершающеюся, безшумною борьбою жизни съ формальностью, эгоистическаго благоразумія съ безсильной искренностію.

Въ „Обломовѣ“ онъ уже ввелъ въ нашу литературу великій національный типъ, равный типамъ Гоголя и Грибоѣдова; въ „Обрывѣ“ онъ, конечно, не достигъ такой высоты, которая рѣдко удается писателю болѣе одного раза, но все-таки создалъ нѣсколько сильныхъ и мѣткихъ типовъ, въ которыхъ вѣрно отразились настроенія и потребности времени, въ которыхъ опять ярко нарисовалась неподдѣльная русская жизнь.

Маркъ Волоховъ, на котораго много нападали въ свое время явился не повтореніемъ, а дальнѣйшимъ историческимъ развитіемъ и совершенно оригинальною разновидностію Базарова. Серіозный и даже ученый Базаровъ, въ которомъ сохранялось еще много совѣсти и порядочности, началъ вырождаться въ типъ новѣйшаго нигилиста, въ уличнаго бродягу, въ развязнаго мошенника. Гончарова упрекали за него въ преувеличеніи, въ пристрастіи, въ намѣренномъ искаженіи и униженіи стремленій молодого поколѣнія. Но было такъ ясно, что Гончаровъ рисовалъ не молодое поколѣніе русскаго общества, а нарождавшееся отродье тѣхъ немытыхъ рыцарей чужого кармана и чужой чести, которые заявляли себя потомъ подвигами воровства, грабежа и коварнаго убійства. Маркъ Волоховъ былъ блистательно оправданъ и подтвержденъ горькимъ опытомъ нашего недавняго прошлаго, какъ художественный прототипъ всякихъ новѣйшихъ членовъ „кружовщины“, у которыхъ тогда не отрисли когти и не высунулись клыки, но характерныя черты уже постигло и обнаруживало въ надвигавшихся туманахъ грядущаго творческое чутье писателя.

Точно также и другіе главные типы „Обрыва“ полны проницательности и характерности. Вѣра и Марѳенька — это два лагеря, на которые раздѣлилось, подъ вліяніемъ эпохи общественнаго возрожденія, наше молодое дѣвичье поколѣніе. Однѣ остались при плодахъ мирнаго „древа жизни“, вдохновлялись простыми радостями деревни и семейнаго быта, безхитростною работою въ потѣ лица своего надъ садомъ и цыплятами, простодушною любовью молодого здороваго организма; имя имъ было Марѳенька. Другія увлеклись потребностію борьбы

и перемѣнъ, неясными надеждами на высшее и болѣе разумное счастіе, не уясненными стремленіями послужить людямъ чѣмъ-нибудь болѣе важнымъ, найти серіозное призваніе и оправданіе для дѣятельности всей своей жизни. Вѣра Гончарова олицетворяла собою этотъ типъ возбужденныхъ и неустановившихся натуръ, которымъ было мало однихъ безпечальныхъ плодовъ древа жизни, которыя страстно тянулись къ заманчивымъ плодамъ „познанія добра и зла“, но которыя, однако, въ концѣ концовъ, не стали аки боги, а были выброшены разбитыми на старый безопасный берегъ негостепріимными волнами житейскаго моря, еще слишкомъ мало приноравленными къ открытію новыхъ путей. Обѣ онѣ нарисованы авторомъ на фонѣ третьяго, еще болѣе характернаго типа — старушки-бабушки, этого мастерского портрета рембрантовской кисти, въ которомъ высказалось все наивное дородушіе, вся безхитростная ограниченность наиболѣе частыхъ элементовъ навсегда отжитаго стараго помѣщичества. Портретъ этотъ такъ и просится своею художественною выразительностью, своимъ изяществомъ рисунка и типовъ, на какой-нибудь миніатюръ слоновой кости, въ родѣ тѣхъ, которыя хранятся драгоцѣнными реликвіями въ каждой старинной дворянской семьѣ, или въ фамильную залу старинныхъ барскихъ хоромъ, со стѣнъ которыхъ дышатъ на насъ своеобразнымъ духомъ прошлаго вѣка характерныя черты и характерные наряды нашихъ дѣдовъ и бабушекъ. *Марковъ.*

Гончаровъ, какъ цензоръ „Записокъ охотника“ Тургенева.

По поводу новаго изданія „Записокъ охотника“ высказаны были, въ 1852 году, однимъ изъ цензоровъ слѣдующія соображенія: „Вникнувъ внимательно въ содержаніе этихъ записокъ, и обсудивъ ихъ со всѣхъ сторонъ, невольно придешь къ заключенію, что, при изданіи оныхъ, Тургеневъ, человѣкъ, какъ извѣстно, богатый, конечно, не имѣлъ въ виду прибыли отъ продажи своего сочиненія, но, вѣроятно, имѣлъ совершенно другую цѣль, для достиженія которой и напечаталъ помянутую книгу... Мнѣ кажется, что книга Тургенева сдѣлаетъ болѣе зла, чѣмъ добра... Полезно ли, напримѣръ, доказывать нашему грамотному народу, что крестьяне наши, которыхъ авторъ до того опоэтизировалъ, что видитъ въ нихъ администраторовъ, раціоналистовъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ (Богъ знаетъ, гдѣ онъ нашелъ такихъ!), что крестьяне эти находятся въ угнетеніи; что помѣщики ведутъ себя неприлично и противозаконно; что исправники и другія власти берутъ взятки, или, наконецъ, что крестьянину жить на свободѣ привольнѣе, лучше“ и т. д.

Самъ авторъ упорно отрицалъ, что перомъ его руководило предвзятое намѣреніе послужить дѣлу, хотя и прекрасному—освобожденію крестьянъ. Онъ смотрѣлъ на свое произведеніе, какъ на попытку сближенія нашей литературы съ народной жизнію, какъ на одну изъ

первыхъ нашихъ „деревенскихъ исторій“ — Dorfgeschichten. Существенная заслуга Тургенева заключается именно въ томъ, что онъ изображалъ крестьянскую жизнь въ ея настоящемъ видѣ, и своимъ правдивымъ изображеніемъ возбуждалъ сочувствіе къ судьбѣ крестьянина у всѣхъ непредубѣжденныхъ читателей. Весьма замѣчателенъ въ этомъ отношеніи отзывъ И. А. Гончарова, разсматривавшаго, по званію цензора, „Записки охотника“ въ 1858 году, когда снова возникло дѣло объ ихъ изданіи. „Эта книга — говоритъ И. А. Гончаровъ — обратила на себя вниманіе тѣмъ, что въ ней мѣстами какъ бы выражалось желаніе улучшенія быта крестьянъ, и второе изданіе ея до времени было пріостановлено. Такъ какъ великое дѣло улучшенія крестьянъ, по высочайшей волѣ, приводится нынѣ въ исполненіе, то книга Тургенева не только потеряла всякое сомнительное значеніе, но она скорѣе можетъ подтвердить необходимость принимаемыхъ правительствомъ мѣръ. „Записки охотника“ вовсе не имѣютъ жестокости въ изображеніяхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами: въ этомъ отношеніи книга эта далеко уступаетъ всему, что появлялось въ одно съ нею время и позже ея. Авторъ не возбуждаетъ ни малѣйшаго озлобленія и раздраженія двухъ классовъ между собою напримѣръ, мягкостью и художественностью изображеній придаетъ имъ характеръ комизма и тонкой едва уловимой иронiи. Притомъ въ „Запискахъ охотника“ нѣтъ преднамѣренныхъ желчныхъ описаній отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ: авторъ говоритъ о нихъ мимоходомъ, когда они попадаютъ случайно подъ руку. Вообще же и болѣе всего онъ рисуетъ типическія лица изъ разныхъ классовъ народонаселенія, и имѣетъ въ виду только поэтически-вѣрное воспроизведеніе характеровъ, мѣстностей, пейзажей безъ всякихъ натянутыхъ стремленій выставить одни въ дурномъ, другіе въ выгодномъ свѣтѣ. Книга его прочтена всѣми, и на всѣхъ производитъ благородное, художественное впечатлѣніе. Поэтому второе изданіе ея было бы справедливымъ возвращеніемъ ей права вновь появиться въ кругу изящной отечественной литературы и стать на ряду съ лучшими ея произведеніями.

Сухомлиновъ.

Воспоминаніе объ И. А. Гончаровѣ.

Я встрѣтился въ первый разъ съ И. А. Гончаровымъ въ 1867 или 1868 году, у покойнаго Гавріила Васильевича Крылова, протоіерея Пантелеймоновской церкви, его духовника и хорошаго знакомаго, котораго Иванъ Александровичъ очень любилъ и уважалъ, какъ человѣка простого и добраго и прекраснаго священника. Однажды, въ день именинъ Гавріила Васильевича, у него собрались вечеромъ его родственники и знакомые въ числѣ ихъ — членъ синода, придворный протоіерей Ив. Вас. Рождественскій, протопресвитеръ М. И. Богословскій съ семействомъ, нѣсколько протоіереевъ и священниковъ и нѣ-

сколько лицъ свѣтскихъ, въ томъ числѣ И. Т. Осининъ и я. Къ Крыловымъ обыкновенно собирались рано, часовъ въ семь, и долго не засиживались, такъ какъ покойный Гавріилъ Васильевичъ былъ человѣкъ хворый, чахоточный, и долженъ былъ ложиться спать во-время, не позже часовъ двѣнадцати. Въ этотъ день всѣ обычные гости уже были налицо, какъ часовъ въ восемь раздался въ прихожей звонокъ и въ гостиную вошелъ Гончаровъ. Я его сейчасъ же узналъ, хотя до того никогда его не видалъ и о его предстоящемъ прибытіи не былъ предупрежденъ. Портретъ его (фотографія), бывшій у меня вмѣстѣ съ фотографіями другихъ знаменитостей литературы, удивительно былъ сходенъ съ оригиналомъ. Одѣтъ былъ Иванъ Александровичъ нарядно—изящно: въ новенькой бархатной визиткѣ, въ пестромъ красивомъ галстухѣ. Знаменитаго гостя усадили на главномъ мѣстѣ на диванѣ; общій говоръ смолкъ, большая часть собравшихся гостей, бывшихъ съ нимъ знакомыми, усѣлись около. Послѣ кой-какихъ спросовъ и отвѣтовъ, Гончаровъ одинъ овладѣлъ рѣчью и разсказывалъ — разсказывалъ, главнымъ образомъ, о своихъ путешествіяхъ, о видѣнномъ и слышанномъ, о японскихъ и сибирскихъ нравахъ. Я никогда не слыхалъ такого прекраснаго разсказчика, онъ рисовалъ рядъ живыхъ картинъ, то смѣшныхъ и забавныхъ, то серьезныхъ и важныхъ, пересыпая ихъ то шутками и каламбурами, то совмѣстными съ собесѣдниками разсужденіями... Такъ незамѣтно прошло часа два: подавали чай, потомъ и десертъ; бесѣда продолжалась съ непрекращавшимся оживленіемъ. Въ десять часовъ одинъ изъ болѣе видныхъ гостей — И. В. Рождественскій всталъ, чтобы итти домой — онъ никогда нигдѣ не оставался дольше этого часа. При его уходѣ всѣ встали и затѣмъ гости раздѣлились на нѣсколько группъ и паръ. Въ это время хозяинъ дома представилъ Гончарову меня, отрекомендовавъ учителемъ словесности (тогда я проходилъ эту профессію въ женскихъ гимназіяхъ). Онъ взялъ меня подъ руку и мы стали прохаживаться по комнатѣ. Я, въ то время еще почти юноша, признаюсь, былъ необычайно польщенъ его вниманіемъ. Разговоръ, который вели мы съ часъ времени, при чёмъ къ намъ подходили и другіе, запечатлѣлся живо въ моей памяти. Послѣ нѣкотораго молчанія, Иванъ Александровичъ обратился ко мнѣ съ замѣчаніемъ:

— Ну обо мнѣ-то, я думаю, вамъ не приходится говорить на вашихъ урокахъ словесности?

— Почему же, отвѣчалъ я: напротивъ, не только на урокахъ исторіи литературы (въ первомъ, т. е. самомъ старшемъ классѣ гимназіи) приходится излагать содержаніе вашихъ сочиненій и дѣлать ихъ общую характеристику, наравнѣ съ Тургеневымъ, Островскимъ и другими современными лучшими писателями, но и на урокахъ теоріи словесности и при другихъ практическихъ работахъ ученицъ, приходится штудировать эпизоды изъ вашихъ романовъ. „Сонъ Обломова“ помѣщенъ даже въ хрестоматіи Галахова. А одинъ отрывокъ изъ „Обыкновенной исторіи“ — разсужденіе о материнской любви, которое ведетъ

авторъ по поводу сцены, происшедшей при отправленіи Адуевой своего сына на службу — я имѣю обыкновеніе заставлять ученицъ заучивать наизусть, или писать подъ диктовку, когда оказывается нужной провѣрка ихъ познаній въ орѳографіи.

Гончаровъ былъ какъ-будто изумленъ этимъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ Майкова, Тургенева, Островскаго и даже Некрасова и другихъ писателей, тогда (1863 — 1869 г.), съ легкой руки покойныхъ В. Я. Стоюнина и В. И. Водовозова, штудировали на классахъ словесности при практическихъ занятіяхъ, довольно усердно, Гончаровъ и графъ Л. Н. Толстой (котораго „Дѣтство и отрочество“, а также „Севастопольскіе разсказы“ были уже общеизвѣстны въ то время) были какъ бы въ пренебреженіи, и въ программахъ и въ хрестоматіяхъ (Галахова и Филонова), хотя изъ этихъ писателей можно было бы выбрать не мало прекраснаго, вполнѣ педагогическаго, матеріала. — Закончилась наша бесѣда съ И. А. на этотъ разъ приглашеніемъ съ его стороны „быть знакомыми“. Но почему-то мнѣ не довелось вскорѣ послѣ того сдѣлать ему визитъ, и мы въ другой разъ встрѣтились съ нимъ — не помню когда — у того же Г. В. Крылова. И въ этомъ собраніи Гончаровъ былъ ораторомъ собравшагося кружка, столь же охотно и непринужденно разсказывая и остроумно разсуждая о важномъ и неважномъ. Помню одинъ любопытный эпизодъ изъ этого вечера. Елизавета Тихоновна Осинина (жена Ивана Терентьевича Осинина, начальника женскихъ гимназій) въ одну изъ паузъ, вдругъ спрашиваетъ Гончарова:

— А скажите, Иванъ Александровичъ, отчего это всѣ ваши сочиненія начинаются непремѣнно слогомъ *об*? „*Об*рывъ“, „*Об*ломовъ“, „*Об*ыкновенная исторія“?

Гончаровъ расхохотался.

— А въ самомъ дѣлѣ! Ну, я объ этомъ, признаюсь, не думалъ!

Послѣ этой второй встрѣчи я сталъ видѣться съ Гончаровымъ чаще; въ домѣ у него былъ, впрочемъ, не больше пяти-шести разъ за все время. На первый разъ я явился къ нему съ экземплярами изданныхъ къ тому времени моихъ сочиненій. На мой презентъ Иванъ Александровичъ, къ моему удивленію, не отвѣчалъ взаимностью. Гораздо позже, уже въ 1886 году, онъ, посѣтивъ меня (до того времени онъ лишь отдалъ мнѣ визитъ), вручилъ мнѣ превосходный экземпляръ своего портрета, съ весьма лестною для меня надписью. Но, видясь рѣдко на дому у него и у меня, мы зато весьма часто встрѣчались на прогулкахъ, въ Лѣтнемъ саду и — и по вечерамъ — на улицахъ. Ему, какъ и мнѣ, предписано было врачами, болѣе или менѣе, продолжительное пребываніе на свѣжемъ воздухѣ. Гулять любилъ онъ преимущественно въ мѣстахъ малолюдныхъ, — чаще всего его можно было встрѣчать вечеромъ на Дворцовой и Гагаринской набережной, или по Фонтанкѣ. Вотъ эти-то совмѣстныя прогулки дали мнѣ возможность ознакомиться до нѣкоторой степени съ внутреннимъ міромъ знаменитаго писателя и съ его взглядами на нѣкоторые предметы.

Вообще говоря, заниматься публицистикой и разсуждать о политикѣ, внѣшней ли или внутренней, Гончаровъ не любилъ, и въ этомъ смыслѣ совершенно вѣрно мнѣніе тѣхъ (А. И. Незеленовъ), которые думаютъ, что въ Обломовѣ онъ отчасти изобразилъ себя самого. Но, при разсужденіи о нѣкоторыхъ вопросахъ, онъ обнаруживалъ иногда горячность и даже партійность.

Иванъ Александровичъ имѣлъ въ числѣ своихъ знакомыхъ двухъ министровъ народнаго просвѣщенія — графа Е. В. Путятина и А. В. Головнина. О чемъ же приличнѣе было разсуждать съ такимъ человѣкомъ учителю словесности, какъ не объ образованіи, его методахъ и постановкѣ? Такимъ образомъ, произошло, что въ одну изъ первыхъ по времени нашихъ совмѣстныхъ прогулокъ по небережной Невы и Лѣтнему саду я сталъ развивать предъ нимъ свои идеи о способѣ примиренія и соглашенія классицизма съ христіанствомъ чрезъ правильную постановку средняго и высшаго преподаванія древнихъ языковъ съ одной стороны, и обученія религіи съ другой. Въ самомъ дѣлѣ, не есть ли это аномалія, говорилъ я, что съ одной стороны, чрезъ изученіе древнихъ авторовъ, осваиваютъ молодыхъ людей съ древнимъ античнымъ міровоззрѣніемъ, съ доктринами и принципами язычества, и въ то же время думаютъ сдѣлать молодыхъ людей хорошими христіанами чрезъ два нѣдѣльныхъ урока катихизиса, преподаваемыхъ совмѣстно съ десяткомъ уроковъ древнихъ языковъ? Кто же не знаетъ, что эти двѣ доктрины — языческая и христіанская — до противоположности несходны между собою? Какъ укладываются обѣ онѣ въ головѣ юноши, особенно если онъ къ изученію той и другой доктрины относится съ одинаковымъ рвеніемъ и обѣ ихъ сумѣетъ выразумѣть и понять? Если конечная цѣль всякаго образованія — дать людямъ цѣльное и законченное міровоззрѣніе, то какъ достигается эта цѣль при совмѣстномъ изученіи классиковъ и евангелія?.. Объ этомъ предметѣ мнѣ приходилось довольно побесѣдовать и съ графомъ Путятинымъ, съ которымъ я былъ нѣкоторое время знакомъ; покойный министръ отвѣчалъ мнѣ, на выше изложенное мое недоразумѣніе, объясненіемъ, что въ учебныхъ книжкахъ гимназическихъ собраны лишь отрывки изъ классиковъ, отнюдь не содержащіе *міросозерцанія*, особенно тѣхъ сторонъ античнаго міросозерцанія, которыя стоятъ во враждебномъ отношеніи къ христіанству, что имѣется въ виду изученіе лишь *языковъ* древнихъ, а особенно — та гимнастика мысли, которая происходитъ при изученіи языковъ, гимнастика, столь плодотворная для формальнаго логическаго развитія учащихся. Гончаровъ, когда я, передавъ ему свой разговоръ съ Путятинымъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ близко, присоединилъ соображенія и о томъ, что въ видѣ рессурса для изученія религіи христіанской было бы полезно хоть часть авторовъ латинскихъ и греческихъ *языческихъ* замѣнить изученіемъ нѣкотораго числа авторовъ латинскихъ и греческихъ *христіанскихъ* (при чемъ христіанство изучалось бы въ первоисточникѣ), — отвѣчалъ приблизительно такъ:

— „Никакого міросозерцанія ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ, т.-е. ни въ гимназіяхъ ни въ университетахъ, не изучаютъ и не пріобрѣтаютъ: посѣщаютъ классы, учатся хорошо или худо, много или мало, — а всѣ почти и по окончаніи университета остаются безъ „міросозерцанія“. Нѣчто въ родѣ міросозерцанія, кой-какія правила, кой-какія понятія о предметахъ, не содержащихся непосредственно въ лекціяхъ и учебникахъ, пріобрѣтаются болѣе или менѣе внѣ учебныхъ занятій въ школѣ, изъ домашняго быта и изъ домашнихъ традицій, изъ среды, въ которой вращается юноша, наконецъ — изъ элементовъ самообразованія, которое, въ лучшихъ случаяхъ, идетъ объ руку съ школьными занятіями. Образовательное и воспитательное вліяніе школы на учащихся у насъ малозначительно; школа, средняя и высшая, сообщаетъ у насъ лишь аггрегатъ знаній, представляющихъ нерѣдко полный хаосъ. У насъ учащійся школѣ принадлежитъ всего меньше. Не то, что въ Англіи, гдѣ воспитанникъ, напримѣръ, Итонской школы все время своего воспитанія и образованія — съ дѣтства до самой поздней юности, — принадлежитъ ей одной всецѣло и безраздѣльно, и никому больше; ею одною, образованіемъ, воспитаніемъ и обученіемъ въ ней организованными, вырабатывается весь строй понятій юноши и правилъ жизни, весь его характеръ, все то, что угодно вамъ называть міросозерцаніемъ. У насъ не то. У насъ учатся и въ гимназіяхъ и въ университетахъ, лишь для правъ, для аттестатовъ, пріобрѣтаютъ таковые безъ большого труда, нерѣдко не пользуясь ничьими другими услугами, какъ одного Савельича (давнишній знаменитый швейцаръ петербургскаго университета, занимавшійся, между прочимъ, продажей профессорскихъ литографированныхъ или писанныхъ лекцій, дарившихся ему, за ненадобностью, оканчивавшими курсъ). Считаю нужнымъ еще разъ замѣтить, что эти сужденія относятся къ прошлому, и можно сказать — къ далекому прошлому. Что касается введенія въ курсъ гимназическаго и университетскаго преподаванія греческихъ и латинскихъ писателей христіанскихъ, продолжалъ И. А., то этой мысли не чуждъ и графъ Путятинъ, — не даромъ его огласили „ханжей“. Въ печатныхъ документальныхъ и недокументальныхъ данныхъ о министерствѣ графа Путятина мнѣ, впрочемъ, не случалось встрѣчать подобнаго указанія на его понятія о значеніи христіанскихъ писателей — латинскихъ и греческихъ — для христіанскаго воспитанія учащагося юношества; въ бесѣдахъ своихъ съ графомъ мнѣ также не случалось слышать отъ него что-либо по этому предмету“.

Съ Путятинымъ Гончаровъ, сколько мнѣ извѣстно, былъ очень близокъ и друженъ. Этимъ, можетъ быть, объясняется его всегдашняя любовь ко всему англійскому. Графиня, женщина высокообразованная, была природная англичанка, и самъ графъ долго жилъ въ Англіи. Въ этомъ прекрасномъ семействѣ Гончаровъ и пріобрѣлъ, вѣроятно, свое нѣкоторое англофильство. Путятинъ въ пристрастіи къ англійскому складу общественной и частной жизни уступалъ развѣ одному графу Владимиру Петровичу Орлову-Давыдову, воспитаннику Оксфорд-

скаго (или Кембржидскаго) университета, учредителю громадной преміи за сочиненіе объ устройствѣ русскаго крупнаго землевладѣнія на англійскій манеръ, которая, впрочемъ, доселѣ еще никому не присуждена, за непоявленіемъ сочиненія.

Гончаровъ имѣлъ — въ цвѣтущую пору своей литературной дѣятельности и, особенно, по возвращеніи изъ кругосвѣтнаго плаванія — очень много знакомствъ въ высшемъ свѣтскомъ обществѣ и въ 1870 — 1875 годахъ, по вечерамъ, рѣдко сиживалъ дома. Но близкаго кружка друзей, которые собирались бы у него и въ обществѣ которыхъ онъ могъ бы, какъ говорится, отводить душу, у него, можно сказать, почти не было, насколько мнѣ извѣстно. Меня всегда удивляло, что среди литературнаго міра эта крупная литературная сила стояла какъ-то обособленно, какъ будто въ несовсѣмъ добровольномъ отдаленіи. Кромѣ М. М. Стасюлевича, который сблизился съ нимъ, сколько помню, послѣ того, какъ въ его журналѣ былъ напечатанъ „Обрывъ“, я не знаю ни одного литератора или ученаго, который былъ бы съ нимъ даже просто въ пріятельскихъ отношеніяхъ. На литературныхъ вечерахъ въ пользу кого-либо, бывшихъ въ такой модѣ въ недавнее еще время, его совсѣмъ не было видно ни въ роли чтеца своихъ произведеній ни даже въ качествѣ простого посѣтителя. За все время моего знакомства съ нимъ мнѣ удалось видѣть его лишь на одномъ литературномъ вечерѣ, гдѣ покойный графъ А. К. Толстой читалъ какое-то изъ своихъ драматическихъ произведеній. Аристократическіе знакомые Гончарова принимали его у себя, дѣлали ему утренніе визиты; но жилъ онъ одинокимъ, почти анахоретомъ, въ довольно скучной обстановкѣ, все время въ одной и той же сумрачной квартирѣ на Моховой, во дворѣ, въ первомъ этажѣ, въ которую не проникало солнце. Этимъ его положеніемъ — кто мѣшалъ ему измѣнить его къ лучшему, если устранить предположеніе, что ему самому присуща была обломовская неподвижность — мнѣ кажется слѣдуетъ исключительно объяснять и относительную скудость его литературной производительности и то, большею частію, сумрачное настроеніе духа, какое въ немъ мною замѣчалось... Были, впрочемъ, газетные антрепренеры, которые даже спекулировали его именемъ въ объявленіяхъ о своихъ литературныхъ предпріятіяхъ. Помню, какъ еще въ 1855 году, когда появлялась такая масса юмористическихъ листковъ, иногда очень глупыхъ, въ объявленіи объ одномъ изъ нихъ, называвшемся „Весельчакъ“, издатель, хвастая своими литературными силами, разсказывалъ, какъ онъ посѣщалъ разныхъ литературныхъ знаменитостей, приглашая ихъ къ сотрудничеству, и какъ онъ явился, наконецъ; къ „самому“ Гончарову съ тѣмъ же предложеніемъ и какъ тотъ далъ ему свое согласіе съ особеннымъ удовольствіемъ. Когда, позже, спросилъ я объ этомъ Ивана Александровича, онъ отвѣчалъ, что ни о редакторѣ ни о журналѣ его, онъ даже не слыхивалъ. Такова была безцеремонность газетныхъ антрепренеровъ въ недавнее время!

По своимъ убѣжденіямъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, Иванъ Александровичъ былъ скорѣе космополитъ, чѣмъ патріотъ.

— „Народъ нашъ приходится больше жалѣть, чѣмъ любить“,— были его слова. — „Въ цѣломъ мірѣ на всемъ пространствѣ исторіи трудно указать другой примѣръ, гдѣ бы было большее разстояніе между простымъ народомъ и культурными классами“.

Когда я ему говорилъ, что образованные классы поймутъ же, наконецъ, и свои собственные интересы и свои общественныя и государственныя обязанности настолько, чтобы позаботиться стать поближе къ своему кормильцу народу, для котораго они, съ своей стороны, должны быть пѣстунами, притти на помощь къ этимъ „свободнымъ“ младенцамъ, неумѣющимъ еще стать на ноги, — позаботиться о свободномъ добровольномъ личномъ содѣйствіи всѣхъ и каждаго изъ образованныхъ людей его духовному просвѣтленію и матеріальной культурѣ, по примѣру образованныхъ культурныхъ классовъ Западной Европы, Гончаровъ отвѣчалъ:

— „Богъ вѣсть! Въ Западной Европѣ культурные классы не владѣли нашимъ крѣпостнымъ правомъ“.

Я сослался на примѣръ Англіи, гдѣ наиболѣе господствуетъ аристократизмъ, и гдѣ, однако же, самыя высокопоставленные леди и джентльмены не спесивятся, хотя иногда и въ видѣ развлеченія, посѣщать коттеджи крестьянъ для того, чтобы оказать поселянамъ помощь въ устройствѣ быта не только словомъ и совѣтомъ, но и дѣломъ, матеріальною помощію, заботами о крестьянскихъ дѣтяхъ и ихъ воспитаніи, лѣченіемъ больныхъ и т. д., онъ опять отвѣчалъ:

— „Англійскіе лэди и джентльмены не были нашими помѣщиками и не теряли крѣпостныхъ“.

Бывъ, если не ошибаюсь, однимъ изъ близкихъ знакомыхъ покойнаго А. В. Головнина, Гончаровъ высказывалъ горячее сочувствіе стремленію этого министра нѣсколько форсировать способы народнаго образованія. Онъ сочувствовалъ Вороновскому проекту обязательнаго обученія и горячо высказывался за сообщеніе народу возможно большаго количества реальныхъ и техническихъ знаній, столь необходимыхъ для сколько-нибудь сноснаго внѣшняго его существованія. Затѣмъ западничество свое Гончаровъ выражалъ и въ томъ, что желая „отдохнуть отъ зимняго бездѣлья“, какъ онъ выражался, въ дачномъ времяпровожденіи, онъ любилъ посѣщать Балтійское побережье — Ревель, Меррекюль, Дуббельнъ и другія тамошнія дачныя мѣста; нѣсколько разъ, если не ошибаюсь, уже послѣ своего кругосвѣтнаго путешествія, онъ ѣздилъ и за границу.

— „Тамъ порядки лучше, спокойнѣе и свободнѣе живется, — не то что у насъ, гдѣ всякій норовитъ запустить свою грязную лапу не только въ твою домашнюю обстановку, но и въ твою душу, въ твой внутренній міръ“.

Это были его подлинныя слова.

О литературѣ и о писателяхъ Гончаровъ разсуждалъ со мною мало и какъ-то неохотно, какъ ни старался я каждый разъ сводить

бесѣду на этотъ предметъ, — словно это для него было дѣло стороннее, словно самъ онъ не былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей этой литературы, словно онъ писалъ свои произведенія такъ сказать лишь pro domo sua, для удовлетворенія лишь своей личной потребности, вовсе не имѣя въ виду удовлетворенія умственныхъ и эстетическихъ интересовъ общества. Послѣ этихъ разговоровъ мнѣ всегда казалось, что онъ по своей, конечно, доброй волѣ стоитъ особнякомъ и изолированно отъ всего литературнаго міра. Нѣкоторыхъ нашихъ писателей, напримѣръ, Некрасова, казалось мнѣ, онъ прямо не долюбливалъ, о Тургеневѣ высказываться отказывался, критику Бѣлинскаго уважалъ, Л. Толстого любилъ, повидимому, больше другихъ писателей и рекомендовалъ мнѣ для классныхъ занятій въ гимназіи эпизоды изъ его „Дѣтства и отрочества“. О Достоевскомъ говорилъ, что онъ мало обработываетъ свои сочиненія съ внѣшней стороны, почему въ нихъ мало внѣшней художественности, что онъ слишкомъ спѣшно пишетъ, словно по заказу (изъ позднѣйшихъ писемъ самого Достоевскаго видно, что дѣйствительно такъ и было на самомъ дѣлѣ). Высокаго достоинства идей и идеаловъ Достоевскаго Гончаровъ не отрицалъ, — но, по его словамъ, это „совсѣмъ другого характера писатель“, чѣмъ онъ, Гончаровъ. Объ Островскомъ Гончаровъ говорилъ, что каждое новое его произведеніе прочитываетъ немедленно, какъ только оно появится, и ждетъ его комедій съ нетерпѣніемъ. То, о чемъ говорилъ Гончаровъ съ негодованіемъ и почти отвращеніемъ, это — автобіографическіе разсказы авторовъ, разныя воспоминанія ихъ о своемъ дѣтствѣ и прошломъ. Я возражалъ, что автобіографіи авторовъ помогаютъ пониманію ихъ твореній, выясняя личный субъективный элементъ въ нихъ и вообще процессъ ихъ творчества. Гончаровъ съ этимъ почти не соглашался и цитировалъ извѣстные стихи Пушкина:

„Пока не требуетъ поэта
„Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
. . . . . .
„Молчитъ его святая лира,
„Душа внушаетъ хладный сонъ.
„И межъ сыновъ ничтожныхъ міра
„Быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ“.

— „Частная, обыденная жизнь писателя, даже генія, говорилъ онъ, зависитъ отъ его матеріальнаго достатка и часто бываетъ до того бѣдна и низменна по своей обстановкѣ, что его въ ней и узнать бываетъ трудно, какъ автора извѣстныхъ идей, носителя тѣхъ или другихъ идеаловъ. Творчество художника хотя количественно и находится въ зависимости отъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ условій его внѣшняго быта, но возникаетъ и развивается болѣе или менѣе внѣ воздѣйствія этихъ условій“.

Стихи Пушкина, вышеприведенные, Гончаровъ съ шутливымъ добродушіемъ примѣнялъ къ себѣ, когда, послѣ „Обрыва“, насталъ

долгій періодъ полнаго бездѣйствія его вдохновенія. Онъ ужасно тяготился этимъ бездѣйствіемъ, приписывалъ его упадку своихъ духовныхъ силъ. „Не могу писать, потому что ничего нѣтъ въ головѣ“, говорилъ онъ смиренно не мнѣ одному, когда его спрашивали, скоро ли появится какой-либо его новый романъ. Не столько по своей доброй волѣ, сколько, повидимому, по настоянію другихъ, смущавшихся и недоумѣвавшихъ при видѣ его полнаго бездѣйствія въ то время, когда онъ далеко еще не былъ старъ, онъ взялся за перо и написалъ „Милліонъ терзаній“. Получивъ отъ него экземпляръ этой статьи почти одновременно съ книжкой „Вѣстника Европы“, въ которой статья эта была напечатана, я вскорѣ встрѣтился съ нимъ на улицѣ. Подойдя вмѣстѣ совершать свой обычный туръ — по набережной Невы до Главнаго Штаба и обратно, я нашелъ его въ веселомъ и бодромъ настроеніи духа. Начавъ снова писать, онъ видимо ободрился и былъ доволенъ собой, говорилъ, что, можетъ быть, напишетъ еще нѣсколько подобныхъ этюдовъ — не о новѣйшихъ писателяхъ, изъ которыхъ многихъ онъ, какъ признавался, даже вовсе не читалъ, а о тѣхъ, которыхъ читалъ и изучалъ еще въ молодости, которыхъ переживалъ въ періодъ полной энергіи своихъ художественныхъ силъ, какихъ именно — не сказалъ. Позже, когда я сталъ встрѣчаться съ нимъ рѣже, и наши бесѣды были менѣе продолжительны, а особенно когда, по причинѣ болѣзни глазъ, онъ долженъ былъ надѣть особаго рода окуляры, быстро исхудалъ до неузнаваемости и до того, что могъ ходить лишь въ сопровожденіи „няньки“, какъ онъ называлъ водившую его подъ руку даму, когда прогулки его не простирались далѣе Моховой и части Литейной, я, встрѣчаясь съ нимъ, имѣлъ нескромность иногда спросить о предположенныхъ имъ этюдахъ... Появились его воспоминанія о лакеяхъ и объ Иркутскѣ, архіерея котораго, впослѣдствіи митрополита московскаго, Иннокентія, подъ конецъ жизни подобно ему потерявшаго глаза, онъ особенно хвалилъ за его пастырскія и общечеловѣческія добродѣтели.

Настоящая статья была уже набрана и прислана мнѣ для корректуры, когда я, по поводу фельетона „Жителя“ въ „Новомъ Времени“, вспомнилъ, что написавъ ее, совершилъ актъ „нарушенія воли“ знаменитаго писателя, о которой, признаюсь, совершенно забылъ, когда, руководясь самыми лучшими чувствами, которыя питалъ всегда неизмѣнно къ нашему славному романисту, я рѣшился изложить свои воспоминанія о немъ. Подумавъ, я, однако, пришелъ къ тому убѣжденію, что мое настоящее воспоминаніе не составляетъ дѣла нехорошаго...

Запрещеніе великаго человѣка говорить о немъ въ печати даже послѣ его смерти, говорить одно хорошее, одну правду, составляетъ, по моему мнѣнію, симптомъ „болѣзни воли“, ничѣмъ неоправдываемый капризъ, совершенно однородный съ тѣмъ патологическимъ душевнымъ состояніемъ, которое привело Гоголя, къ сожженію второй половины „Мертвыхъ душъ“. Если Гоголя, какъ я думаю, за это „лишеніе

жизни“ своего лучшаго дѣтища слѣдовало судить — духовнымъ общественнымъ судомъ, тѣмъ судомъ, какимъ судили и (по моему мнѣнію — несправедливо) осудили его за „Переписку съ друзьями“,—и, по меньшей мѣрѣ — послать его на эпитимію хоть къ отцу Матвѣю, то „воля Гончарова о томъ, чтобы о немъ никто не смѣлъ ничего сказать въ печати послѣ его смерти (если дѣйствительно такова была его предсмертная воля) по меньшей мѣрѣ, не должна быть приводима въ исполненіе... Когда человѣкъ хочетъ совершить самоубійство (физическое), можно ли не „нарушить его воли“ и не слѣдуетъ ли помѣшать, по возможности, исполнить ее? А что такое, если не самоубійство — въ духовномъ смыслѣ — требованіе знаменитаго писателя, чтобы вмѣстѣ съ его физическою смертью, онъ умеръ для насъ и духовно, чтобы послѣ его смерти всѣ непремѣнно забыли его свѣтлый и симпатичный образъ и отнюдь не желали воскресить его въ своихъ воспоминаніяхъ? По какому праву человѣкъ, умирая физически не по своей волѣ (по закону природы), своею волею хочетъ умертвить себя духовно?

Говорить о личности писателя, о его интимной жизни и внутреннемъ мірѣ, противъ его желанія при его жизни, пожалуй, дѣйствительно, предосудительно, потому что это походило бы на шантажъ. Но послѣ его смерти, его личность во всемъ ея объемѣ составляетъ такое же общественное достояніе, какъ и его сочиненія,—потому-что узнать его внутренній міръ, черты его жизни и характера, поучительно для всѣхъ и необходимо для полнѣйшаго уразумѣнія его твореній, что составляетъ, по моему мнѣнію, непререкаемое право общества. Бывъ членомъ общества, которому сознательно служилъ литературною дѣятельностію, пользовавшись правами члена общества, онъ долженъ нести на себѣ и обязанности члена общества, которыя для писателя, между прочимъ, состоятъ и въ томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, послѣ смерти дать узнать себя и свой внутренній міръ возможно полно и всесторонне, потому что, повторяю, и жизнь геніальнаго человѣка поучительна иногда не мѣнѣе, чѣмъ его творенія. Для того, чтобы изобразить столь геніально людей, хорошихъ и дурныхъ, какъ это сдѣлано Гончаровымъ въ его сочиненіяхъ, онъ наблюдалъ и изучалъ ихъ, безъ ихъ вѣдома, и, можетъ быть, противъ ихъ желанія, и никто ему въ томъ не препятствовалъ, по той простой причинѣ, что таковы условія общественности, неустранимыя и неизмѣнныя: живя среди людей, нельзя не видѣть и не узнать ихъ, ровно какъ нельзя никоимъ образомъ уклониться отъ наблюденія и изученія себя другими, — для этого необходимо было бы удалиться въ добровольное одиночное заключеніе, или затвориться въ „столпѣ“, по примѣру древнихъ аскетовъ. И покойный Иванъ Александровичъ, когда жилъ среди общества, не дѣлалъ изъ своей личности тайны ни для кого изъ тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался, а потому не могъ и отнимать права знать какъ его личность, такъ и его міросозерцаніе, и общество, по моему мнѣнію, имѣетъ неоспоримое и неотъемлемое право отъ лицъ, его знавшихъ, ознакомиться съ его внутреннимъ міромъ и внѣшнею жизнію

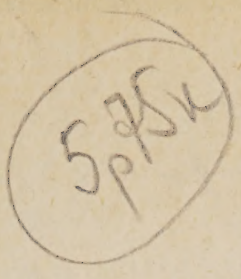
своего нравоописателя, послѣ его смерти... Наконецъ забыть того, кого любишь и уважаешь — а кто не любилъ и не уважалъ Гончарова изъ читавшихъ его сочиненія? — силъ свыше человѣческихъ, и чѣмъ больше кого любишь и чтишь, тѣмъ большее желаніе узнать о немъ возможно больше, даже не одно только хорошее. Всякій знаетъ, что и писатель — человѣкъ, и ничто человѣческое ему не чуждо.

De mortuis aut bene, aut nihil, — говорили древніе. Но, во-первыхъ, это говорилось не о великихъ людяхъ, а о людяхъ вообще, это было мѣстное правило общежитія, а не органическій законъ изъ кодекса узаконенныхъ естественнымъ, гражданскимъ и государственнымъ правомъ народовъ способовъ духовно-нравственняго развитія человѣчества. Во-вторыхъ, этимъ правиломъ предписывалось говорить одно хорошее объ умершемъ, но отнюдь не запрещалось говорить о немъ вовсе... Но есть и другое изреченіе на этотъ предметъ, принадлежащее одному изъ великихъ отечественныхъ предшественниковъ Гончарова:

За слова меня пусть гложетъ
За дѣла — историкъ — чтитъ...

И это желаніе, позволяющее еще при жизни писателя не только „чтить“ его, но и „глодать“, если онъ того заслуживаетъ, мнѣ кажется, гораздо естественнѣе и разумнѣе со стороны писателя. „Глодать“ Гончарова, мнѣ кажется, не придетъ на мысль самому злому его зоилу, потому что не за что, но чтить его за слова и за дѣла — слова писателя суть также его дѣла — да будетъ позволено.

Конечно, Гончаровъ, подобно Горацію, Державину и Пушкину, могъ сказать о себѣ: „Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный... Нѣтъ, весь я не умру“ — такъ какъ его сочиненія, безъ всякаго сомнѣнія, навсегда останутся въ числѣ классическихъ произведеній нашей литературы. Но, съ другой стороны, слѣдуетъ помнить, что не одно печатно сказанное слово писателя составляетъ служеніе его обществу, не то только одно, что написано имъ въ книгѣ, составляетъ его умственное богатство, долженствующее сдѣлаться достояніемъ общества и цѣлаго человѣчества. Нерѣдко и даже очень часто, мысли, выраженныя лишь изустно, которыхъ писатель не хотѣлъ, не успѣлъ или почему-либо не могъ изложить печатно, имѣютъ гораздо большее значеніе и достоинство, чѣмъ его печатныя произведенія. Какъ не повѣдать міру этихъ рѣчей тому, кто ихъ слышалъ и вѣрно сохранилъ въ памяти? Говоря это, я, конечно, имѣю въ виду не то „нѣчто“, что сообщаю о Гончаровѣ въ своемъ „воспоминаніи“... Въ самомъ дѣлѣ какого колоссальнаго умственнаго богатства лишилось бы человѣчество, если бы не существовало накоплявшейся вѣками массы біографическихъ матеріаловъ, изысканій, мемуаровъ, воспоминаній о великихъ людяхъ, появившихся уже послѣ ихъ смерти! Шекспиръ, Шиллеръ, Гете, Байронъ, Гейне и т. д., наши Пушкинъ, Лермонтовъ и т. д. не болѣе ли сдѣлались извѣстными міру — въ своемъ міросозерцаніи, въ своей внутренней и внѣшней жизни — послѣ ихъ смерти, нежели насколько ихъ знали при жизни по ихъ сочиненіямъ?

Барсовъ.

2=
362533/118